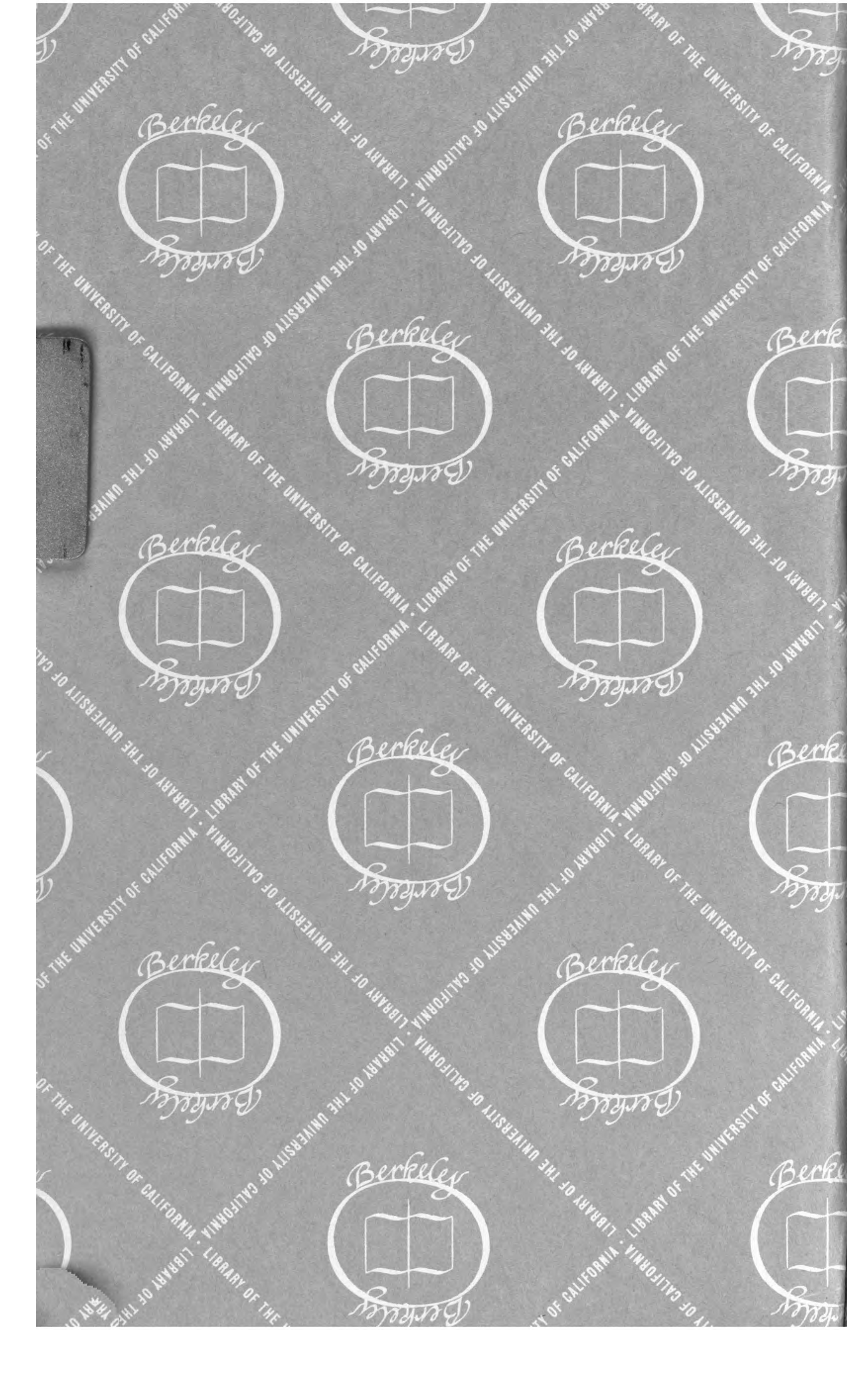
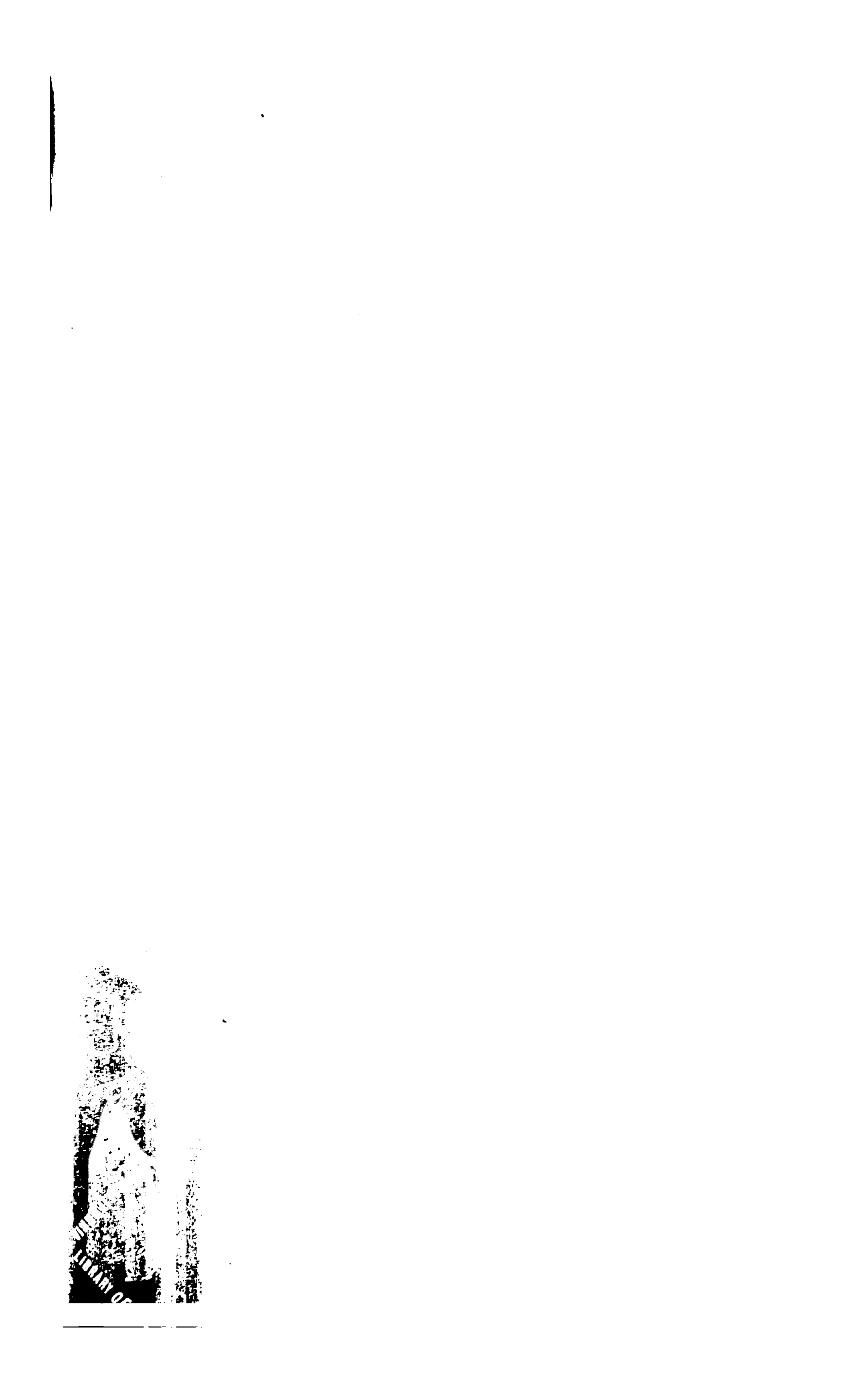
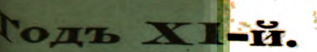

Berkeley
LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA





№ 12-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ДЕКАБРЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
...рафія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ XI-й. № 12-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ДЕКАБРЬ

1902 г.

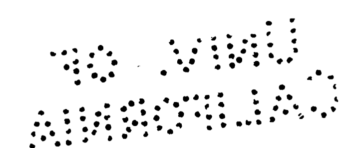
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го ноября 1902 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го ноября 1902 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

(Опытъ литературной характеристики).

Четверть вѣка тому назадъ,—30-го декабря 1877 года, въ Петербургѣ хоронили литератора.

Литераторомъ этимъ былъ Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

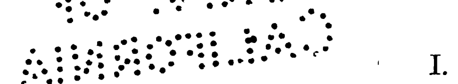
Безъ предварительнаго сговора, безъ какой бы то ни было организаціи, къ гробу почившаго, несмотря на трескучій морозъ, свирѣпствовавшій въ этотъ день въ Петербургѣ, собралась огромная, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, толпа, преимущественно молодежь, которая и проводила прахъ поэта къ мѣсту его послѣдняго упокоенія—въ Новодѣвичій монастырь. Процессія выноса началась въ 9 часовъ утра, а разошлись съ кладбища уже въ сумерки. Въ лицѣ почившаго общество теряло дѣйствительно «большого человѣка въ русской литературѣ», какъ не разъ говорилъ о Некрасовѣ его тоже «большой» современникъ и многолѣтній сотрудникъ М. Е. Салтыковъ. Оцѣнка литературныхъ и общественныхъ заслугъ Некрасова была сдѣлана непосредственно за его смертью. Быть можетъ, она страдаетъ нѣкоторой неполнотой, но во всякомъ случаѣ значеніе Некрасова было схвачено, такъ сказать, въ самомъ выпукломъ моментѣ его литературной дѣятельности, и оно прочно утвердилось въ сознаніи русскаго общества...

Далеко не такъ разрѣшенъ былъ здѣсь вопросъ объ эстетической оцѣнкѣ поэта. Собственно говоря, никто изъ ораторовъ, кажется, вопроса объ эстетической оцѣнкѣ поэта не ставилъ и не разрѣшалъ, а вышло это какъ-то вдругъ, само собой,—какъ будто почитатели Некрасова считали себя не вправѣ разойтись, пока не будетъ выясненъ и этотъ вопросъ. Эстетическій споръ вспыхнулъ неожиданно во время рѣчи Достоевскаго, прервавъ ее въ тотъ моментъ, когда писатель, остановившись на мысли объ исторической преемственности поэтовъ, вносившихъ въ литературу свое «новое слово», отвелъ Некрасову мѣсто *вслѣдъ* за Пушкинымъ и Лермонтовымъ. «Некрасовъ *выше* Пушкина и Лермонтова», крикнулъ кто-то изъ стоявшихъ возлѣ оратора. «Да, выше!» подхватили голоса молодыхъ энтузіастовъ, окружавшихъ могилу. «Да, выше!»—«Нѣтъ, ниже!» раздалось вслѣдъ за тѣмъ и за

стѣнами кладбища, на страницахъ литературныхъ органовъ, и долго съ той поры самое имя Некрасова произносилось не иначе, какъ только въ пылу разгорѣвшихся страстей или по меньшей мѣрѣ искусственно подогрѣтаго полемическаго задора. О Некрасовѣ уже не писали, а сражались кто за, кто противъ него, причемъ въ воинственномъ азартѣ и съ той, и съ другой стороны въ обиходъ пускался цѣлый рядъ рѣзкихъ и преувеличенныхъ показаній, которыми особенно не стѣсняла себя сторона, враждебно настроенная къ «музѣ мести и печали».

Строго говоря, это страстное отношеніе къ Некрасову создалось и даже установилось еще при жизни поэта; если же мы пріурочили начало некрасовской борьбы къ похоронному эпизоду, то сдѣлали мы это потому, во-первыхъ, что выяснившіеся здѣсь размѣры энтузіазма, съ какимъ относилось къ поэту молодое поколѣніе, раздули литературный споръ до степени огромнаго пожара, и, во-вторыхъ, потому, что смерть поэта поставила спорящихъ друзей и враговъ его внѣ всякихъ условныхъ границъ.

Проходили годы, и все примиряющее время постепенно вытравляло изъ настроенія читателей тѣ элементы увлеченія и злобы, которые такъ долго мѣшали спокойной и безпристрастной оцѣнкѣ литературной дѣятельности Некрасова. Однако едва ли и сейчасъ еще время закончило свою умиротворяющую работу по отношенію къ Некрасову настолько, чтобы подъ ней можно было съ увѣренностью поставить точку и сказать: а теперь, гг. историки литературы, очередь за вами,—приходите и дайте намъ всестороннюю, объективную оцѣнку поэта, такую оцѣнку, которая, удовлетворяя однихъ, не вызвала бы зубовнаго скрежета у другихъ. Нѣтъ, пора для такой оцѣнки Некрасова еще не наступила... Что же касается собственно нашей задачи, то она проста и непритязательна: наша цѣль — напомнить о «большомъ человѣкѣ въ русской литературѣ» и, выяснивъ нашу точку зрѣнія, дать читателю опорный пунктъ для опредѣленія его собственнаго отношенія къ личности Некрасова и къ его литературной и общественной дѣятельности.



I.

Едва ли отыщется въ исторіи русской литературы другой такой случай полнаго поглощенія всей человѣческой жизни литературной работой, какой даетъ намъ біографія Некрасова. Въ его жизни «ученическіе годы» отсутствуютъ. Онъ не готовился къ литературѣ, а прямо окунулся въ нее, будучи 16-ти-лѣтнимъ юношей. «Праздникъ жизни— молодости годы—я убилъ подъ тяжестью труда», съ горечью вспоминаетъ позже поэтъ о юношескомъ періодѣ своей жизни. По его собственному признанію, онъ написалъ въ теченіе своей жизни болѣе 300 печатныхъ листовъ прозы, изъ которыхъ, конечно, значительная часть падаетъ на молодые годы, посвященные тяжелому подневольному ли-

тературному труду. Такимъ образомъ, даже свои ученическія тетради, въ которыхъ только начинала намѣчаться его неустановившаяся еще мысль, онъ цѣликомъ отдалъ литературѣ. Та же часть біографіи Некрасова, которая не соприкасается съ литературой, ограничивается лишь его дѣтскими и отроческими годами. Мы позволимъ себѣ остановить нѣсколько вниманіе читателя на этомъ періодѣ жизни Некрасова, такъ какъ здѣсь мы найдемъ уже готовыми тѣ основные элементы, изъ которыхъ сложился характеръ поэта, и которыми, пожалуй, опредѣлилась вся послѣдующая его судьба.

Н. А. Некрасовъ родился 22-го ноября 1821 года въ одномъ изъ мѣстечекъ Винницкаго уѣзда, гдѣ въ это время былъ расквартированъ полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ, Алексѣй Сергѣевичъ. Потомокъ когда-то богатой, но теперь разорившейся помѣщичьей семьи, Алексѣй Сергѣевичъ если и выдѣлялся изъ воспитавшей его среды, то развѣ только отрицательными своими качествами. Невѣжественный и грубый, деспотически расправлявшійся со всѣми, надъ кѣмъ простиралась его власть, онъ зналъ только чувственныя наслажденія. Вино, карты, охота, женщины—вотъ вся ограниченная область радостей и огорченій, до которыхъ онъ могъ подниматься въ часы и дни, свободные отъ обязанностей его несложной службы. Но онъ былъ красивъ, этотъ дикарь въ офицерскомъ мундирѣ, и внѣшностью своею, освѣщенной къ тому же огнемъ страстнаго темперамента, онъ производилъ на женщинъ неотразимое впечатлѣніе.

Во время одного изъ своихъ служебныхъ скитаній Алексѣй Сергѣевичъ познакомился съ семействомъ богатаго польскаго магната Закревскаго и тутъ же увлекся дочерью его Александрой Андреевной. Красивая и образованная польская барышня—аристократка, Александра Андреевна была во всѣхъ отношеніяхъ полной противоположностью русскому офицеру. Она была идеалисткой въ лучшемъ значеніи этого слова,—въ смыслѣ всегдашней готовности своей пренебречь реальными практическими условіями жизни, вслѣдствіе глубокой дѣйственной вѣры въ могущество и торжество высшихъ началъ нравственнаго порядка. Окруженная многочисленными поклонниками, равными ей по культурѣ и положенію, она остановила свой выборъ на новомъ и почти неизвѣстномъ ей искателѣ ея руки. Несмотря на рѣшительное сопротивленіе отца и мольбы матери, она тайкомъ покинула родительскій домъ и, навсегда отказавшись отъ всѣхъ своихъ дѣвичьихъ привязанностей и отъ привычнаго комфорта, ушла дѣлить скитальческую жизнь своего избранника. Вскорѣ выяснилось, что чувство, которое въ ней было глубокимъ и сильнымъ, оказалось простой вспышкой мимолетнаго чувственнаго увлеченія въ сердцѣ ея мужа. Началась драма, сдѣлавшаяся особенно тяжелою и мучительною, когда Алексѣй Сергѣевичъ вышелъ въ отставку и вмѣстѣ съ женой и дѣтьми переѣхалъ въ свое родовое помѣстье, въ сельцо Грѣшнево, Ярославской губерніи. Здѣсь именно со всею ужасающею

полнотою раскрылась непримиримая разница двухъ культуръ, характеровъ и настроеній, представителями которыхъ были мужъ и жена. Исполненная чувства долга, она и думать не позволяла себѣ о возможности разорвать брачный союзъ и уйти изъ-подъ непривѣтливаго крова; онъ, признававшій надъ собою только власть собственныхъ страстей и похоти, устраиваетъ тутъ же въ домѣ, на глазахъ жены и дѣтей, грязныя оргіи, въ которыхъ шумно и нагло прорывается наружу весь адъ крѣпостныхъ отношеній. Гордая аристократка, ревниво, даже въ такой подавляющей обстановкѣ, оберегающая достоинство своей человѣческой личности, она въ самыя трагическія минуты своей одинокой жизни не унизила себя обращеніемъ съ какою бы то ни было просьбой о помощи къ близкимъ ей людямъ; между тѣмъ Алексѣй Сергѣевичъ, повидимому, довольно легко поступался чувствомъ своей независимости и принялъ должность исправника...

Не удивительно, что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда поэтъ говоритъ объ отцѣ, въ тонѣ его каждый разъ слышатся гнѣвныя ноты мстителя за свое поруганное дѣтство, за всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ имъ. Передъ нами рисуется образъ «угрюмаго невѣжды», и этотъ «мрачный домъ»,

Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ...

Совсѣмъ иное отношеніе сохранилъ Некрасовъ въ своемъ сердцѣ къ матери, свѣтлый образъ которой неразрывно связанъ съ лучшими написанными поэтомъ страницами. И дѣйствительно, вліяніе ея на сына было тѣмъ болѣе громаднымъ, что пріемы ея непосредственнаго педагогическаго воздѣйствія на дѣтей тутъ же находили живое подтвержденіе во всемъ поведеніи ея высокой одухотворенной личности.

Та блѣдная рука, ласкавшая меня,
Когда у догоравшаго огня
Въ младенчествѣ я сиживалъ съ тобою,
Мнѣ въ сумерки мерещилась порою,
И голосъ твой мнѣ слышался впотьмахъ,
Исполненный мелодіи и ласки,
Которымъ ты мнѣ сказывала сказки
О рыцаряхъ, монахахъ, короляхъ.
Потомъ, когда читалъ я Данта и Шекспира,
Казалось, я встрѣчалъ знакомыя черты:
То образы изъ ихъ живого міра
Въ моемъ умѣ напечатлѣла ты.
И сталъ я понимать, гдѣ мысль твоя блуждала,
Гдѣ ты душой, страдалица, жила,
Когда кругомъ насилье ликовало,
И стая псовъ на псарнѣ завывала,
И вьюга въ окна била и мела!

Этотъ красивый и сильный отрывокъ, взятый нами изъ поэмы «Мать», поэтъ нѣсколько далѣе закрѣпляетъ слѣдующимъ обращеніемъ:

И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты—
О, мать моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!

Въ дополненіе къ этой краткой характеристикѣ семейныхъ отношеній, относящихся къ дѣтскимъ годамъ жизни Некрасова, напомнимъ еще одно любопытное показаніе, занесенное Ѳ. М. Достоевскимъ въ «Дневникъ писателя» (декабрь 1877 г.). Вспоминая о своей первой встрѣчѣ съ Некрасовымъ, относящейся къ 1845 г., Достоевскій говоритъ: «Тогда было между нами нѣсколько мгновеній, въ которыя, разъ навсегда, обрисовался предъ мною этотъ загадачный человѣкъ самою существенною и самой затаенною стороною своего духа. Это именно, какъ мнѣ разомъ почувствовалось тогда, было раненое въ самомъ началѣ жизни сердце, и эта-то *никогда не заживавшая* (курсивъ Достоевскаго) рана его и была началомъ и источникомъ всей страстной, страдальческой поэзіи его на всю потомъ жизнь. Онъ говорилъ мнѣ тогда со слезами о своемъ дѣтствѣ, о безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ домѣ, о своей матери—и то, какъ говорилъ онъ о своей матери, та сила умиленія, съ которою онъ вспоминалъ о ней, рождали уже и тогда предчувствіе, что если будетъ что-нибудь святое въ его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маякомъ, путевою звѣздой даже въ самыя темныя и роковыя мгновенія судьбы его, то ужъ, конечно, лишь одно это первоначальное дѣтское впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій вмѣстѣ, обнявшись, гдѣ-нибудь украдкой, чтобъ не видали (какъ разсказывалъ онъ мнѣ), съ мученицей матерью, съ существомъ, столь любившимъ его. Я думаю, что ни одна потомъ привязанность въ жизни его не могла бы такъ же, какъ эта, повліять и властительно подѣйствовать на его волю и на иныя темныя неудержимыя влеченія его духа, преслѣдовавшія его всю жизнь. А темные порывы духа сказывались уже и тогда»...

Достоевскій свидѣтельствуетъ, что онъ подглядѣлъ «*самую существенную, самую затаенную* сторону духа» Некрасова. Потомъ, много разъ встрѣчаясь съ Некрасовымъ, онъ видѣлъ передъ собою человѣка «замкнутаго, почти мнительнаго, осторожнаго, мало сообщительнаго». «Существенныхъ сторонъ своего духа» онъ уже не раскрывалъ передъ Достоевскимъ, а «темные порывы сказывались», или вѣрнѣе—долженъ былъ бы внести поправку авторъ «Дневника»—о нихъ много темнаго говорилось кругомъ. Во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ «загадочный»—таково общее впечатлѣніе, какое сложилось о

Некрасовѣ не только у Достоевскаго, но кажется, рѣшительно у всѣхъ, кто только останавливался на сложной, полной внутреннихъ противорѣчій, личности поэта.

II.

Намъ кажется, что вину этой «загадочности», какимъ-то общимъ мѣстомъ вошедшей чуть ли не во всѣ извѣстныя намъ характеристики поэта, надо искать въ томъ наслѣдствѣ, какое онъ получилъ отъ своихъ родителей. Стоявшіе на двухъ противоположныхъ полюсахъ этическаго отношенія къ міру, родители поэта, оба сильные и «упорные», передали своему сыну основныя черты своихъ различныхъ, чуждыхъ другъ другу характеровъ. И та непрерывная борьба, которая, какъ мы знаемъ, происходила въ семьѣ Некрасова, между отцомъ и матерью, продолжалась затѣмъ, еще въ болѣе острыхъ и тяжелыхъ формахъ, въ сынѣ. Природа съ безпощадною суровостью наказала неразумный союзъ родителей въ ихъ сынѣ, соединивъ въ немъ непримиримыя противорѣчія трезвой положительности съ пламенною, страстною жаждою подвига.

Въ этихъ противорѣчіяхъ—глубокая, потрясающая трагедія всей жизни поэта. «Конечно,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Головачева-Панаева—многіе завидовали Некрасову, что у подъѣзда, его квартиры по вечерамъ стояли блестящіе экипажи очень важныхъ особъ; его ужинами восхищались богачи-гастрономы; самъ Некрасовъ бросалъ тысячи на свои прихоти; выписывалъ изъ Англіи ружья и охотничьихъ собакъ; но если бы кто-нибудь видѣлъ, какъ онъ по двое сутокъ лежалъ у себя въ кабинетѣ въ страшной хандрѣ, твердя въ нервномъ раздраженіи, что ему все опротивѣло въ жизни, а главное—онъ самъ себѣ противенъ, то, конечно, не позавидовали бы ему...» *).

Въ приведенномъ отрывкѣ страданія Некрасова очерчены лишь съ внѣшней, видимой ихъ стороны. Когда же мы пытались заглянуть въ глубину души поэта и освѣтить для себя происходившіе въ ней процессы внутренней междуусобицы, мысль наша каждый разъ невольно переносилась въ лечебницу, гдѣ протекали первые годы тяжелой душевной болѣзни Гл. И. Успенского. «Съ самаго (Гл. Успенскаго) заболѣванія и до сихъ поръ—писалъ въ своемъ дневникѣ въ 1892 г. докторъ Синани *)—въ его сознаніи идетъ борьба между двумя началами: началомъ справедливости и началомъ, не ясно выражаемымъ, но противоположнымъ первому». Ему казалось, что его *я* раздвояется, и двѣ личности вступаютъ въ ожесточенную борьбу другъ съ другомъ.

---

*) «Русскіе писатели и артисты». Спб. 1890 г., стр. 224.

**) Дневникъ д-ра Синани воспроизведенъ въ статьѣ Н. К. Михайловскаго: «Литература и жизнь». «Русск. Богатство», 1902 г., кн. IV.

Первая личность—это *«Глѣбъ»*, наслѣдовавшій отъ матери лучшія стороны человѣческой природы, вторая личность—это «Глѣбъ *Ивановичъ»*, или просто *«Ивановичъ»*, заимствовавшій отъ отца всѣ несимпатичныя проявленія его характера. Глѣбъ и Ивановичъ вели въ больномъ сознаніи Успенскаго неустанную и жестокую борьбу за преобладаніе, борьбу, въ которую уходили всѣ и безъ того уже надломленныя силы больного писателя. Страшная картина внутренней междуусобицы! Но если здѣсь [потрясающее впечатлѣніе картины въ значительной мѣрѣ сглаживается сознаніемъ, что рѣчь идетъ о бредовыхъ явленіяхъ, происходившихъ въ мозгу психически-больного, то аналогичная картина душевныхъ мукъ здороваго человѣка не можетъ быть смягчена никакими посторонними соображеніями. А что приблизительно такая именно борьба между раздвоившейся личностью поэта поглощала его здоровое сознаніе, на это имѣются весьма опредѣленныя указанія какъ его самого, такъ и его современниковъ. Даже распредѣленіе ролей въ междуусобной борьбѣ Некрасова съ самимъ собою было какъ разъ такое, какимъ оно дано въ галлюцинаціяхъ Успенскаго. Сынъ своей матери *Николай* Некрасовъ, одушевленный пламеннымъ и искреннимъ желаніемъ «наполнить жизнь борьбою за идеалъ добра и красоты», долженъ былъ тратить массу энергіи и силъ, чтобы оградить созданный имъ міръ идеала отъ вторженія въ него Николая *Алексѣевича*, сына своего отца, придававшаго несоотвѣтственную цѣнность земнымъ благамъ. Это былъ *Николай* Некрасовъ, который стремился «идти къ униженнымъ, идти къ обиженнымъ, быть первымъ тамъ». Это былъ Николай *Алексѣевичъ*, который въ горькую минуту тяжелыхъ лишеній далъ себѣ клятву «не умереть на чердакѣ», который, сознательно подавляя свои идеальныя стремленія,—по собственному его признанію,—развивалъ въ себѣ «практическую жилку».

Въ сущности, никакой видимой крупной побѣды *Алексѣевичъ* надъ *Николаемъ* не одержалъ. По свидѣтельству Г. З. Елисѣева, который хорошо зналъ поэта и къ показаніямъ котораго мы можемъ отнестись съ безусловнымъ довѣріемъ, «Некрасовъ былъ человѣкъ средняго нравственнаго уровня, какъ всѣ тѣ, съ которыми онъ жилъ и вращался въ литературной средѣ, и если онъ былъ не лучше другихъ, то ни въ какомъ случаѣ не хуже» *). Но самъ Некрасовъ предъявлялъ къ себѣ неизмѣримо болѣе высокія требованія и, чувствуя себя не въ силахъ подняться до нихъ, переживалъ въ теченіе всей своей жизни минуты, часы и дни мучительнаго разлада, который разрѣшался затѣмъ такъ характерными для Некрасова покаянными нотами. Онъ былъ буквально мученикомъ покаяннаго настроенія, которое завладѣвало имъ при всякомъ подходящемъ и даже совсѣмъ неподходящемъ слу-

*) «Некрасовъ и Салтыковъ» (Изъ посмертныхъ бумагъ Г. З. Елисѣева). «Русское Богатство» 1893 г., кн. 9.

чаѣ. Н. К. Михайловскій разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о встрѣчѣ съ Некрасовымъ въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» послѣ того, какъ появилась (въ 1869 г.) брошюра Антоновича и Жуковскаго «Матеріалы для характеристики современной литературы», гдѣ авторы, бывшіе сотрудники и товарищи Некрасова по «Современнику», бросали въ него цѣлый рядъ злыхъ обвиненій и ядовитыхъ намековъ. Это былъ тяжелый ударъ для неокрѣпшаго еще журнала, и каждый изъ соредакторовъ, также задѣтыхъ брошюрой, реагировалъ на общую всѣмъ обиду по своему. Елисѣевъ сидѣлъ молча, въ глубокой задумчивости, Салтыковъ рвалъ и металъ, направляя по адресу авторовъ брошюры совершенно нецензурные эпитеты, а Некрасовъ... «Тяжело было смотрѣть на этого человѣка,—разсказываетъ г. Михайловскій:—онъ, какъ-то странно заикаясь и запинаясь, пробовалъ что-то объяснить, что-то возразить на обвиненія брошюры и не могъ: не то онъ признавалъ справедливость обвиненій и каялся, не то имѣлъ многое возразить, но, по закоренѣлой привычкѣ таить все въ себѣ, не умѣлъ. Это просто невыносимое зрѣлище,—добавляетъ авторъ,—я видѣлъ еще разъ потомъ, въ трагической обстановкѣ предсмертныхъ разсчетовъ Некрасова съ жизнью»... *).

Въ другомъ мѣстѣ г. Михайловскій вспоминаетъ встрѣчу съ Некрасовымъ въ обстановкѣ и при условіяхъ, когда, казалось бы, мысль о покаяніи должна была бы оставить самаго лютаго грѣшника, но Некрасова она не оставляла никогда. Дѣло происходило въ 1873 г., верстахъ въ двухъ отъ Киссингена, у живописныхъ развалинъ древняго замка Боденлаубе. Авторъ воспоминаній и Некрасовъ сидѣли въ ресторанѣ и вели мирную бесѣду. Некрасовъ разговорился, разсказывалъ про Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова, отзываясь о нихъ почти восторженно. Затѣмъ рѣчь перешла на поэзію вообще, потомъ на поэзію Некрасова, и онъ «какъ-то вдругъ сталъ не то оправдываться, не то казнить себя...» Послышалась опять «та же затрудненная, смущенная, сбивчивая рѣчь человѣка, который хочетъ сказать очень много, но не можетъ»... **).

Некрасовъ ни мало не преувеличивалъ, когда писалъ:

Что враги? пусть клевещутъ язвительнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу,—
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу.

Было бы, конечно, странно, если бы эта «мучительная казнь», эта непрерывная борьба двухъ враждующихъ въ сердцѣ Некрасова началъ, не нашла себѣ соотвѣтствующаго отраженія въ его поэзіи. И

---

*) Н. К. Михайловскій. «Литературн. воспоминанія и современна смута», т. I. Спб. 1900 г., стр. 74.

**) Ibidem, стр. 83.

она нашла. То господствующее въ немъ настроеніе, которое онъ, «какъ-то странно заикаясь и запинаясь», никогда не могъ передать своимъ слушателямъ, онъ съумѣлъ сообщить своимъ читателямъ въ цѣломъ рядѣ трогательныхъ по искренности признаній, незабываемыхъ по силѣ и яркости картинъ. «Пѣснь покаянія» занимаетъ въ поэзіи Некрасова мѣсто, проглядѣть которое нельзя: она то появляется, варьируя свое содержаніе, въ формѣ самостоятельнаго цѣлаго, то вдругъ неожиданно вторгается въ другія пѣсни скорбными музыкальными аккордами. Отмѣтимъ здѣсь наиболѣе характерныя ея варіаціи.

Въ полномъ собраніи стихотвореній Некрасова мы находимъ первую «покаянную пѣснь», помѣченную 1847 годомъ. Вещь—безусловно слабая, но такъ какъ позже, на своемъ экземплярѣ этого стихотворенія, поэтъ сдѣлалъ отмѣтку: «искренне», то намъ тѣмъ болѣе не слѣдуетъ пропускать его безъ вниманія. Поэтъ пишетъ, что онъ «глубоко презираетъ себя» за то, что не съумѣлъ наполнить содержаніемъ свою жизнь; за то, «что потратилъ свой вѣкъ, никого не любя». Сожалѣніе объ этомъ намъ понятно; читатель могъ бы заразиться настроеніемъ поэта, проникнуться къ нему сочувствіемъ, какъ вдругъ тутъ же оказывается, что огорченіе поэта вызывается еще и тѣмъ, «что, доживши кой-какъ до тридцатой весны, не скопилъ онъ себѣ хоть богатой казны, чтобъ глупцы у его пресмыкалися ногъ, да и умникъ подчасъ позавидовать могъ».

Можно подумать, что въ тотъ моментъ, когда повѣрялъ бумагѣ свои завѣтныя думы *Николай* Некрасовъ, украдкой пробрался въ комнату Николай *Алексѣевичъ* и прибавилъ къ стихамъ поэта и свое доброе пожеланіе. Во всякомъ случаѣ это былъ періодъ, когда противоположныя начала, завѣщанныя Некрасову его родителями, не успѣли еще обнаружиться во всей силѣ ихъ непримиримой вражды и могли иногда мирно уживаться рядомъ *). Если это мирное сожительство было удобно для Некрасова, создавая для него условія временнаго душевнаго покоя, то муза его должна была страдать, лишаясь необходимаго единства настроенія и силы. Надобно оговориться однако, что такое сожительство было непродолжительно, а цитированное стихотвореніе остается единственнымъ въ своемъ родѣ.

Въ 1854 г. Некрасовъ съумѣлъ объектировать свое собственное покаянное настроеніе въ лицѣ «великаго грѣшника» Власа. Въ этомъ прекрасномъ стихотвореніи, о которомъ Достоевскій выражается даже—

---

*) Какъ разъ именно въ это время Некрасовымъ вмѣстѣ съ Головачевой-Панаевой написанъ большой романъ («Три страны свѣта»), герой котораго самымъ благодушнѣйшимъ образомъ совмѣщаетъ въ себѣ высокаго полета идеальные порывы съ упорнымъ стремленіемъ зашибить деньгу, путемъ «честной», разумѣется, наживы. Для характеристики настроенія Некрасова въ этотъ періодъ (сороковые года) сопоставленіе «Трехъ странъ свѣта» съ приведеннымъ выше стихотвореніемъ даетъ вполнѣ опредѣленное показаніе.

«великій Власъ», поэтъ раскрываетъ еще бодрое настроеніе и глубокое довѣріе къ духовной сторонѣ человѣческой природы.

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла,

говоритъ онъ о покаявшемся грѣшникѣ, и чувствуется, что при этомъ онъ имѣетъ въ виду и себя,—и себѣ намѣчаетъ онъ «дѣло Божіе», чтобы отдать ему всѣ свои силы. А между тѣмъ жизнь, съ ея «мелкими помыслами, мелкими страстями», властно притягивала поэта къ себѣ. Мысль о подвигѣ оставалась мечтою, красивою, манящею, но очень далекою и недоступною. Сколько разъ, увлекаемый ею, онъ падалъ, поднимался, «снова падалъ и вовсе упалъ». Разладъ, волнующій душу поэта, достигаетъ высшей точки своего напряженія и въ 1860 г. разряжается замѣчательной по искренности тона, по силѣ и красотѣ покаянной молитвой «Рыцарь на часъ». Со страшной силой проникновенія работающая мысль поэта дѣлаетъ его ясновидцемъ. Съ отчетливостью, недоступной въ нормальномъ, уравновѣшенномъ состояніи, онъ видитъ и показываетъ читателю и эту осеннюю морозную ночь, въ лунномъ свѣтѣ которой онъ различаетъ всѣ подробности ландшафта,

Отъ большихъ очертаній картины
До тончайшихъ сѣтей паутины,
Что какъ иней къ землѣ прилегли,

и свою собственную «угнетенную» душу. Несмотря на то, что это стихотвореніе носитъ на себѣ яркую печать субъективнаго происхожденія, что оно связано съ личными воспоминаніями поэта и представляетъ мольбу, обращенную имъ къ тѣни матери, олицетворяющей здѣсь то высокое, къ чему тщетно стремится поэтъ,—несмотря на все это, въ «Рыцарѣ на часъ» Некрасовъ, больше чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другихъ своихъ произведеніяхъ, овладѣлъ тою сокровенною тайной, которая освобождаетъ поэтическіе шедевры отъ условій времени и даетъ имъ право на вѣчность.

Начало 60-хъ годовъ, вызвавшихъ на Руси оживленную критическую и созидательную работу, совпало, разумѣется, и у Некрасова съ интенсивной творческой производительностью. Мрачная тѣнь отца теперь рѣже посѣщаетъ его, и въ 1863 г. онъ пишетъ стихотвореніе «Что думаетъ старуха, когда ей не спится», гдѣ онъ единственный разъ въ своей жизни позволяетъ себѣ взглянуть на покаянное настроеніе съ съ добродушной ироніей. Покаянная скорбь старухи, какъ помнитъ читатель, совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ прегрѣшеніямъ, которыя представляются ея встревоженному сознанію въ безсонную длинную ночь. «То-то я грѣшница! то-то преступница!» казнитъ себя старушка, но читателю кажется, какъ будто даже на ея сморщенномъ лицѣ онъ читаетъ лукавую и добродушную усмѣшку.

Спустя три года произошло событіе, которое опять надолго лишило поэта душевнаго покоя. Случилось такъ, какъ будто на поэтическое

поприще захотѣлось выступить Николаю *Алексѣевичу*: желая спасти «Современникъ», Некрасовъ въ 1866 году привѣтствовалъ на обѣдѣ въ англійскомъ клубѣ М. Н. Муравьева стихами, въ которыхъ совсѣмъ не было поэзіи, но было много грубой лести. «Современникъ» онъ этимъ не спасъ, а всю безтактность своей выходки понялъ и оцѣнилъ очень скоро. Въ этомъ же году имъ написано покаянное стихотвореніе «Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣніи вчерашній другъ, качая головой», а въ слѣдующемъ году онъ пишетъ отвѣтъ «неизвѣстному другу», приславшему ему стихотвореніе «Не можетъ быть» *). Здѣсь Некрасовъ, опять ссылаясь на «роковой гнетъ» своихъ дѣтскихъ лѣтъ, приноситъ публичное покаяніе въ своихъ грѣхахъ. Онъ кается въ томъ, что «жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ прикованный привычкой и средой, онъ къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ и для нея не жертвовалъ собой». Здѣсь же, оглядываясь на пройденный уже путь, Некрасовъ впервые, хотя и нерѣшительно, высказываетъ мысль, что на вѣсахъ правосудія, котораго онъ ждетъ отъ родины, должна же будетъ имѣть вѣсъ его поэтическая дѣятельность, къ которой его вдохновляла чистая безкорыстная любовь къ народу:

За каплю крови общую съ народомъ
Мои вины, о, родина, прости!

Съ годами, разумѣется, мысль о самостоятельной цѣнности произведенной имъ поэтической работы укрѣплялась въ Некрасовѣ, и пройдя длинный путь отъ «великаго грѣшника» Власа до «великаго грѣшника» Кудеяра («Кому на Руси жить хорошо»), поэтъ въ 1877 г. закончилъ свои покаянныя муки, а вмѣстѣ съ ними и жизнь, чудною пѣснью прощенія. Въ этой пѣсни знакомая намъ муза заговорила вдругъ новымъ для нея спокойно-торжественнымъ языкомъ: казалось, какъ будто загадочное величіе смерти заставило смолкнуть голоса человѣческихъ скорбей, гнѣва и радости, и среди наступившей тишины раздались мѣрные, неземные звуки requiem'а. И это снова была мать поэта, на этотъ разъ явившаяся въ образѣ свѣтлаго генія, съ погребально-колыбельною пѣсней на устахъ:

---

*) Въ этомъ стихотвореніи «неизвѣстный другъ», о которомъ въ бумагахъ Некрасова сдѣлана отмѣтка: «не выдуманный другъ, но точно неизвѣстный мнѣ», проситъ поэта опровергнуть ходившіе слухи о его двуличности, слухи, которымъ самъ «неизвѣстный другъ» рѣшительно не хочетъ и не можетъ вѣрить Вотъ отрывокъ, по которому можно судить и о цѣломъ стихотвореніи:

Мнѣ говорятъ, что ты душой суровъ,
Что лишь въ словахъ твоихъ есть чувства пламень,
Что ты жестокъ, что стихъ твой весь любовь,
А сердце холодно, какъ камень!
Но отчего-жъ весь міръ сильнѣй любить
Мнѣ хочется, стихи твои читая?
И въ нихъ обманъ, а не душа живая?
Не можетъ быть!

Не бойся горькаго забвенья,
Ужъ я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей!..

III.

Но возвратимся, однако, назадъ, въ сельцо Грѣшнево, и посмотримъ, какого свойства матеріалъ, помимо даннаго ему отцомъ и матерью и ихъ взаимными отношеніями, полученъ былъ Некрасовымъ въ дѣтскіе годы, когда только что складывался характеръ ребенка.

Деспотъ-помѣщикъ, какимъ былъ отецъ Некрасова, долженъ былъ предоставить ребенку не мало, разумѣется, случаевъ для нагляднаго изученія крѣпостного права и существовавшихъ на этой почвѣ соціальныхъ отношеній. Затѣмъ, сельцо Грѣшнево пользовалось исключительно «удачнымъ» географическимъ расположеніемъ, имѣя, съ одной стороны, знаменитую раньше «Владимірку»—почтовый трактъ, по которому отправлялись этапомъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь арестанты, а съ другой—берегъ Волги, по которому тянули свои лямки бурлаки, утопая въ пескѣ и оглашая окрестность стономъ, который «у нихъ пѣсней зовется».

Припомнимъ, что къ числу угнетенныхъ принадлежала и мать поэта, возбуждая въ немъ живое чувство состраданія къ окружающему его со всѣхъ сторонъ людскому горю. Сочувство матери содѣйствовало тому, что ребенокъ искалъ сближенія съ тѣми, съ кѣмъ старался разъединить его отецъ. Никакія преслѣдованія не могли заставить мальчика отказаться отъ общенія съ толпою крестьянскихъ ребятишекъ, которые какъ нарочно избрали для своихъ игръ мѣсто возлѣ рѣшетки усадебнаго сада и, какъ магнитъ, тянули къ себѣ маленькаго Некрасова. Этотъ недозволенный и строго преслѣдуемый союзъ съ деревней мальчикъ поддерживалъ и потомъ, когда, отданный въ ярославскую гимназію, пріѣзжалъ на каникулы домой.

Ярославская гимназія, въ которую Некрасовъ поступилъ вмѣстѣ съ братомъ, едва ли внесла что-нибудь положительное въ сознаніе мальчика. Освобожденный изъ-подъ давившей его въ усадьбѣ ферулы отца, но въ то же время лишенный дружеской ласки и поддержки матери, онъ пользуется здѣсь своею относительною свободой далеко не въ интересахъ умственнаго и нравственнаго развитія. Дотянувъ кой-какъ въ теченіе шести лѣтъ до V-го класса, Некрасовъ долженъ былъ оставить гимназію, чему не въ малой мѣрѣ содѣйствовала, впрочемъ, его упорная страсть къ стихослагательству. Начало этой страсти относится къ раннему дѣтству Некрасова, когда онъ подносилъ матери стихотворенія въ родѣ слѣдующихъ:

Любезна маменька, примите
Сей слабый трудъ
И разсмотрите,
Годится ли куда-нибудь.

Гимназическая обстановка дала младенческой музѣ Некрасова новое направленіе: отъ лирики онъ перешелъ къ сатирѣ, и этого было достаточно, чтобы въ одинъ прекрасный день двери ярославскаго храма науки закрылись передъ юнымъ поэтомъ. Какъ бы то ни было, но, оставляя гимназію, Некрасовъ могъ быть обязанъ ей развѣ однимъ,—тѣмъ, что она не убила въ немъ природной любознательности. При всей безалаберности гимназической жизни, при полномъ равнодушіи къ судьбамъ казенной гимназической науки, мальчикъ много, хотя и безъ разбора, читалъ, многому, хотя и безъ всякой системы, научился. Вмѣстѣ съ любовью къ чтенію развивалась въ немъ и безотчетная страсть къ стихослагательству, которое пока исключительно сводилось къ подражанію образцамъ: «что прочитаю, тому и подражаю», разсказывалъ впослѣдствіи Некрасовъ объ этой своей страсти. Въ Петербургъ, куда теперь отправляютъ недоучившагося гимназиста, онъ везетъ съ собою цѣлую тетрадку стиховъ, на которую возлагаетъ большія надежды.

Когда Некрасовъ прибылъ въ столицу, ему было 15 и во всякомъ случаѣ не больше 16-ти лѣтъ *). Отецъ, давно уже мечтавшій о военной карьерѣ для сына, направилъ его въ столицу для поступленія въ «дворянскій полкъ», и съ этою цѣлью снабдилъ его небольшими денежными средствами и рекомендательными письмами. Все почти къ поступленію вполнѣ было налажено, какъ случай свелъ Некрасова съ знакомымъ ему по ярославской гимназіи студентомъ Глушицкимъ и двумя товарищами послѣдняго, тоже студентами. Молодымъ людямъ не трудно было убѣдить Некрасова въ громадныхъ преимуществахъ университетскаго образованія, и Некрасовъ, навсегда разорвавъ съ отцомъ и лишившись какой бы то ни было матеріальной поддержки изъ дома, отказался отъ поступленія въ «полкъ» и сталъ дѣятельно готовиться къ университету.

Поступить въ университетъ ему удалось лишь на правахъ вольнослушателя, которымъ онъ и былъ съ 1839 по 1841 г. Все это время онъ терпѣлъ страшную нужду, которая не осталась безъ вліянія для него, отразившись впослѣдствіи и на физическомъ здоровьѣ и на характерѣ поэта. «Ровно три года—разсказывалъ онъ впослѣдствіи — я чувствовалъ себя постоянно, каждый день, голоднымъ. Приходилось ѣсть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день. Не разъ доходило до того, что я отправлялся

*) По словамъ сестры поэта, онъ отправился въ Петебургъ въ 1838 г. Самъ же Некрасовъ говорилъ, что пріѣздъ его въ столицу совпадаетъ со смертью Пушкина, который, какъ извѣстно, умеръ въ 1837 г.

въ одинъ ресторанъ на Морской, гдѣ дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросилъ себѣ. Возьмешь, бывало, для вида газету, а самъ пододвинешь себѣ тарелку съ хлѣбомъ и ѣшь»... Ютился онъ въ углахъ, часто при совершенно невозможной обстановкѣ, такъ что, напримѣръ, за отсутствіемъ мебели, писать приходилось на полу. А то случалось, что и никакого угла у него не было. Такъ, было время, когда измученный продолжительными голодовками онъ заболѣлъ и, потерявъ всякую работу, задолжалъ хозяевамъ. Немного оправившись онъ рѣшился, наконецъ, выйти изъ дома съ Разъѣзжей на Выборгскую Сторону къ одному знакому. «Возвращаясь ночью домой,—разсказываетъ Некрасовъ—я сильно прозябъ, такъ какъ на мнѣ было холодное пальтишко, а дѣло было осенью, въ октябрѣ или въ ноябрѣ. Прихожу къ дверямъ, звоню разъ, другой... Не пускаютъ, говорятъ, что въ моей комнатѣ поселился другой жилецъ. Что же касается до моего долга, то хозяева считаютъ себя вполнѣ удовлетворенными моимъ имуществомъ... Скверно стало мнѣ. Я остался одинъ на улицѣ, остался безъ ничего, въ плохомъ пальтишкѣ, въ осеннюю холодную ночь. Побрелъ я, куда глаза глядятъ, не сознавая, куда и зачѣмъ, пробрался на Невскій и сѣлъ тамъ на скамеечку... Прозябъ. Чувствовалъ сильную усталось и упадокъ силъ. Наконецъ, уснулъ. Разбудилъ меня какой-то старикъ, оказавшійся нищимъ, который, проходя мимо, сжалился надо мною и пригласивъ меня съ собою куда-то ночевать. Я пошелъ. Пришли на Васильевскій Островъ, въ 15-ю линію. Тамъ, въ самомъ концѣ, стоялъ деревянный полуразвалившійся домикъ, въ который мы и вошли. Въ домѣ оказалось много народу. Все это были нищіе, которые собирались здѣсь ночевать. Не помню я всѣхъ разговоровъ, которые велись здѣсь, помню только, что написалъ кому-то прошеніе и получилъ за это 15 копѣекъ».

Эти годы тяжелыхъ лишеній и нужды совпадаютъ съ началомъ литературной дѣятельности Некрасова. Чтобы перейти теперь къ оцѣнкѣ этой послѣдней, припомнимъ сначала въ немногихъ словахъ господствовшія въ тѣ времена литературныя теченія. Этотъ предварительный бѣглый обзоръ представляется намъ въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что Некрасовъ, если и не сразу, то, во всякомъ случаѣ, очень быстро поднимается на самые верхи русской литературы и затѣмъ уже до конца жизни онъ идетъ нога въ ногу рядомъ съ лучшими ея представителями.

Время, непосредственно предшествующее вступленію Некрасова на литературное поприще, было періодомъ наиболѣе полнаго господства въ русской литературѣ нѣмецкой метафизики. Гегель завладѣлъ лучшими русскими умами, и призпаніе догматовъ гегеліанства считалось для людей обязательнымъ, при вступленіи въ литературные кружки того времени. Люди какъ будто потеряли способность реагировать на окружающую ихъ дѣйствительность и всѣми своими помыслами, всею ду-

шой унеслись въ надзвѣздные міры метафизическаго мышленія. Выработанъ былъ даже особый, недоступный для простыхъ смертныхъ языкъ, и никто—замѣчаетъ А. И. Герценъ въ «Быломъ и Думахъ» —не отрекся бы въ тѣ времена отъ подобной, напр., фразы: «конкресцированіе абстрактныхъ идей въ сферѣ пластики представляетъ ту фазу самоищущаго духа, въ которой онъ потенцируется изъ естественной имманентности въ гармоническую сферу образнаго сознанія въ красотѣ». Самое отношеніе къ жизни—какъ мѣтко характеризуетъ это время Герценъ—сдѣлалось школьнымъ, книжнымъ. Всякое простое, непосредственное чувство возводилось въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдною алгебраическою тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все было совершенно искренне. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаться пантеистическому чувству своего единства съ Космосомъ, и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмелькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ проявленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку—къ гемюту—или къ «трагическому въ сердцѣ».

Восторженное преклоненіе передъ Гегелемъ, достигнувъ своего апогея къ концу 30-хъ годовъ, въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія, стало постепенно «сдавать». Прежде всего покинулъ «правовѣрныхъ», и даже рѣзко разошелся съ правовѣрнѣйшимъ Бѣлинскимъ, Герценъ, который, правда, философію Гегеля не отринулъ, но понялъ ее совсѣмъ иначе, чѣмъ ее понимали его московскіе друзья. «Философія Гегеля,—писалъ Герценъ,—необыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра преданій, пережившихъ себя. Но она можетъ съ намѣреніемъ быть дурно истолкована». Въ началѣ 40-хъ гг. отошелъ отъ правовѣрныхъ и «неистовый Виссаріонъ», который еще такъ недавно проповѣдывалъ полное признаніе «дѣйствительности», потому что она «разумна», и требовалъ примиренія съ нею; который еще такъ недавно ограничивалъ предѣлы искусства воплощеніемъ «вѣчныхъ идей» и съ негодованіемъ обрушивался на французское искусство за то, что оно позволяетъ себѣ откликаться на преходящія злобы дня. Теперь Бѣлинскій съ высоты «вѣчныхъ идей» стремительно бросается въ сутолоку живыхъ интересовъ общественной жизни, «Духъ нашего времени таковъ,—пишетъ онъ уже въ 1843 г., —что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничится «птичьимъ пѣніемъ», создастъ себѣ свой міръ, не имѣющій ничего общаго съ историческою и философскою дѣйствительностью современности, если она вообразитъ, что земля недостойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія и надежды не должны смущать ея таинственныхъ сновидѣній и поэтическихъ созер-

жаній! Произведенія такой творческой силы, какъ бы ни громадн была она, не войдутъ въ жизнь, не возбудятъ восторга и сочувстві ни въ современникахъ, ни въ потомствѣ... *Свобода творчества легк согласуется съ служеніемъ современности*: для этого не нужно при нуждать себя писать на тэмы, насиловать фантазію; для этого нужн только быть *гражданиномъ*, сыномъ своего общества и своей эпохі усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремле ніями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чув ство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочинені отъ жизни. Что вошло, глубоко запало въ душу, то само собою про явится во внѣ» («Сочиненія» Бѣлинскаго, т. VI, стр. 208).

Для характеристики литературныхъ убѣжденій Бѣлинскаго во вто рой періодъ его дѣятельности мы умышленно взяли отрывокъ изъ статьи, относящейся къ 1843 г., когда состоялось, кажется, перво знакомство Некрасова съ критикомъ и его кружкомъ. И любопытно что, несмотря на явное, казалось бы, преобладаніе въ нынѣшнемъ настроеніи Бѣлинскаго элементовъ трезвой, жизненной положительности Некрасовъ все таки чувствовалъ себя подавленнымъ *отвлеченностью* мышленія своихъ новыхъ знакомыхъ. «Тяжелое производили на меня впечатлѣніе всѣ эти люди,—вспоминаетъ онъ о своихъ встрѣчахъ съ кружкомъ Бѣлинскаго:—преобладала фраза, діалектика, говорились общія мѣста, говорили больше о Западной Европѣ, видно было незнаніе русской жизни и русскаго народа. Я сознавалъ, что все это не то, что намъ нужно, но въ то же время спорить съ ними не могъ, потому что они знали гораздо больше меня, гораздо больше меня читали. Сознавая все больше и больше, что намъ нужно нѣчто иное, я началъ работать, учиться».

Некрасовъ смотрѣлъ на Бѣлинскаго, какъ на своего учителя, и всю жизнь благоговѣлъ передъ нимъ. Но полнаго сближенія и взаимнаго пониманія здѣсь быть не могло. Между ними лежала та пока еще неясная, только еще предчувствуемая рознь поколѣній, которая затѣмъ такъ рѣзко сказалась въ открытомъ и бурномъ столкновеніи, раздѣлившемъ лучшихъ и даровитѣйшихъ представителей литературы 40-хъ и 60-хъ годовъ. *) Некрасовъ всѣмъ своимъ существомъ, точно также какъ и лучшими моментами своей творческой производительности, принадлежалъ къ дѣятелямъ 60-хъ годовъ. Онъ какъ бы торопился навстрѣчу къ нимъ, и когда они выступили на литературное поприще, онъ немедленно же соединился съ ними и прочно связалъ съ ихъ работой свою. Заглянемъ же немножко впередъ и припомнимъ, какую эволюцію пережила литературная критика въ періодъ 60-хъ годовъ.

Чернышевскій въ своей знаменитой диссертаціи «Объ эстетиче-

*) Объ этомъ интересномъ въ исторіи русской мысли моментѣ см. статью г. В. Богучарскаго «Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли». «Міръ Божій» 1901 г., кн. 11.

скихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности», которую онъ защищалъ въ 1855 г., пошелъ значительно дальше Бѣлинскаго. Онъ рѣшительно провозгласилъ, что «прекрасное есть жизнь», и предложилъ собственную теорію искусства, по которой полезность искусства, въ смыслѣ подчиненія его задачъ интересамъ общества, объявляется его верховнымъ принципомъ. «Содержаніе, достойное вниманія мыслящаго человѣка, одно только въ состояніи избавить искусство отъ упрека, будто оно пустая забава. Художественная форма не спасетъ отъ презрѣнія или сострадательной улыбки произведеніе искусства, если оно важностью своей идеи не въ состояніи дать отвѣта на вопросъ: да стоило ли трудиться надъ такими пустяками? Безполезное не имѣетъ право на уваженіе. Въ этомъ отношеніи чаще другихъ погрѣшали поэты. Привычка изображать любовь, любовь и вѣчно любовь заставляетъ поэтовъ забывать, что жизнь имѣетъ другія стороны, гораздо болѣе интересующія человѣка». Шелгуновъ, изъ «Воспоминаній» котораго мы и взяли приведенныя здѣсь положенія Чернышевскаго, съ любовью разсказываетъ о публичной защитѣ Чернышевскимъ его диссертаціи. Онъ утверждаетъ, что здѣсь, на публичномъ диспутѣ, впервые отчетливо и ясно были формулированы принципы, которые наложили затѣмъ рѣзкій отпечатокъ на литературное движеніе мысли въ періодъ шестидесятыхъ годовъ. Отвергнутая, и даже конфискованная министромъ народнаго просвѣщенія Норовымъ, диссертація Чернышевскаго была встрѣчена современнымъ ему поколѣніемъ съ восторгомъ, какъ «цѣлое откровеніе любви къ человѣчеству, на служеніе которому призывалось искусство». О диссертаціи, задолго до публичной защиты ея, сдѣлалось извѣстнымъ въ кружкахъ, болѣе близкихъ автору, и аудиторія, отведенная для диспута, была биткомъ набита слушателями. «Тутъ были—разсказываетъ Шелгуновъ,—и студенты, но, кажется, было больше постороннихъ, офицеровъ и столичной молодежи. Тѣсно было очень, такъ что слушатели стояли на окнахъ... Послѣ диспута Плетневъ (предсѣдательствовавшій) обратился къ Чернышевскому съ такимъ замѣчаніемъ: «Кажется, я на лекціяхъ читалъ вамъ совсѣмъ не это!» И дѣйствительно, Плетневъ читалъ не то, а то, что онъ читалъ, было бы не въ состояніи привести публику въ такой восторгъ, въ который ее привела диссертація...»

Подобно Чернышевскому, и Добролюбовъ отводитъ искусству только служебную роль. «Литература,—говоритъ онъ въ статьѣ, посвященной Островскому,—представляетъ собою силу служебную, которой значеніе состоитъ въ пропагандѣ, а достоинство опредѣляется тѣмъ, что и какъ она пропагандируетъ».

Новое отношеніе къ искусству и жизни, формулированное журналистикой и съ энтузіазмомъ признанное молодежью, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало личнымъ влеченіямъ Некрасова. То, что другіе выставляли, какъ теоретически обоснованное требованіе, онъ принесъ съ

собою, какъ готовое настроеніе. Глубоко пустившая корни въ 30-хъ годахъ, а теперь гонимая и презираемая нѣмецкая метафизика была совершенно чужда Некрасову, съ его трезвымъ, положительнымъ отношеніемъ къ жизни. Забытая и заброшенная русская дѣйствительность настойчиво требовала къ себѣ вниманія, и Некрасовъ больше, чѣмъ кто-нибудь другой могъ откликнуться на этотъ призывъ. «Въ Россіи,— вспоминаетъ Щедринъ настроеніе 40-хъ годовъ,—впрочемъ, не столько въ Россіи, сколько спеціально въ Петербургѣ,—мы существовали лишь фактически, или, какъ въ то время говорилось, имѣли «образъ жизни». Ходили на службу въ соотвѣтствующія канцеляріи, писали письма къ родителямъ, питались въ ресторанахъ, а чаще всего въ кухмистерскихъ, собирались другъ у друга для собесѣдованій и т. д. Но духовно мы жили во Франціи. Россія представляла собою область, какъ бы застланную туманомъ, въ которой даже такое дѣло, какъ опубликованіе «Собранія русскихъ пословицъ», являлось прихотливымъ и предосудительнымъ; напротивъ того, во Франціи все было ясно, какъ день, несмотря на то, что газеты доходили до насъ съ вырѣзками и помарками. Такъ что когда министръ внутреннихъ дѣлъ началъ издавать таксы на мясо и хлѣбъ, то и это заинтересовало насъ только въ качествѣ анекдота, о которомъ слѣдуетъ говорить съ осмотрительностью. Напротивъ, всякій эпизодъ изъ общественно-политической жизни Франціи затрогивалъ насъ за живое, заставлялъ и радоваться, и страдать. Въ Россіи все казалось поконченнымъ, запакованнымъ и за пятью печатями сданнымъ на почту для выдачи адресату, котораго заранѣе предположено не розыскивать...» («За рубежомъ»). Теперь требовалось раскрыть этотъ таинственный, за пятью печатями, пакетъ, и Некрасовъ былъ тѣмъ болѣе подготовленъ къ этой роли, что впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ Грѣшнева, были слишкомъ ярки и заслоняли собою отъ него тревожившія его современниковъ картины политической жизни Франціи. Наконецъ, когда на смѣну оторванныхъ отъ жизни созерцателей «вѣчной красоты» и «вѣчныхъ идей» потребовался «гражданинъ», и тутъ Некрасовъ оказался человѣкомъ, вполнѣ подготовленнымъ для новой роли. Онъ принесъ съ собою живое, имъ лично пережитое и перечувствованное сознаніе соціальныхъ противорѣчій. Онъ пришелъ подобный

Рѣкѣ, запруженной плотиной,
Готовой хлынуть черезъ край,
Готовой бѣшенымъ потокомъ
Сорвать мосты, разбить суда...

IV.

Всѣ эти данныя—повторяемъ—имѣлись у Некрасова въ потенціальной наличности, когда онъ явился въ Петербургъ. Но прежде чѣмъ

раскрыть и обнаружить ихъ во всей полнотѣ, ему пришлось пройти тяжелую подготовительную литературную школу. Дебютировалъ онъ въ литературѣ стихотвореніемъ «Мысль», которое было напечатано въ сентябрьской книжкѣ «Сына Отечества» за 1838 г., съ примѣчаніемъ отъ редакціи, что это «первый опытъ начинающаго шестнадцатилѣтняго поэта». При всѣхъ своихъ внѣшнихъ недостаткахъ, это *первое* стихотвореніе Некрасова заслуживаетъ быть отмѣченнымъ потому, что въ немъ его «угрюмая» муза уже обнаруживаетъ свое мрачное настроеніе. «Спитъ дряхлый міръ», начинаетъ поэтъ свое стихотвореніе, выражая надежду, что, можетъ быть, когда «печальный міръ» проснется отъ дремоты, онъ опять почувствуетъ себя обновленнымъ, «какъ въ первый день созданія природы». Но надежды не сбываются.

Нѣтъ! тотъ же все проснулся ты,
Такой же дряхлый, обветшалый,
Еще дряхлѣй безъ покрывала. .
Скрой безобразье наготы
Опять подъ мрачной ризой ночи!
Поддѣльнымъ блескомъ красоты
Ты не мои обманешь очи!..

Вслѣдъ за этимъ стихотвореніемъ послѣдовалъ рядъ другихъ. Всѣ они печатались въ разныхъ изданіяхъ, но такъ какъ поэта кормили они плохо, то издатель «Пантеона» Ѳ. А. Кони, отнесшійся къ Некрасову съ большимъ доброжелательствомъ, посовѣтовалъ ему писать ради хлѣба насущнаго прозой. Юный поэтъ съ горечью долженъ былъ сознаться, что писать прозой онъ рѣшительно не умѣетъ и даже не знаетъ, о чемъ писать. Однако, совѣты и указанія Кони вывели поэта изъ этого почти безвыходнаго положенія, и съ той поры онъ окунается въ литературную работу, что называется, съ головой и, отнюдь не бросая, впрочемъ, стиховъ, пишетъ прозой повѣсти, разсказы, сказки, водевили, мелкія статьи, рецензіи и проч., и проч. Такъ какъ для рецензій наличныхъ знаній у Некрасова часто не хватало, тѣмъ болѣе, что приходилось разбирать книги, какія только попадались подъ руку, то въ этихъ случаяхъ молодого литератора выручала публичная библіотека. «Пойдешь туда,—разсказывалъ онъ,—подымешь всю ученость по предмету книги, ну, и ничего, сходило съ рукъ». Въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ авторъ обыкновенно трактовалъ матеріалъ, заимствованный или изъ его личныхъ мытарствъ, или вообще взятый имъ изъ дѣйствительной жизни. Въ этихъ случаяхъ онъ нерѣдко обнаруживалъ, какъ это отмѣтилъ Бѣлинскій по поводу разсказа «Петербургскіе углы», «необыкновенную наблюдательность и необыкновенное мастерство изложенія».

Выходило совсѣмъ не то, когда авторъ пытался восполнить скудость своихъ наблюденій при помощи творческой фантазіи. Укажемъ, напримѣръ, на совершенно невѣроятную повѣсть «Пѣвица», напеча-

танную въ «Пантеонѣ». Быть можетъ, утомленный изображеніемъ столичной нищеты и голи, которая занимаетъ въ его разсказахъ первенствующее мѣсто, Некрасовъ выводитъ здѣсь на сцену исключительно графовъ и бароновъ. «Молодая дама, прекрасной наружности, — такъ начинается повѣсть, — сидѣла на кушеткѣ въ грустной задумчивости». Она томится ожиданіемъ своего аристократическаго любовника, барона Р., и «отъ ея груди, какъ отъ раскаленнаго металла, вѣяло пламенемъ...» Конечно, это немножко сильно даже для возлюбленной барона, но въ оправданіе начинающаго писателя надо сказать, что въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, онъ слѣпо слѣдовалъ существовавшимъ въ то время образцамъ.

Приблизившись, въ качествѣ рецензента, къ театру, Некрасовъ открылъ для себя новый видъ литературнаго заработка въ сочиненіи и постановкѣ на сцену собственныхъ театральныхъ пьесъ. Въ написанныхъ имъ восьми пьесахъ онъ или проводитъ какую-нибудь одну основную мысль (напримѣръ, въ «Актерѣ» онъ вооружается противъ ходячаго взгляда на актера, не какъ на художника, а какъ на скомороха, кривляющагося на потѣху толпы), или, пользуясь готовымъ сюжетомъ, даетъ рядъ куплетовъ на злобы дня. Перепельскій—таковъ былъ театральный псевдонимъ Некрасова — пользовался успѣхомъ среди театраловъ того времени; ему апплодировали, его вызывали, а нѣкоторыя его пьесы обошли въ свое время всѣ наши столичныя и провинціальныя сцены.

Однако всѣ эти водевили, драмы, разсказы и повѣсти являлись въ глазахъ Некрасова только вынужденною литературною работой, а тотъ или иной успѣхъ ихъ—только залогомъ ближайшаго сытаго дня. Душѣ его эта работа не давала никакого удовлетворенія, и встревоженное чувство его настойчиво искало своего выраженія въ стихахъ. «Стихи мои! Свидѣтели живые за міръ пролитыхъ слезъ!»—писалъ Некрасовъ впослѣдствіи, а здѣсь мы можемъ прибавить, что эти же стихи были и свидѣтелями его удивительной настойчивости и въ то же время непосредственными виновниками многихъ его злоключеній.

Печатавшіеся въ газетахъ и журналахъ стихи Некрасова въ 1840 г., при содѣйствіи одного доброжелателя начинающаго поэта, выходятъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ «Мечты и Звуки». Некрасовъ очень серьезно смотрѣлъ на этотъ свой шагъ и, поборовъ на этотъ разъ свою замкнутость и нелюдимость, онъ рѣшается пойти за совѣтомъ даже «къ самому» Жуковскому. Маститый старецъ похвалилъ одно стихотвореніе, призналъ наличность таланта въ юношѣ, но издавать стиховъ не совѣтовалъ.

— Вы потомъ пожалѣете, если выпустите эту книгу,—сказалъ Жуковскій.

Но, увы! послѣдовать благожелательному совѣту было невозможно: книга уже заранѣе, въ значительной части, была оплачена, деньги

израсходованы, и Некрасовъ, по совѣту того-же Жуковскаго, могъ сдѣлать только одно—снять съ книги свое имя и замѣнить полную подпись иниціалами. Встрѣченные жестокимъ приговоромъ Бѣлинскаго, сказавшаго въ своей рецензіи, что «посредственность въ стихахъ нестерпима», «Мечты и Звуки» сыграли роковую роль въ жизни Некрасова, заставивъ его навсегда разстаться съ университетомъ. Непосредственнымъ поводомъ къ этому послужило то, что профессоръ А. В. Никитенко, зная, что въ числѣ его слушателей находится анонимный авторъ изданной книжки, публично, на лекціи, осмѣялъ ее, сказавъ, что въ ней нѣтъ ни признака таланта, ни толку, ни ладу, а лишь одна вода да пустое риѳмоплетство. Большимъ ударомъ для Некрасова были эти два отзыва, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ наиболѣе цѣнимому имъ критику, а другой—любимѣйшему профессору, лекціи котораго привлекали его больше, чѣмъ все остальное, что могъ предложить ему университетъ. И тѣмъ не менѣе въ 1843 г. Некрасовъ выпускаетъ новый сборникъ: «Статейки въ стихахъ». Бѣлинскій съ прежнею суровостью отмѣтилъ сборникъ, окрестивъ его «водевильною болтовней». Некрасовъ продолжаетъ упорствовать.

Еще ребенкомъ, учась верховой ѣздѣ, Некрасовъ однажды 18 разъ кряду, въ одинъ день, упалъ съ лошади. Впослѣдствіи онъ сталъ хорошимъ наѣздникомъ. Такую же поразительную силу настойчивости и упорства обнаружилъ Некрасовъ и въ стремленіи своемъ къ поэтическому творчеству. Привыкнувъ съ дѣтства выражать въ стихахъ волнующія его мысли и чувства, онъ былъ одно время, какъ мы знаемъ, искренно убѣжденъ въ томъ, что прозой писать онъ даже не умѣетъ. Стихамъ онъ обязанъ тѣмъ, что ему не удалось кончить ни гимназіи, ни уверситета, и онъ всю жизнь свою прожилъ съ двусмысленною на паспортѣ отмѣткой «недоросля изъ дворянъ». Стихи создавали мучительные для его самолюбія моменты. Но Некрасовъ безостановочно идетъ къ своей цѣли, работая надъ собою и совершенствуясь, и уже въ 1845 г. онъ заставляетъ Бѣлинскаго признать въ нѣсколькихъ новыхъ произведеніяхъ своей оскорбленной музы «счастливыя вдохновенія таланта».

Не переставая работать надъ развитіемъ своего поэтическаго дарованія, Некрасовъ въ эти же годы, изощряясь въ борьбѣ съ нуждой, открылъ, наконецъ, для приложенія своихъ силъ новое и богатое поле дѣятельности. Онъ нашелъ для себя дѣло, которое упрочило его матеріальное положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ дало ему возможность оказать русской журналистикѣ рядъ крупныхъ услугъ, которыя не забудутся въ исторіи русской литературы. Мы имѣемъ въ виду его издательскую дѣятельность. Будучи долгое время, такъ сказать, поваренкомъ на литературной кухнѣ, имѣя постоянныя дѣла съ разными часто темнаго свойства литературными предпринимателями, Некрасовъ, при своей острой наблюдательности, могъ до тонкости изучить условія издательскаго дѣла. Первыя робкія попытки съ изданіемъ собствен-

ныхъ произведеній, изъ которыхъ «Статейки въ стихахъ» имѣли даже нѣкоторый матеріальный успѣхъ, дали Некрасову извѣстный навыкъ. И вотъ въ 1845 г. онъ выпускаетъ въ свѣтъ двухтомный сборникъ нтатей: «Физіологія Петербурга, составленная изъ трудовъ русскихъ литераторовъ». За этимъ сборникомъ, встрѣченнымъ очень сочувственно си критикой, и публикой, Некрасовъ въ слѣдующемъ году выпускаетъ уже цѣлыхъ два; изъ нихъ одинъ носитъ вычурное названіе «Первое апрѣля, комическій иллюстрированный альманахъ», а второй—просто «Петербургскій сборникъ». Въ сборникахъ, рядомъ съ прозой и стихами Некрасова, мы встрѣчаемъ имена Бѣлинскаго, Искандера, Тургенева, Достоевскаго, Григоровича, Ап. Майкова, Гребенки, Луганскаго и др. Нѣкоторые изъ названныхъ авторовъ (напр., Достоевскій и Григоровичъ) только дебютировали въ сборникахъ Некрасова, другіе имѣли уже заслуженное, почетное прошлое. Обыкновенно говорятъ, что Некрасовъ былъ «счастливъ» въ выборѣ своихъ сотрудниковъ. Но дѣло здѣсь не въ счастьѣ, а въ тонкомъ критическомъ чутьѣ, присутствіе котораго и здѣсь, въ сборникахъ, а еще въ большей степени потомъ, въ журналахъ, Некрасовъ доказалъ съ ясною очевидностью. Припомнимъ здѣсь, между прочимъ, что Некрасовъ первый (въ 1850 г.) оцѣнилъ и высоко поставилъ талантъ мало извѣстнаго тогда поэта Тютчева, что спустя два года, прочитавъ въ рукописи первое произведеніе гр. Л. Н. Толстого: «Дѣтство», онъ сразу же оцѣнилъ литературное значеніе рукописи и поспѣшилъ поощрить и ободрить начинавшаго писателя. Несомнѣнный успѣхъ, который выпалъ на долю изданныхъ Некрасовымъ сборниковъ, соблазнилъ Бѣлинскаго, всю жизнь свою работавшаго на другихъ. И у него явилось желаніе издать сборникъ, хотя, далекій отъ житейской практики, онъ окончательно утвердился въ своемъ рѣшеніи лишь тогда, когда Некрасовъ, горячо сочувствовавшій намѣренію Бѣлинскаго, взялъ на себя всѣ хлопоты по изданію и переговоры о кредитѣ. Придумано было названіе сборника, собранъ для него рядъ статей, но такъ какъ къ этому времени (въ 1847 г.) подоспѣла покупка Некрасовымъ и И. И. Панаевымъ «Современника», къ редакціи котораго заранѣе примкнулъ и Бѣлинскій, то всѣ подготовленныя для «Левіаѳана» рукописи перешли сюда. Руководимый Некрасовымъ журналъ, едва влачившій подъ редакціей Плетнева жалкое существованіе, теперь стянулъ къ себѣ всѣ лучшія силы современной литературы и быстро поднялся на высоту первенствующаго органа русской журналистики.

Такимъ оставался «Современникъ» до самого конца, т.-е. до 1866 г., когда онъ былъ прекращенъ по предложенію гр. М. Н. Муравьева, связавшаго направленіе журнала съ покушеніемъ Каракозова на жизнь императора Александра II-го.

Сжившійся съ нервною журнальною работой Некрасовъ упорно ищетъ выхода и послѣ двухъ лѣтъ невольнаго бездѣйствія (въ 1868 г.) беретъ

въ аренду у Краевскаго «Отечественныя Записки», которыя подъ новою редакціей дѣлаются, по литературному типу и общественному вліянію, прямымъ продолженіемъ «Современника». Г. З. Елисѣевъ, бывшій членомъ редакціи «Современника», какъ потомъ и «Отечественныхъ Записокъ», характеризуетъ Некрасова редактора, какъ «человѣка отъ природы, несомнѣнно, умнаго, съ сильно развитымъ эстетическимъ и критическимъ чувствомъ». Некрасовъ, разсказываетъ его бывшій сотрудникъ, «ограничивался выборомъ подходящихъ сотрудниковъ и предоставлялъ дѣлу идти, какъ оно могло идти, не подражая тѣмъ мало опытнымъ и неискуснымъ кучерамъ, которые безъ толку дергаютъ лошадей и мѣшаютъ имъ бѣжать спокойно и ровно... И дѣло, дѣйствительно, шло хорошо, какъ только могло идти при данныхъ наличныхъ силахъ» *). Съ своей стороны, Н. К. Михайловскій, опровергая мнѣнія «пустопорожнихъ, а иногда просто презрѣнныхъ людей», утверждавшихъ, будто Некрасовъ ради выгоды писалъ и издавалъ журналъ въ извѣстномъ тонѣ, замѣчаетъ: «Некрасовъ былъ, прежде всего, необыкновенно уменъ. Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на любомъ поприщѣ, которое онъ избралъ бы для себя, онъ былъ бы однимъ изъ первыхъ людей, уже въ силу своего ума. Онъ былъ бы, если бы захотѣлъ, блестящимъ генераломъ, выдающимся ученымъ, богатѣйшимъ купцомъ. Онъ выбралъ литературу, потому что любилъ ее; въ литературѣ онъ выбралъ извѣстное направленіе, потому что вѣрилъ въ него» **).

V.

Какъ ни велика, съ точки зрѣнія историко-литературной и общественной, та роль, которую игралъ Некрасовъ, какъ основатель и руководитель двухъ лучшихъ органовъ нашей журналистики, но несомнѣнно, что самъ онъ смотрѣлъ и на свое редакторство, точно такъ же, какъ и на черновую ученическую работу начала своей литературной карьеры, главнымъ образомъ какъ на условія, благопріятствующія его общенію съ музой. Поэтическое творчество было основною задачей его жизни, и самъ онъ желалъ, чтобы его цѣнили и судили прежде всего, какъ поэта. Но именно этого-то онъ и не добился: ни при жизни, ни даже теперь, спустя 25 лѣтъ послѣ смерти Некрасова, нельзя указать ни одного твердо установившагося взгляда на его поэзію. Напротивъ, въ оцѣнкѣ некрасовской музы и до сихъ поръ продолжаетъ царить хаосъ, полный удивительныхъ противорѣчій.

Мы уже знаемъ, что Бѣлинскій, съ такимъ рѣзкимъ отпоромъ встрѣтившій первые шаги Некрасова въ области поэзіи, немедленно же призналъ въ немъ поэта, какъ только муза его предстала передъ

*) «Некрасовъ и Салтыковъ». «Русск. Богат.» 1893 г., кн. 9, стр. 65.
**) «Литературныя воспоминанія», стр. 66.

критикомъ въ томъ простомъ, чуждомъ вычурныхъ украшеній, нарядѣ, въ какомъ она знакома и намъ по «Полному собранію стихотвореній» Некрасова *). Добролюбовъ, печатавшійся исключительно въ «Современникѣ», не рѣшился открыто и ясно высказаться о поэтическомъ творчествѣ Некрасова, но взглядъ его, хотя и замаскированный слегка, достаточно опредѣленно прорывается въ слѣдующемъ отрывкѣ: «Послѣ нихъ (Пушкина, Лермонтова и Кольцова) нуженъ былъ поэтъ который бы умѣлъ осмыслить и узаконить сильные, но часто смутные и какъ бы безотчетные порывы Кольцова и вложить въ свою поэзію положительное начало, жизненный идеалъ, котораго не доставало Лермонтову». Дальше критикъ, не называя поэта по имени, утверждаетъ, что естественный ходъ жизни произвелъ такого поэта, что это не предположеніе и не выводъ, а «совершившійся фактъ». Писаревъ, со свойственною ему прямолинейностью, высказываетъ увѣренность, что беллетристика увядаетъ, а «стиходѣланіе находится при послѣднемъ издыханіи, и, конечно, этому слѣдуетъ радоваться, потому что есть надежда, что ни одинъ дѣйствительно умный и даровитый человѣкъ нашего поколѣнія не истратитъ своей жизни на пронизываніе чувствительныхъ сердецъ убійственными ямбами и анапестами». И тѣмъ не менѣе къ нѣкоторымъ беллетристамъ, а изъ поэтовъ къ одному только Некрасову критикъ снисходитъ: «Если Некрасовъ,—замѣчаетъ онъ,—можетъ высказываться только въ стихахъ,—пусть пишетъ стихи». И дальше, присоединивъ къ Некрасову Тургенева и Чернышевскаго (какъ автора романа: «Что дѣлать?»), Писаревъ поясняетъ: «Этимъ людямъ есть что высказать, и потому общество слушаетъ ихъ со вниманіемъ и не остается въ накладѣ».

Затѣмъ есть рядъ писателей, которые вмѣстѣ съ Салтыковымъ признаютъ въ Некрасовѣ «большого человѣка въ русской литературѣ», но затрудняются дать опредѣленную оцѣнку его поэтической дѣятельности.

И, наконецъ, мы знаемъ писателей, и даже весьма крупныхъ писателей, которые относятся къ поэзіи Некрасова съ безусловнымъ отрицаніемъ. Такъ, Тургеневъ, вступаясь въ 1870 г. («С.-Петербургск. Вѣдомости», № 8) за поэтическое достоинство Полонскаго, ядовито противопоставляетъ послѣднему Некрасова, у котораго, по словамъ Тургенева, «поэзіи-то и нѣтъ на грошъ». Можно было бы подумать, что данная въ такой категорической формѣ оцѣнка «музы мести и печали» заключаетъ въ себѣ много элементовъ личнаго противъ Некрасова раздраженія, которое не разъ обнаруживалъ Тургеневъ и раньше, въ цѣломъ рядѣ злыхъ и даже весьма некрасивыхъ выхо-

*) Свои первые ученическіе опыты Некрасовъ не только не ввелъ въ «Полное Собраніе», но даже старался уничтожить ихъ совершенно, скупая для этой цѣли у книгопродавцевъ «Мечты и Звуки».

докъ. Но нѣтъ, Тургеневъ могъ бы то же самое сказать о Некрасовѣ въ самомъ покойномъ состояніи, въ какомъ, напримѣръ, недавно повторилъ о немъ буквально то же самое гр. Л. Н. Толстой. Великій писатель земли русской, въ предисловіи, написанномъ къ роману фонъ-Поленца «Крестьянинъ», призналъ Некрасова «совершенно лишеннымъ поэтическаго дара».

Не трудно, намъ думается, замѣтить, что всѣ сгрупированныя выше разнообразныя оцѣнки некрасовской музы—положительныя, неопредѣленныя и отрицательныя—имѣютъ въ виду исключительно одну только ея рѣзкую особенность, а именно ея, такъ сказать, черезъ чуръ обнаженный реализмъ, ея разсудочную ясность.

Совершено отрицая поэзію Некрасова, Тургеневъ чуствовалъ большую симпатію къ Полонскому, который, по удачному опредѣленію Влад. Соловьева, былъ поэтомъ «полусонныхъ, сумеречныхъ, слегка бредовыхъ ощущеній». Затѣмъ изъ другихъ современныхъ Некрасову поэтовъ Тургеневъ особенно высоко цѣнилъ Тютчева; къ этому поэту Тургеневъ относился почти восторженно, его же не прочь противопоставить Некрасову и Л. Толстой. *) И дѣйствительно, по мотивамъ, преобладающимъ въ поэзію Тютчева, этотъ поэтъ является полною противоположностью Некрасову. Тютчевъ—поэтъ-философъ, «поэтъ для немногихъ цѣнителей», какъ выразился о немъ Тургеневъ. Мотивы, которые трактуетъ философская поэзія Тютчева, касаются преимущественно мистическихъ основъ бытія и таинственной сущности земной жизни человѣка. Поэтъ скорбитъ о связанной ограниченности человѣческаго знанія и человѣческой любви, о призрачности и ничтожности человѣческой личности; проникнутый пантеистическимъ настроеніемъ, онъ одухотворяетъ природу и жадно ищетъ полного сліянія съ космосомъ. Словомъ, поэзія Тютчева является прямымъ отзвукомъ тѣхъ смутныхъ запросовъ человѣческаго духа, которые, оставаясь безотвѣтными, не перестаютъ тревожить мысль и которые, какъ мы знаемъ, не одинъ разъ мучительными, требовавшими безотлагательнаго рѣшенія проблемами вставали передъ страстнымъ искателемъ истины Л. Н. Толстымъ. Что касается Тургенева, то онъ всегда, даже будучи еще въ хорошихъ личныхъ отношеніяхъ съ Некрасовымъ, «имѣлъ зубъ» противъ его поэтическаго творчества и, при случаѣ, убѣждалъ своего пріятеля «не напирать слишкомъ на реальность». Очень интересный разговоръ на эту тему Тургенева и В. П. Боткина съ Некрасовымъ, относящійся къ началу 50-хъ годовъ, воспроизводитъ въ своихъ вос-

*) Конструкція всей фразы, въ которой Л. Толстой даетъ оцѣнку современнымъ поэтамъ, такова: «Послѣ Пушкина и Лермонтова (*Тютчев обыкновенно забывается*), поэтическая слава переходитъ сначала къ весьма сомнительнымъ поэтамъ—Майкову, Полонскому и Фету, потомъ къ совершенно лишенному поэтическаго дара Некрасову, къ искусственному и прозаическому стихотворцу Алексѣю Толстому, потомъ...» и т. д. Курсивъ принадлежитъ намъ. *Вл. Кр.*

поминаніяхъ Головачева-Панаева. Къ сожалѣнію, схвативъ сущность бесѣды, авторъ воспоминаній, очевидно, не уловилъ ея формы, которая въ ея передачѣ отдаетъ какою то совершенно несвойственною всѣмъ тремъ собесѣдникамъ грубостью и даже пошлостью. Просимъ читателя самого считаться съ этимъ недостаткомъ формы, хотя здѣсь мы воспользуемся, впрочемъ, лишь наиболѣе характерными обрывками воспроизведенной Головачевой бесѣды.

« — Да, любезный,—говорилъ Тургеневъ:—мы хлопочемъ, чтобы въ твоихъ стихахъ не было грубой реальности. Вчера, возвращаясь домой отъ изящной женщины, мы всю дорогу говорили о твоихъ стихахъ и пришли къ заключенію, что ты на ложной дорогѣ. Брось воспѣвать любовь ямщиковъ и всю деревенщину. Это фальшь, которая рѣжетъ ухо. Ты не обижайся нашею дружескою откровенностью, повѣрь намъ, что такая реальность, какъ напримѣръ, въ твоемъ стихотвореніи «Ѣду-ль по улицѣ», претитъ всякому, у кого развито эстетическое чувство. Это профанація—описывать гнойныя раны общественной жизни. Не увлекайся, пожалуйста, что мальчишки и невѣжды въ поэзіи восхищаются твоими подобными стихами, а слушайся людей, знающихъ толкъ въ изящной поэзіи».

Некрасовъ ходилъ, понуря голову, но вдругъ подошелъ къ столу и произнесъ:

« — Вы, господа, можетъ быть, и правы съ строгой точки эстетическаго взгляда на мои стихи, но вы забыли одно, что каждый писатель передаетъ то, что онъ глубоко прочувствовалъ. Такъ какъ мнѣ выпало на долю съ дѣтства видѣть страданія русскаго мужика отъ холода, голода и всякихъ жестокостей, то мотивы для моихъ стиховъ я беру изъ ихъ среды».

Боткинъ, съ своей стороны, иронизировалъ надъ Некрасовымъ въ томъ смыслѣ, будто-бы онъ хочетъ быть русскимъ Беранже... «Но вѣдь ты, мой любезный,—говорилъ онъ, обращаясь къ поэту:—не сообразилъ, что во Франціи народъ цивилизованный, а нашъ русскій—это эскимосы, готентты!

« — Ты бы, В. П., лучше молчалъ о русскомъ народѣ, о которомъ не имѣешь понятія! — раздражительно воскликнулъ Некрасовъ.

Тургеневъ поддерживалъ Боткина и точно также доказывалъ невозможность появленія «Беранже» среди русскаго некультурнаго населенія *).

Словомъ, суть бесѣды сводилась къ тому, что Тургеневъ и Боткинъ осуждали *реализмъ* некрасовской поэзіи и, предполагая, что причиною реализма является самый объектъ его поэзіи—русскій «эскимосъ» и «людоѣдъ», — совѣтовали ему обратиться къ инымъ источникамъ вдохновенія.

---

*) «Русскіе писатели и артисты», стр. 366—371.

Легко было Тургеневу и Боткину давать совѣты, но не легко и даже совершенно невозможно было Некрасову ими воспользоваться. Въ свои ученическіе годы, правда, онъ испыталъ свой талантъ въ разныхъ направленіяхъ, но теперь, послѣ цѣлаго ряда неудачъ и промаховъ, онъ стоялъ на избранномъ пути твердо, непоколебимо, зная, что только на этомъ пути ему удастся раскрыть свое дарованіе съ наибольшею полнотою. Въ ранней юности онъ испыталъ себя и въ философской поэзіи (въ «Мечтахъ и звукахъ»), воспѣвалъ старческую дряблость міра, устремлялся въ неопредѣленныя выси,

Къ безмятежному эфиру,
Гдѣ одѣтая въ порфиру
Блещетъ яркая звѣзда.

Затѣмъ пускался онъ въ темные закоулки аллегорической поэзіи («Статейки въ стихахъ»), извлекая изъ нѣдръ земли тѣни усопшихъ и заставляя ихъ исповѣдываться передъ «духомъ жизни». Ютясь въ подвалѣ, онъ проникалъ фантазіей своею въ роскошные чертоги бароновъ и графовъ (разсказъ «Пѣвица»). Но и въ безмятежномъ эѳирѣ, и въ графскихъ чертогахъ онъ одинаково терпѣлъ полнѣйшую неудачу. И только тогда почувствовалъ онъ дѣйствительную близость музы, только тогда признали въ немъ поэта и другіе, когда онъ заговорилъ о реальныхъ, близко ему знакомыхъ интересахъ своей родины.

Онъ открылъ въ себѣ поэта-реалиста, и, сдѣлавъ это открытіе, онъ прежде всего сталъ заботится о точности воспроизведенія жизни. По словамъ сестры Некрасова, «Орина, мать солдатская» сама разсказала поэту свою ужасную жизнь. Разсказъ вдохновилъ поэта, но, опасаясь сфальшивить, онъ нѣсколько разъ дѣлаетъ крюкъ, чтобы, снова разспросивъ разсказчицу, точно запомнить ея характерную рѣчь. Такія произведенія, какъ «Коробейники», «Крестьянскія дѣти», Некрасовъ пишетъ тотчасъ-же по возвращеніи изъ своихъ охотничьихъ экскурсій, и въ этихъ стихотвореніяхъ дѣйствительно чувствуется свѣжесть только что полученныхъ непосредственныхъ впечатлѣній. «Размышленія у параднаго подъѣзда» написаны подъ живымъ впечатлѣніемъ сцены, которую Некрасовъ видѣлъ изъ окна квартиры Панаева. Къ тому-же Некрасовъ обладалъ огромною памятью, изъ которой онъ во всякое данное время могъ извлекать впечатлѣнія отдаленныхъ лѣтъ. Этою способностью онъ въ широкой мѣрѣ воспользовался, когда писалъ свою самую крупную, но, къ сожалѣнію, неоконченную поэму: «Кому на Руси жить хорошо». Заговоривъ объ этой поэмѣ на смертномъ одрѣ, Некрасовъ сказалъ, что «хотѣлъ внести въ нее весь опытъ, данный ему изученіемъ народа, всѣ свѣдѣнія о немъ, накопленныя «по словечку» въ теченіе 20 лѣтъ, и создать книгу полезную, понятную народу и правдивую». Когда читаешь это признаніе, то какъ-то забываешь, что его сдѣлалъ поэтъ. Объ «опытѣ», о «накопленныхъ свѣдѣніяхъ», объ изданіи «полезной книги» могъ говорить сельскій хозяинъ,

учитель, но съ поэзіей все это вяжется какъ будто и мало. А между тѣмъ къ музѣ Некрасова какъ разъ эти именно выраженія черезвычайно подходятъ, такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ его поэзія не выходитъ изъ предѣловъ опыта и накопленныхъ свѣдѣній, какія даетъ ему окружающая дѣйствительность.

Онъ слишкомъ трезвъ для того, чтобы переживать сумеречныя настроенія Полонскаго, и слишкомъ связанъ съ реальными интересами земли для того, чтобы задумываться надъ сложными проблемами міроздавія. Онъ можетъ понимать и цѣнить Тютчева, но онъ не пойдетъ за нимъ. Онъ не измѣняетъ себѣ даже тогда, когда лицомъ къ лицу сталкивается съ явленіями, передъ таинственною сущностью которыхъ невольно смущается мысль. Два раза, одержимый тяжелымъ недугомъ, стоялъ онъ на самомъ краю могилы. Но и тутъ, у дверей, готовыхъ каждую минуту открыться и пропустить его туда, «откуда путникъ не возвращался къ намъ», трезвая ясность мысли не оставляетъ его. Онъ волнуется, мучится, но во всякомъ случаѣ тревожитъ его не то, что ждетъ его *по ту* сторону дверей, а то, что оставляетъ онъ *по эту* ихъ сторону. «А рано смерть идетъ», пишетъ онъ въ 1853 г., когда и русскіе и иностранные врачи, поставивъ невѣрный діагнозъ болѣзни, признали его положеніе безнадежнымъ:

И жизни жаль мучительно. Я молодъ,
Теперь поменьше мелочныхъ заботъ,
И рѣже въ дверь мою стучится голодъ:
Теперь бы могъ я сдѣлать, что нибудь.
Но поздно!..

О томъ, что волновало Некрасова на смертномъ одрѣ, мы говорили раньше. Здѣсь прибавимъ только, что, кромѣ «Баюшки-баю», въ 1877 г. на ту же тему написано поэтомъ нѣсколько другихъ стихотвореній, но и въ нихъ нѣтъ ни одного намека на вопросы метафизической сущности смерти. Тою же ясностью мысли и настроенія отмѣчены стихи на смерть сына поэта («Поражена потерей невозвратной»), на смерть Добролюбова («Я покинулъ кладбище унылое»), Писарева («Не рыдай такъ безумно надъ нимъ») и другіе. Вообще же во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о смерти, художникъ умѣетъ каждый разъ найти какую-то такую черту, которая какъ бы смягчаетъ, сглаживаетъ впечатлѣніе утраты; смерть превращается какъ бы въ вѣчный сонъ, потому что связь уснувшаго съ міромъ живыхъ не прекращается. Въ этомъ смыслѣ намъ кажется весьма типичнымъ для Некрасова стихотвореніе «Похороны», и особенно его окончаніе:

Будутъ пѣсни къ нему хороводныя
Изъ села по зарѣ долетать,
Будутъ нивы ему хлѣбородныя
Безгрѣховные сны навѣвать...

«Неизъяснимыхъ» волненій любви, окрыленные которыми поэты совершаютъ обыкновенно свои наиболѣе рискованные полеты въ предѣлы надчувственныхъ міровъ, у Некрасова точно также вы не ищете. Одна только исключительная привязанность къ матери, привязанность, граничащая съ молитвеннымъ благоговѣніемъ, озаряетъ иногда его поэзію таинственнымъ свѣтомъ романтики. Что же касается любви къ женщинѣ, то рѣшительно во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ этому мотиву, Некрасовъ продолжаетъ оставаться неисправимымъ реалистомъ.

Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ вспоминаетъ о радостяхъ любви, онъ останавливается исключительно на чувственной сторонѣ отношеній. Правда, рисуетъ онъ эти отношенія съ возможнымъ въ такихъ случаяхъ цѣломудріемъ; правда, онъ очень удачно скрадываетъ ихъ тѣневыя стороны, которыя, какъ, напримѣръ, въ граціозномъ стихотвореніи «Буря», иногда совершенно исчезаютъ, сливаясь въ одно цѣлое съ тутъ же нарисованною картиной природы;—но какъ бы то ни было, иныхъ радостей любви муза Некрасова не знаетъ. И въ то-же время онъ очень хорошо постигъ всю горечь и отраву этого чувства, и тяжелая драма любви занимаетъ въ его лирическихъ стихотвореніяхъ далеко не послѣднее мѣсто. Содержаніе драмы, которое многочисленныя на этотъ мотивъ стихотворенія Некрасова только варьируютъ, не измѣняя по существу, исчерпывается отрицаніемъ воспѣваемой другими поэтами гармоніи сердецъ. Такой гармоніи—утверждаетъ вся лирика Некрасова—нѣтъ; союзъ любви—это только поприще, на которомъ происходитъ непрерывная борьба двухъ разныхъ индивидуальностей. Различныя фазы этой борьбы, часто бурной, иногда кровавой, и рисуетъ преимущественно намъ поэтъ:

. . . . молящій стонъ,
Безумный крикъ, сверканье стали...
Прочь, утонувшія въ крови
Воспоминанія любви!
Довольно сердце вы терзали.

Реальная ясность поэзіи Некрасова особенно поражаетъ, когда мы застаемъ поэта въ минуты самыхъ высокихъ подъемовъ его настроенія. Вспомнимъ, напримѣръ, уже цитированное нами стихотвореніе «Рыцарь на часъ». Здѣсь, въ первой части стихотворенія, выражено далеко не будничное настроеніе. Поэтъ поднялся до высоты молитвеннаго экстаза, и все-таки онъ прочно стоитъ на землѣ; все-таки слишкомъ опредѣленно, слишкомъ ясно это «земное» противопоставленіе реальныхъ благъ міра такой же реальной жертвѣ.

Эта ясность, «оскорбительная ясность», какъ выразился одинъ изъ критиковъ, поэзіи Некрасова и составляетъ ту точку, въ которую преимущественно цѣлили и цѣлятъ всѣ, кто пытается установить къ Некрасову опредѣленное отношеніе. Для Писарева въ этой ясности

заключалось высшее достоинство Некрасова, тогда какъ, напримѣръ, Н. Страховъ никогда не могъ простить поэту этой его особенности. Онъ глубоко возмущался тѣмъ, что къ Некрасову никто не подойдетъ съ вопросомъ, который толпа поставила его геніальному предшественнику:

О чемъ бренчитъ? Чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?

Если поэзія, отражая жизнь, должна показывать ее только подъ полупрозрачнымъ покровомъ сумерекъ; если безъ таинственнаго не можетъ быть поэзіи; если, наконецъ, обязательными для поэзіи должны быть признаны лишь тѣ настроенія, въ которыхъ выражается смутное стремленіе къ безконечному, то Некрасовъ и въ самомъ дѣлѣ «совершенно лишенъ поэтическаго дара».

Самъ Некрасовъ оцѣнивалъ эстетическія достоинства своей музы очень сурово. Правда, въ 1845 г. онъ высказалъ было слишкомъ смѣлую увѣренность въ томъ, что «мечтатели осмѣяны давно». Но это было маленькое недоразумѣніе. Осмѣяны были не мечтатели, а его дѣтскіе «*Мечты* и Звуки», и онъ скоро сообразилъ, что сдѣлалъ промахъ. Спустя десять лѣтъ онъ смотритъ на дѣло совсѣмъ иначе и уже горько сожалѣетъ о безсиліи собственной мечты:

Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой суровый, неуклюжій стихъ!
Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...

Однако, онъ сдаваться не хочетъ и тутъ же, въ защиту музы, прибавляетъ:

Но кипитъ въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь...

Это «но» очень характерно съ точки зрѣнія самооцѣнки Некрасова, и мы должны принять его въ разсчетъ, разъ мы желаемъ выяснить своеобразную физіономію музы поэта. Это значитъ: гг. цѣнители искусства, не спѣшите умозаключать о моей музѣ по *одной* только ея особенности, которую я замѣчаю не хуже васъ и къ которой отношусь не снисходительнѣе васъ; но это только одна ея сторона, а для полноты оцѣнки я напоминаю вамъ и о другой сторонѣ; сопоставьте ихъ и тогда судите.

Мы цѣликомъ принимаемъ это предложеніе, съ одною развѣ поправкою, а именно: если разсудочная ясность, вообще говоря, составляетъ недостатокъ въ поэзіи, то Некрасовъ въ значительной мѣрѣ смягчаетъ, а нерѣдко и совсѣмъ устраняетъ его выборомъ мотивовъ, въ которыхъ ясность какъ бы естественно вытекаетъ изъ темы, требуется ею. Недостатокъ скрадывается и превращается въ простое свойство, въ особенность, и мы считаемъ себя въ правѣ поэтому, признавъ *ясность*

одною характерною особенностью некрасовской музы, перейти, безъ дальнѣйшихъ поясненій, къ разсмотрѣнію другой ея особенности—*силѣ*.

VI.

Могучую силу поэзіи Некрасова признаютъ всѣ, не исключая даже наиболѣе злостныхъ его критиковъ. Даже Тургеневъ, по поводу выхода перваго сборника стихотвореній поэта (въ 1856 г.), выражается въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Е. Я. Колбасину: «А Некрасова стихотворенія, собранныя въ одинъ фокусъ, *жгутся*». Ап. Григорьевъ сознавался, что въ поэзіи Некрасова «чувствуется какая-то *сила*, но,—добавлялъ онъ,—сила грубая, необработанная». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о «*молотѣ*, которымъ съ плеча бьетъ чувство Некрасова». Такое же, такъ сказать, металлическое сравненіе дѣлаетъ и Бѣлинскій, восторгаясь Некрасовымъ въ одномъ частномъ письмѣ: «Что за талантъ у этого человѣка! И что за *топоръ* его талантъ!» Въ этомъ же тонѣ выражается о своей музѣ и ея ласкахъ и самъ Некрасовъ:

Съ желѣзной грудью надо быть,
Чтобъ этимъ ласкамъ отвѣчать,
Объятья эти выносить...

Въ предисловіи къ стихотвореніямъ Некрасова, переведеннымъ на французскій языкъ, Вогюэ очень удачно дополняетъ давно уже признанный за поэтомъ эпитетъ—«реалистъ»—новымъ, многое поясняющимъ эпитетомъ—«экзальтированный реалистъ» *). Вогюэ бросаетъ это замѣчаніе какъ бы мимоходомъ, вскользь, но мы остановимся на немъ, такъ какъ экзальтированность Некрасова является источникомъ многихъ интересныхъ для насъ особенностей его личности и его музы. Мы поймемъ теперь, почему Некрасовъ съ такою упорною настойчивостью, несмотря на совѣты и насмѣшки, тяготѣлъ къ поэтической формѣ, въ которой одной лишь онъ и могъ передать учащенную пульсацію своего сильно бьющагося сердца. Мы поймемъ, почему съ такою необычною чуткостью, съ такимъ неумолимымъ осужденіемъ относился онъ къ собственнымъ слабостямъ, которыхъ тысячи людей снисходительно не замѣчаютъ въ себѣ, но которыя Некрасовъ такъ страстно бичевалъ въ своихъ покаянныхъ пѣсняхъ. Мы поймемъ, наконецъ, почему иногда, въ минуты повышеннаго настроенія, Некрасовъ терялъ чувство мѣры и допускалъ въ своихъ стихахъ такія, какъ выражается г. Андреевскій, «коварныя преувеличенія», которыя даже раздражаютъ читателя своею неправдой **). Но если этимъ недостаткомъ,—усиленно

---

*) «Si je devais le définir d'un mot, je dirais de lui, comme de beaucoup parmi ses compatriotes, qu'il est un réaliste exalté». N. Nekrassov. «Poésies populaires». P., p. 5.

**) С. А. Андреевскій. «Литературные Очерки». Спб. 1902 г., стр. 179. Тутъже г. Андреевскій приводитъ и нѣсколько случаевъ такихъ преувеличеній. Напр.

подчеркнутымъ нѣкоторыми критиками (Н. Н. Страховымъ и С. А. Андреевскимъ), и грѣшитъ муза Некрасова, то, во всякомъ случаѣ, дѣйствительные размѣры его не надо утрировать. И мы лично склонны удивляться не тому, что Некрасовъ впадалъ иногда въ грѣхъ преувеличенія, а тому, что онъ такъ рѣдко впадалъ въ этотъ грѣхъ, хотя, по силѣ вкладываемаго въ свое творчество настроенія, онъ былъ всегда близокъ къ нему.

Онъ могъ оставаться спокойнымъ только тогда, когда писалъ прозу, — ей онъ отдавалъ только свою мысль и излагать ее на бумагѣ онъ могъ, сидя за письменнымъ столомъ и даже лежа на диванѣ. Когда же онъ переходилъ къ стихамъ, спокойствіе оставляло его: онъ весь взвинчивался, весь приходилъ въ движеніе. Онъ творилъ, шагая по комнатѣ и вслухъ произнося складывающіяся строфы, и только тогда, когда процессъ творчества оканчивался, онъ подходилъ къ столу и результаты своего вдохновенія записывалъ на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги. И уже не иногда, а часто, сплошь и рядомъ, его приподнятое настроеніе выливалось въ строфы, которыя по своей энергіи и выразительности очень близко граничили съ преувеличеніемъ, но за эту роковую грань все таки не переходили. Врожденный тактъ спасалъ поэта, а безусловная искренность чувства сдерживала энтузіаста въ границахъ безыскусственной правды. Можно ли прибавить, напримѣръ, хоть одну лишнюю черту, не нарушивъ правды, къ этой поразительной по силѣ картинѣ «ночи», «которую теперь мы доживаемъ боязливо,

Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо?»

А именно къ такимъ, не поддающимся дальнѣйшему сгущенію, краскамъ художникъ прибѣгалъ часто, когда писалъ свои выразительны, и въ то-же время правдивыя картины русской общественности, какова напримѣръ, слѣдующая яркая характеристика нашихъ провинціальныхъ захолустій:

Тамъ духота, бездумье, лѣнь,
Тамъ время тянется сонливо,
Какъ самодѣльная расшива
По тихой Волгѣ въ лѣтній день.
Тамъ только не грѣшно родиться
Или подъ старость умирать...

Когда читаешь, эти сжатыя характеристики, въ которыхъ «словамъ тѣсно, а мысли просторно», то невольно вспоминаются извѣстныя заклю-

---

въ «Тишинѣ» онъ указываетъ слѣдующія строки: «*прибитая къ землѣ слезами рекрутскихъ женъ и матерей*, пыль не стоитъ уже столбами надъ бѣдной родиной моей». Подчеркнувъ указанную здѣсь фразу, критикъ замѣчаетъ: «Этотъ невообразимый дождь, освѣжившій большую дорогу—совершенно нестерпимъ».

чительныя строки «Орины», въ которыхъ поэтъ противопоставляетъ бѣдность словъ силѣ чувства:

Мало словъ, а горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная...

Таково впечатлѣніе, которое оставляютъ многія стихотворенія Некрасова, гдѣ часто однимъ замѣчаніемъ, а то даже однимъ словомъ освѣщается картина, и въ большинствѣ случаевъ картина печальная —«горя рѣченька бездонная...»

Поютъ они безъ голосу,
А слушать—дрожь по волосу!

вставляетъ замѣчаніе одинъ изъ слушателей «Голодной», и тягучія слова вахлацкой пѣсни сразу же пріобрѣтаютъ для васъ какой-то новый ужасный смыслъ. Рисуетъ онъ уличную суету: воръ укралъ у торговки калачъ («На улицѣ»), и одного слова достаточно Некрасову, чтобы заставить васъ понять глубокій трагизмъ эпизода, оканчивающагося арестомъ вора. «*Закушенный* калачъ дрожалъ въ его рукѣ». Вдумайтесь въ значеніе подчеркнутаго нами слова, и передъ вами развернется новая самостоятельная картина человѣческихъ лишеній и страданій, картина, для изображенія которой заурядный поэтъ потратилъ бы не мало слёзъ и словъ. Съ такою же желѣзною силой сжимаетъ поэтъ огромное содержаніе въ извѣстныхъ теперь всѣмъ и каждому эпитетахъ: «*безпокойная* ласковость взгляда», «*убогая* роскошь наряда» и др.

Мы могли бы наполнить цѣлыя страницы подобными выхваченными изъ стихотвореній Некрасова отдѣльными выраженіями, которыя, помимо воли читателя, навсегда врѣзываются въ сознаніе и неизбѣжно воскресаютъ въ немъ каждый разъ, когда окружающая жизнь взволнуетъ васъ и вызоветъ острую реакцію въ вашемъ настроеніи. Ихъ много, этихъ образчиковъ проникновенной силы, присутствіе которой вы сплошь и рядомъ чувствуете даже въ тѣхъ случаяхъ, когда поэтъ является передъ вами въ роли простого созерцателя картинъ природы. Рисуетъ ли онъ «*врачующій* просторъ» родныхъ полей, обращается ли онъ къ сѣверной столицѣ, гдѣ «день *больной*», гдѣ «вечеръ мглистый», набрасываетъ ли непритязательный осенній эскизъ, показывая вамъ, какъ

На ручей рябой и пестрый
За листкомъ летитъ листокъ,

всюду передъ вами является художникъ большой изобразительной силы. И сила эта замѣтно растетъ по мѣрѣ того, какъ художникъ переноситъ свой взоръ на картины общественной жизни и, наконецъ, переходитъ въ потрясающій паѳосъ, когда (какъ, напримѣръ, въ «Размышленіи у параднаго подъѣзда») возмущенное чувство лишаетъ его необходимаго спокойствія для того, чтобы онъ могъ ограничиваться только поэтическою объективаціей явленія.

Извѣстная часть современной Некрасову критики жестоко преслѣдовала поэта за то, что онъ, выражаясь словами Алмазова, рисовалъ «ненормальныя, уродливыя явленія жизни, которыхъ должно избѣгать въ поэзіи». Были, разумѣется, критики, и даже не мало, которые, напротивъ, ставили поэту въ особую заслугу его отрицательное отношеніе къ современной русской дѣйствительности и за это одно, игнорируя другія стороны его поэзіи, готовы были увѣнчать его. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ новою существенною особенностью поэта, и намъ предстоитъ выяснить ея роль и значеніи въ поэзіи Некрасова вообще.

Мы уже указывали, съ какимъ настроеніемъ, подготовленнымъ дѣтскими и закрѣпленнымъ юношескими годами, вступилъ Некрасовъ, въ литературу. Къ этому мы прибавимъ здѣсь, что по свойствамъ своего ума Некрасовъ былъ строгимъ аналитикомъ,—мысль его шла всегда регрессивнымъ путемъ, отъ явленій къ ихъ причинамъ и только въ рѣдкихъ, даже, быть можетъ, исключительныхъ случаяхъ отъ основаній къ выводамъ. Словомъ, въ немъ въ готовомъ видѣ имѣлось все, что нужно сатирику, и мы ни мало не преувеличимъ, если скажемъ, что именно сатирикомъ поэтъ и является во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. Въ лирикѣ онъ съ безпощаднымъ гнѣвомъ казнитъ самого себя, казнитъ любовь, въ которой, какъ мы указывали выше, Некрасовъ видѣлъ прежде, всего, драму ея неразрѣшимыхъ противорѣчій; въ остальныхъ своихъ стихотвореніяхъ онъ вскрываетъ противорѣчія общественной жизни и такъ или иначе протестуетъ противъ нихъ. Въ первыхъ своихъ стихотвореніяхъ, вошедшихъ въ «Полное Собраніе», Некрасовъ, отчасти вслѣдствіе тяжелыхъ цензурныхъ условій того времени, а еще больше вслѣдствіе недостатковъ собственнаго развитія, часто направляетъ свой протестъ въ боковые ручейки общественной жизни. Но онъ упорно работаетъ надъ собой, развивается, и когда, наконецъ, позволило время, Некрасовъ выступилъ съ стихотвореніемъ—«Поэтъ и Гражданинъ»,—въ которомъ онъ далъ читателямъ вполнѣ уже разработанное и продуманное свое profession de foi. Съ этого времени сатира Некрасова, уже не сбиваясь въ боковые ручейки, направляется по центральному руслу общественной жизни и неизмѣнно держится его. Теперь изъ него выработался поэтъ-гражданинъ, какъ онъ хотѣлъ бы назвать себя самъ въ этомъ стихотвореніи. Теперь онъ подходитъ къ самымъ основнымъ темамъ русской общественности, чутко отражая въ своихъ стихотвореніяхъ всѣ думы и настроенія передовыхъ слоевъ, современнаго ему общества. Въ этомъ смыслѣ, пожалуй, правъ былъ Авсѣенко, давшій Некрасову ироническую кличку «поэта журнальныхъ мотивовъ». Да, такимъ былъ Некрасовъ, поскольку журналистика отзывалась на жгучіе вопросы общественной жизни.

Мы поставили бы себѣ слишкомъ обширную задачу, если бы вздумали прослѣдить, какія именно стороны русской жизни, подъ какимъ

угломъ зрѣнія освѣщала сатира Некрасова. Но чтобы не оставить совсѣмъ безъ отвѣта этотъ, во всякомъ случаѣ, интересный вопросъ, посмотримъ, какъ встрѣтилъ поэтъ нѣкоторые наиболѣе выдающіеся моменты нашей общественности. На первомъ планѣ, разумѣется, надо поставить реформу 19-го февраля 1861 г. Мы знаемъ, что Некрасовъ былъ пламеннымъ и непримиримымъ врагомъ крѣпостного режима, и въ дореформенный періодъ своей поэтической дѣятельности онъ упорно цѣлилъ въ одну точку, стараясь, насколько возможно, дискредитировать крѣпостничество въ общественномъ сознаніи. Но вотъ совершилась реформа, и Некрасовъ въ этомъ же 1861 году посвящаетъ ей стихотвореніе «Свобода». Наше вниманіе останавливаютъ, прежде всего, незначительные сравнительно размѣры стихотворенія—только 16 строфъ. Затѣмъ, хотя онъ, разумѣется, привѣтствуетъ освобожденіе, но тутъ же вставляетъ и расхолаживающую читателя оговорку:

Знаю:—на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ.

Позже, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ сообщаетъ намъ, почему именно его не удовлетворила реформа:

Порвалась цѣпь великая,
Порвалась,—разскочилася:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику.

Но, во всякомъ случаѣ, для Некрасова, какъ сатирика, въ высшей степени характерна оговорка, сорвавшаяся съ его пера въ минуту общаго ликованія на Руси всѣхъ друзей народа.

6-го апрѣля 1865 г. утверждены «временныя правила по дѣламъ печати», предоставившія печатному слову въ Россіи относительно большую свободу. И въ этомъ же году, среди общаго ликованія литературы, Некрасовъ пишетъ рядъ сатирическихъ стихотвореній, объединенныхъ общимъ названіемъ «Пѣсенъ о свободномъ словѣ». Вотъ одна изъ этихъ пѣсенъ: «Литераторы»:

Три друга обнялись при встрѣчѣ,
Входя въ какой-то магазинъ.
«Теперь пойдутъ иныя рѣчи!»
Замѣтилъ весело одинъ.
— Теперь насъ ждетъ просторъ и слава!
Другой восторженно сказалъ,
А третій посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ! *)

Общій смыслъ «пѣсенъ» тотъ, что отъ реформы остается въ выигрышѣ не содержаніе печати, а, быть можетъ, ея техника: «не такъ ужъ безтолково, авось, пойдутъ дѣла», замѣчаютъ отъ себя по поводу реформы наборщики. Либеральные журналисты пришли отъ этой «вы-

*) Примѣч. Некрасова: два послѣдніе стиха взяты у Лермонтова.

ходки» сатирика въ сильное негодованіе, усмотрѣвъ въ «Пѣсняхъ о свободномъ словѣ» сплошное, ничѣмъ не оправдываемое «шутовство». Время показало, кто былъ правъ,—сатирикъ или его восторженные хулители.

Отношеніе свое къ судебной реформѣ поэтъ обнаружилъ не сразу, но когда потомъ, въ «Герояхъ времени», онъ высказалъ его, то и здѣсь онъ остался все тѣмъ же проницательнымъ сатирикомъ, отъ котораго блестящая внѣшность явленія не можетъ укрыть его тѣневыхъ сторонъ. Предлагаемъ читателю возстановить въ своей памяти относящійся къ суду отрывокъ:

На Литейной такое есть зданіе,
Гдѣ виновнаго ждетъ наказаніе,
А невиненъ—отпустятъ домой,
Окативши ушатомъ помой...
и т. д.

Неизмѣнно сатирическое отношеніе Некрасова къ жизни невольно вызываетъ насъ сдѣлать одно случайное сопоставленіе поэта съ его «учителемъ», какъ онъ часто называлъ Бѣлинскаго. Постройка Николаевской желѣзной дороги вызывала въ воображеніи идеалиста Бѣлинскаго рой радужныхъ надеждъ и ожиданій. Съ нервнымъ нетерпѣніемъ онъ поджидалъ окончанія работъ и часто выходилъ на постройку, наблюдая за ея ходомъ. И мы знаемъ, какъ «привѣтствовалъ» ту же дорогу Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи «Желѣзная дорога». Онъ органически не могъ бы стать на точку зрѣнія Бѣлинскаго, такъ какъ реальныя отрицательныя стороны общественныхъ явленій слишкомъ рѣзко выступаютъ передъ нимъ и онъ не можетъ не отмѣтить ихъ. Въ другомъ мѣстѣ («Кому на Руси жить хорошо») онъ еще разъ говоритъ о желѣзной дорогѣ и опять подчеркиваетъ ея отрицательное значеніе, хотя и подъ инымъ угломъ зрѣнія:

Важная барыня! гордая барыня!
Ходитъ, змѣею шипитъ:
«Пусто вамъ! пусто вамъ! пусто вамъ!»
Русской деревнѣ кричитъ;
Въ рожу крестьянину фыркаетъ,
Давитъ, увѣчитъ, кувыркаетъ;
Скоро весь русскій народъ
Чище метлы подмететъ!

Съ той же точки зрѣнія оцѣниваетъ поэтъ и ту предпринимательскую горячку, которая въ его время охватила въ одинаковой степени какъ промышленную, такъ и дворянскую и бюрократическую сферы. Устами кающагося хищника Зацѣпина поэтъ восклицаетъ:

Горе! горе! хищникъ смѣлый
Ворвался въ толпу!
Гдѣ же Руси неумѣлой
Выдержать борьбу?

Сатирикъ, разившій зло не бичемъ, а молотомъ, Некрасовъ направлялъ его удары туда, гдѣ всего сильнѣе и ярче раскрывались соціальныя противорѣчія. И наиболѣе страдавшіе отъ этихъ противорѣчій имѣли право на его преимущественное вниманіе,—это были дѣти, женщины и крестьянская масса, народъ,—въ особенности народъ, въ озареніи жизни котораго лучами сознанія поэтъ видѣлъ даже свое прямое назначеніе.

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ.

Изображенію различныхъ сторонъ народной жизнь Некрасовъ посвящаетъ цѣлый рядъ картинъ, въ которыхъ и дореформенная, и пореформенная Русь нашла себѣ достаточо полное выраженіе. Въ своихъ большихъ произведеніяхъ («Коробейники», «Морозъ красный-носъ», «Кому на Руси жить хорошо») онъ подходитъ даже къ такимъ проявленіямъ народной жизни, которыя требуютъ не гнѣвной скорби сатирика, а задушевной теплоты эпическаго поэта, и Некрасовъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ въ объемѣ, какого только можетъ пожелать самый придирчивый эстетикъ. Но въ поэзіи Некрасова это лишь случайные вставные эпизоды; все же вниманіе его сосредоточено на тѣхъ сторонахъ народной жизни, жесткія краски которыхъ одинаково поражали мысль и другого нашего сатирика—Щедрива. «Невозможно ни на минуту усомниться,—говоритъ Щедринъ въ «Письмахъ о провинціи» 1868—70 гг.,—что русскій мужикъ бѣденъ, дѣйствительно бѣденъ всѣми видами бѣдности, какіе только возможно себѣ представить, и—что всего хуже—бѣденъ сознаніемъ этой бѣдности». И вотъ разные виды этой бѣдности—голодъ, холодъ, невѣжество, безправіе—Некрасовъ и обнаруживаетъ передъ русскимъ обществомъ, причемъ, подобно Щедрину, и онъ больше всего пораженъ «бѣдностью сознанія бѣдности». Эту горьшую изъ всѣхъ бѣдностей онъ не устаетъ подчеркивать въ теченіе всей своей поэтической дѣятельности, то рыдая надъ нею, то негодуя и возмущаясь. Уже въ 1858 г. онъ съ тревогой впервые задаетъ этотъ страшный вопросъ:

Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
Иль судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,—
Создалъ пѣсню, подобную стону
И духовно навѣки почилъ?

Въ 1860 г., въ стихотвореніи «На Волгѣ» онъ, вспоминая свои дѣтскія впечатлѣнія, рисуетъ, между прочимъ, бурлаковъ:

Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенныя черты
И выражающій укоръ
Спокойно-безнадежный взоръ...

ходки» сатирика въ сильное негодованіе, усмотрѣвъ въ «Пѣсняхъ о свободномъ словѣ» сплошное, ничѣмъ не оправдываемое «шутовство». Время показало, кто былъ правъ,—сатирикъ или его восторженные хулители.

Отношеніе свое къ судебной реформѣ поэтъ обнаружилъ не сразу, но когда потомъ, въ «Герояхъ времени», онъ высказалъ его, то и здѣсь онъ остался все тѣмъ же проницательнымъ сатирикомъ, отъ котораго блестящая внѣшность явленія не можетъ укрыть его тѣневыхъ сторонъ. Предлагаемъ читателю возстановить въ своей памяти относящійся къ суду отрывокъ:

На Литейной такое есть зданіе,
Гдѣ виновнаго ждетъ наказаніе,
А невиненъ—отпустятъ домой,
Окативши ушатомъ помой...
и т. д.

Неизмѣнно сатирическое отношеніе Некрасова къ жизни невольно вызываетъ насъ сдѣлать одно случайное сопоставленіе поэта съ его «учителемъ», какъ онъ часто называлъ Бѣлинскаго. Постройка Николаевской желѣзной дороги вызывала въ воображеніи идеалиста Бѣлинскаго рой радужныхъ надеждъ и ожиданій. Съ нервнымъ нетерпѣніемъ онъ поджидалъ окончанія работъ и часто выходилъ на постройку, наблюдая за ея ходомъ. И мы знаемъ, какъ «привѣтствовалъ» ту же дорогу Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи «Желѣзная дорога». Онъ органически не могъ бы стать на точку зрѣнія Бѣлинскаго, такъ какъ реальныя отрицательныя стороны общественныхъ явленій слишкомъ рѣзко выступаютъ передъ нимъ и онъ не можетъ не отмѣтить ихъ. Въ другомъ мѣстѣ («Кому на Руси жить хорошо») онъ еще разъ говоритъ о желѣзной дорогѣ и опять подчеркиваетъ ея отрицательное значеніе, хотя и подъ инымъ угломъ зрѣнія:

Важная барыня! гордая барыня!
Ходитъ, змѣею шипитъ:
«Пусто вамъ! пусто вамъ! пусто вамъ!»
Русской деревнѣ кричитъ;
Въ рожу крестьянину фыркаетъ,
Давитъ, увѣчитъ, кувыркаетъ;
Скоро весь русскій народъ
Чище метлы подмететъ!

Съ той же точки зрѣнія оцѣниваетъ поэтъ и ту предпринимательскую горячку, которая въ его время охватила въ одинаковой степени какъ промышленную, такъ и дворянскую и бюрократическую сферы. Устами кающагося хищника Зацѣпина поэтъ восклицаетъ:

Горе! горе! хищникъ смѣлый
Ворвался въ толпу!
Гдѣ же Руси неумѣлой
Выдержать борьбу?

Сатирикъ, разившій зло не бичемъ, а молотомъ, Некрасовъ направлялъ его удары туда, гдѣ всего сильнѣе и ярче раскрывались соціальныя противорѣчія. И наиболѣе страдавшіе отъ этихъ противорѣчій имѣли право на его преимущественное вниманіе,—это были дѣти, женщины и крестьянская масса, народъ,—въ особенности народъ, въ озареніи жизни котораго лучами сознанія поэтъ видѣлъ даже свое прямое назначеніе.

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ.

Изображенію различныхъ сторонъ народной жизнь Некрасовъ посвящаетъ цѣлый рядъ картинъ, въ которыхъ и дореформенная, и пореформенная Русь нашла себѣ достаточо полное выраженіе. Въ своихъ большихъ произведеніяхъ («Коробейники», «Морозъ красный-носъ», «Кому на Руси жить хорошо») онъ подходитъ даже къ такимъ проявленіямъ народной жизни, которыя требуютъ не гнѣвной скорби сатирика, а задушевной теплоты эпическаго поэта, и Некрасовъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ въ объемѣ, какого только можетъ пожелать самый придирчивый эстетикъ. Но въ поэзіи Некрасова это лишь случайные вставные эпизоды; все же вниманіе его сосредоточено на тѣхъ сторонахъ народной жизни, жесткія краски которыхъ одинаково поражали мысль и другого нашего сатирика—Щедрива. «Невозможно ни на минуту усомниться,—говоритъ Щедринъ въ «Письмахъ о провинціи» 1868—70 гг.,—что русскій мужикъ бѣденъ, дѣйствительно бѣденъ всѣми видами бѣдности, какіе только возможно себѣ представить, и—что всего хуже—бѣденъ сознаніемъ этой бѣдности». И вотъ разные виды этой бѣдности—голодъ, холодъ, невѣжество, безправіе—Некрасовъ и обнаруживаетъ передъ русскимъ обществомъ, причемъ, подобно Щедрину, и онъ больше всего пораженъ «бѣдностью сознанія бѣдности». Эту горьшую изъ всѣхъ бѣдностей онъ не устаетъ подчеркивать въ теченіе всей своей поэтической дѣятельности, то рыдая надъ нею, то негодуя и возмущаясь. Уже въ 1858 г. онъ съ тревогой впервые задаетъ этотъ страшный вопросъ:

Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
Иль судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,—
Создалъ пѣсню, подобную стону
И духовно навѣки почилъ?

Въ 1860 г., въ стихотвореніи «На Волгѣ» онъ, вспоминая свои дѣтскія впечатлѣнія, рисуетъ, между прочимъ, бурлаковъ:

Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенныя черты
И выражающій укоръ
Спокойно-безнадежный взоръ...

ходки» сатирика въ сильное негодованіе, усмотрѣвъ въ «Пѣсняхъ о свободномъ словѣ» сплошное, ничѣмъ не оправдываемое «шутовство». Время показало, кто былъ правъ,—сатирикъ или его восторженные хулители.

Отношеніе свое къ судебной реформѣ поэтъ обнаружилъ не сразу, но когда потомъ, въ «Герояхъ времени», онъ высказалъ его, то и здѣсь онъ остался все тѣмъ же проницательнымъ сатирикомъ, отъ котораго блестящая внѣшность явленія не можетъ укрыть его тѣневыхъ сторонъ. Предлагаемъ читателю возстановить въ своей памяти относящійся къ суду отрывокъ:

На Литейной такое есть зданіе,
Гдѣ виновнаго ждетъ наказаніе,
А невиненъ—отпустятъ домой,
Окативши ушатомъ помой...
и т. д.

Неизмѣнно сатирическое отношеніе Некрасова къ жизни невольно вызываетъ насъ сдѣлать одно случайное сопоставленіе поэта съ его «учителемъ», какъ онъ часто называлъ Бѣлинскаго. Постройка Николаевской желѣзной дороги вызывала въ воображеніи идеалиста Бѣлинскаго рой радужныхъ надеждъ и ожиданій. Съ нервнымъ нетерпѣніемъ онъ поджидалъ окончанія работъ и часто выходилъ на постройку, наблюдая за ея ходомъ. И мы знаемъ, какъ «привѣтствовалъ» ту же дорогу Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи «Желѣзная дорога». Онъ органически не могъ бы стать на точку зрѣнія Бѣлинскаго, такъ какъ реальныя отрицательныя стороны общественныхъ явленій слишкомъ рѣзко выступаютъ передъ нимъ и онъ не можетъ не отмѣтить ихъ. Въ другомъ мѣстѣ («Кому на Руси жить хорошо») онъ еще разъ говоритъ о желѣзной дорогѣ и опять подчеркиваетъ ея отрицательное значеніе, хотя и подъ инымъ угломъ зрѣнія:

Важная барыня! гордая барыня!
Ходитъ, змѣею шипитъ:
«Пусто вамъ! пусто вамъ! пусто вамъ!»
Русской деревнѣ кричитъ;
Въ рожу крестьянину фыркаетъ,
Давитъ, увѣчитъ, кувыркаетъ;
Скоро весь русскій народъ
Чище метлы подмететъ!

Съ той же точки зрѣнія оцѣниваетъ поэтъ и ту предпринимательскую горячку, которая въ его время охватила въ одинаковой степени какъ промышленную, такъ и дворянскую и бюрократическую сферы. Устами кающагося хищника Зацѣпина поэтъ восклицаетъ:

Горе! горе! хищникъ смѣлый
Ворвался въ толпу!
Гдѣ же Руси неумѣлой
Выдержать борьбу?

Сатирикъ, разившій зло не бичемъ, а молотомъ, Некрасовъ направлялъ его удары туда, гдѣ всего сильнѣе и ярче раскрывались соціальныя противорѣчія. И наиболѣе страдавшіе отъ этихъ противорѣчій имѣли право на его преимущественное вниманіе,—это были дѣти, женщины и крестьянская масса, народъ,—въ особенности народъ, въ озареніи жизни котораго лучами сознанія поэтъ видѣлъ даже свое прямое назначеніе.

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ.

Изображенію различныхъ сторонъ народной жизнь Некрасовъ посвящаетъ цѣлый рядъ картинъ, въ которыхъ и дореформенная, и пореформенная Русь нашла себѣ достаточо полное выраженіе. Въ своихъ большихъ произведеніяхъ («Коробейники», «Морозъ красный-носъ», «Кому на Руси жить хорошо») онъ подходитъ даже къ такимъ проявленіямъ народной жизни, которыя требуютъ не гнѣвной скорби сатирика, а задушевной теплоты эпическаго поэта, и Некрасовъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ въ объемѣ, какого только можетъ пожелать самый придирчивый эстетикъ. Но въ поэзіи Некрасова это лишь случайные вставные эпизоды; все же вниманіе его сосредоточено на тѣхъ сторонахъ народной жизни, жесткія краски которыхъ одинаково поражали мысль и другого нашего сатирика—Щедрива. «Невозможно ни на минуту усомниться,—говоритъ Щедринъ въ «Письмахъ о провинціи» 1868—70 гг.,—что русскій мужикъ бѣденъ, дѣйствительно бѣденъ всѣми видами бѣдности, какіе только возможно себѣ представить, и—что всего хуже—бѣденъ сознаніемъ этой бѣдности». И вотъ разные виды этой бѣдности—голодъ, холодъ, невѣжество, безправіе—Некрасовъ и обнаруживаетъ передъ русскимъ обществомъ, причемъ, подобно Щедрину, и онъ больше всего пораженъ «бѣдностью сознанія бѣдности». Эту горьшую изъ всѣхъ бѣдностей онъ не устаетъ подчеркивать въ теченіе всей своей поэтической дѣятельности, то рыдая надъ нею, то негодуя и возмущаясь. Уже въ 1858 г. онъ съ тревогой впервые задаетъ этотъ страшный вопросъ:

Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
Иль судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,—
Создалъ пѣсню, подобную стону
И духовно навѣки почилъ?

Въ 1860 г., въ стихотвореніи «На Волгѣ» онъ, вспоминая свои дѣтскія впечатлѣнія, рисуетъ, между прочимъ, бурлаковъ:

Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенныя черты
И выражающій укоръ
Спокойно-безнадежный взоръ...

ходки» сатирика въ сильное негодованіе, усмотрѣвъ въ «Пѣсняхъ о свободномъ словѣ» сплошное, ничѣмъ не оправдываемое «шутовство». Время показало, кто былъ правъ,—сатирикъ или его восторженные хулители.

Отношеніе свое къ судебной реформѣ поэтъ обнаружилъ не сразу, но когда потомъ, въ «Герояхъ времени», онъ высказалъ его, то и здѣсь онъ остался все тѣмъ же проницательнымъ сатирикомъ, отъ котораго блестящая внѣшность явленія не можетъ укрыть его тѣневыхъ сторонъ. Предлагаемъ читателю возстановить въ своей памяти относящійся къ суду отрывокъ:

На Литейной такое есть зданіе,
Гдѣ виновнаго ждетъ наказаніе,
А невиненъ—отпустятъ домой,
Окативши ушатомъ помой...
и т. д.

Неизмѣнно сатирическое отношеніе Некрасова къ жизни невольно вызываетъ насъ сдѣлать одно случайное сопоставленіе поэта съ его «учителемъ», какъ онъ часто называлъ Бѣлинскаго. Постройка Николаевской желѣзной дороги вызывала въ воображеніи идеалиста Бѣлинскаго рой радужныхъ надеждъ и ожиданій. Съ нервнымъ нетерпѣніемъ онъ поджидалъ окончанія работъ и часто выходилъ на постройку, наблюдая за ея ходомъ. И мы знаемъ, какъ «привѣтствовалъ» ту же дорогу Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи «Желѣзная дорога». Онъ органически не могъ бы стать на точку зрѣнія Бѣлинскаго, такъ какъ реальныя отрицательныя стороны общественныхъ явленій слишкомъ рѣзко выступаютъ передъ нимъ и онъ не можетъ не отмѣтить ихъ. Въ другомъ мѣстѣ («Кому на Руси жить хорошо») онъ еще разъ говоритъ о желѣзной дорогѣ и опять подчеркиваетъ ея отрицательное значеніе, хотя и подъ инымъ угломъ зрѣнія:

Важная барыня! гордая барыня!
Ходитъ, змѣею шипитъ:
«Пусто вамъ! пусто вамъ! пусто вамъ!»
Русской деревнѣ кричитъ;
Въ рожу крестьянину фыркаетъ,
Давитъ, увѣчитъ, кувыркаетъ;
Скоро весь русскій народъ
Чище метлы подмететъ!

Съ той же точки зрѣнія оцѣниваетъ поэтъ и ту предпринимательскую горячку, которая въ его время охватила въ одинаковой степени какъ промышленную, такъ и дворянскую и бюрократическую сферы. Устами кающагося хищника Зацѣпина поэтъ восклицаетъ:

Горе! горе! хищникъ смѣлый
Ворвался въ толпу!
Гдѣ же Руси неумѣлой
Выдержать борьбу?

Сатирикъ, разившій зло не бичемъ, а молотомъ, Некрасовъ направлялъ его удары туда, гдѣ всего сильнѣе и ярче раскрывались соціальныя противорѣчія. И наиболѣе страдавшіе отъ этихъ противорѣчій имѣли право на его преимущественное вниманіе,—это были дѣти, женщины и крестьянская масса, народъ,—въ особенности народъ, въ озареніи жизни котораго лучами сознанія поэтъ видѣлъ даже свое прямое назначеніе.

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ.

Изображенію различныхъ сторонъ народной жизнь Некрасовъ посвящаетъ цѣлый рядъ картинъ, въ которыхъ и дореформенная, и пореформенная Русь нашла себѣ достаточо полное выраженіе. Въ своихъ большихъ произведеніяхъ («Коробейники», «Морозъ красный-носъ», «Кому на Руси жить хорошо») онъ подходитъ даже къ такимъ проявленіямъ народной жизни, которыя требуютъ не гнѣвной скорби сатирика, а задушевной теплоты эпическаго поэта, и Некрасовъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ въ объемѣ, какого только можетъ пожелать самый придирчивый эстетикъ. Но въ поэзіи Некрасова это лишь случайные вставные эпизоды; все же вниманіе его сосредоточено на тѣхъ сторонахъ народной жизни, жесткія краски которыхъ одинаково поражали мысль и другого нашего сатирика—Щедрива. «Невозможно ни на минуту усомниться,—говоритъ Щединъ въ «Письмахъ о провинціи» 1868—70 гг.,—что русскій мужикъ бѣденъ, дѣйствительно бѣденъ всѣми видами бѣдности, какіе только возможно себѣ представить, и—что всего хуже—бѣденъ сознаніемъ этой бѣдности». И вотъ разные виды этой бѣдности—голодъ, холодъ, невѣжество, безправіе—Некрасовъ и обнаруживаетъ передъ русскимъ обществомъ, причемъ, подобно Щедрину, и онъ больше всего пораженъ «бѣдностью сознанія бѣдности». Эту горьшую изъ всѣхъ бѣдностей онъ не устаетъ подчеркивать въ теченіе всей своей поэтической дѣятельности, то рыдая надъ нею, то негодуя и возмущаясь. Уже въ 1858 г. онъ съ тревогой впервые задаетъ этотъ страшный вопросъ:

Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
Иль судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,—
Создалъ пѣсню, подобную стону
И духовно навѣки почилъ?

Въ 1860 г., въ стихотвореніи «На Волгѣ» онъ, вспоминая свои дѣтскія впечатлѣнія, рисуетъ, между прочимъ, бурлаковъ:

Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенныя черты
И выражающій укоръ
Спокойно-безнадежный взоръ...

ходки» сатирика въ сильное негодованіе, усмотрѣвъ въ «Пѣсняхъ о свободномъ словѣ» сплошное, ничѣмъ не оправдываемое «шутовство». Время показало, кто былъ правъ,—сатирикъ или его восторженные хулители.

Отношеніе свое къ судебной реформѣ поэтъ обнаружилъ не сразу, но когда потомъ, въ «Герояхъ времени», онъ высказалъ его, то и здѣсь онъ остался все тѣмъ же проницательнымъ сатирикомъ, отъ котораго блестящая внѣшность явленія не можетъ укрыть его тѣневыхъ сторонъ. Предлагаемъ читателю возстановить въ своей памяти относящійся къ суду отрывокъ:

На Литейной такое есть зданіе,
Гдѣ виновнаго ждетъ наказаніе,
А невиненъ—отпустятъ домой,
Окативши ушатомъ помой...
и т. д.

Неизмѣнно сатирическое отношеніе Некрасова къ жизни невольно вызываетъ насъ сдѣлать одно случайное сопоставленіе поэта съ его «учителемъ», какъ онъ часто называлъ Бѣлинскаго. Постройка Николаевской желѣзной дороги вызывала въ воображеніи идеалиста Бѣлинскаго рой радужныхъ надеждъ и ожиданій. Съ нервнымъ нетерпѣніемъ онъ поджидалъ окончанія работъ и часто выходилъ на постройку, наблюдая за ея ходомъ. И мы знаемъ, какъ «привѣтствовалъ» ту же дорогу Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи «Желѣзная дорога». Онъ органически не могъ бы стать на точку зрѣнія Бѣлинскаго, такъ какъ реальныя отрицательныя стороны общественныхъ явленій слишкомъ рѣзко выступаютъ нередъ нимъ и онъ не можетъ не отмѣтить ихъ. Въ другомъ мѣстѣ («Кому на Руси жить хорошо») онъ еще разъ говоритъ о желѣзной дорогѣ и опять подчеркиваетъ ея отрицательное значеніе, хотя и подъ инымъ угломъ зрѣнія:

Важная барыня! гордая барыня!
Ходитъ, змѣею шипитъ:
«Пусто вамъ! пусто вамъ! пусто вамъ!»
Русской деревнѣ кричитъ;
Въ рожу крестьянину фыркаетъ,
Давитъ, увѣчитъ, кувыркаетъ;
Скоро весь русскій народъ
Чище метлы подмететъ!

Съ той же точки зрѣнія оцѣниваетъ поэтъ и ту предпринимательскую горячку, которая въ его время охватила въ одинаковой степени какъ промышленную, такъ и дворянскую и бюрократическую сферы. Устами кающагося хищника Зацѣпина поэтъ восклицаетъ:

Горе! горе! хищникъ смѣлый
Ворвался въ толпу!
Гдѣ же Руси неумѣлой
Выдержать борьбу?

Сатирикъ, разившій зло не бичемъ, а молотомъ, Некрасовъ направлялъ его удары туда, гдѣ всего сильнѣе и ярче раскрывались соціальныя противорѣчія. И наиболѣе страдавшіе отъ этихъ противорѣчій имѣли право на его преимущественное вниманіе,—это были дѣти, женщины и крестьянская масса, народъ,—въ особенности народъ, въ озареніи жизни котораго лучами сознанія поэтъ видѣлъ даже свое прямое назначеніе.

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ.

Изображенію различныхъ сторонъ народной жизнь Некрасовъ посвящаетъ цѣлый рядъ картинъ, въ которыхъ и дореформенная, и пореформенная Русь нашла себѣ достаточо полное выраженіе. Въ своихъ большихъ произведеніяхъ («Коробейники», «Морозъ красный-носъ», «Кому на Руси жить хорошо») онъ подходитъ даже къ такимъ проявленіямъ народной жизни, которыя требуютъ не гнѣвной скорби сатирика, а задушевной теплоты эпическаго поэта, и Некрасовъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ въ объемѣ, какого только можетъ пожелать самый придирчивый эстетикъ. Но въ поэзіи Некрасова это лишь случайные вставные эпизоды; все же вниманіе его сосредоточено на тѣхъ сторонахъ народной жизни, жесткія краски которыхъ одинаково поражали мысль и другого нашего сатирика—Щедрива. «Невозможно ни на минуту усомниться,—говоритъ Щедринъ въ «Письмахъ о провинціи» 1868—70 гг.,—что русскій мужикъ бѣденъ, дѣйствительно бѣденъ всѣми видами бѣдности, какіе только возможно себѣ представить, и—что всего хуже—бѣденъ сознаніемъ этой бѣдности». И вотъ разные виды этой бѣдности—голодъ, холодъ, невѣжество, безправіе—Некрасовъ и обнаруживаетъ передъ русскимъ обществомъ, причемъ, подобно Щедрину, и онъ больше всего пораженъ «бѣдностью сознанія бѣдности». Эту горьшую изъ всѣхъ бѣдностей онъ не устаетъ подчеркивать въ теченіе всей своей поэтической дѣятельности, то рыдая надъ нею, то негодуя и возмущаясь. Уже въ 1858 г. онъ съ тревогой впервые задаетъ этотъ страшный вопросъ:

Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
Иль судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,—
Создалъ пѣсню, подобную стону
И духовно навѣки почилъ?

Въ 1860 г., въ стихотвореніи «На Волгѣ» онъ, вспоминая свои дѣтскія впечатлѣнія, рисуетъ, между прочимъ, бурлаковъ:

Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенныя черты
И выражающій укоръ
Спокойно-безнадежный взоръ...

Сравнивая свои дѣтскія впечатлѣнія съ тѣмъ, что онъ видитъ передъ собою теперь, поэтъ поражается сходствомъ:

Въ чертахъ усталаго лица
Все та-жъ покорность безъ конца..

Тамъ онъ видѣлъ отцовъ, теперь передъ нимъ тянутъ ту же лямку ихъ дѣти. «И какъ отцу—говоритъ онъ, обращаясь къ бурлаку-сыну,—не довелось

Тебѣ наткнуться на вопросъ:
Чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ,
Когда-бъ ты менѣе терпѣлъ?..

Та же мысль тревожитъ его спустя два года, въ 1862 г., когда, желая отдохнуть отъ «литературы съ трескучими фразами», отъ «администраціи нашей съ указами о забираніи всякаго встрѣчнаго», онъ прощается со столицей и ѣдетъ въ деревню.

Но и крестьяне съ унылыми лицами
Не услаждаютъ очей!
Ихъ нищета, ихъ *терпѣнье безмѣрное*
Только досаду родитъ!
Чтоже ты любишь, дитя маловѣрное,
Гдѣ-же твои идолъ стоитъ?

Здѣсь передъ Некрасовымъ, какъ и передъ другими представителями стараго народничества, возвышалась непроницаемая каменная стѣна, въ которой каждый изъ народниковъ старался пробить брешь по своимъ силамъ и разумѣнію. Ниже мы скажемъ особо объ общественныхъ надеждахъ и идеалахъ Некрасова, а здѣсь отмѣтимъ одну любопытную черту, характерную для него, какъ реалиста.

Некрасовъ могъ лелѣять въ душѣ своей самыя смѣлыя надежды на отдаленное будущее, могъ обливаться слезами «надъ вымысломъ», созданнымъ собственнымъ воображеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ обойтись безъ какого-нибудь отвѣта, пригоднаго для текущаго дня. «Братство, Истина, Свобода», воспѣтыя имъ надъ колыбелью Еремушки,—это хорошо, но это въ будущемъ, а чѣмъ-же, какими чарами держится нынѣшній день, не дающій «вольныхъ впечатлѣній»?—Чары эти—отвѣчаетъ Некрасовъ—забвеніе или, еще проще, хмель. Въ 1845 г., которымъ открывается «Полное Собраніе», поэтъ уже намѣчаетъ эту мысль, говоря, что «жизнь въ трезвомъ положеніи куда не хороша!» и что

...Мгла отвсюду черная
Навстрѣчу бѣдняку...
Одна открыта торная
Дорога къ кабаку.

А впослѣдствіи, уже въ 70-хъ годахъ, онъ ведетъ съ Гл. Успенскимъ такой разговоръ на тему о задуманномъ окончаніи поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

«— А каковъ будетъ конецъ?—спросилъ его Успенскій.

«— А вы какъ думаете?

«Николай Алексѣевичъ улыбался и ждалъ.

«Эта улыбка,—разсказываетъ Успенскій,—дала мнѣ понять, что у Н. А. есть на мой вопросъ какой-то непредвидѣнный отвѣтъ, а чтобы вызвать его, я наудачу назвалъ одного ихъ поименованныхъ въ началѣ поэмы счастливцевъ.

«— Этому?—спросилъ я.

«— Ну, вотъ! какое тамъ счастье!

«И Н. А. немногими, но яркими чертами обрисовалъ безчисленныя черныя минуты и призрачныя радости названнаго мною счастливца.

«— Такъ кому же?—переспросилъ я.

«И тогда Н. А., вновь улыбнувшись, произнесъ съ разстановкой:

«— Пья-но-му!»

Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ именно предполагалъ окончить поэму. Не найдя на Руси счастливаго, странствующіе мужики возвращаются къ своимъ деревнямъ—Горѣлову, Неѣлову и т. д. Деревни эти смежны, стоятъ близко другъ отъ друга, и отъ каждой идетъ тропинка къ кабаку. Вотъ у этого-то кабака встрѣчаютъ они спившагося съ кругу человѣка, «подпоясаннаго лычкомъ», и съ нимъ, за чарочкой, узнаютъ, кому жить хорошо *).

Собственно говоря, на возможность такого неожиданнаго эпилога въ самой поэмѣ даны вполнѣ опредѣленные намеки. Вспомните «Пьяную Ночь» и горячую апологію пьющей деревни, произнесенную Якимомъ Нагимъ. Якимъ, который «до смерти работаетъ, до полусмерти пьетъ», не можетъ представить себѣ, какъ могла бы деревня справиться съ подавляющею ее безысходной нуждой и горемъ, если бы она не находила забвенія въ винѣ. Въ условіяхъ деревенской жизни трезвость неизбѣжно привела бы къ трагизму, и ему, Якиму,

Чудно́ смотрѣть, какъ ввалится
Въ такую избу тревзую
Мужицкая бѣда!..

У каждаго крестьянина—поясняетъ онъ свою мысль дальше—

Душа, что туча черная—
Гнѣвна, грозна—и надо бы
Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ,
А все виномъ кончается...

Слушатели поддерживаютъ Якима:

. . . . . . «Слово вѣрное:
Намъ подобаетъ пить!
Пьемъ—значитъ, силу чувствуемъ!
Придетъ печаль великая,
Какъ перестанемъ пить!..

---

*) «Пчела» 1878 г., № 2, Гл. Успенскаго. Цитируемъ изъ IV т. «Стихотвореній Н. А. Некрасова», изданія 1879 г., см. примѣч., LXXXVI.

Сравнивая свои дѣтскія впечатлѣнія съ тѣмъ, что онъ видитъ передъ собою теперь, поэтъ поражается сходствомъ:

Въ чертахъ усталаго лица
Все та-жъ покорность безъ конца..

Тамъ онъ видѣлъ отцовъ, теперь передъ нимъ тянутъ ту же лямку ихъ дѣти. «И какъ отцу—говоритъ онъ, обращаясь къ бурлаку-сыну,—не довелось

Тебѣ наткнуться на вопросъ:
Чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ,
Когда-бъ ты менѣе терпѣлъ?..

Та же мысль тревожитъ его спустя два года, въ 1862 г., когда, желая отдохнуть отъ «литературы съ трескучими фразами», отъ «администраціи нашей съ указами о забираніи всякаго встрѣчнаго», онъ прощается со столицей и ѣдетъ въ деревню.

Но и крестьяне съ унылыми лицами
Не услаждаютъ очей!
Ихъ нищета, ихъ *терпѣнье безмѣрное*
Только досаду родитъ!
Чтоже ты любишь, дитя маловѣрное,
Гдѣ-же твои идолъ стоитъ?

Здѣсь передъ Некрасовымъ, какъ и передъ другими представителями стараго народничества, возвышалась непроницаемая каменная стѣна, въ которой каждый изъ народниковъ старался пробить брешь по своимъ силамъ и разумѣнію. Ниже мы скажемъ особо объ общественныхъ надеждахъ и идеалахъ Некрасова, а здѣсь отмѣтимъ одну любопытную черту, характерную для него, какъ реалиста.

Некрасовъ могъ лелѣять въ душѣ своей самыя смѣлыя надежды на отдаленное будущее, могъ обливаться слезами «надъ вымысломъ», созданнымъ собственнымъ воображеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ обойтись безъ какого-нибудь отвѣта, пригоднаго для текущаго дня. «Братство, Истина, Свобода», воспѣтыя имъ надъ колыбелью Еремушки,—это хорошо, но это въ будущемъ, а чѣмъ-же, какими чарами держится нынѣшній день, не дающій «вольныхъ впечатлѣній»?—Чары эти—отвѣчаетъ Некрасовъ—забвеніе или, еще проще, хмель. Въ 1845 г., которымъ открывается «Полное Собраніе», поэтъ уже намѣчаетъ эту мысль, говоря, что «жизнь въ трезвомъ положеніи куда не хороша!» и что

...Мгла отвсюду черная
Навстрѣчу бѣдняку...
Одна открыта торная
Дорога къ кабаку.

А впослѣдствіи, уже въ 70-хъ годахъ, онъ ведетъ съ Гл. Успенскимъ такой разговоръ на тему о задуманномъ окончаніи поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

«— А каковъ будетъ конецъ?—спросилъ его Успенскій.

«— А вы какъ думаете?

«Николай Алексѣевичъ улыбался и ждалъ.

«Эта улыбка,—разсказываетъ Успенскій,—дала мнѣ понять, что у Н. А. есть на мой вопросъ какой-то непредвидѣнный отвѣтъ, а чтобы вызвать его, я наудачу назвалъ одного ихъ поименованныхъ въ началѣ поэмы счастливцевъ.

«— Этому?—спросилъ я.

«— Ну, вотъ! какое тамъ счастье!

«И Н. А. немногими, но яркими чертами обрисовалъ безчисленныя черныя минуты и призрачныя радости названнаго мною счастливца.

«— Такъ кому же?—переспросилъ я.

«И тогда Н. А., вновь улыбнувшись, произнесъ съ разстановкой:

«— Пья-но-му!»

Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ именно предполагалъ окончить поэму. Не найдя на Руси счастливаго, странствующіе мужики возвращаются къ своимъ деревнямъ—Горѣлову, Неѣлову и т. д. Деревни эти смежны, стоятъ близко другъ отъ друга, и отъ каждой идетъ тропинка къ кабаку. Вотъ у этого-то кабака встрѣчаютъ они спившагося съ кругу человѣка, «подпоясаннаго лычкомъ», и съ нимъ, за чарочкой, узнаютъ, кому жить хорошо *).

Собственно говоря, на возможность такого неожиданнаго эпилога въ самой поэмѣ даны вполнѣ опредѣленные намеки. Вспомните «Пьяную Ночь» и горячую апологію пьющей деревни, произнесенную Якимомъ Нагимъ. Якимъ, который «до смерти работаетъ, до полусмерти пьетъ», не можетъ представить себѣ, какъ могла бы деревня справиться съ подавляющею ее безысходной нуждой и горемъ, если бы она не находила забвенія въ винѣ. Въ условіяхъ деревенской жизни трезвость неизбѣжно привела бы къ трагизму, и ему, Якиму,

Чудно́ смотрѣть, какъ ввалится
Въ такую избу трезвую
Мужицкая бѣда!..

У каждаго крестьянина—поясняетъ онъ свою мысль дальше—

Душа, что туча черная—
Гнѣвна, грозна—и надо бы
Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ,
А все виномъ кончается...

Слушатели поддерживаютъ Якима:

. . . . . . «Слово вѣрное:
Намъ подобаетъ пить!
Пьемъ—значитъ, силу чувствуемъ!
Придетъ печаль великая,
Какъ перестанемъ пить!..

---

*) «Пчела» 1878 г., № 2, Гл. Успенскаго. Цитируемъ изъ IV т. «Стихотвореній Н. А. Некрасова», изданія 1879 г., см. примѣч., LXXXVI.

Сдѣлаемъ еще два-три сопоставленія. Вспомнимъ стихотвореніе «Вино» («Не водись-ка на свѣтѣ вина, тошенъ былъ бы мнѣ свѣтъ...»), гдѣ поэтъ высказываетъ ту же мысль. Вспомнимъ «Отрывокъ», съ пожеланіемъ «доброй ночи» (только доброй ночи!) тому, «кто все терпитъ во имя Христа», или напоминаніе о деревнѣ въ «Рыцарѣ на часъ»:

Пожелай ей *покойнаго сна*—
Утомилась кормилица наша!..

Вспомнимъ «Плачъ дѣтей», гдѣ маленькіе труженики мечтаютъ о снѣ въ полѣ, какъ о высшемъ доступномъ для нихъ благѣ, потому что—жалуются они—

Сладко намъ и дома не забыться:
Встрѣтитъ насъ забота и нужда.

Вино и сонъ, короткія минуты забвенія «въ безпросвѣтной, глубокой ночи, безъ понятья о правѣ, о Богѣ»,—вотъ всѣ тѣ радости, какія оставляла суровая дѣйствительность тому, кому Некрасовъ «посвятилъ свою лиру». Трудно придумать взглядъ безотраднѣе этого! Увлекаемый однимъ настроеніемъ, порабощенный одною мыслью, поэтъ какъ бы утрачивалъ способность замѣчать всю сложность и разносторонность человѣческой психики, онъ забывалъ глубокое и тонкое замѣчаніе Лира о томъ, что даже «жалкій нищій средь нищеты имѣетъ свой избытокъ». Это былъ какой-то страшный кошмаръ, овладѣвшій душою поэта. Правда, онъ нерѣдко, особенно въ послѣднемъ періодѣ своей литературной дѣятельности, освобождался отъ этого кошмара. Во многихъ, главнымъ образомъ, въ большихъ своихъ произведеніяхъ онъ охотно останавливалъ свой взоръ и на «избыткѣ нищаго», отмѣчая въ народной жизни поэтическія стороны труда, любовныхъ и семейныхъ отношеній, общенія съ природой и людьми и т. д. Но мрачное настроеніе преобладало въ Некрасовѣ и окрасило всю его поэзію однимъ въ высшей степени характернымъ для нея скорбнымъ тономъ. И поэтому именно поэзія Некрасова дѣйствуетъ на читателя, какъ сильное наркотическое вещество: въ небольшихъ дозахъ она волнуетъ, возбуждаетъ, тогда какъ воспринятая сразу въ большихъ дозахъ она утомляетъ читателя.

Нашъ слухъ, впрочемъ, въ достаточной мѣрѣ приспособился теперь къ скорбнымъ звукамъ; къ нимъ пріучили насъ многіе поэты, выступившіе въ литературѣ послѣ Некрасова. Но для его современниковъ, которые находились подъ обаяніемъ недавно замолкнувшихъ дивныхъ звуковъ свѣтлой, чарующей поэзіи Пушкина, скорбныя ноты некрасовской музы звучали особенно рѣзко. Сравненіе Некрасова съ Пушкинымъ въ этомъ именно смыслѣ, къ невыгодѣ перваго, напрашивалось само собою. И Некрасовъ считаетъ себя вынужденнымъ поэтому выяснить значеніе своей музы изъ сопоставленія ея съ музой своего геніальнаго предшественника. Онъ пишетъ «Музу». Правда, имя Пуш-

кина въ стихотвореніи ни разу не произнесено, но сопоставленіе слишкомъ очевидно, если мы припомнимъ слѣдующія строки, которыя Пушкинъ посвятилъ своей жизнерадостной музѣ:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой...
. . . .
И радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ она свирѣль брала.
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Некрасовъ такъ и начинаетъ свое стихотвореніе словомъ «нѣтъ», сразу же обнаруживая сущность своей задачи:

Нѣтъ, музы ласково поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной!
. . . .
Но рано надо мной отяготѣли узы
Другой неласковой и нелюбимой музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ...
. . . .
Она пѣвала мнѣ, и полонъ былъ тоской
И вѣчной жалобой напѣвъ ея простой...

Нѣсколько позже, въ извѣстномъ діалогѣ «Поэтъ и Гражданинъ», Некрасовъ опять возвращается къ задачѣ самоопредѣленія, причемъ на этотъ разъ уже прямо сопоставляетъ себя и Пушкина:

Нѣтъ, ты не Пушкинъ. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,
Съ твоимъ талантомъ стыдно спать!
Еще стыднѣй въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря
И ласку милой воспѣвать...

И въ этомъ стихотвореніи, точно также какъ и въ «Музѣ», Некрасовъ, отнюдь не пытаясь поставить свой «талантъ» рядомъ съ «геніемъ» Пушкина, имѣетъ въ виду, путемъ сопоставленія, объяснить происхожденіе скорбнаго тона своей поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ недостатки ея формъ. И то и другое—утверждаетъ онъ—обусловливается особеннымъ *содержаніемъ* его поэзіи. Съ своей точки зрѣнія поэтъ былъ безусловно правъ. Окрашивая современную ему русскую дѣйствительность своимъ безнадежно-мрачнымъ настроеніемъ, поэтъ не видѣлъ «солнца ниоткуда» и былъ увѣренъ, что солнца «не видно» вообще. А такъ какъ эта дѣйствительность и составляла содержаніе его поэзіи, то послѣдняя вполнѣ естественно давала скорбные отзвуки. Ошибка Некрасова, и ошибка вполнѣ понятная, заключалась въ томъ, что свое отношеніе къ жизни онъ отожествлялъ съ самою жизнью. Но если въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ правдой субъективнаго

характера, то элементы объективной правды несомнѣнно имѣются на лицо въ той части объясненія Некрасова, гдѣ онъ устанавливаетъ зависимость часто несовершенныхъ формъ своей поэзіи отъ содержанія послѣдней.

Казалось, что послѣ Пушкина, давшаго русской поэзіи образцы совершенной красоты и граціозности формъ, стало немыслимымъ появленіе поэта съ болѣе или менѣе рѣзкими диссонансами и другими деффектами стиха. И роль Пушкина въ этомъ направленіи представлялась тѣмъ болѣе значительной и рѣшающей, что и въ самомъ дѣлѣ выступающій вслѣдъ за нимъ цѣлый рядъ поэтовъ поражаетъ красотою и звучностью стиха, который раньше, до Пушкина, былъ совершенно недоступенъ нашимъ поэтамъ. Вмѣстѣ съ Некрасовымъ, напримѣръ, выступаютъ въ поэзіи его сверстники,—Фетъ, Майковъ, Мей—которые играютъ стихомъ съ легкостью виртуозовъ. И это вполнѣ понятно: каждый изъ этихъ поэтовъ являлся прямымъ и непосредственнымъ продолжателемъ Пушкина въ какой-нибудь одной опредѣленной области; каждой изъ нихъ бралъ у Пушкина уже готовое содержаніе и, разрабатывая его, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ передъ собою и готовые образцы формы, которые онъ могъ варьировать, совершенствовать, но которые во всякомъ случаѣ становились для него обязательными. Некрасовъ же внесъ въ поэзію свое новое содержаніе—содержаніе политической и соціальной сатиры. Предшественниковъ и учителей у него не было, точно также какъ не было для новаго содержанія готовыхъ и уже испытанныхъ формъ: если не считать единственнаго въ этомъ родѣ стихотворенія «На смерть Пушкина», которое одно сближаетъ Некрасова съ Лермонтовымъ и дѣлаетъ этого послѣдняго какъ бы непосредственнымъ предшественникомъ Некрасова. Такимъ образомъ, въ то время какъ поэты пушкинской школы, совершали свои полеты на Парнасъ по протоптаннымъ уже путямъ, имѣя достаточно и досуга и душевнаго спокойствія для того, чтобы разукрашать своихъ пегасовъ выращенными ихъ великимъ предшественникомъ цвѣтами, Некрасовъ о своемъ пегасѣ съ полною искренностью могъ сказать:

Не розы—я вплеталъ крапиву
Въ его размашистую гриву
И гордо покидалъ Парнасъ.

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ поэтъ не всегда могъ выбрать для выраженія своего настроенія подходящую форму, не всегда могъ найти соотвѣтствующій содержанію размѣръ. Къ тому же и настроенія, выраженіемъ которыхъ служили его стихотворенія, никоимъ образомъ нельзя причислить къ той категоріи чувствъ, которыя могутъ быть вынашиваемы въ душѣ. По собственному признанію поэта, онъ не любилъ выправлять и отдѣлывать своихъ стихотвореній,—ему казалась «скучною» такая работа. Разъ высказавшись и

давъ исходъ экзальтированному опредѣленнымъ импульсомъ чувству, онъ не считалъ возможнымъ потомъ искусственно поднимать своего настроенія для того, чтобы еще разъ возвратиться къ использованной уже темѣ; онъ не могъ этого сдѣлать, потому что его стихи—это, дѣйствительно, «внезапно хлынувшія слезы съ огорченнаго лица».

Можно быть очень требовательнымъ къ Некрасову; можно поставить на видъ его музѣ, кромѣ только что указанныхъ, и другіе недочеты въ формѣ, какъ-то: невыдержанность, а иногда даже неряшливость стиха, неудачныя, переходящія иногда въ гиперболы, метафоры, погрѣшности противъ музыкальной мелодіи, но, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что всѣ эти недостатки съ избыткомъ перевѣшиваются и покрываются достоинствами формы. Не говоря уже о томъ, что сила, которою дышетъ поэзія Некрасова, сама по себѣ есть красота, не надо забывать, что онъ въ совершенствѣ *могъ* владѣть формой. Если же онъ не всегда овладѣвалъ ею, то это происходило потому, что самъ онъ гораздо больше значенія придавалъ *новому* содержанію своей поэзіи, чѣмъ поискамъ соотвѣтствующихъ этому содержанію *новыхъ* формъ. «Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ», коротко выразилъ эту мысль самъ поэтъ. Однако, и въ пылу борьбы онъ ошибался не часто, и въ эти моменты онъ умѣлъ находить нужную для своего настроенія новую оболочку, такъ что въ наши дни своеобразный «некрасовскій стихъ» сталъ даже нарицательнымъ терминомъ, и терминомъ, во всякомъ случаѣ, лестнаго свойства. Затѣмъ, чѣмъ меньше элементовъ гражданскаго чувства входило въ его настроеніе, чѣмъ спокойнѣе становился поэтъ, тѣмъ легче онъ овладѣвалъ формой. Онъ могъ играть стихомъ, могъ подчинять себѣ форму съ удивительною виртуозностью. Напомнимъ такія, напримѣръ, вещи, какъ «Саша» *)—поэму, проникнутую нѣжною музыкальною мелодіей, или еще болѣе музыкальную граціозную пѣсню изъ «Медвѣжьей охоты» («Отпусти меня родная! Отпусти не споря!»); поэму «Коробейники», въ которой богатая, полная разнообразныхъ оттѣнковъ оболочка какъ бы господствуетъ надъ содержаніемъ, подавляетъ его; трогательную сцену свиданія въ тюрьмѣ княгини Волконской съ мужемъ и т. д., и т. д. Полные обаятельной прелести и красоты эти и подобные имъ плоды вдохновенія Некрасова могутъ быть смѣло поставлены рядомъ съ шедеврами русской поэзіи **). Долговѣчность *этихъ* стихотвореній Некрасова

---

*) Замѣтимъ, кстати, что «Саша» появилась вмѣстѣ съ «Рудинымъ» Тургенева въ одной книжкѣ «Современника» (1856 г., кн. 1-я); задуманная раньше «Рудина» и написанная совершенно независимо отъ него, эта поэма схватываетъ то же общественное настроеніе и разсматриваетъ его подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія, какъ и Тургеневъ въ «Рудинѣ». Некрасовъ здѣсь поразительнымъ образомъ сошелся со своимъ постояннымъ антагонистомъ.

**) Легкость, съ какою Некрасовъ овладѣвалъ формой, особенно наглядно можетъ быть раскрыта въ тѣхъ рѣдкихъ и даже исключительныхъ случаяхъ, когда поэтъ брался за передѣлку своихъ стихотвореній. Яркимъ примѣромъ служитъ

не можетъ подлежать спору. Споръ идетъ лишь о той части его поэзіи, гдѣ «муза мести» съ скорбнымъ гнѣвомъ обнажаетъ передъ нами и оплакиваетъ язвы нашего общественнаго организма Говорятъ, что эта часть некрасовской поэзіи отжила свое время и спокойно можетъ быть сдана въ архивъ. Было бы безплодно опровергать это мнѣніе, которое появилось къ тому же давно, еще при жизни Некрасова, и поэтъ самъ возражалъ на него въ «Элегіи» (1874 г). Но если спорить безполезно, то отвѣтить все же надо, и мы отвѣтимъ прекрасными словами одного изъ стихотвореній, написанныхъ на смерть поэта:

О, долговѣчны вы, пѣсни, поющія
Муки народныя, по сердцу бьющія!
Пѣснѣ твоей, о, страданій пѣвецъ,
Будетъ не скоро желанный конецъ:
Тамъ онъ, гдѣ горе людское кончается,
Тамъ онъ, гдѣ счастья заря занимается... **)

VII.

Переходимъ теперь къ оцѣнкѣ общественной программы Некрасова.

Какъ ни мрачно относился поэтъ къ современной ему дѣйствительности, пессимистомъ его назвать, однако, никакъ нельзя. Напротивъ, въ основѣ его гнѣвной сатиры лежала искренняя любовь къ народу и глубокая вѣра въ его непробудившіяся еще, непочатыя силы. Нерѣдко высказываемая вслухъ, вѣра въ свѣтлое будущее народа чувствуется сама собою даже въ самыхъ желчныхъ, въ самыхъ безпощадныхъ его обличеніяхъ дѣйствительной жизни. И намъ кажется, поэтому, въ высшей степени удачной формула, въ которой только что цитированное стихотвореніе «На смерть Некрасова» подводитъ общіе итоги его литературной дѣятельности:

стихотвореніе «Буря». Написанное въ 1850 г., оно заключало въ себѣ 49 строфъ и страдало нѣкоторыми шероховатостями. Въ 1853 г. поэтъ передѣлалъ его, совершенно измѣнивъ размѣръ и сжавъ стихотвореніе въ 20 строфахъ. Результаты получились блестящіе, о чемъ можно судить даже по первымъ строкамъ этого изящнаго стихотворенія:

Долго не сдавалась Любушка-сосѣдка,
Наконецъ, шепнула: «есть въ саду бесѣдка,
Какъ темнѣе станетъ—понимаешь ты?..»
Ждалъ я, истрадался, ночки-темноты!.. и т. д.

Въ первоначальной редакціи оно начиналось такъ:

Не любилъ я ни грому, ни бури
И боялся, когда по лазури,
Разрушенье и гибель тая,
Пробѣжитъ золотая змѣя... и т. д.

*) «На смерть Некрасова». «Отеч. Записки» 1878 г., кн. 1-аа

Маршемъ побѣднымъ, друзья, намъ звучатъ
Скорбныя пѣсни поэта!

Печальна русская жизнь, «во многомъ насъ опередили иноземцы», говоритъ поэтъ въ поэмѣ «Несчастные» устами Крота:

Но мы догонимъ въ добрый часъ!
. . . .
Покажетъ Русь, что въ ней есть люди,
Что есть грядущее у ней.
. . . . Въ ея груди
Бѣжитъ потокъ живой и чистый
Еще нѣмыхъ народныхъ силъ,
Такъ подъ корой Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ.

Но вотъ вопросъ: что или кто выведетъ эти силы изъ ихъ нѣмотствующаго состоянія? Группировка дѣйствовавшихъ въ то время общественныхъ силъ въ Россіи предоставляла современникамъ Некрасова возможность остановить выборъ или на бюрократіи, или на дворянствѣ, или, наконецъ, на буржуазіи. Но если бюрократія, противопоставляя себя началамъ общественной самодѣятельности, совершенно не могла разсчитывать на какія бы то ни было симпатіи Некрасова, то не много надеждъ подавало ему и дворянство, въ достаточной мѣрѣ скомпрометировавшее себя въ эпоху реформъ полнымъ непониманіемъ своей политической роли, какъ организованнаго цѣлаго. Дворянство на глазахъ Некрасова растворялось въ бюрократіи и быстро теряло значеніе, которое, по мнѣнію такихъ идеологовъ сословія, какъ, напримѣръ, Катковъ, оно должно было и могло имѣть. Оставалась буржуазія. Къ ней, какъ извѣстно, тяготѣли многіе лучшіе современники Некрасова, ожидая отъ нея, по аналогіи съ Западомъ, рѣшительнаго толчка къ водворенію у насъ началъ гражданственности. Но буржуазія, какъ классъ, еще не опредѣлилась. «Дай Богъ, чтобы у насъ была буржуазія», могъ высказать въ 1847 г. только свое горячее пожеланіе В. П. Боткинъ. Точно также и Бѣлинскій, признавшій въ 1848 г., что «всякій прогрессъ зависитъ отъ одной буржуазіи», могъ только мечтать о ея появленіи въ Россіи. «А теперь ясно видно,—писалъ онъ П. В. Анненкову,—что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію» *). Въ эти годы и Некрасовъ, находившійся подъ замѣтнымъ вліяніемъ Бѣлинскаго, идеализировалъ буржуазію, какъ это ясно видно изъ написаннаго имъ въ сотрудничествѣ съ Головачевой-Панаевой романа: «Три страны свѣта». Но по мѣрѣ того, какъ буржазія, дѣйствительно, завоевывала себѣ положеніе, привлекая въ свои ряды наиболѣе вліятельныхъ представителей дворянства и бюро-

---

*) «П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка». Спб. 1892 г.

кратіи, Некрасовъ отворачивался отъ нея. Онъ призналъ въ ней только «хищника», обладавшаго громадными аппетитами и громадною же приспособляемостью, и отвергъ ея положительное значеніе для русской общественности.

«Интеллигенція»—вотъ все, что, при наличной комбинаціи общественныхъ силъ, осталось Некрасову для того, чтобы онъ могъ въ реальной дѣйствительности на что-нибудь опереть свои общественные идеалы. И Некрасовъ принялъ эту опору. Онъ всѣ свои надежды и упованія перенесъ на интеллигенцію и прежде всего, разумѣется, на лучшихъ ея представителей—героевъ, въ которыхъ онъ, слѣдуя Карлейлю, призналъ двигателей исторіи. Въ своей поэтической дѣятельности онъ создалъ цѣлый культъ героевъ богатырей, которые должны, путемъ борьбы и жертвъ, создать на Руси условія для осуществленія его общественнаго идеала. Въ 70-ые годы нашей общественности онъ принесъ съ собой настроеніе, которое вполнѣ соотвѣтствовало завѣтнымъ думамъ лучшихъ представителей этого періода. Какъ и въ три предшествовавшія десятилѣтія, Некрасовъ съ полнымъ правомъ, и ни мало не измѣняя себѣ, занимаетъ и теперь положеніе въ авангардѣ русской общественной мысли.

Первымъ образцомъ героизма была для него, какъ мы знаемъ его мать, которая, быть можетъ, была вмѣстѣ съ тѣмъ и первопричиной этого имъ созданнаго культа. Затѣмъ онъ не разъ подчеркивалъ и воспѣвалъ героизмъ Бѣлинскаго, Грановскаго, Добролюбова, высказывая при этомъ свое глубокое убѣжденіе, что если бы природа такихъ людей не посылала міру,—«заглохла бъ нива жизни». Въ двухъ, или вѣрнѣе въ трехъ, большихъ поэмахъ — «Дѣдушка» и «Русскія Женщины» — онъ воспѣлъ героизмъ декабристовъ и ихъ женъ. Въ поэмахъ «Несчастные» и «Кому на Руси жить хорошо» онъ съ особенною любовью останавливается на различныхъ проявленіяхъ героизма изображаемыхъ имъ личностей, причемъ въ «Несчастныхъ», подъ именемъ арестанта—героя Крота, выступаетъ Достоевскій, а въ послѣдней поэмѣ среди другихъ героевъ опять фигурируетъ Добролюбовъ, въ образѣ Гриши. И если поэтъ, какъ онъ разсказывалъ Успенскому, хотѣлъ окончить эту поэму указаніемъ на счастье «пьянаго», то на самомъ дѣлѣ поэма, въ томъ видѣ, въ какомъ она сдѣлалась извѣстной намъ, заканчивается опредѣленнымъ указаніемъ на счастье «героя»:

Быть бы нашимъ странникамъ подъ родною крышею
Еслибъ знать могли они, что творилось съ Гришею.
Слышалъ онъ въ груди своей силы необъятныя,
Услаждали слухъ его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благороднаго—
Пѣлъ онъ воплощеніе счастія народнаго!.

При встрѣчѣ съ совершенно неизвѣстнымъ ему юношей, котораго юэтъ не только не знаетъ, но и лицо-то котораго онъ едва могъ азглядѣть, онъ проникается къ нему полнымъ сочувствіемъ, какъ олько въ немъ явилась увѣренность, что этотъ неизвѣстный—герой. Можно подумать, что этотъ культъ героевъ даже теоретически разработанъ Некрасовымъ и послѣдовательно проведенъ имъ черезъ всю русскую исторію, освѣщая и разъясняя ему ее. На это предположеніе наводятъ, по крайней мѣрѣ, слѣдующія строки изъ «Медвѣжьей Охоты»:

Мудреными путями Богъ ведетъ
Тебя, многострадальная Россія!
Попробуй, усомнись въ твоихъ богатыряхъ
Доисторическаго вѣка,
Когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ
Все поколѣнье два-три человѣка!

Какъ бы тамъ ни было, но въ этомъ культѣ или въ этой теоріи героевъ-богатырей былъ одинъ недочетъ, который особенно больно ощущался самимъ поэтомъ. Если этотъ культъ и удовлетворялъ его во многихъ отношеніяхъ, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ давалъ его вѣрѣ въ непочатыя силы народа видимую опору въ фактахъ исторической и современной русской дѣйствительности, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что осмысливалъ въ его глазахъ его собственную общественную миссію поэта-борца, то, съ другой стороны, онъ совершенно скрывалъ отъ него возможныя историческія перспективы.

Вл. Кранихфельдъ.

АЛУШТА НОЧЬЮ.

«Крымскіе сонеты» Мицкевича.

Повѣялъ вѣтерокъ, долины освѣжая,
Свѣтильникъ міра палъ съ небесъ на Чатырдагъ,
Разбился, расточилъ багрянецъ на скалахъ
И гаснетъ. Тьма растетъ, молчаніемъ пугая.

Чернѣютъ гребни горъ, въ долинахъ ночь глухая.
На ложѣ изъ шелковъ журчатъ ручьи впотьмахъ.
Ночная пѣснь цвѣтовъ—дыханье розъ въ садахъ—
Беззвучной музыкой плыветъ, благоухая.

Дремлю, овѣянный крылами темноты.
Вдругъ метеоръ блеснулъ—и, ослѣпляя взоры,
Потопомъ золота залилъ лѣса и горы.

Ночь! Одалиска-ночь. Какъ сладко мучишь ты!
Ты лаской клонишь въ сонъ, но только страсть утихнетъ—
Для новыхъ страстныхъ ласкъ твой взоръ мгновенно вспыхнетъ!

Ив. Бунинъ.

БОЛОТО.

(Разсказъ).

Лѣтній вечеръ гаснетъ. Въ засыпающемъ лѣсу стоитъ гулкая тишина. Вершины огромныхъ строевыхъ сосенъ еще алѣютъ нѣжнымъ отблескомъ догорѣвшей зари, но внизу уже стало темно и сыро. Острый, жаркій, сухой ароматъ смолистыхъ вѣтвей слабѣетъ, зато сильнѣе чувствуется сквозь него приторный запахъ дыма, которымъ тянуло весь день съ дальняго лѣсного пожарища. Неслышно и быстро опускается на землю мягкая сѣверная ночь. Птицы замолчали съ заходомъ солнца. Одни только дятлы еще выбиваютъ лѣниво, точно сквозь сонъ, свою глухую монотонную дробь.

Вольнопрактикующій землемѣръ Жмакинъ и студентъ Николай Николаевичъ, сынъ небогатой вдовой помѣщицы Сердюковой, возвращаются со съемки. Идти домой, въ Сердюковку, имъ поздно и далеко: они заночуютъ сегодня въ казенномъ лѣсу, у знакомаго лѣсника—Степана. Узкая тропинка вьется между деревьями, исчезая въ двухъ шагахъ впереди. Высокій и худой землемѣръ идетъ, сгорбившись и опустивъ внизъ голову,—идетъ тѣмъ рѣдкимъ, присѣдающимъ, но размашистымъ шагомъ, какимъ ходятъ привычные къ длиннымъ дорогамъ люди: мужики, охотники и землемѣры. Коротконогій, низенькій и полный студентъ едва поспѣваетъ за нимъ. Онъ вспотѣлъ и тяжело дышетъ открытымъ ртомъ; бѣлая фуражка сбита на затылокъ; рыжеватые, спутанные волосы упали на лобъ; pince-nez сидитъ бокомъ на мокромъ носу. Ноги его то скользятъ и разъѣзжаются по прошлогодней, плотно улежавшейся хвоѣ, то съ грохотомъ цѣпляются за узловатыя корневища, протянувшіяся черезъ дорогу. Землемѣръ отлично видитъ это, но нарочно не убавляетъ шагу. Онъ усталъ, золъ и голоденъ. Затрудненія, испытываемыя студентомъ, доставляютъ ему злорадное удовольствіе.

Землемѣръ Жмакинъ дѣлаетъ, по приглашенію г-жи Сердюковой, упрощенный планъ хозяйства въ ея жиденькихъ, потравленныхъ скотомъ и вырубленныхъ крестьянами лѣсныхъ урочищахъ. Николай Николаевичъ добровольно вызвался помогать ему. По-

мощникъ онъ старательный и толковый, и характеръ у него самый удобный для компаніи: свѣтлый, ровный, безхитростный и ласковый, только въ немъ много еще осталось чего-то дѣтскаго, что сказывается въ нѣкоторой наивной торопливости и восторженности. Землемѣръ же, наоборотъ, человѣкъ старый, одинокій, подозрительный и черствый. Всему уѣзду извѣстно, что онъ подверженъ тяжелымъ, продолжительнымъ запоямъ, и потому на работы его приглашаютъ рѣдко и платятъ скупо.

Днемъ у него еще кое-какъ ладятся отношенія съ молодымъ Сердюковымъ. Но къ вечеру землемѣръ обыкновенно устаетъ отъ ходьбы и отъ крика, кашляетъ и остановится мелочно-раздражительнымъ. Тогда ему снова начинаетъ казаться, что студентъ только притворяется, что его интересуетъ съемка и болтовня съ крестьянами на привалахъ, а что, на самомъ дѣлѣ, онъ приставленъ помѣщицей съ тайнымъ наказомъ, наблюдать, не пьетъ ли землемѣръ во время работы. И то обстоятельство, что студентъ такъ живо, въ недѣлю, освоился со всѣми тонкостями астролябической съемки, возбуждаетъ ревнивую и оскорбительную завистъ въ Жмакинѣ, который три раза проваливался, держа экзаменъ на частнаго землемѣра. Раздражаетъ старика и неудержимая разговорчивость Николая Николаевича, и его свѣжая, здоровая молодость, и заботливая опрятность въ одеждѣ, и мягкая, вѣжливая уступчивость, но мучительнѣе всего для Жмакина сознаніе своей собственной жалкой старости, грубости, пришибленности и безсильной, несправедливой злости.

Чѣмъ ближе подходитъ дневная съемка къ концу, тѣмъ ворчливѣе и безцеремоннѣе дѣлается землемѣръ. Онъ желчно подчеркиваетъ промахи Николая Николаевича и обрываетъ его на каждомъ шагу. Но въ студентѣ такая бездна молодой, неисчерпаемой доброты, что онъ, повидимому, совершенно неспособенъ обижаться. Въ своихъ ошибкахъ онъ извиняется съ трогательной готовностью, а на угловатыя выходки Жмакина отвѣчаетъ оглушительнымъ хохотомъ, который долго и раскатисто гуляетъ между деревьями. Точно не замѣчая мрачнаго настроенія землемѣра, онъ засыпаетъ его шутками и разспросами съ тѣмъ же веселымъ, немного неуклюжимъ и немного назойливымъ добродушіемъ, съ какимъ жизнерадостный щенокъ теребитъ за ухо большого, стараго, угрюмаго пса.

Землемѣръ шагаетъ молча и понуро. Николай Николаевичъ старается идти рядомъ съ нимъ, но такъ какъ онъ путается между деревьями и спотыкается, то ему часто приходится догонять своего спутника въ припрыжку. Въ то же время, несмотря на отдышку, онъ говоритъ громко и горячо, съ оживленными

жестами и съ неожиданными выкриками, отъ которыхъ идетъ гулъ по заснувшему лѣсу.

— Я живу въ деревнѣ недолго, Егоръ Ивановичъ,—говоритъ онъ, стараясь сдѣлать свой голосъ проникновеннымъ, и убѣдительно прижимаетъ руки къ груди.—И я согласенъ, я абсолютно согласенъ съ вами въ томъ, что я не знаю деревню. Но во всемъ, что я до сихъ поръ видѣлъ, такъ много трогательнаго и глубокаго, и прекраснаго... Ну да, вы, конечно, возразите, что я молодъ, что я увлекаюсь... Я и съ этимь готовъ согласиться, но, жестоковыйный практикъ, поглядите на народную жизнь съ философской точки зрѣнія...

Землемѣръ презрительно пожалъ однимъ плечомъ, усмѣхнулся криво и язвительно, но продолжалъ молчать.

— Посмотрите, дорогой Егоръ Ивановичъ, какая страшная историческая древность во всемъ укладѣ деревенской жизни. Соха, борона, изба, телѣга—кто ихъ выдумалъ? Никто. Весь народъ скопомъ. Двѣ тысячи лѣтъ тому незадъ эти предметы были точка въ точку въ такомъ же видѣ, какъ и теперь. Совсѣмъ такъ же люди тогда и сѣяли, и пахали, и строились. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ!.. Но когда же, въ какія чертовски отдаленныя времена сложился этотъ циклопическій обиходъ? Мы объ этомъ не смѣемъ даже думать, милый Егоръ Иванычъ. Здѣсь мы съ вами проваливаемся въ бездонную пропасть вѣковъ. Мы ровно ничего не знаемъ. Какъ и когда додумался народъ до своей первобытной телѣги? Сколько сотенъ, можетъ быть тысячъ лѣтъ ушло на эту творческую работу? Чортъ его знаетъ!—вдругъ крикнулъ во весь голосъ студентъ и торопливо передвинулъ фуражку съ затылка на самые глаза.—Я не знаю и никто ничего не знаетъ... И такъ—все, чего только ни коснись: одежда, утварь, лапти, лопата, прялка, рѣшето!.. Вѣдь, поколѣнія за поколѣніемъ, милліоны людей послѣдовательно ломали голову надъ ихъ изобрѣтеніемъ. У народа своя медицина, своя поэзія, своя житейская мудрость, свой великолѣпный языкъ, и при этомъ—замѣтьте,—ни одного имени, ни одного автора! И хотя все это жалко и скудно въ сравненіи съ броненосцами и телескопами, но,—простите,—меня какія-нибудь вилы удивляютъ и умиляютъ несравненно больше!..

— Ту-ру-ру, ти-лю-лю,—запѣлъ фальшиво Жмакинъ и завертѣлъ рукой, подражая шарманщику.—Завели машину. Удивляюсь, какъ это вамъ не надоѣстъ: каждый день одно и то же?

— Нѣтъ, Егоръ Иванычъ, ради Бога! — заторопился студентъ.—Вы только послушайте, только послушайте меня. Мужикъ, куда онъ у себя ни оглянется, на что ни посмотритъ, вездѣ кругомъ него старая-престарая, сѣдая и мудрая истина.

Все освящено дѣдовскимъ опытомъ, все просто, ясно и практично. А главное—абсолютно никакихъ сомнѣній въ цѣлесообразности труда. Возьмите вы доктора, судью, литератора. Сколько спорнаго, условнаго, скользкаго въ ихъ профессіяхъ! Возьмите педагога, генерала, чиновника, священника.

— Попросилъ бы не касаться леригіи,—внушительнымъ басомъ замѣтилъ Жмакинъ.

— Ахъ, не въ этомъ дѣло, Егоръ Иванычъ, — нетерпѣливо и досадливо замахалъ рукой Сердюковъ. — Возьмите, наконецъ, прокурора, художника, музыканта. Я ничего не говорю, все это лица почтенныя. Но каждому изъ нихъ навѣрное, хоть разъ приходила въ голову мысль: а вѣдь, чортъ побери, такъ ли ужъ нуженъ человѣчеству мой трудъ, какъ это кажется? У мужика же все удивительно стройно и ясно. Если ты весною посѣялъ, то зимою ты сытъ. Корми лошадь, и она тебя прокормитъ. Что можетъ быть вѣрнѣе и проще? И вотъ этого самаго практическаго мудреца извлекаютъ за шиворотъ изъ нѣдръ его удобопонятной жизни и тычутъ лицомъ къ лицу съ цивилизаціей. „Въ силу статьи такой-то и на основаніи кассаціоннаго рѣшенія за номеромъ такимъ-то, крестьянинъ Иванъ Сидоровъ, нарушившій интересы черезполоснаго владѣнія, приговаривается“ и такъ далѣе. Иванъ Сидоровъ на это весьма резонно отвѣчаетъ: „Ваше благородіе, да вѣдь еще наши дѣды-прадѣды пахали по эту вербу, вотъ и пень отъ нея остался“. Но тогда является на сцену землемѣръ, Егоръ Иванычъ Жмакинъ.

— Прошу безъ намековъ по моему адресу,—обидчиво прервалъ Жмакинъ.

— Является... ну, скажемъ землемѣръ Сердюковъ, если это вамъ больше нравится и изрекаетъ: „Линія АВ, отграничивающая владѣнія Ивана Сидорова, идетъ по румбу зюйдъ-остъ, сорокъ градусовъ, тридцать минутъ“. Очевидно, что Иванъ Сидоровъ, совмѣстно съ дѣдомъ и прадѣдомъ, запахалъ чужую землю. И вотъ Иванъ Сидоровъ сидитъ въ кутузкѣ, сидитъ совершенно правильно, по всѣмъ статьямъ уложенія о наказаніяхъ, но все-таки онъ ровно ничего не понимаетъ и хлопаетъ глазами. Что значитъ для него вашъ румбъ въ сорокъ градусовъ, если онъ съ молокомъ матери всосалъ убѣжденіе, что чужой земли на свѣтѣ не бываетъ, а что вся земля Божья?..

— Къ чему вы все это выражаете?—угрюмо спросилъ Жмакинъ.

— Или вотъ еще: гонятъ Ивана Сидорова на военную службу,—горячо продолжалъ Сердюковъ, не слушая землемѣра.— И вотъ дядька учитъ его: „Доверни прикладъ, втяни животъ, дѣлай — разъ! Подавайся всѣмъ корпусомъ упередъ...“ Да поз-

вольте же, господа! Я самъ прослужилъ отечеству два мѣсяца и охотно вѣрю, что для военной службы эти кунштюки необходимы. Но вѣдь это для мужика чистая абракадабра, колокольня въ уксусѣ, сапоги въ смятку! Какъ хотите, но не можетъ же взрослый человѣкъ, оторванный отъ простой, серьезной и понятной жизни, повѣрить вамъ на слово, что эти фокусы, дѣйствительно, необходимы и имѣютъ разумное основаніе. И, конечно, онъ глядитъ на васъ, какъ баранъ на новыя ворота.

— Не довольно ли на сегодняшній разъ Николай Николаичъ, — сказалъ землемѣръ. — Мнѣ, по правдѣ говоря, надоѣла уже эта антимонія. Что-то вы такое изъ себя хотите изобразить, но только у васъ ничего не выходитъ. Какого-то донъ-жуана изъ себя строите! И къ чему весь этотъ разговоръ, не понимаю я.

Огибавшій кустъ студентъ, рысцой догналъ мрачно шагавшаго землемѣра.

— Вотъ вы сегодня утромъ говорили, что мужикъ глупъ, что мужикъ лѣнивъ, мужика надо драть, мужикъ раздурачился. Говорили вы это съ ненавистью и потому, конечно, были несправедливѣе, чѣмъ хотѣли бы. Но поймите же, дорогой Егоръ Иванычъ, что у насъ съ мужикомъ разныя измѣренія: онъ съ трудомъ постигаетъ третье, а мы уже начинаемъ предчувствовать четвертое. Сказать, что мужикъ глупъ! Послушайте, какъ онъ говоритъ о погодѣ, о лошади, о сѣнокосѣ. Чудесно: просто, мѣтко, выразительно, каждое слово взвѣшено и прилажено... Но послушайте вы того же мужика, когда онъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ былъ въ городѣ, какъ заходилъ въ театръ и какъ по благородному провелъ время въ трактирѣ съ машиной... Какія хамскія выраженія, какія дурацкія, исковерканныя слова, что за подлый, лакейскій языкъ. Господа, нельзя же такъ! — воскликнулъ студентъ, обращаясь въ пространство и разводя руками съ такимъ видомъ, какъ будто весь лѣсъ былъ наполненъ слушателями.— Ну, да, я знаю, мужикъ бѣденъ, невѣжественъ, грязенъ... Но дайте же ему вздохнуть. У него отъ вѣчной натуги грыжа, историческая, соціальная грыжа. Накормите его, вылечите, выучите грамотѣ, а не пришибайте его вашимъ четвертымъ измѣреніемъ. Потому что я твердо увѣренъ, что пока вы не просвѣтите народа, всѣ ваши кассаціонныя рѣшенія, румбы, нотаріусы и сервитуты будутъ для него мертвымъ словомъ четвертаго измѣренія!..

Жмакинъ вдругъ рѣзко остановился и повернулся къ студенту.

— Николай Николаевичъ! Да прошу же я васъ, наконецъ!— воскликнулъ онъ плачущимъ, бабьимъ голосомъ.—Такъ вы много разговариваете, что терпѣніе мое лопнуло. Не могу я больше, не желаю!.. Кажется, интеллигентный человѣкъ, а не понимаете

такой простой вещи. Ну, говорили бы дома, или съ товарищемъ своимъ. А какой же я вамъ товарищъ, спрашивается? Вы сами по себѣ, я самъ по себѣ и... не желаю я этихъ разговоровъ. Имѣю полное право...

Николай Николаевичъ бокомъ, поверхъ стеколъ pince-nez, поглядѣлъ на Жмакина. У землемѣра было необыкновенное лицо: спереди узкое, длинное и острое до каррикатурности, но широкое и плоское, если глядѣть на него сбоку,—лицо безъ фаса, а съ однимъ только профилемъ и съ унылымъ, висячимъ носомъ. И въ мягкомъ, отчетливомъ сумракѣ поздняго вечера студентъ увидѣлъ на этомъ лицѣ такое скучное, тяжелое и сердитое отвращеніе къ жизни, что у него сердце заныло мучительною жалостью. Сразу, съ какой-то проникновенною, больною ясностью онъ вдругъ понялъ и почувствовалъ въ самомъ себѣ всю ту мелочность, ограниченность и безцѣльное недоброжелательство, которыя наполняли скудную и одинокую душу этого неудачника.

— Да вы не сердитесь, Егоръ Иванычъ,—сказалъ онъ примирительно и смущенно.—Я не хотѣлъ васъ обидѣть. Какой вы раздражительный.

— Раздражительный, раздражительный!—съ безтолковою злостью подхватилъ Жмакинъ.—Вполнѣ станешь раздражительнымъ. Не люблю я этихъ разговоровъ... вотъ что... Да и вообще, какая я вамъ компанія? Вы человѣкъ образованный, аристократъ, а я что? Сѣрое существо и ничего больше.

Студентъ разочарованно замолчалъ. Ему всегда становилось грустно, когда онъ въ жизни натыкался на грубость и несправедливость. Онъ отсталъ отъ землемѣра и молча шелъ за нимъ, глядя ему въ спину. И даже эта согнутая, узкая, жесткая спина, казалось, безъ словъ, но съ мрачною выразительностью говорила о нелѣпо и жалко проволочившейся жизни, о нескончаемомъ рядѣ пошлыхъ обидъ судьбы, объ упрямомъ и озлобленномъ самолюбіи...

Въ лѣсу совсѣмъ стемнѣло, но глазъ, привыкшій къ постепенному переходу отъ свѣта къ темнотѣ, различалъ вокругъ неясные, призрачные силуэты деревьевъ. Былъ тихій, дремотный часъ между вечеромъ и ночью. Ни звука, ни шороха не раздавалось въ лѣсу, и въ воздухѣ чувствовался тягучій, медвяный травяной запахъ, плывшій съ далекихъ полей.

Дорога шла внизъ. На поворотѣ въ лицо студента вдругъ пахнуло, точно изъ глубокаго погреба, сырымъ холодкомъ.

— Осторожнѣе, здѣсь болото,—отрывисто и не оборачиваясь, сказалъ Жмакинъ.

Николай Николаевичъ только теперь замѣтилъ, что ноги его ступали неслышно и мягко, какъ по ковру. Вправо и влѣво отъ

тропинки шелъ невысокій, путанный кустарникъ, и вокругъ него, цѣпляясь за вѣтки, колеблясь и вытягиваясь, бродили разорванные, неясно бѣлые клочья тумана. Странный звукъ неожиданно пронесся по лѣсу. Онъ былъ протяженъ, низокъ и гармонично-печаленъ и, казалось, выходилъ изъ-подъ земли. Студентъ сразу остановился и затрясся на мѣстѣ отъ испуга.

— Что это, что?—спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Выпь,—коротко и угрюмо отвѣтилъ землемѣръ.—Идемте, идемте. Это плотина.

Теперь ничего нельзя было разобрать. И справа, и слѣва туманъ стоялъ сплошными, бѣлыми, мягкими пеленами. Студентъ у себя на лицѣ чувствовалъ его влажное и липкое прикосновеніе. Впереди равномѣрно колыхалось темное, расплывающееся пятно: это была спина шедшаго впереди землемѣра. Дороги не было видно, но по сторонамъ отъ нея чувствовалось болото. Изъ него подымался тяжелый запахъ гнилыхъ водорослей и сырыхъ грибовъ. Почва плотины пружинилась и дрожала подъ ногами, и при каждомъ шагѣ гдѣ-то сбоку и внизу раздовалось жирное хлюпанье просачивающейся тины.

Землемѣръ вдругъ остановился. Сердюковъ съ размаху уткнулся лицомъ ему въ спину.

— Тише. Экъ, васъ несетъ!—сердито огрызнулся Жмакинъ.—Подождите, я покричу лѣсника. Еще ухнешь, пожалуй, въ эту чортову трясину.

Онъ приложилъ ладони трубой ко рту и закричалъ протяжно:

— Степ-а-а-нъ!

Уходя въ мягкую бездну тумана, голосъ его звучалъ слабо и безцвѣтно, точно онъ отсырѣлъ въ мокрыхъ болотныхъ испареніяхъ.

— А, чортъ его знаетъ, куда тутъ идти! — злобно проворчалъ, стиснувъ зубы, землемѣръ.—Впору хоть на четверенькахъ ползти. Степ-анъ! — крикнулъ онъ еще разъ раздраженнымъ и плачущимъ голосомъ.

— Степанъ! — поддержалъ отрывистымъ и глухимъ басомъ студентъ.

Они долго кричали по очереди, кричали до тѣхъ поръ, пока, въ страшномъ отдаленіи отъ нихъ, туманъ не засвѣтился въ одномъ мѣстѣ большимъ, желтымъ, безформеннымъ сіяніемъ. Но это свѣтящееся, мутное пятно, казалось, не приближалось къ намъ, а медленно раскачивалось влѣво и вправо.

— Степанъ, ты, что ли? — крикнулъ въ эту сторону землемѣръ.

— Гопъ-гопъ!—отозвался изъ безконечной дали задушенный голосъ.—Никакъ, Егоръ Ивановъ?

Мутное пятно въ одно мгновеніе приблизилось, разрослось, весь туманъ вокругъ сразу засіялъ золотымъ дымнымъ свѣтомъ, чья-то огромная тѣнь заметалась въ освѣщенномъ пространствѣ, и изъ темноты вдругъ вынырнулъ маленькій человѣкъ съ жестянымъ фонаремъ въ рукахъ.

— Такъ и есть, онъ самый,—сказалъ лѣсникъ, подымая фонарь на высоту лица.—А это кто съ вами? Никакъ сердюковскій барчукъ? Здравія желаемъ, Миколай Миколаичъ. Должно, ночевать будете? Милости просимъ. А я-то думаю себѣ: кто такой кричитъ? Ружье захватилъ на всякій случай.

Въ желтомъ свѣтѣ фонаря лицо Степана рѣзко и выпукло выдѣлялось изъ мрака. Все оно сплошь заросло русыми, курчавыми, мягкими волосами бороды, усовъ и бровей. Изъ этого лѣса выглядывали только маленькіе, голубые глаза, вокругъ которыхъ лучами расходились тонкія морщинки, придававшія имъ всегдашнее выраженіе ласковой, усталой и въ то же время дѣтской улыбки.

— Такъ пойдемте,—сказалъ Степанъ и, повернувшись, вдругъ исчезъ, какъ будто растаялъ въ туманѣ. Большое желтое пятно его фонаря закачалось низко надъ землей, освѣщая кусочекъ узкой тропинки.

— Ну, что, Степанъ, все еще трясетъ тебя? — спросилъ Жмакинъ, идя вслѣдъ за лѣсникомъ.

— Все трясетъ, батюшка Егоръ Иванычъ,—отвѣтилъ издалека голосъ невидимаго Степена. — Днемъ еще крѣпимся понемногу, а какъ вечеръ, такъ и пошло трясти. Да, вѣдь, Егоръ Иванычъ, ничего не подѣлаешь... Привыкли мы къ этому.

— А Марьѣ не лучше?

— Гдѣ ужъ тамъ лучше. И жена, и ребятишки всѣ извелись, просто бѣда. Грудной еще ничего покуда, да къ нимъ конечно и не пристаетъ... А мальчонку, вашего крестника, на прошлой недѣлѣ свезли въ Никольское... Это ужъ мы третьяго по счету схоронили... Позвольте-ка Егоръ Иванычъ я вамъ посвѣчу. Поосторожнѣе тутъ.

Сторожка лѣсника, какъ успѣлъ замѣтить Николай Николаевичъ, была поставлена на сваяхъ, такъ что между ея поломъ и землею оставалось свободное пространство, аршина въ два высотою. Раскосая, крутая лѣстница вела на крыльцо. Степанъ свѣтилъ, поднявъ фонарь надъ головой, и, проходя мимо него, студентъ замѣтилъ, что лѣсникъ весь дрожитъ мелкой, ознобной дрожью, ёжась въ своемъ сѣромъ, форменномъ кафтанѣ и пряча голову въ плечи.

Изъ отворенной двери пахнуло теплымъ, прѣлымъ воздухомъ мужичьяго жилья, вмѣстѣ съ кислымъ запахомъ дубленыхъ по

ушубковъ и печенаго хлѣба. Землемѣръ первый шагнулъ черезъ порогъ, низко согнувшись подъ притолкой.

— Здравствуй, хозяюшка!—сказалъ онъ привѣтливо и развязно.

Высокая, худая женщина, стоявшая у открытаго устья печи, легка повернулась въ сторону Жмакина, сурово и безмолвно поклонилась, не глядя на него, и опять закопошилась у шестка. Изба у Степана была большая, но закопченная, пустая и холодная и потому производила впечатлѣніе заброшеннаго, нежилого мѣста. Вдоль двухъ темныхъ бревенчатыхъ стѣнъ, сходясь къ переднему углу, шли узкія и высокія дубовыя скамейки, неудобныя ни для лежанья, ни для сидѣнья. Передній уголъ былъ занятъ множествомъ совершенно черныхъ образовъ, а вправо и лѣво висѣли, приклееныя къ стѣнамъ хлѣбнымъ мякишемъ, извѣстныя лубочныя картины: страшный судъ со множествомъ зеленыхъ чертей и бѣлыхъ ангеловъ съ овечьими лицами, притча о богатомъ и Лазарѣ, ступени человѣческой жизни, русскій хороводъ. Весь противоположный уголъ, тотъ, что былъ сейчасъ же влѣво отъ входа, занимала большая печь, разъѣхавшаяся на треть избы. Съ нея глядѣли, свѣсившись внизъ, двѣ дѣтскія головки, съ такими бѣлыми, выгорѣвшими на солнцѣ волосами, какія бываютъ только у деревенскихъ ребятишекъ. Наконецъ, у задней стѣны стояла широкая, двухспальная кровать съ краснымъ ситцевымъ пологомъ. На ней, далеко не доставая ногами до пола, сидѣла дѣвочка лѣтъ десяти. Она качала скрипучую дѣтскую люльку и съ испугомъ въ огромныхъ свѣтлыхъ глазахъ глядѣла на вошедшихъ.

Въ углу, подъ образомъ, стоялъ пустой столъ, а подъ нимъ на металлическомъ прутѣ спускалась съ потолка висячая убогая лампа съ чернымъ отъ копоти стекломъ. Студентъ присѣлъ около стола, и тотчасъ же ему стало такъ скучно и тяжело, какъ будто бы онъ уже пробылъ здѣсь много-много часовъ въ томительномъ и вынужденномъ бездѣйствіи. Отъ лампы шелъ керосиновый чадъ, и запахъ его вызвалъ въ умѣ Сердюкова какое-то далекое, смутное, какъ сонъ, воспоминаніе. Гдѣ и когда это было? Онъ сидѣлъ одинъ въ пустой, сводчатой, гулкой комнатѣ, похожей на корридоръ; пахло ѣдкимъ чадомъ керосиновой лампы; за стѣной съ усыпляющимъ звономъ, капля по каплѣ падала вода на чугунную плиту, а въ душѣ Сердюкова была такая же длительная, сѣрая, терпѣливая скука.

— Поставь намъ самоварчикъ, Степанъ, и взбодри яишенку,—приказалъ Жмакинъ.

— Сейчасъ, батюшка, Егоръ Иванычъ, сейчасъ,—засуетился Степанъ.— Марья,—неувѣренно обратился онъ къ женѣ,—какъ бы ты тамъ постаралась? Господа будутъ самоваръ пить.

— Да ужъ ладно. Не толкись, толкачъ,—съ неудовольствіемъ отозвалась Марья.

Она вышла въ сѣни. Землемѣръ покрестился на образа и сѣлъ за столъ. Степанъ помѣстился поодаль отъ господъ, на самомъ краю скамейки, у двери, тамъ гдѣ, стояли ведра съ водой.

— А я думаю себѣ, кто-т-такой кричитъ?—началъ добродушно Степанъ.—Ужъ не лѣсничій ли нашъ? Да, нѣтъ, думаю, куда ему ночью,—онъ ночью и дороги сюда не найдетъ. Чудной онъ у насъ баринъ. Непремѣнно, чтобы ему лѣсники ружьемъ на караулъ дѣлали, по-солдатски. Первое для него удовольствіе. Выйдешь съ ружьемъ и конечно рапортуешь: „Ваше-скородіе во ввѣренномъ мнѣ обходѣ чернятинской лѣсной дачи все обстоитъ благополучно"... Ну, а, впрочемъ, баринъ ничего, справедливый. А что касаемо, что дѣвокъ онъ портитъ, ну это, конечно, не наше дѣло...

Онъ замолчалъ. Слышно было, какъ рядомъ, въ сѣняхъ, Марья со звономъ накладывала угли въ самоваръ, и какъ на печкѣ громко дышали дѣти. Люлька продолжала скрипѣть монотонно и жалобно. Сердюковъ вглядѣлся внимательнѣе въ лицо дѣвочки, сидѣвшей на кровати, и оно поразило его своею болѣзненною красотой и необычайнымъ, непередаваемымъ выраженіемъ. Черты этого лица, несмотря на нѣкоторую одутловатость щекъ, были такъ нѣжны и тонки, что казались нарисованными безъ тѣней и безъ красокъ на прозрачномъ фарфорѣ, и тѣмъ ярче выступали среди нихъ неестественно большіе, свѣтлые, прекрасные глаза, которые глядѣли съ задумчивымъ и наивнымъ удивленіемъ, какъ глаза у святыхъ дѣвственницъ на картинахъ прерафаэлитовъ.

— Какъ тебя зовутъ, красавица?—спросилъ ласково студентъ.

Большеглазая дѣвочка закрыла лицо руками и быстро спряталась за пологъ.

— Боится. Ну чего ты, глупая?—сказалъ Степанъ, точно извиняясь за дочь. Онъ неловко и добродушно улыбнулся, отчего все его лицо ушло въ бороду и стало похоже на свернувшагося клубкомъ ежа.—Варей ее звать. Да ты не бойся, дурочка, баринъ добрый,—успокаивалъ онъ дѣвочку.

— И она тоже больная?—спросилъ Николай Николаевичъ.

— Что-съ? — переспросилъ Степанъ. — Густая щетина на его лицѣ разошлась, и опять изъ нея выглянули добрые, усталые глаза.—Больная, вы спрашиваете? Всѣ мы тутъ больные. И жена, и эти вотъ, и тѣ, что на печкѣ. Всѣ. Во вторникъ третье дитя хоронили... Конечно, мѣстность у насъ сырая, это главное. Трясемся вотъ, и шабашъ!..

— Лечились бы,—сказалъ, покачавъ головой, студентъ.—Зайди какъ-нибудь ко мнѣ въ Сердюковку, я хины дамъ.

— Спасибо, Миколай Миколаичъ, дай вамъ Богъ здоровья.

Пробовали мы лечиться, да что-то ничего не выходитъ,—безнадежно развелъ руками Степанъ.—Трое, вотъ, конечно, умерли у меня... Главная сила, мокреть здѣсь, болото, ну и духъ отъ него тяжелый, ржавый.

— Отчего же вы не переведетесь куда-нибудь въ другое мѣсто.

— Чего-съ? Да, въ другое мѣсто, вы сказываете?—опять переспросилъ Степанъ. Казалось, онъ не сразу понималъ то, что ему говорятъ и съ видимымъ усиліемъ, точно стряхивая съ себя дремоту, направлялъ на слова Сердюкова свое вниманіе.— Оно бы баринъ, чего лучше—перевестись. Да вѣдь все равно, кому-нибудь и здѣсь жить надо. Дача, конечно, аграматная, и безъ лѣсника никакъ невозможно. Не мы—такъ другіе. До меня въ этой самой сторожкѣ жилъ лѣсникъ Галактіонъ, трезвый былъ такой человѣкъ, самостоятельный... Но, конечно, похоронилъ сначала двоихъ ребятокъ, потомъ жену, а потомъ и самъ померъ. Я такъ полагаю, Миколай Миколаичъ, что это все равно, гдѣ жить. Ужъ Батюшка, Царь небесный, онъ лучше знаетъ, кому гдѣ надлежитъ жить и что дѣлать.

Марья вошла съ самоваромъ, отворивъ и затворивъ за собою дверь локтемъ.

— Усѣлся, трутень безмедовый,—накинулась она на Степана.— Подай хоть чашки-то!...

Она съ такою силой поставила на столъ самоваръ, точно хотѣла бросить его. Лицо у нее было не по лѣтамъ старое, изможденное, землистаго цвѣта; на щекахъ сквозь кору мелкихъ, частыхъ морщинъ горѣлъ нездоровый кирпичный румянецъ, а глаза неестественно сильно блестѣли. Съ такимъ же сердитымъ видомъ она швырнула на столъ чашки, блюдечки и коровай хлѣба.

Сердюковъ отказался отъ чая. Онъ сидѣлъ разстроенный, недоумѣвающій, удрученный всѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ сегодня. Мелочное, безсильно-язвительное недоброжелательство землемѣра, тихая покорность Степана передъ таинственной и жестокой судьбой, молчаливое раздраженіе его жены, видъ дѣтей, медленно, одинъ за другимъ, умирающихъ отъ болотной лихорадки,—все это сливалось въ одно гнетущее впечатлѣніе, похожее на болѣзненную, колючую, виноватую жалость, которую мы чувствуемъ глядя пристально въ глаза умной, больной собаки, или въ печальные глаза идіота, которая овладѣваетъ нами, когда мы слышимъ или читаемъ про добрыхъ, ограниченныхъ и обманутыхъ людей. И здѣсь, казалось Сердюкову, въ этой бѣдной, узкой и скучной жизни, былъ чей-то злой и несправедливый обманъ.

Землемѣръ молча пилъ чашку за чашкой и жадно ѣлъ хлѣбъ, откусывая прямо отъ ломтя большими, полукруглыми кусками.

Во время ѣды связки сухожилій ходили у него подъ скулами, точно пучки струнъ, обтянутыхъ тонкою кожей, а глаза глядѣли равнодушно и тускло, какъ глаза жующаго животнаго. Изъ всей семьи только одинъ Степанъ согласился, послѣ долгихъ уговоровъ выпить чашку чаю. Онъ пилъ ее долго и шумно, дуя на блюдечко, вздыхая и съ трескомъ грызя сахаръ. Окончивъ чай, онъ перекрестился, перевернулъ чашку вверхъ дномъ, а оставшійся у него въ рукахъ крошечный кусочекъ сахару бережливо положилъ обратно въ засиженную мухами жестяную коробку.

Вяло и тоскливо тянулось время, и Сердюковъ думалъ о томъ, какъ много еще будетъ впереди скучныхъ и длинныхъ вечеровъ въ этой душной избѣ, затерявшейся одинокимъ островкомъ въ морѣ сырого, ядовитаго тумана. Потухавшій самоваръ вдругъ запѣлъ тонкимъ воющимъ голосомъ, въ которомъ слышалось привычное, безысходное отчаяніе. Люлька не скрипѣла больше, но въ углу за печкой однообразно, черезъ правильные промежутки, кричалъ, навѣвая дремоту, сверчокъ. Дѣвочка, сидѣвшая на кровати уронила руки между колѣнъ и задумчиво, какъ очарованная, глядѣла на огонь лампы. Ея громадные, съ неземнымъ выраженіемъ глаза еще больше расширились, а голова склонилась на бокъ съ безсознательной и покорной граціей. О чемъ думала она, что чувствовала, глядя такъ пристально на огонь? Временами ея худенькія ручки тянулись въ долгой лѣнивой истомѣ, и тогда въ ея глазахъ мелькала на мгновеніе странная, едва уловимая улыбка, въ которой было что-то лукавое, нѣжное и ожидающее: точно она знала, тайкомъ отъ остальныхъ людей, о чемъ-то сладкомъ, болѣзненно-блаженномъ, что ожидало ее въ тишинѣ и въ темнотѣ ночи. И въ голову студента пришла странная, тревожная, почти суевѣрная мысль о таинственной власти болѣзни надъ этою семьей. Глядя въ необыкновенные глаза дѣвочки, онъ думалъ о томъ, что, можетъ быть, для нея не существуетъ обыкновенной, будничной жизни. Медленно и равнодушно проходитъ для нея длинный день, съ его однообразными заботами, съ его безпокойнымъ шумомъ и суетой, съ его назойливымъ свѣтомъ. Но наступаетъ вечеръ, и вотъ, вперивъ глаза въ огонь, дѣвочка томится нетерпѣливымъ ожиданіемъ ночи. А ночью духъ неизлѣчимой болѣзни, измождившей слабое дѣтское тѣло, овладѣваетъ ея маленькимъ мозгомъ и окутываетъ его дикими, мучительно-блаженными грезами...

Гдѣ-то давнымъ давно Сердюковъ видѣлъ сепію извѣстнаго художника. Картина эта такъ и называлась „Малярія". На краю болота, около воды, въ которой распустились бѣлыя кувшинки, лежитъ дѣвочка, широко разметавъ во снѣ руки. А изъ болота, вмѣстѣ съ туманомъ, теряясь въ немъ легкими складками одежды, подымается тонкій, неясный призракъ женской фигуры съ

огромными дикими глазами и медленно, страшно медленно тянется къ ребенку. Сердюковъ вспомнилъ вдругъ эту забытую картину и тотчасъ же почувствовалъ, какъ мистическій страхъ холодною щеткой проползъ у него по спинѣ отъ затылка до поясницы.

— Ну-съ, въ Америкѣ такой обычай: посидятъ, посидятъ, да и спать,—сказалъ землемѣръ, вставая со стула. — Стели-ка намъ, Марья.

Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ. Дѣвочка заложила за голову сцѣпленныя пальцы съ пальцами руки и сильно потянулась всѣмъ тѣломъ. Она зажмурила глаза, но губы ея улыбались радостно и мечтательно. Зѣвая и потягиваясь, Марья принесла двѣ большихъ охабки сѣна. Съ лица ея сошло сердитое выраженіе, блестящіе глаза смотрѣли мягче, и въ нихъ было то же странное выраженіе нетерпѣливаго и томнаго ожиданія.

Покуда она сдвигала лавки и стелила на нихъ сѣно, Николай Николаевичъ вышелъ на крыльцо. Ни впереди, ни по сторонамъ ничего не было видно, кромѣ плотнаго, сѣраго, влажнаго тумана, и высокое крыльцо, казалось, плавало въ немъ, какъ лодка въ морѣ. И когда онъ вернулся обратно въ избу, то его лицо, волосы и одежда были холодны и мокры, точно они насквозь пропитались ѣдкимъ болотнымъ туманомъ.

Студентъ и землемѣръ легли на лавки головами подъ образа, а ногами врозь. Степанъ устроился на полу, около печки. Онъ потушилъ лампу и долго было слышно, какъ онъ шепталъ молитвы и, кряхтя, укладывался. Потомъ откуда-то прошмыгнула на кровать Марья, безшумно ступая босыми ногами. Въ избѣ стало тихо. Только сверчокъ однообразно, черезъ каждые пять секундъ, издавалъ свое монотонное, усыпляющее цырканье, да муха билась объ оконное стекло и настойчиво жужжала, точно повторяя все одну и ту же докучную, безконечную жалобу.

Несмотря на усталость, Сердюковъ не могъ заснуть. Онъ лежалъ на спинѣ съ открытыми глазами и прислушивался къ осторожнымъ ночнымъ звукамъ, которые въ темнотѣ, во время безсонницы, пріобрѣтаютъ такую странную отчетливость. Землемѣръ заснулъ почти мгновенно. Онъ дышалъ открытымъ ртомъ, и казалось, что при каждомъ вздохѣ у него въ горлѣ лопалась тоненькая перепонка, сквозь которую быстро и сразу прорывался задержанный воздухъ. Дѣвочка, лежавшая на кровати рядомъ съ матерью, вдругъ проговорила торопливо и неясно длинную фразу... Двое дѣтей на печкѣ дышали часто и усиленно, точно стараясь сдунуть со своихъ губъ палящій лихорадочный зной... Степанъ тихо и протяжно стоналъ при каждомъ вздохѣ.

— М-а-амка, пи-и-ить, — капризно и сонно запросилъ дѣтскій голосъ. Марья послушно вскочила съ кровати и зашлепала

босыми ногами къ ведру. Студентъ слышалъ, какъ заплескалась вода въ желѣзномъ ковшѣ, и какъ ребенокъ долго и жадно пилъ большими громкими глотками, останавливаясь, чтобы перевести духъ. И опять все стихло. Размѣренно лопалась въ груди землемѣра тонкая перепонка, жалобно билась о стекло муха, и часто-часто, какъ маленькіе паровозики, дышали дѣтскія грудки. Старшая дѣвочка вдругъ проснулась и сѣла на кровати. Она долго силилась что-то выговорить, но не могла и только стучала зубами въ страшномъ ознобѣ. «Хо-о-ло-дно!» разслышалъ, наконецъ, Сердюковъ прерывистые, заикающіеся звуки. Марья со вздохами и нѣжнымъ шопотомъ укутала дѣвочку тулупомъ, но студентъ долго еще слышалъ въ темнотѣ сухое и частое щелканье ея зубовъ.

Сердюковъ напрасно употреблялъ всѣ знакомыя ему средства, чтобы уснуть. Считалъ онъ до ста и далѣе, повторялъ знакомые стихи и jus'ы изъ пандектовъ, старался представить себѣ блестящую точку и волнующуюся поверхность моря. Но испытанныя средства не помогали. Кругомъ часто и жарко дышали больныя груди, и въ душной темнотѣ чудилось таинственное присутствіе кровожаднаго и незримаго духа, который, какъ проклятіе, поселился въ избѣ лѣсника.

Около кровати заплакалъ ребенокъ. Мать съ просонья толкнула люльку и, сама борясь съ дремотой, запѣла подъ жалобный скрипъ веревокъ, старинную колыбельную пѣсню:

«Аа—аа—аа—а!
И всѣ лю-ю-ди-и спятъ
И всѣ звѣ-ѣ-ри-и спятъ...»

Лѣниво и зловѣще раздавалась въ тишинѣ, переходя изъ полутона въ полутонъ, эта печальная, усыпляющая пѣсня, и чѣмъ-то древнимъ, чудовищно-далекимъ вѣяло отъ ея наивной и грубой мелодіи. Казалось, что именно такъ, хотя и безъ словъ, должны были пѣть загадочные и жалкіе полулюди на зарѣ человѣческой жизни, глубоко за предѣлами исторіи. Вымирающіе, подавленные ужасами ночи и своею безпомощностью, сидѣли они голые, въ прибрежныхъ пещерахъ, у первобытнаго огня, глядѣли на таинственное пламя и, обхвативъ руками острыя колѣна, качались взадъ и впередъ подъ звуки унылаго, безконечно долгаго, воющаго мотива.

Кто-то постучалъ снаружи въ окно, надъ самой головой студента, который вздрогнулъ отъ неожиданности. Степанъ поднялся съ полу. Онъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, чмокалъ губами и, точно жалѣя разстаться съ дремотою, лѣниво чесалъ грудь и голову. Потомъ, сразу очнувшись, онъ подошелъ къ окну, прильнулъ къ нему лицомъ и крикнулъ въ темноту:

— Кто тамъ?

— Гу-у-у,—глухо, черезъ стекло, загудѣлъ чей-то голосъ.

— Въ Кислинской?—спросилъ вдругъ Степанъ невидимаго человѣка. Ага, слышу. Ѣзжай себѣ съ Богомъ, я сейчасъ...

— Что? Что такое, Степанъ?—тревожно спросилъ студентъ.

Степанъ шарилъ, наугадъ, рукой въ печкѣ—ища спичекъ.

— Эхъ... иттить надо-ть,—сказалъ онъ съ сожалѣніемъ.— Ну, да ничего не подѣлаешь... Пожаръ, видишь, перекинулся къ намъ въ Кислинскую дачу, такъ вотъ лѣсничій велѣлъ всѣхъ лѣсниковъ согнать... Сейчасъ объѣзчикъ пріѣзжалъ верхомъ...

Вздыхая, кряхтя и позѣвывая, Степанъ зажегъ лампу и одѣлся. Когда онъ вышелъ въ сѣни, Марья быстро и легко скользнула съ кровати и пошла затворить за нимъ двери. Изъ сѣней вдругъ ворвался въ нагрѣтую комнату вмѣстѣ съ холодомъ, точно чье-то ядовитое дыханіе, гнилой, приторный запахъ тумана.

— Взялъ бы фонарь-то съ собою, — сказала за дверями. Марья.

— Чего тамъ! Съ фонаремъ еще хуже дорогу потеряешь,— отвѣтилъ глухо, точно изъ-подъ полу, спокойный голосъ Степана.

Опершись подбородкомъ о подоконникъ, Сердюковъ прижался лицомъ къ стеклу. На дворѣ было темно отъ ночи и сѣро отъ тумана. Изъ отверстій, которыя оставались между рамой и плохо пригнанными стеклами, дулъ острыми тонкими струйками холодный воздухъ. Подъ окномъ послышались тяжелые, торопливые шаги Степана, но его самого не было видно,—туманъ и ночь поглотили его. Безъ разсужденій, безъ жалобъ, разбитый лихорадкой, онъ всталъ среди ночи и пошелъ въ эту сырую тьму, въ это ужасное, таинственное безмолвіе. Здѣсь было что-то совершенно непонятное для студента. Онъ вспомнилъ сегодняшнюю, вечернюю дорогу, мутно-бѣлыя завѣсы тумана по сторонамъ плотины, мягкое колебаніе почвы подъ ногами, низкій протяжный крикъ выпи,—и ему стало нестерпимо, по-дѣтски, жутко. Какая загадочная, невѣроятная жизнь копошилось по ночамъ въ этомъ огромномъ, густомъ, мѣстами бездонномъ болотѣ? Какіе уродливые гады извивались и ползали въ немъ между мокрымъ камышомъ и корявыми кустами вербы? А Степанъ шелъ теперь черезъ это болото, совсѣмъ одинъ, тихо повинуясь судьбѣ, безъ страха въ сердцѣ, но дрожа отъ холода, отъ сырости и отъ пожиравшей его лихорадки, отъ той самой лихорадки, которая унесла въ могилу трехъ его дѣтей и навѣрное, унесетъ остальныхъ. И этотъ простосердечный человѣкъ, съ его наеженной бородой и кроткими усталыми глазами, былъ теперь непостижимъ, почти таинственъ для Сердюкова.

На студента нашло тяжелое, чуткое забытье. Онъ видѣлъ блѣдные, неясные образы лицъ и предметовъ и въ то же время

сознавалъ, что спитъ, и говорилъ себѣ: „вѣдь, это сонъ, это мнѣ только кажется...“ Въ смутныхъ и печальныхъ грезахъ мѣшались все тѣ же самыя впечатлѣнія, которыя онъ переживалъ днемъ: съемка въ пахучемъ сосновомъ лѣсу, подъ солнечнымъ припекомъ; узкая лѣсная тропинка, туманъ по бокамъ плотины, изба Степана и онъ самъ съ его женой и дѣтьми. Снилось также Сердюкову, что онъ горячо, до боли въ сердцѣ, споритъ съ землемѣромъ. „Къ чему эта жизнь?—говоритъ онъ со страстными слезами на глазахъ?—Кому нужно это жалкое, нечеловѣческое прозябаніе? Какой смыслъ въ болѣзняхъ и въ смерти милыхъ, ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, у которыхъ высасываетъ кровь уродливый болотный вампиръ? Какой отвѣтъ, какое оправданіе можетъ дать судьба въ ихъ страданіяхъ?“ Но землемѣръ досадливо морщился и отворачивалъ лицо. Ему давно надоѣли философскіе разговоры. А Степанъ стоялъ тутъ же и улыбался ласково и снисходительно. Онъ тихо покачивалъ головой, какъ будто жалѣя этого нервнаго и добраго юношу, который не понимаетъ, что человѣческая жизнь скучна, бѣдна и противна, и что не все ли равно гдѣ умереть,—на войнѣ или въ путешествіи, дома или въ гнилой болотной трясинѣ?

И когда Сердюковъ очнулся, то ему показалось, что онъ не спалъ, а только думалъ упорно и безпорядочно объ этихъ вещахъ. На дворѣ уже начиналось утро. Въ туманѣ попрежнему нельзя было ничего разобрать, но онъ былъ уже бѣлаго, молочнаго цвѣта и медленно колебался, какъ тяжелая, готовая подняться занавѣсъ.

Сердюкову вдругъ жадно, до страданія, захотѣлось увидѣть солнце и вздохнуть яснымъ, чистымъ воздухомъ лѣтняго утра. Онъ быстро одѣлся и вышелъ на крыльцо. Влажная волна густого ѣдкаго тумана, хлынувъ ему въ ротъ, заставила его раскашляться. Низко нагибаясь, чтобы различить дорогу, Сердюковъ перебѣжалъ плотину и быстрыми шагами пошелъ вверхъ. Туманъ садился ему на лицо, смачивалъ усы и рѣсницы, чувствовался на губахъ, но съ каждымъ шагомъ дышать становилось легче и легче. Точно карабкаясь изъ глубокой и сырой пропасти взбѣжалъ, наконецъ, Сердюковъ на высокій песчаный бугоръ и задохнулся отъ прилива невыразимой радости. Туманъ лежалъ, бѣлой колыхающейся, безконечною гладью у его ногъ, но надъ нимъ сіяло голубое небо, шептались душистыя, зеленыя вѣтви, а золотые лучи солнца звенѣли ликующимъ торжествомъ побѣды.

А. Купринъ.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЯ *).

Никакое другое явленіе въ природѣ не производитъ на человѣка такого глубокаго впечатлѣнія, не возбуждаетъ такого страха, какъ сильное землетрясеніе, особенно на тѣхъ, кто переживаетъ его впервые; и понятно, почему. Съ самыхъ первыхъ шаговъ нашей сознательной жизни нашъ ежедневный опытъ все укрѣплялъ въ насъ увѣренность въ прочности, въ незыблемости земли, земной тверди, грунта, въ которомъ заложены фундаменты нашихъ зданій, и вдругъ эта твердь начинаетъ подниматься, колыхаться, трястись; внезапно обнаруживается какая-то таинственная, сокрытая отъ насъ, могучая сила, вдругъ вмѣшивающаяся въ привычный для насъ правильный и спокойный ходъ явленій природы. Каменныя стѣны трещатъ и рушатся, мы осматриваемся въ ужасѣ и не находимъ вокругъ себя ничего устойчиваго, на что можно опереться, намъ негдѣ искать спасенія, некуда бѣжать; да и какъ бѣжать, куда бѣжать, когда сама земля измѣнила намъ и движется, какъ зыбкая стихія, когда мы не въ силахъ даже устоять на ногахъ. И этимъ еще не исчерпывается ужасъ нашего положенія: мы видимъ вокругъ себя картины гибели и разрушенія всего, что намъ было дорого, мы слышимъ отчаянные крики погибающихъ подъ развалинами, смѣшивающіеся съ зловѣщимъ шумомъ и трескомъ разваливающихся зданій.

Къ счастію, такія очень сильныя землетрясенія бываютъ не часто, но слабыя колебанія и дрожанія земли, при которыхъ зданія даютъ трещины, но не рушатся, при которыхъ качаются и падаютъ непрочно стоящіе предметы, звенитъ и разбивается посуда—такія землетрясенія происходятъ очень часто; можно сказать, ежедневно гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ происходитъ землетрясеніе; а со времени изобрѣтенія чувствительныхъ приборовъ, отмѣчающихъ слабыя колебанія земли, ученые пришли къ выводу, что на землѣ не проходитъ и часа безъ землетрясенія. Постоянно то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ совершаются различнаго рода колебанія, дрожанія, трясенія, вызываемыя скрытыми въ нѣдрахъ земли силами.

*) Эта статья представляетъ одну изъ лекцій въ серіи «Чтеній для учащихся», устраиваемыхъ въ Москвѣ Педагогическимъ Обществомъ.

Въ послѣднее время, съ развитіемъ телеграфныхъ и почтовыхъ сообщеній, очень часто приходятъ изъ разныхъ мѣстъ земли извѣстія о землетрясеніяхъ, ими интересуются, объ нихъ говорятъ и пишутъ. Естественно и намъ посвятить этимъ явленіямъ одну изъ нашихъ бесѣдъ. Мы лучше всего познакомимся съ землетрясеніями, если прослушаемъ разсказы о нѣкоторыхъ наиболѣе замѣчательныхъ землетрясеніяхъ послѣдняго времени и потомъ постараемся уловить нѣкоторыя общія черты, нѣкоторыя характерныя особенности этихъ явленій и попытаемся по нимъ разузнать что-нибудь о природѣ землетрясеній и ихъ причинахъ.

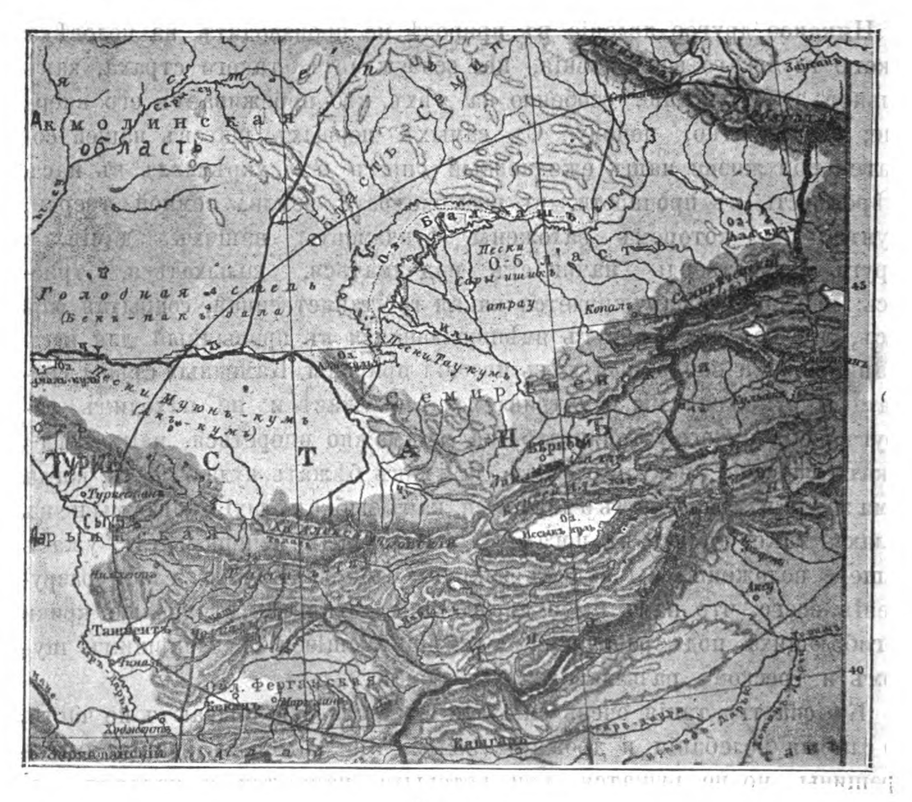


Рис. 1.

Въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ близь сѣвернаго склона горъ Ала-тау находится городъ Вѣрный, жители котораго въ маѣ 1887 года пережили чрезвычайно сильное землетрясеніе.

Было замѣчено, что наканунѣ землетрясенія домашнія животныя обнаруживали удивительное безпокойство: лошади не брали корма, коровы и собаки были въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, свиньи убѣгали со дворовъ. Можно подумать, что животныя слышали первые слабые удары землетрясенія, оставшіеся незамѣченными человѣкомъ.

Первый сильный подземный ударъ произошелъ въ 4 ч. 35 м. утра. Онъ разбудилъ и напугалъ спавшихъ жителей, заставилъ многихъ изъ нихъ выбѣжать изъ домовъ и тѣмъ спасъ отъ гибели. Колебаніе земли длилось не болѣе секунды. Это былъ, такъ сказать, предупредительный ударъ, такъ какъ за нимъ послѣдовалъ сильный подземный шумъ и грохотъ со стороны горъ, какъ будто звонили во много колоколовъ или ѣхали тяжелыя орудія; вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ

Рис. 2. Покровская церковь до землетрясенія.

второй главный ударъ, отъ котораго посыпалась штукатурка, стали рушиться печи, падать потолки и валиться зданія. Поднялась страшная пыль, послышались крики и вопли погибающихъ. Коровы срывались съ привязей и мычали, лошади перескакивали черезъ заборы, мчались по улицамъ и ржали. Земля колебалась такъ, что трудно было устоять на ногахъ. Полуодѣтые, въ чемъ попало, жители толпились посреди улицъ и учащенно крестились, съ ужасомъ ожидая своей гибели. Собранныя впослѣдствіи свѣдѣнія показали, что разрушеніе на-

чалось съ южной или юго-западной стороны города, съ верхнихъ кварталовъ, которые ближе къ горамъ. Многіе изъ жителей этой части города, опасаясь погибнуть подъ развалинами, выбѣжали на улицы и нѣкоторые изъ нихъ замѣтили, что послѣ того какъ разрушились ближайшіе къ нимъ дома, въ Покровской церкви, расположенной въ другомъ концѣ города дальше отъ горъ, зазвонили колокола и вслѣдъ затѣмъ церковь, нѣсколько разъ качнувшись, превратилась въ груду развалинъ.

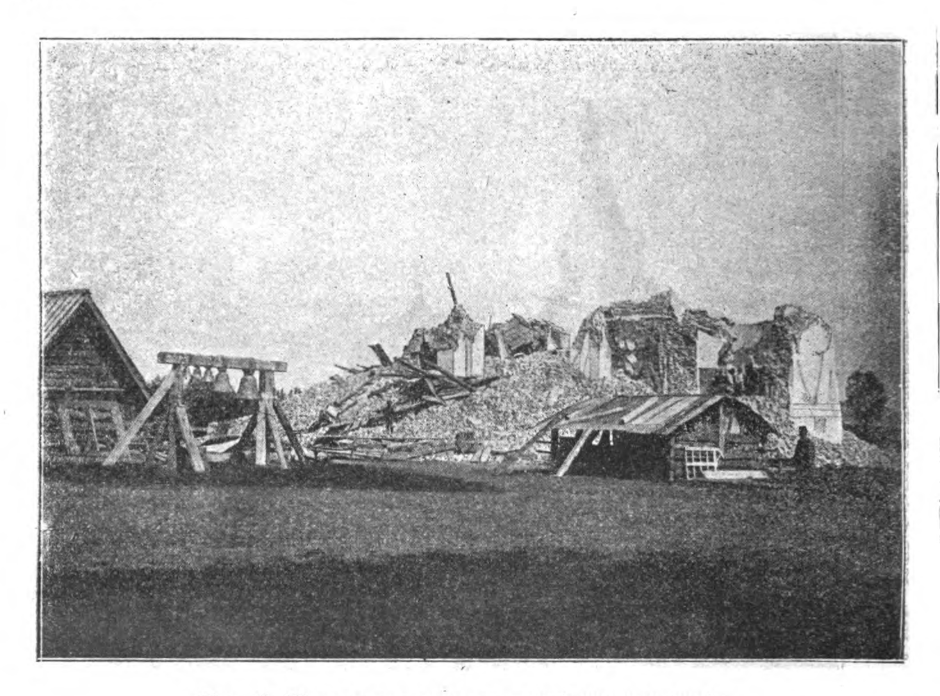


Рис. 3. Покровская церковь послѣ землетрясенія.

Среди множества разрушенныхъ и полуразрушенныхъ домовъ странный видъ имѣлъ домъ одного мусульманина, построенный незадолго передъ землетрясеніемъ. Его кирпичныя стѣны были какъ будто вытрясены изъ-подъ крыши, сравнительно мало пострадавшей (рис. 4).

Въ большомъ домѣ губернатора пострадали всего болѣе сѣверныя и южныя стѣны; это же было замѣчено и на другихъ домахъ, какъ будто ударъ, разрушавшій зданія, пришелъ съ одной опредѣленной стороны, и именно съ юга, со стороны горъ (рис. 5).

Положеніе жителей, лишенныхъ крова, не имѣвшихъ пищи и трепетавшихъ за свою участь, было ужасно. Колебанія земли продолжались весь день и весь слѣдующій день, становясь все слабѣе. На 3-й день утромъ распространились слухи о томъ, что изъ горъ идутъ потоки воды и грязи. Всѣ пришли въ смятеніе и бросились бѣжать изъ города. Тысячи людей разныхъ національностей: киргизы, малороссы, ки-

Рис. 4

Рис. 5. Домъ съ особенно пострадавшими сѣверными и южными стѣнами.

тайцы, дунгане и др., пѣшкомъ, верхомъ и въ экипажахъ, таща дѣтей и женщинъ, устремились по дорогамъ въ Илійскъ и Талгаръ; многіе взлѣзали на деревья, ища на нихъ спасенія. Черезъ часа два, не видя ужасавшей воды и грязи, бѣглецы стали возвращаться назадъ, и, какъ бы мстя за свой испугъ, русскіе накинулись на киргизъ и др. инородцевъ, обвиняя ихъ въ умышленномъ распространеніи ложныхъ слуховъ. Не мало народа было избито и изранено обезумѣвшею чернью; при этомъ пострадали многіе ни въ чемъ неповинные киргизы, снабжавшіе своими юртами лишенныхъ крова жителей. Слухи о водѣ и грязи были не совсѣмъ ложны. Въ горахъ къ югу отъ Вѣрнаго обрушивались скалы, засыпая обломками сосѣднія долины, огромные камни до 3.000 пуд. вѣсомъ летѣли внизъ и даже перебрасывались на противоположную сторону долины, при этомъ ломался лѣсъ, гибли животныя на пастбищахъ и немногіе жители горныхъ долинъ. Въ другихъ мѣстахъ почва, размягченная предшествовавшими дождями, сползала или сбрасывалась съ крутыхъ склоновъ горъ вмѣстѣ съ лѣсомъ и травою. Эта сползшая земля смѣшивалась съ водою рѣчекъ и превращалась въ потоки грязи, двинувшіеся внизъ по долинамъ и даже выступившіе изъ горъ. Эти-то потоки и дали поводъ къ тревожнымъ слухамъ. Одинъ изъ этихъ грязевыхъ потоковъ достигъ высоты 40 м., при ширинѣ въ $^{1}/_{2}$ версты, и протянулся по долинѣ на 10 верстъ. Сначала онъ двигался быстро и погубилъ много скота и людей. Чтобы лучше оцѣнить размѣры такого потока, представимъ себѣ улицу шириною въ 25 такихъ улицъ, какъ Тверская, обставленную домами въ $1^{1}/_{2}$ — 2 раза болѣе высокими. Представимъ себѣ, что эта улица до крышъ наполнилась густою грязью и что такой потокъ грязи протянулся отъ Иверскихъ воротъ мимо Петровскаго парка и остановился за с. Всесвятскимъ.

Разрушенія въ горахъ къ югу отъ Вѣрнаго были настолько значительны, что по нимъ и по характеру разрушенія можно было заключить, что эта полоса приходилась какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ въ землѣ, изъ котораго исходили удары. Такое мѣсто на земной поверхности называютъ надцентральною областью или эпицентромъ землетрясенія. На картѣ (рис. 1), этотъ эпицентръ обозначенъ темною полоской, расположенной на склонѣ горъ къ югу отъ Вѣрнаго. Большой овалъ вокругъ Вѣрнаго обозначаетъ ту область, гдѣ землетрясеніе было особенно разрушительно, онъ имѣетъ 90 верстъ въ длину и 46 въ ширину. Вся область, въ предѣлахъ которой земля колебалась, но не было большихъ разрушеній, несравненно больше. Она представляетъ собою овалъ, имѣющій въ длину 1.500 верстъ и въ ширину 900. Западный край этого овала находится у Ташкента, восточный у Урумчи (за предѣлами карты). Это пространство примѣрно вдвое больше такихъ государствъ, какъ Франція и Германія.

Въ Илійскѣ, на разстояніи 75 верстъ къ сѣверу отъ эпицентра

землетрясенія, остановились часы телеграфнаго аппарата и тѣмъ отмѣтили время 4 ч. 30 м.; отсюда можно было узнать, что ударъ, или, какъ говорятъ, волна землетрясенія распространялась со скоростью 15-ти верстъ въ 1 минуту. Въ Ташкентѣ на разстояніи 660 верстъ было замѣчено колебаніе черезъ 13$^1/_2$ минутъ, слѣдовательно, землетрясеніе распространялось въ этомъ направленіи быстрѣе, почти 50 верстъ въ минуту. Болѣе быстрое распространеніе землетрясенія въ этомъ направленіи можно объяснить большею плотностью каменныхъ породъ.

Какую же общую картину представляетъ намъ вѣрненское землетрясеніе? Гдѣ-то въ глубинѣ земли, по линіи, вытянутой вдоль горъ, происходитъ какой-то процессъ, сопровождающійся могучими ударами, которые, достигая земной поверхности, производятъ прямо надъ этою линіей (въ эпицентрѣ) страшныя разрушенія въ горахъ. Немного поодаль отъ этой области наибольшаго разрушенія, въ г. Вѣрномъ чувствуются уже боковые толчки, которые одни зданія разрушаютъ до основанія, другія повреждаютъ, у третьихъ вышибаютъ сѣверныя и южныя стѣны. Колебаніе распространяется и дальше, все ослабѣвая, какъ ослабѣваетъ волна, вызванная брошеннымъ въ прудъ камнемъ, и, наконецъ, эта волна землетрясенія или, такъ называемая сейсмическая волна, взволновавъ землю на сотню верстъ въ окружности, затихаетъ.

Замѣчательно, что область предгорій большихъ азіатскихъ хребтовъ и прилежащія къ нимъ равнины представляютъ область, особенно излюбленную землетрясеніями. Незадолго до вѣрненскаго землетрясенія 1887 г., въ 1885 г. съ 24-го октября по 5-го ноября были землетрясенія въ Пришпекѣ и Бѣловодскѣ вдоль хребта Александровскаго, т.-е. къ западу отъ Вѣрнаго. 24-го октября 1893 г. было землетрясеніе въ Самаркандѣ 27-го іюля 1895 г. близъ Красноводска, 5-го сентября 1897 г.— между Джизакомъ и Ходжентомъ, наконецъ, 5-го января 1901 г. было небольшое землетрясеніе въ Вѣрномъ и 9-го января въ Закаспійской области между Красноводскомъ и Кизилъ Арватомъ. Всѣ эти землетрясенія больше распространялись вдоль горъ.

Другую излюбленную страну землетрясеній представляетъ Японія. Въ 1871 г. въ Іокогамѣ и ея окрестностяхъ, начиная съ 10-го апрѣля, впродолженіи 10 дней почти непрерывно были сотрясенія и движенія земли; по временамъ почва колебалась, какъ корабль на волнахъ бурнаго моря. Но самое замѣчательное изъ японскихъ землетрясеній послѣдняго времени произошло въ 1891 г. 16-го октября (28-го окт. нов. ст.). Оно охватило область, простирающуюся поперекъ острова Ниппона отъ Нагойи до Фукуи на протяженіи 160 верстъ. На югѣ эта мѣстность представляетъ довольно широкую равнину, а на сѣверѣ болѣе узкую полосу или долину, протянувшуюся поперекъ горъ.

Это землетрясеніе разрушило 200.000 зданій, погубило 17000 человѣкъ и причинило убытковъ на 40.000.000 рублей. Въ городахъ Осака, Гифа, Огаки были разрушены всѣ общественныя зданія, цѣлыя улицы

домовъ развалились и частью провалились въ расщелины земли. Но самымъ замѣчательнымъ событіемъ при этомъ землетрясеніи было образованіе большой трещины въ землѣ на протяженіи 105 верстъ и осѣданіе земли по одну сторону этой трещины мѣстами на 3 сажени. Было и нѣкоторое горизонтальное передвиженіе краевъ этой трещины.

Колебаніе было замѣчено на противоположномъ берегу моря на обсерваторіи въ Шанхаѣ и даже было отмѣчено въ Берлинѣ на раз-

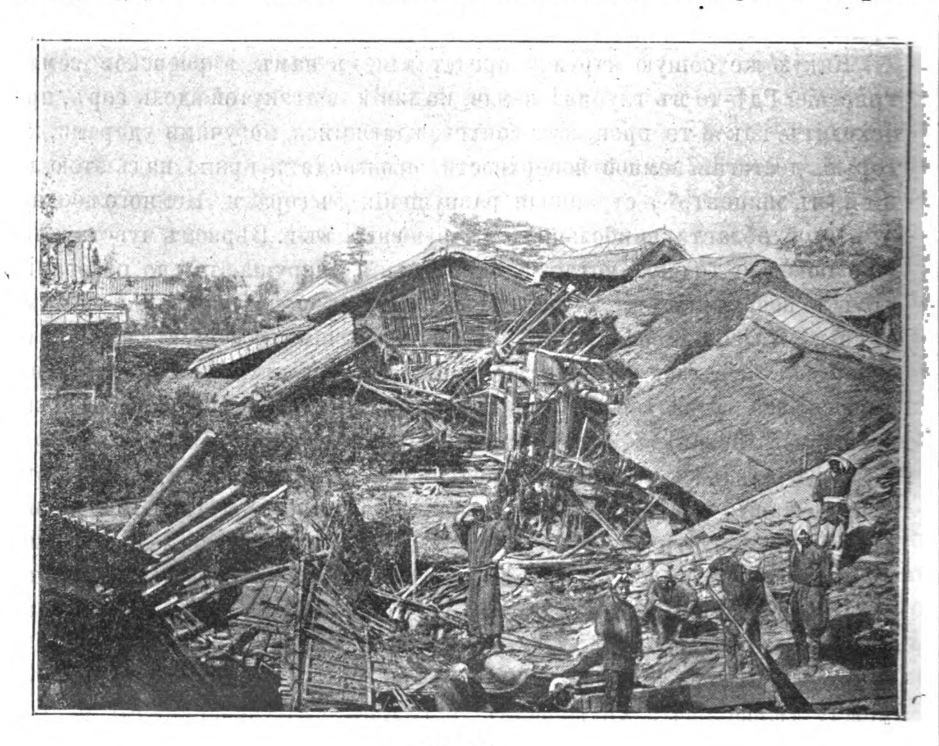


Рис. 6.

стояніи $8^1/_2$ тысячъ верстъ. Оно дошло туда черезъ 64 минуты, дѣлая по $2^1/_3$ версты въ секунду.

Переходя въ ближайшія къ намъ мѣстности, мы прежде всего упомянемъ о недавнемъ сильномъ землетрясеніи въ Закавказьи въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ *). Оно случилось въ декабрѣ 1899 г. и охватило почти все Закавказье отъ Сухума до Шуши и отъ станціи Коби до Эривани. Эта область представляетъ оvalъ, длинный поперечникъ котораго идетъ параллельно Кавказскому хребту. Въ очень слабой степени колебаніе было замѣчено въ Харьковѣ и даже въ Юрьевѣ (на обсерваторіяхъ).

*) Въ тотъ самый день, когда происходило это чтеніе, телеграфъ принесъ извѣстіе о сильномъ землетрясеніи въ Шемахѣ. Шемахинское землетрясеніе поэтому и не могло послужить примѣромъ закавказскихъ землетрясеній.

Изъ числа европейскихъ странъ, испытавшихъ въ послѣднее полстолѣтіе сильныя землетрясенія, особенно много пострадала отъ нихъ

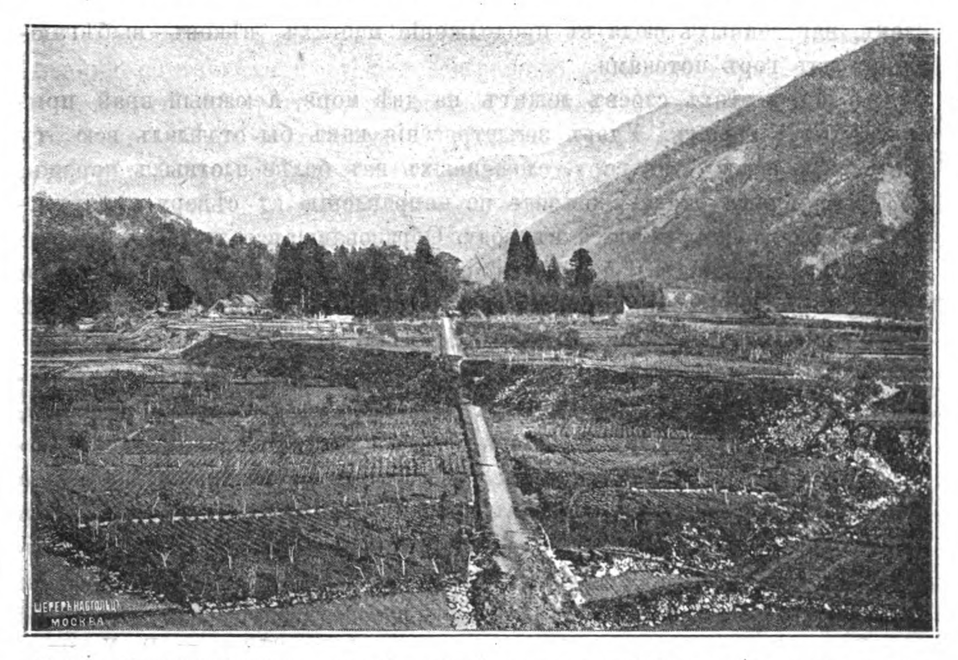


Рис. 7. Ступенеобразное смѣщеніе земной поверхности (сбросъ), образовавшееся во время землетрясенія 1891 г.

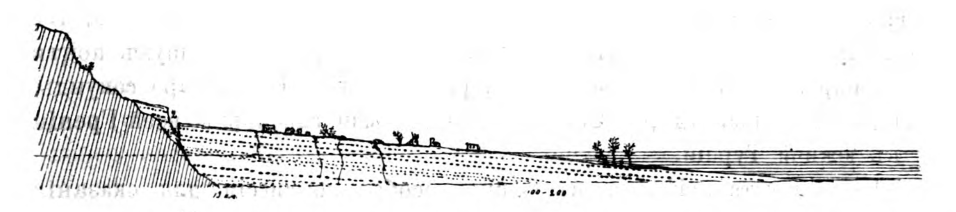


Рис. 8. Мысленный вертикальный разрѣзъ черезъ берегъ Коринѳскаго залива у Эгіона до и послѣ землетрясенія 1861 г.

Греція. Мы упомянемъ только о самыхъ замѣчательныхъ изъ этихъ землетрясеній.

Въ 1861 г. въ декабрѣ произошло землетрясеніе на сѣверномъ берегу Пелопонеса у Эгіона въ Ахаіѣ. За исключеніемъ скалистыхъ вы-

ступовъ Діакоптаса и холмовъ, на которыхъ стоитъ Эгіонъ, вся поверхность Ахайи представляетъ плоскую равнину полого понижающуюся къ Коринөскому заливу и сложенную изъ слоевъ песка, глины и галекъ, нанесенныхъ сюда въ продолженіе многихъ вѣковъ выбѣгающими изъ горъ потоками.

Подошва этихъ слоевъ лежитъ на днѣ моря, а южный край прислоненъ къ горамъ. Ударъ землетрясенія какъ бы отдѣлилъ всю эту береговую полосу отъ горъ, сложенныхъ изъ болѣе плотныхъ породъ, и вся равнина стала скользить по направленію къ сѣверу и наружнымъ краемъ погружаться въ воду. Образовавшаяся трещина достигала одной сажени въ ширину и шла вдоль горъ на протяженіи 13-ти верстъ. Равнина осѣла по этой трещинѣ болѣе чѣмъ на сажень. Въ море погрузилась полоса земли въ 50—100 саженъ шириною съ росшими на ней миндальными и оливковыми деревьями. Изъ 13 ти деревень, лежавшихъ на этой равнинѣ, двѣ были совершенно разрушены, 10 болѣе или менѣе пострадали и только одна уцѣлѣла. Равнина покрылась цѣлою сѣтью трещинъ, надъ которыми возникали песчаные конусы (мѣстами цѣлыя сотни). Самый большой имѣлъ 9 саженъ въ поперечникѣ и на вершинѣ углубленіе шириною въ $1^1/_2$ аршина; изъ этого углубленія выбрасывались камни, куски почернѣвшаго дерева и песокъ съ водою.

Въ этой же мѣстности было землетрясеніе за 373 г. до Р. Х., причемъ городъ Хелике, упоминаемый Гомеромъ, былъ поглощенъ моремъ.

Въ 1871 году, 29-го, 30 го и 31 го іюля (н. ст.) были несильныя землетрясенія въ разныхъ мѣстахъ Греціи и на ближайшихъ островахъ. 1-го августа ночью произошелъ страшный вертикальный ударъ въ Фокидѣ между горою Парнасомъ и Коринөскимъ заливомъ, разрушившій многіе города и между ними Дельфы (см. карту рис. 12). Почва колебалась минутъ 15—20, черезъ 19 минутъ произошло новое сотрясеніе; во 2-мъ часу дня новый сильный ударъ довершилъ разрушеніе городовъ, вызвалъ обвалы на Парнасѣ, Кораксѣ и Керфисѣ. Къ счастью, почти всѣ жители, по случаю жаркой погоды, были внѣ домовъ. Въ послѣдующіе дни колебаніе земли, подземный грохотъ и шумъ почти не прекращались и день и ночь. Черезъ каждыя три-четыре секунды слѣдовалъ новый ударъ. Сильные удары были слышны во всей Греціи и въ южной Турціи.

4-го августа пріѣхала въ Өокиду особая коимиссія для оказанія помощи пострадавшимъ, и одинъ изъ ея членовъ д-ръ Шмидтъ подробно описалъ то, что ему удалось наблюдать черезъ четверо сутокъ послѣ начала землетрясенія. Вотъ какъ онъ передаетъ свои впечатлѣнія. «Въ 4 часа мы прибыли въ мѣстечко Итеа въ Өокидѣ, на берегу моря. Здѣсь все было разрушено, нельзя было разыскать хоть какой-нибудь шатеръ...» «Устроивъ свой бивуакъ, я сталъ производить наблюденія. Дулъ довольно сильный вѣтеръ, и фиговые кустарники,

покрывавшіе землю, шумѣли листьями. Поэтому я не могъ слышать слабыхъ звуковъ и наблюдать незначительныя колебанія. Къ ночи вѣтеръ прекратился, и въ теченіе 10-ти минутъ я насчиталъ 16 раскатовъ и колебаній почвы. Около полуночи я распрощался со своими спутниками и остался совершенно одинъ на сѣверной сторонѣ маленькаго холма, чтобы при полной тишинѣ наблюдать землетрясеніе. Въ теченіе часа я слышалъ 71 раскатъ, изъ числа которыхъ, по крайней мѣрѣ, 15 сопровождались довольно значительными сотрясеніями...» «Около 1 часа ночи я собрался было отдохнуть, чтобы съ новыми силами продолжать изслѣдованіе; но едва только я прилегъ, вдругъ произошло страшно сильное сотрясеніе. Все кругомъ бросилось бѣжать. Это случилось въ 1 ч. 27 мин. 36 сек. ночи. Воздухъ былъ спокоенъ. Страшному подземному удару предшествовалъ сильный, но глухой грохотъ; онъ продолжался въ теченіе нѣсколькихъ десятыхъ секунды и напоминалъ выстрѣлы, производимые съ судна, которое находится въ разстояніи $1^1/_2$ часа пути отъ берега. Почва поднялась вверхъ точно коверъ, развѣваемый бурей, но медленно и спокойно; это былъ не толчокъ, а скорѣе медленное приподниманіе. Я былъ подброшенъ вверхъ, но не испыталъ при этомъ ощущеній быстраго паденія; скорость моего движенія была невелика, и паденіе длилось 2—3 секунды. Послѣ этого главнаго толчка замѣчались слабыя дрожанія въ теченіе слѣдующихъ 8—10 секундъ. Быстро овладѣвъ собой и поднявшись съ земли, я направилъ свои взоры на сосѣднее море и тутъ только получилъ полное представленіе о всѣхъ послѣдствіяхъ землетрясенія. Въ то мгновеніе, когда раздался подземный грохотъ и послѣдовалъ ударъ, послышался съ запада шумъ и трескъ развалинъ, обрушившихся вѣроятно въ мѣстечкѣ Итеа, крикъ жителей на берегу, лай собакъ и короткій рѣзкій шумъ моря у берега, который оно залило на 2 метра. Затѣмъ нѣсколько секундъ длилась тишина, и съ востока донесся шумъ низвергавшихся скалъ, которыя, оборвавшись съ вершины Керфиса, съ грохотомъ катились по ущельямъ, крутымъ обрывамъ и низвергались въ равнину и въ море. Когда прекратился этотъ грохотъ, то болѣе громкій, то болѣе тихій, смотря по разстоянію,—я услыхалъ слабый и глухой шумъ, происходившій отъ паденія тѣхъ скалъ, которыя катились съ Парнаса. Наконецъ, донесся шумъ камней съ запада и съ сѣверо-запада, съ Коракса и съ возвышенности около Анеиссы; онъ рѣзко отличался отъ возобновившагося опять подземнаго грохота. Среди ночной тревоги я слышалъ невдалекѣ шумъ бившихся другъ объ друга листьевъ фиговыхъ деревьевъ, паденіе насѣкомыхъ съ сухихъ растеній и видѣлъ, какъ бѣжали ночные звѣри, въ испугѣ бросившіе норы.

«Утромъ мы отправились въ Дельфы. Небо было ясно, воздухъ спокоенъ. Когда пришлось подниматься въ гору, я слѣзъ съ лошади чтобы въ случаѣ обвала свободнѣе было двигаться. Въ 7 часовъ мы

остановились въ южной части мѣстечка, которое было совсѣмъ разрушено. Все лежало на землѣ, выдвигались только остатки стѣнъ, да стояла невредимой маленькая башня какой-то церкви. Къ востоку подъ масличными деревьями лежали развалины монастыря Панагіи, рядомъ громоздились каменныя глыбы, которыя оборвались невдалекѣ и, падая, вырывали съ корнями деревья». Весь августъ, сентябрь и октябрь землетрясенія и шумы не прекращались. 25-го октября ночью было сѣверное сіяніе, и поэтому многіе жители Аѳиссы, Итеа и Дельфъ были на улицахъ. Вдругъ новый подземный ударъ и опять рушатся только что возобновленные дома и временныя хижины. Пришлось проводить зиму въ шалашахъ. Землетрясеніе продолжалось съ перерывами и все ослабѣвая до 1873 г. Сильныхъ ударовъ было насчитано 300—320.

Въ началѣ 1894 г. въ Греціи опять стало неспокойно. Землетрясенія стали посѣщать Патрасъ, Дельфы, Волосъ, островъ Занте, Каламу. Они не были сильны. Но вотъ 20-го апрѣля вечеромъ внезапный толчокъ потрясъ всю Грецію, онъ былъ особенно силенъ на берегу пролива Аталанти, отдѣляющаго о-въ Эвбею отъ материка (рис. 12). Одинъ крестьянинъ (изъ Мартино), работая днемъ въ полѣ, слышалъ какую-то странную пальбу, точно въ ближайшей бухтѣ происходило морское сраженіе.

Проскина, Малезина и другія селенія, расположенныя на полуостровѣ Ларимка къ Ю. В. отъ города Аталанти были разрушены, и многіе жители погибли подъ развалинами; оставшіеся въ нѣсколько секундъ потеряли своихъ близкихъ и свое имущество. Нечѣмъ было питаться, негдѣ приготовить пищу. Два крестьянина, подходившіе къ Проскинѣ, сначала услыхали страшный шумъ подъ землею; тотчасъ за этимъ послѣдовало волнообразное колебаніе земли со стороны моря, свалившее ихъ на землю. Когда они встали, то увидѣли, что рушится древній византійскій храмъ и услыхали странный шумъ падающихъ и разрушающихся домовъ, крики и стоны гибнущихъ людей.

Въ Аѳинахъ въ этотъ вечеръ послѣдовалъ сильный ударъ, дома наклонялись и давали трещины, земля на площади Конституціи волнообразно двигалась, такъ что трудно было стоять на ногахъ, отдѣльно стоящія огромныя колонны храма Зевса Олимпійскаго качались, какъ тростникъ, но устояли. Въ Пиреѣ падали фабричныя трубы и стѣны и звонили колокола. Телеграфъ принесъ извѣстіе о разрушеніи Ѳивъ и Аталанти. Движеніе захватило огромную площадь въ 100 верстъ длины и 60 ширины, вытянутую параллельно Адріатическому и Красному морю. Слабыя колебанія доходили до Египта и Аравіи (2000 верстъ). Черезъ недѣлю, 27-го апрѣля землетрясеніе возобновилось съ новою силой. Нѣкто д-ръ Скуфосъ, находившійся въ это время въ Проскинѣ недалеко отъ Аталанти, описалъ пережитыя имъ впечатлѣнія. По его описанію можно было подумать, что находишься какъ бы на крышкѣ

огромнаго котла съ кипящею водою; ощущались толчки почти вертикально снизу, какъ будто кипящая вода стремилась вырваться.

Нѣсколько позже находясь на ю.-в. отъ Проскины, онъ и еще два офицера чувствовали, что они взлетаютъ и опускаются, какъ резиновые мячики, которые бросаютъ дѣти. Отъ 9 ч. вечера до 5 утра они насчитали 365 ударовъ. Кромѣ разрушеній и гибели многихъ людей, это землетрясеніе ознаменовалось и иными явленіями, напр., образовалось множество трещинъ и одна изъ нихъ имѣла около 1 метра ширины и 20 верстъ длины; она прошла вдоль берега черезъ Аталанти; полоса суши въ 10 м. шириною и 10 верстъ длиною опустилась въ море, небольшой полуостровъ превратился въ островъ; теплые источники на с.-з. оконечности Эвбеи сильно увеличились и стали изливать въ море цѣлые ручьи воды. Въ Аѳинахъ было опять волнообразное движеніе почвы и было видно, какъ качались высокія зданія отелей, это длилось секундъ 8. Колебанія продолжались и въ послѣдующіе дни. Это землетрясеніе ощущалось во всей Греціи и островахъ до Митилены и Крита, а слабыя колебанія наблюдались и въ Италіи, и даже въ Бирмингамѣ и Николаевѣ. Средняя скорость распространенія колебаній равнялась 16 саженямъ въ секунду. Число жертвъ этого землетрясенія 1894 г. насчитывается тысячами; болѣе 6.000 домовъ было разрушено. Имущественныя потери исчисляются милліонами рублей.

Многіе изъ старшаго поколѣнія, вѣроятно, еще помнятъ охватившее всѣхъ чувство состраданія и симпатіи къ пострадавшимъ отъ стихійнаго бѣдствія грекамъ. Въ разныхъ странахъ, въ Италіи, во Франціи, въ Россіи, въ Англіи, собирались пожертвованія, издавались книжки, читались лекціи въ пользу пострадавшихъ. Этимъ, конечно, была возмѣщена лишь небольшая часть понесенныхъ потерь.

До сихъ поръ мы знакомились съ землетрясеніями, охватывавшими огромную область, но это не всегда такъ бываетъ. 18-го іюля 1885 г. сильнымъ землетрясеніемъ былъ разрушенъ г. Казамичола на островѣ Искіи. Область распространенія этого землетрясенія была очень ничтожна; даже на ближайшемъ берегу Италіи, который видѣнъ съ острова Искіи, землетрясеніе уже не чувствовалось. Островъ Искія вулканическій, на немъ находится большой потухшій вулканъ Ипомео, и городъ стоялъ на склонѣ этого вулкана.

Изъ того, что мы узнали о землетрясеніяхъ, какую общую картину этихъ явленій мы можемъ себѣ составить?

При всякомъ сильномъ землетрясеніи обозначается область наибольшаго разрушенія — надцентральная область или эпицентръ. Удары происходятъ здѣсь по вертикальному направленію. Изъ этой области, какъ изъ центра, движеніе распространяется съ извѣстною быстротой во всѣ стороны, и если соединить всѣ мѣста, куда оно доходитъ одновременно, линіями (такъ называемыя гомосейсты), то получимъ картину, очень напоминающую картину распространенія волнъ отъ брошен-

наго въ воду камня, только менѣе правильную. Во многихъ случахъ прохожденіе волны землетрясенія можно было замѣтить глазомъ. Въ этихъ мѣстахъ (внѣ эпицентра) замѣчались удары не вертикальные, а толчки въ косомъ направленіи и чѣмъ дальше тѣмъ косѣе. Эти косые удары вышибаютъ стѣны, стоящія поперекъ къ тому направленію по какому распространяется землетрясеніе (Вѣрный). Были случаи опрокидыванія на бокъ деревянныхъ зданій (Калифорнія. 1868). Можно, слѣдовательно, съ полнымъ правомъ говорить о волнѣ землетрясенія. Какая же это волна? Какого она типа?

Волны бываютъ двухъ типовъ, во первыхъ поперечныя волны, при которыхъ частицы волнующейся среды движутся въ направленіи поперечномъ къ тому направленію, по которому идетъ волна. Кольцевыя волны, вызванныя брошеннымъ въ воду камнемъ, относятся къ этому типу; плавающая на водѣ щепка поднимается вверхъ и внизъ при прохожденіи такой волны, и по этимъ движеніямъ можно судить о томъ, какъ движутся частицы взволнованной воды. Другой типъ волнъ представляютъ волны продольныя, когда частицы колеблющагося тѣла то сближаются, то разрѣжаются, двигаясь въ томъ же направленіи, въ какомъ идетъ волна.

Рис. 9. Попытка изобразить наглядно ходъ звуковой волны.

Примѣромъ послѣднихъ могутъ служить волны звука (рис. 9).

Волна землетрясенія болѣе всего подходитъ къ звуковой, т.-е. къ продольной волнѣ, и общую картину ея распространенія можно представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ (рис. 10).

Впрочемъ, въ природѣ явленіе совершается въ болѣе сложной формѣ.

По поверхности проходитъ и видимая волна, похожая на водяную, такъ что поверхностныя части земли испытываютъ и поперечныя колебанія.

Нѣкоторое отдаленное подобіе этихъ явленій можно воспроизвести на очень простой модели. Нужно достать достаточно большую, толстую, массивную доску, положить ее обоими концами на прочныя подставки и поставить на эти концы тяжелыя гири, чтобы доска лежала прочно и вполнѣ устойчиво. Ударяя не сильно молоткомъ по нижней поверхности доски и ставя то прямо надъ мѣстомъ удара, то сбоку деревянные столбики можно замѣтить, что въ первомъ случаѣ они подбрасываются прямо вверхъ, во второмъ случаѣ сваливаются на бокъ. Про-

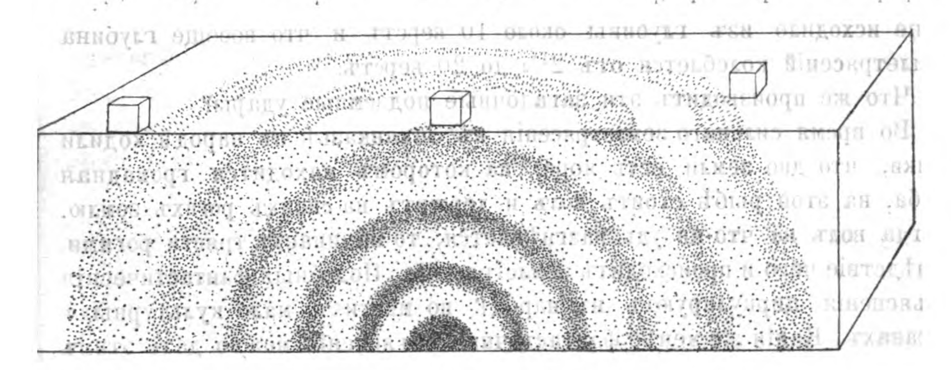


Рис. 10. Волна землетрясенія.

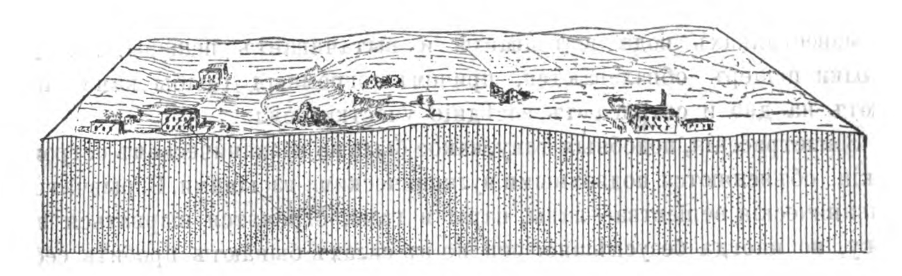


Рис. 11.

стой массивный столъ безъ ящиковъ также можетъ сослужить службу при этихъ опытахъ.

Откуда же исходятъ удары, разрѣшающіеся на земной поверхности землетрясеніями? Есть нѣсколько способовъ опредѣлить глубину центра или гнѣздо землетрясенія. Одинъ изъ простѣйшихъ—по трещинамъ. Положимъ мы знаемъ, гдѣ былъ эпицентръ и ощущались вертикальные удары. Значитъ источникъ землетрясенія находился подъ этимъ мѣстомъ. Но на какой глубинѣ? Для того, чтобы опредѣлить это, обратимся къ боковой части области, гдѣ удары были косые. Такіе удары выпибаютъ стоящія противъ нихъ стѣны, а на другихъ стѣнахъ даютъ трещины большею частью идущія подъ прямымъ угломъ къ направленію

удара. Поэтому, если провести линію подъ прямымъ угломъ къ трещинѣ, эта линія и укажетъ тотъ путь, по которому землетрясеніе пришло къ данному мѣсту. Если мы мысленно продолжимъ этотъ путь дальше вглубь земли и пойдемъ по этому направленію, мы и придемъ къ тому мѣсту, изъ котораго исходилъ ударъ, т.-е. къ центру или гнѣзду землетрясенія. Зная, подъ какимъ угломъ къ горизонтальной поверхности земли мы углублялись, идя къ гнѣзду землетрясенія и на какомъ разстояніи отъ мѣста наибольшаго разрушенія (отъ эпицентра) мы начали углубляться, можно легко опредѣлить, какъ глубоко мы спустились, пока дошли до гнѣзда землетрясенія, лежащаго прямо подъ эпицентромъ. Такимъ способомъ было дознано, что вѣрненское землетрясеніе исходило изъ глубины около 10 верстъ и что вообще глубина землетрясеній колеблется отъ 2½ до 20 верстъ.

Что же производитъ эти загадочные подземные удары?

Во время сильнаго землетрясенія въ Закавказьѣ въ народѣ ходили толки, что дно земли есть море, на которомъ находится громадная рыба, на этой рыбѣ стоитъ волъ и держитъ на своихъ рогахъ землю. Когда волъ на что-нибудь разгнѣвается, то начинаетъ трясти рогами, вслѣдствіе чего и происходитъ землетрясеніе. Подобныя фантастическія объясненія циркулируютъ въ народѣ во многихъ мало культурныхъ странахъ. Какія же менѣе фантастичныя объясненія можно дать этимъ явленіямъ?

Всего проще объясняются слабыя сотрясенія земли, посѣщающія тѣ мѣстности, гдѣ подъ почвой лежатъ большія толщи известняковъ. Въ известнякахъ вода вытаиваетъ и вытачиваетъ пещеры. Иногда потолки пещеръ обваливаются, причемъ огромныя глыбы камня падаютъ на дно и сотрясаютъ сосѣдніе участки земли.

Землетрясенія, подобныя тому, какое было на вулканическомъ островѣ Искіи, объясняются подземными вулканическими взрывами. Взрывчатыя вулканическія вещества—лавы, пары и газы, стремятся вырваться наружу, но иногда безуспѣшно: они не въ силахъ бываютъ пробить себѣ каналъ въ прочныхъ каменныхъ породахъ, но производятъ могучіе подземные удары. Этого типа землетрясенія обыкновенно бываютъ въ окрестностяхъ вулкановъ и иногда за ними слѣдуетъ вулканическое изверженіе. Вотъ, напримѣръ, что сообщается объ одномъ недавнемъ событіи этого рода. Въ іюлѣ 1901 г. на полуостровѣ Камчаткѣ происходило изверженіе Авачинскаго вулкана. Этому изверженію предшествовалъ страшный подземный грохотъ, слышавшійся, какъ оказалось впослѣдствіи, на 100 верстъ въ окружности; отъ него тряслись окна и сами собой отворялись двери. Изверженіе огненныхъ потоковъ лавы длилось три дня, послѣ чего еще долго происходило выбрасываніе колоссальныхъ столбовъ пара. Мелкая вулканическая пыль, покрыла деревья и траву въ южной части Камчатки. Вдыхая эту пыль, люди поголовно кашляли. 9-го августа въ Камчаткѣ было легкое землетрясеніе.

Но самыя сильныя, самыя разрушительныя землетрясенія, повидимому, не стоятъ въ прямой связи съ вулканами. Мы видѣли, что они посѣщаютъ всего чаще мѣстности съ горнымъ характеромъ и охватываютъ длинныя полосы земли, вытянутыя всего чаще вдоль горныхъ цѣпей (Вѣрный, Закаспійская область, Кавказъ), рѣже они располагаются поперекъ горной цѣпи (Японія). Самые эпицентры имѣютъ форму линій или узкихъ полосъ. Въ горахъ землетрясенія вызываютъ расколы и обвалы, изломы и смѣщенія каменныхъ толщъ. Чтобы разломать какую-нибудь плиту, нужно гнуть ее, привести ее въ напряженное состояніе, которое, наконецъ, разрѣшится разломомъ. Эти соображенія приводятъ къ выводу, что въ области горъ внутри земли ея каменныя массы находятся или по временамъ приходятъ въ напряженное состояніе, разрѣшающееся изломомъ, а на поверхности земли отдающееся сотрясеніемъ и разнообразными разрушеніями. Землетрясенія этого типа называются *тектоническими*.

Рис. 12.

Мы видѣли, что Грепія представляетъ одну изъ самыхъ неспокойныхъ странъ въ отношеніи землетрясеній. Строеніе ея горъ и полуостровов, большая часть которыхъ направлена на Ю.-В., обнару-

живаетъ, кромѣ обычной въ горныхъ мѣстностяхъ изогнутости слоевъ, еще многочисленные расколы и смѣщенія, въ томъ же преобладающемъ направленіи и рѣже въ поперечномъ къ нему направленіи.

Многіе изъ полуострововъ находятъ свое продолженіе въ той или иной цѣпи острововъ, состоящихъ изъ тѣхъ же каменныхъ породъ и представляющихъ собою верхушки погрузившихся въ море горъ. Они своимъ расположеніемъ свидѣтельствуютъ о томъ, что страна представляла прежде болѣе обширную область суши, отдѣльныя части которой осѣли и погрузились въ море. Есть указанія и на то, что другія части Греціи въ сравнительно недавнее время обнажились изъ-подъ моря, такъ какъ они покрыты морскимъ осадкомъ съ раковинами, которыя и теперь живутъ въ Средиземномъ морѣ. Мѣстами по берегу Коринѳскаго залива видно, какъ суша спускается къ морю какъ бы гигантскими ступенями. Часто повторяющіяся въ Греціи землетрясенія показываютъ, что эти движенія еще не прекратились и теперь. Они чаще всего случаются тамъ, гдѣ геологическія изслѣдованія обнаруживаютъ расколы и перемѣщенія въ каменныхъ породахъ, образующихъ горы.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что равнинныя мѣстности совершенно застрахованы отъ землетрясеній. Землетрясенія бываютъ и у насъ въ русской равнинѣ. Напримѣръ, одинъ изъ бывшихъ студентовъ московскаго университета напечаталъ въ 1887 году, по случаю интереса, возбужденнаго вѣрненскимъ землетрясеніемъ, свое воспоминаніе о слѣдующемъ случаѣ: «11-го января 1838 г. въ 10-мъ часу вечера группа студентовъ занималась чтеніемъ въ студенческомъ общежитіи въ верхнемъ этажѣ стараго университета. У стѣнъ стояли столики съ горѣвшими свѣчами, а студенты въ это время отошли отъ столиковъ и расположились слушать чтеніе на диванѣ у противоположной стѣны. Вдругъ столики съ горѣвшими на нихъ свѣчами стали отодвигаться отъ стѣны, а неплотно затворенныя двери начали хлопать, что продолжалось секундъ около 10. На лицахъ свидѣтелей этого явленія выразилось молчаливое изумленіе и только вырвалось у кого-то одно слово: «Землетрясеніе!» На другой день мы слышали,—пишетъ бывшій студентъ,—что въ верхнихъ этажахъ нѣкоторыхъ высокихъ московскихъ домовъ въ посудныхъ шкафахъ было перебито не мало посуды, а въ нѣкоторыхъ стѣнахъ верхнихъ этажей образовались трещины».

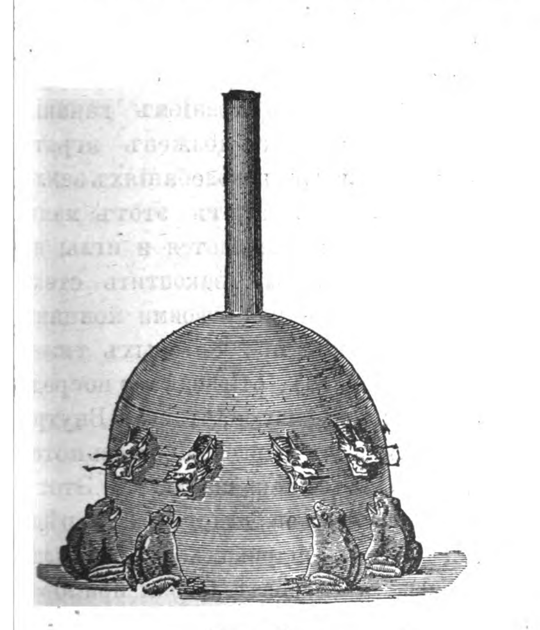
Мы не станемъ распространяться о причинахъ, вызывающихъ эти напряженія въ земной корѣ, разрѣшающіяся землетрясеніями. Это довольно сложный вопросъ. Я скажу лишь вскользь, что источникъ этихъ напряженій ищутъ въ высокой температурѣ внутреннихъ массъ земли постоянно охлаждающихся и при этомъ сокращающихся въ объемѣ. Поверхностные пласты, одѣвающіе землю, принуждены при этомъ приспособляться къ измѣняющемуся объему той внутренней массы, на

которой они лежатъ; отсюда и возникаетъ напряженіе, изгибаніе слоевъ въ складки, расколы и перемѣщенія каменныхъ массъ.

Этими же расколами пользуются и вулканическіе продукты, стремящіеся пробить себѣ путь на поверхность. Слѣдовательно, и вулканы, и землетрясенія въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ этой общей причины. Замѣчательно, что эти напряженія въ земной корѣ, разрѣшающіяся землетрясеніями, оказываются, какъ это и слѣдовало ожидать, очень чувствительными къ состоянію атмосферы, собственно къ тому опредѣляемому барометромъ давленію, какое воздухъ оказываетъ на землю и которое является однимъ изъ могучихъ препятствій, которое эти напряженія должны преодолѣвать.

Изученіе землетрясеній и особенно большихъ тектоническихъ обѣщаетъ пролить свѣтъ на процессы образованія горъ и вообще на измѣненія рельефа земной поверхности. Для того чтобы изучать всѣ обстоятельства касающіяся землетрясеній и подмѣчать даже слабыя колебанія, напримѣръ, въ краевой области землетрясенія, изобрѣтено много различныхъ инструментовъ. Они называются сейсмометрами, а если они сами записываютъ разныя обстоятельства касающіяся землетрясеній, то называются сейсмографами.

Одинъ изъ древнѣйшихъ инструментовъ этого рода изобрѣтенъ въ 136 г. до Р. Х. китайцемъ Шоко рис. 13. Онъ представляетъ собою



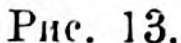


Рис. 13.

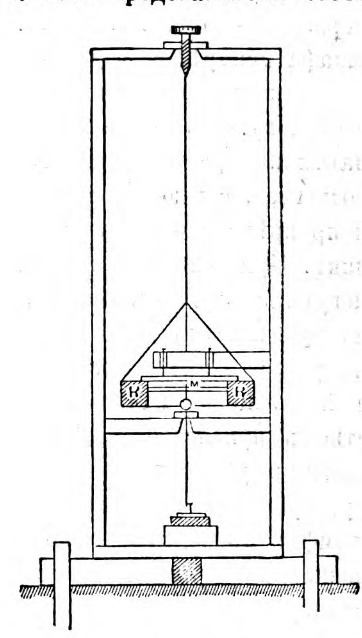


Рис. 14.

мѣдный шарообразный сосудъ 8 футовъ въ діаметрѣ съ крышкой, продолжающейся въ трубу. Снаружи сосудъ украшенъ фигурами дра-

коновъ и разныхъ другихъ животныхъ и птицъ и старинными письменами. Внутри сосуда подвѣшенъ стержень, который можетъ свободно качаться въ восьми направленіяхъ и приспособленъ такъ, что можетъ ударять по внутреннимъ стѣнкамъ сосуда. Въ тѣхъ восьми мѣстахъ, въ которыя ударяетъ этотъ стержень снаружи сосуда выдаются головы драконовъ, которые держатъ въ открытыхъ пастяхъ шарики, легко выпадающіе при толчкѣ. Противъ каждаго дракона сидитъ лягушка съ открытымъ ртомъ, какъ бы выжидающая того момента, когда выпадетъ шарикъ, чтобы поймать его. Когда происходитъ ударъ землетрясенія въ какомъ-нибудь направленіи, соотвѣтствующій шарикъ выпадаетъ и попадаетъ въ ротъ лягушки, которая послѣ этого начинаетъ сильно качаться, такъ что наблюдающему за приборомъ легко замѣтить землетрясеніе и отмѣтить направленіе толчка. Этотъ инструментъ интересенъ не только по времени, когда онъ изобрѣтенъ, но и потому еще, что сходныя по существу приспособленія и теперь примѣняются во многихъ сейсмометрахъ.

Примѣромъ современныхъ болѣе чувствительныхъ инструментовъ можетъ служить сейсмографъ Томаса Грея. Онъ представляетъ собою ящикъ или шкафъ немного менѣе двухъ аршинъ высоты и $^1/_2$ аршина ширины. Къ винту проходящему сквозь потолокъ шкафа, приспособленъ тяжелый маятникъ К, имѣющій форму кольца, подвѣшеннаго въ горизонтальномъ положеніи. Подъ этимъ кольцомъ къ боковой стѣнкѣ шкафа прикрѣпленъ деревянный брусокъ, сквозь который проходятъ двѣ тонкія иглы, упирающіяся въ лежащую на кольцѣ стеклянную пластинку. Онѣ предназначены задерживать своимъ треніемъ качанія маятника при слабыхъ толчкахъ, когда маятникъ долженъ играть роль тѣла, остающагося неподвижнымъ при легкихъ колебаніяхъ земли и прикрѣпленнаго къ ней ящика, въ которомъ виситъ этотъ маятникъ. При сильныхъ колебаніяхъ маятникъ раскачивается и иглы не могутъ воспрепятствовать этимъ качаніямъ, и если закоптить стеклянную пластинку, то онѣ будутъ отмѣчать на ней своими концами направленіе этихъ колебаній. Слабыя колебанія, при которыхъ тяжелый кольцевой маятникъ остается неподвижнымъ, отмѣчаются посредствомъ приспособленія устроеннаго внутри и внизу маятника. Внутри маятника укрѣпляется металлическая пластинка съ дыркой (м), сквозь которую проходитъ длинный штифтъ съ надѣтымъ на него шарикомъ. Этотъ штифтъ проходитъ далѣе сквозь отверстіе другой пластинки, укрѣпленной ниже маятника, и опирается своимъ шарикомъ на эту пластинку. При слабыхъ колебаніяхъ земли, а слѣдовательно и прибора, маятникъ и воткнутый въ его середину верхній конецъ штифта (м) остается неподвижнымъ, тогда какъ движеніе всего прибора передается той части штифта, которая проходитъ сквозь пластинку подъ шарикомъ, а такъ какъ остальная ниже находящаяся часть штифта значительно длиннѣе верхней то это движеніе въ увеличенномъ видѣ

записывается нижнимъ концомъ штифта на подложенномъ внизу закопченномъ стеклѣ.

Сильныя землетрясенія отмѣчаются и самою природой. Трещины и смѣщенія участковъ земной коры и представляютъ такія отмѣтки (Японія). Особенно много разнообразныхъ трещинъ и смѣщеній по нимъ, или такъ называемыхъ сдвиговъ, въ горахъ. Самые слои, изъ которыхъ сложены горы, обыкновенно являются приподнятыми, изогнутыми или смятыми въ складки (рис. 15).

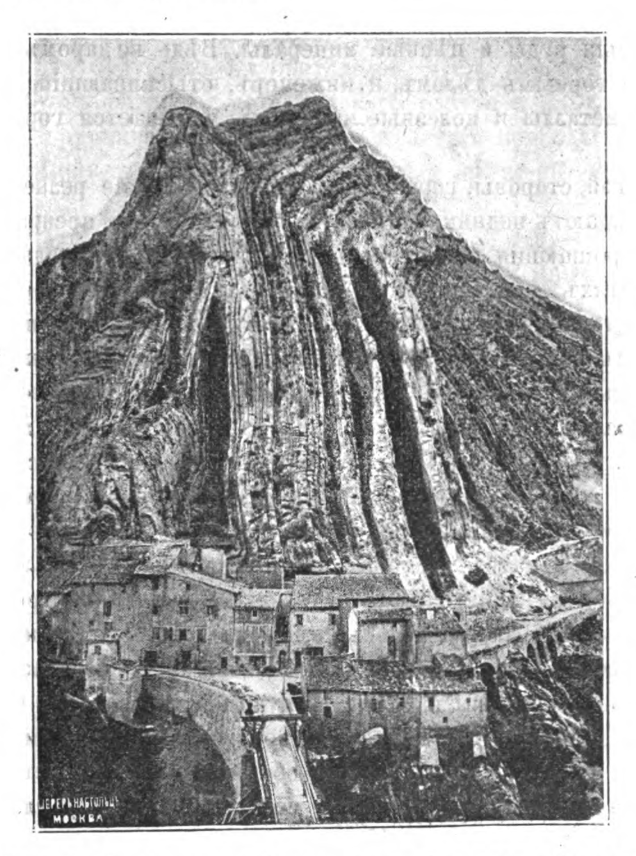


Рис. 15. Окрестности г. Систерона въ Западныхъ Альпахъ.

Видя въ горныхъ цѣпяхъ повсюду наклоненные изогнутые, разломанные и передвинутые пласты, геологъ узнаетъ по этимъ слѣдамъ, по этимъ записямъ природы о движеніяхъ частей земной коры болѣе значительныхъ, чѣмъ тѣ, которыя наблюдались при самыхъ сильныхъ изъ нынѣшнихъ землетрясеній.

Мы познакомились съ однимъ изъ самыхъ грозныхъ, самыхъ ужасныхъ явленій природы. Какую же роль играетъ это явленіе и въ жизни человѣка, и вообще въ природѣ, гдѣ все такъ гармонично стройно, все преисполнено блага и красоты. Неужели и эти бѣдствія

необходимы въ общемъ строѣ жизни природы, неужели и къ нимъ хоть въ слабой степени можно примѣнить русскую пословицу: «нѣтъ худа безъ добра».

Мы сейчасъ видѣли, что горныя цѣпи представляютъ собою какъ бы архивъ или библіотеку, въ которой хранятся записи безчисленныхъ землетрясеній за милліоны лѣтъ, и знаемъ, что къ нимъ и теперь прибавляются новыя записи. По этимъ расколамъ и трещинамъ проникаютъ изъ глубокихъ нѣдръ земли къ ея поверхности разнообразныя жидкія и газообразныя вещества, изъ которыхъ въ этихъ трещинахъ образуются разнообразныя руды и цѣнные минералы. Вѣдь не даромъ рудное дѣло называется горнымъ дѣломъ, и инженеръ, отыскивающій и добывающій руды, металлы и полезные минералы, называется горнымъ инженеромъ.

Съ другой стороны, горы создаютъ разнообразіе рельефа и климатовъ, охлаждаютъ поднимающіеся съ моря пары и превращаютъ ихъ въ тучи, орошающія плодотворнымъ дождемъ наши поля. Въ высокихъ областяхъ изъ тѣхъ же паровъ образуется снѣгъ и создаются ледники, питающіе рѣки, а родящіяся въ горахъ рѣки превращаютъ многія пустыни въ благодатныя культурныя области, припомнимъ Египетъ, оазисы Туркестана и пр. Горныя рѣки несутъ не одну воду, но также камни, илъ, песокъ, вообще разнообразные продукты разрушенія горъ. Всѣ эти обломки и обломочки горъ свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что горы постоянно разрушаются. Мы знаемъ теперь, что по временамъ онѣ и поднимаются, благодаря тѣмъ изгибамъ и передвигамъ каменныхъ массъ, которые тѣсно связаны съ землетрясеніями.

Эта борьба внѣшнихъ разрушительныхъ силъ и внутреннихъ силъ, кажущихся столь разрушительными, но въ сущности созидательныхъ, и дѣлаетъ землю обитаемою и даетъ жизнь и разнообразіе ея ландшафтамъ. Землетрясенія свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что тѣ силы, которыя создали нынѣшній рельефъ земли, еще живы и дѣятельны. Мы видимъ, слѣдовательно, что въ общемъ ходѣ хозяйства природы движенія каменныхъ массъ земли, сопровождаемыя землетрясеніями, имѣютъ немаловажное значеніе.

Можно взглянуть на землетрясенія и съ другой точки зрѣнія. Было время, когда всѣ люди смотрѣли на громъ и молнію, какъ на нѣчто совершенно непостижимое сверхъестественное, но пытливый умъ человѣка разузналъ, что это одна изъ силъ природы, которую можно изучать и ею пользоваться. Она получила названіе электричества. Человѣкъ еще не знаетъ хорошенько, что такое электричество, но онъ уже дознался, что оно, какъ и все въ природѣ, какъ и онъ самъ, подчинено извѣстнымъ законамъ; онъ позналъ эти законы и изъ робкаго дикаря сдѣлался властелиномъ той области, гдѣ эти законы дѣйствуютъ. Теперь умѣютъ дѣлать громоотводы на зданіяхъ, заставляютъ электричество освѣщать дома и улицы, возить вагоны и т. п., и изученіе

этой силы представляетъ плодотворное поле для упражненія человѣческаго ума.

То же и съ землетрясеніями; чѣмъ больше человѣкъ изучаетъ ихъ, тѣмъ больше проникается сознаніемъ, что это естественное явленіе управляется своими законами. Изслѣдованіе землетрясеній, механизма ихъ распространенія, ихъ связи съ другими явленіями природы представляетъ цѣлый рядъ поучительныхъ задачъ для упражненія человѣческаго ума.

Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ или подумаетъ: пусть все это такъ, пусть нынѣшнія землетрясенія обезпечиваютъ разнообразіе природы земли для будущихъ ея обитателей, пусть изученіе этихъ явленій содѣйствуетъ развитію человѣческаго разума и даетъ ему возможность глубже проникать въ законы и дѣйствія природы. Но вѣдь это покупается слишкомъ дорогой цѣною, цѣной жизни и бѣдствій нашихъ братьевъ...

Конечно, эти бѣдствія должны быть близки нашему сердцу. Мы не можемъ остаться безчувственными къ страданіямъ братьевъ и спѣшимъ помочь имъ и облегчить ихъ тяжелое положеніе, чѣмъ только можемъ. Словомъ, въ эти минуты стихійныхъ народныхъ бѣдствій мы вспоминаемъ, что у насъ есть братья по человѣчеству, ожидающіе нашей помощи, и эти пострадавшіе люди узнаютъ, что среди тѣхъ, кого они считали чужими, у нихъ есть братья, готовые протянуть имъ руку помощи въ годину бѣдствій. Такъ вотъ и оказывается, что прежнія землетрясенія сдѣлали землю тѣмъ, что она есть—землей нашей матерью и кормилицей, а нынѣшнія землетрясенія, хотя на время, дѣлаютъ человѣка тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть и стать,—человѣкомъ-братомъ.

Проф. А. П. Павловъ.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 ГГ.

(*Окончаніе* *).

XVII.

Пріѣздъ Гоголя въ Россію въ 1841 г.—Хлопоты съ цензурой по изданію «Мертвыхъ Душъ».—Болѣзненное состояніе и нервное настроеніе писателя.—Религіозное просвѣтлѣніе духа.—Гоголь среди западниковъ и славянофиловъ; его сношенія съ кружкомъ Аксакова и съ Бѣлинскимъ.—Значеніе произведеній Гоголя для обѣихъ партій.—Отъѣздъ Гоголя изъ Россіи въ 1842 году.—Выходъ въ свѣтъ полнаго собранія его сочиненій.

Осенью 1841 года Гоголь вернулся въ Россію. Пріѣхалъ онъ въ веселомъ настроеніи духа, но оно испортилось очень скоро. Въ этомъ частью была виновата его странная психическая организація, для которой сознаніе законченнаго труда всегда бывало тягостнѣе, чѣмъ самый процессъ работы. Гоголь, какъ художникъ, никогда собой доволенъ не былъ и, конечно, еще менѣе былъ доволенъ теперь, когда онъ привозилъ на родину частицу неоконченнаго, грандіознаго по замыслу, труда, который такъ тѣсно слился съ «дѣломъ» его собственной души. Приступая къ печатанію первой части «Мертвыхъ Душъ», авторъ все-таки жилъ мечтой объ ихъ продолженіи, а не чувствомъ довольства тѣмъ, что уже было создано... Онъ нервничалъ, и эта нервность едва ли требуетъ поясненія, въ особенности если принять во вниманіе какъ онъ былъ самолюбивъ и какія надежды онъ возлагалъ на свою поэму. Мысль, что и на этотъ разъ онъ рискуетъ остаться непонятымъ могла испортить всякое веселое настроеніе.

Оно испортилось, впрочемъ, главнымъ образомъ въ виду цѣлаго ряда непріятныхъ столкновеній съ цензурой. Сначала Гоголь представилъ свою рукопись въ московскій цензурный комитетъ, и она была передана на разсмотрѣніе цензору Снегиреву. Снегиревъ нашелъ рукопись совершенно благонамѣренной, но почему-то вдругъ—вѣроятно уступая какому-то давленію со стороны — рѣшилъ снять съ себя отвѣтственность за ея пропускъ и вернулъ ее въ комитетъ для совмѣстнаго обсужденія. Въ комитетѣ произошло нѣчто невѣроятное.

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь, 1902 г.

Самъ Гоголь въ одномъ частномъ письмѣ такъ разсказывалъ объ этомъ комическомъ эпизодѣ: «Комитетъ принялъ рукопись такимъ образомъ, какъ будто уже былъ приготовленъ заранѣе и былъ настроенъ разыграть комедію: ибо обвиненія, всѣ безъ исключенія, были комедія въ высшей степени. Какъ только Голохвастовъ (помощникъ попечителя московскаго учебнаго округа), занимавшій мѣсто призидента, услышалъ названіе: «Мертвыя Души», онъ закричалъ голосомъ древняго римлянина: «Нѣтъ, этого я никогда не позволю: душа бываетъ безсмертна, мертвой души не можетъ быть, авторъ вооружается противъ безсмертія». Въ силу, наконецъ, могъ взять въ толкъ умный президентъ, что дѣло идетъ о ревизскихъ душахъ. Какъ только взялъ онъ въ толкъ и взяли въ толкъ вмѣстѣ съ нимъ другіе цензора, что *мертвыя* значитъ ревизскія души, произошла еще большая кутерьма: «Нѣтъ», закричалъ предсѣдатель и за нимъ половина цензоровъ,—этого и подавно нельзя позволить, хотя бы въ рукописи ничего не было, а стояло только одно слово *ревижская душа*; ужъ этого нельзя позволить: это значитъ—противъ крѣпостного права». Наконецъ самъ Снегиревъ увидѣлъ, что дѣло зашло уже очень далеко: сталъ увѣрять цензоровъ, что онъ рукопись читалъ и что о крѣпостномъ правѣ и намековъ нѣтъ; что даже нѣтъ обыкновенныхъ оплеухъ, которыя раздаются во многихъ повѣстяхъ крѣпостнымъ людямъ; что здѣсь совершенно о другомъ рѣчь; что главное дѣло основано на смѣшномъ недоумѣніи продающихъ и на тонкихъ хитростяхъ покупщика и на все общей ералаши, которую произвела такая странная покупка; что это рядъ характеровъ, внутренній бытъ Россіи и нѣкоторыхъ обитателей, собраніе картинъ самыхъ невозмутительныхъ. Но ничего не помогло Предпріятіе Чичикова,—стали кричать всѣ,—есть уже уголовное преступленіе». «Да, впрочемъ, и авторъ не оправдываетъ его», замѣтилъ мой цензоръ. «Да, не оправдываетъ, а вотъ онъ выставилъ его теперь, и пойдутъ другіе брать примѣръ и покупать мертвыя души». Вотъ какіе толки! Это толки цензоровъ-азіатцевъ, то-есть людей старыхъ, выслужившихся и сидящихъ дома. Теперь слѣдуютъ толки цензоровъ-европейцевъ, возвратившихся изъ-за границы людей молодыхъ. «Что вы ни говорите, а цѣна, которую даетъ Чичиковъ (сказалъ одинъ изъ такихъ цензоровъ—Крыловъ), цѣна два съ полтиною, которую онъ даетъ за душу, возмущаетъ душу. Человѣческое чувство вопіетъ противъ этого Хотя, конечно, эта цѣна дается за одно имя, написанное на бумагѣ, но все же это имя—душа, душа человѣческая; она жила, существовала. Этого ни во Франціи, ни въ Англіи и нигдѣ нельзя позволить. Да послѣ того ни одинъ иностранецъ къ намъ не пріѣдетъ». Это главные пункты, основываясь на которыхъ произошло запрещеніе рукописи. Я не разсказываю о другихъ мелкихъ замѣчаніяхъ. Какъ-то въ одномъ мѣстѣ сказано, что одинъ помѣщикъ разорился, убирая себѣ домъ въ Москвѣ въ модномъ вкусѣ. «Да вѣдь и государь строитъ въ

Москвѣ дворецъ!» сказалъ цензоръ. Тутъ, по поводу, завязался у цензоровъ разговоръ, единственный въ мірѣ. Потомъ произошли другія замѣчанія, которыя даже совѣстно пересказывать, и, наконецъ, дѣло кончилось тѣмъ, что рукопись объявлена запрещенною, хотя комитетъ только прочелъ три или четыре мѣста» *).

Напуганный этими толками, Гоголь рѣшилъ попытать счастья со своею рукописью въ Петербургѣ, надѣясь на своихъ друзей, которые могли ей выхлопотать охрану, уже оградившую «Ревизора» отъ слишкомъ зоркихъ читателей. Рукопись «Мертвыхъ Душъ» была отправлена изъ Москвы въ Петербургъ съ Бѣлинскимъ, съ которымъ Гоголь въ это время познакомился. Въ Петербургѣ она, дѣйствительно и получила цензорское разрѣшеніе, но не сразу, а спустя довольно продолжительный срокъ и не безъ помарокъ. Гоголя истомили эти ожиданія и опасенія; сначала онъ долго не получалъ извѣстія, гдѣ его рукопись, и въ отчаяніи думалъ, что она пропала, затѣмъ, когда она стала проходить сквозь цензурныя мытарства, онъ дошелъ до крайнихъ степеней нервнаго раздраженія и напряженія: ему казалось, что кто-то противъ него злоумышляетъ, что есть враги, которые хотятъ набросить тѣнь на его благонадежность, «тогда какъ онъ не позволилъ себѣ написать ничего противнаго правительству, уже и такъ его глубоко облагодѣтельствовавшему», онъ сталъ думать, что его хотятъ лишить всѣхъ средствъ къ существованію, и въ этихъ своихъ опасеніяхъ онъ былъ правъ лишь въ томъ смыслѣ, что, дѣйствительно, надѣялся «Мертвыми Душами» поправить свое расшатанное финансовое положеніе... Но, въ концѣ концовъ, тревоги оказались преувеличенными; разрѣшеніе печатать поэму было получено, и даже цензорскіе штрихи были не очень часты и длинны. Пострадала только «Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ», которая сначала была вся сплошь зачеркнута. Гоголь очень горевалъ объ этомъ, такъ какъ считалъ эту повѣсть однимъ изъ лучшихъ мѣстъ въ поэмѣ. Не желая ею жертвовать, онъ, какъ мы знаемъ, ее передѣлалъ, и въ смягченномъ исправленномъ видѣ она и была пропущена.

Всѣ эти волненія отозвались очень тяжело на нашемъ авторѣ. Быть можетъ, онъ бы и не страдалъ отъ нихъ такъ сильно, если бы въ это же время, т.-е. съ конца 1841 года вновь не пошатнулось сильно его здоровье. «Я былъ боленъ,—писалъ онъ въ февралѣ 1842 года одной своей пріятельницѣ,—очень боленъ и еще боленъ донынѣ внутренно. Болѣзнь моя выражается такими страшными припадками, какихъ никогда со мною еще не было; но страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое напомнило мнѣ ужасную болѣзнь мою въ Вѣнѣ, а особливо, когда я почувствовалъ то подступившее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, обращало

*) «Письма Н. В. Гоголя», II, 136—138.

въ исполина, всякое незначительно-пріятное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ силахъ вынести природа человѣка, и всякое сумрачное чувство претворяло въ печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потомъ слѣдовали обмороки; наконецъ, совершенно сомнамбулическое состояніе. И нужно же, въ довершеніе всего этого, когда и безъ того болѣзнь моя была невыносима, получить еще непріятности, которыя и въ здоровомъ состояніи человѣка бываютъ потрясающи. Сколько присутствія духа мнѣ нужно было собрать въ себѣ, чтобы устоять! И я устоялъ; я крѣплюсь, сколько могу» *).

Это болѣзненное состояніе было причиной и жалобъ Гоголя на «толки», «сплетни» и «гадости», которыя, какъ онъ увѣрялъ его окружили на родинѣ. Онъ говорилъ о нихъ въ своихъ письмахъ не совсѣмъ ясно и разумѣлъ, вѣроятно, главнымъ образомъ, все тѣ же цензурныя непріятности, но, кажется, что и къ знакомымъ своимъ онъ сталъ относиться въ это время съ излишней раздражительностью. Во всякомъ случаѣ, онъ очень скоро сталъ тяготиться своимъ пребываніемъ въ Россіи и вновь почувствовалъ отливъ вдохновенія и душевной бодрости. «Голова у меня одеревенѣла и ошеломлена такъ, что ничего не въ состояніи дѣлать,—писалъ онъ въ январѣ 1842 г. Максимовичу,—не въ состояніи даже чувствовать, что ничего не дѣлаю. Если бы ты зналъ, какъ тягостно мое существованіе здѣсь, въ моемъ отечествѣ! Жду не дождусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжесть и силы, охладѣвающія здѣсь». «Съ того времени, какъ только вступила моя нога на родную землю,—признавался онъ своей пріятельницѣ М. П. Балабиной,—мнѣ кажется, какъ будто я очутился на чужбинѣ. Вижу знакомыя, родныя лица; но они, мнѣ кажется, не здѣсь родились, а гдѣ-то я ихъ въ другомъ мѣстѣ, кажется, видѣлъ; и много глупостей, непонятныхъ мнѣ самому, чудится въ моей ошеломленной головѣ. Но что ужасно, что въ этой головѣ нѣтъ ни одной мысли, и если вамъ нуженъ теперь болванъ, для того, чтобы надѣвать на него вашу шляпку или чепчикъ, то я весь теперь къ вашимъ услугамъ». «Голова моя глупа, душа неспокойна,—говорилъ онъ Плетневу.—Боже! думалъ ли я вынести столько томленій въ этотъ пріѣздъ мой въ Россію!» **).

Всѣ такіе возгласы для насъ не новость: мы къ нимъ уже прислушались. Въ тревожную минуту, когда нервное напряженіе мѣшало Гоголю работать, онъ всю вину сваливалъ обыкновенно на окружающую обстановку и только и думалъ о томъ, какъ бы скорѣй перемѣнить ее. Немудрено, что и на этотъ разъ онъ сталъ мечтать о тихомъ и мирномъ уголкѣ, который онъ покинулъ, и гдѣ ему такъ работалось. Мысль бѣжать изъ Россіи—стала соблазнять его въ третій разъ: ему вновь, какъ въ

*) «Письма Н. В. Гоголя», II, 147—8.
**) «Письма Н. В. Гоголя», II, 139, 140, 157.

1829 и въ 1836 году, почудилось, что только издали ему видна и мила Россія. «Уже въ самой природѣ моей,—признавался онъ своему другу Плетневу,—заключена способность только тогда представлять себѣ живо міръ, когда я удалился отъ него. Вотъ почему о Россіи я могу писать только въ Римѣ. Только тамъ она предстаетъ мнѣ вся, во всей своей громадѣ. А здѣсь я погибъ и смѣшался въ ряду съ другими. Открытаго горизонта нѣтъ предо мною» *).

Какъ видимъ, главною причиной жалобъ Гоголя было опасеніе утратить способность къ труду, которая поражала его самого своею интенсивностью и силой за границей.

Дѣйствительно, несмотря на всѣ тревоги, какія онъ испытывалъ за этотъ годъ (1841—1842) жизни въ Россіи, мысль о продолженіи «Мертвыхъ Душъ» его не покидала. Онъ былъ полонъ надеждъ и увѣренности. На ту часть своей поэмы, которую онъ теперь отстаивалъ передъ цензурой, онъ смотрѣлъ, какъ на преддверіе настоящаго храма, который еще надлежало выстроить. «Пересиливаю, сколько могу, и себя и болѣзнь свою,—писалъ онъ своимъ друзьямъ въ февралѣ 1842 года.—Неотразима вѣра моя въ свѣтлое будущее, и невѣдомая сила говоритъ мнѣ, что дадутся мнѣ средства окончить трудъ мой». «Онъ важенъ и великъ, и вы не судите о немъ по той части, которая готовится теперь предстать на свѣтъ. Это больше ничего, какъ только крыльцо къ тому дворцу, который во мнѣ строится... и разрѣшитъ, наконецъ, загадку моего существованія». «Это блѣдное начало того труда, который свѣтлою милостью небесъ будетъ много не безполезенъ...» **)

Такъ писалъ Гоголь; и вѣра въ силу небесъ все возрастала и возрастала въ его сердцѣ. Въ его письмахъ за это время встрѣчается много искреннихъ признаній и возгласовъ, въ которыхъ сказывается необычайно глубокое религіозное чувство и, какъ было и раньше, очень повышенное самомнѣніе. Попрежнему понятіе о Божіемъ Промыслѣ, мысль о «Мертвыхъ Душахъ» и мысль о себѣ самомъ какъ-то сливаются въ умѣ нашего автора. Онъ продолжаетъ готовить себя къ великому подвигу чтеніемъ Евангелія; онъ рѣшается предпринять паломничество въ Іерусалимъ и искать благословенія своему труду у Гроба Господня; онъ знаетъ, что Россію нужно покинуть и говоритъ, что на этотъ разъ его удаленіе изъ отечества будетъ продолжительно и возвратъ его возможенъ только черезъ Іерусалимъ. Попрежнему въ письмахъ его начинаютъ встрѣчаться пророческіе возгласы: «Крѣпись и стой твердо,—пишетъ онъ одному изъ друзей,—прекраснаго много впереди! Если же что въ жизни смутитъ тебя, наведетъ безпокойство, сумракъ на мысли, вспомни обо мнѣ, и при

*) «Письма Н. В. Гоголя», II, 157.

**) «Письма Н. В. Гоголя», II, 143, 156, 168, 174.

одномъ уже твоемъ напоминаніи отдѣлится сила въ твою душу». Какому-то чиновнику велитъ онъ передать свое слово утѣшенія и пишетъ при этомъ: «Скажите ему, что это говоритъ тотъ, кому внутренняя неисповѣдимая сила велитъ сказать это». «Будь здоровъ,—привѣтствуетъ онъ одного друга,—и да присутствуетъ въ твоемъ духѣ вѣчная свѣтлость! а въ случаѣ недостатка ея, обратись мыслію ко мнѣ, и ты посвѣтлѣешь непремѣнно, ибо души сообщаются, и вѣра, живущая въ одной, переходитъ невидимо въ другую». Въ такихъ обращеніяхъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ Гоголь перестаетъ даже различать сильныхъ людей отъ слабыхъ, лицъ способныхъ умилиться передъ его пророческимъ тономъ, отъ такихъ, которыя могутъ взглянуть на него косо или съ улыбкой. Князю Вяземскому, трудившемуся тогда надъ своимъ изслѣдованіемъ о Фонвизинѣ, онъ напр., пишетъ: «Въ этомъ трудѣ вамъ откроется много наслажденія, вы много узнаете, чего не узнаетъ никто, и, что больше всѣхъ, вы узнаете глубже и много такихъ сторонъ, какихъ вы можетъ быть, по скромности не подозрѣваете въ себѣ. Ваша жизнь будетъ полна! Во имя Бога, не пропустите безъ вниманія этихъ словъ моихъ! По крайней мѣрѣ, предайтесь долго размышленію; они стоятъ того, потому что произнесены тѣмъ человѣкомъ, который подвигнутъ къ вамъ глубокимъ уваженіемъ, сильно понимающимъ ихъ; совѣсть бы меня мучила, если бы я не написалъ къ вамъ этого письма. Это было велѣніе извнутри меня, потому оно могло быть Божіе велѣніе; итакъ, уважьте его вы» *).

Друзья Гоголя, читая такія строки, безпокоились, изумлялись, даже сердились, и никто изъ нихъ не понималъ, что такой поворотъ въ мысляхъ и чувствахъ совершался въ Гоголѣ помимо его воли, въ силу психической неизбѣжности. Нашъ романтикъ былъ искрененъ во всѣхъ этихъ странностяхъ. Онъ помышлялъ даже о монашествѣ. «Я не рожденъ для треволненій,—говорилъ онъ,—и чувствую съ каждымъ днемъ и часомъ, что нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха». Въ монахи онъ, впрочемъ, не постригся, хотя и велъ потомъ почти что монашескій образъ жизни, но какое-то священнослужительское право онъ все - таки призналъ за собой, и сталъ надѣлять своихъ родныхъ и знакомыхъ не болѣе не менѣе какъ своимъ благословеніемъ. Онъ посылалъ свое благословеніе и матери, и сестрамъ; «силою стремленій своихъ; силою слезъ, силою душевной жажды, быть достойну того», благословлялъ онъ Жуковскаго и даже преосвященнаго Иннокентія; «Полный душевнаго и сердечнаго движенія,—писалъ онъ ему,—жму заочно вашу руку и силою вашего же благословенія благословляю васъ! Неослабно и твердо протекайте пастырскій путь вашъ! Всемогущая сила надъ *нами*. Ничто не совершается безъ нея въ мірѣ:

---

*) «Письма Н. В. Гоголя», II, 167, 168, 215, 218, 227.

и наша встрѣча была назначена свыше. Она залогъ полной встрѣчи у гроба Господа» *).

Всѣ такія выраженія, пріемы и намеки могли со стороны показаться большимъ чудачествомъ и, дѣйствительно, нашъ авторъ становился загадкой даже для тѣхъ лицъ, которыя были увѣрены, что знаютъ его близко. Надъ душой его нависала большая печаль, но пока еще она казалась ему великою радостью.

Трудно было даже близкому человѣку заглянуть въ эту таинственную душу, и если бы самъ Гоголь въ своихъ письмахъ не разсказалъ намъ о томъ, что въ ней творилось, то, кромѣ слова «странность», мы и не имѣли бы другого слова для обозначенія этого въ высшей степени сложнаго психическаго процесса, который художника обратилъ навсегда въ проповѣдника, въ искателя Бога, въ мистика и кающагося грѣшника.

Сопоставимъ нѣсколько отрывковъ изъ переписки Гоголя, чтобы получить возможно ясное понятіе о душевномъ просвѣтлѣніи и сокрушеніи писателя, съ которымъ намъ надлежитъ теперь проститься какъ разъ въ этотъ знаменательный періодъ его жизни.

«Скажу,—пишетъ онъ Жуковскому *),—что съ каждымъ днемъ и часомъ становится свѣтлѣй и торжественнѣе въ душѣ моей, что не безъ цѣли и значенія были мои поѣздки, удаленія и отлученія отъ міра, что совершалось незримо въ нихъ воспитаніе души моей, что я сталъ далеко лучше того, какимъ запечатлѣлся въ священной для меня памяти друзей моихъ, что чаще и торжественнѣе льются душевныя мои слезы и что живетъ въ душѣ моей глубокая, неотразимая вѣра, что небесная сила поможетъ взойти мнѣ на ту лѣстницу, которая предстоитъ мнѣ, хотя я стою еще на нижайшихъ и первыхъ ея ступеняхъ. Много труда и пути, и душевнаго воспитанія впереди еще! Чище горнаго снѣга, свѣтлѣе небесъ должна быть душа моя, и тогда только я приду въ силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрѣшится загадка моего существованія... Грѣховъ, указанія грѣховъ желаетъ и жаждетъ теперь душа моя! Еслибъ вы знали, какой теперь праздникъ совершается внутри меня, когда открываю въ себѣ порокъ, дотолѣ не примѣченный мною!»

«Васъ устрашаетъ,—писалъ онъ С. Т. Аксакову,—мое длинное и трудное путешествіе въ Іерусалимъ. Вы говорите, что не можете понять ему причины, вы говорите, что нѣсколько разъ хотѣли спросить меня и все останавливались, не рѣшаясь навязываться самому на довѣренность. А вопросъ вашъ былъ бы мнѣ пріятенъ, потому что онъ вопросъ друга. И что бы могъ я вамъ отвѣчать? развѣ произнесъ бы слова только: «такъ должно быть!» Разсмотрите меня и мою жизнь среди

*) «Письма Н. В. Гоголя», II, 176, 185, 174.

**) Всѣ эти строки были написаны Гоголемъ тотчасъ послѣ выѣзда изъ Россіи въ іюлѣ и августѣ 1842 года.

васъ. Что вы нашли во мнѣ похожаго на ханжу или хотя на это простодушное богомольство и набожность, которою дышитъ наша добрая Москва, не думая о томъ, чтобы быть лучшею? Развѣ нашли вы во мнѣ слѣпую вѣру во всѣ безъ различія обычаи предковъ, не разбирая, на лжи или на правдѣ они основаны, или увлеченіе новизною, соблазнительной для многихъ современностью и модою? Развѣ вы замѣтили во мнѣ юношескую незрѣлость или живость въ мысляхъ, развѣ открыли во мнѣ что-нибудь похожее на фанатизмъ и жаркое, вдругъ рождающееся увлеченіе чѣмъ-нибудь? И если въ душѣ такого человѣка, уже по самой природѣ своей болѣе медлительнаго и обдумывающаго, чѣмъ быстраго и торопящагося, который притомъ хоть сколько-нибудь умудренъ и опытомъ, и жизнью, и познаніемъ людей и свѣта, если въ душѣ такого человѣка родилась подобная мысль предпринять это отдаленное путешествіе, то вѣрно, она уже не есть слѣдствіе мгновеннаго порыва, вѣрно уже слишкомъ благодѣтельна она, вѣрно, далеко оглянута она, вѣрно, и умъ, и душа, и сердце соединились въ одно, чтобы послужить такой мысли. Но еслибъ даже и не могло заключиться въ ней никакой обширной цѣли, никакого подвига во имя любви къ братьямъ, никакого дѣла во имя Христа, то развѣ вся жизнь моя не стоитъ благодарности?» «Какъ же вы хотите, чтобы въ груди того, который услышалъ высокія минуты небесной жизни, который услышалъ любовь, не возродилось желаніе взглянуть на ту землю, гдѣ проходили стопы Того, Кто первый сказалъ слово любви сей человѣкамъ, откуда истекла она въ мірѣ?.. Признайтесь, вамъ странно показалось, когда я въ первый разъ объявилъ вамъ о такомъ намѣреніи? Моему характеру, наружности, образу мыслей, складу ума и рѣчей, и жизни,—однимъ словомъ, всему тому, что составитъ мою природу, кажется неприличнымъ такое дѣло... Но развѣ не бываетъ въ природѣ странностей? Развѣ вамъ не странно было встрѣтить въ сочиненіи, подобномъ «Мертвымъ Душамъ», лирическую восторженность? не смѣшною ли она вамъ показалась вначалѣ, и потомъ не примирились ли вы съ нею, хотя не вполнѣ еще узнали ея значеніе? Такъ, можетъ быть, вы примиритесь потомъ и съ симъ лирическимъ движеніемъ самого автора... Какъ можно знать, что нѣтъ, можетъ быть, тайной связи между симъ моимъ сочиненіемъ, которое съ такими погремушками вышло на свѣтъ изъ темной низенькой калитки, а не изъ побѣдоносныхъ тріумфальныхъ воротъ, въ сопровожденіи трубнаго грома и торжественныхъ звуковъ, и между симъ отдаленнымъ путешествіемъ. Благоговѣніе же къ Промыслу!.. Душа моя слышитъ грядущее блаженство и знаетъ, что одного только стремленія нашего къ нему достаточно, чтобы всевышней милостью Бога оно ниспустилось въ наши души. Итакъ, свѣтлѣй и свѣтлѣй да будутъ съ каждымъ днемъ и минутой ваши мысли, и свѣтлѣй всего да будетъ неотразимая вѣра ваша въ Бога, и да не дерзнете вы опеча-

литься ничѣмъ, что безумно называетъ человѣкъ несчастьемъ. Вот что вамъ говоритъ человѣкъ, смѣшащій людей!».

Такъ увѣренно смотрѣлъ впередъ сатирикъ, въ душѣ котораго те перь религіозный паѳосъ сталъ подавлять и сарказмъ, и юморъ, и дар спокойнаго созерцанія. Гоголь, впрочемъ, былъ не особенно опечален утратой этихъ даровъ, такъ какъ надѣялся, что вскорѣ вмѣсто «смѣш ныхъ» рѣчей раздастся тотъ величавый громъ, который дополнитъ вѣнчаетъ все, что имъ было сказано на пользу и въ назиданіе ближних

Конечно, нашъ писатель не могъ и представить себѣ, что этот религіозный подъемъ души, которому онъ такъ радовался, станет для него источникомъ величайшихъ душевныхъ терзаній. Онъ привѣт ствовалъ его какъ зарю утра, тогда какъ это была заря вечерняя.

Всѣ эти признанія Гоголя были сдѣланы имъ уже за предѣлам Россіи, которую онъ покинулъ въ началѣ іюня 1842 года. Странно! он выѣхалъ изъ Москвы въ тотъ самый день, какъ его «Мертвыя Души» поступили въ продажу. Считалъ ли онъ, что съ появленіемъ его книги на прилавкѣ, онъ свободенъ и можетъ уѣхать; былъ ли онъ такъ нервенъ, что не выжидая первыхъ отзывовъ читателя, поспѣшно удалился, чтобы не сталкиваться съ читателемъ лицомъ къ лицу—но только онъ спѣшилъ спѣшилъ покинуть Россію, чтобы летѣть туда, гдѣ его—какъ онъ вѣ рилъ—ожидало вдохновеніе.

Наканунѣ новой разлуки, и на этотъ разъ долгой разлуки съ Рос сіей, онъ писалъ С. Т. Аксакову: «Крѣпки и сильны будьте душой, ибо крѣпость и сила почіетъ въ душѣ пишущаго сіи строки, а между любящими душами все передается и сообщается отъ одной къ дру гой, и потому сила отдѣлится отъ меня несомнѣнно въ вашу душу Вѣрующіе въ свѣтлое увидятъ свѣтлое; темное существуетъ только для невѣрующихъ» *).

Но такая вѣра все-таки не исключала большой тревоги за судьбу напечатанной поэмы. Вопросъ о томъ, какъ будетъ принята она, былъ равносиленъ вопросу, открылись ли мнѣ сердца ближнихъ, ради кото рыхъ весь этотъ трудъ мной предпринятъ?

«Мертвыя Души» не выходили еще изъ печати, какъ Гоголь сталъ уже спрашивать своихъ друзей, какіе о нихъ носятся толки. Онъ сталъ просить своихъ знакомыхъ пересказывать ему всѣ замѣчанія, съ сохраненіемъ ихъ «физіономіи»; онъ обращался къ друзьямъ съ прось бой написать критическіе разборы его поэмы, чтобы побудить другихъ высказаться.

Ему было все равно, кто и что будетъ говорить, онъ одинаково интересовался взглядомъ каждаго; онъ просилъ не щадить его, ука-

---

*) «Письма Н. В. Гоголя», II, 176—7.

зать ему на всѣ его слабыя стороны и онъ говорилъ, что брань для него цѣннѣе похвалы. «Хула и осужденія для меня слишкомъ полезны,— писалъ онъ.—Послѣ нихъ мнѣ всегда открывался яснѣе какой-нибудь мой недостатокъ —это уже много значитъ: это значить почти исправить его».

Не какъ художникъ интересовался онъ успѣхомъ своей поэмы, а именно какъ моралистъ, который ждалъ, какъ будетъ принята его проповѣдь, а «Мертвыя Души», даже ихъ первая часть, уже давно пріобрѣли въ его глазахъ санкцію проповѣдническаго слова.

Съ этимъ словомъ, въ которомъ никто кромѣ автора и не подозрѣвалъ проповѣди, Гоголь покинулъ Россію въ одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ моментовъ ея общественнаго развитія.

Въ то самое время, когда наша общественная мысль послѣ долгаго усыпленія начала пробуждаться, въ годы первыхъ серьезныхъ стычекъ западниковъ и славянофиловъ—художникъ, одаренный громаднымъ талантомъ, удалялся съ арены и могъ лишь издали слѣдить за борьбой, которая разгоралась.

Онъ, впрочемъ, не принималъ этой борьбы особенно близко къ сердцу, но въ силу личныхъ отношеній сталъ все-таки ей причастенъ.

Его связь съ московскимъ кружкомъ славянофиловъ была довольно тѣсная, хотя она вытекала скорѣе изъ чувства дружбы, чѣмъ изъ идейной солидарности или кружковой зависимости. Московскій кружокъ друзей Гоголя собирался въ домѣ старика С. Т. Аксакова, съ которымъ Гоголь былъ знакомъ еще съ 1832 года и близко сошелся въ послѣдній свой пріѣздъ въ Россію (1841—1842). Въ семьѣ Аксакова нашъ художникъ проводилъ много хорошихъ минутъ, встрѣчалъ въ ней любовь и ласку, а также поддержку своимъ патріотическимъ и религіознымъ чувствамъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ *) старикъ Аксаковъ говоритъ очень опредѣленно о томъ вліяніи, какое будто бы имѣлъ этотъ московскій кружокъ на Гоголя. Старикъ готовъ былъ вѣрить, что именно этотъ кружокъ пробудилъ въ Гоголѣ настоящую любовь къ Россіи. «Безъ сомнѣнія пребываніе въ Москвѣ,—писалъ онъ,—въ ея русской атмосферѣ, дружба съ нами и особенно вліяніе Константина (старшаго сына Аксакова), который постоянно объяснялъ Гоголю со всею пылкостью своихъ глубокихъ, святыхъ убѣжденій все значеніе, весь смыслъ русскаго народа, были *единственныя* тому причины (т.-е. повышенной любви Гоголя къ родинѣ)—я самъ замѣчалъ много разъ, какое впечатлѣніе производилъ Константинъ на Гоголя, хотя послѣдній старательно скрывалъ свое внутреннее движеніе».

Старикъ, очевидно, преувеличилъ вліяніе его семьи на нашего писателя. Молодой Аксаковъ подогрѣвалъ, конечно, любовь Гоголя къ

*) *С. Т. Аксаковъ.* «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», 46.

Россіи, и могъ говорить съ увлеченіемъ, но въ данномъ случаѣ важно знать, какъ глубоко это увлеченіе захватывало Гоголя. Гоголь былъ слишкомъ самобытная и оригинальная личность, чтобы подпасть подъ чье-нибудь прямое вліяніе. Да имѣли ли, дѣйствительно, эти московскіе патріоты достаточно духовной силы, чтобы повліять на Гоголя?

Старикъ Сергѣй Тимоѳѣевичъ Аксаковъ, котораго мы такъ любимъ за его «Семейную Хронику», въ то время еще не выступилъ какъ романистъ на литературное поприще; онъ служилъ, ревностно посѣщалъ театръ, интересовался очень литературой, любилъ собирать около себя литераторовъ и ученыхъ, но вовсе не затѣмъ, чтобы между ними первенствовать; онъ былъ, въ общемъ, добрѣйшій баринъ и большой патріотъ; любилъ простоту помѣщичьей жизни въ деревнѣ, любилъ Царь-Пушку и Царь-Колоколъ, а также Загоскина и съ умиленіемъ, вѣроятно, ходилъ на Воробьевы Горы посмотрѣть на матушку Москву, съ того самаго мѣста, съ котораго на нее смотрѣлъ Наполеонъ съ двунадесятью языками.

Славянофильскаго, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, въ немъ было очень мало; къ отвлеченной мысли онъ былъ вообще довольно равнодушенъ, не строилъ никакихъ системъ, ни патріотическихъ, ни философскихъ, но конечно любилъ Россію своей наивною и чистою душою. Онъ вѣроятно, самъ очень удивился, когда ему его сыновья сказали, что онъ «славянофилъ»... Гоголь любилъ старика и, конечно, больше всего за его сердце.

Старшій сынъ Аксакова—Константинъ, который былъ на десять лѣтъ моложе Гоголя, обладалъ, безспорно, оригинальнымъ и очень сильнымъ умомъ. Позднѣе онъ игралъ видную роль въ исторіи нашего самосознанія, но пока былъ молодымъ романтикомъ, ревностнымъ ученикомъ нѣмецкихъ философовъ и также сентиментальнымъ русскимъ патріотомъ. Онъ былъ влюбленъ въ Гоголя, молился на него, хотя и вступалъ съ нимъ въ споры. Гоголь относился къ нему нѣсколько свысока, отдавалъ ему въ душѣ должное, возлагалъ на него большія надежды, но сохранялъ по отношенію къ нему покровительственный тонъ — какъ видно изъ его писемъ. Энтузіазмъ Константина Аксакова, паѳосъ его рѣчи и горячность въ сужденіяхъ никогда особаго впечатлѣнія на Гоголя не производили. Молодой философъ былъ въ его глазахъ все-таки пока еще незрѣлымъ человѣкомъ.

У насъ есть, впрочемъ, свидѣтельство самого Гоголя, которое показываетъ, что въ его отношеніяхъ къ этой семьѣ не было и тѣни какой-нибудь зависимости. «Хотя я—писалъ Гоголь своему другу Смирновой—и очень уважалъ старика и жену его за доброту, любилъ ихъ сына (Константина) за его юношеское увлеченіе, рожденное отъ чистаго источника, несмотря на неумѣренное, излишнее выраженіе его, но я всегда однако-жъ держалъ себя вдали отъ нихъ». Гоголь выразился, быть можетъ, рѣзко, но онъ сказалъ правду.

Дружба связывала Гоголя и съ Погодинымъ и Шевыревымъ, которые были также друзьями дома Аксаковыхъ; едва ли можно однако говорить о вліяніи этихъ людей на образъ его мыслей. Конечно, въ вопросахъ историческихъ, въ которыхъ Погодинъ былъ большой знатокъ, и въ вопросахъ эстетическихъ, которыми усердно занимался Шевыревъ, Гоголь могъ кое-чѣмъ у этихъ людей позаимствоваться, но въ этихъ профессорахъ было слишкомъ мало Божьяго огня, чтобы они могли дать почувствовать Гоголю силу своей личности. И тотъ и другой были въ сущности риторы, съ небольшимъ художественнымъ чутьемъ. Гоголь зналъ меньше ихъ, но, конечно, и чувствовалъ, и понималъ глубже.

Для своихъ московскихъ друзей Гоголь являлся, между тѣмъ, живымъ воплощеніемъ ихъ сердечныхъ чаяній. Малороссъ, который пишетъ порусски и любитъ Москву, человѣкъ религіозный и большой патріотъ, геніальный художникъ, въ развитіи своего таланта ничѣмъ не обязанный Западу, мыслитель, задумавшій сказать свое глубокое, Богомъ вдохновенное слово о Россіи, слово, которое должно открыть русскимъ глаза на святую добродѣтель и великое призваніе ихъ родины—такой человѣкъ долженъ былъ быть принятъ и прославленъ москвичами, какъ великій залогъ того, на что Россія способна безъ посторонней помощи. Привѣтствуя восторженно художника, москвичи избаловали болѣзненно-самолюбиваго человѣка и онъ скоро заговорилъ съ ними такимъ менторскимъ тономъ, который имъ не понравился.

Но пока (въ 1841—1842 году) онъ на частныхъ собраніяхъ читалъ имъ свои «Мертвыя Души», и когда въ его присутствіи Погодинъ въ русскомъ прошломъ искалъ перста Божія и Шевыревъ ему поддакивалъ и тонулъ въ собственномъ краснорѣчіи, когда старикъ Аксаковъ умилялся, слушая, какъ его сынъ горячится и ломится сквозь чащу нѣмецкой философіи, чтобы найти въ ней формулу, которая оправдала бы его любовь къ русской дѣйствительности и его надежды на великую будущность родины, Гоголь молчалъ и думалъ: «Все это я скажу и лучше, и образнѣе—подождите!»

Совершенно независимое положеніе занималъ Гоголь и въ отношеніи къ партіи москвичамъ враждебной. Вѣрнѣе будетъ, впрочемъ, если мы скажемъ, что у него никакихъ отношеній съ западниками не было. Съ однимъ лишь Бѣлинскимъ Гоголь случайно столкнулся въ это время, наканунѣ переѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ, и это была встрѣча довольно странная.

Кружокъ Станкевича съ перваго раза оцѣнилъ и понялъ всю серьезность творчества Гоголя *), и Бѣлинскій былъ первый, который сталъ выяснять читателямъ значеніе этого творчества. Гоголь замѣтилъ статьи Бѣлинскаго и хотѣлъ съ похвалой отозваться о нихъ въ «Современникѣ», но редакція, какъ мы помнимъ, почему-то этого не допу-

*) *П. В. Анненковъ.* «Воспоминанія и критическіе очерки», III, 306.

стиля. Затѣмъ критикъ и нашъ авторъ познакомились въ Москвѣ, когда Гоголь пріѣхалъ печатать «Мертвыя Души», и очевидно это знакомство пришлось по душѣ Гоголю, такъ какъ онъ довѣрилъ Бѣлинскому рукопись своей поэмы, чтобы отвезти ее въ Петербургъ, гдѣ она должна была поступить въ цензуру. Но на этомъ ихъ отношенія и оборвались и Гоголь самъ, кажется, стремился схоронить ихъ подъ какою-то таинственностью, боясь, какъ бы они не разсердили его петербургскихъ и московскихъ друзей, которые Бѣлинскаго тогда очень не жаловали *). Сношенія Гоголя съ Бѣлинскимъ были, такимъ образомъ, почти мимолетны и Гоголь былъ недостаточно деликатенъ въ отношеніи къ своему самому добросовѣстному и талантливому критику. Пока между ними не было такихъ принципіальныхъ разногласій, которыя получились позже Гоголь могъ бы отстоять свое право на знакомство съ Бѣлинскимъ, но онъ этого не сдѣлалъ.

Итакъ, въ тѣ годы, на которыхъ долженъ оборваться нашъ разсказъ, а именно въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, Гоголь не принималъ никакого опредѣленнаго участія въ загоравшемся спорѣ между западниками и славянофилами.

Онъ уѣхалъ изъ Россіи надолго, и какъ разъ въ его отсутствіе обѣ партіи сплотились, стали въ боевое положеніе и обмѣнялись первыми угрозами. Гоголь, какъ сентименталистъ и романтикъ, долженъ былъ, конечно, больше любить славянофиловъ, чѣмъ западниковъ, и онъ и любилъ ихъ больше, но, во всякомъ случаѣ, ни у западниковъ, ни у славянофиловъ ему не пришлось ничему научиться, и вышло такъ, что, наоборотъ, онъ сталъ для нихъ предметомъ изученія. Въ его произведеніяхъ обѣ партіи стремились найти подтвержденіе своимъ мыслямъ и чаяніямъ и одинъ этотъ фактъ показываетъ намъ, какое огромное общественное значеніе эти произведенія имѣли въ ихъ цѣломъ.

Это значеніе стало ясно обѣимъ партіямъ очень скоро. Въ 1847 г. князь Вяземскій, сохраняя свое обычное независимое положеніе между спорящими партіями, писалъ по этому поводу: «Странно, что умные и добросовѣстные судьи сбились со стези умѣренности и благоразумія въ оцѣнкѣ трудовъ Гоголя. Это самое доказываетъ, что тутъ было какое-то недоразумѣніе. Каждый видѣлъ въ немъ то, что хотѣлось видѣть, а не то, что дѣйствительно есть. Иначе какъ объяснить, что умъ и пошлость, разсудительность и пустословіе, понятія совершенно разнородныя, мнѣнія противоположныя сошлись заодно въ сужденіи о достоинствѣ, полезности и многозначительности одного и того же явленія. Что люди, провозглашающіе наобумъ какое-то ученіе западныхъ началъ, искали въ Гоголѣ союзника и оправдателя себѣ, это еще понятно. Онъ былъ для нихъ живописецъ и обличитель народныхъ

---

*) *И. И. Панаевъ.* «Литературныя воспоминанія». Спб. 1876, 235. *С. Т. Аксаковъ.* «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», 54, 107.

недостатковъ и недуговъ общественныхъ. Эти обличенія нѣсколько напоминали имъ болѣзненное лихорадочное волненіе французскихъ романистовъ. Это было какое-то противодѣйствіе прежнимъ, кореннымъ литературнымъ началамъ. Они не понимали Гоголя, но, по крайней мѣрѣ, такъ могли въ свою пользу перетолковать созданія его вымысловъ. Но что тѣ, которые отказываются и предохраняютъ насъ отъ вліянія чужеземнаго, что тѣ, которые хотятъ, чтобы мы шли къ усовершенствованію своимъ путемъ, росли и крѣпли въ собственныхъ началахъ, чтобы тѣ самые радовались картинамъ Гоголя, это для меня непостижимо. Въ картинахъ его, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ однородныхъ картинахъ, которыя начинаются «Ревизоромъ» и кончаются «Мертвыми Душами», все мрачно и грустно. Онъ преслѣдуетъ, онъ за живое задираетъ не однѣ наружныя и правильныя болячки; нѣтъ, онъ проникаетъ вглубь, онъ выворачиваетъ всю природу, всю душу и не находитъ ни одного здороваго мѣста. Жестокій врачъ, онъ растравляетъ раны, но не придаетъ больному ни бодрости, ни упованія. Нѣтъ, онъ приводитъ къ безнадежной скорби, къ страшному сознанію» *).

На самомъ дѣлѣ въ этомъ единогласномъ признаніи заслугъ Гоголя со стороны людей, которые держались противоположныхъ взглядовъ на сущность и потребности русской жизни, не было никакого недоразумѣнія. Не говоря уже о томъ, что западники въ Гоголѣ, дѣйствительно, цѣнили обличителя, а славянофилы поэта, который обѣщалъ и былъ способенъ показать во всемъ блескѣ свѣтлыя стороны нашей жизни, Гоголь былъ въ тѣ годы единственнымъ писателемъ, по произведеніямъ котораго, съ извѣстными оговорками, можно было судить о наличныхъ силахъ, двигавшихъ нашею жизнью и объ ея строѣ. Къ какой бы партіи критикъ ни принадлежалъ, онъ имѣлъ передъ собой въ произведеніяхъ Гоголя историческіе документы, на которые онъ могъ сослаться. Если въ 1855 году, т.-е. уже послѣ первыхъ шаговъ Тургенева, Толстого, Гончарова, Достоевскаго и Островскаго, Чернышевскій имѣлъ право сказать, что гоголевскій періодъ въ литературѣ длится по сю пору (1855), что не было въ мірѣ писателя, который былъ бы такъ важенъ для своего народа, какъ Гоголь для Россіи, что Гоголь первый (?) далъ русской литературѣ рѣшительное стремленіе къ содержанію, и притомъ стремленіе въ столь плодотворномъ направленіи какъ критическое, и что вся наша литература, насколько она образовалась подъ вліяніемъ нечужеземныхъ писателей, примыкаетъ къ Гоголю **),—то эти слова становятся полною истиной, если отнести ихъ къ тому времени, когда писалъ Гоголь т.-е. къ періоду отъ 1829—1842 года. Въ

*) «Полное собраніе сочиненій кн. *П. А. Вяземскаго*», II, 316, 317 въ статьѣ «Языковъ и Гоголь» (1847).

**) (*Н. Г. Чернышевскій*) «Очерки гоголевскаго періода русской литературы». Спб. 1893, 2, 11, 19, 21.

эти годы онъ былъ, безспорно, если не первымъ по времени, то первым по силѣ писателемъ, который дѣйствительно давалъ литературѣ стре леніе къ содержанію *). И если про какой памятникъ художестве наго творчества можно было тогда сказать, что онъ историческі документъ, такъ это только про повѣсть, комедію или поэму Гогол При всѣхъ уклоненіяхъ въ сторону личной лирики и романтизма, в этихъ памятникахъ было во многихъ случаяхъ и уловлено господствующе міросозерцаніе и настроеніе ихъ эпохи, и дано объективно вѣрное во произведеніе если не всѣхъ, то всетаки многихъ сторонъ тогдашней жизні

Еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ Гоголю пришла мысль издат полное собраніе своихъ сочиненій. И въ 1842 году—спустя нѣскольк мѣсяцевъ послѣ появленія «Мертвыхъ Душъ»—оно и увидѣло свѣтъ в Петербургѣ.

Это былъ итогъ всей его художественной дѣятельности, котора на этомъ году и закончилась.

Что же, въ общемъ, было создано Гоголемъ и какое значеніе имѣл его вымыселъ для нашей жизни и литературы?

XVIII.

Сила личности Гоголя.—Краткій обзоръ исторіи его творчества.—Общественное і нравственное значеніе этого творчества: обличеніе и состраданіе.—Воспитательно значеніе совѣстливаго отношенія автора къ самому себѣ.—Заключеніе: Жуковскій Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь.

Въ Николаѣ Васильевичѣ русское общество пріобрѣло, прежд всего, очень оригинальную и сильную личность. Правда, Гогол не занималъ въ обществѣ такого мѣста, которое ставило бы ег особенно на виду, и потому кругъ вліянія его, какъ личности былъ достаточно ограниченъ, тѣмъ болѣе, что долгіе годы онъ провелъ внѣ предѣловъ Россіи. Но всѣ, кого судьба съ нимъ сводила, не могли не испытать на себѣ такъ или иначе вліянія той очень свое образной духовной силы, какою былъ одаренъ этотъ человѣкъ. Иныхъ она покоряла, другихъ отталкивала, но она была все-таки сила, кото рая, наконецъ, сломила и самого ея носителя. Заключалась она не въ литературномъ только талантѣ, огромномъ и всѣми признанномъ, а въ самомъ, если такъ можно выразиться, строеніи духа писателя. На многихъ оно производило непріятное впечатлѣніе.

«Я не знаю ни одного человѣка, который бы любилъ Гоголя, какъ другъ, независимо отъ его таланта, — писалъ С. Т. Аксаковъ своему

---

*) Обзору этой литературы за тридцатые годы (1830—1842) и выясненію того положенія, какое занимаютъ «Мертвыя Души» въ ряду современныхъ имъ повѣстей и романовъ будетъ посвящена особая статья.

сыну Ивану *).—Надо мною смѣялись, когда я говаривалъ, что для меня не существуетъ личности Гоголя, что я благоговѣйно и съ любовью смотрю на тотъ драгоцѣнный сосудъ, въ которомъ заключенъ великій даръ творчества, хотя форма этого сосуда мнѣ совсѣмъ не нравится». И Аксаковъ, знавшій близко нашего писателя, неоднократно говорилъ, что въ Гоголѣ было что-то отталкивающее, хотя и стремился смягчить свой отзывъ указаніемъ на странность всей душевной организаціи своего друга.

Это признаніе расположеннаго къ Гоголю человѣка можетъ быть дополнено словами другихъ лицъ, какъ, напр., Никитенки, Панаева, также отмѣчавшихъ непріятное впечатлѣніе, какое они выносили, встрѣчаясь съ Гоголемъ не на бумагѣ. Конечно, считаясь съ такими отзывами, должно помнить, что было много лицъ, какъ, напр., Жуковскій, Языковъ, Смирнова, которыя такого непріятнаго впечатлѣнія и не выносили, и для которыхъ Гоголь былъ именно другомъ ихъ сердца.

Какъ бы то ни было, но нужно признать, что эта своеобразная личность, дѣйствительно, могла и должна была многимъ не нравиться. И не въ отдѣльныхъ чертахъ характера Гоголя крылась причина этому, а въ ихъ сочетаніи. Гоголя нерѣдко упрекали въ лукавствѣ и хитрости, въ томъ, что онъ утаиваетъ свою мысль или умышленно искажаетъ ее, его упрекали въ томъ, что онъ всегда себѣ на умѣ, насторожѣ; во вторую половину своей жизни онъ въ особенности могъ сердить своимъ самомнѣніемъ, проповѣдническимъ тономъ, самозваннымъ учительствомъ—и всѣ эти непріятныя черты характера, какъ намъ кажется, были неизбѣжны, такъ какъ Гоголь былъ натура очень властная и принадлежалъ, безспорно, къ семьѣ пророковъ, которые на ряду съ откровеннымъ словомъ могутъ себѣ позволить и иносказаніе, и умолчаніе и горделивую небрежность въ обращеніи съ людьми. Пророчилъ ли Гоголь истинное или неистинное — объ этомъ можно спорить, но онъ сознавалъ себя пророкомъ, исцѣлителемъ душъ, человѣкомъ, посланнымъ на землю Богомъ; онъ не бралъ на себя умышленно никакой роли, не позировалъ, когда думалъ и говорилъ о своей миссіи и только въ виду искренней вѣры въ самого себя онъ и пострадалъ такъ жестоко, когда увидалъ, что Богъ наполнилъ его душу восторгомъ, а слóва, для выраженія этого восторга, ему не далъ.

Гоголя иногда сравниваютъ съ Руссо: такъ сравнивалъ его Вяземскій **) и затѣмъ Чернышевскій ***), и это—довольно мѣткое сравненіе, Оба они были по природѣ своей—искатели Божьей правды на землѣ, обличители существующаго нравственнаго уклада жизни, оба—люди,

*) *И. С. Аксаковъ.* «Аксаковъ въ его письмахъ». Москва. 1888, I, 424.

**) «Полное собраніе сочиненій» II, 332.

***) (*Н. Г. Чернышевскій*) «Замѣтки о современной литературѣ, 1856—1862 гг.». Спб. 1894, 11.

давшіе себѣ особыя полномочія, люди властные и во многомъ нетерпимые, скрытные въ вопросахъ мелкихъ и житейскихъ и необычайно смѣлые въ рѣшеніи вопросовъ самыхъ головоломныхъ и сложныхъ. Оба они были сентименталисты и моралисты чистѣйшей крови; оба съ очень нервнымъ и восторженнымъ темпераментомъ, но только Руссо былъ плохой художникъ и апостолъ революціи; Гоголь — художникъ первоклассный и апостолъ консерватизма. Руссо былъ силенъ и великъ своею проповѣдью политико-общественныхъ началъ, которымъ принадлежало будущее, Гоголь также весь смыслъ своей жизни вложилъ въ такую проповѣдь, но она осталась безъ отвѣта, и, вопреки собственному желанію, онъ былъ понятъ и оцѣненъ не какъ моралистъ и учитель личной и гражданской морали, а именно какъ художникъ.

Отдавая все должное искренности Гоголя, какъ учителя жизни, придется при окончательномъ судѣ надъ его дѣятельностью, все-таки остановиться на оцѣнкѣ его литературныхъ заслугъ, такъ какъ этими художественными трудами онъ и оказалъ наибольшее *нравственное* воздѣйствіе на ближняго, который остался глухъ къ его предписаніямъ личнаго религіозно-нравственнаго самоусовершенствованія и къ его рецептамъ общественной и государственной мудрости.

Припомнимъ же главнѣйшіе моменты въ исторіи его творчества, чтобы окончательно опредѣлить его заслугу какъ писателя.

Онъ выступилъ со своими первыми повѣстями, когда сентиментальное и романтическое направленіе въ литературѣ были еще въ цвѣту, но когда ощущался уже недостатокъ въ произведеніяхъ, которыя бы отразили не только правду души самого художника, но и правду окружавшей его жизни. Читатель требовалъ народнаго и современнаго, и лучшіе художники тѣхъ годовъ на это требованіе откликались лишь изрѣдка. Гоголь былъ призванъ удовлетворить ему, но и онъ на первыхъ порахъ пошелъ старою дорогой. Прежде чѣмъ стать наблюдателемъ и истолкователемъ дѣйствительности, онъ—по своей психической организаціи самый чистокровный романтикъ—далъ въ своихъ первыхъ созданіяхъ лучшіе образцы стараго литературнаго стиля: сентиментальная идиллія съ оттѣнкомъ народности, фантастическая или историческая сказка ни у кого не получила такой литературной и художественной отдѣлки, какъ у него въ его «Вечерахъ на Хуторѣ»; никто изъ его современниковъ не съумѣлъ такъ тонко и правдоподобно анализировать душу романтика, страдающаго отъ разлада мечты и дѣйствительности, романтика, влюбленнаго въ красоту, художника, отданнаго во власть всевозможнымъ искушеніямъ, какъ сдѣлалъ это Гоголь въ своемъ «Невскомъ Проспектѣ», въ «Запискахъ сумасшедшаго», въ «Портретѣ» и во всѣхъ статьяхъ и стихотвореніяхъ въ прозѣ, посвященныхъ вопросу объ искусствѣ, его исторической миссіи и его служителѣ. Кто умѣлъ такъ проникаться стариной, улавливать ея романтическую красоту, превращать разсказъ о ней въ величественную

эму съ удивительнымъ колоритомъ и паѳосомъ, какъ не онъ, авторъ экцій, сбивавшихся на лирическія пѣсни, и «Тараса Бульбы»—этой ыцарской баллады?

Романтическій литературный стиль нашелъ себѣ въ Гоголѣ лучшаго выразителя, въ созданіяхъ котораго этотъ романтизмъ и сентиментализмъ вспыхнули послѣднимъ самымъ яркимъ огнемъ, прежде ѣмъ угаснуть. Гоголь великъ не только тѣмъ, что онъ завоевалъ ля словеснаго творчества новыя области жизни; онъ великъ и тѣмъ, то старые литературные пріемы довелъ до художественнаго совершенства.

Но идя еще по старой дорогѣ, онъ былъ уже предвѣстникомъ новаго. 'же въ его романтическихъ повѣстяхъ проглядывала его необычайная пособность живописать съ натуры. Детали и мелочи жизни дѣйствиельной художественно размѣщались на страницахъ, полныхъ романтическаго паѳоса или сентиментальнаго чувства. Реальная тенденція въ его творчествѣ начала сказываться рѣшительно и быстро. Она начала не различала въ жизни важнаго отъ неважнаго. Авторъ пиалъ шутки въ родѣ «Носа» и «Коляски», выбиралъ темой для своихъ этюдовъ совсѣмъ глухіе уголки жизни въ родѣ тѣхъ, которые писаны въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» и въ «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», но всѣмъ этимъ работамъ самъ авторъ не придавалъ особеннаго значенія и всю силу своего юмора и реальнаго письма сосредоточилъ на цѣломъ рядѣ драматическихъ произведеній, съ которыхъ и началась исторія нашей бытовой комедіи. Комедія Гоголя—это было нѣчто новое, созданное въ новомъ стилѣ и не имѣвшее себѣ параллели въ нашей литературѣ. Если въ чемъ нашъ авторъ былъ новаторъ, такъ это, именно, въ комедіи, которая стала теперь самостоятельнымъ родомъ художественнаго творчества, а не формой для сатиры, чѣмъ она была раньше. Реализмъ въ искусствѣ одержалъ свою первую рѣшительную побѣду и за ней послѣдовала вторая и послѣдняя.

Гоголь пожелалъ въ одномъ цѣльномъ связномъ романѣ соединить всѣ свои наблюденія надъ русской жизнью, онъ задумалъ создать поэму, въ которой Россія предстала бы со всѣми ея пороками и добродѣтелями, ея тьмой и свѣтомъ. Но въ самый разгаръ работы надъ этимъ трудомъ онъ самъ начиналъ изнемогать отъ душевнаго разлада, которымъ болѣла его романтическая душа, не примирившаяся съ тѣми тѣневыми сторонами жизни, которыя ему были такъ хорошо видны. Отъ этого разлада пострадалъ, прежде всего, его талантъ бытописателя и реалиста, и художникъ успѣлъ закончить лишь первую часть задуманной имъ грандіозной работы. Но и этотъ отрывокъ былъ великъ силою своей художественной правды. Если авторъ не всегда выдерживалъ тонъ, начиналъ иногда прорицать, вѣщать и наставлять, если въ компановкѣ романа и въ развитіи дѣйствія было нѣчто условное, напоминавшее

пріемы старыхъ «нравоописательныхъ» романовъ, если, наконецъ, многіе типы приближались къ типамъ слишкомъ общаго характера, становились слишкомъ собирательными, чтобы быть вполнѣ реальными и живыми, то зато какъ широка была сама картина; сколько въ ней было детальныхъ этюдовъ, силуэтовъ, штриховъ, художественно передающихъ жизнь, если не всѣхъ, то очень многихъ сословныхъ группъ того времени. Ни отъ одного памятника тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ не вѣяло такъ дыханіемъ жизни, какъ отъ «Мертвыхъ Душъ», въ которыхъ хоть и не вполнѣ были исчерпаны всѣ внѣшнія формы нашей старой помѣщичьей и чиновной жизни, зато схвачена ихъ сущность, ихъ главные стимулы и мотивы.

«Отцомъ» реальнаго романа Гоголь не былъ, такъ какъ мастерству реальнаго письма училъ насъ еще Пушкинъ, и одновременно съ Гоголемъ—Лермонтовъ, и нельзя сказать, чтобы Гоголь въ самихъ пріемахъ реальнаго творчества превзошелъ своего учителя и своего современника. Но картина русской жизни, имъ набросанная была несравненно полнѣе и шире, чѣмъ все, что было въ этомъ направленіи создано Пушкинымъ и Лермонтовымъ. «Евгеній Онѣгинъ» освѣтилъ намъ лишь одинъ уголокъ нашей жизни, «Герой нашего времени» далъ еще меньше, и только прочитавъ Гоголя, мы могли сказать, что ознакомились со многими страницами той, еще до сей поры не дочитанной книги, которая называется русскою жизнью.

Но говоря о Гоголѣ, какъ о бытописателѣ и юмористѣ, нужно всегда помнить, что эта сторона его таланта всегда находились во враждѣ съ основными чертами его характера и со складомъ его ума. Гоголь имѣлъ сердце всегда сентиментальное и религіозно настроенное, фантазію богатую, но романтически-восторженную, умъ въ значительно большей степени синтетическій, чѣмъ аналитическій. Приходится удивляться, что при такой душевной организаціи онъ могъ такъ часто забывать себя, иронизировать тогда, когда хотѣлось плакать, разсказывать тогда, когда хотѣлось разсуждать и говорить о всякой житейской мелочи и пошлости, когда душа такъ и рвалась къ возвышенному и вѣчному. Теперь, когда намъ извѣстны вся его жизнь и его интимныя думы, мы поймемъ, что рано или поздно романтическія силы его духа должны были пересилить въ немъ способность спокойно и юмористически относиться къ жизни. Страннымъ можетъ показаться не этотъ поворотъ отъ наблюденія надъ жизнью къ суду надъ нею, отъ ироніи къ молитвѣ, отъ анализа настоящаго къ предвкушенію будущаго; нѣтъ ничего страннаго и въ томъ, что при такихъ условіяхъ процессъ творчества сталъ для писателя изнурителенъ и безплоденъ, что вмѣсто живыхъ образовъ художникъ сталъ создавать лишь символы, что, наконецъ, онъ осудилъ все имъ раньше созданное, и сталъ просить у Бога особой къ себѣ благодати для того, чтобы вновь начать создавать все съизнова. Все это естественно и понятно; необычной можетъ показаться лишь та болѣзнен-

ность, съ какою этотъ процессъ совершался въ душѣ Гоголя. Поэтъ страдалъ, онъ былъ боленъ отъ этихъ душевныхъ волненій художника, не находящаго словъ для обступившихъ его мыслей и нависшаго надъ нимъ настроенія. Но эта болѣзненность и есть показатель совсѣмъ особой «пророческой» организаціи поэта, которая бываетъ вся потрясена и въ минуты наплыва восторга и въ минуты отлива, и Гоголь былъ подвижникъ своей религіозно-нравственной идеи и вѣрилъ, что онъ апостолъ. Вотъ почему онъ сталъ такъ самоувѣренно говорить со своими соотечественниками обо всемъ, объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ Богу, къ царю, къ родинѣ, къ семьямъ, къ ближнему равному и ближнему рабу; и онъ очень сердился и сокрушался когда увидѣлъ, что всѣ эти совѣты, которые онъ въ 1847 году огласилъ въ печати какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» не встрѣтили должнаго сочувствія.

Онъ былъ удрученъ этимъ неуспѣхомъ своей проповѣди и смирился: причину неуспѣха сталъ онъ искать не въ другихъ, а въ себѣ самомъ; онъ удвоилъ посты и молитвы, онъ сталъ истязать свою плоть, чтобы придать духу особую силу и святость, и, доведя свой духъ до значительной высоты религіознаго созерцанія, онъ въ конецъ разрушилъ свое тѣло.

Умиралъ онъ съ самымъ тяжелымъ сознаніемъ, что онъ безсиленъ словами выразить то, чѣмъ было полно его сердце. Онъ сознавалъ себя вполнѣ одинокимъ и не видалъ вокругъ себя человѣка, которому онъ могъ бы довѣрить свои думы.

А между тѣмъ его даръ переходилъ по наслѣдству къ его законнымъ наслѣдникамъ. Но Гоголь не призналъ ихъ. Въ то время, какъ онъ такъ мучился со своими неизреченными словами, его ученики стали продолжать его дѣло художника. Почти въ тотъ же годъ, когда онъ огласилъ свою переписку съ друзьями, были написаны первые «Разсказы Охотника» Тургенева, «Сонъ Обломова» Гончарова, «Бѣдные люди» Достоевскаго и «Банкротъ» Островскаго. Художникъ-реалистъ не могъ найти лучшихъ наслѣдниковъ. Трудная задача претворенія въ поэзію всей русской жизни во всемъ ея богатствѣ и разнообразіи, со всѣми ея мрачными и свѣтлыми сторонами, начала разрѣшаться, но тотъ, кто мечталъ такъ пламенно объ ея разрѣшеніи и такъ много для этого сдѣлалъ, уже не интересовался этой задачей. Онъ умеръ силясь забыть о всѣхъ своихъ чисто-литературныхъ побѣдахъ.

Но кромѣ него никто не забылъ ихъ; и сердечное желаніе художника все-таки исполнилось: если общество невнимательно отнеслось къ наставленіямъ своего любимаго писателя, то именно его литературные труды оказали читателю большую нравственную поддержку и, какъ мечталъ ихъ неблагодарный авторъ, способствовали не мало его нравственному возрожденію.

И въ самомъ дѣлѣ, не одной своей красотой были сильны творенія Гоголя, въ нихъ была еще и иная сила, которая давно за ними признана. Ее обыкновенно опредѣляютъ словомъ «обличеніе». Принято говорить, что какъ обличитель пороковъ, слабостей, пошлости, косности и всякихъ иныхъ личныхъ и общественныхъ недуговъ—Гоголь былъ однимъ изъ передовыхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, и, конечно, никто никогда не отниметъ у него этой нравственной заслуги передъ отечествомъ.

Но при ближайшемъ ознакомленіи съ его творчествомъ видишь, что его сила заключалась не въ одномъ только обличеніи. Сатирикъ былъ въ сущности очень мягкій человѣкъ (т.-е. мягкій не въ отношеніяхъ къ людямъ, которые, наоборотъ, часто жаловались на его эгоизмъ, а мягкій въ томъ смыслѣ, что онъ могъ легко самъ себя разжалобить и поднять со дна своей романтической души цѣлую волну нѣжности), и мы видѣли, какъ много состраданія обнаружилъ онъ ко всѣмъ людямъ, которыхъ обличалъ въ своихъ твореніяхъ. Онъ находилъ слова извиненія и оправданія для самыхъ порочныхъ, онъ даже не любилъ говорить о порокахъ и предпочиталъ говорить лишь о слабостяхъ, и всегда предрасполагалъ читателя въ пользу подсудимаго. Не столько своимъ обличеніемъ грѣшныхъ приводилъ онъ людей къ сознанію своей грѣховности, сколько тѣмъ, что будилъ въ нихъ чувство жалости къ ближнему, обездоленному не по своей винѣ или самого себя обездолившему, и тѣ, которые продолжали его работу, какъ художника, были и въ этомъ смыслѣ его наслѣдниками. Какъ сатирики-обличители, наши писатели пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ превзошли Гоголя въ силѣ ударовъ, которые они наносили пороку; превзошли его и въ силѣ любви и состраданія къ униженнымъ и оскорбленнымъ.

Но не только печаль Гоголя о чужихъ грѣхахъ, но и скорбь о своихъ личныхъ недостаткахъ, столь рѣзко проступившая наружу въ послѣднее десятилѣтіе его жизни (1842—1852), имѣла свое общественное и нравственное значеніе.

Къ какимъ бы консервативнымъ или безплоднымъ въ общественномъ смыслѣ взглядамъ ни приходилъ самъ писатель въ эти годы покаянія и самоистязанія духа, какъ бы онъ ни сердилъ читателя своимъ сентиментальнымъ оптимизмомъ, все-таки его *совѣстливое* отношеніе къ каждому своему слову и чувству имѣло воспитательное значеніе. Не соглашаясь съ Гоголемъ въ тѣхъ выводахъ, которые онъ выдавалъ за истину, читатель не могъ не отдать должнаго той строгости къ самому себѣ, съ какою нашъ моралистъ эту истину отыскивалъ. Совѣстливое отношеніе художника къ нравственнымъ проблемамъ жизни передавалось невольно каждому, кто задумывался надъ его словомъ или надъ его трагичной судьбой.

Жизнь народовъ въ различные періоды ея развитія принято иногда сравнивать съ жизнью человѣка. Мы такъ часто говоримъ о молодости

народа, объ его зрѣлыхъ годахъ, объ его старости. Быть можетъ это всего лишь поэтическое сравненіе, которое нравится намъ потому, что даетъ готовыя формулы, подъ которыя не трудно подогнать самыя разнообразныя и сложныя явленія народной жизни. А можетъ быть въ этомъ сравненіи есть и доля исторической правды. Народы изживаютъ свой вѣкъ, какъ и люди: они проходятъ черезъ извѣстныя эпохи юности мысли и чувства, и ихъ зрѣлости и опредѣленности; они наконецъ увядаютъ, теряя свои національныя черты характера, утрачивая отличительные признаки своей культуры. Счастливъ тотъ народъ, который, сознавая себя зрѣлымъ т.-е. отдавая себѣ ясный отчетъ въ своей жизни, въ ея достоинствахъ и недостаткахъ, увѣренъ, что онъ призванъ сказать и свершить нѣчто большее, чѣмъ то, что имъ свершено и сказано. Такая увѣренность большой стимулъ для дѣятельной жизни и глубокій родникъ духовной бодрости, потому что, если человѣкъ такъ часто умираетъ неожиданно и преждевременно, то для народовъ и для цивилизацій нѣтъ случайныхъ смертей, нѣтъ преждевременной гибели: умираетъ всегда та цивилизація которая успѣла сказать все, что она сказать имѣла, и для каждаго народа сознаніе своей силы есть всегда вѣрный залогъ того, что эта сила имѣетъ свою будущность.

Мы, русскіе, любимъ говорить о нашей силѣ и о великомъ будущемъ, которое насъ ожидаетъ. Если даже скинуть со счетовъ развитіе славянофильской идеи, которая такъ подчеркивала наше обособленное положеніе среди другихъ націй и открыто пророчила намъ міровую миссію, религіозную, государственную и нравственную—идею, которая старалась укрѣпить въ насъ сознаніе нашихъ преимуществъ, то даже враждебная ей идея, со строгой критикой относящаяся ко всему ходу нашей жизни, идея оттѣнявшая нашу зависимость отъ сосѣдей, а не наше преимущество надъ ними,—и она полна сознанія нашей духовной силы. Одновременное сознаніе нашихъ грѣховъ и сознаніе нашихъ силъ и даетъ намъ право сказать, что въ настоящую минуту мы вступили уже въ зрѣлый возрастъ, оставивъ позади себя эпоху непровѣреннаго самодовольства, розовыхъ надеждъ и слишкомъ безпечнаго отношенія къ переживаемой минутѣ.

Многимъ можетъ показаться страннымъ, какъ можно говорить о зрѣлости, когда стоитъ только бросить бѣглый взглядъ вокругъ, чтобы увидать массу несовершеннаго, массу недочетовъ, ошибокъ и совсѣмъ незрѣлаго? Но въ этомъ-то и заключается первый признакъ наступившей зрѣлости, что мы при успѣхѣ не самообольщаемся и въ борьбѣ не теряемъ вѣры. А именно таково наше современное положеніе. Дѣлаемъ ли мы все для устраненія или смягченія тѣхъ золъ, отъ какихъ мы страдаемъ, это, конечно, вопросъ иной, но сознаніе этихъ золъ существуетъ, существуетъ и цѣпкая вѣра въ то, что есть силы для борьбы съ ними. Наша духовная жизнь въ настоящую минуту и покаяніе и надежда, и гнѣвъ и прощеніе. Съ одной стороны тягостное сознаніе

виновности, съ другой память о многомъ истинно великомъ, что мы успѣли свершить за нашу кратковременную вполнѣ сознательную жизнь. Въ нашей душѣ сталкивается самообличеніе съ вѣрой въ свои силы, гнѣвъ на себя и на свои грѣхи съ надеждой ихъ полнаго искупленія.

Хоть и нерѣдко приходится слышать, что зрѣлый возрастъ самый желанный—онъ покупается однако дорогой цѣной, цѣной холоднаго самообладанія; и какъ часто, когда устаешь отъ работы зрѣлой трезвой мысли, видящей все насквозь, все безпощадно анализирующей, невосторженной и неувлеченной—какъ часто хочется вернуть то блаженное время, когда и грѣхъ и зло казались не столь опаснымъ, и добро столь близкимъ и осуществимымъ.

Вотъ почему мы съ такою любовью оглядываемся иногда на тѣ, прожитые нами года, о которыхъ шла рѣчь въ нашихъ очеркахъ.

А это были, дѣйствительно, годы нашей молодости, и судьба была къ намъ тогда очень милостива: она послала намъ четырехъ истинныхъ художниковъ какъ бы затѣмъ, чтобы помочь намъ сознать и понять всѣ тѣ чувства и мысли, какими обыкновенно питается юность...

Жуковскій—наша первая мечта, Пушкинъ—нашъ первый поэтическій восторгъ, откликающійся на всѣ впечатлѣнія жизни, и наконецъ, Лермонтовъ и Гоголь—первая тревога духа, растерявшагося отъ несоотвѣтствія мечты и жизни—развѣ въ настроеніяхъ и мысляхъ, воссозданныхъ въ творчествѣ этихъ поэтовъ не изображена символически юность съ ея неясными и туманными порывами вдаль, съ ея нѣгой въ мечтаніи, съ ея жизнерадостнымъ восторгомъ и доступностью всѣмъ впечатлѣніямъ, наконецъ, съ ея первыми страданіями, первою болью отъ возникшаго въ душѣ разлада между тѣмъ, что видишь и тѣмъ, что хотѣлъ бы видѣть, разлада между существующимъ и желаемымъ? Наши симпатіи распредѣлены между этими поэтами не совсѣмъ равномѣрно. Мы любимъ Пушкина больше чѣмъ Жуковскаго, пожалуй больше, чѣмъ Лермонтова и Гоголя. Но пусть Александръ Сергѣевичъ по силѣ своего дарованія былъ первый—все-таки его поэзія лишь въ содружествѣ съ поэзіей Жуковскаго, Лермонтова и Гоголя представляетъ нѣчто цѣльное, вполнѣ исчерпывающее сущность того историческаго момента, который вмѣстѣ съ ними мы переживали въ началѣ XIX вѣка.

Никогда, быть можетъ, не имѣли мы такого безоблачнаго довѣрія къ самимъ себѣ и къ судьбамъ нашей родины, какъ въ тѣ годы. Съ сердцемъ, которое мы любили настраивать на самыя нѣжныя чувства, сентименталисты съ религіознымъ міросозерцаніемъ, быть можетъ неглубокимъ, но искреннимъ—мы довѣряли нашу судьбу Провидѣнію и вѣрили, что оно приведетъ насъ къ той цѣли, которая казалась намъ желанной для славы нашей родины; мы считали себя избранниками Божьими—а всегда легко живется тому, кто ощущаетъ въ себѣ теплоту отъ лучей Божьей о немъ мысли. Довѣряли мы въ тѣ годы и

власти земной, которую любили. Она рисовалась нашему воображенію, какъ власть отеческой опеки, патріархальной, доброжелательной, готовой даже на самопожертвованіе ради тѣхъ, надъ кѣмъ поставлена. Мы не боялись ея строгости и если и случалось намъ на эту власть разсердиться, съ ней повздорить, даже открыто возстать противъ нея, то это чувство возмущенія держалось не долго. Такое довѣріе къ власти было также родникомъ душевнаго покоя.

Былъ еще одинъ источникъ, откуда мы черпали тогда успокоеніе для ума и сердца: это было наше довѣріе къ человѣку вообще, котораго мы, по примѣру нашихъ сосѣдей, привыкали идеализировать. Въ этой идеализаціи насъ утверждалъ и философскій и поэтическій идеализмъ нашихъ сосѣдей и даже могучая лира Байрона не могла поколебать въ насъ этихъ взглядовъ и только нравилась намъ своею красотой, а не убѣждала. Мы все продолжали вѣрить, что жизнь, подъ незримыми лучами Божьей опеки и подъ зримою опекой власти земной, восходитъ прямо и быстро по ступенямъ той лѣстницы, которая нѣкогда снилась Іакову... и подъ обаяніемъ этой вѣры и этого сна, мы, конечно, и не замѣчали, что лежимъ на землѣ, съ головой, прислоненною о камень. На то мы и были тогда молоды, и любовь, дружба, поэзія, добро, красота все слилось для насъ въ одномъ обаятельномъ представленіи о молодой жизни; и печалились мы только тогда, когда думали о смерти, почему въ тѣ годы такъ много и писали жалобныхъ стихотвореній на эту тему.

Жуковскій былъ первымъ, который откликнулся на это спокойное и жизнерадостное настроеніе, и откликнулся онъ очень своеобразно. Его поэзія не была восторгомъ и восхищеніемъ передъ жизнью: можетъ показаться даже, что она была далека отъ этой жизни. Все въ ней какъ будто говорило о неземномъ, о нетѣлесномъ, все указывало намъ на грань, отдѣляющую чувственное отъ сверхчувственнаго и какъ будто торопило насъ приблизиться къ этой грани. Жизнь дѣйствительная, жизнь минуты какъ-то исчезала, поставленная между отошедшимъ навсегда прошлымъ и тѣмъ вѣчнымъ будущимъ, которое насъ ожидаетъ... Когда знакомишься съ этою поэзіей впервые, не углубляясь въ нее,—не вѣришь, что она поэзія юнаго возраста, поэзія того поколѣнія, у котораго надеждъ гораздо больше, чѣмъ воспоминаній. Общій тонъ лиры Жуковскаго—минорный и притомъ удивительно выдержанный. Съ юношескихъ лѣтъ до поздней старости поэтъ обуздывалъ свой восторгъ мыслью о томъ, что все красивое и счастливое въ жизни преходяще...

Но странно! трудно найти поэзію, которая вселяла-бы въ человѣка такую любовь къ жизни, какъ поэзія нашего меланхолическаго мечтателя. Она, грустная иногда до слезъ, печали въ насъ не вызываетъ или, если намъ случается плакать, то такими слезами, которыя облегчаютъ намъ примиреніе съ жизнью. Все это потому, что подъ по-

кровомъ грусти она таитъ въ себѣ чувство самое молодое. Вся поэзія Жуковскаго—юношеская греза и отнюдь не печальное зрѣлое раздумье, хотя она иногда имѣетъ видъ его. Она греза не умудренная опытомъ, а всего лишь чувствительная, и если она такъ часто намекаетъ намъ на печальную сторону жизни, то она это дѣлаетъ отъ избытка жизнерадостности, а не отъ избытка горя. Конечно, на долю Василія Андреевича выпала въ жизни своя частица горя, но всѣ мы знаемъ, какъ онъ съ этимъ горемъ примирился. Оно стало для него родникомъ пѣсенъ и онъ нашелъ счастье въ страданіи—то счастье въ сердечной боли, которое чувствуютъ истинно-романтическія души. Да иначе и быть не могло: его душа была со всѣхъ сторонъ ограждена и защищена отъ разочарованія и глубокой истинной скорби. Религія спасала его отъ страха передъ зломъ, и мы знаемъ, что всѣ его самые «страшные» стихи кончались всегда торжествомъ добраго принципа. Когда знаешь, что зло должно погибнуть, его не боишься. Вѣра во власть земную спасала его съ другой стороны отъ всякихъ искушеній быть недовольнымъ переживаемою минутой, несмотря на то, что онъ не закрывалъ глазъ на мрачныя стороны этой минуты. Но когда знаешь, что обо всемъ позаботится власть, которой довѣряешь, когда вѣришь, что только она одна и можетъ справиться съ этою задачей и помощи ни отъ кого не ждетъ и не желаетъ, то какой же общественный вопросъ можетъ взволновать сердце, полное такою вѣрой? Всякій такой вопросъ можетъ тронуть это отзывчивое сердце, но не опечалить его надолго, такъ какъ эта печаль разобьется о вѣру человѣка въ ту власть, которая стоитъ здѣсь на землѣ на стражѣ всего добраго.

Такъ спокоенъ былъ Василій Андреевичъ, и къ сердцу его, огражденному религіей, не могла подкрасться ни общеміровая философская скорбь ни печаль о минутѣ дѣйствительной. Если отнять у человѣка способность негодовать на то зло дѣйствительное, которое онъ встрѣчаетъ въ окружающей его жизни, если отнять у него страхъ передъ зломъ, какъ однимъ изъ міровыхъ началъ и оставить только нѣжное сердце и доброжелательный умъ—то такія мысли и чувства и породятъ то самое настроеніе и міросозерцаніе, которыя составляютъ всю внутреннюю сущность и цѣнность грёзъ Жуковскаго. Это будетъ та тоска по лучшему міру, безъ ненависти и осужденія міра дѣйствительнаго, та теплая любовь къ людямъ, которая готова всегда предположить хорошее и доброе въ нихъ и, въ случаѣ обмана, способная только на сожалѣніе и молитву о нихъ; это будетъ благодарная память о всѣхъ минутахъ счастья, которыя промелкнули и, наконецъ, это будетъ печаль о томъ, что жизнь должна скоро кончиться—печаль, которую мы у Жуковскаго такъ часто принимаемъ за настоящую скорбь, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она есть лишь боязнь за исчезновеніе радости. Мы отошли теперь отъ такого міросозерцанія; оно далеко отъ насъ, далеко какъ наша юношеская грёза. Она намъ кажется подчасъ

и ребяческою, и слишкомъ сладкою, и очень наивною, но мы не перестаемъ любить ее. Не перестаемъ мы любить и поэзію Жуковскаго, какъ бы она ни шла въ разрѣзъ съ тѣмъ серьезнымъ взглядомъ, какимъ мы теперь привыкли смотрѣть на зло и печаль міра.

Одинъ изъ нашихъ большихъ поэтовъ сказалъ, что Россія не не забудетъ Пушкина, какъ свою первую любовь.

Странно какъ-то говорить о томъ, чѣмъ для насъ былъ Пушкинъ—все хочется слово «былъ» замѣнить словомъ «есть». Неужели и эта поэзія стала прошлымъ и время безпристрастнаго суда надъ нею наступило? Можно ли быть безпристрастнымъ къ предмету своей страсти? А для многихъ изъ насъ Пушкинъ еще до сихъ поръ предметъ самаго восторженнаго обожанія. И все-таки, оставаясь вѣчною, эта поэзія отошла для насъ въ прошедшее—въ ея цѣломъ, конечно. Много было поэтовъ, которые на ней учились, но такого поэта, который бы напомнилъ намъ Пушкина, не было, и это не потому только, что не родился талантъ ему равный, а потому, что вся духовная и общественная атмосфера, которою мы дышимъ, теперь иная, чѣмъ она была въ его время. Нѣтъ уже той молодой способности восторгаться всѣми впечатлѣніями бытія, какою обладалъ онъ, нѣтъ того оптимизма юнаго и широкаго, который такъ плѣнялся лицевой стороною жизни, нѣтъ той способности понимать все, и въ пониманіи находить успокоеніе. Для насъ жизнь теперь не предметъ поэтическаго созерцанія только, а, главнымъ образомъ, проблема нравственная, и мы такъ щепетильны въ нашей погонѣ за рѣшеніемъ этихъ глубокихъ нравственныхъ вопросовъ, что съ трудомъ простили бы созерцателю его безстрастіе созерцанія. А Пушкинъ былъ именно геніальный созерцатель жизни—тотъ поэтъ, который во дни нашей юности открылъ намъ глаза на міръ, на великій, улыбавшійся намъ міръ, которому и мы тогда улыбались, стремясь, прежде всего, восхищаться всѣмъ красивымъ, великимъ, добрымъ, которое мы въ немъ находили.

Вся историческая панорама человѣческой жизни развернулась передъ нами въ художественныхъ образахъ Пушкина; онъ помогъ намъ ее осмыслить; онъ болѣе, чѣмъ любой историкъ, сдѣлалъ насъ участниками міровой жизни, насъ, которые такъ долго стояли вдали отъ арены, гдѣ совершались судьбы человѣчества. Какъ спокойный созерцатель, претворялъ Пушкинъ на нашихъ глазахъ эту жизнь въ художественные образы, не столько судя ее, сколько изображая. И въ этой таинственной душѣ, невозмутимой въ своемъ творческомъ покоѣ и столь впечатлительной въ иныя минуты жизни, все находило свой отзвукъ, все, даже самое далекое по времени и намъ чужое. Не такъ ли поступаемъ и мы въ молодости, когда засматриваемся на все, что намъ бросается въ глаза, что поражаетъ насъ такъ или иначе? Движимые однимъ лишь желаніемъ обогатить нашу неопытную душу, мы на лету ловимъ все, предоставляя уже зрѣлому возрасту разбираться въ этихъ накоплен-

ныхъ богатствахъ. Такъ дѣлалъ и Пушкинъ, и богатства, которое накопилъ онъ, хватаетъ намъ и на наше еще время.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ разнообразны были поэтическіе міры, открывшіеся въ его поэзіи! Кто съумѣлъ уловить жизнерадостное эстетическое міросозерцаніе античнаго міра, какъ не онъ, никогда даже и не видавшій его развалинъ? Онъ изъ собственнаго сердца вычиталъ больше, чѣмъ иной историкъ и путешественникъ изъ всѣхъ своихъ розысканій. И эта красота античнаго міра—правда, лишь съ ея веселой стороны—была закрѣплена нашимъ поэтомъ въ той пластической формѣ, которая одна ея достойна. Греческій мраморъ лучшей школы и стиля ожилъ въ юношескихъ стихахъ Пушкина и вмѣстѣ съ нимъ, съ этимъ античнымъ міромъ, Пушкинъ еще въ юные годы съумѣлъ сочетать тотъ романтическій міръ призраковъ, воздушныхъ, туманныхъ и печальныхъ, въ который облеклось сентиментальное настроеніе его времени... Впрочемъ, чего только не умѣлъ воскресить Пушкинъ въ своей поэзіи? И христіанство въ его первобытной чистотѣ, и жизнь рыцарскихъ временъ, и востокъ, съ его дикой свободой и любовью, и вѣкъ французской манерной вѣжливости, и образъ разочарованнаго рыцаря его времени, и русскую жизнь въ ея прошломъ, историческомъ, легендарномъ и настоящемъ! И всѣ эти міры и образы онъ умѣлъ любить какою-то ровною, одинаковою любовью. У него какъ-то не было излюбленнаго героя, которому бы онъ довѣрилъ свои думы и чувства, вѣроятно потому, что эти думы были чрезвычайно многосторонни и подвижны, и обладали способностью сразу охватывать многое.

Давно уже было сказано, что въ этомъ смыслѣ Пушкинъ былъ «всечеловѣкъ», и это вѣрно, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что, обладая способностью понимать все, способностью жить во всѣхъ вѣкахъ, онъ для своего вѣка не являлся выразителемъ какого-нибудь опредѣленнаго міросозерцанія, опредѣленнаго убѣжденія, какого-нибудь господствующаго чувства или настроенія, которыя бы онъ выстрадалъ и въ которыхъ бы онъ укрѣпился. Вычитать изъ произведеній Пушкина его собственное міросозерцаніе крайне трудно. При встрѣчѣ съ поэтомъ чувствуешь, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ, которому всякое міросозерцаніе по плечу, всякое понятно; онъ какъ будто выше ихъ всѣхъ, но въ его поэзіи нѣтъ такого синтеза, въ которомъ бы они объединялись.

И это опять признакъ молодой жизни, и мы знаемъ, что въ александровское царствованіе наша образованность, дѣйствительно, отличалась смѣшеніемъ противорѣчиваго и разнороднаго. Въ поэзіи Пушкина передъ нами геніальный откликъ на все, что можетъ извѣдать и исчувствовать человѣкъ. Поэзія Пушкина — своего рода эолова арфа съ массою струнъ, и нѣтъ среди нихъ такой, которая звучала бы сильнѣе другихъ. Въ такой отзывчивой душѣ, какъ его, и не могло быть иначе. Все для насъ тогда было ново, все напрашива-

юсь на откликъ, и наша юность, въ лицѣ этого генія, на все откликнулась, все въ себѣ отразила и только претворить не успѣла.

И это претвореніе, которое требуетъ отъ человѣка не одного только поэтическаго восторга, а очень строгой мысли, печальнаго раздумья, и которое является уже не актомъ созерцанія только, но и критики — оно было оставлено для иного времени, менѣе поэтичнаго, чѣмъ наша юность.

Первые предвѣстники этихъ годовъ тревожнаго раздумья и подсчета итоговъ прожитой жизни были—Гоголь и Лермонтовъ. Поэзія Лермонтова была мрачна и полна тревоги; въ ней небыло никакого просвѣта, никакихъ ясно сознанныхъ и укрѣпившихся идеаловъ. Она была недосказанною рѣчью, недопѣтою пѣснью художника, который искалъ покоя отъ обступившихъ его трудныхъ вопросовъ жизни, и, не находя такого покоя, сердился на себя, на людей, и на Бога. Нравственная неудовлетворенность собою и тѣмъ положеніемъ, какое онъ занялъ среди людей, была причиной ранней его разочарованности, его вспыльчивости и непріятнаго вызывающаго тона его рѣчи. Онъ строго относился къ задачѣ жизни, а потому изнемогая отъ этой строгости, шумилъ съ жизнью и бравурничалъ, чтобы подавить въ себѣ печальное раздумье. Его смѣхъ былъ всегда—смѣхъ желчный и насмѣшливый: въ немъ слезъ было очень мало... если не считать слезъ о собственной душевной растерянности и о тяжести единоборства съ собственной совѣстью.

Этой болѣзнью совѣсти болѣлъ и Гоголь.

Никогда никто до него не смѣялся у насъ такимъ молодымъ непринужденнымъ открытымъ смѣхомъ. Гоголь вошелъ въ жизнь бодрымъ полнымъ вѣры въ себя и въ людей; онъ жизнерадостно улавливалъ въ жизни все смѣшное и потѣшался надъ нимъ, какъ мы въ юности смѣемся надъ многимъ, и людьми, и явленіями, серьезный смыслъ которыхъ намъ пока недоступенъ. Но вмѣстѣ съ этой способностью иронизировать надъ жизнью, природа надѣлила сердце Гоголя задумчивою глубокой грустью. Это была сначала та самая молодая грусть, которой полны всѣ пѣсни Жуковскаго—грусть юноши, неопредѣленная грусть, иной разъ очень сладкая и томная. Она не мѣшала Гоголю смѣяться, и онъ смѣялся потому, что хотѣлось смѣяться, а какая изъ этого смѣха вытекала мораль—объ этомъ онъ мало заботился. Но годы шли, шли очень быстро и этотъ юный смѣхъ скоро постарѣлъ. Грусть перешла въ печальное раздумье, которое все чаще и чаще налетало на поэта, и страшный вопросъ возникъ передъ нимъ—вопросъ о ссорѣ мечты и жизни, объ идеалѣ и дѣйствительности, и о томъ, какъ долженъ онъ, поэтъ, способствовать ихъ примиренію, Гоголь не могъ спастись отъ этого вопроса въ царство видѣній и чаяній или въ горній міръ художественнаго созерцанія. Вся душа его изныла отъ этого противорѣчія, онъ попытался было оградиться отъ него все тѣмъ же смѣхомъ, но этотъ смѣхъ умолкъ, оконча-

*

тельно раздавленный печалью. Чтобы вернуть утраченный идеалъ на землю, Гоголь избралъ путь покаянія и нравственной проповѣди. Онъ не могъ остановиться на созерцаніи несовершенства міра, не могъ довольствоваться однимъ сожалѣніемъ или вздохами о немъ, онъ рѣшился на дерзкій шагъ: онъ хотѣлъ красотой обуздать зло, художника обратить въ непосредственнаго слугу морали. Онъ счелъ себя въ правѣ впутаться въ споръ по самымъ сложнымъ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ жизни, полагалъ, что можетъ рѣшать ихъ одною силой негодованія, восхищенія или умиленія передъ ними, и, конечно, въ концѣ концовъ, эта работа, покоющаяся вся на нервномъ возбужденіи, истомила писателя и сдѣлала его несчастнымъ. Не случается ли такъ и съ нами въ юные годы? Не ощущаемъ ли и мы нѣчто подобное такому несчастью и такой истомѣ въ юности, когда разные нерѣшимые или трудно рѣшимые вопросы ждутъ отъ насъ отвѣта и мы съ плеча разрубаемъ запутанные узлы съ большою поспѣшностью и неопытностью?

Разрубалъ ихъ по своему и Гоголь, и въ свое время навлекъ на себя раздраженіе тѣхъ, которые полагали—и вполнѣ основательно—что для разрѣшенія теоретическихъ и практическихъ вопросовъ жизни требуется нѣчто большее, чѣмъ искреннее желаніе добра, вѣра въ добрыя чувства ближняго и упованіе на Бога.

Теперь, когда прошло полстолѣтія со смерти поэта, излишне полемизировать съ нимъ, но было бы несправедливо не отдать должное той искренности, съ какою онъ относился ко всѣмъ обступившимъ его вопросамъ—искренности, сопровождавшейся глубокимъ душевнымъ страданіемъ. Также несправедливо было бы не видѣть въ Гоголѣ воплощеніе одного изъ наиболѣе цѣнныхъ душевныхъ движеній молодости, того, которое мы называемъ «совѣстливымъ отношеніемъ къ себѣ и къ міру», отношеніемъ строгимъ, ставящимъ жизни прежде всего вопросъ—въ чемъ правда-справедливость и какъ она должна на землѣ воплощаться?

Это совѣстливое отношеніе вмѣстѣ съ гуманною мечтой о лучшемъ и съ поэтическимъ созерцаніемъ вселенной и воплощено въ поэзіи тѣхъ четырехъ поэтовъ, которые намъ истолковали всѣ душевныя движенія нашей юности.

На фонѣ всѣхъ образовъ, созданныхъ ихъ фантазіей, выступаетъ ярко передъ нами одинъ намъ дорогой образъ—нашъ собственный портретъ, срисованный съ насъ въ далекіе, прошлые годы. Мы можемъ гордиться имъ: такъ онъ красивъ, со своей поэтичной мечтательностью, своимъ всеобъемлющимъ вдохновеннымъ взглядомъ на міръ и своимъ тревожнымъ раздумьемъ надъ нравственнымъ смысломъ жизни.

Н. Котляревскій.

Конецъ.

ПОДПРАПОРЩИКЪ ГОЛОЛОБОВЪ.

И псу живому лучше, чѣмъ мертвому льву.
Екклесіастъ, 9, 4.

I.

Молодой докторъ Владиміръ Ивановичъ Солодовниковъ вышелъ пройтись по бульвару, что дѣлалъ каждый день, если въ это время, т.-е. около семи часовъ вечера, не былъ занятъ у больныхъ. На бульварѣ онъ всегда встрѣчалъ кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, и, пройдя съ ними весь бульваръ изъ конца въ конецъ, шелъ въ клубъ читать газеты и играть на билліардѣ.

Но на этотъ разъ погода была дурная: небо съ утра затянулось сплошными сѣрыми тучами; было вѣтрено и сыро, а потому на бульварѣ не было никого, кромѣ неподвижнаго постового городового.

Пройдя до конца бульвара, Солодовниковъ повернулъ назадъ и рѣшилъ идти прямо въ клубъ.

На встрѣчу ему шелъ человѣкъ, и Владиміръ Ивановичъ узналъ въ немъ своего знакомаго, пѣхотнаго подпрапорщика Гололобова. Подпрапорщикъ шелъ, какъ всегда, щеголеватою быстрою походкой, бодро выступая лакированными сапогами, высоко поднявъ сильно подложенные ватой плечи и грудь и мужественно шагая по лужамъ.

— Здравствуйте, воинъ, — сказалъ Владиміръ Ивановичъ, поровнявшись съ подпрапорщикомъ.

Гололобовъ вѣжливо поклонился, дотронувшись пальцами до своей маленькой фуражки.

— Вы куда же это стремитесь?—спросилъ Владиміръ Ивановичъ только для того, чтобы не молчать.

— Домой,—такъ же вѣжливо отвѣтилъ подпрапорщикъ.

— А...—сказалъ Владиміръ Ивановичъ.

Подпрапорщикъ Гололобовъ стоялъ противъ него и учтиво ждалъ. Владиміръ Ивановичъ рѣшительно не зналъ, что ему сказать. Онъ зналъ подпрапорщика очень мало, встрѣчался съ нимъ

рѣдко, а когда и встрѣчался, то не говорилъ ни слова, кром „здравствуйте" и „прощайте". Несмотря на это, онъ почему-т считалъ подпрапорщика глупымъ и неразвитымъ, и въ друго время, будь на бульварѣ кто-либо другой изъ его знакомых Владиміръ Ивановичъ не обратилъ бы на подпрапорщика ни какого вниманія.

— Ну, путь добрый!—ласково-пренебрежительно, какъ гово рятъ съ людьми несравненно ниже стоящими, когда изъ чувств собственнаго достоинства не хотятъ показать имъ свое настояще къ нимъ отношеніе, сказалъ Владиміръ Ивановичъ и подал подпрапорщику руку.

Гололобовъ пожалъ протянутую ладонь, опять дотронулся д козырька своей фуражки и пошелъ дальше, все такъ же щего левато выступая лакированными сапогами.

Владиміръ Ивановичъ пошелъ въ клубъ, сыгралъ три пар тіи на билліардѣ, причемъ изъ трехъ выигранныхъ бутылок пива выпилъ больше половины; прошелъ въ библіотеку, гдѣ с одинаковымъ вниманіемъ и интересомъ прочелъ обѣ газеты, одн либеральную, другую консервативную; поболталъ съ двумя зна комыми дамами и тремя чиновниками, которыхъ считалъ глу пыми, смѣшными и отсталыми, именно потому, что они был чиновниками; потомъ закусилъ у буфета и выпилъ четыре рюмк водки. Отъ всего этого ему стало скучно и около десяти часов вечера онъ пошелъ домой.

Вѣтеръ упалъ, но зато съ неба моросилъ мелкій, холодны и частый дождь. Лужи расплылись, и уже нельзя было ихъ об ходить. Приподнявъ плечи и воротникъ, аккуратно подвернув концы брюкъ, Владиміръ Ивановичъ быстро пошелъ по бульвар и скоро повернулъ въ улицу, на которой жилъ.

Въ третьемъ домѣ отъ угла, за подъѣздомъ булочной, ярко освѣ щенное окно бросало въ темноту полосу неподвижнаго свѣта, въ ко торой мелькали капли дождя. Владиміръ Ивановичъ машинальн припомнилъ, что именно въ этомъ домѣ живетъ встрѣтившійс ему сегодня подпрапорщикъ Гололобовъ.

Поравнявшись съ окномъ, Владиміръ Ивановичъ заглянулъ в него и увидѣлъ самого подпрапорщика, который совершенно не подвижно сидѣлъ прямо противъ окна, опустивъ голову. Влади міру Ивановичу отъ скуки и отъ того, что такъ недавно онъ видѣлся и даже говорилъ съ подпрапорщикомъ, пришла фантазія попугать его, и онъ стукнулъ въ окно концомъ своей палки.

Подпрапорщикъ Гололобовъ быстро поднялъ голову. Лампа освѣщала его прямо въ лицо и очень ярко. Владиміръ Ива новичъ только теперь какъ слѣдуетъ разсмотрѣлъ его. Оче видно, подпрапорщикъ былъ еще очень молодъ, почти мальчикъ

ни усовъ, ни бороды у него не было. Одутловатое книзу, сплошь покрытое угрями, его лицо, съ маленькими свѣтлыми глазами, съ желтыми бровями, бѣлыми рѣсницами и коротко остриженными сѣрыми волосами, было совсѣмъ безцвѣтное и какое-то незначительное.

Гололобовъ увидалъ Владиміра Ивановича, узналъ его и всталъ. Владиміръ Ивановичъ, довольный тѣмъ, что, какъ ему показалось, испугалъ подпрапорщика, хотѣлъ кивнуть ему головой, улыбнуться и уйти, но Гололобовъ вдругъ самъ кивнулъ головой, любезно улыбнулся и быстро ушелъ вглубь комнаты, какъ будто къ двери.

«Что онъ... позвать меня къ себѣ хочетъ, что ли?...» съ недоумѣніемъ подумалъ Владиміръ Ивановичъ и замялся на мѣстѣ, не зная, идти ли ему дальше, или подождать.

Съ подъѣзда булочной послышался стукъ отворяемой двери, и изъ ея чернаго четыреугольника голосъ Гололобова сказалъ:

— Это вы, докторъ?

Владиміръ Ивановичъ, все еще не зная, что ему дѣлать, нерѣшительно подошелъ къ двери. Гололобовъ къ темнотѣ пожалъ ему руку и отступилъ внутрь сѣней, давая дорогу. Владиміръ Ивановичъ послѣдовалъ за нимъ.

— Прямо, прямо, докторъ, — сказалъ Гололобовъ въ темнотѣ, и слышно было, какъ онъ запиралъ выходную дверь на засовъ.

«Вотъ тебѣ и разъ! Нежданно-негаданно попалъ въ гости!» — весело подумалъ Владиміръ Ивановичъ, путаясь въ потьмахъ, среди какихъ-то кадушекъ и ларей.

Въ сѣняхъ крѣпко пахло печенымъ хлѣбомъ и кислыми дрожжами, и воздухъ былъ теплый, парной.

Подпрапорщикъ прошелъ впередъ и отворилъ дверь въ освѣщенную комнату. Владиміръ Ивановичъ, улыбаясь неожиданному приключенію, перешагнулъ порогъ.

Оказалось, что подпрапорщикъ Гололобовъ занимаетъ всего одну, небольшую и мало обставленную неуклюжей старой мебелью комнату.

Владиміръ Ивановичъ снялъ пальто, повѣсилъ его на вѣшалку, которую изображалъ рядъ гвоздей, аккуратно вбитыхъ въ стѣну поверхъ газетнаго листа, снялъ галоши, фуражку и поставилъ палку въ уголъ.

— Садитесь, пожалуйста,—указывая на стулъ, предложилъ ему Гололобовъ.

Владиміръ Ивановичъ сѣлъ и оглядѣлся.

Въ комнатѣ горѣла очень плохая лампа, и оттого въ ней было темно и сумрачно. Кромѣ стола, аккуратно прибранной,

кровати и шести стульевъ, разставленныхъ по стѣнамъ безъ всякой симетріи, Владиміру Ивановичу бросился въ глаза уголъ, увѣшанный множествомъ большихъ и маленькихъ старинныхъ, темныхъ образовъ въ мѣдныхъ ризахъ, и передъ ними зеленая лампадка, съ подвѣшеннымъ къ ней пасхальнымъ, раскрашеннымъ яйцомъ.

«Вишь ты, богомольный какой!»—подумалъ Владиміръ Ивановичъ и почувствовалъ презрѣніе къ подпрапорщику. Ему почему-то казалось некрасиво-несовмѣстимою богомольность, лампадка и особенно сентиментальное пасхальное яйцо съ подпрапорщицкимъ званіемъ и молодостью.

На чистенько застланномъ скатертью столѣ стоялъ потухшій самоваръ, лежали чайныя ложечки, щипчики для сахара, стояла вазочка съ вареньемъ. Кровать была покрыта свѣтлымъ одѣяломъ, а подушки бѣлою накидкой съ прошивками. Все было удивительно чисто и аккуратно, но комната оттого казалась только еще болѣе холодною и неуютною.

— Хотите чаю? — спросилъ подпрапорщикъ.

Владиміръ Ивановичъ вовсе не хотѣлъ чаю и чуть было не отказался, но подумалъ, что тогда уже окончательно нечего будетъ дѣлать, и согласился.

— Пожалуй.

Гололобовъ старательно вымылъ и вытеръ стаканъ и блюдечко и налилъ чаю.

— Извините, пожалуйста, что чай не крѣпкій,—сказалъ онъ, подвигая къ Владиміру Ивановичу вазочку съ вареньемъ.

— Ничего, — возразилъ Владиміръ Ивановичъ думая:—„на кой чортъ онъ меня къ себѣ зазвалъ?“

Подпрапорщикъ сидѣлъ у стола, поджавъ ноги подъ стулъ, и машинально размѣшивалъ ложечкой чай въ своемъ стаканѣ. Владиміръ Ивановичъ тоже помѣшивалъ свой чай, и оба молчали.

И тутъ только Владиміръ Ивановичъ испуганно догадался, что вышло недоразумѣніе: его стукъ въ окно подпрапорщикъ Гололобовъ, очевидно, принялъ за желаніе войти, и теперь самъ недоумѣвалъ. Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ себя очень неловко и покраснѣлъ. Положеніе казалось ему глупымъ и по его винѣ, а Владимріъ Ивановичъ, какъ всѣ здоровые и самодовольные люди, терпѣть не могъ видѣть себя въ глупомъ положеніи.

— Погода скверная,—невольно краснѣя своему началу, проговорилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Да, погода теперь, дѣйствительно, очень дурная,—поспѣшно согласился Гололобовъ и замолчалъ.

„Какъ онъ странно... подробно какъ-то говоритъ!"—подумалъ Владимiръ Ивановичъ.

Неловкость его быстро прошла, потому что онъ, какъ всякій докторъ, привыкъ говорить съ различными, часто совершенно ему незнакомыми людьми. Кромѣ того, онъ, какъ и чиновниковъ, всѣхъ военныхъ считалъ глупыми и не находилъ нужнымъ стѣсняться съ ними.

— О чемъ вы тутъ мечтали?—опять впадая въ привычный снисходительно-презрительный тонъ, заговорилъ онъ.

Владимiръ Ивановичъ былъ увѣренъ, что хозяинъ такъ же вѣжливо и черезчуръ подробно отвѣтитъ:

— Я тутъ ни о чемъ не мечталъ...

Но вмѣсто того подпрапорщикъ Гололобовъ, не подымая головы, отвѣтилъ:

— Я думалъ о смерти.

Владимiръ Ивановичъ чуть не прыснулъ со смѣху, до того несовмѣстимой съ бѣлобрысою физiономiей подпрапорщика показалась ему такая глубокая и значительная мысль. Онъ удивился и засмѣялся.

— Во-отъ какъ! Что-же это вамъ пришли въ голову такiя мрачныя мысли?

— Каждый человѣкъ обязанъ думать о своей смерти.

— И каяться въ своихъ прегрѣшенiяхъ вольныхъ и невольныхъ! — пошутилъ Владимiръ Ивановичъ.

— Нѣтъ. Просто думать о своей смерти,—совершенно спокойно и вѣжливо отвѣтилъ Гололобовъ.

— Почему такъ ужъ обязанъ?—кладя локоть на столъ и закладывая ногу на ногу, насмѣшливо спросилъ Владимiръ Ивановичъ, каждую минуту съ удовольствiемъ ожидая, что подпрапорщикъ „сморозитъ" какую-нибудь глупость, что казалось ему обязательнымъ для подпрапорщика.

— Потому что каждый человѣкъ долженъ умереть,—отвѣтилъ тѣмъ же тономъ Гололобовъ.

— Да... ну, это еще недостаточная причина! — возразилъ Владимiръ Ивановичъ и подумалъ: „онъ, должно быть, не русскiй, потому что ужъ очень правильно выражается..."

И ему вдрудъ почему-то стало непрiятно сидѣть здѣсь, противъ безцвѣтнаго вѣжливаго подпрапорщика, и захотѣлось уйти.

— А я думаю, что причина эта—совершенно достаточна,—сказалъ Гололобовъ.

— Не будемъ спорить!—насмѣшливо согласился Владимiръ Ивановичъ, и ему стало непрiятно еще и то, что считающiйся имъ за глупаго и ограниченнаго человѣка подпрапорщикъ Голо-

лобовъ думалъ и говорилъ о такой серьезной, глубокой и страш ной вещи, какъ смерть.

— Спорить не надо, а надо готовиться, — сказалъ Голо любовъ.

— Что? — высоко поднялъ брови Владиміръ Ивановичъ разсмѣялся, потому что эта послѣдняя фраза подпрапорщик показалось ему именно тою глупостью, которую онъ отъ нег ожидалъ.

— Да на кой же чортъ вамъ о ней думать? — уже оконча тельно небрежно и готовясь встать возразилъ Владиміръ Ива новичъ.

Гололобовъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на него и, какъ б удивляясь, сказалъ:

— Но вѣдь я уже говорилъ, что каждый человѣкъ обязан думать о своей смерти.

«Да онъ идіотъ, что ли?» — съ внезапнымъ раздраженіем подумалъ Владиміръ Ивановичъ.

— Это почему же? — спросилъ онъ почти сквозь зубы.

— Я уже и на этотъ вопросъ отвѣтилъ вамъ, — замѣтил подпрапорщикъ.

— Чортъ знаетъ, что вы мнѣ отвѣтили! — съ грубостью са моувѣреннаго человѣка, котораго раздражаетъ непривычное со противленіе, и самъ удивляясь своей грубости, возразилъ Вла диміръ Ивановичъ. — Будто оттого, что я каждый день непр мѣнно долженъ пить и ѣсть, и спать, или оттого, что я непр мѣнно состарѣюсь въ свое время и пріобрѣту морщины, лысин и прочее, такъ я и долженъ постоянно думать объ ѣдѣ, спанѣ лысинѣ и тому подобныхъ глупостяхъ!

— Нѣтъ, — медленно и грустно покачалъ головой подпрапор щикъ. — Вы сами сказали, что все это глупости, а о глупостях думать не надо. Но смерть не глупость.

— Да мало ли о чемъ мы и очень умномъ никогда не ду маемъ... Да и что такое смерть? Придетъ смерть — помирать бу демъ. Я, напримѣръ, отношусь къ этой непріятности совершен но равнодушно.

— Этого не можетъ быть, — качнулъ головой Гололобовъ. — Никто не можетъ относиться равнодушно къ такой ужасной вещи какъ смерть,

— А вотъ я отношусь! — пожалъ плечами Владиміръ Ива новичъ.

— Это означаетъ только то, что вы еще не сознаете сво его положенія.

„Ишь, ты! Скажите! Ахъ, ты, болванъ гололобый!“ — густ краснѣя, подумалъ Владиміръ Ивановичъ.

Хотя онъ зналъ, что, каждый человѣкъ считаетъ себя если не умнѣе, то не глупѣе другихъ, но здоровая самоувѣренность его была такъ велика, что, говоря съ человѣкомъ глупѣе себя, а таковыми считалъ онъ всѣхъ, съ кѣмъ говорилъ и даже съ кѣмъ не говорилъ, онъ безсознательно воображалъ, что всякій сознаетъ его умственное превосходство надъ собою. И теперь, когда изъ словъ и тона Гололобова онъ понялъ, что тотъ не только не признаетъ его превосходства, но даже, напротивъ, убѣжденъ въ своемъ, Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ что-то близкое къ оскорбленію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ явилось жгучее и досадное желаніе во что бы то ни стало доказать, что онъ—неизмѣримо выше, а подпрапорщикъ прямо дуракъ. Въ эту минуту онъ безсознательно ненавидѣлъ подпрапощика.

— Почему же я не сознаю? Это интересно,—криво усмѣхнулся онъ, силясь выразить на своемъ лицѣ крайнюю степень презрѣнія, на какую только былъ способенъ.

Но подпрапорщикъ не подымалъ головы и не видѣлъ этого выраженія.

— Почему? Я не знаю,—тихо отвѣтилъ онъ, какъ бы даже извинясь за то, что не можетъ удовлетворить законнаго желанія собесѣдника.

— А вы сознаете?—еще болѣе краснѣя, спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Да.

— Это инте-ре-сно...

— Положеніе каждаго человѣка есть положеніе приговореннаго къ смертной казни.

Владиміръ Ивановичъ вполнѣ искренно подумалъ, что подпрапорщикъ высказалъ избитую, давно извѣстную ему, Владиміру Ивановичу, мысль. И отъ этого онъ сразу успокоился и опять почувствовалъ себя неизмѣримо выше подпрапорщика, за новость считающаго то, что ему кажется азбукой.

— Стара штука!—сказалъ онъ и, вынувъ портсигаръ, хотѣлъ закурить и уйти.

— Отъ этого она не перестаетъ быть правдой. Избитыя мысли почти всегда бываютъ самыми правдивыми мыслями,—спокойно возразилъ подпрапорщикъ Гололобовъ и подвинулъ Владиміру Ивановичу спички.

— Что?—переспросилъ Владиміръ Ивановичъ, потому что не могъ сразу уяснить себѣ: умное или глупое сказалъ подпрапорщикъ.

— Я не знаю, почему я обязанъ говорить только новыя, неизбитыя вещи,—поднявъ глаза, сказалъ подпрапорщикъ Гололобовъ. — Я думаю, что я долженъ говорить только правдивыя мысли...

— Гм... да... — сказалъ Владиміръ Ивановичъ, невольно думая о томъ, можно ли въ данномъ случаѣ сказать „правдивыя" мысли.

— Конечно, это такъ, — согласился онъ, не рѣшивъ своего вопроса.—Но къ этому уже давно пора привыкнуть,—докончилъ онъ, неувѣренно чувствуя, что говоритъ не то, что надо, и сердясь за это не на себя, а на подпрапорщика.

— Я думаю, что это плохое утѣшеніе для всякаго приговореннаго къ смертной казни. И навѣрное онъ ни о чемъ не думаетъ, кромѣ какъ о казни.

И съ страннымъ для его неподвижнаго лица выраженіемъ интереса Гололобовъ прибавилъ:

— А вы развѣ думаете, что это не такъ?

Это выраженіе интереса польстило Владиміру Ивановичу. Онъ подумалъ, выпустилъ дымъ изо рта и, закинувъ голову, сказалъ:

— Нѣтъ, я думаю, что это такъ, конечно. Но вѣдь смертная казнь, во-первыхъ, насиліе... грубое и противоестественное, а во-вторыхъ, стоитъ ближе къ человѣку...

— Нѣтъ, и смерть—неестественное явленіе и насиліе,—сейчасъ же, какъ будто онъ только что обдумывалъ этотъ вопросъ, возразилъ подпрапорщикъ.

— Ну, это только красивая фраза и больше ничего!—добродушно-насмѣшливо воскликнулъ Владимріъ Ивановичъ.

— Нѣтъ. Я не хочу умирать, но умру. Во мнѣ есть желаніе жить и весь я приспособленъ къ жизни, а все-таки я умру. Это и насиліе, и противуестественно. Это было бы красивою фразой, если бы въ дѣйствительности было не такъ... Но оно такъ, а потому это уже не фраза, а фактъ.

Гололобовъ выговорилъ это серьезно и медленно.

— Но это законъ природы! — пожалъ плечами Владиміръ Ивановичъ и почувствовалъ, что у него начинаетъ болѣть голова, и что воздухъ въ комнатѣ очень тяжелъ.

— И смертная казнь есть законъ. А отъ кого исходитъ этотъ законъ—все равно... отъ природы или иной власти. И тѣмъ тяжелѣе, что со всякою иною властью бороться можно, а съ природой и бороться нельзя.

— Ну, да,—съ досадой согласился Владиміръ Ивановичъ.— Но часъ смерти намъ неизвѣстенъ!

— Это правда,—согласился Гололобовъ.—Но зато осужденный на казнь до самой послѣдней минуты, вѣроятно, надѣется на прощеніе, на случай, на чудо. Но никто не надѣется жить вѣчно.

— Но зато всѣ надѣятся жить *долго*.

— На это нельзя надѣяться. И не долго, потому что жизнь человѣка очень маленькая, а любовь къ жизни у человѣка очень велика.

— У всякаго ли?—съ усмѣшкой спросилъ Владиміръ Ивановичъ, и ему самому было странно, что онъ усмѣхается, когда нѣтъ ничего смѣшного.

— У всякаго. У однихъ сознательно, у другихъ безсознательно. Жизнь человѣка это онъ самъ, а себя самого всякій человѣкъ любитъ больше всего и всегда.

— Ну, такъ что-жъ изъ этого?..

— Я не понимаю васъ,—сказалъ Гололобовъ.—О чемъ вы меня спрашиваете?

Владиміръ Ивановичъ вдругъ почувствовалъ, что отъ этого неожиданнаго вопроса подпрапорщика онъ забылъ, что хотѣлъ сказать. Нѣсколько времени онъ тупо и покраснѣвъ смотрѣлъ на подпрапорщика и мучительно старался поймать ускользнувшую мысль; но вмѣсто того онъ подумалъ, что Гололобовъ, должно быть, считаетъ его дуракомъ и издѣвается надъ нимъ. Эта мысль была для него положительно ужасна. Онъ сначала поблѣднѣлъ, а потомъ побагровѣлъ, такъ что даже его толстая и чистая шея налилась кровью. А потомъ мысль эта нашла исходъ въ грубомъ и зломъ взрывѣ: ему неудержимо захотѣлось крикнуть подпрапорщику что-нибудь грубое, отчаянно оскорбительное... нагнуться къ самому его тусклому, прыщеватому лицу и крикнуть.

— Ну, да, къ чему вы всю эту чушь нагородили?—визгливо почти крикнулъ онъ, мучительно сдерживаясь, чтобы не сказать еще большей грубости.

Гололобовъ быстро всталъ, вытянувшись во фронтъ, но прежде чѣмъ Владиміръ Ивановичъ успѣлъ что-либо подумать, опять сѣлъ и сказалъ довольно тихо, но отчетливо:

— Къ тому, что таковы мои чувства и убѣжденія, и я намѣренъ лишить себя жизни.

Владиміръ Ивановичъ широко раскрылъ глаза, пошевелилъ губами и уставился на подпрапорщика. Подпрапорщикъ сидѣлъ передъ нимъ попрежнему неподвижно и въ прежней позѣ, помѣшивая ложечкой въ стаканѣ. Владиміръ Ивановичъ смотрѣлъ на него и чѣмъ больше смотрѣлъ, тѣмъ въ головѣ его что-то становилось все яснѣе и яснѣе. Какая-то мысль вертѣлась у него въ мозгу. Онъ сдѣлалъ усиліе, и вдругъ все стало ясно. И, не довѣряя себѣ и почти еще считая свою мысль невѣроятною, Владиміръ Ивановичъ спросилъ:

— А скажите, Гололобовъ, вы, часомъ, не сумасшедшій?

Гололобовъ потупилъ глаза и пошевелилъ своими узкими вздернутыми плечами.

— Я самъ такъ думалъ сначала.

— А теперь?

— А теперь думаю, что я вовсе не сумасшедшій, и что въ томъ намѣреніи лишить себя жизни, которое я имѣю, нѣтъ ничего абсурднаго.

— По вашему самоубійство безъ всякаго повода...

— У меня есть поводъ,—перебилъ его Гололобовъ.

— Какой?—съ любопытствомъ спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Я уже сказалъ вамъ,—удивленно отвѣтилъ подпрапорщикъ.

Онъ помолчалъ, а потомъ заговорилъ вѣжливо, но, видимо, съ усиліемъ:

— Я сказалъ, что жизнь человѣка нахожу жизнью приговореннаго къ смертной казни. И не желая и не будучи даже въ силахъ дожидаться... я хочу самъ...

— Никакого смысла, — сбивчиво возразилъ Владиміръ Ивановичъ,—совершить насиліе... ради... избавленія отъ насилія...

— Не ради избавленія,—избавиться нельзя, а ради прекращенія жизни приговореннаго къ смерти... Лучше ужъ скорѣе.

Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ, какъ что-то холодное и непріятное пробѣжало у него по спинѣ и отозвалось въ колѣняхъ,

— Не все ли равно!—сказалъ онъ.

Гололобовъ молчалъ.

— Послушайте,—заговорилъ Владиміръ Ивановичъ (ему казалось, что очень нетрудно разубѣдить подпрапорщика въ справедливости его странныхъ убѣжденій),—развѣ вы не понимаете, что это будетъ насиліемъ надъ самимъ собою...

— Нѣтъ, это будетъ насиліемъ моего духа надъ природой... это прежде всего... а потомъ—да...

— Но развѣ вашъ духъ не то же созданіе природы, что и ваше тѣло, и...

Вдругъ Гололобовъ улыбнулся. Въ первый разъ Владиміръ Ивановичъ видѣлъ его улыбающимся, и улыбка эта его поразила: большой ротъ подпрапорщика растянулся чуть не до ушей, глазки съузились, и все лицо его расплылось въ безсмысленную гримасу добродушнаго пьянаго.

— Я это очень хорошо знаю,—отвѣтилъ онъ:—и то и другое—созданія природы, но не одинаково важныя для меня. Духъ мой есть именно я, а тѣло—только случайное помѣщеніе, не больше.

— Но если ударитъ кто по вашему тѣлу, вамъ будетъ больно?

— Да.

— Значитъ...

— Если бы тѣло мое было именно я, то я бы остался жить,—перебилъ его Гололобовъ.—Смерть не была бы тогда приговоромъ

ъ казни: вѣдь и послѣ смерти моей тѣло останется. Тѣло есть вѣчно.

Владимiръ Ивановичъ не могъ не улыбнуться.

— Самый оригинальный парадоксъ, который я когда-либо слышалъ.

— Нѣтъ, въ немъ ничего нѣтъ ни оригинальнаго ни парадоксальнаго. Это—фактъ: тѣло есть вѣчно. Я умру, тѣло распадется на атомы, атомы сложатся въ какую-нибудь иную форму, но сами не измѣнятся, и ни одинъ не исчезнетъ. Сколько было въ мiрѣ атомовъ, когда было мое тѣло, столько ихъ будетъ и тогда, когда я умру. Можно даже допустить, что комбинацiя когда-нибудь повторится, и будетъ та же форма. Это пустяки... Духъ умретъ.

Владимiръ Ивановичъ развелъ руками. Онъ уже не считалъ подпрапорщика сумасшедшимъ и вообще не могъ отдать себѣ отчета, имѣетъ ли даже смыслъ то, что онъ, подпрапорщикъ, говоритъ, но въ душѣ у него было тяжело, и какой-то грозный внутреннiй, еще непонятный смыслъ всего того, что съ нимъ случилось, шевелился во всемъ: и въ словахъ подпрапорщика, и въ тяжеломъ свѣтѣ лампы, и въ немъ самомъ, и въ безтолковой пустой комнатѣ.

— А, можетъ, и нѣтъ,—все таки возразилъ онъ:—развѣ вы знаете, что загробной жизни нѣтъ?

— Я этого не могу знать,—отвѣтилъ Гололобовъ и качнулъ головой.—Но это все равно.

— Какъ все равно?

— Все равно: если нѣтъ, то духъ мой исчезнетъ, а если есть, какая бы то ни было, то все-таки *мой* духъ исчезнетъ,—ударяя на словѣ „мой", потвердилъ подпрапорщикъ.—*Я* исчезну. Будетъ ли потомъ духъ мой святымъ въ раю или грѣшникомъ въ въ аду или переселится въ другое существо,—я, именно *я*, мои пороки, привычки, смѣшныя и прекрасныя особенности, мои сомнѣнiя, мой умъ, моя глупость, мой опытъ и мое незнанiе, все то, что было именно подпрапорщикомъ пѣхотнаго полка, человѣкомъ Гололобовымъ, все исчезнетъ. Будетъ что угодно, но не Гололобовъ.

Владимiръ Ивановичъ чувствовалъ себя и физически скверно: ноги дрожали, и голова болѣла, и ему было грустно, досадно, тяжело, страшно и пусто.

„Ну его къ чорту!" подумалъ онъ. „Это сумасшедшiй, съ нимъ и самъ съ ума спятишь!"

— Прощайте!—отрывисто сказалъ онъ и всталъ, точно его толкнулъ кто.

Гололобовъ тоже всталъ и попрежнему вѣжливо отвѣтилъ:

— Прощайте.

Владимiръ Ивановичъ надѣлъ пальто, шляпу, калоши, взялъ палку и, не глядя на подпрапорщика, подалъ ему руку.

Они вышли вмѣстѣ въ темныя сѣни, гдѣ все такъ же и еще сильнѣе пахло теплымъ хлѣбомъ и дрожжами, и Гололобовъ отворилъ дверь на улицу.

— Прощайте,—еще разъ сказалъ Владиміръ Ивановичъ.

Подпрапорщикъ изъ темныхъ сѣней отвѣтилъ:

— Прощайте.

Владиміръ Ивановичъ, осторожно ощупывая палкой, грузно спустился съ крыльца.

— Смотрите, не вздумайте и вправду того... отъ скуки!—весело, какъ ему казалось, но на самомъ дѣлѣ вовсе не весело, сказалъ Владиміръ Ивановичъ.

— Я сказалъ, что таковы мои убѣжденія...

— Глупости! Прощайте!—почти со злобой закричалъ Владиміръ Ивановичъ и чуть не бѣгомъ пустился отъ крыльца.

II.

Владиміръ Ивановичъ слышалъ, какъ стукнула дверь, и поспѣшно зашагалъ по улицѣ. Дождь усилился и вѣтеръ тоже. Но Владиміру Ивановичу это было пріятно, и онъ даже сдвинулъ фуражку на затылокъ. Лобъ у него былъ тяжелый и потный.

Разъ онъ оглянулся и уже далеко назади увидѣлъ красноватую точку освѣщеннаго окна, неподвижно стоявшую въ темной мглѣ ночного дождя.

— Чортъ знаетъ, что такое!—недоумѣло повторялъ самъ себѣ Владиміръ Ивановичъ, звучно шлепая по лужамъ и чувствуя, что правый ботинокъ весь въ водѣ.

Владиміръ Ивановичъ самъ не могъ понять, серьезно ли было то, что было, или это была глупость неизвѣстно даже съ чьей стороны. Но все-таки ему почему-то уже не казалось, что если— глупость, то непремѣнно со стороны подпрапорщика. Весь разговоръ представлялся ему тяжелымъ бредомъ и даже не бредомъ, а просто чѣмъ-то въ родѣ ядовитаго, тяжелаго запаха.

Владиміръ Ивановичъ шелъ, глядя себѣ подъ ноги и стараясь успокоиться и прогнать какое-то скверное, сосущее чувство, засѣвшее гдѣ-то въ самой глубинѣ его души.

— Чего я, собственно, такъ огорчился?—съ ироніей спрашивалъ онъ самъ себя, но отъ этого вопроса тяжелое чувство не утихало, но даже усилилось до болѣзненной тоски.

„А что какъ онъ и вправду застрѣлится!“—вдругъ пришло ему въ голову.

И въ первый разъ съ осязательною ясностью Владиміръ Ивановичъ понялъ, что все это были не теоретическія безвредныя раз-

сужденія, а нѣчто неразумно-ужасное, мрачное и давящее живую душу,—душу человѣка, который сейчасъ еще живъ, а черезъ минуту, быть можетъ, исчезнетъ. Впечатлѣніе было такъ сильно, что Владиміръ Ивановичъ даже остановился, какъ вкопанный. Дождь шумѣлъ непрестанно и медленно. Владиміръ Ивановичъ разомъ повернулся всѣмъ тѣломъ и побѣжалъ назадъ, не обращая вниманія на лужи, скользя и сбиваясь въ жидкую грязь. Запыхавшись, весь въ поту, съ фуражкой, сдвинувшейся на затылокъ, онъ добѣжалъ до квартиры Гололобова и остановился, какъ давеча, передъ освѣщеннымъ окномъ. Сначала ему показалось, что онъ видитъ лицо подпрапорщика, но то былъ освѣщенный бокъ самовара. Лампа попрежнему горѣла на томъ же мѣстѣ, и виденъ былъ стаканъ съ недопитымъ чаемъ и блестящею ложечкой. Но самого подпрапорщика не было. Владиміръ Ивановичъ въ нерѣшительности медлилъ передъ окномъ. Ему чудилось, что тамъ въ комнатѣ стоитъ страшная тишина и неподвижность, а посреди комнаты лежитъ убитый подпрапорщикъ. Владиміръ Ивановичъ удивительно живо представилъ себѣ его фигуру, раскинувшуюся на полу, съ блѣднымъ лицомъ, неподвижными глазами, струйкой крови на вискѣ и на полу, съ револьверомъ, зажатымъ въ омертвѣвшихъ пальцахъ. Владиміру Ивановичу показалось даже, что надъ столомъ, заволакивая лампу, плыветъ и колыхается дымъ; но въ это время на пристально напряженные глаза его набѣжали слезы, а когда онъ сморгнулъ ихъ, дыма уже не было. Владиміръ Ивановичъ простоялъ такъ минутъ пять, не сводя глазъ съ окна и чувствуя, что надо, и какъ можно скорѣе, сдѣлать что-то важное, неизмѣримо важное, и это его мучило. Но что, онъ не зналъ.

— Это, наконецъ, сумасшествіе!—пожалъ плечами, растерянно улыбаясь Владиміръ Ивановичъ, и ему стало ужасно стыдно, чтобы кто-нибудь, а главное самъ Гололобовъ, не увидѣлъ его передъ окномъ.

„Подпрапорщикъ спитъ навѣрное, а я торчу тутъ, какъ дуракъ!“ со злобой подумалъ онъ. „Да и чего я испугался? Всѣ мальчишки собираются застрѣлиться и всѣ, слава Богу, живы остаются! Чортъ бы его побралъ!..“

Владиміръ Ивановичъ рѣшительно повернулся, возмущенно поднялъ воротъ пальто, надвинулъ шляпу и пошелъ обратно; не оборачиваясь, онъ свернулъ въ переулокъ и вошелъ въ свой дворъ. Въ большомъ домѣ у хозяевъ слабо свѣтился огонекъ синей лампадки, а въ окнахъ его флигеля было темно. И эти темныя окна показались ему какими-то жуткими. И только сейчасъ, въ первый разъ, онъ обратилъ вниманіе на свой флигелекъ: это былъ старый, облупившійся домъ, весь задвинутый въ темную непо-

движную массу деревьевъ садъ. Среди этихъ огромныхъ молчаливыхъ деревьевъ домъ казался маленькимъ, таинственнымъ, и Владиміру Ивановичу вдругъ стало страшно, что онъ живетъ и сегодня будетъ спать ночью въ такомъ домѣ.

— Ну, это ужъ совсѣмъ глупо!—съ полнымъ негодованіемъ, чуть не вслухъ, сказалъ себѣ Владиміръ Ивановичъ.

— До чего можетъ довести себя человѣкъ!

Онъ рѣшительнымъ шагомъ взошелъ на крыльцо, заскрипѣвшее подъ ногами, и постучалъ въ дверь одинъ разъ и другой. За дверью царствовало молчаніе, и тишина нарушалась только медленнымъ непрестаннымъ шорохомъ дождя и журчаніемъ воды, лившейся гдѣ то съ крыши въ бочку. Владимиръ Ивановичъ постучалъ еще и еще изо всей силы и почти обрадовался, услышавъ за дверью шаги своего Пашки и его сонный голосъ:

— Кто тамъ?

— Я,—отвѣчалъ онъ громко и какъ будто отъ звука его голоса все пробудилось и исчезъ оттѣнокъ таинственности, дѣлавшій все такимъ страшнымъ. Шопотъ дождя сталъ обыкновеннымъ шумомъ; вода бойко и даже весело зажурчала въ бочкѣ; въ окнахъ мелькнулъ свѣтъ и разсѣялъ тяжелую тьму, а садъ точно отступилъ назадъ, и Владиміръ Ивановичъ ясно увидѣлъ обыкновенныя добродушныя деревья, покачивающіяся отъ вѣтра,

Владиміръ Ивановичъ пошутилъ о чемъ-то съ Пашкой, приказалъ завтра разбудить себя пораньше, весело раздѣлся и легъ на кровать.

Пашка, зѣвая во весь ротъ, забралъ его сапоги и ушелъ.

Но когда Пашка ушелъ, и Владиміръ Ивановичъ остался одинъ, онъ тотчасъ же почувствовалъ, что то гнетущее, тоскливое чувство, которое возбудилъ въ немъ разговоръ съ Гололобовымъ, не прошло, что оно тутъ, въ немъ и сейчасъ выйдетъ наружу, и опять будетъ страшно и грустно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Владиміръ Ивановичъ чувствовалъ, что онъ не можетъ ничѣмъ помѣшать этому, и заметался въ тоскѣ. Онъ подкрутилъ повыше огонь лампы, хотѣлъ читать, не могъ, бросилъ книгу, потушилъ лампу и закурилъ папиросу. Красный огонекъ папиросы тихо тлѣлъ въ его рукахъ и, по временамъ вспыхивая, освѣщалъ часть стѣны, узоръ обоевъ, пальцы и одѣяло, и усы Владиміра Ивановича.

„А все-таки этотъ подпрапорщикъ удивительно странный человѣкъ,“—думалъ Владиміръ Ивановичъ, и ему было немного непріятно, что нашелся въ одномъ съ нимъ городѣ, такъ близко отъ него, человѣкъ чѣмъ бы то ни было удивительный, и этотъ человѣкъ не онъ, Владиміръ Ивановичъ Солодовниковъ.

„И какъ это я его раньше не замѣчалъ? Чего онъ дурачкомъ прикидывался?“ подумалъ Владиміръ Ивановичъ и сейчасъ

же поймалъ себя на дурномъ чувствѣ. „И неправда, вовсе нотъ не прикидывался, а просто я не могъ его замѣтить... Почему? Неужели же я такъ... глупъ или... что не могъ его понять? Этого не можетъ быть!"—усмѣхнулся Владиміръ Ивановичъ, самъ не зная почему именно, не можетъ быть.

„Слишкомъ я, просто, былъ занятъ самимъ собой,"—поежился Владиміръ Ивановичъ.—„А отчего? Оттого, что пріучили къ этому окружающіе идіоты: никакъ не ожидалъ, что между ними можетъ найтись... А можетъ и не потому? Почему же я такъ былъ занятъ собой? Вотъ хоть тому же подпрапорщику пришли въ голову такія мысли... конечно, незрѣлыя,"—съ удовольствіемъ подумалъ Владиміръ Ивановичъ,—„но важныя, а мнѣ не приходили? Чѣмъ же я былъ такъ занятъ въ себѣ? Не наружностью же... И почему же тогда я воображалъ, что я выше всѣхъ? Всякій человѣкъ, положимъ, это воображаетъ. И я, значитъ, такой же человѣкъ, какъ и всѣ? Ну, конечно же! Глупости какія лѣзутъ въ голову..."

Папироса уже догорала. Владиміръ Ивановичъ пыхнулъ въ послѣдній разъ и отшвырнулъ окурокъ на середину комнаты. Красная точка, описавъ въ темнотѣ полукругъ, упала, разсыпалась искорками и покатилась, а потомъ осталась лежать неподвижно въ темнотѣ. Изъ оранжевой она сдѣлалась красною, потомъ незамѣтно стала дѣлаться все меньше и меньше. Владиміръ Ивановичъ лежалъ неподвижно и смотрѣлъ на огонекъ.

„И почему это я никогда не думалъ о томъ? Т.-е. я думалъ, но какъ-то незамѣтно. А вѣдь это, и вправду, ужасно: вотъ живемъ мы всѣ, живемъ, а потомъ умремъ. Такъ зачѣмъ же тогда, не говорю ужъ наши заботы, огорченія и радости, а даже наши идеалы... Вотъ Базаровъ говорилъ, что лопухъ выраститъ, а въ сущности и еще того хуже: и этого неизвѣстно. Можетъ, и лопухъ не выраститъ, а просто ничего не будетъ. Завтра помрутъ всѣ, кто меня зналъ, бумаги мои, сданныя въ архивъ, съѣдятъ крысы или ихъ сожгутъ, и все будетъ кончено. Никто и не вспомнитъ обо мнѣ. Сколько милліоновъ людей существовало до меня, а гдѣ они? Я вотъ хожу по пыли, а эта пыль вся пропитана остатками тѣхъ людей, которые такъ же были самоувѣренны, какъ и я, и думали, что это очень важно, что они живутъ!"

Огонекъ папиросы вдругъ исчезъ. Владиміръ Ивановичъ моргнулъ глазами, но огонекъ исчезъ окончательно.

„Вотъ огонекъ... горѣлъ и нѣтъ его! Пепелъ остался; можетъ быть, можно опять зажечь, но это ужъ будетъ не то... Того, что горѣлъ, того ужъ не будетъ!.. Меня не будетъ".

*

И чувствуя какой-то непріятный ознобъ въ ногахъ и спинѣ, Владиміръ Ивановичъ подумалъ:

„Доктора Солодовникова... нѣтъ, не такъ... доктора Владиміра Ивановича Солодовникова уже никогда не будетъ...“

Онъ повторилъ эти слова нѣсколько разъ съ ужасомъ и упорствомъ отчаянія. Сердце билось неровно и быстро, въ груди было невыносимо тяжело, и на лбу явственно выступилъ потъ.

„Меня-то ужъ не будетъ! Неужели же... Ну, конечно! Все будетъ: и деревья, и люди, и чувства,—много пріятныхъ чувствъ, любовь и все такое,—а меня не будетъ. Я даже смотрѣть на это не буду. Не буду даже знать, есть ли это все или нѣтъ! То-есть, даже не то, что „не буду знать“, а просто меня совершенно не будетъ! Просто? Нѣтъ, это не просто, а ужасно, жестоко и безсмысленно! Зачѣмъ же я тогда жилъ, старался, считалъ это хорошимъ, а то дурнымъ, думалъ, что я умнѣе другихъ?... Все равно меня не будетъ“.

Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ, будто глаза у него стали мокрые; и ему было стыдно этого, и онъ обрадовался этому, думая, что слезы облегчатъ то невыносимо холодное и тяжелое чувство, которое давило его. Но глаза были сухи и широко пялились въ темноту. Владиміръ Ивановичъ тяжело и съ усиліемъ вздохнулъ, и весь обомлѣлъ отъ тоски и страха.

„И меня черви съѣдятъ... Долго будутъ ѣсть, а я буду лежать неподвижно. Они будутъ ѣсть, копошиться... бѣлые, склизкіе... Пусть лучше меня сожгутъ... Нѣтъ, это тоже ужасно! Зачѣмъ же я жилъ!“

Владиміръ Ивановичъ почувствовалъ, что онъ все больше и больше судорожно дрожитъ. Вѣтеръ гудѣлъ за окномъ, а въ комнатѣ было тихо и неподвижно.

„И вѣдь я умру скоро... Можетъ быть, я завтра умру... сейчасъ! Вѣдь это такъ просто: заболитъ самымъ невиннымъ образомъ голова, а потомъ все хуже, хуже... и смерть... Я вѣдь самъ знаю, что это просто, знаю, какъ и почему это, а, между тѣмъ, остановить и предупредить не могу! Умру. Можетъ, завтра, можетъ, сейчасъ... Можетъ, я и вправду уже простудился, когда стоялъ подъ окномъ, и уже умираю... Мнѣ еще кажется, что я здоровъ, а во мнѣ уже начался окончательный процессъ“.

Владиміръ Ивановичъ хотѣлъ пощупать себѣ пульсъ, но сейчасъ же бросилъ и съ отчаяніемъ уставился въ потолокъ, котораго не было видно. И вверху надъ нимъ, и съ боковъ, вездѣ была холодная сѣро-черная тьма, среди которой было еще страшнѣе и печальнѣе то, что онъ думалъ.

„Все равно я не могу остановить! Да, если бы и остановилъ сейчасъ, все равно рано или поздно умру: вѣдь не буду

же я безсмертенъ. И какъ это я, да и всѣ мы думаемъ, что медицина великая наука? Сегодня поможетъ, завтра поможетъ, а въ концѣ концовъ все равно всѣ умрутъ: и здоровый, и больной... и.. какъ это ужасно! Я вѣдь не боюсь смерти, но зачѣмъ же непремѣнно смерть? Какой смыслъ, кому нужно?.. Нѣтъ, я боюсь, боюсь...“

Владиміръ Ивановичъ вдругъ притихъ: онъ вспомнилъ о воскресеніи мертвыхъ и загробной жизни. Точно что-то мягкое, тихое и ласкающее опустилось на его измученный мозгъ, и ему стало хорошо и спокойно.

Но сейчасъ же все вспыхнуло со злостью, ненавистью и отчаяніемъ.

„О, глупости! Вѣдь никто, никто не вѣритъ этому, и я не вѣрю и нельзя вѣрить! Какой смыслъ въ этомъ? Кому, на кой чортъ, нужны безтѣлесныя души, лишенныя формы и чувствъ, и индивидуальности, плавающія въ эѳирѣ? Да и все равно, потому что страхъ все-таки остается: все-таки мы ничего не знаемъ, кромѣ факта смерти... А подпрапорщикъ правъ, что, чѣмъ ждать въ этомъ вѣчномъ ужасѣ, лучше самому... Тутъ есть что-то облегчающее, въ томъ, что—самъ. Вотъ, возьмешь и сдѣлаешь... И даже какъ будто займетъ то, что дѣлаешь, и не замѣтишь самаго ужаснаго момента умиранія... А естественнымъ путемъ: до самаго послѣдняго момента будешь надѣяться и глупо надѣяться, потому что все равно, если и не умрешь въ этотъ разъ, то умрешь въ другой, а непремѣнно умрешь и... надѣяться не надо! И до послѣдняго мгновенія бояться... даже не бояться, а умирать отъ страха...“

Владиміръ Ивановичъ зажалъ уши ладонями, точно кто то оглушительно и монотонно кричалъ ему въ ухо безконечное число разъ одно и то же слово:

— Смерть, смерть, смерть, смерть, смерть...

— А-а!—вдругъ завизжалъ Владиміръ Ивановичъ и разомъ вскочилъ на кровати.

Все было темно и неподвижно. Чуть чуть только свѣтилось окно въ садъ смутнымъ синевато сѣрымъ пятномъ. А за окномъ мотались черныя вѣтки.

„Ну, его къ чорту! О, будь ты проклятъ! Не хочу, не хочу!“—дико думалъ Владиміръ Ивановичъ, охвативъ изо всѣхъ силъ руками колѣни и задерживая дыханіе. И гдѣ-то, еще глубже этой первой мысли, не переставая, шевелилась другая неуловимая, но ужасная своею ясностью и неопровержимостью: „все равно, кричи не кричи, а такъ будетъ... умру... умру!“

Владимиръ Ивановичъ скрипнулъ зубами, схватилъ себя обѣими руками за волосы, упалъ лицомъ въ подушку и застылъ. Въ

ушахъ у него невыносимо шумѣло, и сквозь этотъ шумъ прорывался тихій, протяжный, невыносимо-печальный звонъ.

Владиміръ Ивановичъ выпустилъ волосы, повернулся лицомъ кверху и широко раскрылъ глаза. Отчаяніе исчезло, вмѣсто него была пустота. И эта пустота была хуже, невыносимѣе отчаянія; это была пустота мертвеца.

„Лучше самому",—подумалъ гдѣ-то далеко въ глубинѣ мозга Владиміръ Ивановичъ и почувствовалъ, что лицо у него совершенно неподвижное и холодное, и холодны руки и ноги.

— Лучше самому,—повторилъ онъ мысленно и тихо, точно крадучись, сталъ вставать съ кровати, потихоньку высовывая ноги изъ-подъ одѣяла на холодный полъ.

„И какой идіотъ думаетъ о томъ, какъ лучше и честнѣе и умнѣе жить, когда надо думать о томъ, какъ ужасно умереть?"—со злобой думалъ онъ, вставая и точно въ бреду вглядываясь въ яркое красное пламя, стоящее передъ нимъ, и чье-то ужасное, блѣдное лицо.

Но это лицо было лицомъ Пашки, который со свѣчой въ рукахъ стоялъ передъ нимъ.

— Владиміръ Ивановичъ, за вами пришли!—говорилъ онъ.

Владиміръ Ивановичъ тупо на него смотрѣлъ и удивлялся, чего нужно Пашкѣ среди ночи, и отчего у него такое блѣдное лицо. За спиной Пашки торчала и еще одна знакомая, совершенно вытянутая физіономія.

— А, что? Чего вамъ?—недоумѣло спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Вы извините, докторъ, пожалуйста, — заговорила другая фигура и, выступивъ впередъ, оказалась большимъ, длиннымъ приставомъ, на которомъ уныло болтались усы и шашка.—Пришлось васъ побезпокоить: тамъ такое происшествіе, а Леонида Григорьевича нѣтъ въ городѣ.

Владиміръ Ивановичъ опустился на кровать, натянулъ одѣяло на голыя ноги и смотрѣлъ на болтающіеся усы, вспоминая съ усиліемъ, что Леонидъ Григорьевичъ его коллега, городской врачъ.

— Тамъ, знаете, вольноопредѣляющійся одинъ застрѣлился,—продолжалъ приставъ, точно извиняясь за безтактность самоубійцы, выбравшаго такое неудобное время.

— Подпрапорщикъ,—машинально поправилъ Ввадиміръ Ивановичъ.

— Ну, да, т.-е. подпрапорщикъ. Вы, можетъ быть, изволите знать: Гололобовъ... Дознаніе необхо...

Будто что-то ударило по лбу Владиміра Ивановича.

— Гололобовъ?—съ дикимъ любопытствомъ закричалъ онъ.—Такъ-таки застрѣлился?

Приставъ оторопѣло болтнулъ усами.

— Развѣ вы знаете?

— Ну, конечно... онъ мнѣ самъ сказалъ,—торопливо, захлебываясь и не попадая ногой въ сапогъ, весь дрожа, бормоталъ Владиміръ Ивановичъ.

— Какъ? Когда?—вдругъ совсѣмъ другимъ голосомъ заговорилъ приставъ.

— Говорилъ, говорилъ... а впрочемъ, я вамъ послѣ скажу!—сбивчиво бормоталъ Владиміръ Ивановичъ, дрожащими руками натягивая пиджакъ.

III.

За воротами ждалъ извозчикъ, хотя до квартиры подпрапорщика можно было и пѣшкомъ дойти въ пять минутъ. Владиміръ Ивановичъ не замѣтилъ, какъ и когда онъ сѣлъ на дрожки и какъ и когда слѣзъ съ нихъ передъ квартирой подпрапорщика Гололобова. Онъ замѣтилъ только, что дождя нѣтъ, небо было свѣтлѣе и вверху какъ будто сверкали звѣзды.

Теперь двери въ булочную были отворены. На тротуарѣ стоялъ городовой и еще какія-то смутныя, волнующіяся фигуры. Въ сѣняхъ, гдѣ попрежнему крѣпко пахло печенымъ хлѣбомъ и кислыми дрожжами, толпились дворники и городовые. Владиміру Ивановичу показалось, что ужасно много городовыхъ и дворниковъ. Была настежь отворена и дверь въ комнату подпрапорщика, гдѣ попрежнему горѣла лампа, и было пусто и тихо.

Владиміръ Ивановичъ вошелъ и съ дикимъ любопытствомъ уставился на убитаго.

Гололобовъ лежалъ, смирно свернувшись калачикомъ, въ совершенно неестественной для застрѣлившагося человѣка позѣ. Лежалъ онъ прямо посрединѣ комнаты, весь освѣщенный лампой. Никакого безпорядка въ комнатѣ не было, и все было такъ же, какъ и часъ тому назадъ.

Гололобовъ, очевидно, застрѣлился сейчасъ же по уходѣ гостя.

И Владиміръ Ивановичъ догадался объ этомъ: въ памяти его совершенно отчетливо выплыло освѣщенное окно, бокъ блестящаго самовара, который онъ принялъ было за лицо подпрапорщика, и что-то похожее на дымъ, тянувшійся передъ лампой.

Владиміръ Ивановичъ грузно опустился на колѣни и осторожно повернулъ къ себѣ голову подпрапорщика. Она послушна повернулась на длинной, мягкой шеѣ.

То мѣсто, гдѣ Владиміръ Ивановичъ еще недавно видѣлъ и ожидалъ увидѣть знакомое тусклое лицо подпрапорщика, его безцвѣтные сѣрые глаза, незначительный носъ и бѣлые усики и брови, представляло одно сплошное, кровавое пятно. Все было разбито, обращено въ мѣсиво, залитое уже запекшейся

кровью. Одинъ глазъ вытекъ, а другой былъ неестественно широко открытъ. Но этотъ глазъ уже не былъ похожъ на прекрасный человѣческій глазъ: это было противное, непрозрачное, огромное, мертвое существо, тупо и ужасно глядѣвшее на жизнь.

Владиміръ Ивановичъ вздрогнулъ и выпустилъ голову изъ рукъ.

Голова упала съ мягкимъ звукомъ.

— Изволите видѣть,—сказалъ сзади приставъ, тихо и робко: —изъ ружья застрѣлились... дробью! Утиною дробью чуть не весь стволъ набили, да въ ротъ и... видите! Боже ты мой, Боже...

Владиміръ Ивановичъ все полусидѣлъ на полу, глядя въ бѣлобрысый затылокъ, который уже началъ синѣть.

Приставъ суетился. Подпрапорщика подняли и перенесли на кровать. Городовой, рыжій человѣкъ съ толстымъ краснымъ лицомъ, придерживая шашку, поправилъ подпрапорщику голову и перекрестился; челюсть у него прыгала и онъ напрасно старался ее удержать.

Владиміръ Ивановичъ былъ какъ въ бреду. Онъ дѣлалъ все то, что надлежало дѣлать, по мнѣнію людей, человѣку его профессіи. Писалъ, подписывалъ, говорилъ вполнѣ ясно, отвѣчая на вопросы пристава, но дѣлалъ это совершенно машинально и съ смутнымъ сознаніемъ ненужности и ничтожества того, что дѣлалъ. Его все тянуло къ кровати, на которой смирно и неподвижно лежалъ подпрапорщикъ Гололобовъ.

Когда всѣ формальности были кончены, Владиміръ Ивановичъ опять подошелъ къ кровати, постоялъ, посмотрѣлъ, зачѣмъ-то протянулъ руку и тронулъ выпученный страшный глазъ. И Владиміру Ивановичу, и городовымъ, и приставу казалось, что глазъ непремѣнно долженъ закрыться, моргнуть. Но глазъ былъ неподвиженъ. И это было странно, непріятно и страшно такъ, что всѣмъ стало жутко въ этой комнатѣ.

Но Владиміру Ивановичу только теперь съ особенною силой, яркостью и ясностью стало понятно, что подпрапорщикъ Гололобовъ умеръ. То, что было подпрапорщикомъ Гололобовымъ, уже не было ни подпрапорщикомъ, ни Гололобовымъ, ни человѣкомъ, ни существомъ, а было трупомъ. Его можно было трогать, бросать, сжечь, и онъ только покорно и мертво подавался бы на всякое постороннее усиліе. Но въ то же время Владиміръ Ивановичъ видѣлъ, что это именно подпрапорщикъ Гололобовъ. То, что съ нимъ произошло, было совершенно непонятно, совершенно невообразимо и неощутимо, но ужасно, противно и жалко.

Эта жалость вдругъ вынырнула откуда-то, и момента, когда она появилась, Владиміръ Ивановичъ не замѣтилъ. Но она тотчасъ же подавила собою ужасъ и брезгливость, и недоумѣніе и со ...шною силой наполнила, казалось, весь организмъ Владиміра ...овича. Ему вдругъ припомнилось все, что характеризовало

живого подпрапорщика Гололобова: его походка, его позы, его стриженная голова, его глаза, некрасивое лицо, бѣлыя рѣсницы, и все это было такъ неизмѣримо прекрасно, такъ трогательно и мило, въ сравненіи съ тѣмъ, что было сейчасъ. Владиміръ Ивановичъ почему-то посмотрѣлъ на лакированные сапоги, которые недавно, на живыхъ и крѣпкихъ ногахъ подпрапорщика, такъ бойко выступали по лужамъ, а теперь неподвижно, страшно неподвижно лежали на бѣломъ чистомъ одѣялѣ кровати.

Владиміръ Ивановичъ поперхнулся, вздохнулъ и сразу заплакалъ, какъ будто давно зналъ, что только это и надо, и лишь сдерживался.

Усатый приставъ даже отшатнулся отъ него. Съ минуту онъ смотрѣлъ на Владиміра Ивановича съ слегка открытымъ ртомъ, а потомъ усы его вздрогнули, и онъ неожиданно для самого себя широко и неловко улыбнулся.

Но Владиміръ Ивановичъ не видѣлъ этой улыбки; онъ безпомощно опустился на стулъ возлѣ кровати и зарыдалъ, и задрожалъ.

Приставъ испугался.

— Воды, ты!..—почему-то грозно крикнулъ онъ на городового.

Городовой, зацѣпившись шашкой за косякъ, со стукомъ выскочилъ въ сѣни, а приставъ растерянно сталъ уговаривать доктора.

— Владиміръ Ивановичъ, что вы-съ?! Развѣ можно! Конечно, жалко... но что же дѣлать?

И приставъ широко и недоумѣло развелъ руками, а потомъ опять сердито и точно ругаясь крикнулъ.

— Да воды же! Ну...

Воду принесъ въ глиняной чашкѣ большой старый городовой съ испуганнымъ лицомъ.

— Ну, вотъ... выпейте, докторъ! Пейте...—уговаривалъ приставъ, подавая воду.

Владиміръ Ивановичъ, стукаясь зубами о чашку, пилъ теплую воду съ запахомъ хлѣба и дрожжей.

— Ну, вотъ, ну, вотъ!—обрадованно говорилъ приставъ.— Да и пойдемте отсюда... Богъ съ нимъ!

Владиміръ Ивановичъ пересталъ плакать и оглянулся недоумѣло и смущенно. И его поразило странное выраженіе лицъ стоявшихъ передъ нимъ: и приставъ, и большой старый городовой, что принесъ воду, и другой, красный, рыжій и толстый, такъ смотрѣли, какъ будто его припадокъ былъ неизмѣримо важнѣе и интереснѣе мертвеца, лежавшаго на постели. Всѣ смотрѣли на него, помогали ему, заботились о немъ; а мертвый подпрапорщикъ Гололобовъ лежалъ смирно и одиноко, какъ никому уже ненужная, непріятная и мѣшающая вещь.

— Пойдемте, докторъ, право!—настаивалъ приставъ.

Владиміръ Ивановичъ машинально всталъ, взялъ фуражку,

поданную городовымъ, и пройдя сѣни, гдѣ хотя попрежнему пахло теплымъ хлѣбомъ и дрожжами, но стоялъ и еще какой-то свѣжій, бодрый запахъ, занесенный живыми, здоровыми людьми со двора, —вышелъ на крыльцо.

И то, что онъ увидѣлъ, поразило его.

Было утро. Небо было совершенно чисто и прозрачно. Дождь прошелъ; но все было еще мокро и блестѣло, какъ вымытое. Зелень ярко зеленѣла. Прямо противъ Владиміра Ивановича восходило еще невидимое солнце, и это мѣсто неба было ослѣпительно ярко, сіяло, горѣло и искрилось. Воздухъ дрожалъ и лился въ грудь вольными, могучими, чистыми и мягкими волнами.

— А...—удивленно протянулъ Владиміръ Ивановичъ.

— Чудное утро!—сказалъ приставъ, снимая фуражку и съ удовольствіемъ подставилъ свою лысую голову навстрѣчу живой прохладѣ.

— Столько дней дождь, а тутъ вдругъ этакая благодать! А?—продолжалъ съ наслажденіемъ приставъ.—Какъ хорошо, все равно... тотъ-то бѣдняга и не увидитъ ужъ...

И приставъ, дѣлая значительное и скорбное лицо, кивнулъ головой назадъ. И сейчасъ же Владиміру Ивановичу представилась страшная, молчаливая почему то, когда вездѣ свѣтло, освѣщенная лампой, комната и неподвижный мертвый подпрапорщикъ. Но приставъ не могъ удержать значительнаго и скорбнаго выраженія, усы его дрогнули, носъ сморщился, и, пріятно улыбаясь, онъ сказалъ:

— И спать даже не хочется... жаль утра! Хорошо бы теперь того... выкупаться и рыбку поудить... Я—охотникъ вѣдь. А вы не ловите?

И печальная страшная комната пропала. Владиміръ Ивановичъ опять увидѣлъ свѣтъ, небо, людей и услышалъ милый, живой голосъ пристава.

— Да, отчего же!—восторженно отвѣтилъ онъ.

И подумалъ, что приставъ прекрасный, интересный, живой человѣкъ.

— Можетъ, поѣдемъ вмѣстѣ когда-нибудь?.. Я съ вами мало знакомъ, но...

— Конечно, конечно!—отвѣтилъ быстро Владиміръ Ивановичъ.

Мимо пролетѣлъ, чирикая, воробей; Владиміръ Ивановичъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ и радостно подумалъ:

„Ишь, какъ работаетъ“.

— Ну, а пока до свиданія, докторъ,—сказалъ приставъ и, вдругъ съ виднымъ усиліемъ измѣнивъ выраженіе лица изъ веселаго и легкаго на тяжелое и значительное, неестественнымъ тономъ прибавилъ:—а мнѣ еще того... надо.

Онъ пожалъ руку доктору и, видимо, боясь, чтобы тотъ не послѣдовалъ за нимъ, торопливо ушелъ въ домъ.

Владиміръ Ивановичъ снялъ шапку, широко улыбнулся и пошелъ. Проходя мимо открытаго окна, онъ увидѣлъ поблѣднѣвшую слабую лампу, и что-то рѣзкое скользнуло у него по сердцу. Но въ это время кто-то, вѣроятно приставъ, дунулъ и потушилъ лампу. Слабый огонекъ моментально исчезъ, и сталъ видѣнъ потолокъ комнаты и самоваръ, блестѣвшій отраженіемъ неба.

Владиміръ Ивановичъ шелъ по улицѣ и смотрѣлъ. И все, что было вокругъ, все двигалось, искрилось и жило. Владиміръ Ивановичъ смотрѣлъ на всякое движеніе и чувствовалъ что-то могучее, неразрывное, что связывало его въ одно съ этимъ живымъ, движущимся міромъ. Онъ смотрѣлъ на свои ноги и, точно первый разъ ихъ видя, едва не засмѣялся; такими милыми и прекрасными показались ему онѣ.

„Вотъ, я о нихъ вовсе не думаю, а онѣ идутъ!"—подумалъ Владиміръ Ивановичъ.

„И это вовсе не такъ обыкновенно, какъ я думалъ всегда... Это удивительно, чудесно и прекрасно... Вотъ я захочу протянуть руку и протяну!"

Владиміръ Ивановичъ протянулъ руку и радостно засмѣялся, глядя на выбѣжавшую на дорогу бѣлую собачонку. Собачонка шарахнулась отъ протянутой руки, тявкнула и озабоченно посмотрѣла, поднявъ ухо, на Владиміра Ивановича.

„Славная собачонка!"—подумалъ Владиміръ Ивановичъ.

И еще никогда въ жизни не испытанное имъ чувство при сознаніи, что онъ и собака смотрятъ другъ на друга, интересуются другъ другомъ и боятся другъ друга, а не лежатъ безразлично и неподвижно среди живущаго, двигающагося міра, нахлынуло на него.

„Все, что угодно!" подумалъ Владиміръ Ивановичъ,— „страхъ, боязнь, злоба, все, все... только бы это было во мнѣ, потому, что это—я! Я вотъ... я иду, я думаю, я вижу, я чувствую... безразлично что... а не лежу мертвый... Я умру, разумѣется!"

И совершенно спокойно подумавъ эту послѣднюю мысль, Владиміръ Ивановичъ вслухъ проговорилъ:

— А надо когда-нибудь поѣхать рыбу ловить съ этимъ приставомъ!

И широко шагая, двигая руками, ногами и что есть силы набирая воздухъ въ легкія, Владиміръ Ивановичъ пошелъ дальше.

И вдругъ передъ нимъ что-то вспыхнуло, засверкало и засіяло, такъ ослѣпительно ярко, что Владиміръ Ивановичъ зажмурилъ глаза.

Взошло солнце.

М. Арцыбашевъ.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

Вчера такъ медленно ты въ небѣ умирала,
Сверкая золотомъ, такъ улыбалась мнѣ
И столько радости и свѣта обѣщала,
Что я всю ночь мечталъ о новомъ, ясномъ днѣ.

Но этотъ день насталъ унылый и туманный.
Повѣсивъ въ воздухѣ дождя сѣдую сѣть,
Онъ душу тяготитъ, какъ злой пришлецъ нежданный,
Съ которымъ трудно жить и страшно умереть.

Скажи, зачѣмъ же ты такъ много мнѣ сулила,
Тамъ, за деревьями, до полночи горя,
И золотомъ обѣтъ несбыточный чертила,
Моя прекрасная, невѣрная заря!

Но на тебя роптать не стану, золотая,
Обманъ твой, ясная, по прежнему люблю
И, сердцемъ о твоихъ обѣтахъ вспоминая,
За ложь прекрасную тебя благословлю.

Allegro.

ДУРАКЪ.

(Повѣсть).

(*Окончаніе* *).

XVIII.

Случилось, однако, нѣчто неожиданное. Въ среду съ утра Владиміръ почувствовалъ головную боль, потомъ у него явился жаръ. Онъ не обратилъ на это вниманія и пошелъ въ редакцію; а вечеромъ пришлось позвать доктора, который объявилъ, что у него инфлуэнца и строго запретилъ ему цѣлую недѣлю выходить изъ дому.

Любарцевъ никогда не относился серьезно къ своимъ болѣзнямъ. Вообще довольно здоровый, онъ не испыталъ настоящихъ недуговъ, а отъ случайныхъ отдѣлывался легко. Онъ зналъ, что доктора обыкновенно предписываютъ тотъ режимъ, какой полагается „по учебникамъ", и думалъ, что это полагается для болѣзни, но не для него.

Поэтому, ложась спать, хотя онъ и чувствовалъ боль въ костяхъ, онъ тѣмъ не менѣе рѣшилъ, что завтра пойдетъ на Конногвардейскій бульваръ.

Утромъ онъ храбро поднялся съ постели, умылся, одѣлся, выпилъ кофе и уже смѣялся надъ докторомъ и его предписаніемъ, но вдругъ почувствовалъ сильную слабость и тутъ, наконецъ, постигъ, что сегодня изъ дому не выйдетъ.

На дворѣ стояла оттепель, но настоящаго тепла не было. Воздухъ былъ пропитанъ сыростью, которая точно проникала сквозь каменныя стѣны и чувствовалась въ комнатѣ. Настроеніе у него было скверное, пессимистическое. Его брала досада на то, что какая-то глупая случайность, нелѣпая болѣзнь, которую онъ захватилъ неизвѣстно гдѣ, мимоходомъ на улицѣ, въ музеѣ или на вокзалѣ, разрушила его планъ и испортила ему день.

---

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь, 1902 г.

Онъ долго лежалъ на диванѣ, пробовалъ читать, писать, но ничто не клеилось. А время подходило къ полудню, когда онъ обыкновенно собирался въ гости.

Тогда онъ присѣлъ къ столу и, чувствуя, что изъ-подъ его пера въ этотъ день непремѣнно выльется что-нибудь мрачное, написалъ:

„Убѣждаюсь, что четверги такъ же непрочны, какъ и все остальное на этомъ свѣтѣ. Какая-нибудь инфлуэнца (латинское слово, которое, навѣрное никогда не было произнесено ни однимъ римляниномъ) можетъ лишить свободы человѣка съ самымъ безумнымъ полетомъ мысли и фантазіи. Простой участковый врачъ приковываетъ его къ дивану цѣпями, звенья которыхъ составлены изъ буквъ латинскаго алфавита.

„А между тѣмъ, четвергъ отъ четверга отдѣленъ полными семью днями, почтенный періодъ времени, котораго Господу Богу было достаточно, чтобы создать цѣлый міръ и почить отъ дѣлъ Своихъ.

„Клянусь вамъ, однако, нашимъ троюроднымъ родствомъ, что я не побоялся бы ни простуды, ни зловѣщаго „прогнозиса" врача. Но не являться же мнѣ въ гостиную свѣтской дамы больнымъ и не превратить же мнѣ ея будуаръ въ лазаретъ. Да и что подумалъ бы по этому поводу строгій, хотя и благосклонный ко мнѣ швейцаръ его превосходительства или, лучше, его превосходительство-швейцаръ г. Коромыслова? Прощайте и не поминайте меня лихомъ до слѣдующаго четверга. Вашъ Л..."

Это письмо онъ отослалъ съ посыльнымъ, а самъ, почувствовавъ ознобъ, завернулся въ плэдъ и улегся на диванѣ.

Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, но не спалъ. Какая-то тупая слабость охватила весь его организмъ. Въ окно тихо постукивали тяжелыя хлопья падавшаго весь день и тутъ же таявшаго снѣга. Финка возилась въ кухнѣ и въ корридорѣ. Иногда раздавался звонокъ, кто-то приходилъ и уходилъ. Въ этихъ случаяхъ онъ открывалъ глаза и ждалъ, что ему принесутъ отвѣтъ отъ Анны Михайловны.

Но прошло уже часа два, а отвѣта не было. Это его изумляло. Анна Михайловна всегда отвѣчала тотчасъ.

Вотъ еще звонокъ и возня въ передней. Но на этотъ разъ какая-то особенная возня. Хозяйка суетливо бѣгаетъ въ передней и ведетъ съ кѣмъ-то переговоры шопотомъ.

Къ нему постучали въ дверь.

— Войдите!

Дверь пріотворилась.

— Это дама, Владиміръ Ивановичъ.

Онъ приподнялся и, выпутавшись изъ плэда, отшвырнулъ его отъ себя. Лицо его выразило изумленіе, рой странныхъ фанта-

стическихъ мыслей промелькнулъ въ его головѣ. Ему показалось, что это бредъ.

— Такъ войдите же, хотя... хотя я не вѣрю...—промолвилъ онъ и поднялся съ дивана.

Только тутъ онъ спохватился, осмотрѣлъ комнату и ужаснулся: въ ней былъ еще полный утренній безпорядокъ.

— Одну минуту погодите,—поспѣшно прибавилъ онъ и началъ быстро приводить все въ порядокъ.—Теперь можно,—сказалъ онъ, наконецъ.

Вошла Анна Михайловна въ короткой мѣховой кофточкѣ, въ такой же шапочкѣ, съ муфтой въ рукѣ. Лицо ея было закрыто густой вуалью, которая, однако-жъ, не могла скрыть нервный возбужденный блескъ ея глазъ.

— Это ужъ слишкомъ, слишкомъ большая честь! — промолвилъ Владиміръ, подходя къ ней.

— Но вѣдь вы больны? Вы написали правду?—спросила она, нервно кусая губы. Очевидно, она еще не освоилась съ своимъ экстреннымъ положеніемъ.

— Настолько правда, что вашъ голосъ я принялъ за вчерашній бредъ,—отвѣтилъ Владиміръ.

— Вы никого не ждете?

— У меня никто не бываетъ.

— Да, у васъ лицо нездоровое... Я взволнована... Видите, какъ я плохо владѣю собой...

— Все зависитъ отъ точки зрѣнія, Анна Михайловна. Я понимаю вашъ пріѣздъ, какъ простое дружеское движеніе души, и безконечно счастливъ этимъ и это меня излечиваетъ лучше всѣхъ лекарствъ. Садитесь же,—вы у меня въ гостяхъ. У меня одно кресло и одинъ стулъ,—совершенно достаточно для двоихъ.

Онъ говорилъ это, улыбаясь, но самъ былъ сильно взволнованъ. Онъ пододвинулъ ей кресло и она какъ-то машинально опустилась въ него. Съ минуту она молчала, все еще не будучи въ состояніи освоиться съ необычнымъ положеніемъ. Но вдругъ какъ-то вся встряхнулась, выпрямилась и рѣшительнымъ движеніемъ руки сняла шапочку и вуаль. Въ лицѣ ея все перемѣнилось. Прежняя нерѣшительность исчезла и глаза ея смотрѣли увѣренно и просто. Лицо ея, свѣжее отъ мороза, казалось очень молодымъ.

Она разсмѣялась.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ это глупо! — воскликнула она. — Простое дѣло надо понимать просто... Что же у васъ?

— Да, въ сущности пустяки: инфлуэнца. Это едва ли даже болѣзнь. Однако, настолько это болѣзнь, что я не имѣлъ права притащить ее въ вашъ домъ.

— Вы сядьте. Или, можетъ быть, вамъ нужно прилечь? У васъ видъ нездоровый... Вы слабы, должно быть? Я вамъ не мѣшаю? Вѣдь мы друзья, а друзья не могутъ мѣшать...

— Мнѣ нравится эта ваша манера говорить обо всемъ подрядъ, почти безъ знаковъ препинанія, задавать вопросы и тутъ же отвѣчать на нихъ... Это по-женски, а я люблю, когда у женщинъ все выходитъ по-женски,—сказалъ Владиміръ, усаживаясь на кушеткѣ.—Вы позволите мнѣ прикрыться плэдомъ?

— Неужели вамъ холодно? Значитъ, у васъ лихорадка? Пожалуйста...

И она помогла ему достать и развернуть плэдъ.

— Я очень виновата передъ вашимъ отцомъ,—сказала она.

— Не вы, а онъ, что пришелъ не во-время...

— Да, надо приходить къ намъ тогда, когда мы хороши... Когда приходятъ въ другое время, мы отталкиваемъ. Не правда ли?

— Если говорить правду, съ нимъ чуть-чуть не случилось это,—отвѣтилъ Владиміръ.

— Какъ это досадно! Я хотѣла бы, чтобы онъ увезъ съ собою лучшее мнѣніе обо мнѣ.

— Онъ уѣхалъ съ не особенно плохимъ...

— Это утѣшительно!—со вздохомъ замѣтила Анна Михайловна.—А впрочемъ, въ концѣ концовъ, я лучшаго и не заслуживаю... Такъ вотъ эта комната, откуда готовится походъ на чиновниковъ! — прибавила она, обводя взоромъ стѣны и углы комнаты.

— На чиновничество!—поправилъ ее Владиміръ.—Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до чиновниковъ.

— А какъ идутъ приготовленія къ походу?

— Настолько хорошо, что первыя главы уже набираются въ журналѣ.

— О, значитъ вы скоро будете на военномъ положеніи?

— И даже очень, даже очень, Анна Михайловна. Скоро наступитъ время, когда швейцаръ на Конногвардейскомъ бульварѣ наотрѣзъ откажется принимать меня.

— Это почему? Какъ онъ посмѣетъ?

— Да вѣдь онъ чиновникъ, типичнѣйшій изъ чиновниковъ: презираетъ маленькихъ и беретъ съ нихъ взятки; преклоняется предъ крупными, знаетъ порядокъ въ домѣ и ни на іоту не отступаетъ отъ него; а если видитъ что-нибудь новое, не похожее на то, что бывало каждый день въ теченіе его предыдущей жизни, таращитъ глаза и говоритъ: этого нельзя допустить, потому что этого никогда еще не бывало. Онъ оказываетъ протекцію у генерала такъ же, какъ генералъ оказываетъ протекцію у другого еще большаго генерала. Онъ по протекціи опредѣлитъ на швей-

царскую или лакейскую службу своего сына, своихъ племянниковъ, своихъ крестниковъ: имъ заранѣе обезпечены мѣста и оклады также, какъ сыновьямъ, племянникамъ и крестникамъ значительныхъ чиновниковъ. Швейцарскія и лакейскія мѣста такъ же наслѣдственны, какъ и департаментскія. Для кучера, для каменьщика, для портного требуется талантъ, какъ для артиста, инженера, адвоката, журналиста, врача. А швейцаромъ и лакеемъ надо родиться, какъ чиновникомъ. Вотъ я даже утомился!—закончилъ Владиміръ и опрокинулъ голову на спинку кушетки.

— Вы сегодня краснорѣчивы и злы,— замѣтила Анна Михайловна.

— Краснорѣчіемъ я хочу заплатить вамъ за вашъ подвигъ.

— А злостью?

— А злость отъ болѣзни.

— Это не совсѣмъ правда. Вы сегодня вообще не такъ спокойны, какъ всегда. Впрочемъ, не говорите, у васъ поблѣднѣли щеки. Вы, въ самомъ дѣлѣ, утомлены и, можетъ быть, мнѣ не слѣдовало пріѣзжать.

Владиміръ не сразу отозвался, а посидѣлъ нѣкоторое время молча съ закрытыми глазами.

— Можетъ быть, и вообще не слѣдовало, — неопредѣленно замѣтилъ онъ.

Анна Михайловна быстрымъ и пугливымъ взглядомъ посмотрѣла на него.

— Это загадка?—спросила она.

— Нѣтъ, это только мука!—совсѣмъ тихо отвѣтилъ Владиміръ и опять закрылъ глаза.

— Владиміръ Ивановичъ, это не хорошо! Я къ вамъ пріѣхала въ гости, а вы... вы такъ дурно со мной обращаетесь. Вы говорите загадкой и на нее отвѣчаете новой загадкой.

— Вольно же вамъ быть такой непонятливой! Я давно болѣю этой загадкой, а вы все не хотите помочь мнѣ разгадать ее вслухъ. А дѣло ясное, дѣло простое. Вотъ вы хмуритесь, ну, значитъ, не надо. Поговоримте о чемъ-нибудь другомъ.

— Нѣтъ, я лучше уѣду. Я васъ энервирую. Право...

— Ну, вотъ; вы совершили подвигъ и уже раскаялись.

— Вы сегодня безжалостны. Вы никогда не были такимъ.

— Нѣтъ, это не то. А просто вы не въ своей, не въ привычной обстановкѣ и потому теряетесь и потому не находчивы. Будь это у васъ въ вашемъ будуарѣ, сиди вы не въ этомъ креслѣ сомнительной мягкости, а на вашей неизмѣнной софѣ, вы давно бы уже подрѣзали мнѣ крылья и я присѣлъ бы скромно въ уголкѣ и замолкъ бы. Ну, хорошо, я не хочу нападать на

васъ врасплохъ. Я приду къ вамъ, и тамъ, когда вы будете во всеоружіи, повторю вамъ мою загадку. А теперь перелетимъ совсѣмъ въ другую область: я разскажу вамъ о томъ, какъ мы провожали моего дядю.

— А вы были на вокзалѣ? — съ живостью спросила Анна Михайловна, видимо обрадовавшись перемѣнѣ темы.

— Какъ же, съ отцомъ! Видѣли, какъ самъ генералъ Коромысловъ сдѣлалъ честь будущему чиновному свѣтилу изъ дома Любарцевыхъ. Правда, честь эта была краткая, но, безъ сомнѣнія, она оцѣнена по достоинству.

— Да, мой мужъ говорилъ мнѣ, что заѣхалъ туда на минуту, но къ этому обязывали его родственныя отношенія.

— Вы говорите это серьезно?—спросилъ Владиміръ, посмотрѣвъ на нее усмѣхающимися глазами.

— Мнѣ кажется, что такъ,—неувѣренно отвѣтила Анна Михайловна.

— Мой отецъ родной братъ моего дяди. Слѣдовательно, ихъ родственныя отношенія къ вашему мужу одинаковы. Однако-жъ, провожалъ одинъ только я.

— Очевидно, вы правы, а не я,—безъ всякаго сопротивлесозналась Анна Михайловна.

— Очевидно, я правъ, а не вы. Для чиновника родственныя отношенія, это—соусъ къ говядинѣ, а говядина служба. Я говорю объ истинномъ чиновникѣ. Напримѣръ, чиновникъ всегда съ удовольствіемъ предоставитъ мѣсто родственнику, но если родной братъ его какъ нибудь омрачился передъ начальствомъ и попалъ въ подозрѣніе, онъ будетъ подавать ему руку развѣ только въ темномъ корридорѣ, а при встрѣчѣ на улицѣ будетъ стремительно обращать свои очи на витрины магазиновъ. Да, такъ на вокзалѣ былъ мой кузенъ Пьеръ.

— Кстати, онъ уже получилъ мѣсто младшаго помощника столоначальника.

— Мой отецъ сказалъ бы по этому поводу: туда ему и дорога.

— И его женитьба на дочери Вермутова—фактъ, хотя еще не объявленный, но довольно твердо обозначенный.

— Онъ будетъ объявленъ, когда Пьеръ сдѣлается столоначальникомъ?

— Я думаю, ограничатся старшимъ помощникомъ.

— Но зато потомъ онъ стремительно полетитъ вверхъ?

— Болѣе или менѣе.

— И вотъ вамъ великолѣпная иллюстрація къ моей будущей книгѣ: пріѣхалъ въ Петербургъ дуракъ-дуракомъ, понравился женѣ вліятельнаго чиновника, смѣло вступилъ съ нею въ связь,

женился на ея дочери, столь некрасивой, что до сихъ поръ не могла найти мужа, и, того и гляди, будетъ управлять если не Россіей, то одною изъ ея губерній. Такъ дѣлалось и триста лѣтъ тому назадъ, только тогда чиновники ходили въ длинныхъ кафтанахъ и высокихъ шапкахъ. Ну, а теперь позвольте мнѣ помолчать... У меня, должно быть, отъ лихорадки сдѣлалась анемія мозга: полное отсутствіе мыслей!

Онъ закрылъ глаза и на нѣсколько минутъ забылся. Анна Михайловна посмотрѣла на него, потомъ тихонько поднялась и прошла къ столу. Здѣсь въ безпорядкѣ лежали книги и исписанные листы, а на самомъ видномъ мѣстѣ нѣсколько корректурныхъ оттисковъ. Она занялась ими. Это было начало его статьи, которую онъ такъ долго готовилъ. Она называлась: „Чиновничество, какъ тормазъ умственнаго развитія Россіи“.

Анна Михайловна начала читать и увлеклась. Переходя отъ страницы къ страницѣ, она не замѣчала, какъ проходило время.

А Владиміръ давно уже открылъ глаза и, притаившись, смотрѣлъ на нее, предоставляя ей знакомиться съ его работой. Вдругъ она вспомнила о немъ и, отодвинувъ листы, повернула голову къ нему. Его глаза были открыты.

— Вы давно такъ смотрите на меня? спросила—она.

— Съ полчаса!—отвѣтилъ Владиміръ.

— А я увлеклась и прочитала уже десять страницъ. Но послушайте неужели это можно печатать?..

— Я надѣюсь, что не встрѣчу препятствій.

— Но это слишкомъ, слишкомъ смѣло... Вамъ за это... достанется...

— Самое большее, что я получу возможность повидаться съ отцомъ и матерью.

— То-есть вы должны будете покинуть Петербургъ?.. И это навѣрное случится, потому что чиновники никогда не простятъ вамъ этого...

— Помилуйте—воскликнулъ Владиміръ, смѣясь,—у меня такая могущественная протекція, какъ генералъ Коромысловъ... Ха-ха-ха...

— О, вы не знаете, какой это мстительный человѣкъ. Вамъ онъ въ особенности ничего не проситъ, послѣ того, какъ приглашалъ васъ на службу и, значитъ, кому-то ручался за васъ.

— Мой кузенъ будетъ въ негодованіи. Я запятнаю фамилію Любарцевыхъ...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, все это досадно... Съ какой стати я потеряю больше всѣхъ?..

— Да?

Владиміръ приподнялся и пристально вглядѣлся въ нее.

— И на это можно опираться?

*

Анна Михайловна не повернула къ нему головы и не взглянула на него.

— Да, сказала она,—если нужно на что-нибудь опираться, то это можетъ быть опорой для хорошей, очень хорошей дружбы... Однако, я засидѣлась у васъ,—прибавила она, поднявшись.—Я никогда не дѣлаю такихъ продолжительныхъ визитовъ.

— Я думаю, вы вообще не дѣлаете такихъ визитовъ...—сказалъ Владиміръ и тоже всталъ.

Она усмѣхнулась.

— Вы догадливы. Выздоравливайте же,—прибавила она, протягивая ему руку.—И какъ только будете въ состояніи—первый выходъ ко мнѣ...

— Вы хотите, чтобъ я болѣлъ непремѣнно до четверга?

— Если вы сообщите мнѣ наканунѣ, то я постараюсь любой день превратить въ четвергъ...

Она крѣпко пожала ему руку. Онъ помогъ ей надѣть мѣховую кофточку.

— Смотрите же, не выходите раньше времени...

Она остановилась.—А статья эта непремѣнно должна быть напечатана?—спросила она, указывая глазами на столъ.

— Непремѣнно,—отвѣтилъ Владиміръ.

— Даже если бы друзья попросили васъ оставить себя для нихъ?

— Даже если бы *другъ* попросилъ... нельзя! Я выбралъ карьеру, которая вся состоитъ изъ опасностей. Я сдѣлалъ это сознательно. Во время сраженія бываютъ завѣдомо опасныя позиціи. Тѣхъ, кто ихъ занимаетъ, почти всегда беретъ первая пуля, но кто-нибудь все-таки долженъ занимать ихъ... Итакъ, до ускореннаго четверга... Можете быть увѣрены, что я его ускорю какъ только возможно.

Анна Михайловна надѣла шапочку, закрыла лицо вуалью и вышла. Владиміръ вернулся къ кушеткѣ и изнеможенный опустился на нее. Черезъ минуту онъ незамѣтно уснулъ и проспалъ весь остальной день.

XIX.

Инфлуэнца держала Владиміра дома еще нѣсколько дней. Тѣмъ не менѣе онъ не терялъ времени и съ больною головой и съ ломотой въ костяхъ садился за столъ и выправлялъ корректуру, которую ему приносили изъ типографіи. Кромѣ того, много времени уходило на письменные переговоры съ редакторомъ. Въ редакціи находили статью слишкомъ сильной и въ то же время дорожили ею и не хотѣли отказаться. И каждый часъ возникалъ

вопросъ о какомъ-нибудь рѣзкомъ выраженіи, которое надо было смягчить. Владиміръ отстаивалъ и уступалъ, дѣлалъ, что могъ, и это кипѣніе усиливало его лихорадку.

Наконецъ, книжка вышла, и статья появилась. Въ первые же дни она была замѣчена и подчеркнута газетами.

Какъ только вышла книжка журнала, Владиміръ тотчасъ почувствовалъ себя здоровымъ. Это было наканунѣ четверга и онъ рѣшилъ, не предупреждая Анну Михайловну, просто отправиться къ ней завтра въ обычное время.

Но вечеромъ онъ получилъ визитъ, котораго давно уже не ждалъ. Въ восемь часовъ онъ зажегъ лампу и хотѣлъ чѣмъ-нибудь заняться, какъ вдругъ звонокъ, и черезъ нѣсколько минутъ въ комнату ввалился Петръ Любарцевъ—во всемъ своемъ величіи, т.-е. въ шубѣ съ дорогимъ воротникомъ и въ бобровой шапкѣ.

— Извини пожалуйста, что я, такъ сказать, нарушаю твой покой,—промолвилъ Петръ Любарцевъ, и въ голосѣ у него слышалась дрожь.—Но я... Видишь ли, я очень, очень взволнованъ... Я нарочно пріѣхалъ къ тебѣ ночью, чтобы... ну, понимаешь, чтобы не быть замѣченнымъ...

— Да что ты? Неужели я такъ опасенъ?

— А вотъ ты сейчасъ узнаешь это...

— Однако жъ, сними шубу. У меня сильно натоплено.

— Да, у тебя жарко и душно.

Петръ снялъ шубу и оказался въ форменной одеждѣ съ металлическими пуговицами.

— Какъ? Ты въ вицъ-мундирѣ?—воскликнулъ Владиміръ.

— Это изъ-за тебя. Прямо съ должности меня потребовалъ къ себѣ Вермутовъ. У нихъ я пообѣдалъ и не успѣлъ поговорить съ дамами, какъ за мной прислалъ Коромысловъ.

— Какъ? Туда, къ Вермутовымъ?

— Ну, да. Вѣдь это же извѣстно, что я тамъ свой человѣкъ и постоянно бываю.

— Дальше, дальше... Садись пожалуйста,—промолвилъ Владиміръ и съ величайшимъ любопытствомъ всматривался въ лицо своего родственника.

Петръ измѣнился немного, но счастливая петербургская жизнь всеже наложила на него свою печать. Лицо его сдѣлалось бѣлѣе, оно получило какой-то молочный оттѣнокъ. Значительно подросшіе усы, вслѣдствіе постояннаго ухода, пріобрѣли привычку лежать аккуратно и направляться концами кверху. Щеки и подбородокъ были тщательно выбриты. Вицъ-мундиръ придавалъ ему излишнюю торжественность, которая вовсе не подходила къ его слишкомъ обыкновенному лицу. Въ общемъ, онъ пополнѣлъ, но немного, а глаза его не сдѣлались ни на іоту выразительнѣе.

„Ума не прибавилось“, подумалъ Владиміръ, глядя на него.

Теперь, подъ вліяніемъ двухъ экстренныхъ аудіенцій у двухъ генераловъ, въ глазахъ Петра образовался испугъ, который такъ и стоялъ совершенно неподвижно.

Онъ взялъ стулъ, придвинулъ его къ столу и сѣлъ.

— Скажи, пожалуйста, ты опять написалъ что-то такое... ужасное...—заговорилъ онъ.

— Ты не читалъ?—спросилъ Владиміръ.

— Разумѣется, я не читалъ. Я подобныхъ вещей не читаю. Я такъ и Ѣермутову сказалъ, что я подобныхъ вещей не читаю... Но это, должно быть, что-то ужасное...

— Изъ чего же ты заключаешь, что это что-то ужасное?

— Изъ чего? Но какъ же изъ чего, когда Вермутовъ зоветъ меня прямо изъ должности, а Коромысловъ присылаетъ къ нему за мной и оба говорятъ объ этомъ... объ этой статьѣ. Въ сущности говоря,—я позволяю себѣ это сказать въ качествѣ родственника,—ты дѣлаешь преступленіе противъ своей фамиліи. Ну, да, да, конечно. Ты самъ ничѣмъ не рискуешь, потому что ничѣмъ не дорожишь, да и дорожить тебѣ нечѣмъ. Ты живешь, какъ цыганъ,—прибавилъ онъ, обводя взоромъ комнату,—это не квартира, а шатеръ какой-то. А мы, то-есть я и мой отецъ, изъ-за тебя рискуемъ карьерой... Ты знаешь, сегодня, когда со мной говорилъ Вермутовъ въ его кабинетѣ, я думалъ, что для меня уже все кончено... Онъ такъ говорилъ, онъ такъ говорилъ...

— Ну, какъ же онъ говорилъ?—спросилъ Владиміръ, любуясь его непосредственнымъ волненіемъ.

— Онъ говорилъ, что подобная статья мараетъ имя, подъ нею подписанное... Понимаешь, вѣдь это прозрачный намекъ!... Я не такъ глупъ, чтобы не понять этого: я ношу то самое имя, которое подписанно подъ статьей. У насъ съ тобой одинаковое имя... Онъ сравнивалъ автора статьи съ собакой, сорвавшейся съ цѣпи, и выражалъ сожалѣніе, что собака эта выбѣжала, какъ онъ сказалъ, изъ того же двора, къ которому принадлежу и я... Вѣдь это тоже намекъ, согласись!...

— Даже очень прозрачный,—подтвердилъ Владиміръ.

— Ну да, я это же и говорю...

— Но все-таки я не понимаю, зачѣмъ онъ звалъ тебя? Развѣ онъ подозрѣваетъ, что статью написалъ ты или что ты раздѣляешь мои взгляды?

— Избави Богъ. Онъ этого не можетъ подозрѣвать. Наконецъ, я прямо и откровенно заявилъ ему, что ни вотъ настолько не согласенъ съ тобою, никогда не былъ и не буду.

— Какая же цѣль этого приглашенія?

— Онъ заявилъ мнѣ, что я обязанъ пожертвовать родствен-

ными отношеніями и порвать съ тобою. Это—условіе его дальнѣйшаго покровительства мнѣ и моему отцу. Я, разумѣется, успокоилъ его, поспѣшивъ сказать, что мы съ тобою давно не ладили и что вообще у насъ нѣтъ никакихъ отношеній. Ты извини, я долженъ былъ это сказать, потому что подо мною колебалась вся моя будущность.

— Я извиняю,—съ видомъ глубокой серьезности сказалъ Владиміръ,—но, однако, надѣюсь, что это между вами закончилось мирно?

— Да, конечно. Мы отправились въ столовую и обѣдали вмѣстѣ съ дамами. Когда же подали дессертъ, вдругъ курьеръ приноситъ мнѣ записку отъ Коромыслова. Я, разумѣется, поспѣшилъ туда.

— И здѣсь тоже потребовали, чтобы ты порвалъ со мною?

— О, напротивъ. Коромысловъ совсѣмъ иначе, совсѣмъ. Онъ, прежде всего, началъ хвалить тебя, твой талантъ, твой умъ и прочее. И статью расхваливалъ; говорилъ, что она будто бы замѣчательная. У него, у Коромыслова, какая-то своя политика, которой я не понимаю. Но такъ какъ статья задѣваетъ огромный кругъ вліятельныхъ лицъ, то у тебя будто бы теперь столько враговъ, сколько чиновниковъ въ Россіи, и что это для тебя очень опасно. Онъ сказалъ: „Подумайте, куда бы онъ ни поѣхалъ, гдѣ бы ни поселился, вездѣ у него враги. Вѣдь это ужасное положеніе!“ Потомъ онъ спросилъ меня, въ хорошихъ ли я съ тобою отношеніяхъ? Я, признаться, не зналъ, что сказать, и выбралъ середину: такъ себѣ, говорю, не слишкомъ. А онъ: «Совѣтую вамъ, говоритъ, улучшить ваши отношенія къ кузену, понимаете ли такъ, чтобы вліять на него съ хорошей стороны, разумѣется, и дружески посовѣтывать ему не продолжать эту статью ради его же пользы, потому что, если онъ будетъ продолжать, то будетъ съѣденъ“.

— Кѣмъ?

— Конечно, чиновниками.

— Это очень лестно,—сказалъ Владиміръ,—быть съѣденнымъ дѣйствительными статскими и тайными совѣтниками.

— Ты еще шутишь! Ахъ, Владиміръ.

— Да вѣдь меня еще пока не подали на блюдѣ, мой милый кузенъ.

— Ахъ, оставь пожалуйста. Но что же я скажу Коромыслову?

— Скажи, что статья моя окончена и сдана въ редакцію и что теперь отъ редактора зависитъ, продолжать ее или нѣтъ.

— Но ты авторъ. Ты можешь остановить.

— Нѣтъ, я не имѣю права, да и не хочу. А за совѣты Коромыслова благодарю.

— Это твое рѣшительное слово?

— Рѣшительное.

— Я просто не знаю, какъ мнѣ съ этимъ явиться къ нему.

— А ужъ это твое дѣло.

— Знаешь, никогда я не думалъ, что наше родство доставитъ мнѣ столько непріятностей, — промолвилъ Петръ, поднявшись и надѣвая шубу.

Владиміръ развелъ руками. Потомъ онъ пожалъ руку родственника и проводилъ его въ переднюю.

— Ахъ, да, — промолвилъ онъ, отпирая дверь: я — слышалъ, что твоя женитьба на дочери Вермутова — дѣло рѣшенное?

— Ну, знаешь, теперь, послѣ этого нѣтъ ничего рѣшеннаго! — отвѣтилъ Петръ Любарцевъ, безнадежно махнувъ рукой, и скрылся за дверью.

Владиміръ Любарцевъ вернулся къ себѣ и, расчистивъ путь отъ препятствій въ родѣ кресла и стула, съ волненіемъ заходилъ по комнатѣ. Это было волненіе пріятное и жгучее, волненіе юноши, ощутившаго первый настоящій успѣхъ.

Богъ знаетъ, почему, съ давнихъ поръ, когда онъ еще былъ мальчикомъ, его вниманіе постоянно останавливалось на чиновникахъ, которыхъ часто приходилось встрѣчать среди знакомыхъ и у дяди. Можетъ быть, это потому, что дядя его былъ чиновникъ до мозга костей и ему невольно приходилось проводить параллель между нимъ и отцомъ.

Но ему всегда казалось, что это какой-то особенный міръ, не похожій на все остальное, что у чиновниковъ, такихъ, какъ его дядя, и тѣло сложено иначе, не такъ приставлены къ туловищу руки, ноги, голова и души совсѣмъ иныя. И по мѣрѣ того, какъ онъ росъ, выростала въ его головѣ идея, которую онъ потомъ назвалъ „античиновничьей“, а затѣмъ обратилась въ цѣлый планъ.

Статейка, которою онъ дебютировалъ въ газетѣ, была только пробною стрѣлой, а настоящая кампанія начинается съ этой статьи. Онъ приготовилъ рядъ статей, которыя должны были потомъ составить отдѣльную книгу.

И вотъ кузенъ принесъ ему вѣсти изъ „того міра“. Несмотря на дурныя пророчества, ему казалось, что это добрыя вѣсти. Еще бы: два такихъ солидныхъ столпа бюрократіи, какъ Вермутовъ и Коромысловъ, заволновались. Вермутовъ менѣе уменъ, но прямъ. Онъ дѣйствуетъ на чистоту. Коромысловъ умнѣе. Онъ подсылаетъ къ нему дурака Пьера, чтобы подѣйствовать на его родственныя чувства и припугнуть врагами.

Но какіе у него враги? Тѣ самые, что были до напечатанія статьи. Вермутовъ и Коромысловъ задѣты больше, чѣмъ кто бы

то ни было, потому что они сдѣлали карьеру именно на тѣхъ слабыхъ мѣстахъ бюрократизма, которыя онъ рисуетъ. Вотъ почему они оба оказались такъ воспріимчивыми, вотъ почему ихъ обоихъ такъ „скрючило“.

Враги, значитъ, сильные, но ихъ бояться очень не приходится, потому что это личные враги. Сколько бы ни искали, въ его статьѣ не найдутъ ни одного слова преступнаго, враждебнаго странѣ и ея строю. И у него все такъ ясно и чистосердечно, что нѣтъ мѣста для какихъ бы то ни было толкованій.

А, между тѣмъ, ощущеніе успѣха, реальнаго, живого, поднимало его духъ, наполняло его грудь чувствомъ гордости и удовлетворенія.

Не спалось ему въ эту ночь, но не спалось хорошо, здорово. Убѣдившись, что у него будетъ безсонница, онъ сѣлъ за столъ, вооружился перомъ и сталъ писать какіе-то неясные отрывки, безъ начала и безъ конца, даже стихи, которые на другой день утромъ вызвали у него только усмѣшку.

Онъ заснулъ очень поздно, а проснулся въ 8 часовъ и тотчасъ же всталъ и одѣлся, разсчитывая провести дѣятельный день. Онъ еще сидѣлъ за самоваромъ, когда къ нему постучались и въ комнату вошелъ небольшого роста толстенькій господинъ, съ лысой головой и маленькой сѣдоватой бородкой. Владиміръ вскочилъ съ мѣста и съ изумленіемъ пошелъ ему навстрѣчу.

— Василій Ивановичъ! Вы? И въ такой ранній часъ?—воскликнулъ онъ, пожимая руку гостю.

— Я, батюшка, я. Что подѣлаете? Редакторъ издатель не вѣдаетъ ни дня, ни часа, въ онь-же... сами знаете.

Василій Ивановичъ Снѣдёновъ былъ редакторомъ издателемъ того журнала, въ которомъ появилась послѣдняя статья Владиміра. Это былъ человѣкъ почтенный и весьма почитаемый въ литературномъ кругу за стойкость и послѣдовательность, съ какими онъ велъ свой журналъ уже много лѣтъ. У Владиміра Любарцева онъ никогда не былъ. Владиміръ только и познакомился съ нимъ недавно, по поводу статьи и онъ, по справедливости долженъ былъ считать этотъ визитъ за честь.

Онъ усадилъ гостя въ кресло и предложилъ ему чаю, но тотъ отказался.

— Я къ вамъ, батюшка, съ непріятною вещью! — сказалъ Снѣденовъ безъ всякихъ предисловій.—Ваша превосходная статья сдѣлала шумъ тамъ, гдѣ надлежало. Господа чиновники взбѣлѣнились и не потерпѣли. А вотъ вамъ и свѣженькая бумажка.

Онъ вынулъ изъ кармана большой конвертъ изъ сѣрой бумаги, а изъ него бумагу и далъ прочитать Владиміру.

— Первое!—сказалъ Владиміръ, прочитавъ бумагу.

— Оно, конечно, только первое, но послѣ второй статьи можетъ быть второе, а тамъ, сами знаете, что тамъ. Вотъ и разсудите: губить или пощадить журналъ. Прямо вамъ предоставляю. Статья, говорю вамъ, превосходная и своевременная, а главное, серьезная, безъ фразъ и безъ задору. Но что-жъ подѣлаете, когда она попала какъ разъ въ больное мѣсто. Когда попадаютъ въ больное мѣсто, человѣкъ кричитъ и отбивается. Да, такъ я это вамъ предоставляю.

Владиміръ поднялся и нѣсколько разъ задумчиво прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Видите ли, Василій Ивановичъ,—сказалъ онъ.—Я очень дорожу статьей и успѣхъ ея для меня далеко не безразличенъ. Вѣдь вы же знаете, что это мой первый настоящій успѣхъ. Но, разумѣется, я все-таки предпочту сохранить вашъ журналъ. Что дѣлать? Придется идти на попятный, хоть мнѣ еще и слишкомъ рано. А досаднѣе всего то, что мнѣ уже были даны совѣты пріостановить продолженіе статьи для собственнаго блага. И это будетъ имѣть видъ, что я послушался совѣта.

— А кто давалъ совѣты, если могу спросить?

— Вы знаете Коромыслова?

— Еще бы! Такая важная птица! Какъ не знать! Умный и тонкій чиновникъ.

— Онъ мнѣ дальній родственникъ. И вотъ черезъ моего кузена онъ далъ мнѣ этотъ совѣтъ.

— Послушайте, Владиміръ Ивановичъ, за то, что вы такъ хорошо пощадили мой журналъ, которымъ я дорожу не меньше, чѣмъ вы своей статьей, я вамъ устрою выходъ. Я напечатаю ваши статьи отдѣльною книжкой. Книжка эта пройдетъ беэъ запинки. Въ ней не будетъ ничего противозаконнаго и ваша цѣль будетъ достигнута.

— Но это все, чего я хочу!—воскликнулъ Владиміръ. — Я вамъ очень, очень благодаренъ, только бы поскорѣе.

— Экстренно напечатаю. Въ двѣ недѣлѣ будетъ готова. Я самъ хочу, чтобъ эта книжка увидѣла свѣтъ. А теперь прощаюсь съ вами, надо ѣхать въ типографію и замѣнить чѣмъ-нибудь вашу статью. Да кстати и насчетъ книги распорядиться. Въ двѣ недѣли она будетъ испечена, какъ пирогъ. Прощайте, прощайте, и спасибо за журналъ. Что-нибудь новенькое напишете, давайте.

Снѣдёновъ уѣхалъ, а Владиміръ предался новымъ мыслямъ, которыя вызвалъ его пріѣздъ. Было часовъ одиннадцать утра. Къ Аннѣ Михайловнѣ ѣхать было рано, но онъ такъ стремился къ ней, что рѣшилъ все-таки выйти изъ дому и идти медленно по

направленію къ Конногвардейскому бульвару, чтобы къ половинѣ перваго быть тамъ.

XX.

Въ этотъ день и въ домѣ Коромысловыхъ не все было спокойно. Константинъ Александровичъ по четвергамъ обыкновенно уѣзжалъ изъ дому въ половинѣ одиннадцатаго, но на этотъ разъ онъ засидѣлся дольше.

Уже съ десяти часовъ онъ сталъ часто звонить лакея и освѣдомляться, не встала ли Анна Михайловна. Къ его досадѣ, онъ все получалъ отрицательные отвѣты и только въ безъ четверти одиннадцать ему сказали:

— Барыня вставши.

Тогда онъ взялъ небольшой клочокъ бумаги и написалъ на немъ: „Мнѣ нужно видѣть васъ на двѣ минуты и я тороплюсь“— и отослалъ записку Аннѣ Михайловнѣ.

Анна Михайловна, привыкшая, чтобъ въ это время мужа уже не было дома, удивилась, но поспѣшила одѣться и, выйдя въ будуаръ, послала сказать Коромыслову, что она готова.

Коромысловъ тотчасъ явился. Онъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ у нея руку. Анна Михайловна взглянула на него мелькомъ и сейчасъ же поняла, что ея мужъ чѣмъ-то сильно задѣтъ.

— Вы сегодня опоздали къ вашимъ дѣламъ!—промолвила она.

— Да, потому что мнѣ было необходимо видѣть васъ. Вчера у васъ цѣлый день былъ народъ, я не могъ уловить васъ.

— Въ чемъ же дѣло, Константинъ Александровичъ?

— Вы, конечно, читали статью господина Любарцева... Да вотъ она—у васъ на столѣ... Книга журнала раскрыта какъ разъ на этой статьѣ.

— Читала съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣтила Анна Михайловна.—Очень умная и талантливая статья.

— Я это охотно признаю, хотя не могу сказать, что, читая ее, я испыталъ удовольствіе. Но не въ этомъ дѣло, Анна Михайловна. Я долженъ желать,—по многимъ соображеніямъ, которыя излагать скучно,—я долженъ желать, чтобъ продолженіе этой статьи не появилось... Господинъ Любарцевъ у васъ принятъ съ исключительною интимностью. Онъ, вѣроятно, вашъ другъ...

— Да, онъ мой другъ... я этого отъ васъ не скрываю...

— Значитъ, вы можете, разумѣется, если захотите, повліять на него въ томъ смыслѣ, чтобы онъ отказался продолжать эту статью...

Анна Михайловна посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ и тихонько пожала плечами.

— Вы могли заранѣе догадаться, что я этого не захочу!—промолвила она.

— Вы сдѣлали бы это для его пользы... Эта статья непріятна не мнѣ одному. Конечно, не я буду объ этомъ хлопотать, это не въ моихъ правилахъ, но другіе постараются, чтобы его не было въ Петербургѣ... Повторяю, это было бы для его пользы...

— Я думаю, что этой пользы онъ самъ не приметъ...

— Почемъ знать? Вы, однако-жъ, могли бы попробовать...

— Нѣтъ, Константинъ Александровичъ, я этого не буду пробовать...

— И ничѣмъ нельзя подвинуть васъ на это?

— Я не вижу ничего такого...

— Ну, хотя бы общей пользой, не для меня только лично, но и...

— Для меня?

— Для вашего дома...

— Я считаю себя обязанной дѣлать многое для нашего дома, но не все... Я думаю, что и того, что я дѣлаю, достаточно... Отъ этого же я отказываюсь.

— Очень, очень жалѣю... Должны будутъ прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ...

— Въ статьѣ нѣтъ ничего нецензурнаго...

— Все равно—она неудобна.

— Для васъ?

— Для меня и для многихъ другихъ... У нихъ не будетъ никакой охоты щадить вашего друга.

— Онъ не проситъ пощады...

— Словомъ, вы отказываете мнѣ въ этомъ?—спросилъ Коромысловъ и взглянулъ на часы.

— Принуждена отказать, Константинъ Александровичъ...

— Я долженъ торопиться... до свиданія.

Онъ торопливо подошелъ къ ней, формально поцѣловалъ у нея руку и, не сказавъ больше ни слова, вышелъ.

Анна Михайловна дала ему скрыться, потомъ съ энергіей приподнялась и побѣдоносно посмотрѣла ему вслѣдъ. Это была побѣда, можетъ быть первая, но не надъ нимъ, а надъ самою собой.

Они давно разошлись во всемъ. Между ними установился режимъ взаимнаго удобства. „Нашъ домъ“—это была фикція, для которой дѣлались всевозможныя уступки, даже приносились жертвы. И Анна Михайловна ни разу еще не имѣла силы отклонить что-нибудь, что содѣйствовало благополучію этой фикціи.

Правда, Константинъ Александровичъ не злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ. Онъ очень рѣдко чего-нибудь требовалъ, а

еще рѣже на чемъ-нибудь настаивалъ. Но зато достаточно ему было сказать, что „это въ интересахъ нашего дома“, какъ Анна Михайловна принимала безъ возраженій.

И это происходило не изъ пристрастія къ „нашему дому“, не изъ желанія охранить его, а единственно изъ лѣни и изъ боязни какихъ бы то ни было домашнихъ исторій и дрязгъ.

Но теперь Аннѣ Михайловнѣ показалось невозможнымъ принять на себя предложенную миссію. Ей было оскорбительно уже одно какое бы то ни было посредничество между Владиміромъ Любарцевымъ и „другими“. А кромѣ того, она навѣрно знала, что такое посредничество не имѣло бы успѣха и только внесло бы непріятный оттѣнокъ въ ихъ отношенія.

Теперь она распорядилась, чтобъ завтракъ былъ готовъ и ждала его. Ей почему-то казалось, что сегодня онъ не могъ не придти. Если бы онъ былъ боленъ, то написалъ бы объ этомъ; въ виду же событій, она, конечно, первая, къ кому онъ захочетъ придти.

Такимъ образомъ, они оба напряженно желали встрѣчи. Онъ— медленно идя къ ней и боясь, какъ бы не придти слишкомъ рано, то-есть не во время, когда она еще не одна, а она—часто подходя къ окну и прислушиваясь къ шагамъ въ гостиной.

Это напряженное единомысліе съ обѣихъ сторонъ создавало между ними особую атмосферу, которой они, конечно, не могли замѣтить и сознать, но которая какъ бы подготовляла ихъ къ предстоящему разговору.

Послышались тихіе шаги лакея, а за ними другіе. Портьера раздвинулась, и вошелъ Владиміръ.

Уже по его взволнованнымъ и какъ-то восторженно улыбающимся глазамъ она поняла, что онъ переживаетъ что-то необычное.

— Поздравляю!—сказала Анна Михайловна, крѣпко пожимая его руку.

Онъ, какъ и Коромысловъ, тотчасъ замѣтилъ книжку журнала, раскрытую на его статьѣ, и понялъ, къ чему относится поздравленіе.

— Съ побѣдой Пирра?—спросилъ онъ.

— А что-жъ... это была самая почетная побѣда, какую мы только знаемъ... Садитесь! Я вижу, что у васъ что-то есть... вижу по вашему лицу.

Владиміръ сѣлъ.

— Есть! Во-первыхъ, чудное настроеніе...

— Ужъ это очень цѣнно.

— Во-вторыхъ, сознаніе, что отъ моей статьи ихъ, простите мнѣ это выраженіе, „скрючило“...

— Я сама это видѣла...

— Гдѣ? Когда?—съ живостью спросилъ Владиміръ.

— Полчаса тому назадъ, вотъ здѣсь. Мой мужъ сдѣлалъ мнѣ деликатное порученіе убѣдить васъ, чтобы вы, для вашей пользы конечно, не продолжали статью...

— И вы сейчасъ начнете убѣждать меня?

— Избави Богъ! Я отказалась... Женщины иногда бываютъ тверды.

— Константинъ Александровичъ, должны быть, очень мало надѣялся на васъ, такъ какъ приготовилъ для той же цѣли не особенно лестный для васъ дубликатъ...

— Какъ? Былъ дубликатъ?

— Вчера вечеромъ мнѣ нанесъ визитъ кузенъ Пьеръ. Бѣдняга испыталъ серьезное потрясеніе: въ этотъ день его экстренно призвали два генерала. Первый—болѣе прямой и рѣшительный—потребовалъ отъ него прекращенія всякихъ отношеній со мною. Это я понимаю, это его право. Второй же избралъ болѣе дипломатическій путь и, какъ бы отмѣнивъ приказаніе перваго генерала, посовѣтывалъ ему сблизиться со мною и повліять въ смыслѣ прекращенія статьи. Вотъ изъ этого-то я и заключилъ, что ихъ „скрючило“.

— Вы, конечно, отказали...

— Ему я отказалъ, но другому не могъ отказать.

— Другому? Кто же это еще?

— Сегодня утромъ у меня былъ редакторъ. Журналъ получилъ непріятность, какихъ въ жизни журнала можетъ быть только три. Мнѣ была поставлена дилема: цѣлость журнала или моя статья. Я былъ великодушенъ и выбралъ первое.

— Такъ вотъ почему это—побѣда Пирра!..

— Да, но Пирръ скоро оправился и преподнесъ своимъ врагамъ такую штуку, какой и не ожидали...

— А именно?

— Вы о Пиррѣ?

— Нѣтъ, о васъ.

— А видите ли—только это подержимъ въ тайнѣ, а то еще помѣшаютъ:—мой издатель, тронутый моею сговорчивостью, рѣшилъ выпустить мои статьи отдѣльною книгой, которая выйдетъ черезъ двѣ недѣли.

— Это великолѣпно, но... Послушайте, если журналъ могутъ пріостановить, то книгу тоже могутъ убрать...

— Да не за что же, увѣряю васъ, не за что. Съ точки зрѣнія цензурной, это вполнѣ невинная книга. Я, видите ли, держусь мнѣнія, что разъ существуетъ цензура, надо писать цензурно,

иначе вы напрасно только будете тратить трудъ. Ну, а затѣмъ, оставимте это на послѣ и поговоримте о другомъ...

— Будемъ завтракать,—предложила Анна Михайловна.

— Будемъ завтракать, а потомъ все-таки поговоримъ о другомъ...

Она посмотрѣла на него испытующимъ взглядомъ.

— Это *другое* уже предусмотрѣно?—спросила она.

— О, да. Въ высшей степени предусмотрѣно.

— Пойдемте завтракать.

Они пошли въ столовую. Анна Михайловна какъ-то вся перемѣнилась. Ея открытая свободная дружеская радость, которую она проявляла по поводу успѣха его статьи, смѣнилась осторожностью. Теперь она точно все оглядывалась, каждое его замѣчаніе принимала подозрительно, а свои отвѣты обдумывала и взвѣшивала.

Это „предусмотрѣнное другое" напомнило ей начатый и прерванный разговоръ у него въ квартирѣ. Вѣдь это та „загадка", которую онъ такъ настойчиво обѣщалъ задать ей. Эта загадка ужасала ее, потому что ее слишкомъ легко было разгадать, но разгадка, тѣмъ не менѣе, ничего не разрѣшала.

И разговоръ ихъ за завтракомъ шелъ кое-какъ... Онъ весь состоялъ изъ незначительныхъ репликъ и порядочныхъ паузъ. Говорилось все ненужное и принужденное.

Но она замѣтила, что онъ выпилъ вина хоть и немного, но больше, чѣмъ пилъ всегда. Это тоже не внушало ей хорошихъ надеждъ.

Тѣмъ не менѣе завтракъ кончился. Анна Михайловна велѣла подать кофе въ будуаръ и они перешли туда. Владиміръ занялъ свое обычное мѣсто въ углу, въ глубинѣ кресла, гдѣ его наполовину закрывалъ широкій листъ пальмы. Анна Михайловна помѣстилась на своей софѣ.

Лакей принесъ кофе и поставилъ передъ нимъ на маленькомъ столикѣ. Анна Михайловна отказалась. По обыкновенію ему было разрѣшено курить папиросу...

Все это было сдѣлано, какъ всегда. Повидимому, ни въ чемъ не было перемѣны. Но она была и чувствовалась ими обоими: отсутствовала непринужденность. Каждая пауза казалась имъ неловкою и тяжелою, тогда какъ прежде они послѣ горячаго разговора могли подолгу молчать, мысля объ одномъ и томъ же и не замѣчая своего молчанія.

— Воображаю, какъ былъ перепуганъ вашъ кузенъ!—сказала Анна Михайловна.

— Да. Но объ этомъ мы уже говорили...—чуть-чуть иронически замѣтилъ Владиміръ.

Анна Михайловна вспыхнула.—Это правда,—промолвила она.

— И правда то, что вы неумолимы...

— Меня никто еще не умолялъ...

— А если бы стали умолять?

— Тогда получили бы право сказать, что я неумолимъ...

— Значитъ, это необходимо, неизбѣжно?

— Для меня по крайней мѣрѣ...

— Загадка?

— Она самая... А не странно ли это вамъ, Анна Михайловна: мы никогда съ вами не боялись говорить то, что думаемъ и чувствуемъ. Почему это мы вдругъ стали бояться?

— Потому что не было загадки, а теперь она явилась.

— А если явилась, такъ надо поскорѣй разгадать ее и съ плечъ долой...

— Но, Боже мой...—вдругъ воскликнула она нервозно, нетерпѣливо и быстрымъ движеніемъ вся повернулась къ нему:—давайте разгадывать... Я на все, на все готова...

— Вотъ, наконецъ, мы дождались правдиваго настроенія... Такъ давайте, давайте... а то оно пройдетъ и вы опять будете баррикадировать вашу душу...—заговорилъ Владиміръ съ жаромъ и чрезвычайнымъ волненіемъ:—вотъ ваша душа теперь въ вашихъ глазахъ вся безъ остатка, прекрасная, какъ ваши глаза... И я говорю ей... я разговариваю, наконецъ, съ нею самой... Я говорю ей: не прячься отъ меня такъ глубоко... Я тебя люблю, ты мнѣ необходима, какъ воздухъ моимъ легкимъ... А, она уже спряталась... и теперь мои вопли будутъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ...

— Что вы хотите?—строго, напряженно глядя на него, произнесла Анна Михайловна.

— Я хочу?—переспросилъ Владиміръ:—да это же ясно. Я хочу, чтобъ вы отказались отъ добровольнаго рабства и сдѣлались свободны. Къ чему вамъ это? Васъ это даже уже не тѣшитъ... Если прежде это развлекало васъ хоть внѣшнимъ образомъ, какъ пестрота, какъ движеніе, то теперь оно потеряло для васъ и этотъ интересъ и тяготитъ васъ, утомляетъ... Уйдите же отсюда и идите, не оглядываясь, не сожалѣя...

— Куда?—спросила она, посмотрѣвъ на него какимъ-то страннымъ сосредоточеннымъ взглядомъ.

— Со мною... Я полюбилъ васъ, вы мнѣ дороги. Мы столько времени понимали другъ друга и ни разу не ошиблись. Я люблю вашу красоту и вашъ умъ значитъ, всю васъ люблю... А вы не станете же вы утверждать, что вы равнодушны ко мнѣ, что я для васъ то же, что другіе...

Она рѣшительно, твердо покачала головой.—Не стану, не стану...—послышался ея голосъ—нервный, дрожащій и въ то же

время убѣжденный.—Все, что вы сказали,—правда. Если я сама говорила за себя, то, можетъ быть нашла бы, слова еще сильнѣе и ярче... Ахъ, да къ чему намъ подбирать слова!.. Вы для меня то же, что я для васъ, но...

— Я не хочу слышать никакихъ *но*,—воскликнулъ Владиміръ и поднялся съ мѣста.

— Вы ихъ услышите... Вы должны ихъ выслушать!—возразила Анна Михайловна:—то, что произошло сегодня,—печально, хотя, можетъ быть, оно было неизбѣжно. Загадка разгадана... и въ этой разгадкѣ нашъ приговоръ...

— Вы будете моей—вотъ этотъ приговоръ!..

— Никогда, никогда... О, еслибъ вы знали жизнь такъ, какъ я знаю ее!.. Никогда! Еслибъ я согласилась на это, то согласилась бы на самоубійство. Теперь я смотрю на васъ издали и любуюсь вашей молодостью, вашей вѣрой въ свои силы, вашей нравственною цѣльностью, вашей духовною красотой... Но я не унижусь, не упаду до того, чтобы мечтать о наслажденіи, какое вы могли бы доставить мнѣ вашей молодостью... Никогда, мой другъ Владиміръ Ивановичъ... никогда! Я иногда думаю: еслибъ этотъ человѣкъ пришелъ ко мнѣ пятнадцать лѣтъ тому назадъ... О, это было бы счастье, близкое къ безумію. Но теперь... Пятнадцать лѣтъ—огромный періодъ въ жизни сердца... А мое сердце въ эти пятнадцать лѣтъ пережило двойную жизнь. И мнѣ вѣдь много лѣтъ, Владиміръ Ивановичъ, много... гораздо больше, чѣмъ вы думаете...

— Это мнѣ все равно... Я никогда не задавалъ себѣ вопроса объ этомъ.

— Это не все равно и этотъ вопросъ надо задавать себѣ прежде всего... Что я принесу вамъ? Вашей стройной нетронутой душѣ я дамъ истрепанную изъѣденную разочарованіемъ душу, старую душу, разучившуюся вѣрить и научившуюся заподозрѣвать каждое искреннее движеніе сердца... И что же будетъ затѣмъ? Отъ жены вы потребуете энергіи, поддержки—у меня ихъ не найдется. И то, и другое было безразсчетно израсходовано для другого... Отъ любовницы вы потребуете, чтобы она на ваше молодое чувство отвѣчала молодостью—а моя ушла безвозвратно. Да, да, ушла... Ее можно усиліемъ воображенія вернуть на часъ, на день, но вѣдь это же будетъ обманъ... А дружба—единственное, на что я имѣю право и на что могу отвѣчать равными силами—она будетъ унижена и разрушена... Ради Бога, ради Бога, оставьте мнѣ ее... Не отнимайте у бѣднаго человѣка его послѣднее добро... Вы еще не разъ полюбите, ваша молодость переживетъ это маленькое потрясеніе, у васъ еще цѣлая жизнь, полная глубокихъ волненій... А мнѣ остается только это...

Владиміръ уже давно подошелъ къ окну и глядѣлъ черезъ стекло на улицу, и ему казалось, что этотъ дрожащій, страдающій голосъ раздается гдѣ-то далеко позади его. Но каждое слово ея западало ему въ душу и какъ-то незамѣтно приводило тамъ все въ порядокъ, утишало разыгравшуюся тамъ бурю, и онъ чувствовалъ, какъ постепенно погасалъ его безумный порывъ и улегалось въ его душѣ волненіе.

Она уже молчала, а онъ все еще не двигался съ мѣста. Можетъ быть, его удерживало неловкое чувство, что онъ, только что горѣвшій такимъ пламенемъ, вдругъ покажетъ себя ей такимъ успокоившимся и благоразумнымъ. Какъ быстро онъ согласился съ нею! Какъ легко было его уговорить!

Но колебаніе никогда надолго не овладѣвало имъ. „Надо быть правдивымъ. Зачѣмъ обманывать себя и ее?“ такъ сказалъ онъ себѣ: „то, что двигало мною было не глубоко, это теперь очевидно. Можетъ быть, это даже не чувство, а просто порывъ, настроеніе... Пусть же она видитъ это...»

И онъ повернулся къ ней.—По всей вѣроятности, вы правы. Вы такъ хорошо умѣете охлаждать... Я доставилъ вамъ огорченіе,—простите... и будемъ такъ, какъ будто ничего между нами не было.

Онъ подошелъ къ ней ближе, она съ выраженіемъ радости въ глазахъ протянула ему руку. Прошло еще неловкихъ четверть часа, а потомъ завязался разговоръ и полился непринужденно и просто, какъ бывало между ними всегда.

Часа въ два ночи Владиміръ возвращался домой, чрезвычайно довольный этимъ днемъ. Никогда еще онъ такъ глубоко не чувствовалъ, что у него есть настоящій другъ.

XXI.

Владиміръ Любарцевъ не былъ спортсменомъ, но его интересовало все, что почему-либо могло интересовать другихъ.

Существовали скачки и бѣга, онъ часто читалъ о нихъ въ газетахъ, онъ встрѣчалъ людей, которые говорили о лошадяхъ съ такою серьезностью, какъ будто это были герои. И онъ почелъ своимъ долгомъ поѣхать и посмотрѣть это воочію.

Былъ холодный, но солнечный день, безъ вѣтра. По газетамъ онъ зналъ, что въ этотъ день на Семеновскомъ плацу разыгрывался какой-то крупный, а потому почетный призъ. Онъ и выбралъ этотъ день для своихъ наблюденій.

Послѣ завтрака онъ отправился на ипподромъ и засталъ бѣга уже въ разгарѣ. Внизу около кассъ толпилась публика, большею

частью сѣрая. Какіе-то люди, похожіе на старшихъ дворниковъ, собирались въ группы и дѣлили между собой деньги. Въ другомъ мѣстѣ бранились.

Къ нему подошелъ молодой человѣкъ подозрительнаго вида и осторожно, почти шопотомъ, сообщилъ ему, что можетъ указать лошадь, которая навѣрно выиграетъ. Владиміръ сказалъ ему, что не играетъ, и молодой человѣкъ, посмотрѣвъ на него съ сожалѣніемъ, удалился.

Увидѣвъ лѣстницу, Владиміръ поднялся наверхъ. Здѣсь публики тоже было очень много и, какъ ему показалось, она была лучше одѣта. Въ ложахъ попадались вполнѣ приличные мужчины и нѣсколько элегантныхъ дамъ. Владиміръ пристроилъ себя въ удобномъ пунктѣ около колонны и началъ внимательно разсматривать публику. Внизу, въ бѣговомъ кругу, хотя и сновали американскія двухколески, запряженныя рысаками, но, очевидно, это еще не было состязаніе, такъ какъ никто туда не смотрѣлъ.

Среди публики онъ замѣтилъ нѣсколько журналистовъ невысокаго разбора. Они спорили, бѣгали къ кассамъ, покупали билеты. Но вотъ въ одной изъ ложъ онъ увидѣлъ двухъ дамъ и трехъ, хорошо одѣтыхъ, молодыхъ людей. Онъ сразу обратилъ на нихъ вниманіе.

Дамы были въ преувеличенно-большихъ шляпкахъ, кофточки у нихъ были вполнѣ модныя, но, судя по тому, какъ онѣ вздрагивали, надо было думать, что имъ не особенно тепло. У одной были крупныя черты на смугломъ, довольно красивомъ, лицѣ. Черныя, сильно накрашенныя, брови придавали этому лицу выраженіе энергіи и рѣшительности.

У другой—помоложе—лицо было незначительное, но пріятное. Она, очевидно, чувствовала себя въ этомъ обществѣ вторымъ номеромъ, держалась скромно и слегка заискивала у первой.

Владиміръ не остановилъ бы своего вниманія на этихъ дамахъ, такъ какъ онѣ ничѣмъ не отличались отъ остальной публики, но ему показалось, что въ числѣ молодыхъ людей — одинъ, одѣтый въ шубу и бобровую шапку, не кто иной, какъ его кузенъ Петръ Любарцевъ. Сперва онъ подумалъ, что его плохіе глаза обманываютъ его, но затѣмъ убѣдился, что это дѣйствительно Петръ и началъ наблюдать.

Онъ замѣтилъ, что въ то время, какъ другіе двое очень свободно обращались съ дамой, у которой были крупныя черты лица, Петръ былъ фамильяренъ по отношенію къ дамѣ съ незначительнымъ лицомъ. Онъ часто дружески похлопывалъ ее по плечу, касался рукой ея волосъ, нѣсколько разъ назвалъ ее Кларой и обращался къ ней на ты.

Это очень заняло Владиміра. Что это за дамы? Это могли быть

мать и дочь Вермутовы, но, во-первыхъ, ему было извѣстно, что обѣ онѣ крайне некрасивы, у этихъ же вполнѣ пристойныя лица. Во-вторыхъ, каковы бы ни были ихъ отношенія, никогда онѣ не допустили бы такого свободнаго обращенія. Наконецъ, по всему видно, что дамы эти — извѣстнаго сорта. Но какимъ образомъ попалъ сюда Петръ и почему эта дама ему близка, почему онъ называетъ ее Кларой и говоритъ ей ты?

Въ то время, какъ онъ производилъ свои наблюденія, вдругъ произошла перемѣна. Публика выбѣжала изъ внутреннихъ помѣщеній, всѣ стремительно двинулись къ барьерамъ.

Многіе вынули изъ кармановъ часы и внимательно считали по нимъ секунды. А на бѣговомъ кругу двѣ лошади состязались въ бѣгѣ. Онѣ бѣжали такъ быстро и такъ красиво, что Владиміръ на время почувствовалъ себя спортсменомъ, забылъ даже о кузенѣ и его дамѣ и не спускалъ глазъ съ лошадей.

Потомъ бѣжали двѣ другія лошади, послѣ нихъ опять новыя. Вниманіе Владиміра скоро утомилось и онъ опять началъ наблюдать ложу.

Это былъ самый главный бѣгъ дня. Онъ кончился, и публика повалила въ корридоры. Тутъ Владиміръ увидѣлъ, что его кузенъ элегантно предложилъ руку своей дамѣ и повелъ ее во внутреннее помѣщеніе зданія. Его разобрало любопытство. Онъ послѣдовалъ за ними.

Тамъ была толкотня и спертый воздухъ. Владиміръ выпустилъ, было, изъ виду предметъ своего наблюденія, но скоро нашелъ свою пару около буфета. Петръ ничего не ѣлъ и не пилъ, а его дама ѣла пирожокъ и запивала пивомъ.

Потомъ они двинулись въ противоположную сторону и, очевидно, справлялись, сколько даютъ за выигрышную лошадь. Изъ этого Владиміръ заключилъ, что они выиграли. Потолкавшись въ толпѣ, они, наконецъ, пошли къ выходу и тутъ-то имъ пришлось проходить мимо Владиміра, и кузенъ Петръ увидѣлъ его.

Въ первое мгновеніе онъ какъ будто смутился и даже, казалось, хотѣлъ, было, оставить руку своей дамы, но затѣмъ оправился, какъ-то окрѣпъ и не только не исполнилъ своего намѣренія, а, напротивъ, выпрямился и повелъ свою даму съ видомъ побѣдоноснымъ. А когда поровнялся съ Владиміромъ, чрезвычайно привѣтливо улыбнулся ему и на ходу пожалъ ему руку.

— А, здравствуй! И ты здѣсь? Мы увидимся въ слѣдующемъ антрактѣ! — промолвилъ онъ на лету и скрылся со своею дамой въ толпѣ.

Владиміръ находилъ, что съ него уже достаточно бѣгового удовольствія и готовъ былъ идти домой, но обѣщанное Пьеромъ свиданіе въ слѣдующемъ антрактѣ заинтересовало его. Онъ остался.

Прошелъ еще одинъ бѣгъ. По окончаніи его, Петръ дружески похлопалъ свою даму по плечу, сказалъ ей нѣсколько словъ и вышелъ изъ ложи. Они встрѣтились съ Владиміромъ въ проходѣ.

— Вотъ никогда не угадаешь, гдѣ тебя можно встрѣтить!— сказалъ Петръ.

— Вездѣ. Развѣ ты не знаешь, что меня все интересуетъ?— отвѣтилъ Владиміръ.

— А я здѣсь съ маленькимъ обществомъ. Видѣлъ мою даму? Какъ находишь? Она не красавица, но довольно мила.

— Кто она?

— Имя ея никому неизвѣстно, хотя съ нѣкоторыхъ поръ оно начинаетъ уже повторяться.

— Гдѣ?

— Н, разумѣется, въ извѣстномъ кругу, въ кругу людей, интересующихся женщинами. И я отчасти способствую этому.

— Но у нея есть же какое-нибудь положеніе.

— Была швейкой, а потомъ перемѣнила это искусство на болѣе легкое.

— Но въ какомъ же смыслѣ она приходится тебѣ дамой?— съ замѣтнымъ любопытствомъ допрашивалъ Владиміръ.

— Да въ самомъ простомъ: она моя дама. Такъ и говорятъ: это дама Пьера Любарцева.

— Ты что же, содержишь ее?

— Какъ тебѣ сказать? Только отчасти. Я не въ состояніи оплачивать для нея все. Но я иногда дѣлаю для нея подарки: какую-нибудь кофточку или маленькое бижу. Ты замѣтилъ на ней кофточку съ мѣховою обшивкой? Это я ей сдѣлалъ. Самъ заказывалъ. И какъ дешево: мнѣ обошлась она всего шестьдесятъ рублей.

— Погоди, я ничего не понимаю. Ты становишься для меня все запутаннѣе.

— Знаешь что? Сядемъ лучше за столикъ. Я здѣсь съ половины двѣнадцатаго, я не завтракалъ. Челаэкъ, принеси-ка бутербродовъ, пирожковъ и пива. Надѣюсь, ты раздѣлишь мой скромный завтракъ?

— Благодарю, я завтракалъ.

— Жаль. Я на этотъ бѣгъ не пойду. Тутъ все какія-то клячи бѣгутъ.

Они сѣли за столикъ. Петру скоро принесли бутерброды и пирожки и онъ жадно поѣдалъ ихъ, запивая пивомъ.

— Такъ я для тебя загадка!—говорилъ онъ между тѣмъ:— но это оттого, что ты не знаешь условій свѣтской жизни. Видишь ли, у всякаго свѣтскаго молодого человѣка есть своя дама. Это почти условіе, чтобы тебя признавали. Знаешь, иные моло-

дые люди еще на школьной скамьѣ заводятъ себѣ даму. И я это понимаю. Иначе всякій будетъ имѣть право думать, что ты какой-нибудь святоша, ханжа или скупецъ, который боится истратиться. Ну, вотъ и у меня есть дама. Понялъ?

— Не совсѣмъ. Ты говоришь, что содержишь ее отчасти. Значитъ, она твоя дама тоже отчасти?

Петръ двусмысленно усмѣхнулся.

— Какой ты проницательный! Ну, конечно. Я же не могу нанимать ей цѣлый отель, оплачивать ея счета, лошадей. Со временемъ разумѣется, я все это смогу. А теперь я просто оказываю ей маленькія услуги и за это она появляется со мною на бѣгахъ, иногда мы ѣздимъ съ нею въ экипажѣ по Морской, по набережной, изрѣдка я беру для нея ложу и появляюсь тамъ на минуту. Ну, понимаешь, все это, такъ сказать, для свѣта.

— Я начинаю понимать. Значитъ, ты дѣлишь ее съ другими.

— Ха-ха-ха!—весело разсмѣялся Петръ.—Какой ты чудакъ! Но кто же можетъ знать, съ кѣмъ онъ дѣлитъ женщину, хотя бы она была его жена? Женщины такъ коварны. Притомъ же до этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Но, однако, какъ ты неопытенъ, Владиміръ, ахъ, какъ ты неопытенъ! Ты удивляешься такимъ вещамъ, которыя для всѣхъ очень обыкновенны. Такъ дѣлаютъ очень многіе, да, да, очень многіе. Ты понимаешь, тутъ сила въ чемъ: всѣ видятъ, что у меня есть своя женщина и это сейчасъ придаетъ мнѣ извѣстный характеръ свѣтской солидности.

— Но твои отношенія съ госпожой Вермутовой? Значитъ, они прекратились?

— Тс... Пожалуйста не говори такъ громко. Никогда не слѣдуетъ называть имена.

И, сдѣлавъ это предостереженіе, Петръ придвинулся ближе къ Владиміру и началъ говорить тихо.

— Эти отношенія не только не страдаютъ, а даже слегка подогрѣваются. Да, да. Ахъ, ты не знаешь женщинъ, Владиміръ. Женщина, это совсѣмъ что-то особенное. Она немножко ревнуетъ и больше боится потерять меня. Словомъ, я въ ея глазахъ только становлюсь болѣе цѣннымъ.

— Ради Бога, не можешь ли ты побольше распространиться объ этомъ? Это такъ интересно съ точки зрѣнія нравовъ и морали...

— Что жъ тутъ распространяться? Я дѣлаю карьеру. А когда человѣкъ вращается въ обществѣ и хочетъ сдѣлать карьеру, онъ долженъ вести себя, какъ всѣ порядочные люди. Я, когда пріѣхалъ сюда, сразу замѣтилъ, что у всѣхъ есть свои женщины: у Вермутова есть и у Коромыслова, и у всѣхъ другихъ. У холостыхъ и у женатыхъ, все равно. Это, какъ бы тебѣ сказать...

Этого требуетъ хорошій тонъ. Ну, вотъ и я, разумѣется, поспѣшилъ завести... Мой очецъ всегда говорилъ мнѣ: если хочешь имѣть успѣхъ въ обществѣ, дѣлай то, что дѣлаютъ другіе. Зачѣмъ тебѣ ломать голову и придумывать новое, когда все уже хорошо придумано?.. Я всегда уважалъ мнѣніе моего отца...

— Но ты же, кажется, собираешься жениться на m-lle Вермутовой?

— О, теперь это уже дѣло рѣшенное. Да, ты не знаешь: вѣдь я уже старшій помощникъ столоначальника, а какъ только женюсь, сейчасъ же меня сдѣлаютъ столоначальникомъ. Теперь пока воздерживаются... Ха-ха боятся, чтобы я не увильнулъ. Знаешь, такіе случаи бывали: ухаживаетъ, ухаживаетъ, его повышаютъ, а онъ взялъ да и улизнулъ въ другое вѣдомство... Я, конечно, этого не сдѣлаю, потому что я слишкомъ порядочный человѣкъ для этого. Все-таки, согласись, это было бы свинство... Но зато тогда, то есть послѣ женитьбы, карьера моя пойдетъ на всѣхъ парахъ.

— Ну, а это... Твоя дама,—это какъ же?

— А это? Ха ха-ха! Нѣтъ, ты ровно ничего не понимаешь въ жизни, Вольдемаръ. Это даже удивительно! Какъ-ты, писатель, и такой наивный!.. Это только придаетъ мнѣ вѣсу. Со мною, разумѣется, говорили объ этомъ. Ахъ, это была презабавная комедія... Меня даже укоряли... Я, разумѣется, поклялся, что все это порву... Вѣдь всегда клянутся въ такихъ случаяхъ... Но вѣдь это только такъ... для соблюденія приличія... А само собою, никто же не повѣритъ, что я буду вѣренъ своей женѣ, которая— этого не скрою—некрасива, какъ смерть... Однако, надо купить въ кассѣ билетъ... Слѣдующій бѣгъ интересенъ... Ты не играешь? Напрасно. Это очень занимательно. И если угадаешь фукса— можно хорошо заработать... прибавилъ онъ, поспѣшно запихивая въ ротъ послѣдній пирожокъ.—Челаэкъ! сколько съ меня? Вотъ, получи. Сдачи не надо. До-свиданія, Вольдемаръ. А твои статьи таки прекратили! А? „По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ?“ А? Ха-ха-ха! Такъ вамъ и надо, господа. Такъ и надо! До-свиданія.

И онъ побѣжалъ къ кассѣ. Владиміръ поднялся и ушелъ совсѣмъ съ бѣговъ. Спортивныя впечатлѣнія въ душѣ его совсѣмъ уступили мѣсто другимъ. Кузенъ Пьеръ не выходилъ у него изъ головы.

Какъ онъ развился! Какую бойкость пріобрѣлъ! Какъ обогатился его языкъ!.. Даже про „независящія отъ редакціи обстоятельства“ знаетъ...

И сколько новаго, страннаго, но, въ концѣ концовъ, вполнѣ правдоподобнаго онъ узналъ отъ своего дурака...

XXII.

Было тихое апрѣльское утро. Вторники Владиміръ Любарцевъ всегда посвящалъ редакціи. Въ этотъ день онъ, помимо своихъ ежедневныхъ занятій, писалъ статью и ради этого забирался въ редакцію пораньше. Теперь онъ особенно дѣятельно предавался радакціоннымъ дѣламъ, такъ какъ собирался взять отпускъ, съѣздить сперва въ родной городъ, а потомъ еще куда-нибудь—куда, онъ не опредѣлилъ.

И онъ уже готовъ былъ выйти изъ дому, какъ явился посыльный и подалъ ему письмо отъ Анны Михайловны. Она писала. „Непремѣнно приходите сегодня между двѣнадцатью и часомъ. Я покажу вамъ зрѣлище, подобнаго которому вы никогда въ жизни не встрѣтите".

Владиміръ понималъ, что это была шутка, что зрѣлище, навѣрное принадлежитъ къ курьезамъ, тѣмъ не менѣе ему не хотѣлось оставить приглашеніе безъ отклика и онъ рѣшилъ въ редакцію пойти позже.

Онъ надѣлъ новый сюртукъ, который недавно только сшилъ ему портной и отправился на Конногвардейскій бульваръ. Въ будуарѣ Анны Михайловны не было слышно говора. Она была одна. Владиміра она встрѣтила усмѣшкой.

— Вотъ спасибо, что повѣрили...

— Надѣюсь, буду достойно вознагражденъ?

— О, да, навѣрное...

— Это тѣмъ интереснѣе, что случилось не въ четвергъ. Я привыкъ ожидать добраго только отъ четверговъ...

— О, да вы добраго и не ждите. Этого я вамъ не обѣщала... Впрочемъ, можетъ быть, вы сочтете за доброе непремѣнное желаніе моего мужа видѣть васъ... Онъ сейчасъ войдетъ сюда.

— Какъ? Значитъ, я уже прощенъ?

— О, теперь онъ вашъ страстный поклонникъ...

— Весьма лестная для меня метаморфоза... Но, кромѣ, этого будетъ еще что нибудь?

— Развѣ я когда-нибудь не исполняла своихъ обѣщаній?

Послышался тихій стукъ въ дверь и тотчасъ, не дожидаясь приглашенія, вошелъ Константинъ Александровичъ. Онъ былъ въ вицмундирѣ, съ орденомъ на шеѣ и съ звѣздой. У него былъ дѣловитый видъ, но не потому, чтобы онъ куда-нибудь торопился, а вслѣдствіе привычки. Этотъ видъ появлялся на его лицѣ всякій разъ, когда онъ надѣвалъ вицмундиръ, и исчезалъ, когда онъ облачался въ пиджакъ.

Лицо его приняло необыкновенно радостное выраженіе, когда

онъ увидѣлъ Владиміра Любарцева, который при его появленіи поднялся.

— Ахъ, вотъ кто у тебя... Очень радъ встрѣтиться... Право, очень радъ!—сказалъ онъ, съ чувствомъ пожимая руку Владиміра.

Любарцевъ не видѣлъ его со времени проводовъ дяди. Дальнѣйшія событія не обѣщали ему такой радостной встрѣчи. Изъ этого надо было заключить, что обстоятельства въ послѣднее время сильно измѣнились,

— Ну, позвольте отрекомендовать вамъ себя, Владиміръ Ивановичъ: вашъ истый поклонникъ! прибавилъ Коромысловъ.—Съ наслажденіемъ прочиталъ и теперь отъ времени до времени прочитываю вашу книгу.

— Признаюсь, я этого не ожидалъ,—совершенно просто замѣтилъ Владиміръ.—Насколько я могъ судить по внѣшнимъ признакамъ, начало этой книги, когда оно было еще просто журнальною статьей, не вызвало такого одобренія...

— Это было недоразумѣніе, увѣряю васъ! Съ перваго взгляда, ваша статья была односторонне понята. Но затѣмъ, въ цѣлой книгѣ, въ связи съ послѣдующимъ, получилось совсѣмъ иное впечатлѣніе... Ваша книга у всякаго добраго чиновника должна сдѣлаться настольною... Такъ сказать, memento mori... На зло вамъ!.. Ха-ха-ха! на зло вамъ!

— Почему же на зло?

— Потому что вы не любите чиновниковъ.

— Увѣряю васъ, вы ошибаетесь, — вполнѣ серьезно замѣтилъ Владиміръ.—Я отлично понимаю, что никакое дѣло не можетъ идти безъ исполнителей. Чиновники—исполнители въ государственномъ дѣлѣ. Они такъ же необходимы тамъ, какъ въ частной жизни сапожники, врачи, плотники, художники... Если вы внимательно читали мою книгу, то, вѣроятно, замѣтили, что я только противъ извѣстной закваски...

— Ну, конечно, конечно... я шучу... Я вполнѣ усвоилъ вашу мысль!—чрезвычайно доброжелательно промолвилъ Коромысловъ.—И жаль, очень жаль, Владиміръ Ивановичъ, что вы тогда отказались отъ моего предложенія работать въ коммиссіи... Вы могли бы принести большую пользу...

— А не думаетте ли вы, что я тогда не написалъ бы своей книги и такимъ образомъ лишилъ бы „добрыхъ чиновниковъ“ настольной книги?—спросилъ Владиміръ.

— Пожалуй, что такъ... пожалуй, что вы правы—съ своей точки зрѣнія, конечно...

Тутъ Коромысловъ что-то вспомнилъ, извинился и пошелъ на минуту къ себѣ въ кабинетъ.

— Ваши глаза требуютъ объясненія,—сказала Анна Михаї ловна послѣ его ухода.—Вы удивляетесь перемѣнѣ...

— Да, признаюсь...

— Я думаю, что тутъ двѣ причины: первая та, что вы св имъ образомъ дѣйствій заставили уважать себя... Что бы они там ни думали, какъ бы ни чувствовали, а уважать обязаны... А вт рое: очевидно, гдѣ-то повыше прочитали вашу книгу и сдѣла из нея не тѣ выводы, которые имъ были такъ непріятны, и п хвалили ее. Вотъ и все. Очень можетъ быть даже, что и э фраза насчетъ настольной книги для добрыхъ чиновниковъ здѣсь и не сегодня произнесена въ первый разъ... На этом вѣдь основаны всѣ симпатіи и всѣ негодованія господъ чиновн ковъ. Но Богъ съ ними. Правда, что вы черезъ недѣлю уѣзжает

— Правда, и притомъ, въ противность всѣмъ предсказаніям добровольно.

— Надолго?

— Пока недѣли на двѣ...

— Это все таки человѣчно съ вашей стороны' А у мен мечта... Хочется въ маѣ провѣтриться за границу... хорошо бы в Италію...

— Очень хорошо въ Италію!—воскликнулъ Владиміръ, и гла его загорѣлись.—Я давно мечтаю о Флоренціи и Римѣ.

— Да, но это было бы хорошо только въ томъ случаѣ, ес бы оказался благорасположенный ко мнѣ спутникъ...

— Послушайте, вы меня толкаете на смѣлое дѣло...

— Правда?

— Еще бы не правда! Посмотрите, какъ складываются о стоятельства: редакторъ гонитъ меня подышать свѣжимъ возд хомъ, искусство тянетъ меня къ себѣ канатами. Книга моя идет феерически—„добрые чиновники" усердно покупаютъ ее—значит деньги у меня есть, и я могу безъ малѣйшаго риска насчет „добрыхъ чиновниковъ" сыграть роль благожелательнаго спу ника.

— И это можно считать рѣшеннымь?.

— Давайтс, будемъ считать рѣшеннымъ. Вѣдь я свободен какъ птица. Черезъ недѣлю поѣду провѣдать своихъ старцевъ, тамъ—приготовляйте къ тому времени вашъ паспортъ...

Въ гостиной послышались тихіе шаги лакея. Онъ вошелъ остановился на порогѣ. Анна Михайловна подняла голову и п смотрѣла на него вопросительно.

— Петръ Николаевичъ Любарцевъ съ супругою!—торжестве но оповѣстилъ лакей.

— Проси!—отвѣтила Анна Михайловна и, когда ушелъ л кей, перевела свой взглядъ на Владиміра.

Владиміръ сидѣлъ съ комически вытянутымъ лицомъ, съ широко раскрытыми глазами.

— А,—сказалъ онъ,—вы тысячу разъ правы. Подобнаго зрѣзища я никогда больше не увижу. Когда же это случилось?

— Третьяго дня. Вы, конечно, не получили приглашенія, такъ какъ ихъ, съ чрезвычайно строгою цензурой, разсылалъ самъ Вермутовъ. Тсс... они идутъ.

И дѣйствительно, раздвинулась портьера и вошла пара. Анна Михайловна поднялась и пошла имъ навстрѣчу.

— Поздравляю и извиняюсь, что не могла быть въ церкви,— чрезвычайно привѣтливо сказала она,—весь день пролежала съ мигренью. Васъ, Петръ Николаевичъ, нечего знакомить, а вамъ позвольте представить, — прибавила она обращаясь къ дамѣ: — Владиміръ Ивановичъ Любарцевъ.

Только теперь Петръ замѣтилъ своего кузена и съ величайшимъ смущеніемъ отступилъ на нѣсколько шаговъ.

— Ахъ, такъ это вы? — почему-то сильно покраснѣвъ, воскликнула новая госпожа Любарцева и подала Владиміру руку.

Владиміръ пристально взглянулъ на нее, потомъ перевелъ свой взглядъ на Петра. Тотъ, должно быть, что то прочиталъ въ этомъ взгядѣ и еще больше смутился.

Владиміръ зналъ, что дочь Вермутова некрасива, но онъ не ожидалъ, что она окажется до такой степени безобразною. Все было въ ней грубо и нелѣпо, точно природа задавалась цѣлью создать нѣчто противоположное красотѣ. „Какой же ты, однако, крупный негодяй!“ говорили глаза Владиміра, когда смотрѣли на Петра Любарцева.

Новобрачные сѣли и начался обычный, ничего не значущій, разговоръ. Владиміръ узналъ, что они сегодня цѣлый день отдали визитамъ, что ихъ voyage de noce не могъ состояться тотчасъ по какимъ то семейнымъ соображеніямъ и что надняхъ они уѣзжаютъ за границу—прямо въ Парижъ, какъ пояснилъ Петръ.

Въ то время, какъ Анна Михайловна разговаривала съ новою госпожой Любарцевой, Петръ поднялся и подсѣлъ къ Владиміру.

— Ты меня извини,—тихимъ голосомъ родственно ворковалъ онъ:—я не могъ пригласить тебя на вѣнчанье. Это не отъ меня зависѣло. Но, ты понимаешь, вѣдь свадьбы не было, это теперь не принято, даже считается неприличнымъ.

— Что-жъ, тебя уже сдѣлали столоначальникомъ?—спросилъ Владиміръ.

— Нѣтъ, но я вернусь имъ изъ заграничнаго путешествія. Это сдѣлается безъ меня. Тутъ, видишь ли, надо сперва съѣсть

одного чиновника, чтобы освободить мѣсто. О, — прибавилъ онъ еще тише,—теперь моя карьера сдѣлана, ты увидишь.

— Да я это вижу и теперь!—замѣтилъ Владиміръ.

Въ это время вошелъ Коромысловъ и началъ привѣтствовать новобрачныхъ. Онъ присутствовать на вѣнчаніи и тамъ поздравлялъ ихъ. Они посидѣли не больше десяти минутъ и исчезли. Коромысловъ проводилъ ихъ въ гостиную и вернулся.

— Какая удивительная пара! Не правда ли?—сказалъ онъ, обращаясь къ Владиміру. — Но вашъ кузенъ теперь обладатель большого состоянія, такъ какъ, кромѣ его жены, у Вермутовыхъ нѣтъ другихъ наслѣдниковъ. Ну, и, кромѣ того, онъ быстро пойдетъ по служебной лѣстницѣ.

— Но какъ высоко онъ можетъ подняться по этой лѣстницѣ?—спросилъ Владиміръ.

— Ну, какъ вамъ сказать? При его теперешнихъ связяхъ, трудно найти точку, гдѣ онъ остановится. Видите ли,—сказалъ Коромысловъ, усаживаясь въ кресло: — для служебной карьеры существуетъ двѣ лѣстницѣ: парадная и, такъ сказать, черная. Ну, черная лѣстница, разумѣется, грязна, плохо освѣщена, крута, по ней подыматься трудно: требуются сила, ловкость, острое зрѣніе, изворотливость, проще сказать—требуется умъ. На ней всегда толкотня, многолюдство, многіе оступаются и летятъ внизъ. Надо умѣть во-время и ловко ухватиться за перила, чтобы не полетѣть стремглавъ и не разбиться. Словомъ, на этой лѣстницѣ требуются такія или иныя личныя качества, а парадная лѣстница устроена удобно, широко, отлого, идти по ней мягко, она устлана великолѣпнымъ ковромъ. Идущіе едва двигаютъ ногами, безъ малѣйшихъ усилій, и, глядишь, незамѣтно уже наверху.

— Такимъ образомъ, при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ мой кузенъ можетъ дойти и до министра? — полюбопытствовалъ, Владиміръ Любарцевъ.

Коромысловъ основательно подумалъ.

— Видите ли,—какъ-то не довольно рѣшительно отвѣтилъ онъ,—видите ли, я думаю, что все-таки... все-таки до этого не дойдетъ.

И. Потапенко.

КОНЕЦЪ.

НОРМЫ И ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ.

Виндельбанда.

Пер. съ нѣм. *Ник. Бердяева.*

Свобода—свобода воли! вотъ великая проблема современнаго человѣчества, надъ которою бьется мысль лучшихъ людей, — самая популярная проблема, та, которая въ душѣ каждаго человѣка хоть когда-нибудь да всплывала и путемъ внутренняго безпокойства приводила ю къ философскимъ размышленіямъ.

Могу ли я то, что я долженъ?—вотъ вопросъ! Я чувствую въ себѣ принужденіе, по которому, подобно тому, какъ камень слѣдуетъ закону тяжести, необходимо и неизбѣжно образуются мои представленія, желанія, чувства; и я ношу въ себѣ сознаніе закона, по которому я долженъ думать, хотѣть, чувствовать. Какъ относятся другъ къ другу ю принужденіе и этотъ законъ, — какъ они могутъ быть соединены какой смыслъ имѣетъ ихъ совмѣстное существованіе? Если все во нѣ необходимо должно было произойти такъ, какъ произошло, то его же хочетъ отъ меня повелѣвающій законъ? Если онъ требуетъ ого же, что и необходимость, то зачѣмъ же требовать того, что и акъ само собою произойдетъ? Если же онъ требуетъ чего-то другого, какой смыслъ имѣетъ требовать того, что не можетъ произойти?

Но если одинаково лишено смысла предписывать какъ то, что и безъ того произойдетъ, такъ и то, что все равно произойти не можетъ, о отсюда, прежде всего, слѣдуетъ, что о цѣнности этого закона и о го сколько-нибудь понятномъ значеніи можетъ быть рѣчь только при омъ предположеніи, что среди необходимыхъ естественныхъ функцій сихической жизни есть могучія способности, которыя призваны къ ыполненію закона. Это называютъ свободой, и, послѣ того, какъ мы ришли къ этому постулату путемъ того или иного хода мыслей, было ы, конечно, напраснымъ трудомъ приводить это въ связь съ другими редпосылками нашего научнаго міропониманія.

Вездѣ, въ тысячѣ варіацій, выростаетъ проблема изъ того сознанія войного законодательства, которому подчинена наша духовная жизнь; ъ одной стороны, законодательство необходимо и естественно происхо-

дящаго, съ другой стороны, должнаго и идеально предназначенна Только когда вошла въ сознаніе идея божественнаго повелѣнія, иде грѣха, какъ его нарушенія, когда была сознана противоположнос естественнаго и божественнаго «порядка», только тогда и подняла со всѣми своими многочисленными развѣтвленіями проблема свобод о которой древняя философія ничего не знала, и съ тѣхъ поръ у никогда не исчезала изъ кругозора европейскихъ народовъ.

Это коренится въ чувствѣ отвѣтственности. Не будь его, было б невозможно придти по чисто теоретическимъ основаніямъ къ допущен функціи, отклоняющейся отъ закона причинной обусловленности наши душевныхъ состояній. Теперь приложимъ къ душевной жизни ту п стоянно встрѣчающуюся въ обыденной жизни и необходимую для вс каго практическаго мышленія аксіому, что изъ одинаковыхъ причин вытекаютъ одинаковыя дѣйствія. Во всякомъ разсчетѣ, предполага щемъ, что люди, съ которыми мы имѣемъ дѣло, при опредѣленны условіяхъ будутъ опредѣленнымъ образомъ поступать, мыслить, чу ствовать и хотѣть, мы пользуемся этою аксіомой; вопреки всѣмъ иску нымъ утвержденіямъ, это есть единственное основаніе нашего общен съ людьми, также какъ и со всѣми другими вещами; это есть вѣр вслѣдствіе которой самый закоренѣлый скептикъ сторонится взбѣше наго врага, также какъ падающаго камня. Правда, даже при само точномъ знаніи законовъ душевной жизни, мы не въ состояніи приня въ соображеніе тонкія уклоненія индивидуальной жизни, легкіе пов роты внутреннихъ переживаній, но кто же желаетъ точно опредѣли путь корабля, который мы отправляемъ по волнующемуся морю, и высчитать, какъ распредѣляется въ пространствѣ играющій газъ, п дымающійся изъ полнаго кубка? И все-таки мы принимаемъ для этих физическихъ процессовъ сплошную зависимость отъ тѣхъ самыхъ з коновъ, дѣйствительность которыхъ мы констатировали на грубыхъ из лированныхъ примѣрахъ, и приписываемъ невозможность ихъ полна истолкованія только большему разнообразію условій, которыхъ мы в въ состояніи услѣдить. Теоретически дѣло обстоитъ также точно и в психической области: и здѣсь знаемъ мы, частью путемъ практич скаго знанія людей, частью путемъ научнаго опыта множество осно ныхъ положеній, которыя мы пріобрѣли благодаря простотѣ набл даемыхъ случаевъ или экспериментальнымъ методамъ изоляціи. Он можетъ быть, не такъ точны, какъ наше формулированіе физических законовъ, и, можетъ быть, въ большей степени, чѣмъ послѣднія, явл ются лишь грубымъ приближеніемъ къ настоящему положенію вещей Но наша неспособность объяснить съ помощью этихъ положеній вс разнообразіе душевной дѣятельности, съ чисто теоретической точк зрѣнія, такъ же мало, какъ и въ упомянутыхъ случаяхъ внѣшнихъ явлені можетъ расшатать аксіоматическую цѣнность закона причинности, н которой опирается всякое объясненіе въ наукѣ и всякое ожиданіе в

ктической жизни, и привести насъ къ допущенію полнаго таин-ннаго перерыва въ причинномъ ряду.

Это исходитъ исключительно изъ потребности спасти цѣнность и ѵмность того закона, подчиненность которому и отвѣтственность дъ которымъ мы чувствуемъ, что не имѣло бы никакого смысла, бы тутъ не было отличія отъ причинной необходимости, которой инено закономѣрное движеніе нашей духовной жизни. Такимъ обра-ь передъ нами неизбѣжно стоитъ трудная альтернатива: или крѣпко каться за научную аксіому и тогда отказаться отъ цѣнности за-, или принять законъ и, какъ соотвѣтствующую ему способность, оду, но такимъ образомъ подвергнуть сомнѣнію цѣнность научной омы. Всегда выступаетъ то противорѣчіе между «потребностями ца» и предпосылками и выводами научнаго изслѣдованія, которое дставляется существеннымъ для новѣйшей мысли. Даже такая рожная въ метафизическомъ отношеніи невинная попытка, какъ ытка Канта устранить трудности при помощи допущенія умопости-иаго характера, тоже не могла въ равной степени избѣжать обѣ сности.

Популярное воззрѣніе знаетъ проблему свободы исключительно съ альной ея стороны. Въ этой области каждый сознаетъ систему дписаній, которыя онъ долженъ былъ бы исполнить и отъ которыхъ іствительный процессъ его желаній и дѣйствій болѣе или менѣе лоняется. Но нужно обратить особенное вниманіе на то, что для рокой массы только въ этой области чувство отвѣтственности пріо-таетъ значеніе во всемъ его объемѣ. Это чувство, подъ вліяніемъ пихъ гражданскихъ учрежденій, съ одной стороны, и нашихъ рели-іозныхъ убѣжденій—съ другой, растетъ вмѣстѣ съ чувствомъ страха едъ непріятными послѣдствіями, которыя въ гражданскомъ и бо-твенномъ порядкѣ являются наказаніемъ за нарушеніе закона. этому научное разсмотрѣніе, по которому волевыя рѣшенія и дѣй-ія людей по непреложнымъ законамъ необходимо должны такъ со-шаться, какъ это и есть въ дѣйствительности, приноситъ горькое ство отъ непонятной несправедливости, что кто-нибудь наказы-тся за то, чего онъ иначе не могъ совершить.

Такое же противорѣчіе между закономъ и естественною необходи-тью, къ сознанію котораго въ нравственной области каждый при-итъ подъ вліяніемъ гражданской и религіозной отвѣтственности, цествуетъ и въ другихъ областяхъ; но объ этомъ мало кто знаетъ. относительно представленій, при помощи которыхъ мы думаемъ по-ть міръ, психологія намъ показываетъ, что ихъ элементы и соеди-нія, также какъ чувство увѣренности, которое соединяется съ нѣко-рыми изъ нихъ, являются необходимымъ продуктомъ психическаго ханизма. Но кто ищетъ истины, тотъ чувствуетъ себя отвѣтствен-мъ за свои представленія; тотъ знаетъ, что и въ этой сферѣ есть

система предписаній, которыя онъ долженъ выполнить и отъ кот рыхъ дѣйствительный процессъ его мысли болѣе или менѣе откл няется. Такъ что и здѣсь дѣйствительности, обусловленной естествен ною необходимостью, противопоставляется сознаніе правилъ, которы опредѣляютъ цѣнность того, что мыслилось по причинной необходим сти. Такъ же обстоитъ дѣло и въ эстетической области. Способъ, кот рымъ наше чувство одобряетъ или не одобряетъ окружающій мір будь то продуктъ природы или человѣческой дѣятельности, всег является результатомъ закономѣрной связи. Но кто вѣритъ въ идеа красоты, тотъ знаетъ, что только извѣстнаго рода созерцанія должн были бы ему нравиться, а что другія, которыя, можетъ быть, дѣ ствительно, нравятся ему подъ вліяніемъ вытекающаго изъ естес венной необходимости возбужденія нѣкоторыхъ чувствъ, не должн были бы нравиться: онъ противопоставляетъ и здѣсь нормальный сп собъ чувствовать тому, который есть въ дѣйствительности.

Для развитого культурнаго человѣка существуетъ не только нра ственная, но также логическая и эстетическая совѣсть. Онъ дѣлает себя отвѣтственнымъ не только за свою волю и дѣйствія, но такж за свои мысли и чувства; онъ укоряетъ себя за ошибку мысли и з отсутствіе вкуса не менѣе, чѣмъ за нравственное упущеніе; онъ с знаетъ долгъ какъ для своей воли и дѣйствій, такъ и для своей мы сли и чувства, и онъ знаетъ, онъ чувствуетъ съ болью и стыдом какъ часто необходимый ходъ нашей внутренней жизни нарушает этотъ долгъ.

Можно даже сказать, что впервые въ этой логической и эстети ческой формѣ чувство отвѣтственности выступаетъ въ чистомъ вид оно здѣсь является ничѣмъ инымъ, какъ сознаніемъ, что мы подчи нены закону и что отъ его выполненія зависитъ цѣнность наше дѣятельности. Тутъ само собой отпадаетъ чувство страха (или, чт означаетъ то же самое, надежда на награду), съ которыми у огромно массы людей соединяется моральная совѣсть: за нарушеніемъ логиче скаго или эстетическаго долга не слѣдуетъ ни гражданскаго нак занія, ни угрозы религіозной вѣры, ни непосредственно ощущаема вреда. Именно поэтому нѣтъ болѣе дѣйствительнаго педагогическа средства для облагораживанія этической совѣсти и для воспитанія е въ направленіи чистаго, свободнаго отъ всякихъ эвдемонистически разсужденій чувства долга, какъ возбужденіе логической и эстетиче ской совѣсти. Моральное дѣйствіе интеллектуальнаго и эстетическа образованія заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что человѣк научается признавать надъ собой норму, имѣющую независимое от его желаній значеніе, и не смотритъ больше украдкой на выгоды убытки, которые являются результатомъ выполненія или невыполнені этой нормы: то, что онъ узналъ изъ другихъ областей, само собо переносится для него и на моральную жизнь.

Во всякомъ случаѣ, ясно, что антагонизмъ естественнаго и нормативнаго законодательства, на которомъ покоится этическая проблема свободы, точно такимъ же образомъ повторяется и въ логической, и эстетической области: во всѣхъ трехъ случаяхъ мы имѣемъ противоположность между повелѣніемъ и психологическою необходимостью. Чтобы обработать эту проблему, нужно широко ее разсмотрѣть; долженъ быть вообще поставленъ вопросъ, какой смыслъ имѣетъ ставить психическія функціи людей между двумя различными закономѣрностями.

Прежде всего нужно ясно установить различіе тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно утверждать цѣнность обоихъ системъ. Психологическіе законы суть законы природы, т.-е. тѣ общія сужденія о последовательности душевныхъ переживаній, въ которыхъ мы познаемъ сущность душевной дѣятельности и изъ которыхъ мы въ состояніи выводить отдѣльные факты душевной жизни. Установленіе этого закона произошло изъ чисто теоретическаго интереса и съ чисто теоретическимъ правомъ. Какъ и вообще, законъ причинности есть не что иное, какъ ассерторическое (утвердительное) выраженіе для нашего постулата объясненія, не что иное, какъ «аксіома понятности природы», такъ и частное примѣненіе, которое мы отсюда дѣлаемъ въ области душевной дѣятельности,—въ наукѣ и практической жизни,—вытекаетъ изъ нашей потребности выводить частное изъ общаго и въ этомъ общемъ видѣть опредѣляющую силу для единичнаго. Здѣсь не мѣсто обосновывать эту высшую предпосылку всякаго научнаго объясненія и повседневнаго мышленія, это дѣло цѣлой системы теоріи познанія. Весь аппаратъ, который для этого должна была бы доставить логика, можетъ привести только къ тому, что будетъ обнаружена непосредственная ясность этого положенія даже на тѣхъ представленіяхъ, которыя, казалось бы, еще противорѣчатъ, и будетъ показано, что съ его устраненіемъ была бы исключена всякая возможность успѣшнаго размышленія надъ связью вещей въ нашемъ эмпирическомъ мірѣ. Другого «доказательства» закона причинности нѣтъ и быть не можетъ: вѣдь любой изъ многочисленныхъ примѣровъ, которыми онъ подтверждается въ каждый моментъ нашей эмпирической жизни, самъ основанъ на какомъ-нибудь примѣненіи принципа причинности. Поэтому, для научнаго изслѣдованія нѣтъ надобности обосновывать значеніе закона причинности въ познаніи душевной жизни, это само собою разумѣется. Законъ причинности былъ бы уничтоженъ, лишь только въ ходѣ эмпирическихъ фактовъ было бы допущено явленіе, которое не было бы закономѣрнымъ результатомъ своей причины. Поэтому, въ наукѣ о душевной жизни можетъ рѣчь идти только о томъ, чтобы опредѣлить особенныя формы, въ которыхъ тутъ проявляется причинная необходимость.

Итакъ, психологическіе законы есть принципы объяснительной ауки, изъ которыхъ должно быть выведено происхожденіе отдѣльныхъ

фактовъ душевной жизни. Они выставляютъ, согласно съ основнымъ убѣжденіемъ, безъ котораго не можетъ быть никакой науки, общія положенія, вслѣдствіе которыхъ каждый отдѣльный фактъ душевной жизни необходимо долженъ былъ сложиться такъ, какъ сложился. Психологія объясняетъ своими законами, какъ мы дѣйствительно думаемъ, чувствуемъ, хотимъ и дѣйствуемъ.

«Законы» же, которые мы находимъ въ нашемъ логическомъ, этическомъ и эстетическомъ сознаніи, не имѣютъ ничего общаго съ теоретическимъ объясненіемъ тѣхъ фактовъ, къ которымъ они относятся.

Они лишь говорятъ, каковы должны быть эти факты, чтобы они были общеобязательно истинными, добрыми и красивыми. Итакъ, это не законы, по которымъ событія должны объективно совершаться или субъективно пониматься, это—идеальныя нормы, по которымъ оцѣнивается значеніе того, что необходимо произошло. Эти нормы суть правила оцѣнки.

Если мы такимъ образомъ посмотримъ на эту противоположность, то выясняется, что обѣ закономѣрности, которымъ подчинена наша психическая жизнь, разсматриваютъ этотъ общій объектъ подъ двумя совершенно различными точками зрѣнія и не имѣютъ никакой надобности сталкиваться. Для психологической закономѣрности душевная жизнь есть объектъ объясняющей науки; для нормативной закономѣрности логическаго, этическаго и эстетическаго сознанія та же самая душевная жизнь есть объектъ идеальной оцѣнки. Законы природы даютъ намъ возможность понять факты, нормы же даютъ намъ возможность ихъ одобрить или не одобрить. Законы природы принадлежатъ разуму, образующему сужденіе, нормы же—разуму, образующему оцѣнку. Норма никогда не можетъ быть принципомъ объясненія, также какъ законъ природы не можетъ быть принципомъ оцѣнки.

Изъ всего вышесказаннаго можно сдѣлать двоякій выводъ. Съ одной стороны, ясно, что нормативная и психологическая закономѣрность не могутъ быть тожественны другъ съ другомъ. Логическій принципъ, нравственный законъ, эстетическая норма не являются такими естественными законами мысли, воли и чувства, чтобы по нимъ дѣйствительный процессъ, процессъ душевной жизни, при всѣхъ условіяхъ дѣйствительно совершался. Но, съ другой стороны, также невозможно, чтобы обѣ закономѣрности, относящіяся къ одному и тому же объекту, были бы toto caelo отличны другъ отъ друга и ни въ какомъ отношеніи не сходились бы. Совѣсть не можетъ требовать того, что невозможно въ естественной необходимости душевной жизни и что ею совершенно исключается. Между этими двумя крайностями, полнымъ тожествомъ и полнымъ различіемъ, нужно искать отношеніе между нормами и законами природы.

Это легче всего найти, если мы перейдемъ отъ запутанныхъ случаевъ собственной оцѣнки индивидуума къ простымъ явленіямъ, въ

которыхъ одинъ оцѣниваетъ дѣйствія другого. Цѣлая масса идейныхъ элементовъ, напр., опредѣленный кругъ опытовъ, является общею для различныхъ людей. Но все-таки переработка послѣднихъ въ обобщающій взглядъ бываетъ у различныхъ людей очень различна. Послѣдовательный рядъ, въ которомъ каждый пріобрѣталъ свой опытъ, интересъ, съ которымъ онъ относился къ одному или другому, увѣренность памяти, степень осторожности размышленія, способность къ комбинированію,—все это различно у различныхъ индивидуумовъ, и отсюда достаточно выясняется, почему, при полной однородности психологическихъ законовъ образованія представленій, изъ одинаковыхъ элементовъ вытекаютъ очень различные результаты. Всѣ тѣ процессы ассоціаціи, которые совершаются у отдѣльныхъ людей, связаны со своими временными результатами естественной необходимостью. Но только одна изъ этихъ связей имѣетъ цѣнность въ качествѣ вѣрной, только одна соотвѣтствуетъ нормѣ мышленія. Возможно, что необходимый процессъ приводитъ къ этой правильной связи у многихъ изъ этихъ индивидуумовъ, а возможно, что и у никого. Такъ мало психологическая необходимость заключаетъ въ себѣ нормативную, и можетъ рѣшать о соотвѣтствіи съ нормой, такъ мало, съ другой стороны, естественная закономѣрность можетъ исключать возможность выполненія нормы. Между всею массой ассоціацій представленій только немногія имѣютъ цѣнность въ качествѣ нормальныхъ. Естественный процессъ можетъ соотвѣтствовать нормѣ, но не обязательно долженъ соотвѣтствовать. Бываютъ даже такія нормы необходимой связи представленій, которыя имѣютъ своимъ необходимымъ результатомъ заблужденіе. Съ тою же естественною необходимостью, съ которою одинъ думаетъ правильно, другой думаетъ неправильно.

Все это само собой понятно; но нужно особенно помнить, что это такъ, для того, чтобы правильно формулировать искомое отношеніе. Выставляемыя логическимъ сознаніемъ правила мышленія не могутъ быть признаны ни тожественными съ законами ассоціаціи представленій вообще, по которымъ всякое мышленіе должно происходить, ни совершенно отъ нихъ отличными: они суть особенный видъ связи, который въ необходимомъ естественномъ процессѣ можетъ быть наряду съ другими и отличается отъ нихъ по своей нормативной цѣнности. Отъ особенныхъ условій, при которыхъ происходитъ всякая функція мышленія, зависитъ, возникаетъ ли въ отдѣльныхъ случаяхъ нормальный способъ ассоціаціи или другой какой-нибудь. Отличнымъ примѣромъ этого отношенія можетъ быть случай обобщенія. Необходимость ассоціативнаго процесса приводитъ къ тому, что два представленія, которыя были только соединены другъ съ другомъ въ сознаніи, такъ связываются, что потомъ воспроизводятъ другъ друга. Отсюда вытекаетъ, въ качествѣ закономѣрнаго слѣдствія, что кто узналъ вновь содержаніе одного изъ представленій, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда послѣ этого

ожидаетъ и другого, т.-е. онъ обобщаетъ однажды бывшее существованіе и послѣдовательность. Въ логической совѣсти европейскихъ народовъ только постепенно было сознано, что естественная необходимость обобщающей ассоціаціи лишь при совершенно опредѣленныхъ условіяхъ допустима, т.-е. нормальна, и теорія индукціи есть не что иное, какъ напоминаніе о томъ способѣ обобщающей ассоціаціи, который долженъ быть общеобязательною нормой для каждаго.

Такимъ образомъ выясняется, что происходящій по психологическимъ законамъ механизмъ представленій, пока въ немъ сознаніе нормъ не сдѣлалось еще дѣйствительнымъ, очень далекъ отъ того, чтобы быть основаннымъ на правильномъ мышленіи. Онъ заключаетъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, столько же побужденій къ заблужденію, какъ и къ истинѣ, и если подумать о томъ, что въ большинствѣ случаевъ изъ массы ассоціативныхъ возможностей только одна соотвѣтствуетъ нормѣ, то становится понятно, почему въ этомъ предоставленномъ самому себѣ механизмѣ ложное гораздо правдоподобнѣе истиннаго. Ложное заключеніе происходитъ съ тою же необходимостью, какъ и вѣрное: но изъ тѣхъ же посылокъ возможно только одно правильное заключеніе, ложныхъ же очень много. Истина есть единственный бѣлый шаръ между многими черными.

Такъ же точно дѣло обстоитъ въ этической и эстетической области. Всякое волевое рѣшеніе съ вытекающими изъ него дѣйствіями, со стороны происхожденія, есть феноменъ, естественно обусловленный законами мотиваціи, и также присутствіе и сила отдѣльныхъ дѣйствующихъ при этомъ мотивовъ всегда есть причинно необходимое слѣдствіе въ общемъ теченіи жизни индивидуума или въ настоящемъ ея состояніи. Но этотъ взглядъ на естественную необходимость волевой дѣятельности нисколько не мѣшаетъ оцѣнкѣ, согласно которой только та дѣятельность признается законною, въ которой перевѣшиваютъ опредѣленные мотивы. Въ массѣ дѣйствительныхъ волевыхъ рѣшеній есть такія, въ которыхъ такъ называемые «моральные» мотивы опредѣляютъ рѣшеніе, но больше такихъ, въ которыхъ побѣждаютъ противоположные мотивы. Одни происходятъ съ такою же естественною необходимостью, какъ и другіе, этическая оцѣнка одобряетъ одни и осуждаетъ другіе. Я прекрасно понимаю, какъ одинъ человѣкъ, вслѣдствіе счастливой натуры, правильнаго воспитанія и благосклонной судьбы необходимо приходитъ къ тому, чтобы дѣйствовать нравственно, и какъ также необходимо другой, вслѣдствіе дикихъ предрасположеній, вредныхъ вліяній и тяжелыхъ условій жизни, дѣлается преступникомъ. Но этотъ взглядъ на естественную необходимость обоихъ процессовъ нисколько меня не удерживаетъ отъ того, чтобы характеръ и дѣйствія у одного опредѣлять, какъ хорошіе, а у другого, какъ дурные. И здѣсь, слѣдовательно, выясняется, что изъ огромной массы волевыхъ дѣйствій, которыя по закону мотиваціи могутъ быть и дѣйствительно бываютъ

существуетъ лишь ограниченное число такихъ, которыя соотвѣтствуютъ нормативному сознанію, нравственной совѣсти. Повелѣнія послѣднихъ суть только извѣстныя формы мотиваціи, которыя могутъ быть вызваны закономѣрнымъ естественнымъ процессомъ, но очень рѣдко дѣйствительно вызываются.

Само собой понятно также, что удовольствіе или неудовольствіе, которое мы испытываемъ отъ какого-нибудь предмета природы или искусства, всегда есть взаимодѣйствіе, которое, хотя и очень сложнымъ, но необходимымъ способомъ составляется изъ ряда отдѣльныхъ чувствъ, порождаемыхъ развитіемъ нашей жизни. Но эстетическое сознаніе, въ противоположность гедонистическому существуетъ лишь постольку, поскольку нѣкоторыя изъ всѣхъ необходимыхъ чувствъ въ качествѣ нормальныхъ противопоставляются случайнымъ потребностямъ индивидуума. Значитъ, и эстетическая норма есть одинъ изъ многихъ возможныхъ способовъ чувствовать, которые дѣлаются возможными вслѣдствіе необходимаго процесса душевной жизни, и у отдѣльныхъ индивидуумовъ, смотря по обстоятельствамъ, осуществляются или подавляются.

Вслѣдствіе этого, нормы совершенно отличны отъ законовъ природы; но онѣ не противопоставляются послѣднимъ въ качествѣ чего-то чужого и далекаго; каждая норма есть скорѣе такой способъ соединенія психическихъ элементовъ, который при подходящихъ условіяхъ можетъ быть вызванъ необходимымъ, закономѣрнымъ процессомъ душевной жизни, какъ и многіе другіе, какъ и противоположные. Норма есть опредѣленная, вызванная естественными законами душевной жизни форма психическаго движенія. Такъ, законъ мышленія (на языкѣ логики) есть опредѣленной способъ соединенія элементовъ представленія, къ которому можетъ привести естественное теченіе мышленія, согласно съ данными въ индивидумѣ условіями, а можетъ и не привести. Такъ, всякій нравственный законъ есть опредѣленная форма мотиваціи, которая можетъ быть реализирована вслѣдствіе общихъ наклонностей индивидуума, естественнаго теченія волевой дѣятельности, но можетъ быть также нарушена. Такъ, всякая эстетическая норма есть опредѣленный способъ чувствовать, который, согласно съ воспріимчивостью отдѣльныхъ людей, можетъ явиться, но можетъ не явиться и быть вытѣсненъ другими.

Такимъ образомъ всѣ нормы суть особенная форма осуществленія законовъ природы. Система нормъ дѣлаетъ выборъ изъ безконечнаго разнообразія комбинацій, въ которыхъ, сообразно съ индивидуальными условіями, раскрываются естественные законы психической жизни. Законы логики суть выборъ изъ возможныхъ формъ ассоціаціи представленій законы этики выборъ изъ возможныхъ формъ мотиваціи, законы эстетики выборъ изъ возможныхъ формъ дѣятельности чувства.

Не трудно также тотчасъ же выставить принципъ, по которому во всѣхъ трехъ случаяхъ происходитъ выборъ изъ разнообразія необхо-

димыхъ формъ развитія. Логическая нормальность лишь постольку требуется отъ дѣятельности представленій, поскольку она должна выполнить цѣль—быть истинной. При комбинирующей игрѣ фантазіи никто не требуетъ логической связи, и тотъ, кому вообще или по спеціальному какому-нибудь поводу безразлично, истинно ли онъ думаетъ, не принимаетъ во вниманіе логической закономѣрности. Съ капризами мысли, которая не желаетъ связывать себя нормой, имѣетъ можетъ быть дѣло психологія, но никогда не логика. Логическая закономѣрность имѣетъ значеніе лишь при томъ предположеніи, что цѣлью должна быть истина. Общеобязательность, т.-е. всѣми признаваемая цѣнность, отличаетъ логическія формы мышленія отъ другихъ, возможныхъ въ естественномъ закономѣрномъ процессѣ ассоціацій. То же повторяется въ этической и эстетической закономѣрности: и здѣсь норма имѣетъ лишь смыслъ мѣрила для оцѣнки, которая ставитъ своею цѣлью общеобязательность. Нравственной законъ требуетъ такой мотиваціи, которая съ правомъ можетъ быть признана общеобязательною; эстетическая норма требуетъ возбужденія такого чувства, которое при условіи общеобязательности можетъ характеризовать свой объектъ, какъ красивый.

Что во всѣхъ случаяхъ дѣлаетъ норму нормой, это отношеніе къ цѣли общеобязательности. Не о фактической общеобязательности здѣсь идетъ дѣло—это былъ бы случай естественной закономѣрной необходимости, но о требованіи всеобщаго значенія. Нормы, это выраженіе сознанія, ставящаго цѣли. *Нормы суть тѣ формы осуществленія законовъ природы, которыя должны признаваться при условіи общеобязательности, какъ цѣли.* Нормы суть тѣ формы осуществленія естественныхъ законовъ душевной жизни, которыя непосредственно очевидно связаны съ увѣренностью, что эти и только эти формы должны быть реализированы, и что всѣ другіе способы, которыми закономѣрная необходимость душевной жизни приводитъ къ опредѣленнымъ индивидуальнымъ комбинаціямъ, должны быть осуждены вслѣдствіе отклоненія отъ нормы.

Итакъ нормативное сознаніе дѣлаетъ выборъ изъ движеній душевной жизни, обусловленной естественной необходимостью, чтобы одни одобрить, а другія отвергнуть. Нормативная закономѣрность и не тожественна съ естественной закономѣрностью, и не противорѣчитъ ей: она есть выборъ изъ обусловленныхъ естественной закономѣрностью возможностей. Нормативное сознаніе логической, этической и эстетической совѣсти не требуетъ ни того, что и какъ произойдетъ, ни того, что совсѣмъ произойти не можетъ: оно одобряетъ одно изъ всего происходящаго, чтобы остальное отбросить.

Если нормы предоставляютъ выборъ изъ массы естественныхъ возможностей, то очень легко привести въ связь этотъ взглядъ съ методомъ разсмотрѣнія, который привелъ въ современныхъ объяснитель-

ныхъ наукахъ къ блестящимъ результатамъ. Что норма должна быть обязательна, это представляется эмпирическому сознанію, какъ непосредственная очевидность, которая абсолютно не можетъ быть доказана, но просто только можетъ быть допущена. Но что нормы фактически обязательны, что онѣ признаются и кладутся въ основаніе дѣйствительной оцѣнки, это вопросъ факта эмпирической душевной жизни. Этотъ фактъ подобно всякому другому долженъ быть объясненъ: поэтому фактическое признаніе нормъ можно было бы разсматривать, какъ продуктъ процесса подбора.

Само собой понятно, по психологическимъ законамъ теченія представленій и чувствъ, что дѣлаются объектомъ одобренія тѣ формы дѣятельности, которыя вслѣдствіе естественнаго повторенія и привычки чаще встрѣчаются и пріобрѣтаютъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ другія. Незамѣтное накопленіе впечатлѣній, какъ тихо дѣйствующая привычка, дѣлаетъ для насъ милыми тѣ или другія изъ нашихъ отправленій. Если бы оказалось, что привычка къ нормальному мышленію, волѣ и чувству полезна въ борьбѣ за существованіе, что такимъ образомъ индивидуумъ, который вслѣдствіе естественной привычки всегда дѣйствуетъ въ соотвѣтствіи съ логическими, этическими и эстетическими нормами, имѣлъ бы большую надежду на выживаніе, перенесеніе и наслѣдованіе своей привычки, то такимъ образомъ выяснилось бы, что развитіе человѣка все болѣе должно было бы вести къ ограниченію естественнаго процесса нормальными формами и значитъ къ фактическому признанію послѣднихъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что развитой человѣкъ культуры совсѣмъ иначе понимаетъ и признаетъ логическую, этическую и эстетическую совѣсть, чѣмъ дикарь или ребенокъ, которые безъ сопротивленія предоставляются всему разнообразію процесса природы, часто даже вообще безъ всякаго сознанія нормы. И является вопросъ, если нормы представляютъ подборъ изъ естественныхъ возможностей, можетъ ли это различіе быть истолковано теоріей подбора въ томъ смыслѣ, что привычка къ нормѣ полезна въ борьбѣ за существованіе.

Для логической нормы это, кажется, можетъ быть доказано. Правильное мышленіе несомнѣнно есть залогъ успѣха въ состязаніи индивидуумовъ. Ошибочное заключеніе, ложное ожиданіе, происходящее отъ слишкомъ быстраго обобщенія, могутъ имѣть въ практической жизни очень опасныя послѣдствія. Наша власть надъ людьми, такъ же какъ надъ природой, какъ это часто уже приводилось, гораздо менѣе опирается на физическую силу, чѣмъ на знаніе: и, кто привыкъ правильно мыслить, тотъ окажется въ общественной борьбѣ сильнѣйшимъ и выживающимъ; онъ будетъ мысленно видѣть свой родъ развивающимся въ своихъ потомкахъ посредствомъ наслѣдованія и подражанія, и такимъ образомъ a priori можно мыслить развитіе общества, въ которомъ подъ вліяніемъ естественнаго подбора все болѣе будетъ укрѣпляться

привычка къ нормальному мышленію. Ясно, конечно, что нормальное мышленіе имѣетъ второстепенное значеніе въ общественной борьбѣ наряду съ другими свойствами, которыя нужно искать главнымъ образомъ въ сферѣ воли и рабочей силы, но это, хоть и небольшое, но все-таки преимущество, которое можетъ дать перевѣсъ въ обстоятельствахъ. Также въ борьбѣ народовъ интеллигентность, т.-е. способность къ правильному мышленію, является существеннымъ факторомъ въ рѣшеніи вопроса о силѣ. Но все-таки было бы заблужденіемъ, если бы въ этомъ хотѣли видѣть самое главное. Наоборотъ, можно указать много такихъ фактовъ въ исторіи, что именно образованные народы подпадаютъ подъ гнетъ интеллектуально неразвитыхъ, и что только потомъ побѣдитель поступаетъ въ школу побѣжденнаго. Интеллектуальный элементъ, какъ шансъ въ жизненной борьбѣ, все-таки не имѣетъ достаточнаго значенія, чтобы всегда быть рѣшающимъ. Въ общемъ все-таки историческій процессъ представляетъ рѣшительный прогрессъ въ отбрасываніи ложныхъ и въ признаніи правильныхъ формъ мышленія. Въ качествѣ удивительнаго примѣра можно здѣсь опять-таки привести ту утонченность индуктивнаго метода, которая была достигнута въ короткую исторію логической совѣсти европейскихъ народовъ: не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ среднемъ въ этомъ отношеніи мы гораздо правильнѣе думаемъ, чѣмъ греки.

Въ то время, какъ врядъ ли можетъ подвергаться сомнѣнію интеллектуальный прогрессъ на замѣтномъ протяженіи исторіи человѣческаго рода, этическій прогрессъ, конечно, гораздо болѣе оспаривался, и во всякомъ случаѣ онъ не такъ очевиденъ, какъ первый. Съ этимъ согласуется то, что объясненіе этическаго прогресса путемъ теоріи подбора невозможно. И дѣйствительно нравственность не есть преимущество въ борьбѣ за существованіе, наоборотъ, она вредна, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло идетъ о борьбѣ индивидуума. Благонамѣренныя изреченія, какъ, напр., «честный человѣкъ свое возьметъ» и тому подобныя, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Нравственность есть ограниченіе мотиваціи; нравственный человѣкъ не можетъ примѣнять большую часть тѣхъ средствъ, которыя безъ сомнѣнія находятся въ распоряженіи у безнравственнаго. Никакой естественный процессъ не связывается съ безнравственностью, какъ необходимое слѣдствіе ослабленія другихъ, интеллектуальныхъ или физическихъ орудій власти. Тамъ, гдѣ у нравственнаго человѣка исчерпываются всѣ средства, которыя безнравственный тоже въ состояніи примѣнять, безнравственный имѣетъ въ своемъ распоряженіи еще массу средствъ, которыя первому воспрещены совѣстью. Поэтому, гдѣ нравственный и безнравственный человѣкъ ведутъ борьбу, тамъ ceteris paribus—безнравственный имѣетъ большіе шансы на побѣду. Прежде всего нужно уяснить себѣ, что дѣйствовать нравственно вовсе не есть средство сдѣлаться счастливымъ и сильнымъ; нѣтъ ничего болѣе безсмысленнаго, чѣмъ

предпріятіе тѣхъ моралистовъ, которые хотятъ внушить человѣку, что онъ поступаетъ умнѣе всего, когда подчиняетъ себя нравственной нормѣ: они ежедневно опровергаются опытомъ. Поэтому не можетъ быть и рѣчи о томъ, что признаніе нормъ нравственнаго сознанія осуществляется посредствомъ естественнаго подбора. Скорѣе, наоборотъ, историческій опытъ показываетъ, согласно съ вышеприведеннымъ наблюденіемъ, что всякое замкнутое въ себѣ общество тѣмъ болѣе нравственно дичаетъ, чѣмъ старше оно становится; и историческое человѣчество давно было бы уже совершенно чуждо нравственному сознанію, если бы оно отъ времени до времени не обновлялось еще неиспорченнымъ сознаніемъ свѣжихъ народовъ. Какъ по отношеніи къ индивидуумамъ, такъ по тѣмъ же основаніямъ имѣетъ значеніе и по отношенію къ отдѣльнымъ политическимъ и соціальнымъ силамъ то положеніе, что нравственныя намѣренія не являются преимуществомъ въ борьбѣ за существованіе; и на исторіи пламенной борьбы нашего времени это обстоятельство дѣлается ясно. А гдѣ цѣлые народы борятся другъ съ другомъ, тамъ имѣютъ значительное преимущество тѣ націи, которыя сохранили нравственныя добродѣтели, преданность отдѣльныхъ людей общему, отсутствіе эгоизма, подчиненіе, повиновеніе, чувство долга и самообладаніе. Въ борьбѣ народовъ за существованіе нравственность есть рѣшающая сила. Вслѣдствіе этого, въ теченіе тысячи столѣтій противоположныя событія, которыя разыгрываются между индивидуумами, все выравниваются и совѣсть опять вступаетъ въ свои права *).

Наконецъ, еще иначе обстоитъ дѣло, если разсматривать эстетическую жизнь съ точки зрѣнія историческаго развитія. Въ этой области, несомнѣнно, можетъ быть констатировано поступательное развитіе. Нервы человѣчества сдѣлались тоньше и чувствительнѣе. Современный человѣкъ стоитъ передъ явленіями природы съ гораздо болѣе чистымъ чувствомъ, чѣмъ прежде, и таже исторія искусства показываетъ, что хотя бывали въ промежуткѣ столѣтія регресса и не всѣ искусства одинаково могли усовершенствоваться, въ общемъ все-таки со времени грековъ и до нашего времени есть значительно большая утонченность. Но прежде всего въ устройствѣ повседневной жизни и во взглядѣ на нее, несомнѣнно, обнаруживается большее повышеніе эстетическихъ потребностей и эстетической воспріимчивости. Человѣчество научилось чувствовать съ бо́льшимъ вкусомъ. И все-таки врядъ ли можно думать, что эта привычка къ болѣе тонкимъ чувствамъ, это очищеніе отъ первоначальнаго отсутствія вкуса было продуктомъ естественнаго подбора, потому что и здѣсь трудно усмотрѣть, какимъ образомъ лучшая

*) Не могу не отмѣтить, что это мѣсто является самымъ слабымъ въ превосходной статьѣ Виндельбанда, тутъ талантливый профессоръ подчиняется вліянію довольно вульгарныхъ воззрѣній. *Примѣчаніе переводчика.*

воспріимчивость эстетическаго чувства, какъ таковаго, могла бы быть хоть малѣйшимъ преимуществомъ въ борьбѣ за существованіе. Кто не чувствуетъ грубости и низости и не боится ихъ, тотъ, поэтому, въ повседневной жизни не хуже, чѣмъ всякій другой; но кто ихъ знаетъ, тотъ является потерпѣвшимъ и отодвинутымъ на задній планъ, гдѣ непониманіе беззаботно можетъ занять много мѣста. Также въ отношеніяхъ между народами эстетическія наклонности не являются орудіемъ въ борьбѣ за существованіе: изъ опыта извѣстно, что утонченность нравовъ и тонкій художественный вкусъ со временемъ ведутъ къ опасности изнѣженности.

Итакъ, однимъ естественнымъ подборомъ нельзя объяснить того, что все разнообразіе согласныхъ съ законами природы функцій душевной жизни человѣка все болѣе и болѣе, казалось бы, ограничивается тѣми, которыя въ качествѣ нормъ обладаютъ цѣнностью идеальной общеобязательности. Въ чисто органическихъ явленіяхъ можно еще понять, что необходимый естественный процессъ самъ въ теченіе времени выбираетъ между своими продуктами, вслѣдствіе чего остаются только жизнеспособные и цѣлесообразные типы. Въ психической области нормальность и жизнеспособность не въ такой степени совпадаютъ другъ съ другомъ; здѣсь то, что соотвѣтствуетъ цѣли общеобязательности, не есть именно то, что приспособлено къ поддержанію и споспѣшествованію ея носителя по сравненію съ другими въ борьбѣ за существованіе.

Если все-таки сознаніе нормъ, не повышая эмпирической жизнеспособности и силы самосохраненія носителя, въ историческомъ движеніи человѣчества не только сохраняется, но и по мнѣнію нѣкоторыхъ, усиливается, углубляется и утончается, то это должно покоиться на прямой и самостоятельной, отъ постороннихъ вліяній независимой силѣ, которая присуща сознанію нормъ, какъ таковому, и которая разъ она вошла, поднимаетъ послѣднее до психологическаго могущества, которое выступаетъ новымъ факторомъ въ ходѣ душевной жизни. Только такъ можно понять истинную сущность и психологическое значеніе нормъ.

До сихъ поръ послѣднія представлялись намъ только, какъ принципы оцѣнки, подъ которыми мы понимаемъ: сравненіе, одобреніе или порицаніе однимъ ставящимъ цѣли сознаніемъ дѣятельностей другого или нѣсколькихъ другихъ. Это та же оцѣнка, какъ если мы ясную или дождевую погоду опредѣляемъ, какъ благопріятную или неблагопріятную для предварительно поставленной нами цѣли—урожая хлѣба. Когда мы судимъ о правильности или ложности чужихъ представленій, то совершенно безразлично, выучилъ ли этотъ другой эти представленія или самъ пришелъ къ нимъ, безразлично, какимъ именно образомъ онъ къ нимъ пришелъ, безразлично, хотѣлъ ли онъ найти такимъ образомъ истину или нѣтъ. Когда мы оцѣниваемъ характеръ человѣка, обнаруживающійся въ рѣшеніяхъ воли и дѣйствіяхъ, какъ добрый или

злой, то для насъ опять-таки безразлично, какъ онъ пришелъ къ такому характеру, къ такому преобладанію того или другого мотива; мы просто одобряемъ или порицаемъ за то, что это такъ или не такъ. Если мы высказываемъ чувство удовольствія отъ какого-нибудь произведенія искусства, то мы этимъ только констатируемъ, что послѣднее соотвѣтствуетъ нашей эстетической потребности, нормальному способу чувствовать, и мы при этомъ не спрашиваемъ, какъ художникъ началъ работу, чтобы намъ доставить такое удовлетвореніе.

Особенно важно для моральной области констатировать то обстоятельство, что совершающаяся согласно съ нормами оцѣнка просто констатируетъ согласіе или различіе между нормой и тѣмъ, что подлежитъ оцѣнкѣ, и что мы испытываемъ удовольствіе отъ этого согласія, даже когда оно само собой произошло безъ всякаго сознанія нормы. Это имѣетъ значеніе для теоретической оцѣнки, но для эстетической это въ извѣстномъ смыслѣ особенно важно. Если кто-нибудь сдѣлалъ какое-нибудь открытіе путемъ случайной комбинаціи идей, исключительно слѣдуя безсознательному механизму собственнаго теченія представленій, то это должно быть признано истиннымъ совершенно независимо отъ того, сознавалъ ли онъ при этомъ нормы, на которыхъ долженъ быть основанъ его результатъ. Чувство удовольствія отъ произведенія искусства—о таковомъ отъ красивой природы пока еще нѣтъ рѣчи—совершенно не зависитъ отъ того, работаетъ ли художникъ съ сознательнымъ слѣдованіемъ эстетическимъ правиламъ, на выполненіи которыхъ покоится красота впечатлѣнія. Наоборотъ, эстетическое наслажденіе потерпитъ, конечно, только ущербъ, если какимъ-нибудь образомъ становится замѣтно сознательное соблюденіе правилъ, и оно наивысшее, когда согласованность произведенія съ нормой представляется непосредственно вытекающею изъ естественной необходимости геніальнаго творчества. Но это имѣетъ значеніе и въ области нравственности, хотя здѣсь это можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. Образъ дѣйствія «прекрасной души», которая, не справляясь съ сознательными мотивами, просто слѣдуя своимъ чистымъ, благороднымъ мотивамъ, непосредственно выполняетъ требованія нравственнаго закона, очень далекъ отъ того, чтобы быть нравственно «индифферентнымъ», какъ это утверждаетъ Кантъ, и болѣе всего является объектомъ высшаго нравственнаго наслажденія. Наша нравственная потребность не требуетъ, чтобы сознаніе нравственной нормы при всѣхъ условіяхъ было причиной дѣйствій, она требуетъ только, чтобы процессъ мотиваціи соотвѣтствовалъ нравственной максимѣ, и мы всегда одобряемъ выполненіе этого требованія, безразлично, выполняется ли оно особеннымъ сознаніемъ нормы или чуждою рефлексіи естественною необходимостью. Хорошимъ мы называемъ того, который хочетъ такъ, какъ этого требуетъ нравственный законъ; а ясно ли онъ сознаетъ

законъ, какъ норму и максиму, это имѣетъ лишь второстепенно значеніе.

Но этою оцѣнкой чужой дѣятельности со стороны ставящаго цѣл сознанія отнюдь не ограничивается значеніе нормъ. Онѣ развиваютс прежде всего, какъ самооцѣнка индивидуума. То, что мы требуемъ от другихъ, мы должны и отъ себя требовать. Хотя бы нашъ собствен ный ходъ представленій совершался согласно съ нашими личным интересами, склонностями и способностями, мы все-таки допытываемся соотвѣтствуетъ ли онъ логической нормѣ истины; наша собственна волевая дѣятельность, съ какою бы неизбѣжной необходимостью он ни происходила, подлежитъ суду совѣсти, которая измѣряетъ ее нрав ственною нормой. Что художникъ творитъ, что наслаждающійся этим твореніемъ чувствуетъ, то оцѣниваетъ онъ передъ эстетическою нор мой, какъ вѣрное или ошибочное.

Въ эстетической области значеніе нормы исчерпывается этою рет роспективною оцѣнкой собственной или чужой дѣятельности и ея объек товъ и продуктовъ. Сущность эстетическаго наслажденія, также какъ и художественнаго творчества, заключается въ непосредственности и отсутствіи рефлексіи; и то и другое должно соотвѣтствовать нормѣ хотя не создаваясь и не опредѣляясь сознательно ими. Ничего н было бы болѣе смѣшного, какъ желать при помощи напоминанія об эстетическихъ законахъ сознательно регулировать чувства, посред ствомъ которыхъ мы воспринимаемъ впечатлѣніе отъ прекрасной и возвышенной природы или художественнаго произведенія. Давать для чувствъ мѣрило правильности и общеобязательности съ эстети ческой точки зрѣнія,—*желать* правильно чувствовать, это—nonsens Нельзя намѣренно имѣть хорошій вкусъ. Конечно, въ общемъ, можн себя эстетически воспитать посредствомъ серьезнаго проникновенія в лучшіе образцы искусства и привычки созерцать прекрасное и возвы шенное, но нельзя намѣренно приготовляться къ отдѣльному впеча тлѣнію, сознательно помня объ эстетическихъ нормахъ. Хотя это пытается сдѣлать педантическій критикъ, но eo ipso онъ уничтожает эстетическое созерцаніе. И самый вѣрный признакъ недостаточност художественнаго призванія—это, когда посредственность или дилет тантъ при работѣ самъ себѣ ставитъ правила, чтобы по нимъ тво рить. Великій художникъ не знаетъ этихъ правилъ; онъ самъ их создаетъ. Съ безсознательною необходимостью творитъ онъ согласн съ нормами, которыя впервые сознаются подъ вліяніемъ его труд имъ самимъ и тѣми, которые наслаждаются потомъ. Такъ требует особенная природа эстетической функціи, производящей, также как и воспроизводящей,—о чемъ здѣсь можетъ быть только упомянут безъ ближайшаго разсмотрѣнія. Но на этомъ именно покоится то, чт въ эстетической области норма не можетъ быть ничѣмъ инымъ, как принципомъ оцѣнки, и что не можетъ быть и рѣчи о сознательном

содѣйствіи нормы ни въ эстетическомъ творчествѣ, ни въ эстетическомъ наслажденіи.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ двухъ другихъ областяхъ. То, что въ чувствахъ исключается самою природой предмета, то въ мысли и въ волѣ не только возможно, но даже въ большинствѣ случаевъ предписывается. Рожденіе нашихъ представленій и нашихъ волевыхъ рѣшеній должно быть регулировано размышленіемъ, которое дѣлаетъ сознаніе нормы опредѣляющимъ и, можетъ быть, рѣшительнымъ моментомъ въ возникновеніи того, что должно произойти согласно съ цѣлью. Логическая и этическая совѣсть имѣютъ значеніе не только принциповъ ретроспективной оцѣнки того, что уже произошло безъ ихъ вліянія, онѣ могутъ быть опредѣляющими силами душевной жизни.

Цѣнность логическаго закона не исчерпывается тѣмъ, что онъ есть правило, по которому я въ состояніи оцѣнивать, какъ истинный и ложный ходъ моихъ и чужихъ представленій, когда они уже протекли. Когда я размышляю о томъ, чтобы найти истину, то сознаніе логическаго закона является для меня принципомъ произвольнаго расположенія моихъ представленій и ихъ соединенія, опредѣляющагося истиной, какъ цѣлью. Кто пришелъ къ сознанію логической нормы, тотъ въ состояніи намѣренно думать согласно ей. Всякое методическое изслѣдованіе, какъ оно опредѣляется въ наукѣ, есть регулированное цѣлью достиженія истины, намѣренное созданіе понятій, сужденій и заключеній, послѣдовательность и соединеніе которыхъ опредѣляется сознаніемъ логическихъ нормъ.

Особенно явственно это выступаетъ въ нравственной области. Конечно, возможно, что кто-нибудь безъ всякой мысли объ этическихъ максимахъ, исключительно вслѣдствіе существующаго у него отношенія мотивовъ, хочетъ того, чего требуетъ нравственный законъ: такой человѣкъ нѣкоторымъ образомъ получитъ большій выигрышъ. Но надежнѣе съ точки зрѣнія нравственной нормальности тотъ, кто сознательно усвоилъ себѣ этическую норму и у котораго это сознаніе нормы является самымъ сильнымъ, опредѣляющимъ волевое рѣшеніе, мотивомъ. Сознаніе долга само въ состояніи быть побудительною причиной и въ качествѣ таковаго перевѣшивать въ борьбѣ мотивовъ. Въ этомъ случаѣ этическая норма является не только принципомъ оцѣнки, но также силой въ жизни воли.

Итакъ, логическія и этическія нормы у цѣлесообразно дѣйствующаго, свободно думающаго и сознательно хотящаго индивидуума могутъ быть *основаніями*, опредѣляющими соединеніе представленій и рѣшеніе воли. И онѣ не только это могутъ, но даже должны въ большей или меньшей степени, всякій разъ какъ онѣ входятъ въ сознаніе. Представленіе всякой нормы влечетъ за собой чувство, что по ней долженъ совершаться дѣйствительный процессъ, будь то мышленіе или воля. Съ сущностью сознанія нормы непосредственно, очевидно, связанъ родъ

психологической необходимости слѣдовать ей. Кто пришелъ къ сознанію логическаго закона, у того есть также желаніе въ соотвѣтствующихъ случаяхъ думать такъ, а не иначе. Кто созналъ нравственный законъ, частную или общую этическую максиму, тотъ, вслѣдствіе этого, чувствуетъ побужденіе сдѣлать его мотивомъ своей воли. Кто признаетъ норму, какъ таковую, тотъ этимъ самымъ убѣжденъ, что онъ, какъ всѣ другіе, долженъ по ней поступать. Если уже всякая норма влечетъ за собой непосредственную очевидность, съ которою она необходимо обязательна для каждаго, какъ только она ясно и строго сознана, то всякое логическое или этическое правило, поскольку оно вошло въ индивидуальное сознаніе посредствомъ собственнаго размышленія или чужого вліянія, тѣмъ самымъ будетъ основаніемъ, опредѣляющимъ мышленіе или волю. Но интенсивность, съ которою оно дѣйствуетъ, совершенно отличается въ зависимости отъ условій индивидуальнаго сознанія: послѣдняя можетъ быть столь слаба по сравненію съ другими побужденіями и привычками, что, несмотря на сознаніе нормы, ходъ психической жизни совершается такъ, какъ и безъ него; она можетъ пріобрѣсти значеніе, посредствомъ котораго хоть въ нѣкоторомъ отношеніи, препятствуя или способствуя, содѣйствуетъ результату хода представленій и обдумыванія мотивовъ; и она можетъ быть, наконецъ, столь рѣшительная, что только одна опредѣляетъ результатъ. Все множество различій, которое представляется между отдѣльными людьми въ отношеніи ихъ способности къ правильному мышленію и ихъ нравственной зрѣлости, можетъ быть сведено на то отношеніе, въ которомъ у отдѣльныхъ лицъ развились нормы въ качествѣ побудительныхъ причинъ по сравненію съ другими мотивами мышленія и воли.

Только такимъ образомъ можно понять, какъ возможно выполненіе нормъ внутри душевной жизни человѣка безъ устраненія причинной обусловленности каждой отдѣльной функціи. Безъ сознательнаго дѣйствія нормъ казалось бы относительно маловѣроятнымъ, чтобы механизмъ самъ приводилъ какъ разъ къ тѣмъ результатамъ, которые соотвѣтствуютъ нормѣ. Однако, этотъ механическій ходъ вещей самъ ведетъ къ сознательному воздѣйствію нормъ, и, послѣ того, какъ это началось, норма сама становится повелительною и опредѣляющею силой въ механическомъ ходѣ и приводитъ совершенно закономѣрнымъ способомъ свою собственную реализацію. Этотъ бѣлый шаръ самъ имѣетъ силу поставить себя такъ, чтобы его чаще вынимали, чѣмъ черные. Логическая и этическая совѣсть сами являются необходимо дѣйствующими силами въ ходѣ психической жизни.

Итакъ, свобода есть не что иное, какъ сознаніе этой опредѣляющей силы, которая дѣлаетъ возможнымъ выполненіе сознанной или несознанной нормы въ дѣятельности мысли и рѣшеніяхъ воли. Чувство свободы коренится въ совѣсти. Несвободнымъ въ мышленіи мыназы-

ıемъ того, у кого ходъ представленій до такой степени управляется ıкимъ-нибудь впечатлѣніемъ, предубѣжденіемъ, привычкой, вялостью ıи личнымъ интересомъ, что онъ не можетъ опредѣлить себя логи-:скою нормой, несмотря ни на что. Свободная мысль есть такая, ко-)рая, воодушевляясь исключительно стремленіемъ къ истинѣ, съ яс-ымъ сознаніемъ слѣдуетъ логическому закону. Нравственно несвобод-ымъ мы называемъ того, кто, не-смотря на все знаніе этическихъ)рмъ, въ своихъ желаніяхъ и дѣйствіяхъ до такой степени упра-яется силой единичныхъ мотивовъ, страстями и аффектами, что совѣсть ɜ можетъ сдѣлаться рѣшительною побудительною причиной. Нрав-твенная свобода есть сознательное подчиненіе всѣхъ побужденій приз-анному нравственному закону. Свобода есть господство совѣсти. То, ю одно только заслуживаетъ этого имени, есть *опредѣляемость эмпи-ическаго сознанія нормальнымъ сознаніемъ.* Сущность нормъ можно азвать разумомъ, не отклоняясь отъ обычнаго въ языкѣ мнѣнія, и огда результатъ этого изслѣдованія можетъ быть формулированъ въ іѣдующемъ положеніи: свобода есть подчиненіе разуму.

Такое понятіе свободы выставляется здѣсь, можетъ быть, не въ ервый разъ, но оно развивается, какъ необходимое слѣдствіе централь-аго понятія критической философіи, понятія нормы, и въ его обусло-ленномъ этимъ отношеніи къ закону природы. Эта свобода не есть аинственная способность что-нибудь дѣлать безъ причины, она не ребуетъ исключенія изъ закономѣрной связи явленій эмпирической ушевной жизни; она скорѣе есть самый зрѣлый продуктъ естествен-ой необходимости, тотъ, вслѣдствіе котораго эмпирическое сознаніе амо подчиняется закону нормальнаго сознанія. Эта свобода есть ав-ономія, при помощи которой индивидуальное сознаніе дѣлаетъ макси-ой своей дѣятельности имъ самимъ познанную и признанную норму. Іаконецъ, это понятіе свободы въ одинаковой степени соединено съ ормативнымъ значеніемъ совѣсти и теоретическимъ значеніемъ прин-.ипа причинности.

Но не слѣдуетъ ошибаться насчетъ того, что это детерминисти-еское понятіе свободы часто оспаривалось, потому что она недостаточно правляется съ чувствомъ отвѣтственности и съ ея сущностью. Осно-аніе этому нужно искать исключительно въ невѣроятной неясности, оторая заключается въ понятіи отвѣтственности. Если обыкновенно умаютъ, что отвѣтственность предполагаетъ безпричинное, не обу-ловленное законами природы рѣшеніе воли, то впадаютъ въ совершенно чевидное противорѣчіе.

Вѣдь абсолютно непонятно, какъ можно желать сдѣлать отвѣт-твеннымъ что-то другое, кромѣ какъ причину за ея дѣйствіе. Когда ребенокъ бьетъ стулъ, о который онъ ударился, то этимъ самымъ онъ разсматриваетъ его, какъ причину своей боли. Справедливо мы дѣлаемъ человѣка отвѣтственнымъ за то, что онъ сдѣлалъ, и моральная отвѣт-

ственность состоитъ въ томъ, что мы разсматриваемъ характеръ, какъ причину волевыхъ рѣшеній и дѣйствій. Въ томъ и заключается боль раскаянія, что мы признаемъ плохія дѣйствія необходимыми послѣдствіями нашего характера,—что мы знаемъ, что принуждены были такъ дѣйствовать, потому что мы таковы. Если бы въ насъ что-нибудь произошло, чего мы не были бы причиной, если бы въ насъ было безпричинное волевое рѣшеніе, то было бы совершенно непонятно, какъ насъ можно было бы за это сдѣлать отвѣтственными. То, что произошло безъ причины, было бы абсолютнымъ случаемъ, и за это ужъ никого нельзя было бы сдѣлать отвѣтственнымъ. Отвѣтственность имѣетъ силу лишь тамъ, гдѣ есть причинное отношеніе.

Но, говорятъ, всякій разъ, какъ кого-нибудь дѣлаютъ за что нибудь отвѣтственнымъ, это покоится на предположеніи, что онъ «могъ бы иначе дѣйствовать и хотѣть», что онъ могъ бы выполнить норму, и онъ осуждается за желаніе ее нарушить. При этомъ условномъ наклоненіи «онъ могъ бы иначе желать» возникаетъ настоящій обманъ. Вѣдь это «могъ бы» можетъ имѣть значеніе только при слѣдующемъ условіи: «если бы онъ былъ другимъ». Но менѣе всего этимъ утверждается, что волевыя рѣшенія людей опредѣляются исключительно внѣшними условіями. Противъ этой инсинуаціи во имя детерминизма нужно живѣйшимъ образомъ протестовать. Но то, что «человѣку» при опредѣленномъ положеніи открыто много возможностей дѣйствовать или не дѣйствовать, имѣетъ значеніе только для человѣка какъ родового понятія, для человѣка in abstracto: конкретному человѣку, индивидууму его рѣшенія предписываются устойчивыми мотивами, общею дѣятельностью воли и чувства; онъ только тогда могъ бы дѣйствовать иначе, если бы онъ былъ другимъ. Поэтому, именно онъ отвѣтственъ за свои дѣйствія; его сущность рѣшаетъ, какое изъ in abstracto возможныхъ для человѣка рѣшеній будетъ принято, и объ этой сущности, какъ причинѣ его отдѣльныхъ желаній мы произносимъ сужденіе, когда мы дѣлаемъ его отвѣтственнымъ.

Однако, если отвѣтственность покоится на причинномъ пониманіи, то это заключаетъ въ себѣ новыя трудности. Вѣдь, съ одной стороны, характеръ не есть единственная причина поведенія, съ другой стороны, цѣпь причинъ нужно прослѣдить внѣ характера назадъ до безконечности. На ряду съ сущностью индивидуальнаго человѣка нужно сдѣлать въ качествѣ причины отвѣтственнымъ за результаты его дѣйствій общее состояніе, въ которомъ онъ находился. Но дальше спрашивается, кто отвѣтственъ за «характеръ», кто является его причиной. Въ стремленіи оставить отвѣтственность на индивидуумѣ думаютъ, что человѣкъ «отвѣтственъ» за свой характеръ. Какъ будто можно себѣ какимъ-нибудь образомъ представить, чѣмъ можетъ быть еще индивидуумъ помимо своего характера! Поэтому, нужно себѣ представлять сущность человѣка двойственной, чтобы сдѣлать «интеллигибель-

ный» характеръ отвѣтственнымъ за «эмпирическій» и создать способъ представленія, который абсолютно не соединимъ съ причиннымъ элементомъ понятія отвѣтственности. Но съ другой стороны, въ ходѣ эмпирическихъ событій можно опять прослѣдить зависимость, въ которой находится происхожденіе индивидуальнаго характера отъ всего состоянія общества и этимъ самымъ, въ концѣ концовъ, отъ общаго міроваго процесса, и такимъ образомъ въ заключеніе «отвѣтственнымъ» будетъ общество или міровой процессъ и въ конечной инстанціи Божество, какъ его носитель и творецъ. Видно, что изъ этого слѣдованія за цѣпью причинъ можно вывести всѣ точки зрѣнія, которыя выступаютъ для рѣшенія проблемы свободы и ближайшее развитіе которыхъ здѣсь неумѣстно.

Отсюда слѣдуетъ, что хотя отвѣтственность во всякомъ случаѣ, предполагаетъ причинное отношеніе, но отсутствіе начала и конца и запутанность каузальнаго процесса открываютъ двери всяческому произволу, если превратить отвѣтственность въ исключительно причинный способъ разсмотрѣнія. Послѣдняя скорѣе во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ оцѣнку, и на этомъ основано то, что отвѣтственность имѣетъ значеніе также для неисполненія, для ненаступленія опредѣленнаго образа дѣйствій. Всегда является вопросъ, выполнена ли норма или нѣтъ; если она не выполнена, то наступаетъ неодобреніе, все равно, ничего ли не произошло, или произошло иначе. Но это неодобреніе переносится съ отдѣльной функціи, къ которой оно, прежде всего относилось, какъ къ нарушенію нормы, на того мыслящаго, хотящаго, чувствующаго индивидуума, въ свойствахъ интеллекта, характера и чувства котораго осужденная функція имѣла свою естественную необходимую причину: и въ этомъ перенесеніи неодобренія съ функціи на функціонирующую личность заключается все то, что мы называемъ отвѣтственностью.

Но почему не имѣетъ уже никакого понятнаго смысла—при помощи причинности вывести это перенесеніе изъ предѣловъ личности? Основаніе этого даетъ намъ впервые возможность понять сущность отвѣтственности. Вмѣненіе въ отвѣтственность есть цѣлесообразная дѣятельность: ея цѣль — сдѣлать норму господствующею. Если мы сами себя дѣлаемъ отвѣтственными за что-нибудь, то для того, чтобы норма болѣе ясно сознавалась и такимъ образомъ усиливалась въ качествѣ опредѣляющей причины, или непосредственно, какъ максима сознательнаго образованія нашей логической и этической жизни, или посредственно, какъ привыканіе къ правильному и отвыканіе отъ ложнаго, что только и возможно въ эстетической области. Когда мы когонибудь другого дѣлаемъ отвѣтственнымъ, то это происходитъ или путемъ ограниченія въ сообщеніи нашего сужденія, которое для него должно имѣть то же дѣйствіе, что и напоминаніе о нормѣ, или путемъ грубой педагогики частной и общественной жизни, посредствомъ кото-

рой мы непріятное чувство отъ неодобренія, основаннаго на нарушеніи нормы, направляемъ на виновника осужденнаго дѣйствія, чтобы онъ научился слѣдовать нормѣ. Въ послѣднемъ отношеніи вмѣненіе есть важное педагогическое средство, посредствомъ котораго мы обыкновенно въ государственной и частной жизни, пользуясь эвдемонистическимъ чувствомъ, вызывали любовь къ нормѣ и нелюбовь къ ея нарушителямъ. Поэтому, вмѣненіе простирается только на тѣ «причины», въ которыхъ норма можетъ быть сознана и можетъ сдѣлаться побудительною причиной послѣдующихъ функцій, т.-е. на отдѣльныя личности. Всякое вмѣненіе стоитъ поэтому въ серединѣ причиннаго процесса психической жизни: оно хочетъ, пользуясь законами природы, оказать вліяніе на личность, вслѣдствіе котораго она впредь столь же необходимымъ образомъ должна функціонировать согласно нормѣ. Оно есть важнѣйшее средство воспитанія и самовоспитанія.

Но цѣль этого воспитанія заключается всегда въ томъ, что нормы въ концѣ концовъ остаются единственною формой, въ которой раскрывается естественный закономѣрный механизмъ душевной жизни: и частью такимъ образомъ, что ихъ выполненіе дѣлается само собой понятною привычкой мышленія, воли и чувства, частью же такимъ образомъ, что логическія и этическія нормы, какъ побудительныя причины сознанія, дѣлаются достаточно сильными, чтобы опредѣлять ходъ мысли и воли. Интеллектуальное образованіе человѣка коренилось бы въ томъ, что онъ совсѣмъ не могъ бы иначе думать, какъ согласно съ нормой, и что напоминанія о логическихъ нормахъ всегда было-бы достаточно, чтобы регулировать ими соединеніе представленій. Также моральный идеалъ заключается въ томъ, чтобы нравственный законъ сдѣлался «естественнымъ закономъ» и нашей воли, чтобы необходимость нашихъ побужденій всегда вела насъ къ волѣ и поведенію, согласному съ нормой, и этическая максима при всѣхъ условіяхъ была-бы рѣшающимъ для насъ мотивомъ. Наконецъ, эстетическое воспитаніе было бы доведено до конца, если бы человѣкъ настолько поднялся надъ грубостью своихъ побужденій и настолько облагородилъ бы свои чувства, что всякое его удовольствіе и неудовольствіе носило бы характеръ безкорыстной общеобязательности.

Совершеннымъ человѣкомъ былъ бы тотъ, чья дѣятельность всегда соотвѣтствовала бы нормѣ и имѣла бы право на всеобщее признаніе. Этотъ совершенный человѣкъ былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютно свободнымъ, такимъ, у котораго вся совокупность внутренняго хода жизни опредѣлялась бы нормальнымъ сознаніемъ. Свобода не есть сомнительный даръ данайцевъ, какой-то непонятной способностью безпричинно и незакономѣрно бродить туда и сюда, она есть идеалъ мышленія и воли, подчиненныхъ съ полнымъ сознаніемъ высочайшей цѣли. Ее нужно сравнивать не съ темной равниною, на которой мы

сѣ стоимъ, а съ свѣтлою вершиной, на которую лишь немногіе под. нимаются.

Великій основатель критической философіи, который въ совершенствѣ зналъ связь понятія нормы съ понятіемъ свободы, противополагалъ царство свободы царству природы. Въ противовѣсъ генетической точкѣ зрѣнія восемнадцатаго вѣка, ему, прежде всего, было важно поднять самостоятельно обоснованную цѣнность нормъ надъ теченіемъ возникающаго и исчезающаго. Но онъ создалъ этимъ дуализмъ, преодолѣніе котораго было важнѣйшею задачей его послѣдователей. Нужно было сдѣлать понятнымъ, какъ посреди царства необходимости норма можетъ пріобрѣсти значеніе и господство. Легко придти къ тому вѣроятному выводу, что природа, слѣдуя своимъ законамъ, производитъ въ заключеніе что-то отъ нея отличное, что-то высшее, какъ будто она «пересиливаетъ самое себя». Этотъ способъ представленія, лучше всего выраженный въ діалектическихъ понятіяхъ гегелевской системы, встрѣчается также въ современныхъ натуралистическихъ воззрѣніяхъ. Типомъ этого можетъ служить «новая вѣра» Штраусса, съ нѣкоторыми измѣненіями въ способѣ выраженія, но въ основаніи совершенно не измѣнившимся. Въ противоположность этому, здѣсь нужно было бы доказать, что нормы сами представляютъ данную въ закономѣрномъ ходѣ душевной жизни возможность и что она становится дѣйствительностью черезъ непосредственную очевидность, которая заключается въ нормахъ и дѣлаетъ ихъ опредѣляющею силой въ естественномъ процессѣ, какъ только онѣ достигли сознанія. Естественная необходимость не изгоняетъ сама себя, но она раздѣляется. «Разумъ» не создается, онъ уже заключается въ безконечномъ разнообразіи необходимаго процесса природы: дѣло только въ томъ, что онъ познается и сознательно дѣлается побудительной причиною. Царство свободы среди царства природы есть та провинція, въ которой только норма имѣетъ значеніе; наша задача и наше блаженство въ томъ, чтобы поселиться въ этой провинціи.

РАЗСКАЗЫ.

I.

Рождество рабби Эліезера.

Святочный разсказъ **Абрагама Кагана**.

Переводъ съ англійскаго *Анны Бронштейнъ*.

Двѣ прилично одѣтыя дамы шли по улицамъ гетто. Одна изъ нихъ — небольшая, худенькая женщина съ рѣзкими чертами лица и сѣдыми волосами—внезапно остановилась.

— Посмотрите на этого человѣка! — съ восторгомъ сказала она, обращаясь къ своей высокой спутницѣ и указывая на пожилого еврея, который сидѣлъ за уличнымъ прилавкомъ съ папиросами и что-то шепталъ, склонившись надъ открытою книгой.—Не правда ли въ его лицѣ есть что-то львиное? И вмѣстѣ съ тѣмъ какой покорный, трогательно-грустный взглядъ! Я никогда не видѣла такого сочетанія.

Другая равнодушно согласилась, что старикъ, дѣйствительно, прекрасенъ, но старшая этимъ не удовлетворилась.

— Вы такъ это говорите, какъ будто міръ переполненъ такими лицами,—протестовала нервная женщина.—Я никогда не видала такой чудесной головы. Она—положительно классическая... Живая трагедія. Одни глаза его обогатили бы начинающаго художника. Я непремѣнно телеграфирую Гарольду.

— Да, въ его глазахъ есть что-то трогательное,—согласилась распорядительница университетскаго поселенія *), тоже, наконецъ, заинтересованная.

— Трогательное! Это просто глаза мученика! Вы только посмотрите миссъ Колтонъ, какъ это восковое лицо выступаетъ, строго очерченное изъ этой массы бѣлыхъ волосъ и бороды. А эти глаза! Не кажется ли вамъ, будто они глядятъ изъ могилы или изъ какой-то недоступной

---

*) Такъ называются въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ поселенія, устраиваемыя интеллигентными людьми въ бѣднѣйшихъ частяхъ города съ цѣлью вліять на населеніе и поднимать его умственный и нравственный уровень при помощи безплатныхъ чтеній и спектаклей, даровой раздачи книгъ и даже матеріальныхъ пособій, насколько позволяютъ средства. Въ еврейской части Нью-Іорка пять университетскихъ поселеній: три устроенныхъ евреями и два христіанами.

дали? Надо подойти и заговорить съ нимъ. Онъ похожъ на дряхлаго ручного льва...

Миссъ Бемисъ держала въ рукахъ списокъ кліентовъ, «заслуживающихъ поддержки», большей частью ирландцевъ, который миссъ Колтонъ приготовила для нея, какъ и въ прошломъ году. Но на этотъ разъ ея энтузіазмъ не носилъ исключительно филантропическаго характера. Она недавно свела знакомство съ небезызвѣстною литературною семьей и такъ увлеклась, что съ тѣхъ поръ все искала «типовъ».

Подойдя къ прилавку, дамы увидѣли, что на немъ, кромѣ папиросъ, лежали также конфекты и еврейскія газеты, а сзади, въ стѣнѣ, былъ прилаженъ грубый шкафъ, наполненный книгами въ плохихъ переплетахъ.

Миссъ Колтонъ, которая говорила по-нѣмецки и старательно изучала жаргонъ гетто, играла для своей спутницы роль переводчицы.

— Сколько стоятъ эти папиросы?—спросила она, взявъ пачку съ портретомъ капитана Дрейфуса.

— Папиросы?—переспросилъ старикъ съ подобіемъ улыбки, отъ которой его лицо сдѣлалось еще печальнѣе.—Сколько папиросъ? Одна, двѣ или вся пачка?—нерѣшительно прибавилъ онъ.

— Пачка, конечно. Развѣ вамъ кажется страннымъ, чтобъ женщины покупали папиросы?

— Боже сохрани. Кто же говоритъ, что это странно?—поспѣшно отвѣтилъ старикъ.—У меня дамы покупаютъ каждый разъ...

— Зачѣмъ? курить?

— Ну! Какъ это женщина будетъ курить?—сказалъ старикъ. Но у нея, можетъ, мужъ есть, что куритъ, или женихъ.

Миссъ Бемисъ купила пачку съ портретомъ Дрейфуса и еще одну съ портретомъ Дрейфуса и еще одну съ портретомъ Карла Маркса. Старикъ понемногу оправился отъ застѣнчивости и разсказалъ, въ отвѣтъ на вопросы дамъ, что его зовутъ Эліезеромъ, но люди называютъ его рабби Эліезеромъ изъ уваженія къ его сѣдинамъ и благочестію. Онъ уже два года въ Америкѣ и одинокъ, какъ перстъ.

— А сколько вамъ даетъ въ недѣлю этотъ прилавокъ?

Онъ только вздохнулъ въ отвѣтъ и безнадежно махнулъ рукой. Помолчавъ немного, онъ сказалъ:

— Я сижу и зябну, какъ собака, съ шести часовъ утра до одиннадцати ночи... Сами вы видите!.. А что же я имѣю за свои труды? Если заработаю пять долларовъ, то говорю, что мнѣ везло. Было бы у меня побольше товару, я бы, можетъ быть, зарабатывалъ больше Это Америка, а не Россія; чтобъ торговать, надо имѣть разный товаръ... Все же роптать грѣшно. Я не умираю съ голоду, хвала Господу!..

Онъ объяснилъ дамамъ, что книжный шкафъ представляетъ библіотеку.

— Глупости все,—съ презрѣніемъ прибавилъ онъ.—Въ этихъ книжкахъ одна только ложь; разныя выдумки о томъ, какъ господинъ влюбился въ барышню, и еще такіе же пустяки; а между тѣмъ приходится держать этотъ хламъ! Ахъ, не за этимъ пріѣхалъ я въ Америку! Чего мнѣ не хватало? Птичьяго молока развѣ!.. Я былъ соферъ *). Я жилъ бѣдно, но никогда не голодалъ, и люди меня уважали. Жилъ себѣ мирно, пока черный годъ занесъ въ нашъ городъ человѣка, который подбилъ меня ѣхать въ Америку. Онъ увидалъ, какъ я рисовалъ Мизрахъ, знаете,—это такая картина; евреи ее вѣшаютъ въ лучшей комнатѣ на восточной стѣнѣ. Я ее отдѣлалъ такъ чисто, съ красивыми колоннами, два льва держатъ амвонъ, а кругомъ разныя украшенія. Конечно, это многіе умѣютъ, но я такое умѣю, что рѣдкому доступно. Могу вписать все Второкнижіе въ кружокъ не больше стаканнаго донышка!..

Темные глаза его заискрились, и улыбка заиграла вокругъ рта, но лицо оставалось попрежнему печально.—Возьму, бывало, обыкновенный стаканъ, опрокину его на бумагу, очерчу вокругъ перомъ, а потомъ—за работу. Люди съ трудомъ разбираютъ, такъ мелко написано, а если дамъ имъ увеличительное стекло, такъ каждое слово видно. А почеркъ какой! Все-равно что печать...

— Ну, ребъ Эліезеръ,—говоритъ этотъ человѣкъ,—у васъ золотыя руки, но смысла у васъ ни на грошъ. Зачѣмъ вамъ пропадать въ такомъ сонномъ городишкѣ? Да вы поѣзжайте въ Америку, тамъ васъ жемчугомъ осыплютъ.—Ребъ Эліезеръ остановился, потомъ махнулъ рукой въ сторону своего товара и, горько улыбаясь, прибавилъ:—вотъ онъ, жемчугъ...

— А что сталось съ вашими картинами?—спросила заинтересованная миссъ Колтонъ.

— Съ картинами? Лучше и не спрашивайте, барыня,—вздохнулъ старикъ.

— Я просидѣлъ шесть ночей, пока кончилъ одну, а продалъ ее за долларъ, и то изъ милости. Мнѣ сказали, что мои львы похожи на картошку, а Второкнижіе имъ вовсе не нужно. «Знай,—говорятъ,—что тутъ Америка. Такія вещи здѣсь на машинѣ дѣлаются и продаются по пятаку за штуку!» Лавочникъ показалъ мнѣ одну пачку. Что-жъ, не буду спорить: львы были получше моихъ, да и буквы еще меньше, но только вы думаете, какъ онѣ были сдѣланы? Рукой? Какъ же! Они здѣсь пишутъ ихъ попросту большими буквами, а потомъ снимаютъ ихъ какъ-то такъ хитро, что выходитъ въ сто разъ меньше. Понимаете?.. «Да вѣдь это обманъ!—я говорю имъ.—Машинная работа, а я вѣдь каждую букву выписываю собственно рукой; мои слова—живыя

*) Переписчикъ скрижалей. Рукописныя копіи Ветхаго Завѣта въ большомъ ходу между набожными евреями.

лова!»—«А ну тебя и съ руками, и съ словами!—говоритъ купецъ.—Это, говоритъ,—не Россія, это Америка; здѣсь въ ходу машина, а не ручная мазня!» Вотъ оно какъ! — Голосъ старика упалъ. — Уменьшаютъ слова... еще бы! — продолжалъ онъ убитымъ голосомъ. Да они и меня уменьшили въ сто разъ. Горсть пепла они изъ меня сдѣлали. Славная старость! Мерзнешь, какъ собака, и никто тебѣ даже слова добраго не скажетъ,—закончилъ онъ, торопясь смахнуть навернувшуюся слезу и сжать дрожащія, какъ у ребенка, губы.

Душа миссъ Бемисъ одновременно наполнилась состраданіемъ и еще другимъ чувствомъ, какое бываетъ у энтомолога, неожиданно открывшаго рѣдкую букашку.

— Спросите его, сколько бы нужно было денегъ, чтобъ пополнить его прилавокъ товаромъ,—прямо приступила она.

Сѣрое лицо ребъ Эліезера покрылось краской, и онъ отвѣтилъ, заминаясь:

— Сколько? Быть можетъ, цѣлыхъ пятнадцать долларовъ! Хоть бы десять было!..

Когда миссъ Бемисъ взялась за кошелекъ, старый переписчикъ скрижалей даже перемѣнился въ лицѣ и отвелъ глаза въ сторону.

. . . .

Не успѣли обѣ дамы отойти, какъ торговцы со всѣхъ сторонъ обступили ребъ Эліезера.

— Сколько она вамъ дала?—жадно спрашивали они.

— Сколько!—передразнилъ онъ.—Меньше ста долларовъ, не безпокойтесь.

— Чего вы боитесь сказать? Развѣ мы отнимемъ?

— Боюсь! Чего мнѣ бояться? А только къ чему приставать: сколько да сколько?

Одна торговка рыбой сказала, что знаетъ ту изъ двухъ дамъ, что повыше ростомъ.

— Она изъ того дома въ слѣдующемъ кварталѣ,—объяснила она,—гдѣ съ дѣтьми возятся; еще гдѣ ихъ учатъ, чтобы они держались, какъ паны, понимаете.. Онѣ тамъ всѣ христіанки, но лучше, чѣмъ алмазъ. Сколько же она вамъ дала, ребъ Эліезеръ?—вкрадчиво закончила она.

Ребъ Эліезеръ не отвѣтилъ. Онъ старался смотрѣть спокойно, но никакъ не могъ. Бумажка въ двадцать долларовъ, спрятанная у него за пазухой, представляла величайшую сумму, какую онъ когда-либо держалъ въ рукахъ. Каждый разъ, когда покупатель подходилъ къ прилавку, старикъ вздрагивалъ и съ лихорадочнымъ усердіемъ бросался подавать товаръ, но въ то же время онъ былъ такъ разсѣянъ, что часто предлагалъ не то, чего просили. Каждый разъ онъ совалъ руку за пазуху, чтобъ убѣдиться, что бумажка была на своемъ мѣстѣ. Ему то казалось, что въ карманѣ дыра, то онъ сомнѣвался, что

дѣйствительно спряталъ драгоцѣнную бумажку какъ слѣдуетъ. Онъ какъ будто ясно помнилъ, что положилъ ее въ кошелекъ, но минутами все стиралось съ его памяти.

—Поневолѣ потеряешь голову, если эти завистники торчатъ кругомъ,—жаловался онъ самому себѣ.

Онъ представлялъ себѣ, какъ его прилавокъ и книжный шкафъ будутъ выглядѣть, полные новымъ товаромъ, какъ они будутъ привлекать вниманіе проходящихъ. Все это обойдется не больше, какъ въ пятнадцать долларовъ, такъ что онъ вдобавокъ сможетъ купить себѣ новый *талесъ* *); старый былъ весь въ заплатахъ и потому на него, ребъ Эліезера, не обращали никакого вниманія въ синагогѣ. Вотъ удивятся всѣ въ синагогѣ. «У васъ, видно, хорошо дѣла идутъ, ребъ Эліезеръ», станутъ говорить они. Да, онъ купитъ себѣ новый талесъ и новую шляпу.

Ермолка, которую онъ носилъ во время молитвы, тоже совсѣмъ порыжѣла, но за четвертакъ можно купить новую,—такая трата казалась теперь пустякомъ. Вдругъ онъ убѣдился, что не помнитъ, положилъ ли онъ ассигнацію въ кошелекъ. Сердце его упало. Повернувшись спиной къ прилавку и какъ будто приводя книги въ шкафу въ порядокъ, онъ поспѣшно вытащилъ свой ветхій кошелекъ... Бумажка была тамъ—зеленая съ одной стороны и коричневая съ другой.

— Считаете деньги, что христіанка дала?—съ задоромъ спросила одна торговка.

— Вовсе нѣтъ,—пробормоталъ онъ, покраснѣвъ.

— Глупый вы человѣкъ; развѣ вамъ кто завидуетъ?—отозвался торговецъ морковью.

— Не скрытничайте—сколько?

На этотъ разъ почему-то ребъ Эліезеръ обидѣлся.

— Чего вамъ отъ меня нужно? — выпалилъ онъ. — Что я долженъ кому-нибудь?

— Не сердитесь, господинъ!—колко отвѣтилъ торговецъ.—Нечего вамъ важничать. Что изъ того, что христіанка дала вамъ подарокъ на Рождество—въ честь рожденія ея Бога?

— Вотъ именно—подарокъ въ честь ихъ Бога,—подтвердилъ другой, торговавшій обрѣзками ситцевъ.

Ребъ Эліезеръ былъ внѣ себя отъ гнѣва.

— Вы это говорите потому, что у васъ глаза выскакиваютъ отъ зависти,—свирѣпо отвѣтилъ онъ.—Такъ знайте: она дала мнѣ двадцать долларовъ. Да!

Споръ кончился, но въ сердцѣ ребъ Эліезера осталась рана. Узкій клочокъ бумаги, зеленый съ коричневымъ, внезапно сталъ пахнуть ладаномъ и вызвалъ звуки оргáна, которые напомнили старому еврею

*) Молитвенное покрывало.

юльскую церковь на родинѣ. Его охватилъ ужасъ. За пазухой, близко къ его сердцу, пріютилось нѣчто трефное (нечистое), враждебное, святотатственное. Горе, горе! Эта нечистая вещь была такъ дорога ему!.. И надо же было этому случиться какъ разъ въ день Рождества! Несчастье! Еслибъ эта христіанка съ доброй душой пришла хотя бы на одинъ день раньше; или, еслибъ, по крайней мѣрѣ, никого не было при томъ, когда онъ получилъ подарокъ... Впрочемъ, она вѣдь не говорила, что это рождественскій подарокъ. Онъ вспомнилъ, что многіе евреи обмѣнивались между собою и съ христіанскими друзьями подарками на Рождество; но въ этой мысли было мало утѣшенія. Что изъ того, что евреи которые брѣютъ бороду и курятъ въ субботу, посылаютъ подарки на Рождество христіанскимъ друзьямъ или такимъ же евреямъ, какъ они сами? Неужели онъ, старикъ, стоящій одной ногой въ могилѣ, послѣдуетъ ихъ безбожному примѣру? Горе ему! Неужели дошло до этого? Онъ твердо рѣшилъ возвратить христіанкѣ ея деньги, и ему какъ будто стало легче. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ снова почувствовалъ, что не сдѣлаетъ этого, и, мало-по-малу, на душѣ его сдѣлалось по-прежнему тяжело.

— Ахъ, Боже! Черный годъ принесъ ко мнѣ этихъ дамъ съ ихъ двадцатью долларами!—въ отчаяніи воскликнулъ онъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, онъ составилъ планъ дѣйствій. Онъ пойдетъ въ христіанскій домъ (такъ называлъ онъ про себя университетское поселеніе), и разузнаетъ, были ли эти деньги даны ему, какъ подарокъ на Рождество. Онъ не спроситъ прямо, потому что это было бы слишкомъ опасно. Вмѣсто того, онъ лучше такъ скажетъ: «Я бѣдный человѣкъ, но я еврей, а евреямъ нельзя принимать подарковъ въ честь христіанской вѣры. Я взялъ эти деньги, потому что добрая дама дала мнѣ ихъ. Она, навѣрно, не считала это подаркомъ на Рождество, неправда ли?» Добрая женщина пойметъ, конечно, его горе и, если даже деньги даны были, какъ рождественскій подарокъ, она скажетъ, что нѣтъ.

Ему казалось такъ легко и просто пойти и сказать эту короткую рѣчь, но когда онъ очутился передъ небольшимъ двухъэтажнымъ домомъ—единственнымъ среди ряда высокихъ зданій, наполненныхъ мелочными лавками и дешевыми квартирами, сердце его сжалось отъ боязни, что барыня вдругъ скажетъ: «да, это былъ подарокъ на Рождество».

— И съ какой стати я стану еще безпокоить ихъ? Развѣ мало того, что онѣ дали мнѣ такую кучу денегъ?—сказалъ онъ себѣ съ искреннимъ чувствомъ приличія и даже отошелъ въ сторону. Однако, пройдя нѣсколько шаговъ, онъ повернулъ обратно. Медленно и нерѣшительно подходилъ онъ къ дому. Первый разъ въ жизни онъ собирался войти въ господское жилище и съ мимолетною надеждой почувствовалъ, что у него, пожалуй, не хватитъ смѣлости и позвонить. Когда онъ, нако-

нецъ, собрался съ духомъ и позвонилъ, сердце его такъ забилось, что онъ боялся, что не съумѣетъ сказать ни слова.

Черезъ минуту онъ увидѣлъ миссъ Колтонъ. Онъ сейчасъ же узналъ ее, но она показалась ему теперь моложе и выше ростомъ.

— Чѣмъ могу служить вамъ, ребъ Эліезеръ?—съ необыкновеннымъ радушіемъ встрѣтила она его.

Онъ сразу ободрился.

— Я пришелъ, барыня, спросить васъ кое о-чемъ, — началъ онъ свободно и самъ себѣ удивляясь.—Мнѣ говорятъ, что та дама дала мнѣ деньги, какъ подарокъ на Рождество. Я, знаете, еврей, и мнѣ нельзя принимать такіе подарки; это не мое дѣло, что другіе евреи дѣлаютъ такія вещи.

Онъ не зналъ, какъ продолжать. Онъ зналъ, что рѣчь выходитъ совсѣмъ не та, которую онъ приготовилъ, и что эта ошибка можетъ стоить ему его двадцати долларовъ. Ему страшно хотѣлось поправить дѣло, но слова никакъ не выходили. Послѣ нѣкотораго молчанія, у него вдругъ сорвалось:

— Еслибъ я получилъ эти деньги вчера или завтра, тогда другое дѣло, но сегодня!..

Миссъ Колтонъ расхохоталась.

— Да, разумѣется, это не былъ подарокъ на Рождество,—сказала она.—Доброй дамѣ и въ голову не приходило дать вамъ деньги съ этой цѣлью, потому что она отлично знала, что вы еврей и вдобавокъ, навѣрное, набожный. Но разъ это васъ такъ безпокоитъ, дайте мнѣ эти двадцать долларовъ и приходите за ними завтра. Вы получите ихъ отъ имени той дамы, какъ новый подарокъ. Такъ будетъ лучше, неправда ли?

Ребъ Эліезеръ согласился, но вышелъ изъ университетскаго поселенія полный безпокойства.

Первымъ дѣломъ его было разспросить у сосѣдей, хорошая ли плательщица миссъ Колтонъ. Ему всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили, что лучше ея не можетъ быть. Услышавъ такой отзывъ, онъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа отправился на вечернюю молитву въ синагогу. Тѣмъ не менѣе, при чтеніи «Восемнадцати Благословеній», онъ поймалъ себя думающимъ о деньгахъ. Пришлось повторить молитву сначала.

Когда онъ вернулся, торговля была въ полномъ разгарѣ. Троттуары и мостовая кишѣли народомъ. Сотни факеловъ съ колеблющимся пламенемъ мелькали другъ за другомъ, простираясь на западъ и на востокъ, на сѣверъ и на югъ и сливаясь въ огненныя полосы, которыя скрещивались, вспыхивали и снова терялись въ общей пестротѣ свѣта, дыма, рыбы, овощей, субботнихъ калачей, яркихъ тканей и человѣческихъ лицъ.

— Рыбы, рыбы, хозяюшки милыя! Кто купитъ рыбы? рыбы живой, вертлявой, праздничной, пляшущей въ честь субботы!..

— Картофелю, крупнаго по кулаку!..

— Коленкору! Дешеваго коленкору!..

— Купите ситцу остатокъ—ситецъ, какъ шелкъ, хозяйки!..

Ребъ Эліезеръ, прилавокъ котораго находился въ самомъ центрѣ этого столпотворенія, сидѣлъ за стойкой и думалъ. Онъ былъ весь разбитъ духомъ и тѣломъ. Онъ со стыдомъ думалъ о лихорадочномъ своемъ безпокойствѣ относительно денегъ, о своемъ униженіи, о томъ, какъ онъ обманывалъ своего Бога... И все это изъ-за нищеты, изъ-за которой двадцать долларовъ казались ему богатствомъ... И вдругъ ему показалось, что старости его было нанесено жестокое оскорбленіе. Онъ сталъ бормотать псалмъ. Каково бы ни было значеніе древне-еврейскихъ словъ, которыя произносили его уста, дрожащій голосъ его и печальный напѣвъ просили Бога простить его и сжалиться надъ его послѣдними годами на землѣ.

Красноватое пламя упало на его восковыя черты и бѣлую бороду. Глаза его мерцали тусклымъ и безнадежнымъ блескомъ. Онъ все шепталъ и качалъ своею красивою головой, страдальческая улыбка появилась и не сходила съ его лица. Ему хотѣлось излиться слезами. «Я такъ несчастенъ, такъ несчастенъ!» говорилъ онъ себѣ, весь охваченный горемъ. И въ то же время онъ чувствовалъ, что гдѣ-то далеко въ глубинѣ его души, висѣлъ неотвязный вопросъ: отдастъ ли ему христіанская дама его двадцать долларовъ?

II.

Разсказъ калифорнца.

Марка Твэна.

Перев. съ англійскаго *М. Андреевой.*

Однажды, лѣтъ тридцать пять тому назадъ, я дѣлалъ изысканія по теченію богатой золотыми розсыпями рѣки Станислаусъ. Я бродилъ цѣлые дни съ киркой, тазомъ и рогомъ и промывалъ песокъ то здѣсь, то тамъ, надѣясь каждый моментъ найти богатое золотомъ мѣсто и никогда не находя его. Это была прелестная мѣстность—прохладная, тѣнистая, благовонная и нѣкогда, много лѣтъ тому назадъ, заселенная, но затѣмъ люди оставили ее, и очаровательный рай превратился въ пустыню. Люди ушли, когда поверхностный слой розсыпей былъ выработанъ. И вотъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ маленькій дѣловой городокъ съ банками, редакціями газетъ и страховыми компаніями, съ меромъ и альдерменомъ, теперь разстилалась только широкая изумрудная поляна, на которой не осталось ни

малѣйшихъ слѣдовъ ютившейся здѣсь человѣческой жизни. Это мѣсто находилось по дорогѣ къ Тотлтауну. Неподалеку отъ него, можно было, отъ времени до времени, увидѣть вдоль пыльной дороги прехорошенькіе, маленькіе котэджи, кокетливые и уютные и до такой степени обвитые вьющимися розами, что окна и двери совершенно скрывались подъ ихъ густою, усѣянною цвѣтами листвой—знакъ того, что это были пустые дома, покинутые много лѣтъ тому назадъ разорившимися и обманутыми въ своихъ надеждахъ семьями, которыя не могли ни продать ихъ, ни даже передать ихъ кому-нибудь. Кое-гдѣ можно было еще встрѣтить одинокія бревенчатыя хижины, принадлежавшія къ самой ранней золотопромышленной эпохѣ и построенныя первыми золотоискателями—предшественниками собственниковъ котэджей. Иногда, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, эти хижины были еще обитаемы и въ такихъ случаяхъ вы могли быть увѣрены, что тотъ, кто жилъ въ ней, былъ тѣмъ самымъ піонеромъ, который нѣкогда построилъ ее; вы также могли быть увѣрены въ томъ, что онъ жилъ здѣсь только потому, что нѣкогда онъ имѣлъ возможность вернуться домой, въ свой штатъ, богатымъ, но не сдѣлалъ этого во-время; что впослѣдствіи онъ потерялъ все свое состояніе и въ своемъ уничиженіи рѣшилъ порвать всѣ связи съ родственниками и друзьями и стать для нихъ мертвымъ. Въ тѣ времена по всей Калифорніи было разсѣяно множество такихъ живыхъ мертвецовъ—жалкихъ бѣднягъ съ разбитой гордостью, въ сорокъ лѣтъ уже старыхъ и сѣдыхъ, тайные помыслы которыхъ исключительно состояли изъ сожалѣній объ ихъ разбитой жизни и страстнаго желанія уйти какъ можно скорѣй отъ жизненной борьбы и успокоиться на вѣки.

Это была совершенно пустынная мѣстность! Ни одного звука не доносилось со всѣхъ этихъ мирныхъ изумрудныхъ полянъ и лѣсовъ, кромѣ усыпляющаго жужжанія насѣкомыхъ, никакихъ слѣдовъ человѣка или звѣря не замѣчалось вокругъ, словомъ, ничто не могло поддержать бодрость вашего духа и вызвать у васъ радостное сознаніе, что вы живете. Такъ что когда я, наконецъ, замѣтилъ однажды въ послѣобѣденное время человѣческую фигуру, то я почувствовалъ большое облегченіе. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, который стоялъ въ воротахъ одного изъ тѣхъ хорошенькихъ, покрытыхъ розами, котэджей, о которыхъ я уже упоминалъ. Но этотъ послѣдній не имѣлъ вида покинутаго жилища; наоборотъ, у него былъ видъ жилого дома, о которомъ заботились и который берегли и украшали; такой же видъ имѣлъ и передній дворикъ, который былъ превращенъ въ цвѣтникъ, полный яркихъ, красивыхъ цвѣтовъ. Меня, конечно, пригласили войти и расположиться, какъ дома,—таковъ былъ обычай страны.

Было необыкновенно пріятно очутиться въ подобномъ мѣстѣ послѣ долгихъ недѣль тѣснаго общенія съ хижинами золотоискателей и со всѣмъ тѣмъ, что подъ этимъ подразумѣвается, т.-е. съ грязными по-

лами, никогда не перестилавшимися постелями, съ оловянными тарелками и чашками и съ отсутствіемъ какихъ бы то ни было украшеній, кромѣ вырѣзанныхъ изъ газетъ иллюстрацій, изображавшихъ военные эпизоды, прибитыхъ къ бревенчатымъ стѣнамъ. Тамъ была грубая, унылая запущенность, здѣсь же было гнѣздышко, видъ котораго давалъ отдыхъ усталымъ глазамъ и удовлетвореніе тому, присущему человѣческой натурѣ, чувству, которое при взглядѣ на предметы искусства, какъ бы дешевы и скромны они ни были, начинаетъ сознавать, что оно голодало и что теперь только нашло себѣ пищу. Я бы никогда не повѣрилъ, чтобы сдѣланный изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ коверъ могъ такъ обрадовать меня и доставить мнѣ такое удовлетвореніе; или‘ чтобы моя душа могла находить такое утѣшеніе въ обклеенныхъ обоями стѣнахъ, въ литографіяхъ въ рамкахъ, въ яркихъ покрышкахъ на спинкахъ креселъ, въ виндзорскихъ стульяхъ, въ полированной этажеркѣ съ морскими раковинами, съ книгами и китайскими вазочками и во всѣхъ тѣхъ незамѣтныхъ пустяковинахъ, которыя создаетъ въ домѣ женская рука и которыхъ вы не замѣчаете, когда онѣ у васъ постоянно на глазахъ, и только чувствуете, что чего-то недостаетъ, когда ихъ не видите. Удовольствіе, бывшее въ моей душѣ, отражалось на моемъ лицѣ, и хозяинъ дома видѣлъ это и былъ очень доволенъ; онъ видѣлъ это такъ ясно, что отвѣтилъ какъ бы на вопросъ:

— Все ея работа,—сказалъ онъ ласково;—она все это сдѣлала сама, каждую вещь,—и онъ обвелъ комнату полнымъ любви взглядомъ. Надъ одною изъ картинъ разстроились складки мягкой японской матеріи, которою женщины съ такою заботливою небрежностью драпируютъ ихъ. Онъ замѣтилъ это и осторожно поправилъ складки, нѣсколько разъ отступая назадъ, чтобы видѣть хорошо ли онъ сдѣлалъ. Затѣмъ, чтобы придать имъ окончательный видъ, онъ еще раза два прикоснулся къ нимъ легкимъ движеніемъ руки и сказалъ:—она всегда такъ дѣлала. Иногда не можешь сказать, чего именно недостаетъ этимъ складкамъ, но чуть прикоснешься къ нимъ и онѣ принимаютъ надлежащій видъ; но почему это такъ, я не знаю; я не могу найти правилъ. Это, знаете ли, то же, что окончательное прикосновеніе материнской руки къ волосамъ ребенка послѣ того, какъ она ихъ уже причесала. Я такъ часто видѣлъ, какъ она драпировала, что я могу сдѣлать точно также, хотя я не знаю правилъ. А она знаетъ правила. Она знаетъ и какъ, и почему,—я же не знаю, почему, я только знаю, какъ.

Онъ повелъ меня въ спальню, чтобы я вымылъ руки. Подобной спальни я не видѣлъ уже много лѣтъ: бѣлое одѣяло, бѣлыя наволочки, покрытый ковромъ полъ, обклеенныя обоями стѣны, картины, туалетный столъ съ зеркаломъ, съ подушечкой для булавокъ и съ хорошенькими туалетными вещицами; въ углу умывальный столикъ съ чашкой, кувшиномъ и приборомъ для мыла изъ настоящаго фарфора, а на

станкѣ возлѣ столика около дюжины полотенецъ, такихъ чистыхъ и бѣлыхъ, что трудно вытереть ими руки безъ того, чтобы въ душѣ не осталось смутнаго чувства профанаціи. Мое лицо опять краснорѣчиво говорило, и хозяинъ опять отвѣтилъ съ чувствомъ полнаго удовлетворенія: «Все ея работа; все это она сдѣлала сама, каждую вещицу. Здѣсь нѣтъ ничего, что бы не носило на себѣ прикосновенія ея руки. Вы бы подумали... Но я не долженъ такъ много говорить».

Я въ это время вытиралъ руки и разсматривалъ въ мельчайшихъ подробностяхъ бывшія въ комнатѣ вещи, какъ можетъ разсматривать человѣкъ, который находится въ новомъ мѣстѣ, гдѣ все, что онъ видитъ, доставляетъ удовольствіе его взорамъ и сердцу. Въ то же время я почувствовалъ, хотя не могу объяснить, какимъ образомъ, что въ комнатѣ находится нѣчто, что мой хозяинъ желаетъ, чтобы я нашелъ самъ. Я зналъ также, что онъ старается помочь мнѣ, указывая украдкой глазами, и я очень старался угадать, потому что мнѣ хотѣлось доставить ему удовольствіе. Я нѣсколько разъ терпѣлъ неудачу, что я могъ видѣть, хотя мнѣ и не говорили ни слова; но, наконецъ, я почувствовалъ, что мнѣ нужно смотрѣть прямо на ту вещь, которая находится передо мной, чувствовалъ это, потому что меня обдавали невидимыя волны удовольствія, которыя исходили отъ него. Онъ вдругъ разразился счастливымъ смѣхомъ и, потирая руки, вскричалъ:

— Да, да, это самое! Вы нашли. Я зналъ, что вы найдете. Это ея портретъ.

Я подошелъ къ маленькой орѣховой полочкѣ и увидѣлъ на ней небольшой дагеротипъ, который раньше не замѣтилъ. Онъ изображалъ необыкновенно милое дѣвичье лицо и, какъ мнѣ показалось, самое красивое изъ всѣхъ, какія я когда-либо видѣлъ. Хозяинъ читалъ восхищеніе на моемъ лицѣ и былъ совершенно счастливъ.

— Ей исполнилось въ то время девятнадцать лѣтъ, сказалъ онъ, ставя портретъ на мѣсто, и въ тотъ же самый день мы повѣнчались. Когда вы ее увидите—ахъ, останьтесь до тѣхъ поръ, пока она вернется!

— Гдѣ же она? Когда она придетъ?

— О, ея теперь нѣтъ дома. Она поѣхала навѣстить своихъ родныхъ. Они живутъ въ сорока или пятидесяти миляхъ отсюда. Сегодня ровно двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ она уѣхала.

— Когда же вы ее ждете обратно?

— Сегодня у насъ среда. Она пріѣдетъ въ субботу вечеромъ, около девяти часовъ.

Я почувствовалъ сильное разочарованіе.

— Мнѣ очень жаль, но я долженъ уѣхать раньше, сказалъ я съ сожалѣніемъ.

— Уѣхать? Нѣтъ, зачѣмъ вамъ уѣзжать? Не уѣзжайте, она будетъ очень огорчена.

Она будетъ огорчена—это прекрасное созданіе! Если бы она мнѣ это сказала сама, то врядъ ли я былъ бы болѣе счастливъ. Я почувствовалъ вдругъ такое глубокое, страстное желаніе видѣть ее—желаніе такое сильное и настойчивое, что самъ испугался и сказалъ себѣ: «я долженъ немедленно уѣхать отсюда ради собственнаго же своего спокойствія».

— Видите ли, она любитъ, чтобы къ намъ пріѣзжали и гостили у насъ люди, которые знаютъ свѣтъ и умѣютъ разсказывать, люди, подобные вамъ. Она очень любитъ это, потому что она сама знаетъ—о, она сама знаетъ почти все и умѣетъ говорить... какъ птичка; а какія книги она читаетъ—вы будете поражены, когда увидите. Не уѣзжайте: вѣдь такъ немного вамъ нужно подождать, а она будетъ такъ огорчена!

Я слышалъ слова, но почти не понималъ ихъ смысла, до такой степени я былъ углубленъ въ свои собственныя размышленія. Онъ вышелъ изъ комнаты, но я не замѣтилъ этого. Черезъ минуту онъ возвратился съ портретомъ въ рукѣ и поднеся его къ моему лицу сказалъ

— Теперь скажите ей самой, что вы *можете* остаться, чтобы увидѣть ее, и вы останетесь.

Второй взглядъ, брошенный мною на это лицо, разрушилъ всѣ мои хорошія намѣренія. Я рѣшилъ остаться не взирая ни на какія послѣдствія. Въ тотъ вечеръ мы спокойно курили и болтали допоздна о всевозможныхъ вещахъ, но главнымъ образомъ о *ней*, и конечно, я давно ужъ такъ пріятно не проводилъ время. Наступилъ четвергъ и прошелъ тихо и спокойно. Передъ вечеромъ пришелъ жившій въ трехъ миляхъ оттуда громаднаго роста золотоискатель—одинъ изъ посѣдѣвшихъ неудачниковъ піонеровъ. и тепло привѣтствовалъ насъ въ немногихъ и необычайно серьезныхъ словахъ. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Я пришелъ только за тѣмъ, чтобы спросить о маленькой госпожѣ и когда она пріѣзжаетъ домой. Есть какія-нибудь извѣстія отъ нея?

— О, да, письмо. Вы хотите послушать, что она пишетъ, Томъ?

— Разумѣется, хочу, если это васъ не обезпокоитъ, Генри.

Генри вынулъ письмо изъ своего бумажника и сказалъ, что если мы ничего не будемъ имѣть противъ, то онъ пропуститъ нѣсколько лично къ нему относящихся фразъ; затѣмъ онъ сталъ читать необыкновенно милое письмо, полное любви и вмѣстѣ съ тѣмъ изящества съ постскриптумомъ, наполненнымъ дружескими привѣтствіями Тому и Джо, и Чарли и другимъ близкимъ друзьямъ и сосѣдямъ.

Окончивъ читать, онъ взглянулъ на Тома и воскликнулъ:

— Ахъ, вы опять за старое! Примите руки и покажите мнѣ ваши глаза. Вы всегда плачете, когда я читаю ея письмо. Я напишу ей объ этомъ.

— О, нѣтъ, не дѣлайте этого, Генри. Вы знаете, я уже становлюсь старъ и малѣйшее огорченіе вызываетъ у меня слезы. Я думалъ, что она уже сама здѣсь, а оказывается, что только письмо отъ нея.

— Но съ чего же вы это взяли? Я думалъ, что всѣ знаютъ, что она пріѣдетъ только въ субботу.

— Въ субботу! Да что же, я въ самомъ дѣлѣ вѣдь зналъ это! Право я удивляюсь, что со мной дѣлается въ послѣднее время? Конечно, я зналъ объ этомъ. Развѣ мы всѣ не собирались встрѣчать ее. Ну, ладно теперь мнѣ нужно идти, но я буду здѣсь, дружище, когда она пріѣдетъ

Въ пятницу вечеромъ пришелъ другой сѣдой ветеранъ, жившій за полторы мили оттуда, и сказалъ, что его товарищи хотятъ повеселиться и пріятно провести время въ субботу вечеромъ, если только Генри не думаетъ, что *она* будетъ чувствовать себя слишкомъ усталой послѣ дороги.

— Усталой? Она усталой! Послушайте только этого чудака! Джо, *вы знаете*, она готова бодрствовать хотя шесть недѣль, чтобы только кому-нибудь изъ васъ доставить удовольствіе!

Когда Джо узналъ, что есть письмо, онъ попросилъ, чтобы ему прочли его, и дружеское привѣтствіе, которое было прислано ему въ письмѣ, совершенно растрогало старика; но онъ поспѣшилъ сказать, что онъ такая старая развалина, что *это* случается съ нимъ всякій разъ, какъ она упоминаетъ его имя.

— Боже мой, намъ такъ ее недостаетъ!—сказалъ онъ.

Въ субботу, послѣ обѣда, я замѣтилъ, что я слишкомъ часто смотрю на свои часы. Генри также замѣтилъ это и спросилъ съ тревогой:

— Вы думаете, что она можетъ быть здѣсь такъ скоро?

Я увидѣлъ, что попался, и мнѣ стало неловко, но я разсмѣялся и сказалъ, что у меня привычка смотрѣть на часы, когда я чего-нибудь жду. Но это объясненіе, повидимому, его мало удовлетворило и съ этихъ поръ онъ началъ выказывать тревогу. Онъ водилъ меня четыре раза на поворотъ дороги, откуда мы могли видѣть на далекое разстояніе, и тамъ онъ каждый разъ долго стоялъ и смотрѣлъ вдаль, защитивъ отъ солнца глаза рукой. Нѣсколько разъ онъ мнѣ говорилъ:

— Меня тревожитъ, страшно тревожитъ то, что ея нѣтъ; хотя я знаю, что она не можетъ пріѣхать раньше девяти часовъ, но у меня есть какое-то предчувствіе, что что-то случилось. Вы не думаете, что можетъ что-нибудь случиться?

Мнѣ было просто стыдно за его ребячество, и когда, наконецъ, онъ опять повторилъ свой надоѣдливый вопросъ, то я на минуту потерялъ терпѣніе и отвѣтилъ ему очень рѣзко. Это его такъ покоробило и какъ будто даже напугало, и онъ смотрѣлъ послѣ этого такимъ обиженнымъ и подавленнымъ, что я очень бранилъ себя за то, что совершилъ эту ненужную жестокость. Поэтому я былъ очень радъ, когда къ вечеру пришелъ Чарли, третій ветеранъ и сталъ просить Генри прочесть письмо; затѣмъ они стали совѣщаться о приготовленіяхъ къ встрѣчѣ. Чарли истощилъ весь свой запасъ нѣжныхъ, сердечныхъ словъ, чтобы разсѣять опасенія и дурныя предчувствія своего друга.

— Что-нибудь съ ней случилось? Это чистѣйшій вздоръ, Генри. Съ ней ничего не можетъ случиться, просто не думайте объ этомъ. Она говоритъ въ письмѣ, что она вполнѣ здорова, неправда ли? И что она будетъ здѣсь въ девять часовъ? Развѣ вы можете сказать, что она когда-нибудь измѣнила своему слову? Конечно, вы не можете этого сказать. Въ такомъ случаѣ, не мучайтесь, она будетъ здѣсь, и это такъ же вѣрно, какъ то, что вы существуете. Пойдемъ теперь соберемъ цвѣты—времени уже осталось немного.

Скоро явились Томъ и Джо, и всѣ вмѣстѣ стали украшать домъ цвѣтами. Около девяти часовъ они сказали, что такъ какъ у нихъ съ собой есть инструменты, то они могутъ начать играть, потому что дѣвушки и ихъ кавалеры скоро ужъ явятся, а они всѣ безъ ума отъ веселыхъ старинныхъ танцевъ. Инструменты эти были скрипка, банжо и кларнетъ. Всѣ трое усѣлись рядышкомъ, другъ около друга и начали играть какой-то громкій танецъ, отбивая тактъ своими огромными сапожищами.

Оставалось нѣсколько минутъ до девяти часовъ. Генри стоялъ у двери и смотрѣлъ на дорогу, и вся его фигура была олицетвореніемъ тѣхъ мукъ, которыя переживала его душа. Онъ уже нѣсколько разъ пилъ за здоровье своей жены и за ея благополучное возвращеніе, но вотъ Томъ опять воскликнулъ:

— Всѣ сюда! Выпьемъ еще разъ, и она будетъ здѣсь!

Джо принесъ на подносѣ налитые стаканы и началъ всѣхъ обносить. Я взялъ одинъ изъ оставшихся стакановъ, но Джо испуганно зашепталъ мнѣ:

— Поставьте этотъ! возьмите другой!

Я повиновался. Генри поднесли послѣднему. Едва онъ проглотилъ напитокъ, какъ часы стали бить девять. Онъ слушалъ ихъ бой, и лицо его становилось все блѣднѣе и блѣднѣе; затѣмъ онъ сказалъ:

— Товарищи, я боленъ отъ страху. Помогите мнѣ, я хочу лечь.

Они помогли ему лечь на диванъ. Онъ улегся поудобнѣй и сталъ засыпать, но тотчасъ же заговорилъ, какъ во снѣ:—Я, кажется, слышалъ лошадиный топотъ? они ѣдутъ?

Одинъ ветеранъ наклонился къ его уху и сказалъ:

— Это Джимми Пэришъ пріѣзжалъ сказать, что они немного запоздаютъ, но что они уже недалеко отсюда. Ея лошадь захромала, но черезъ полчаса она будетъ здѣсь.

— О, я такъ счастливъ, что ничего не случилось!

И онъ заснулъ прежде, чѣмъ успѣлъ договорить послѣднее слово. Тогда, не теряя ни минуты, они ловко сняли съ него платье и положили его на постель въ той комнатѣ, гдѣ я мылъ руки. Притворивъ дверь, они возвратились и стали какъ будто собираться уходить, но я сказалъ:

— Пожалуйста, джентльмены, не уходите. Она меня не знаетъ, я здѣсь въ первый разъ.

Они переглянулись, затѣмъ Джо сказалъ:

— Она? Бѣдняжка, она умерла девятнадцать лѣтъ тому назадъ!

— Умерла?

— Да, умерла или, можетъ быть, еще хуже. Она поѣхала навѣстить своихъ родныхъ полгода спустя послѣ своей свадьбы и, когда она возвращалась обратно, въ субботу вечеромъ, индѣйцы напали на нее въ пяти миляхъ отсюда, и съ тѣхъ поръ мы о ней больше не слыхали.

— И онъ потерялъ разсудокъ вслѣдствіе этого?

— Съ тѣхъ поръ онъ не былъ здоровъ ни одной минуты. Но ему становится худо одинъ разъ въ годъ, около этого времени. Поэтому за три дня передъ годовщиной ея смерти мы начинаемъ собираться сюда, чтобы ободрить его и спросить, не слышалъ ли онъ что-нибудь о ней, а въ субботу приходимъ, убираемъ домъ цвѣтами и приготовляемъ все для танцевъ. Мы это дѣлаемъ каждый годъ вотъ ужъ девятнадцать лѣтъ. Въ первую субботу насъ было двадцать семь человѣкъ, не считая дѣвушекъ; теперь же насъ только трое, а дѣвушекъ нѣтъ ни одной. Мы даемъ ему снотворное питье, иначе онъ становится буйнымъ. Впродолженіи года онъ чувствуетъ себя хорошо, думаетъ, что она съ нимъ, и только послѣдніе три или четыре дня до срока онъ начинаетъ искать ее, вынимаетъ ея милое старое письмо, и мы приходимъ и просимъ, чтобы онъ намъ его прочелъ. Боже мой, какая она была хорошая!

МЕТТЕРНИХЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

(Историческій очеркъ).

(*Окончаніе* *)

XIX.

Греческое возстаніе было точно также однимъ изъ дальнихъ последствій французской революціи. Еще во время своего похода въ Египетъ Наполеонъ возбуждалъ грековъ къ борьбѣ съ турками. Но у нихъ еще отсутствовало національное сознаніе, а главное матеріальныя средства. Греція была страной бѣдной по своей природѣ, безъ значительной торговли, оторванной отъ остальной Европы вѣковымъ рабствомъ, невѣжествомъ и естественными препятствіями, какими являлись горы и море.

Но и изъ этой изолированности вывелъ Грецію опять-таки Наполеонъ. Ея экономическій подъемъ явился однимъ изъ неожиданныхъ послѣдствій освященной Наполеономъ континентальной системы. Когда коммерческіе флоты европейскихъ государствъ спустили свои паруса, и двери гаваней закрылись для англійскихъ товаровъ, тогда и наступило время для маленькихъ греческихъ шкунъ, которыя, ловко избѣгая таможеннаго надзора, брали англійскіе товары съ острова Мальты и распространяли ихъ по берегамъ Австріи, Италіи, Испаніи, Португаліи, даже Франціи. И это продолжалось такъ семь лѣтъ, т.-е. за все время господства континентальной системы. Вожаки греческаго возстанія, какъ извѣстно, Ипсиланти и другіе, служили въ русской арміи и прониклись тѣмъ же патріотическимъ духомъ, который возбудила борьба Наполеона среди всего русскаго офицерства. Это были раскаты того же грома, который потрясалъ Францію въ 1789 году. Меттернихъ подавлялъ революцію въ Испаніи, въ Неаполѣ, въ Пьемонтѣ, но «семиглавая гидра» показала новую голову въ скалистыхъ пещерахъ Эгейскаго моря.

Первыя извѣстія о возстаніи были получены на Западѣ въ мартѣ 1821 г., когда Меттернихъ и императоръ Александръ находились еще въ

*) См. «Міръ Божій», № 11. октябрь, 1902 г.

Лайбахѣ. Какъ долженъ былъ отнестись Меттернихъ къ греческому возстанію, не трудно понять. Съ одной стороны оно угрожало владычеству Турціи, существованіе которой составляло одинъ изъ догматовъ австрійской политики на Востокѣ. Съ другой стороны, греческіе повстанцы были тѣми же самыми карбонаріями, какъ выражался Меттернихъ, которые возстали противъ своего собственнаго государя и угрожали своимъ примѣромъ раздуть революціонный пожаръ и во всей остальной Европѣ. Въ этомъ отношеніи политика Австріи была точно и ясно опредѣлена заранѣе. Она по своей непреложности дѣйствительно принимала характеръ настоящей *религіи*, какъ писалъ Меттернихъ Эстергази, австрійскому посланнику въ Лондонѣ.

Для Россіи же это дѣло представлялось немного иначе. Съ теоретической точки зрѣнія императоръ Александръ, конечно, не могъ не соглашаться, что одинъ общій духъ «неповиновенія и мятежа» проникалъ какъ неаполитанскую, такъ и греческую революцію. Но съ другой стороны русскіе интересы на Востокѣ были противоположны австрійскимъ. Еще со временъ Петра Великаго завоеваніе Константинополя сдѣлалось цѣлью русской внѣшней политики, и Россія должна была привѣтствовать всякое событіе, ускорявшее паденіе турецкой имперіи.

Кромѣ того, Россія пріучила христіанъ турецкой имперіи смотрѣть на нее, какъ на свою покровительницу, и не явиться на помощь грекамъ теперь, когда свирѣпствовали турецкіе янычары и башибузуки, значило бы подорвать собственный авторитетъ. Такимъ образомъ русская дипломатія была поставлена передъ трудною дилеммой: поддерживать грековъ или предоставить ихъ своей собственной судьбѣ, что было равносильно оказанію поддержки Турціи. Въ первомъ случаѣ императоръ Александръ впалъ бы въ противорѣчіе съ тѣми охранительными началами, которыхъ онъ придерживался до сихъ поръ, а во второмъ—онъ нанесъ бы тяжелый ударъ русскому вліянію на Востокѣ. Какъ увидимъ послѣ, Александръ Павловичъ не присталъ рѣшительно ни къ одному изъ этихъ двухъ рѣшеній; отсюда и та неопредѣленность, которою отличалась его политика во время греческаго движенія.

Мы упомянули, что когда извѣстіе о возстаніи было получено въ Лайбахѣ, русскій Императоръ находился еще тамъ. Онъ сейчасъ же позвалъ къ себѣ Меттерниха и вмѣстѣ съ нимъ рѣшилъ «предоставить греческое движеніе своей собственной судьбѣ».

Такъ же поступилъ Александръ Павловичъ съ сербами, за восемь лѣтъ до греческаго возстанія. Во время его пребыванія во Франкфуртѣ, въ 1813 г., къ нему явилась сербская делегація съ просьбою о помощи противъ Турціи. Императоръ отказалъ *). Какъ тогда, такъ

*) «Записки кн. Сергѣя Волконскаго», стр. 285.

и теперь, въ греческомъ возстаніи, онъ жертвовалъ охранительнымъ началамъ традиціонными русскими интересами на Востокѣ.

Императоръ Александръ предполагалъ, что греческое возстаніе будетъ подавлено раньше, чѣмъ общественное мнѣніе въ Россіи и на Западѣ успѣетъ заступиться за грековъ. Эти разсчеты оказались ошибочными. Повстанцы успѣшно боролись съ турками, всѣ усилія которыхъ кончались обычными жестокостями, вызывавшими всеобщее негодованіе. Борьба противъ грековъ пробудила фанатизмъ въ мусульманскомъ населеніи, которое начало мстить другимъ христіанамъ за военныя неудачи въ Греціи. Само турецкое правительство, желая предупредить революціонное движеніе со стороны другихъ христіанскихъ народовъ, приняло рядъ предохранительныхъ мѣръ. Оно бросило въ тюрьму находившихся съ 1820 г. въ Константинополѣ сербскихъ депутатовъ и объявило ихъ заложниками; въ 1821 г. турецкое войско заняло Молдавію и Валахію, откуда былъ данъ первый сигналъ къ возстанію. Оккупація дунайскихъ провинцій и арестъ сербскихъ депутатовъ были нарушеніемъ международнаго права и въ частности постановленій бухарестскаго русско-турецкаго договора. Кромѣ того, турецкое правительство закрыло проходъ черезъ проливы торговымъ судамъ, отправляющимся къ берегамъ Россіи. Эти обстоятельства заставили русское правительство вмѣшаться въ греческія дѣла. Русское правительство отправило ультиматумъ Турціи, требуя возстановленія прежняго порядка въ дунайскихъ провинціяхъ и обезпеченія свободы торговли въ Черномъ морѣ. Что касается грековъ, петербургскій кабинетъ не признавалъ за ними никакихъ правъ, считая ихъ «мятежниками», но требовалъ въ то же самое время, чтобы Турція дѣлала различіе между ними и остальнымъ греческимъ населеніемъ и чтобы она не распространяла на послѣднее тѣхъ строгостей, которыхъ заслуживали первые. Нежеланіе Турціи удовлетворить русскія требованія привело къ разрыву дипломатическихъ отношеній. Конфликтъ съ Турціей поставилъ русскаго Императора передъ трудною дилеммой. Самымъ естественнымъ выходомъ изъ этого положенія являлась война: нужно было силою оружія заставить Турцію принять условія Россіи. Къ этой развязкѣ побуждали Императора и его совѣтники во главѣ съ Каподистріей, который, кромѣ общихъ соображеній, руководился въ данномъ случаѣ и своимъ патріотическимъ чувствомъ. Но это рѣшеніе не встрѣтило полнаго сочувствія императора Александра, не желавшаго возстановлять противъ себя своихъ союзниковъ, въ частности Австрію. Тутъ на помощь Императору явился Меттернихъ.

Австрійскій канцлеръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ Петербургѣ. Бывали дни, когда онъ отправлялъ въ русскую столицу по нѣскольку курьеровъ съ разными порученіями. Изъ его обширной, частной и оффиціальной переписки видно, какъ у Меттерниха радость смѣнялась без-

покойствіемъ, смотря по содержанію полученныхъ извѣстій. Онъ вѣрилъ въ преданность императора Александра политикѣ священнаго союза, но, зная слабость его характера, боялся вліянія окружающихъ. Самымъ опаснымъ для Меттерниха казался Каподистрія, котораго онъ подозрѣвалъ въ желаніи стать греческимъ королемъ.

Поэтому, онъ направляетъ всѣ свои усилія, чтобы изолировать русскаго Государя отъ его совѣтниковъ, и былъ одинъ моментъ, когда онъ думалъ, что это ему удалось. Еще съ лайбахскаго конгресса Меттернихъ писалъ Стадіону слѣдующія, проникнутыя сознаніемъ своей силы, слова: «Не Россія нами руководитъ, а, наоборотъ, мы руководимъ императоромъ Александромъ, и по очень простымъ причинамъ. Онъ потерялъ всѣхъ своихъ совѣтниковъ, а между тѣмъ, нуждается въ нихъ. На Каподистрію онъ смотритъ, какъ на вожака карбонаріевъ».

Тѣ же самыя интриги продолжаетъ Меттернихъ и послѣ лайбахскаго конгресса противъ Каподистріи, Строганова, Поццо-ди-Борго и другихъ русскихъ дипломатовъ. Борьба ведется съ обѣихъ сторонъ, на ударъ они отвѣчаютъ ударомъ, и если по временамъ Меттерниху кажется, что русскій Императоръ въ его рукахъ, въ другой разъ онъ чувствуетъ, что враждебное вліяніе беретъ верхъ, и его интриги рвутся, какъ паутина. «Мнѣ кажется,—пишетъ Меттернихъ,—что я нахожусь въ центрѣ тонкой паутинной сѣти, сотканной мною по примѣру моихъ друзей пауковъ, которыхъ я такъ люблю и которыми такъ часто восхищался. Императоръ Александръ вполнѣ раздѣлялъ мои взгляды на текущія событія. Но съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, нельзя сказать, останется ли онъ до конца вѣренъ данному слову. Пока онъ хорошо держится, но опасность въ томъ, что онъ не находитъ поддержки среди своихъ совѣтниковъ. Чтобы царь не перемѣнилъ политику, нужно его изолировать отъ послѣднихъ».

Вотъ въ какомъ видѣ представляетъ самъ Меттернихъ свою роль, и нужно признаться, ему удалось выдержать ее до конца царствованія Александра I. Вся программа Меттерниха сводится къ двумъ пунктамъ. Предупредить войну между Россіей и Турціей и заставить послѣднюю обратиться за разрѣшеніемъ греческаго вопроса къ вмѣшательству священнаго союза. Сколько выгодныхъ для Австріи послѣдствій повлекло бы за собою осуществленіе этихъ двухъ пунктовъ программы Меттерниха. Онъ выигралъ бы время, нужное Турціи для усмиренія греческаго возстанія, кромѣ того нанесъ бы русскому вліянію на Востокѣ страшный ударъ, если бы могъ заставить Россію передать священному союзу принадлежащее до сихъ поръ исключительно ей право покровительства христіанамъ въ Турціи. Наконецъ, вліяніе, которое потеряла бы Россія на Востокѣ, перешло бы къ Австріи.

Осуществленіе своей программы Меттернихъ проводитъ съ присущею ему осторожностью и систематичностью. Онъ подыскиваетъ

такое среднее и невинное рѣшеніе русско-турецкаго конфликта, которое могло бы удовлетворить обиженное Турціей самолюбіе Аександра I, не давая въ то же время грекамъ какихъ бы то ни было надеждъ на Россію. Главные пункты этого рѣшенія Меттернихъ проводитъ въ интересномъ письмѣ 28-го января 1822 года къ императору Александру I, предлагая, между прочимъ, свое посредничество для примиренія Россіи съ Турціей. Прежде всего онъ возстаетъ всѣми силами противъ войны, говоря, что послѣдняя послужитъ сигналомъ для всеобщей европейской революціи. «Въ тотъ день,—пишетъ Меттернихъ,—когда Россія и Австрія сдѣлаютъ хоть одинъ намекъ на то, что они готовы прибѣгнуть къ оружію, чтобы оказать давленіе на Турцію, Италія, Германія и Франція—погибшія страны. Войны ожидаетъ все время партія революціонеровъ; она была бы для нихъ моментомъ торжества,—вотъ чего мы должны, прежде всего, ожидать».

Но какимъ путемъ выйти изъ того неопредѣленнаго положенія, въ которое поставила себя русская дипломатія, прервавъ отношенія съ Турціей? Здѣсь, именно, видны находчивость и лукавство Меттерниха. Онъ предлагаетъ раздѣлить спорные вопросы между Россіей и Турціей на двѣ категоріи: къ первой относятся всѣ вопросы, касающіеся исключительно отношеній Россіи къ Турціи, а ко второй—греческій вопросъ. Разрѣшеніе первыхъ должно быть предоставлено непосредственному соглашенію Россіи съ Турціей, второго—всѣмъ державамъ священнаго союза. Предложеніе Меттерниха было одобрено Александромъ I. Въ началѣ марта въ Вѣну пріѣзжаетъ русскій уполномоченный Татищевъ со спеціальною миссіей—составить вмѣстѣ съ Меттернихомъ подробный планъ примиренія съ Турціей на выше приведенныхъ началахъ. Насколько австрійскому канцлеру удалось пріобрѣсть довѣріе Александра I, можно судить по тому, что переговоры между Меттернихомъ и Татищевымъ велись втайнѣ отъ Головина, русскаго посланника въ Вѣнѣ. Послѣдній былъ устраненъ отъ нихъ, какъ орудіе Каподистріи. Послѣ нѣсколькихъ свиданій Меттернихъ и Татищевъ пришли къ слѣдующему соглашенію: первый берется заставить Турцію отозвать свои войска изъ Валахіи и Молдавіи; Россія же воспользуется этимъ шагомъ Турціи, чтобы возобновить прерванныя дипломатическія отношенія. Что касается греческаго вопроса, то всѣ пять великихъ силъ священнаго союза должны предложить Турціи быть посредникомъ между нею и повстанцами съ обѣщаніемъ сохранить всѣ права Турціи. Они только требуютъ отъ нея возстановить разрушенныя церкви и дать амнистію всѣмъ, которые положатъ оружіе. Съ этимъ документомъ Татищевъ отправляется обратно въ Петербургъ.

Меттернихъ проводитъ два мѣсяца въ лихорадочномъ ожиданіи и въ постоянномъ страхѣ, что Каподистрія можетъ разстроить его планы. Наконецъ, 31-го мая, получается извѣстіе изъ Петербурга, которое доставило Меттерниху величайшую радость. «Я получилъ... всего часъ

тому назадъ,—пишетъ онъ императору Францу,—подробности о самой большой побѣдѣ, которую когда-либо одно правительство одерживало надъ другимъ. Царь принялъ всѣ наши предложенія... Извѣстіе объ отступленіи турецкихъ войскъ изъ Валахіи и Молдавіи такъ обрадовало царя, что онъ тотчасъ же попросилъ нашего посланника Лебцельтерна увѣдомить Порту, что Россія готова возобновить свои дипломатическія сношенія съ Турціей. Каподистрія вполнѣ побитъ». Въ отвѣтъ на это донесеніе императоръ Францъ пишетъ своему канцлеру: «Побѣда, которую вы одержали, является, можетъ быть, самой лучшей и самой трудной за все время вашей министерской карьеры, и моей благодарности къ вамъ нѣтъ границъ».

То же чувство собственной силы, которымъ проникнуто письмо къ императору Францу, замѣчается и въ другихъ письмахъ Меттерниха того времени. «Принятіе моего предложенія,—пишетъ онъ австрійскому посланнику въ Константинополѣ графу Люцову,—наноситъ ударъ не только греческому возстанію, но и тому вліянію, которое Россія, оказывала на Порту, начиная съ Петра Великаго и до 1820 г. Достаточно было нѣсколько грубыхъ ошибокъ русскаго кабинета и небольшого срока времени, чтобы уничтожить все это вліяніе и открыть для оттоманской имперіи новую эру».

Въ томъ же году, владѣтели Австріи, Россіи и Пруссіи, подписали на веронскомъ конгрессѣ циркуляръ, очевидно, составленный Меттернихомъ, въ которомъ еще разъ осуждалось греческое возстаніе и выражалась готовность подавлять всякое революціонное движеніе, гдѣ бы оно ни являлось и какія бы формы оно ни приняло.

Однако, добрыя благопожеланія посредниковъ не встрѣчали хорошаго пріема не только со стороны грековъ, но и со стороны турокъ. Порта отказалась принять чье бы то ни было посредничество, такъ какъ послѣднее признавало косвенно за греками права воюющей страны, что противорѣчило всѣмъ принципамъ священнаго союза. Въ то же самое время, хотя сношенія между Турціей и Россіей были возстановлены, и въ Константинополь поѣхалъ русскій уполномоченный Минчіаки, но турецкое правительство продолжало занимать своими войсками Молдавію, и дѣлать всякія препятствія свободному плаванію на Черномъ морѣ. Слѣдствіемъ всего этого было предложеніе Россіи созвать международную конференцію въ Петербургѣ, для разрѣшенія греческаго вопроса.

Греческое возстаніе заставило австрійскаго канцлера слѣдить внимательнѣе чѣмъ прежде за либеральнымъ движеніемъ на Западѣ, а въ особенности—въ Германіи. На веронскомъ конгрессѣ онъ предлагаетъ Александру I-му и прусскому королю учредить общую полицію съ центральнымъ управленіемъ въ Вѣнѣ, задача которой — слѣдить за дѣйствіями тайныхъ обществъ. Съ другой стороны Меттернихъ принимаетъ мѣры для возобновленія карлсбадскихъ резолюцій, направлен-

ныхъ, какъ извѣстно, противъ автономіи университетовъ и—свободы печати. Всѣ періодическія изданія должны были подвергаться предварительной цензурѣ. Послѣдняя мѣра была принята на пять лѣтъ,—срокъ кончался въ 1824 году. Продолжить предварительную цензуру еще на новый пятилѣтній срокъ—вотъ ближайшая цѣль Меттерниха.

Въ то же самое время, чтобы охранить себя отъ ненависти, которую должно было возбудить въ обществѣ проведеніе этой мѣры, Меттернихъ устраиваетъ такъ, чтобы иниціатива о предварительной цензурѣ исходила отъ Баваріи. Съ этою цѣлью онъ ѣдетъ въ Мюнхенъ, откуда пишетъ императору Францу: «Ваше величество прочтетъ проектъ, который я внушилъ баварскому министру; послѣдній представить его намъ какъ *свое* предложеніе... *Я хотѣлъ серьезно скомпрометировать Баварію въ этомъ дѣлѣ, чтобы отрѣзать ей потомъ путь къ отступленію*».

Меттернихъ добился своего, но цинизмъ этого оффиціальнаго донесенія, посланнаго императору, ясно показываетъ, съ какою безцеремонностью относился австрійскій канцлеръ къ нѣмецкимъ владѣтелямъ. Только изрѣдка кто-нибудь изъ нихъ рѣшался протестовать, какъ, напр., сдѣлалъ вюртембургскій король послѣ вышеприведеннаго циркуляра трехъ монарховъ, который они отправили съ веронскаго конгресса.

XX.

Между тѣмъ, созванная въ 1824 г. въ Петербургѣ конференція не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Австрія соглашалась на посредничество, обязывалась даже оказать *дружеское давленіе* на Турцію, но ни за что не соглашалась прибѣгнуть къ оружію, если Турція будетъ, какъ и раньше, отказываться отъ всякаго посредничества. Меттернихъ разсчитывалъ исключительно на ея добрую волю. Такимъ образомъ, съ самаго начала переговоры великихъ державъ были лишены всякаго значенія для Турціи, а конференція должна была быть только продолженіемъ комедіи, которую въ теченіе четырехъ лѣтъ разыгрывалъ Меттернихъ съ единственною цѣлью дать время Турціи подавить возстаніе. Его благосклонность къ турецкимъ башибузукамъ дошла до того, что Австрія, нарушая постановленія международнаго права, послала военные корабли на помощь Турціи *).

Петербургская конференція кончилась безъ всякой пользы еще

*) Передъ Наваринскимъ сраженіемъ, адмиралъ Кондрингтонъ, начальникъ флота трехъ державъ: Англіи, Россіи и Франціи предупредилъ «неизвѣстнаго» коменданта австрійскихъ кораблей, что они потерпятъ судьбу турецкихъ, если не оставятъ греческія воды. Это строгое предупрежденіе привело Меттерниха въ крайнее негодованіе (Metternich IV, 378).

вслѣдствіе отказа Англіи принять въ ней какое бы то ни было участі Каннингъ предвидѣлъ безполезность всѣхъ переговоровъ и, поэто объявилъ, что Англія будетъ своими средствами добиваться умир творенія Востока.

Перемѣна англійской политики не наступила такъ внезапно. Ов подготовлялась постепенно и проявилась еще во времена лайбахска конгресса. Причины, вызвавшія эту перемѣну, были многочисленн Привыкшее къ свободному парламентскому режиму, англійское общ ственное мнѣніе немогло безъ отвращенія смотрѣть на проникнуты политическимъ іезуитствомъ дѣйствія Меттерниха. Наоборотъ, всяк либеральное движеніе на континентѣ находило краснорѣчивыхъ защи никовъ въ англійскомъ парламентѣ. Либеральныя стремленія Европ не только отвѣчали историческимъ традиціямъ Англіи, но вполнѣ со падали и съ ея насущными экономическими интересами. Ея торгов нуждалась въ свободныхъ рынкахъ, которые могли ей дать толь политически и экономически благоустроенныя страны. Наконецъ, Англі какъ великая держава, естественно стремилась избавиться отъ унизи тельной диктатуры священнаго союза. Этимъ и объясняется отказ Англіи участвовать въ лайбахскомъ конгрессѣ.

Однако, и въ англійской политикѣ до 1822 г. чувствовалось д извѣстной степени вліяніе Меттерниха. До тѣхъ поръ во главѣ мини стерства иностранныхъ дѣлъ въ Англіи находился лордъ Лондонде ри—бывшій лордъ Кестельри, англійскій уполномоченный на вѣнском конгрессѣ и личный другъ Меттерниха. Но послѣ самоубійства Лон дондери, въ августѣ 1822 г. его мѣсто занялъ Каннингъ, сдѣла шійся опаснѣйшимъ изъ враговъ Меттерниха.

Джорджъ Каннингъ былъ не менѣе умнымъ и проницательным дипломатомъ, чѣмъ Меттернихъ, но, кромѣ этихъ свойствъ, онъ отли чался широкимъ полетомъ мыслей, рѣдкимъ ораторскимъ дарованіем природною смѣлостью, а самое главное—тою свободой въ дѣйствіяхъ которою могъ обладать только англійскій министръ. Англія могла, как это доказала ея борьба съ Наполеономъ, бросаться въ самыя смѣлы предпріятія и не рисковать своею самостоятельностью: ея географи ческое положеніе и могучій флотъ ограждали ее отъ всякаго внѣшняг нашествія. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ континентальными дер жавами и, въ особенности, съ Австріей, которой со всѣхъ сторон угрожали націоналистскія и либеральныя движенія. Это различіе поло женій двухъ государствъ отражалось и на ихъ внѣшней политикѣ Свой независимый образъ дѣйствій Каннингъ проявилъ еще на верон скомъ конгрессѣ. Какъ извѣстно, на послѣднемъ была возложена н Францію миссія возстановить абсолютную монархію въ Испаніи; н англійскій делегатъ герцогъ Веллингтонъ, согласно инструкціямъ Кан нинга, отказался подписать рѣшеніе конгресса. Точно также Англі

отказалась принять участіе въ созванной въ 1824 г. конференціи въ Парижѣ, цѣль которой была возвратить Испаніи отдѣлившіяся отъ нея колоніи. Каннингъ не только отказался участвовать въ этой конференціи, но и оффиціально призналъ независимость южно-американскихъ республикъ. Наконецъ, въ 1826 году Каннингъ поспѣшилъ признать конституцію, которую даровалъ Португаліи донъ-Педро раньше чѣмъ отправиться царствовать въ Бразилію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Каннингъ произносилъ проникнутыя свободнымъ духомъ рѣчи, откликъ которыхъ разносился во всѣ концы цивилизованнаго міра. Въ этихъ рѣчахъ думалъ найти и Меттернихъ удобное средство подорвать авторитетъ Каннинга въ глазахъ европейскихъ монарховъ, и въ особенности во время греческаго кризиса.

Нужно замѣтить, что у Каннинга было одно большое преимущество; онъ чувствовалъ за собою не только поддержку Англіи, но и общественнаго мнѣнія всей Европы.

Во всѣхъ городахъ Западной и Средней Европы образовались филэллинскіе комитеты, въ число которыхъ входили люди всѣхъ партій. Черезъ одинъ только французскій комитетъ, во главѣ котораго находился неутомимый Эйнаръ, было послано за періодъ 1821—1826 гг. $2^1/_2$ милліона франковъ на помощь грекамъ *). Давали всѣ, и аристократія, и буржуазія, и народъ; одинъ баварскій король пожертвовалъ сразу 20.000 франковъ. Кромѣ того, съ различныхъ концовъ Европы отправлялись въ Грецію волонтеры сражаться за ея независимость. Европа трепетала отъ радости при извѣстіяхъ о греческихъ побѣдахъ; имена Боцариса, Канариса, Колкотрони были знакомы и популярны, какъ имена собственныхъ національныхъ героевъ; несчастія Греціи, пораженія повстанцевъ, и въ особенности паденіе Миссолонги послѣ геройской защиты принимались за общее несчастье Европы. Очагомъ филэллинскаго движенія были Англія и Франція, но оно также перешло въ Италію, Германію и Россію. Какъ относился Меттернихъ къ филэллинскому движенію, не трудно представить. Онъ строго закрылъ для него границы Австріи и такимъ дерзкимъ тономъ требовалъ отъ Пруссіи сдѣлать то же самое, что даже прусскіе министры, которые все время покорно слушались Меттерниха, съ негодованіемъ отвергли его требованіе. У министра Мальцана хватило мужества отвѣтить, что Пруссія не желаетъ контролировать дѣйствія вѣнскаго кабинета, но также мало расположена принимать и его предписанія. Длинныя руки Меттерниха, которыя распоряжались раньше въ Парижѣ и въ Лондонѣ, теперь даже и Берлина не достигаютъ.

И раньше Меттернихъ не пользовался симпатіями общественнаго

---

*) Гервинусъ VI, 197.

мнѣнія Европы, но онъ утѣшался, что, по крайней мѣрѣ, всѣ правительства слѣдуютъ его политикѣ; теперь же и народъ, и правительства отшатнулись отъ него.

На политическомъ горизонтѣ появился новый дипломатъ, къ которому перешелъ центръ тяжести европейской политики. Злоба Меттерниха къ Каннингу не знаетъ предѣловъ; онъ его называетъ искателемъ приключеній, лицемѣромъ, бичомъ Божьимъ. Онъ старается подорвать его авторитетъ не только въ Россіи, Германіи и Франціи, но даже рѣшается интриговать противъ него и въ самой Англіи. Очень характерно въ этомъ отношеніи письмо Меттерниха къ Эстергази, австрійскому посланнику въ Лондонѣ, которое по совѣту Меттерниха, Эстергази прочелъ англійскому регенту и герцогу Веллингтону. «Новый человѣкъ сталъ у кормила англійскаго правительства,—пишетъ Меттернихъ.—Онъ захотѣлъ основать свою власть на культѣ демократическихъ предразсудковъ, которымъ проникнута его страна. До сихъ поръ это ему удавалось, но оказалъ ли онъ своею политикой услугу своей родинѣ и общему дѣлу, которое есть одновременно и дѣло Англіи? Для меня отвѣтъ одинъ—вполнѣ отрицательный, и я не сомнѣваюсь, что событія подтвердятъ мое предсказаніе».

Письмо Меттерниха помѣчено 7 августа 1825 года, а за нѣсколько дней до того въ Греціи случилось важное событіе, извѣстіе о которомъ дошло на Западъ только въ концѣ августа. 24 іюня греческое временное правительство въ Навпліи провозгласило надъ Греціей англійскій протекторатъ. Ни для кого не было сомнѣніемъ, что и этотъ шагъ совершался подъ вліяніемъ Каннинга, который получалъ такимъ образомъ, законное основаніе вступиться за Грецію.

Принятіе греческаго предложенія возстановило бы противъ Англіи всѣ великія державы, а въ особенности Россію и Францію, дружескія отношенія которыхъ нужны были Каннингу, для его дальнѣйшихъ плановъ. Поэтому онъ и отклонилъ предложеніе о протекторатѣ, но принялъ роль посредника — ту роль, къ которой такъ тщетно стремился священный союзъ.

Теперь сами греки, отклонявшіе вмѣшательство священнаго союза, давали Англіи полномочіе дѣйствовать отъ ихъ имени. Это обстоятельство увеличило престижъ Каннинга, который сдѣлался, своего рода, арбитеромъ положенія. «Члены сіятельнаго священнаго союза,—писалъ Каннингъ лорду Гранвилю 25 октября 1825 года,—сами объявляютъ, что только одна Англія въ состояніи избавить ихъ отъ затрудненій. Это говорилъ и русскій посланникъ, князь Ливенъ, и австрійскій—князь Эстергази, и французскій—Полиньякъ». Одно неожиданное событіе облегчило еще больше задачу Каннинга. Въ началѣ декабря 1825 года разнеслась вѣсть о смерти императора Александра I. Какъ это событіе было встрѣчено Меттернихомъ, можно судить по слѣдую-

ымъ его словамъ: «или я ошибаюсь,—писалъ онъ,—или же исторія ссіи начнется тамъ, гдѣ кончается *романъ*» *).

Хотя Александръ I соглашался во многомъ съ австрійскимъ канцромъ, но послѣдній, въ виду измѣнчивости его характера, не могъ лагаться на него. Поэтому онъ не только не сожалѣетъ о смерти ператора, но высказываетъ надежду, что съ воцареніемъ Константина сская внѣшняя политика станетъ болѣе опредѣленной. «У меня всѣ ичины думать, что Константинъ никоимъ образомъ не будетъ интеcоваться судьбой грековъ. О нихъ онъ постоянно выражался съ езрѣніемъ, какъ о націи, и съ негодованіемъ, какъ о подданныхъ мутившихся противъ своего законнаго государя» **). Когда полуось извѣстіе объ отреченіе Константина, о восшествіи Николая I и о удачней попыткѣ декабристовъ, Меттернихъ, еще больше обрадовался. тербургскій бунтъ долженъ былъ, по предположенію Меттерниха, йдить Государя, что Россія страдаетъ той же болѣзнью, «какъ и всѣ тальныя государства», и поэтому онъ долженъ всецѣло присоедиться къ охранительной политикѣ австрійскаго канцлера. Онъ думаетъ спользоваться декабристскимъ движеніемъ, какъ пять лѣтъ тому надъ, воспользовался поступкомъ «*превосходнаго Занда*». Между проимъ, онъ пишетъ своему сыну Виктору, въ Парижѣ, чтобы онъ внительно слѣдилъ за всѣмъ, что говорятъ русскіе, а въ особенности, нягиня Багратіонъ о событіяхъ въ Петербургѣ. «Я не разъ предуреждалъ,—пишетъ Меттернихъ, императора Александра и Нессельрода ъ опасности, но они думали, что я фантазирую. Прислушивайся къ ому, о чемъ говорятъ русскіе *карбонаріи* въ Парижѣ. Каждое ихъ ово будетъ служить мнѣ хорошимъ указаніемъ». Это письмо помѣено 24 января 1826 года, но тотъ же самый совѣтъ повторяетъ еттернихъ и въ другомъ письмѣ отъ 2 марта. Не лишены нѣкотого интереса и разсужденія Меттерниха о причинахъ, вызвавшихъ кабристское движеніе. Самая главная изъ нихъ, заключается, по его нію, въ радикализмѣ Петра Великаго. «Петръ былъ правъ, желая лать Россію европейскою страной, но онъ ошибся въ томъ, что ничтожилъ слишкомъ много старинныхъ учрежденій Россіи, не замѣвъ ихъ какъ слѣдуетъ новыми». Наконецъ, въ письмѣ къ Лебцельрну, австрійскому посланнику въ Петербургѣ, Меттернихъ выражаетъ дежду, что новый Императоръ поступитъ съ мятежниками по всѣмъ рогостямъ закона.

XXI.

Въ первое время Меттернихъ имѣетъ всѣ причины быть довольымъ не только внутренней, но и внѣшней политикой императора Ни-

*) Курсивъ Меттерниха (Metternich, IV, 259).
**) Ibidem.

колая. Какъ извѣстно, Николай Павловичъ обратился къ Турціи съ нотой о немедленномъ удовлетвореніи русскихъ требованій, но,—важная подробность—въ этой нотѣ не упоминалось ни слова о Греціи. Императоръ требовалъ отъ Турціи только очищенія дунайскихъ провинцій и обезпеченія свободы торговли на Черномъ морѣ. Вотъ почему Меттернихъ былъ очень доволенъ Николаемъ I и даже поспѣшилъ оказать Россіи свою поддержку, но въ тоже самое время въ Петербургѣ приготовлялся знаменитый документъ, извѣстный подъ именемъ «протоколъ 4 апрѣля 1826 года», который, какъ громъ, долженъ былъ поразить Меттерниха.

Императоръ Николай I также мало сочувствовалъ греческому движенію, какъ и Александръ I. «Я долженъ вамъ сказать, что ненавижу грековъ, хотя они того же вѣроисповѣданія, какого и я,—говорилъ Николай I австрійскаму посланнику, графу Зичи.—Они себя вели возмутительно, мерзко, даже преступно: я ихъ считаю и теперь какъ подданныхъ открыто возмутившихся противъ своего государя» *). Эти слова высказывалъ Императоръ въ 1828 г., но такими же чувствами къ грекамъ, онъ былъ проникнутъ, какъ говоритъ самъ, и въ началѣ своего царствованія. Съ другой стороны звѣрства турокъ и египтянъ приняли такой возмутительный характеръ, что Государь считалъ себя обязаннымъ заступиться за грековъ не какъ за революціонеровъ, а *какъ за православныхъ*.

Петербургскій протоколъ 4 апрѣля 1826 г., къ которому кромѣ Англіи и Россіи присоединилась позже и Франція, обязывалъ трехъ союзниковъ прибѣгнуть даже къ оружію, чтобы положить конецъ войнѣ между Турціей и Греціей. Послѣдняя должна была получить самостоятельное управленіе, оставаясь подъ сюзеренитетомъ султана.

Соглашеніе трехъ державъ уничтожило значеніе пресловутаго священнаго союза, а Меттернихъ, который до сихъ поръ деспотически распоряжался судьбой всей Европы, теперь долженъ былъ играть скромную роль пятаго колеса европейской дипломатіи. Прежде ничего не дѣлалось помимо его инщіативы или его одобренія, и вдругъ такой важный актъ, какъ петербургскій протоколъ, которымъ рѣшалась, можетъ быть, судьба турецкой имперіи, былъ составленъ безъ его участія! Это было жестокимъ ударомъ, не только политической системѣ Меттерниха, но и его колоссальному самолюбію. Въ первый моментъ онъ старается утѣшить себя увѣреніями, что протоколъ 4 апрѣля «*недоносокъ*, отъ котораго черезъ нѣсколько недѣль откажутся создавшія его державы».

Но Меттернихъ не поддавался своему гнѣву. Какъ только получилось извѣстіе о протоколѣ, онъ составляетъ планъ, чтобы вызвать разногласіе между Франціей и Россіей съ одной стороны, и Англіей, съ другой

*) Разговоръ между Зичи и Императоромъ Николаемъ (Memoires, W, 473).

Онъ пишетъ императору Николаю, что цѣль Каннинга «низверженіе всѣхъ основъ общественнаго порядка», и что въ этомъ отношеніи протоколъ 4-го апрѣля даетъ ему большую свободу дѣйствія. Въ доказательство Меттернихъ приводилъ знаменитую рѣчь, которую Каннингъ произнесъ 12-го декабря 1826 года въ парламентѣ въ защиту португальской конституціи, выражая надежду, что она должна произвести на Государя такое же впечатлѣніе, какое произвела на австрійскаго императора. По мнѣнію Меттерниха, «Каннингъ оскорбилъ монархическія чувства всѣхъ монарховъ и національную гордость всѣхъ народовъ». Въ своей корреспонденціи съ французскимъ правительствомъ Меттернихъ слѣдуетъ другой тактикѣ. Онъ увѣряетъ, что намѣреніе Каннинга захватить Египетъ и другія турецкія провинціи на Средиземномъ морѣ. Наконецъ, Меттернихъ старается дѣйствовать и на самого Каннинга. Онъ хватается за сдѣланное Каннингомъ Австріи предложеніе примкнуть къ «петербургскому протоколу» и высказываетъ желаніе чтобы была созвана новая конференція въ Лондонѣ. Цѣль Меттерниха—выиграть время, нужное египетскому пашѣ Ибрагиму для полнаго усмиренія Греціи. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, Каннингъ сухо отклонилъ австрійское предложеніе, основываясь на томъ, что Австрія не признаетъ законность просьбы греческаго правительства о посредничествѣ, тогда какъ для Англіи это признаніе является условіемъ sine qua non.

Великая радость охватила Меттерниха, когда онъ узналъ о внезапной кончинѣ Каннинга, въ августѣ 1827 года. «Англія освободилась отъ одного бича», пишетъ Меттернихъ по поводу этого событія. Хотя австрійскій канцлеръ былъ безжалостно побитъ Каннингомъ, идеи котораго продолжали господствовать въ англійской политикѣ и послѣ его смерти, Меттернихъ увѣряетъ, что это онъ «убилъ» Каннинга.

Соглашеніе между Россіей, Англіей и Франціей оставалось въ силѣ и послѣ смерти его автора. Ихъ соединенный флотъ показался въ греческихъ водахъ; въ то же время, посланники трехъ союзныхъ державъ представили Высокой Портѣ ультиматумъ, въ которомъ требовали немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій и открытія переговоровъ при ихъ посредничествѣ. Такимъ образомъ, отношенія съ Турціей и тремя державами были фактически прерваны. Въ этотъ моментъ и дѣлаетъ Меттернихъ новую попытку уничтожить все дѣло друзей Греціи. Черезъ своего посланника въ Константинополѣ онъ предлагаетъ Портѣ слѣдующій остроумный планъ. Порта какъ будто бы по своей иниціативѣ проситъ Австрію взять на себя посредничество между Турціей и тремя союзными державами. Это затянуло бы переговоры, и Турція выиграла бы время. Порта конечно, съ готовностью согласилась на австрійское предложеніе. Самъ султанъ выразилъ свою благодарность «старому другу, австрійскому императору и въ частности князю Меттер-

ниху, въ высокихъ достоинствахъ котораго онъ давно уже убѣдился» *). Это происходило 20-го октября, въ тотъ самый день, когда весь турецко-египетскій флотъ былъ уничтоженъ при Наваринѣ.

Извѣстіе о блестящей побѣдѣ союзнаго флота надъ турками вызвал всеобщій европейскій восторгъ. Одни видѣли въ ней торжество христіанской цивилизаціи надъ азіатскимъ варварствомъ; другіе — побѣдой не только надъ Турціей, но и надъ священнымъ союзомъ. Наваринъ мстилъ за Испанію, Неаполь и Пьемонтъ. «Битва при Наваринѣ,— писалъ французскій публицистъ Пьеръ Лебрэнъ,—выиграна народами. Этотъ народный кликъ, несущійся отъ Архипелага, можетъ быть, первый впродолженіи многихъ вѣковъ, къ которому могутъ присоединиться всѣ народы. Наваринскія пушки открыли новую эру и возвѣстили торжественное воцареніе общественнаго мнѣнія, которое впервые поднялось выше престоловъ и сдѣлалось фактическимъ повелителемъ флота и войска. Оно отдаетъ приказы адмираламъ, увлекаетъ за собою самихъ царственныхъ владѣтелей, заставляя ихъ признавать его побѣды и пользоваться его лаврами» **).

Даже спокойные и невозмутимые дипломаты и тѣ заразились всеобщимъ энтузіазмомъ. «Что скажетъ нашъ другъ Меттернихъ,—писалъ Нессельроде Татищеву въ Вѣнѣ,—послѣ этой колоссальной побѣды? Онъ опять будетъ пережевывать свои устарѣвшіе и скучные принципы, онъ будетъ говорить о правѣ. Да здравствуетъ сила! Она теперь управляетъ міромъ, и я вполнѣ согласенъ, что мы всѣ должны предоставить слово адмираламъ. Они то, именно, съ успѣхомъ легко разрѣшаютъ вопросы!»

Меттернихъ, конечно, былъ другого мнѣнія. Наваринская побѣда была для него «страшною катастрофой». Присылая императору Францу копію съ вышеприведеннаго письма Нессельроде, онъ прибавляетъ съ своей стороны: «Такъ думали и говорили Карно и Дантонъ, какъ и всѣ ихъ позднѣйшіе послѣдователи. Это не помѣшало имъ всѣмъ быть побитыми «устарѣвшими и скучными принципами». То же самое будетъ и съ графомъ Нессельроде». Въ отвѣтъ на этотъ докладъ, императоръ Францъ пишетъ Меттерниху: «Я увѣренъ, что если бы вы были на мѣстѣ... вамъ удалось бы, съ Божьей помощью, разрѣшить миромъ несчастный восточный вопросъ, не нарушая священныхъ принциповъ и не попирая никакихъ правъ, какъ это дѣлаетъ слабохарактерный графъ Нессельроде».

Наваринское событіе совсѣмъ охладило отношенія между Россіей и Австріей. Меттернихъ узналъ, кромѣ того, что онъ пользуется личной ненавистью Государя ***). Послѣдній считалъ австрійскаго канцлера

*) Mémoires, IV, 394—396.
**) Гервинусъ, VI, 301—302.
***) Ibidem, 329.

Князь Клементій Меттернихъ.

отвѣтственнымъ за всѣ неудачи внѣшней политики Александра I-го *).

Самъ же импер. Францъ отзывался о Николаѣ I-мъ, какъ «о молодомъ и неопытномъ человѣкѣ, который, послѣ того, какъ удачно справился съ декабристами, не желаетъ больше слушать никакихъ совѣтовъ».

Разочарованія ждали Австрію со всѣхъ сторонъ. Во Франціи подготовляется то же своего рода Наваринъ, жертвой котораго должна была сдѣлаться династія Бурбоновъ. Предвѣстники іюльской революціи показывались еще въ 1827 г., когда на генеральныхъ выборахъ въ ноябрѣ восторжествовали либералы. По поводу всѣхъ этихъ событій Меттернихъ пишетъ императору Францу: «Вообще, настоящій моментъ представляетъ зрѣлище всеобщаго сотрясенія; вотъ каковы послѣдствія либеральной политики». Въ дѣйствительности же если когда-нибудь, въ теченіе XIX-го столѣтія, Европа и слѣдовала политикѣ неограниченнаго деспотизма, то это было въ эпоху, о которой говоритъ Меттернихъ.

Извѣстія о Наваринѣ, о торжествѣ либераловъ во Франціи, о неминуемой войнѣ между союзными державами и Турціей наполняютъ меланхоліей душу императора Франца. «Нужно Богу молиться,—пишетъ онъ Меттерниху,—чтобы эти воинственные проекты не были выдуманы либералами съ цѣлью отвлечь вниманіе союзниковъ въ другую сторону и воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы вызвать внутренніе перевороты въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напр., во Франціи».

Событія не повиновались волѣ монарха и его канцлера. Они привели къ независимости Греціи и къ пробужденію другихъ христіанскихъ народностей въ Турціи и къ іюльской революціи во Франціи со всѣми ея безчисленными послѣдствіями.

XXIII.

Несмотря на возстановленіе легитимистской монархіи Бурбоновъ со всѣми ея репрессивными и охранительными законами, Франція продолжала оставаться очагомъ революціоннаго движенія. Пятнадцать лѣтъ новаго царствованія Бурбоновъ не только не увеличили ихъ популярности, но еще больше доказали, что революція открыла между ними и французскимъ народомъ непроходимую пропасть. Противъ управленія Карла X-го поднимались протесты со всѣхъ сторонъ, начиная съ фрондирующихъ роялистовъ, какъ Шатобріанъ, и кончая доктринерами, республиканцами и бонапартистами. Съ особой силой проявилась эта оппозиція во время законодательныхъ выборовъ конца 1827 г. Тогда король рѣшился на жертву, поставивъ во главѣ правительства либеральнаго министра Мартиньяка. Потомъ опять повернулъ

*) С. С. «Импер. Николай и иностранные дворы» (Спб. 1889, стр. 52).

круто направо и позвалъ къ власти ультрароялиста князя Полиньяка съ спеціальною миссіей подавить либеральное движеніе.

Эта послѣдняя перемѣна особенно пришлась по вкусу Меттерниху, который выражалъ въ своихъ письмахъ надежду, что Полиньякъ съ своей *смѣлостью* возстановитъ порядокъ. Когда же вышли знаменитые декреты, которые уничтожали свободу печати и конституціонную хартію, Меттернихъ назвалъ приложенный къ нимъ королевскій манифестъ «*историческимъ документомъ*, который никогда не потеряетъ своей цѣны».

Вызванная іюльскими декретами революція распространилась по всей Европѣ. Въ октябрѣ того же 1830 г. возстала Бельгія противъ голландскаго владычества, въ декабрѣ—Польша, въ февралѣ слѣдующаго года произошли революціи въ Феррарѣ, Пармѣ, Моденѣ и папской области. Германія тоже не осталась внѣ вулканическаго круга. Въ сентябрѣ 1830 г. произошли крупные безпорядки въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ, въ маѣ 1832 г. была устроена въ Гамбахѣ (Баваріи) большая демонстрація, на которой въ первый разъ былъ поднятъ флагъ будущей объединенной Германіи, составленный изъ трехъ цвѣтовъ: чернаго, краснаго и желтаго. Черезъ годъ въ апрѣлѣ вспыхнуло вооруженное возстаніе въ Франкфуртѣ. Всѣ эти событія не были *неожиданными* для Меттерниха, какъ выражается онъ. Не Меттернихъ ли постоянно предупреждалъ европейскихъ монарховъ о революціонной опасности? То, что онъ самъ своей политикой увеличивалъ эту опасность, ставя плотину спокойному и мирному прогрессу,—Меттернихъ не былъ въ состояніи понять. Его политика теперь, какъ и всегда, останется тою же: борьба съ революціей, подъ какими бы формами она ни являлась. Однако, Меттернихъ не могъ не замѣтить, что, несмотря на пятнадцатилѣтній режимъ притѣсненій и строгостей, зло не только не уничтожено, но, наоборотъ, какъ бы разростается.

Сознаніе, что почва ускользаетъ изъ-подъ ногъ его и что все вокругъ рушится, должно было вызвать нѣкоторую горечь даже въ душѣ самоувѣреннаго и самодовольнаго канцлера. «Моя самая сокровенная мысль—писалъ онъ 1-го сентября 1830 г. Нессельроде,—это та, что старая Европа находится въ началѣ своего конца. Я рѣшился погибнуть вмѣстѣ съ ней, но исполнивъ предварительно весь свой долгъ». Слова «агонія и смерть», встрѣчаются не только въ его письмахъ, но и въ его разговорахъ. «Сегодняшній разговоръ съ Генцомъ,—пишетъ княгиня Меттернихъ,—представлялъ большой интересъ; *всѣ* ихъ бесѣды касаются почти только тяжелой *агоніи*, въ которой находится нашъ несчастный міръ».

Тѣмъ не менѣе Меттернихъ не теряетъ ни одной минуты, чтобы продолжить эту агонію. Въ революціонныхъ событіяхъ онъ находитъ хорошій поводъ сблизиться снова съ русскимъ дворомъ. Еще при первомъ извѣстіи о іюльской революціи Меттернихъ устраиваетъ свиданіе

съ находившимся, въ это время въ Карлсбадѣ Нессельроде и вмѣстѣ съ нимъ заключаютъ соглашеніе, извѣстное подъ именемъ «Карлсбадскій лоскутъ». Его содержаніе исчерпывалось единственнымъ пунктомъ: «не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, но и не позволять французскому правительству нарушать матеріальные интересы Европы и внутреннее спокойствіе составляющихъ ее государствъ». При подписаніи этой бумаги Нессельроде выражалъ опасенія, что императоръ Николай не одобритъ его поведенія, такъ какъ онъ рѣшился не связываться никакими обязательствами съ западными государствами. Оказалось какъ разъ обратное. Іюльская революція произвела на Государя потрясающее впечатлѣніе. Онъ возненавидѣлъ Луи-Филиппа и распорядился, чтобы на имя низвергнутаго Карла X-го была внесена большая сумма денегъ въ одинъ единбургскій банкъ. Николай I-й, не только встрѣтилъ съ радостью шагъ, сдѣланный Меттернихомъ, но выразилъ и готовность «употребить оружіе, чтобы остановить распространеніе разрушительныхъ доктринъ» *). Польское возстаніе еще больше сблизило Австрію съ Россіей. Интересно отмѣтить изъ одного письма Меттерниха слова, которыя послѣдній приписываетъ Императору. Меттернихъ сообщаетъ австрійскому посланнику въ Петербургѣ, Финкельмонту, что императоръ Николай, получивъ извѣстіе о польскомъ возстаніи, сказалъ: «Вотъ плоды взаимнаго обученія». Для закрѣпленія русско-австрійской дружбы пріѣзжалъ въ Вѣну генералъ Орловъ въ октябрѣ 1830 г., а три года спустя состоялось въ Мюнхенгрецѣ свиданіе между императорами двухъ государствъ. Тамъ была принята резолюція, къ которой присоедились потомъ Пруссія, обязывающая всѣхъ трехъ монарховъ придти на помощь каждому европейскому владѣтелю, если ему угрожаетъ внутренняя или внѣшняя опасность. Такимъ образомъ, вмѣсто потухавшаго въ наваринскихъ водахъ священнаго союза—возникъ новый «союзъ трехъ сѣверныхъ державъ».

Заручившись поддержкой Россіи и Пруссіи, Меттернихъ считалъ себя достаточно вооруженнымъ для борьбы съ революціей. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на внутреннее состояніе Германіи. Еще въ октябрѣ 1830 г., послѣ безпорядковъ въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ, Меттерниху удается провести резолюцію, въ силу которой каждый германскій владѣтель имѣлъ право, не требуя для этого никакого разрѣшенія со стороны сейма, обратиться за военной помощью къ любому изъ другихъ нѣмецкихъ государствъ. Въ 1832 г. Меттернихъ, въ соглашеніи съ Пруссіей, подготовляетъ шесть различныхъ законовъ для пресѣченія либиральнаго движенія.

Этимъ Меттернихъ не довольствовался. Полтора года спустя въ январѣ 1834 г. онъ созываетъ въ Вѣнѣ министерскую конференцію, гдѣ было принято шесть резолюцій, направленныхъ противъ свободы

*) Prince Talleyrand. Mémoires III, 358.

печати, гласности дебатовъ въ сеймахъ, противъ университетовъ и пр. По поводу этой вѣнской конференціи французскій посланникъ Сентъ-Олэръ писалъ своему министру: «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что весь планъ занятій выработанъ Австріей и Пруссіей, но обѣ эти державы, и въ особенности Австрія, желаетъ, чтобы инипіатива къ проведенію этихъ мѣръ исходила отъ маленькихъ государствъ которыя такимъ образомъ проявляли бы по крайней мѣрѣ, внѣшнюю самостоятельность».

Гораздо меньшимъ успѣхомъ пользовалась внѣшняя политика Меттерниха. Англія ревниво оберегала свой самостоятельный образъ дѣйствій. Теперь во главѣ ея департамента иностранныхъ дѣлъ находился энергичный лордъ Пальмерстонъ, который въ скоромъ времени достигъ почти популярности своего предшественника Каннинга. Пальмерстонъ не только призналъ новый порядокъ вещей во Франціи, но вошелъ и въ соглашеніе съ Луи-Филиппомъ для разрѣшенія бельгійскаго вопроса. Мы уже упомянули, что Бельгія возстала и хотѣла отдѣлиться отъ Голландіи. Голландскій король обратился за помощью къ австрійскому императору который отвѣтилъ, что вслѣдствіе большого разстоянія между Голландіей и Австріей онъ не въ состояніи оказать другой поддержки, кромѣ нравственной. По этому самому вопросу Франція и Англія придерживались сначала нейтральной политики. Но въ виду того, что возстаніе продолжалось, а голландскій король открыто просилъ помощи Австріи, Пруссіи и Россіи противъ бельгійцевъ, Франція и Англія вмѣшались въ пользу послѣднихъ. Благодаря ихъ усилію, Бельгія получила наконецъ политическую независимость. Такой же самостоятельный образъ дѣйствія проявилъ лордъ Пальмерстонъ и въ итальянскихъ дѣлахъ. Въ 1834 г. въ Римѣ была созвана конференція делегатовъ великихъ державъ для обсужденія вопроса о реформахъ, которыя необходимо провести въ папской области. Но по приказанію Пальмерстона, англійскій делегатъ Сеймуръ вышелъ изъ конференіи, когда замѣтилъ, что всѣ его совѣты разбивались объ упорство папскаго правительства и интриги Меттерниха. Пальмерстонъ протестовалъ и противъ реакціонныхъ мѣръ, которыя Меттернихъ проводилъ въ Германіи въ 1832--1834 г. Англійскій министръ основывалъ свой протестъ на томъ фактѣ, что германская конфедерація созданіе вѣнскаго конгресса—находится подъ покровительствомъ и контролемъ всей Европы. Такъ какъ Австрія была самою вліятельной изъ германскихъ государствъ, то Пальмерстонъ проситъ, чтобы она «своимъ вліяніемъ обуздала непомѣрное усердіе сейма и помѣшала проведенію мѣръ, которыя поведутъ неминуемо за собою потрясенія и войны». Меттернихъ, конечно, сейчасъ же понялъ настоящій смыслъ депеши Пальмерстона. Все, что послѣдній говорилъ о *неумѣренномъ усердіи* сейма, относилось въ сущности къ Австріи.

Отправляя вышеприведенную секретную депешу Меттерниху, Паль-

мерстонъ одновременно послалъ копіи всѣмъ германскимъ дворамъ. Когда же это обстоятельство стало извѣстно Меттерниху, оно привело его въ еще большее негодованіе. Онъ посылаетъ въ отвѣтъ Пальмерстону длинное объясненіе, въ которомъ онъ все-таки старается быть сдержаннымъ и любезнымъ. Наоборотъ Меттернихъ даетъ полный просторъ своему негодованію къ Пальмерстону въ циркулярной депешѣ къ нѣмецкимъ дворамъ, которымъ онъ совѣтуетъ отвергнуть рѣшительно и энергично всякое чужое вмѣшательство въ внутреннія дѣла Германіи. Извѣстно, что Меттерниху удалось провести свою резолюцію. Но во многихъ другихъ вопросахъ, какъ, напр., въ бельгійскомъ, онъ долженъ былъ уступить энергичному Пальмерстону. Какъ раньше Каннингъ, такъ теперь Пальмерстонъ стоялъ вездѣ на дорогѣ Меттерниху и не мало радости почувствовалъ послѣдній, когда въ ноябрѣ 1834 г. почта привезла извѣстіе о паденіи либеральнаго кабинета, членомъ котораго состоялъ Пальмерстонъ. Соединяя иронію съ откровенностью, самъ Пальмерстонъ писалъ англійскому посланнику въ Вѣнѣ для передачи Меттерниху: «Я убѣжденъ, что г. Меттерниху никогда не приходилось испытывать такой великой радости, какъ при извѣстіи о нашей отставкѣ и что никогда я ему не доставлялъ столько удовольствія, какъ извѣщеніемъ, что ухожу».

Посмотримъ теперь каковы были отношенія между Австріей и Франціей. Луи-Филиппъ былъ для Меттерниха и императора Франца узурпаторомъ чужого престола. Если самъ Меттернихъ часто по нѣкоторымъ соображеніямъ, не высказывалъ своего мнѣнія открыто, то его близкіе, наоборотъ, высказывались безъ стѣсненія. Въ особенности непримиримой казалась княгиня Меттернихъ, слова которой однажды чуть не привели къ дипломатическому столкновенію между Австріей и Франціей. Это случилось такъ. На балу во французскомъ посольствѣ, въ январѣ 1834 г., французскій посланникъ Сенъ-Олэръ, увидѣвъ на княгинѣ Меттернихъ великолѣпную діадему, сказалъ ей комплиментъ: «какіе у васъ чудные бриліанты, словно они изъ царской короны».— «Каковы бы они ни были,—отвѣчаетъ гордая легитимистка, княгиня Меттернихъ,—я ихъ, покрайней мѣрѣ, не украла!»

Когда въ началѣ 1835 г., двое изъ сыновей Луи-Филиппа предприняли путешествіе по Европѣ, имп. Францъ нарочно уѣхалъ изъ Вѣны, чтобы не встрѣчаться съ ними. Этимъ отвращеніемъ къ узурпатору королю, который подобралъ свою корону на барикадахъ польской революціи, объясняется и отказъ, на который наткнулся орлеанскій герцогъ—наслѣдникъ Луи-Филиппа, когда въ 1836 г. попросилъ руки одной австрійской эрцгерцогини.

Но это нерасположеніе къ личности французскаго короля не относилось ко всей его политикѣ. Были вопросы, въ которыхъ Австрія и Франція входили въ столкновенія, но были такіе случаи, гдѣ Меттернихъ сходился съ Луи-Филиппомъ. Роль послѣдняго во Франціи была

двоякаго рода: если съ одной стороны Луи-Филиппъ былъ узурпаторомъ престола Карла Х-го, то съ другой стороны, занявъ французскій престолъ, онъ предупредилъ провозглашеніе республики. И вотъ за эту вторую узурпацію Меттернихъ могъ быть ему только благодаренъ. «Да онъ *поцѣлуемъ* задушилъ Республику», говорилъ Меттернихъ французскому представителю, генералу Белліару, когда тотъ разсказывалъ подробности сцены на балконѣ парижской ратуши, гдѣ Луи-Филиппъ поцѣловалъ Лафайета. Но сейчасъ послѣ этихъ словъ Меттернихъ прибавилъ: «Однако, думаете ли вы, что всѣ поцѣлуи будутъ оказывать то же дѣйствіе?» И дѣйствительно, политика Луи-Филиппа отличалась до конца двойственностью. Такъ какъ онъ былъ обязанъ своимъ престоломъ революціи, онъ долженъ былъ стараться сохранить извѣстную либеральную маску, а съ другой стороны, его положеніе монарха, желавшаго войти въ семью европейскихъ царствующихъ домовъ, влекло его естественно къ реакціи. Эти два рода соображеній будутъ сказываться во всѣхъ дѣйствіяхъ Луи-Филиппа. Онъ будетъ увѣрять съ одной стороны французовъ, что его управленіе самое «лучшее изъ республикъ», тогда какъ его представитель въ Вѣнѣ вмѣстѣ съ Меттернихомъ будетъ восхищаться его «предательскимъ поцѣлуемъ». Такимъ же двойственнымъ характеромъ отличалась и внѣшняя политика Луи-Филиппа. Въ первые годы своего царствованія, когда ему нужно было поддерживать вызвввныя его восшествіемъ иллюзіи, Луи Филиппъ являлся въ своей внѣшней политикѣ защитникомъ *національностей.* Читателямъ уже извѣстно, что онъ заступался за Бельгію; здѣсь нужно прибавить, что онъ взялъ на себя точно также защиту итальянскихъ, государствъ и когда австрійскія войска заняли Парму, Мадену и часть папскихъ областей, Луи-Филиппъ распорядился о занятіи французскими войсками Анконы. Позже, въ 1834 г. послѣ мюнихгрецкаго соглашенія между Россіей, Пруссіей и Австріей французскій министръ иностранныхъ дѣлъ де-Брольи заявилъ, что Франція никакимъ образомъ не потерпитъ вмѣшательства тройственнаго союза во внутреннія дѣла Бельгіи, Швейцаріи и Пьемонта. Но очень скоро либеральная внѣшняя и внутренняя политика Луи-Филиппа уступила мѣсто реакціонной. Тогда между нимъ и Меттернихомъ установились правильныя дружескія отношенія. Особенно доволенъ былъ Меттернихъ политикой Гизо. Въ своихъ похвалахъ по его адресу онъ дошелъ до того, что и самъ Луи-Филиппъ сталъ просить Меттерниха быть болѣе умѣреннымъ, а то Гизо возгордится и не захочетъ слушать совѣтовъ короля.

XXIII

Несмотря на то, что консервативный духъ проникъ во всѣ правительства Европы, Меттернихъ далеко не былъ спокоенъ насчетъ

будущаго. Онъ чувствовалъ, что въ самомъ обществѣ протестъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Парижъ, Лондонъ и разные города Швейцаріи были полны изгнанниками *молодой Германіи*, *молодой Италіи*, *молодой Венгріи*, которые поддерживали постоянныя сношенія со своею родиной и дѣятельно подготовлялись къ рѣшительной борьбѣ. Меттернихъ старается разрушить всѣ гнѣзда преступной агитаціи, требуя отъ Франціи принять мѣры противъ Берне и его друзей, а отъ Швейцаріи—высылку Мадзини. Какъ всѣ другія—такъ и эта мѣра мало помогаетъ. Высланные переѣзжаютъ въ Англію и продолжаютъ оттуда свои заговоры. Особенно сильно было движеніе въ Италіи. Оно охватило всѣ круги итальянскаго общества, начиная съ простого народа и кончая аристократами, находящимися на австрійской службѣ въ Австріи. Любопытно въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто изъ дневника княгини Меттернихъ. «Мартъ 1844 г. Клементій очень встревоженъ извѣстіями, которыя получаются изъ Италіи. Очень вѣроятно, что Мадзини собирается предпринять что-нибудь. Онъ находится теперь въ Лондонѣ, и лордъ Аберденъ сообщилъ, что онъ не въ состояніи помѣшать пересылкѣ оружія и денегъ изъ Англіи въ Италію. Клементій получилъ извѣстіе, что *оба сына нашего вице-адмирала Бандьери бѣжали отъ своего отца, чтобы служить подъ начальствомъ Мадзини*».

Хотя менѣе тревожныя, но такія же неутѣшительныя новости получались изъ всѣхъ государствъ. Въ Швейцаріи борьба между либеральными и консервативными кантонами кончилась въ пользу первыхъ, а въ 1846 г. вспыхнуло возстаніе въ краковскомъ герцогствѣ, имѣвшее, по словамъ Меттерниха «коммунистическую подкладку». Австрія воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, чтобы присоединить, съ согласія Россіи и Пруссіи и несмотря на протестъ Англіи и Франціи, Краковъ къ своимъ владѣніямъ. Въ тотъ же 1846 г. на папскій престолъ взошелъ Пій IX-ый, который, къ большему негодованію Меттерниха, началъ вводить либеральныя реформы этому теченію поддавался и пьемонтскій король Карлъ, Альбертъ. Въ Германіи тоже происходили угрожающія перемѣны. Теперь уже не только мелкіе владѣтели, но и Пруссія съ ненавистью переносила австрійскую гегемонію и первымъ важнымъ протестомъ противъ нее, нужно считать созданіе таможеннаго союза, изъ котораго Австрія была исключена. «Это одно изъ самыхъ крупныхъ событій нашей эпохи», говорилъ Меттернихъ, отъ проницательности котораго не могло ускользнуть громадное политическое значеніе общенѣмецкаго таможеннаго союза. Онъ переносилъ центръ вліянія изъ Вѣны въ Берлинъ. Такъ же сильно должна была безпокоить Меттерниха перемѣна царствованія въ Пруссіи. Умершій въ 1840 г. Фридрихъ-Вильгельмъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Меттерниха, съ которымъ его связывала тридцати-пятилѣтняя непрерывная дружба. Его преемникъ, Фридрихъ Вильгельмъ IV-ый, отличался независимымъ характеромъ и нѣкоторымъ сочувствіемъ либеральнымъ идеямъ. Въ

Штольценфельдѣ, въ 1845 г., при свиданіи съ Меттернихомъ, корол объявилъ намѣреніе созвать въ Берлинъ представителей всѣхъ пр винціальныхъ сословныхъ собраній. «Конечно, я не допущу,—прибавил король,—чтобы это собраніе превратилось въ нѣчто похожее на фра цузскіе генеральные штаты». «Вы созовете провинціальныхъ депута товъ, какъ таковыхъ--возразилъ Меттернихъ,—но вы не въ состоян помѣщать имъ превратиться въ генеральные штаты. Предупредит это воля вашего величества недостаточна. Вы свободны въ вашихъ дѣйствіяхъ, но вы не господинъ послѣдствій».

Этотъ разговоръ вызвалъ у Меттерниха *«глубокую грусть»*, как онъ выражается въ письмѣ къ герцогу Людовику.

Въ тѣ самые дни, когда Меттернихъ бесѣдовалъ съ королемъ, всего в нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ нихъ,въ Лейпцигѣ происходили серье ные безпорядки. Такъ безпокойно прошли 1846 и 1847 гг. Всѣ вѣрили в близость крупнаго переворота и вмѣстѣ съ другими высказывалъ это опа сеніе и Меттернихъ. Вотъ что писалъ онъ, въ октябрѣ 1847 г., графу Ап нію, австрійскому посланнику въ Парижѣ: «Дорогой графъ, я старъ опытенъ. Мое глубокое убѣжденіе, что фазисъ, въ которомъ находитс теперь Европа, самый опасный изъ всѣхъ, какіе приходилось пережи вать нашему обществу за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ». Тотъ же са мый пессимистическій взглядъ на будущее высказываетъ Меттерних и *въ предсказаніяхъ* о 1848 годѣ. Тутъ, онъ между прочимъ, говорит о новой опасности, которая угрожаетъ Европѣ: кромѣ традиціоннаг либерализма, появилась новая доктрина—радикализмъ. Подъ этимъ сло вомъ Меттернихъ понимаетъ соціальное движеніе, которое проявило себ въ ліонскомъ возстаніи 1831 г., въ чартійскомъ движеніи и въ успѣх разныхъ соціалистическихъ школъ Сенъ-Симона, Фурье, Оуэна и др.

Предчувствія не обманули Меттерниха. Революція вспыхнула, и, мо жетъ быть, даже скорѣе, чѣмъ онъ самъ предполагалъ. Она впро долженіи одного мѣсяца охватила Италію, Францію и Германію. В Парижѣ снова была провозглашена республика и снова, къ величай шему огорченію княгини Меттернихъ, слова: *братство, свобода, гражда нинъ,* появились въ оффиціальныхъ бумагахъ *).

Разсказываютъ, что Меттернихъ, получивъ извѣстіе о провозгла шеніи республики во Франціи, поблѣднѣлъ и нѣсколько минутъ не мог проронить ни слова **). Потомъ онъ очнулся и сейчасъ же принялся за перо Страхъ потерять власть возбудилъ въ Меттернихѣ всю ненависть противъ революціи, и онъ, несмотря на свои семьдесятъ пять лѣтъ энергично опять начинаетъ борьбу противъ нея изъ государственной канцеляріи. Заручившись поддержкой Россіи, онъ отправляетъ Англі протестъ за помощь, оказываемую Пальмерстономъ, который снова за

---

*) Дневникъ Меланіи Меттернихъ (Mémoires, VII, 537).

**) Adolf Fierr, 386.

нялъ министерскій постъ, итальянской революціи. Въ это время Меттернихъ считалъ, что Австрія, по крайней мѣрѣ, предохранена отъ революціи. Подобно сомнамбулу, онъ шелъ возлѣ самой пропасти, не отдавая себѣ никакого отчета.

Оптимизмъ Меттерниха относительно Австріи не былъ совсѣмъ неоснователенъ. Изъ западныхъ государствъ, она была самая отсталая и косная во всѣхъ отношеніяхъ; въ нее входили народности, различающіяся только религіей и расовыми чертами, но и своимъ культурнымъ уровнемъ. Вслѣдствіе этого, Австрія была лишена того духовнаго единства и національнаго самосознанія, которыя являлись въ то время самымъ сильнымъ рычагомъ политическаго прогресса. Нѣмцы, славяне, венгерцы, итальянцы,—всѣ эти народы жили отдѣльными интересами, которые не только не сходились, но и противорѣчили другъ другу. На благопріятной почвѣ этого антагонизма Меттернихъ создавалъ систему своего деспотическаго управленія. Австрійскіе подданные относились къ его управленію равнодушно, исключая венгерцевъ, вступавшихся время отъ времени за свои права.

Такъ прошли двадцатые и тридцатые года, но въ сороковыхъ годахъ и Австрія начинаетъ оживать. Какъ ни медленно, но европейская культура вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности, торговли и земледѣлія дѣлала въ странѣ постоянный успѣхъ. На смѣну стараго, изнуреннаго войнами, поколѣнія, пришли свѣжія и бодрыя силы, болѣе подготовленныя къ борьбѣ. Извѣстную роль сыграли въ политическомъ пробужденіи Австріи и провинціальныя сословныя учрежденія, которыхъ Меттернихъ созывалъ время отъ времени для совѣщанія по хозяйственнымъ вопросамъ. Имъ было запрещено заниматься политическими вопросами, тѣмъ не менѣе, отдѣльнымъ членамъ этихъ учрежденій нерѣдко удавалось поднимать общегосударственные вопросы.

За тридцатилѣтнее существованіе система Меттерниха успѣла дать всѣ свои горькіе плоды. Она водворила миръ, но на кладбищѣ; она приносила спокойствіе, но цѣною насилія и безправія; она давала внѣшней политикѣ Австріи блескъ и силу, но для этого нужно было въ лоскъ разорить податное сословіе.

Вслѣдствіе отсутствія гласности и общественнаго контроля, государственная власть продолжала, какъ и при старомъ режимѣ, служить для личнаго обогащенія чиновниковъ. Самъ Меттернихъ разсказываетъ, что его предшественникъ, баронъ Тугутъ, сопротивлялся въ 1793 г. объявленію войны французской республикѣ, потому что все его состояніе заключалось во французскихъ государственныхъ бумагахъ, которыя упали бы въ случаѣ войны. Самого же Меттерниха обвиняли, что онъ, кромѣ помѣстій и замковъ, которые ему дарилъ императоръ Францъ, получалъ также подачки отъ Россіи, Неаполя, Турціи и т. д. Его ближайшій сотрудникъ Генцъ точно также, пользуясь своимъ положеніемъ, пускался въ разныя финансовыя спекуляціи. Доказа-

тельствомъ этого является слѣдующія строки дневника княгини Меттернихъ. «Я нахожу, что нашъ другъ Генцъ въ очень печальномъ настроеніи. Сегодня онъ намъ говорилъ, что, предчувствуя свой близкій конецъ и не желая оставить за собою никакого пятна, приводитъ въ порядокъ свои бумаги. Клементій думаетъ, не безъ основанія, что онъ уничтожаетъ нѣкоторыя компрометирующія письма, касающіяся финансовыхъ операцій» *). Такъ же поступали вообще и всѣ чиновники: каждый изъ нихъ былъ въ своемъ вѣдомствѣ маленькимъ Меттернихомъ и Генцомъ. Къ чему привела Австрію эта система безправія, грабежа и бюрократическаго деспотизма — это скажетъ намъ опять княгиня Меттернихъ: «Лѣность, неподвижность, небрежность возрастаютъ съ каждымъ днемъ. Вотъ какимъ образомъ наша чудная монархія превращается въ развалины. Никто не думаетъ о ея спасеніи. Пусть благодать Божія озаритъ насъ. Мы такъ несчастны, такъ больны и такъ безсильны, что если Богъ не придетъ намъ на помощь, скоро совсѣмъ погибнемъ» **). Но кто же былъ виноватъ въ этомъ, если не самъ Меттернихъ? Кто издавалъ законы, кто назначалъ людей и кто долженъ былъ слѣдить за исполненіемъ законовъ, если не самъ австрійскій канцлеръ?

То, что замѣчала княгиня Меттернихъ, не могло ускользнуть отъ вниманія ея мужа, слова котораго, по всей вѣроятности, она повторяетъ. Что же предпринялъ Меттернихъ для предохраненія Австріи отъ гибели?

На этотъ вопросъ есть два отвѣта: одинъ даетъ Меттернихъ, а другой—исторія. Въ изложеніи причинъ своего паденія Меттернихъ разсказываетъ, что въ 1847 году у него зародился планъ «радикальныхъ реформъ—понимая слово реформа въ его настоящемъ смыслѣ» ***) Онъ даже думалъ привести въ исполненіе планъ прусскаго короля о созывѣ представителей провинцій въ Вѣну,—планъ, противъ котораго Меттернихъ такъ негодовалъ всего два года тому назадъ. Однако, Меттернихъ не только не осуществилъ свои намѣренія, но даже никакихъ попытокъ не сдѣлалъ для этого. Въ оставленныхъ имъ бумагахъ находится только проектъ реформъ, которыя онъ намѣтилъ для Венгріи, осенью въ 1847 г., а объ Австріи ни слова ****).

Настоящую политику Меттерниха можно характеризовать извѣстными словами «послѣ насъ хоть потопъ»! Одинъ историкъ даже увѣряетъ, что эти старыя, но не потерявшія еще и теперь свое примѣненіе слова были повторены и Меттернихомъ *****). Можетъ быть, это

*) Дневникъ, 16-го декабря 1831 г. (Mémoires, V, 114).

**) Metternich, VI, 318.

***) Mémoires, VII, 625.

****) Ibidem, 634.

*****) Worbach, «Biographicshes Lexicon der Kaiserthum Oesterreich».

легенда, но, во всякомъ случаѣ она вполнѣ отвѣчаетъ какъ его политикѣ, такъ и его сокровеннымъ мыслямъ. Цѣль Меттерниха была создать не прочное и хорошее управленіе, а управленіе спокойное, пока онъ будетъ живъ. Что будетъ послѣ него—это его не интересовало. Онъ всегда хотѣлъ оградить себя—свою физическую личность, такъ и свой моральный престижъ. Вотъ что онъ говорилъ, напр., въ моментъ, когда его заставили подать въ отставку: «Я заблаговременно протестую противъ возложеннаго упрека, что я уходя уношу съ собою монархію. Ни я, ни кто-либо другой не можетъ имѣть настолько широкія плечи, чтобы унести цѣлое государство. Монархіи исчезаютъ только потому, что сами отрекаются отъ себя». Эта забота Меттерниха огородить свою память отъ упрековъ, эта попытка принять самую красивую позу въ моментъ, когда съ своего «седьмого неба» онъ полетитъ внизъ на землю, является очень характерною для его психологіи. Мы знаемъ, что основнымъ мотивомъ послѣдней была вѣра Меттерниха въ полную свою непогрѣшимость. Отсюда очень естественное у него стремленіе умышленно или безсознательно, взваливать на другихъ отвѣтственность за свои собственныя ошибки. Политикой всей его жизни было сохранить внѣшнее спокойствіе, а что это могло повести къ гибели Австріи, такое соображеніе не входило въ разсчеты Меттерниха. Онъ воображалъ, что мира хватитъ на его вѣкъ, а послѣ его смерти хоть... потопъ! Но, увы! Катастрофа, которая подготовлялась, благодаря этой системѣ управленія, гдѣ лѣности и косности канцлера жертвовалось будущимъ народа, наступила еще при жизни самого Меттерниха. Судьба рѣшила, чтобы онъ самъ собралъ бурю отъ посѣяннаго имъ вѣтра.

На старости лѣтъ владѣющій въ Австріи великолѣпными дворцами и замками канцлеръ долженъ былъ все бросить и искать убѣжища въ Англіи. Какая иронія судьбы! Послѣ каждаго возстанія въ Италіи, Меттернихъ дѣлалъ англійскому правительству сердитые упреки за то, что оно оказываетъ гостепріимство политическимъ эмигрантамъ, а теперь ему самому пришлось искать крова въ свободной Англіи. Онъ уже не путешествовалъ, какъ могучій министръ, которому оказывали царскія почести, а какъ несчастный эмигрантъ, который старается, чтобы публика его не замѣтила. Въ его «фонарѣ» никто больше не нуждается; теперь уже не онъ даетъ совѣтовъ нѣмецкимъ владѣтелямъ, а ему приходится выслушивать предупрежденія въ родѣ слѣдующаго: «Г. Меттернихъ, подальше отъ нашей столицы, а то вы накликаете намъ бѣду».

Движенія протеста начались въ Австріи еще въ 1847 г. съ большихъ фабричныхъ безпорядковъ въ Богеміи. Но настоящая революція произошла въ мартѣ слѣдующаго года. Первыя извѣстія о революціонныхъ движеніяхъ во Франкфуртѣ, въ Карлсруэ, въ Штутгартѣ вы-

звали уличныя демонстраціи въ Вѣнѣ. Благочинная австрійская столица, гдѣ господствовали до сихъ поръ только вахмистры, приняла видъ «взбѣсившагося ада», какъ выражается княгиня Меттернихъ.

Бурныя волненія начались съ 10-го марта. Еще утромъ того же дня къ княгинѣ Меттернихъ явился одинъ изъ чиновниковъ съ совѣтомъ отдать свои брилліанты на храненіе въ какой-нибудь частный домъ, потому что ихъ дворецъ не въ безопасности. «Я выразила сомнѣніе въ неминуемой опасности, но онъ отвѣтилъ, что никакъ нельзя ручаться и что въ случаѣ нападенія первая пострадаетъ государственная канцелярія. Нѣкоторое время спустя, директоръ канцеляріи тоже предупредилъ меня быть настороже, потому что ненависть противъ князя Меттерниха перешла всякіе предѣлы. И дѣйствительно Клементій получилъ анонимныя письма съ угрозами, а Леонтина (дочь Меттерниха), нашла подъ воротами своего дома прокламацію въ которой было написано: «Долой Меттерниха! Союза съ Россіей не нужно! Мы требуемъ уступки!» Конечно, всѣ находятся въ гнетущемъ состояніи духа и въ предчувствіи страшной катастрофы. Сегодня Клементій отправилъ Коллоредо въ Саксонію съ порученіемъ спасти хоть то, что еще осталось отъ несчастной Германіи». 11-го марта княгиня Меттернихъ успокаивается немного послѣ словъ графа Сѣдельницкаго, вѣнскаго полицей-президента, что движеніе не будетъ имѣть послѣдствій. Но событія слѣдующаго дня уничтожили оптимизмъ правительства. 12-го марта былъ воскресный день. Драма разыгралась въ двухъ различныхъ мѣстахъ: во дворцѣ и на улицѣ.

Послѣ смерти императора Франца, въ 1835 г. на престолъ вступилъ слабый духомъ и характеромъ Фердинандъ II-й. Государственныя дѣла всецѣло перешли къ имперской конференціи, гдѣ засѣдало всего трое человѣкъ: Эрцгерцогъ Людовикъ—братъ императора Франца, графъ Коловратъ, начальникъ государственнаго совѣта, и князь Меттернихъ. Она именно и засѣдала теперь во дворцѣ. Меттернихъ предлагалъ принять, строгія полицейскія мѣры.

Въ то же самое время депутація подноситъ императору адресъ съ 10.000 подписями отъ всѣхъ слоевъ буржуазіи и интеллигенціи, въ которомъ требовались: парламентъ, свобода печати, выборный судъ и полная перемѣна системы Меттерниха. Чтобы эти требованія поддержать толпа изъ тысячи гражданъ проходитъ демонстративно подъ окнами дворца съ криками: «Долой Меттерниха!» *).

Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій, какъ и подъ вліяніемъ личныхъ враговъ, которыхъ Меттернихъ успѣлъ себѣ нажить и при дворѣ, еще 12-го марта было рѣшено пожертвовать старымъ канцлеромъ для спасенія династіи. Въ тотъ же день по городу уже ходили слухи,

*) Warbachs lexicon.

которые дошли до княгини Меттернихъ въ очень оскорбительной для ея гордости формѣ. На вечерѣ у нея одна изъ гостей обратилась къ хозяйкѣ, т.-е къ княгинѣ Меттернихъ, съ наивнымъ вопросомъ: «Правда ли, что вы завтра уѣзжаете!»—«Почему»? спросила удивленная княгиня Меттернихъ. «Потому что намъ совѣтовали запастись свѣчами для завтрашней иллюминаціи по случаю важнаго событія, которое должно завтра же совершиться».

Въ понедѣльникъ, 13-го марта, демонстраціи начались передъ государственной канцеляріей, на площади Ballplatz. Ораторы поднимались на импровизированныя трибуны и повторяли выставленныя уже въ адресѣ требованія. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста произошла стычка между войсками эрцгерцога Альберта и демонстратами. Къ четыремъ часамъ приходятъ рабочіе съ фабрикъ и заводовъ и на улицѣ Mariahilfe происходитъ новая стычка, во время которой было нѣсколько раненыхъ и убитыхъ. Въ 6½ ч. Меттернихъ отправился во дворецъ, куда онъ былъ экстренно позванъ.

Въ пріемной императорскаго дворца находилась въ это время депутація гражданъ и студентовъ, которые вели переговоры съ эрцгерцогомъ Карломъ. Ея главнымъ требованіемъ было немедленное удаленіе Меттерниха. Когда послѣдній явился, эрцгерцогъ Карлъ объявилъ, что только онъ одинъ можетъ спасти династію... выйдя въ отставку. Меттерниху не хотѣлось разставаться съ должностью, которую онъ занималъ въ теченіе сорока лѣтъ. Но его умоляющій взглядъ не встрѣтилъ никакого сочувствія. Всѣ члены императорской семьи многозначительно молчали, а крики: «долой Меттерниха!» доносились съ улицы слышнѣе и слышнѣе. Нѣсколько разъ Меттернихъ подходилъ къ письменному столу подписать свою отставку, но его рука, какъ бы поджидая, что кто-нибудь ее удержитъ, не рѣшалась взять пера. Наконецъ, принявъ театральную позу, онъ подписалъ, сказавъ: «Я исполнялъ свой долгъ и прошу Бога, чтобы мое удаленіе послужило на славу и счастье родины» *). Отставка Меттерниха была встрѣчена съ неописуемымъ восторгомъ. Городъ запылалъ въ свѣчахъ и ракетахъ, а воздухъ оглашался пѣснями.

14-го марта была дана свобода печати и организована національная гвардія изъ гражданъ для охраны общественнаго порядка.

Въ это время Меттернихъ покидалъ государственную канцелярію. Сначала онъ поселился у своего друга Таафе, но и здѣсь не считалъ себя въ безопасности.

15-го марта, скрывшись между княгиней Меттернихъ и другомъ Гюгелемъ, онъ выѣзжаетъ въ закрытомъ экипажѣ изъ Вѣны. Дальнѣйшее путешествіе Меттерниха совершается среди постоянныхъ опасе-

*) Mémoires, VII, 545.

ній, что онъ будетъ накрытъ и задержанъ. Въ особенности эта идея преслѣдуетъ княгиню Меттернихъ. Переходя изъ одного вагона въ другой, она замѣчаетъ двухъ господъ, которые ее ужасно испугали «потому что одинъ изъ нихъ,—говоритъ г-жа Меттернихъ,—мнѣ показался студентомъ» *). Она успокоилась, узнавъ, что это два офицера переодѣтые въ штатскомъ. Но испытанія не заключались только въ преувеличенномъ страхѣ Меттерниховъ. Кромѣ враждебнаго пріема, который оказывалъ ему народъ, нужно прибавить и вполнѣ холодное къ нему отношеніе властей. Въ Фельдбергѣ, гдѣ они остановились отдохнуть, къ нимъ является бургомистръ съ предложеніемъ выѣхать въ 24 часа, такъ какъ, присутствіе бывшаго канцлера вызываетъ большое волненіе **). Передъ Ольмюцомъ ему въ вагонъ представляется делегатъ коменданта и епископа, которые точно также просятъ Меттерниха продолжать свою дорогу, не останавливаясь въ ихъ городѣ. Въ противномъ случаѣ, они снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность ***). Приближаясь къ Прагѣ, Меттернихъ боится показаться внѣ вагонѣ, потому что на всѣхъ станціяхъ толпятся люди съ національными двухцвѣтными кокардами. «На предпослѣдней станціи до Праги мы сошли,—говоритъ княгиня Меттернихъ,—и какъ воры, которые боятся чтобы ихъ не замѣтили, мы пробрались въ деревню, наняли лошадей и поѣхали дальше, не заѣзжая въ Прагу». Въ Дрезденѣ хозяинъ гостинницы, въ которой они остановились, пришелъ въ ужасъ, когда узналъ, кому онъ оказалъ пріютъ, и сейчасъ предупредилъ полицію. Въ Лейпцигѣ княгиня Меттернихъ чуть не падаетъ въ обморокъ, услыхавъ боевыя пѣсни на улицѣ. «Я думала, что поютъ студенты, но Гюгель меня успокоилъ, сказавъ, что поютъ солдаты» ****).

Въ Магдебургѣ князь Клементій Меттернихъ чувствуетъ неутолимую жажду, что приводитъ въ *неописуемый ужасъ* его преданнаго друга Регберга, который ихъ сопровождалъ. Онъ боится пойти принести князю стаканъ воды, такъ какъ это можетъ вызвать подозрѣнія, а полиція Магдебурга, какъ и во всѣхъ другихъ нѣмецкихъ городахъ, снимала съ себя всякую отвѣтственность *****).

Въ Ганноверѣ Меттернихъ получаетъ первое извѣстіе послѣ его бѣгства изъ Вѣны. Но въ нихъ для Меттерниха ничего не было утѣшительнаго. Время «серенадъ», «восторженныхъ гимновъ», «королевскихъ встрѣчъ», которыя ему такъ *надоѣдали* давно миновало. Теперь имя бывшаго австрійскаго канцлера сдѣлалось повсюду предметомъ враждебныхъ демонстрацій. Между прочимъ, народъ въ Тріестѣ срываетъ

*) Mémoires, VII, 5.
**) Ibidem, 3.
***) Ibidem, 4.
****) Ibidem, 7.
*****) Ibidem.

вывѣску съ «*Гостинницы Меттерпихъ*», а общество «Ллойдъ» спѣшитъ закрасить его имя на одномъ изъ своихъ пароходовъ.

Единственною утѣхой для Меттерниха, среди всѣхъ этихъ униженій, могло быть сознаніе, что его участь раздѣляютъ и другіе: по тому же пути изгнанія уже прошли бывшіе министры и короли Франціи, Италіи, Германіи. Княгиня Меттернихъ, не безъ нѣкотораго удовольствія, отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ характерныя слова хозяйки гостинницы въ Ганноверѣ, которая, увидѣвъ на бѣльѣ своихъ таинственныхъ посѣтителей корону, сказала съ ироническою улыбкой: «Вѣроятно, опять какой-нибудь король бѣжитъ».

Меттернихъ пробылъ въ Англіи около трехъ лѣтъ и вернулся въ Вѣну лѣтомъ 1851 г. За это время реакція снова восторжествовала въ Австріи и Меттернихъ опять сдѣлался, на этотъ разъ негласнымъ, совѣтникомъ австрійскаго императора. Онъ умеръ 11-го іюня 1859 г. 86-ти-лѣтнимъ старикомъ. Передъ самою смертью ему пришлось испытать еще одно горькое разочарованіе. Въ 1859 году, какъ извѣстно, вспыхнула война между Австріей и Франціей, которая явилась на помощь пьемонтскому королю. Какъ разъ, въ первыхъ числахъ іюня, за нѣсколько дней до смерти Меттерниха, французы одержали надъ австрійцами нѣсколько блестящихъ побѣдъ, по которымъ уже можно было предвидѣть, что Австрія потеряетъ свои итальянскія провинціи.

Х. Г. Инсаровъ.

Конецъ.

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ.**

Перев. съ англійскаго **З. Журавской.**

(*Продолженіе*) *).

Глава XIII.

То любопытство касательно идей и взглядовъ Джэкоба Делафильда, которое у Жюли проявилось лишь вскользь и случайно, многіе изъ друзей Делафильда испытывали въ самой серьезной степени, ибо у Делафильда было много друзей, несмотря на его обычную сдержанность и даже несмотря на то, что большинство изъ нихъ считали его своенравымъ чудакомъ. Смѣсь очевидной силы и мужественности въ его лицѣ и всей его фигурѣ съ чѣмъ-то неуловимо-деликатнымъ и нѣжнымъ, какимъ-то сдерживающимъ элементомъ раздумья или сомнѣнія, повторялась и въ его характерѣ. Съ одной стороны, это былъ крѣпкій, здоровый итонецъ, умѣвшій ѣздить верхомъ, стрѣлять и играть въ различныя игры не хуже товарищей, какъ всякій англичанинъ —любитель употреблять жаргонныя словечки, любившій землю, звѣрей и птицъ и питавшій прирожденную ненависть къ браконьерамъ; съ другой—это былъ человѣкъ, преслѣдуемый грезами и галлюцинаціями слуха, человѣкъ, передъ которымъ, когда онъ утомленный объѣздомъ имѣнія, шагомъ возвращался домой въ пронизанныхъ пурпуромъ заката зимнихъ сумеркахъ, вставали вдали «грады Господни» и видѣнія лучшей доли человѣка. Онъ любилъ стихи, и Новый Завѣтъ говорилъ съ нимъ внятнымъ и властнымъ, хотя и не общепринятымъ, ортодоксальнымъ языкомъ. Рескинъ и первыя произведенія Толстого, въ то время только начинавшаго пріобрѣтать вліяніе въ Англіи, поразили его умъ и воображеніе, какъ людей предшествующаго поколѣнія поражали Карлейль, Эмерсонъ и Жоржъ-Зандъ.

Однако, теперешняя фаза его жизни была лишь реакціей противъ его безпорядочной и бурной первой молодости. Ему казалось, что его университетскіе годы въ Оксфордѣ прошли въ какомъ-то затменіи. Насколько онъ могъ припомнить, двѣ трети его времени уходили на ѣду,

---

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь, 1902 г.

питье и спанье. Вся его жизнь въ Оксфордѣ, вплоть до послѣдняго года была какою-то тупою, животною жизнью, прерываемой минутами тягостныхъ угрызеній, когда онъ чувствовалъ себя совсѣмъ несчастнымъ, и озаренной лишь проблесками дружбы съ двумя, тремя людьми, пытавшимися извлечь его изъ этой летаргіи, и питавшими къ нему, какъ онъ находилъ, странное и необъяснимое влеченіе.

Въ послѣдній годъ, когда онъ былъ уже вполнѣ увѣренъ въ томъ, что постыдно провалиться на выпускномъ экзаменѣ, онъ ближе сошелся съ однимъ изъ преподавателей коллегіи и вліяніе этого человѣка стало искрой, которой суждено было зажечь его душу. Этотъ скромный и очень образованный человѣкъ былъ калѣка, разбитый параличемъ, благодаря несчастной случайности, приключившейся съ нимъ еще въ молодости. Онъ лишился употребленія ногъ—былъ «мертвецомъ, начиная отъ пояса», по его собственному выраженію. Но это былъ человѣкъ съ такою могучею нравственною энергіей, что ката строфа не помѣшала ему сдѣлаться однимъ изъ выдающихся профессоровъ колледжа. Кресло на колесахъ, въ которомъ онъ самъ перекатывался изъ комнаты въ комнату, было въ глазахъ студентовъ символомъ не слабости, но трогательной побѣды духа надъ плотью. Онъ не напускалъ на себя смиренія, не разыгрывалъ изъ себя мученика. Онъ просто жилъ своею жизнью и,—за исключеніемъ приступовъ слабости или боли, когда онъ не допускалъ къ себѣ никаго изъ друзей,—въ остальное время онъ жилъ такъ, какъ будто въ его жизни не было ничего особеннаго, кромѣ незначительныхъ физическихъ ограниченій. Студенты, университетскія дѣла и спортъ, политика и литература—все интересовало его и во всемъ этомъ чувствовалъ онъ себя, какъ дома. Если бы кто-нибудь вздумалъ его жалѣть, онъ счелъ бы это за дерзость, хотя въ его собственномъ сердцѣ, никогда не горевавшемъ о самомъ себѣ, таились сокровища состраданій къ слабымъ, впадающимъ въ соблазны и ко всякаго рода неудачникамъ—сокровища, которыя онъ расточалъ щедрою рукой, но храня это въ тайнѣ отъ самыхъ близкихъ друзей своихъ.

Этотъ человѣкъ словно брызнулъ живою водой на душу Джэкоба Делафильда, и она сразу сдѣлалась способною къ росту и возрожденію. Но тотъ, кто былъ причиной такой перемѣны, даже не сознавалъ этого. По обычаямъ коллегіи, онъ на старшемъ курсѣ сдѣлался «наставникомъ» Делафильда; тотъ приносилъ ему на просмотръ свои сочиненія и порою оставался поболтать съ нимъ. До интимной дружбы у нихъ такъ и не дошло. Нѣсколько бесѣдъ на злободневныя темы, теплое пожатіе руки, проблескъ искренняго удовольствія въ голубыхъ глазахъ инвалида, когда, послѣ цѣлаго года нечеловѣческихъ усилій, Делафильду удалось наконецъ выдержать экзаменъ, хотя и по второму разряду; дружеская прощальная записочка, когда Делафильдъ уходилъ изъ университета, привѣты время отъ времени передаваемые

черезъ общихъ друзей—больше ничего и не было въ ихъ отношеніяхъ, если не считать преній на историческія и философскія темы, обязательныя для учителя и ученика. Теперь паралитикъ-профессоръ умеръ, оставивъ послѣ себя кучу записокъ на классическія темы, репутацію рѣдкаго ученаго, многимъ дорогое и всѣми уважаемое имя. У него было множество учениковъ. Изъ нѣкоторыхъ вышли выдающіеся ученые, и всѣ они были многимъ обязаны ему. Перечисляя ихъ, мало кто вспоминалъ о Делафильдѣ, но на самомъ дѣлѣ онъ больше кого бы то ни было былъ обязанъ старому профессору, ибо этотъ человѣкъ вложилъ въ него душу. Безъ сомнѣнія, періодъ его жизни въ Оксфордѣ былъ скорѣе періодомъ смутной борьбы, чѣмъ только праздности и испорченности, какъ это могло показаться съ перваго взгляда. Но онъ легко могъ завершиться для юноши физическою и нравственною гибелью; а между тѣмъ, благодаря Куртенэ, Делафильдъ вышелъ изъ университета человѣкомъ на рѣдкость владѣющимъ собой, рѣшившимъ жить по своему и добиваться своихъ собственныхъ цѣлей.

Прежде всего, подобно многимъ другимъ своимъ современникамъ, онъ подмѣтилъ въ себѣ сильное отвращеніе къ сложности и искусственности современнаго общества. Какъ въ сороковыхъ годахъ, послѣ застоя начиналось пробужденіе общества. Общественная ликвидація еще не начиналась, но подготовка къ ней уже шла. Присмотрѣвшись къ общественной жизни въ Лондонѣ, къ клубамъ, къ препровожденію времени въ помѣщичьихъ усадьбахъ, словомъ, къ нормальной жизни своего класса общества, Джэкобъ съ отвращеніемъ отвернулся отъ нея. Иногда ему хотѣлось эмигрировать, искать въ другихъ странахъ новыхъ небесъ и новой земли, какъ это дѣлали люди сороковыхъ годовъ. Но у его матери и сестры, кромѣ него, не было никого на свѣтѣ; мать его была всегда какая-то безпомощная, сестра еще очень молода и не замужемъ. Совѣсть не позволяла ему уѣхать отъ нихъ слишкомъ далеко.

Онъ попробовалъ заняться адвокатурой, но это съ самаго начала претило ему, и его внутреннее возмущеніе чѣмъ дальше, тѣмъ больше росло. Притомъ же занятіе адвокатурой было связано съ жизнью въ Лондонѣ, съ обѣдами и танцовальными вечерами, а на человѣка съ его именемъ, вѣроятнаго наслѣдника богатѣйшихъ имѣній и капиталовъ Чедлеевъ, приглашенія само собой сыпались градомъ. Несмотря на его странности, быть можетъ, именно благодаря имъ, за Делафильдомъ очень ухаживали въ свѣтѣ, и ему было ясно, что, потрудись онъ только воспользоваться своимъ постепенно возраставшимъ вліяніемъ и связями, въ предѣлахъ нормальнаго честолюбія, онъ могъ достигнуть всего, чего бы ни пожелалъ.

Англійская аристократія, какъ всѣмъ извѣстно, перестала быть замкнутымъ сословіемъ. Она не закрываетъ доступа въ свою среду разночинцамъ и, повидимому, относится къ нимъ, какъ къ равнымъ.

Но въ то же время ея личныя и фамильныя связи теперь, быть можетъ, крѣпче, чѣмъ когда бы то ни было. Джэкобъ видѣлъ, что въ Англіи, недавно только награжденной избирательною реформой, престижъ имени и рожденія почти такъ же силенъ, какъ въ Англіи временъ Чарльза-Джэмса Фокса. И лицамъ, обладающимъ такимъ престижемъ, по общепринятому мнѣнію, необходимъ извѣстный appareil de vie: столько-то годового дохода, столько-то слугъ, такія-то привычки, образъ жизни,—все это подразумѣвалось само собой. Жизнь катилась, какъ на рессорахъ—легко и покойно; безконечное множество слоевъ отдѣляли ее отъ суровой дѣйствительности—точно горошинку въ шелковистомъ стручкѣ.

А Делафильдъ жаждалъ сбросить съ себя эти ветхія, безцвѣтныя формы жизни и проникнуть въ тотъ міръ, что былъ позади ихъ—суровый, простой и правдивый. Воображеніе и сердце влекли его къ простому, первобытному труду, безъ котораго не можетъ обойтись человѣчество, къ жизни поденщика, рабочаго, кузнеца, лѣсника, каменьщика; онъ лелѣялъ древнюю волшебную мечту о жизни на лонѣ природы, о томъ, чтобы стать братомъ не нѣкоторыхъ, но многихъ. Онъ еще ходилъ въ палату, когда его двоюродный братъ, герцогъ, меланхоликъ и полуинвалидъ, вдовецъ съ единственнымъ сыномъ, чахоточнымъ почти отъ рожденія, вернулся изъ за границы. Онъ и Джэкобъ играли вмѣстѣ въ дѣтствѣ, теперь встрѣтились снова. Герцогу онъ понравился, и тотъ предложилъ ему управлять его помѣстьемъ въ Эссексѣ. Джэкобъ принялъ предложеніе, частью ради того, чтобы раздѣлаться съ адвокатурой, частью потому, что это давало ему возможность жить въ деревнѣ и среди бѣдняковъ; были у него и еще причины, въ которыхъ онъ не сознавался даже самому себѣ. Единственнымъ кошмаромъ его жизни былъ страхъ унаслѣдовать герцогскій титулъ. Съ теперешнимъ наслѣдникомъ, жалкимъ болѣзненнымъ мальчикомъ, онъ очень подружился, да и къ отцу его, унылому молчаливому герцогу съ лицомъ Карла V-го въ монастырѣ св. Юста, питалъ глубокую привязанность, смѣшанную съ жалостью. Онъ съ удовольствіемъ работалъ для нихъ; но больше всего ему нравилось прилагать всѣ старанія и заставлять другихъ прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы вносить нѣсколько веселья и разнообразія въ жизнь этихъ двухъ хрупкихъ существъ. Онъ безумно боялся, какъ бы не очутиться вдругъ на ихъ мѣстѣ, и это вносило въ его чувство къ нимъ какую-то особенную остроту. Довѣріе къ нему герцога постепенно возрастало. Делафильду теперь поручено было взять на себя управленіе другимъ имѣніемъ герцога въ одномъ изъ внутреннихъ графствъ, да и бóльшая часть дѣлъ по завѣдыванію его лондонскими домами, также скоро должна была перейти въ руки Джэкоба. Онъ умѣлъ быть дѣловымъ человѣкомъ, когда рѣчь шла о чужихъ интересахъ, и его мечты не

отражались на герцогскихъ доходахъ, хотя герцогъ и не запрещалъ ему экспериментовъ.

Что касается его собственныхъ денегъ, онъ помѣстилъ ихъ такъ разумно, какъ только могъ, что, быть можетъ, говоритъ не особенно въ пользу донъ-кихотскихъ стремленій молодого человѣка двадцати восьми лѣтъ. Во всякомъ случаѣ онъ отдавалъ ихъ, прежде всего, своей матери и сестрѣ, а затѣмъ множеству различныхъ лицъ и дѣлъ. Да и зачѣмъ бы онъ сталъ копить? У него были свои небольшія средства, не считая жалованья, получаемаго отъ герцога. Ему было даже противно, что у него такъ много денегъ и что ему такъ легко было бы имѣть ихъ гораздо больше, еслибъ онъ только захотѣлъ.

Онъ жилъ въ небольшомъ коттэджѣ, жилъ очень просто и скромно, насколько это было совмѣстимо съ его обязанностями, оставляя двѣ прилично меблированныхъ комнаты на случай, если его вздумаетъ посѣтить кто-нибудь изъ друзей. Онъ много читалъ и много думалъ, хотя и не обладалъ выдающимися способностями къ теоретическимъ построеніямъ или анализу. Ему было бы трудно дать ясный, логическій отчетъ въ томъ, что онъ такое, въ чемъ его завѣтныя убѣжденія. Тѣмъ не менѣе съ каждымъ годомъ онъ все больше выдѣлялся изъ своей среды, какъ характеръ—воля его становилась тверже, сердце добрѣе. Въ деревнѣ, гдѣ онъ жилъ, многіе дивились ему, нерѣдко даже смѣялись надъ нимъ; но еслибъ онъ ушелъ, дѣтямъ и старикамъ навѣрное казалось бы, что отъ нихъ ушло солнце.

Въ Лондонѣ онъ почти не выказывалъ своихъ особенностей и не говорилъ о своихъ намѣреніяхъ; всѣ, кромѣ немногихъ друзей, видѣли въ немъ самаго обыкновеннаго благонамѣреннаго молодого человѣка, занятаго простымъ и всякому понятнымъ дѣломъ. Его отшенія къ леди Генри, помимо его симпатій къ Жюли Ле-Бретонъ, въ послѣднее время нѣсколько тяготили его. Она умѣла сдѣлать благодарность тягостною даже для человѣка, умѣющаго быть благодарнымъ. Послѣ смерти лорда Губерта, когда у Делафильдовъ дѣла были очень плохи, леди Генри пришла имъ на помощь и въ частности истратила около тысячи пятисотъ фунтовъ на Джэкоба, платя за его ученіе въ школѣ и въ коллегіи. Но есть люди, умѣющіе давать такъ, что деньги, данныя ими, жгутъ руки тому, кто ихъ взялъ. Сейчасъ Джэкобъ скопилъ уже почти цѣликомъ сумму своего долга и надѣялся въ скоромъ времени возвратить его. Но пока благодарность, родство, преклонный возрастъ леди Генри дѣлали естественнымъ, даже обязывали его часто бывать въ ея домѣ; а между тѣмъ, когда онъ бывалъ у нея, свойственная ей надменность и грубость, въ особенности по отношенію къ слугамъ и людямъ, зависѣвшимъ отъ нея, выводили его изъ себя, возмущали до бѣшенства. Леди Генри знала это и часто нарочно при немъ давала волю языку, единственно ради удовольствія подразнить его.

Естественно, поэтому, что какъ только онъ познакомился съ хруп-

кою, изящной дѣвушкою, которую леди Генри однажды осенью привезла съ собой въ качествѣ компаньонки, эта дѣвушка сразу завоевала его симпатію, во-первыхъ, уже потому, что она была поставлена въ зависимость отъ леди Генри, а затѣмъ благодаря ея странному положенію и печальной исторіи, которую она скоро довѣрила ему и кузинѣ своей Эвелинѣ. Раза два, еще въ самомъ началѣ знакомства, онъ былъ свидѣтелемъ мелкихъ проявленій тираніи, въ которыхъ леди Генри изощрялась надъ своею компаньонкой. Онъ видѣлъ, какъ содрогалась вся гордая душа этой дѣвушки, и ея душевная боль била его по нервамъ, какъ будто бичъ коснулся его самого. Скоро онъ, бывая въ городѣ, сталъ находить удовольствіе въ маленькихъ заговорахъ съ Эвелиной Кроуборо, ради обезпеченія Жюли нѣсколькихъ часовъ отдыха и свободы. Онъ никогда раньше не принималъ участія ни въ какихъ заговорахъ и порою его слегка шокировала готовность этихъ двухъ прелестныхъ женщинъ прибѣгать къ хитростямъ, весьма похожимъ на интриги и заключавшимъ въ себѣ не мало того, что онъ самъ, еслибъ дѣло касалось его, напрямикъ назвалъ бы ложью. Онъ не зналъ, что обѣ пріятельницы также находили его не особенно удобнымъ союзникомъ и далеко не всегда посвящали его въ свои дѣла.

Однажды, черезъ полгода или около того послѣ переѣзда Жюли въ Лондонъ, Делафильдъ въ одно весеннее утро встрѣтилъ ее въ Кенсингтонскомъ паркѣ съ собаками. Она была страшно блѣдна и казалась совсѣмъ больной; онъ заговорилъ съ нею, и, какъ только въ его словахъ прозвучала нотка искренняго участія, губы ея дрогнули и темные глаза наполнились слезами. Это зрѣлище произвело необычайное впечатлѣніе на благороднаго и простодушнаго молодого человѣка, для котораго женщины все еще были окружены романической атмосферой. Онъ сталъ уговаривать и утѣшать ее; она не противилась, и сердце его прыгало отъ радости. Когда же она на прощанье довѣрчиво вложила свою тонкую ручку въ его руку, онъ ощутилъ въ себѣ такой наплывъ чувствъ пламенныхъ и бурныхъ, что, какъ безумный, бѣгалъ по парку, чтобы хоть немного успокоиться. Дѣйствительно, положеніе Жюли было романическимъ, ибо романтизмъ положенія заключается въ контрастѣ. Джэкоба, знавшаго тайну Жюли Ле-Бретонъ, на каждомъ шагу волновали и трогали контрасты, среди которыхъ она жила. Ея успѣхъ въ обществѣ и подчиненное положеніе; видная роль въ кружкѣ леди Генри, которую сама леди Генри навязывала ей въ первое время,—и наряду съ этимъ хитрости, уловки, жалкія увертки, къ которымъ ей впослѣдствіи приходилось прибѣгать, чтобы обмануть ревнивую бдительность леди Генри; ея высокое умственное развитіе и чисто женскія слабости—все это постоянно вызывало и поддерживало въ душѣ Джэкоба страстную жалость и участіе къ дѣвушкѣ. Чѣмъ яснѣе онъ видѣлъ пятна на ея лучезарномъ ореолѣ, тѣмъ живѣе она представлялась ему принцессой въ изгнаніи, скованной физическими

или нравственными, но не ея руками сдѣланными, цѣпями. Высокорожденныя, выдрессированныя свѣтскія дѣвушки, съ которыми его такъ часто старались свести, ни мало не плѣняли его. Только эта женщина сомнительнаго происхожденія и съ сомнительнымъ прошлымъ, одинокая, грустная и порабощенная, несмотря на свои такъ называемые свѣтскіе успѣхи, съумѣла найти дорогу къ его сердцу. То, что онъ называлъ ея несчастьями, только украшало ее въ его глазахъ, и тотъ фактъ, что когда онъ преслѣдовалъ ее, она отступала, что чѣмъ больше онъ настаивалъ, тѣмъ больше она застывала въ своей ледяной холодности, дѣлалъ ее только еще привлекательнѣе.

Черезъ годъ послѣ того, какъ они подружились, онъ сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ отказъ, но это не только не охладило его, а, напротивъ усилило его страсть. Ему даже не приходила, въ голову мысль, что съ точки зрѣнія свѣта онъ поступилъ странно—онъ счелъ бы унизительнымъ цѣнить себя, какъ выгодную партію на брачномъ рынкѣ. Но онъ былъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ сопротивленіе удваиваетъ цѣну того, чего они добиваются, и втайнѣ онъ говорилъ себѣ: «Будь настойчивъ». Когда его отталкивали и ставили втупикъ нѣкоторыя черты ея характера, онъ говорилъ себѣ:

— Это потому, что она одинока и несчастна. Женщины не созданы для одиночества. Какія онѣ кроткія и безпомощныя! даже когда по уму онѣ далеко опередили насъ. Еслибъ она только согласилась отдать мнѣ свою руку, я бы такъ ухаживалъ за нею, такъ обожалъ ее, что ей не понадобилось бы дѣлать все то, что она дѣлаетъ теперь—прибѣгать къ этимъ страннымъ хитростямъ и притворству гонимыхъ.

Такимъ образомъ, лживость, отталкивавшая сэра Уильфрида Бери, страстно влюбленному Делафильду представлялась только слѣдами дорожной пыли и грязи на бѣлой одеждѣ невинности.

Получивъ отказъ, онъ цѣлый годъ молчалъ. Но затѣмъ, видя, что ея отношенія съ леди Генри все ухудшаются, онъ опять заговорилъ о своей любви—обинякaми—двѣ-три фразы, чтобы позондировать почву. Она опять заставила его замолчать, но ужъ не такъ, какъ въ первый разъ. Это возбудило его подозрѣніе, и черезъ нѣсколько дней онъ уже догадался, какое мѣсто занялъ въ ея жизни Уорквортъ. Когда сэръ Уильфридъ Бери заговорилъ съ нимъ объ отношеніяхъ молодого офицера къ mademoiselle Ле-Бретонъ, подъ сухостью тона Делафильда и его замѣчаніемъ, что mademoiselle Ле-Бретонъ можетъ поступить, какъ ей угодно, крылась острая сердечная боль. Цѣлую недѣлю передъ тѣмъ онъ бродилъ и ѣздилъ верхомъ по полямъ, отводя душу, и эта недѣля дала довольно курьезные результаты. Прежде всего и передъ самимъ собой, какъ передъ сэръ Уильфридомъ, онъ отстаивалъ ея права. Если ей угодно было привязаться къ этому человѣку, какое ему до этого дѣло, какое право имѣетъ онъ вмѣшиваться? Если онъ

достоинъ ея и любитъ ее, Джэкобъ самъ долженъ быть ея другомъ и помогать ей.

Но сплетни о капитанѣ Уорквортѣ, которыя герцогиня, съ перваго взгляда не взлюбившая молодого человѣка, собирала по разнымъ мѣстамъ и передавала Джэкобу, нерѣдко тревожили этого послѣдняго. Говорили, что въ Симлѣ капитанъ «обхаживалъ» молоденькую наслѣдницу и ея, очевидно, недалекую мамашу, прибѣгая для этого даже къ непозволительнымъ средствамъ, и двумъ разгнѣваннымъ опекунамъ лишь съ трудомъ удалось отстранить его. Настоящаго положенія дѣла въ точности никто не зналъ, но многіе подозрѣвали, что помолвка только отложена. Дѣвочка, какъ всѣмъ извѣстно, была влюблена въ него; черезъ два года она будетъ совершеннолѣтней; у нея огромное состояніе, а Уорквортъ бѣденъ и честолюбивъ.

Разсказывали также некрасивую исторію о романѣ молодого офицера съ женой какого-то адвоката нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но Делафильдъ не видѣлъ необходимости вѣрить всему, что говорятъ.

Что касается его семьи—здѣсь опять-таки Делафильдъ, осторожно наведя справки, узналъ отъ одного изъ сослуживцевъ капитана неутѣшительныя подробности. Отецъ его, служившій въ арміи, вышелъ въ отставку тотчасъ послѣ возстанія сипаевъ съ разбитымъ здоровьемъ и весьма ограниченными средствами. Самъ изъ небогатой семьи средняго сословія онъ женился поздно на женщинѣ по общественному положенію не равной ему и безприданницѣ. Они поселились на островѣ Уайтѣ, жили на пенсію и принуждены были вѣчно изворачиваться, преслѣдуемые долгами. У нихъ подростали двое дѣтей—дѣвочка и мальчикъ, и всѣ надежды родителей были сосредоточены на много обѣщавшемъ красавцѣ сынѣ. Мальчикъ учился въ школѣ при картезіанскомъ монастырѣ и мечталъ о шикарномъ полкѣ. Занимая направо и налѣво, родителямъ удалось-таки осуществить его завѣтную мечту. Онъ по уши залѣзъ въ долги, а, между тѣмъ, рессурсы стариковъ все истощались; и наконецъ отецъ умеръ, совершенно измученный страхомъ банкротства за себя и безславія за своего баловня сына. Мать Генри Уоркворта была жива и до сихъ поръ, но жила въ большой бѣдности.

— Сестра его,—разсказывалъ Делафильду сослуживецъ Уокворта,—вышла замужъ за одного изъ лондонскихъ портныхъ, весьма зажиточнаго человѣка. Я случайно знаю это, такъ какъ мы съ отцомъ уже много лѣтъ заказываемъ у него платье, и какъ-то разъ, узнавъ, что я въ одномъ полку съ Уорквортомъ, онъ началъ мнѣ разсказывать разныя исторіи о своемъ шуринѣ, котораго онъ, видимо, не долюбливаетъ. Сестра, кажется, часто въ послѣднее время снабжала его деньгами, да на одно жалованье ему бы здѣсь и не прожить. Уорквортъ можетъ быть блестящимъ офицеромъ въ сраженіи, но въ частной жизни онъ страшный эгоистъ. Онъ, напримѣръ, стыдится сестры, ея

мужа и, гдѣ только можетъ, открещивается отъ нихъ. Да, этотъ Уорквортъ не отличается благородствомъ чувствъ, а между тѣмъ, помяните мое слово, онъ пойдетъ очень далеко и сдѣлаетъ блестящую карьеру.

Это была одна сторона. Съ другой—въ пользу этого человѣка говорилъ его блестящій послужной списокъ, храбрость, обнаруженная имъ въ послѣднюю кампанію, отчаянная защита отрѣзаннаго непріятелемъ укрѣпленія, обезпечивавшаго безопасность чрезвычайно важныхъ сообщеній, презрѣніе къ опасности и лишеніямъ, спасеніе раненаго товарища, котораго онъ на рукахъ отнесъ въ крѣпость подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ,—все факты, воспламенявшіе воображеніе публики и сильно выдвинувшіе его имя. Простой эгоистъ съ большими претензіями не могъ бы совершить такихъ подвиговъ мужества.

Делафильдъ пока не дѣлалъ изъ этого оканчательнаго вывода. Онъ рѣшилъ самъ наблюдать. Въ тайникѣ его души жило страстное и нѣсколько дерзкое убѣжденіе, что онъ имѣетъ право слѣдить и, если понадобится, даже дѣйствовать. Чутье Жюли не обмануло ее. Делафильдъ, индивидуалистъ, фанатикъ свободы, былъ не чуждъ инстинктовъ тиранніи. Она не погубитъ себя, эта милая, слабая, горячо любимая женщина! Онъ не дастъ ей погибнуть!

Такимъ образомъ, въ это переходное время Делафильдъ много думалъ о Жюли. Она же, съ своей стороны, пожелавъ ему спокойной ночи, послѣ разговора, приведеннаго въ предыдущей главѣ, поспѣшила забыть о немъ и почти гнѣвно отгоняла всякое воспоминаніе объ этомъ разговорѣ.

На слѣдующее утро въ «Таймсѣ» появилось извѣстіе о назначеніи Генри Уорквортa, капитана лейбъ-гвардіи стрѣлковаго полка, начальникомъ военной миссіи, отправляемой въ Мокембэ. Предполагалось, что миссія не замедлитъ выѣхать изъ Лондона, но пока изъ двухъ офицеровъ, благодаря своей спеціальной опытности назначенныхъ въ составъ ея, подъ начало къ капитану Уорквортy, одинъ въ настоящее время находился въ Канадѣ, а другой въ Капштадтѣ. Поэтому, трудно было разсчитывать, что миссія отправится въ путь раньше начала мая. Въ той же газетѣ были перепечатаны изъ «Военнаго Вѣстника» свѣдѣнія о нѣкоторыхъ назначеніяхъ и отличіяхъ за послѣднюю махсудскую компанію, въ томъ числѣ о производствѣ капитана Генри Уорквортa въ майоры.

Въ передовой статьѣ «Таймса», посвященной новому назначенію, говорилось, что миссіи придется заняться важными пограничными вопросами и еще больше возстановленіемъ англійскаго престижа въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ изрядно поколебленъ нерадивостью представителей англійскаго правительства. Другія державы ведутъ въ этихъ областяхъ не чистую игру, пытаясь поживиться на счетъ британскаго льва, которому давно пора стряхнуть съ себя дремоту и открыть глаза на

то, что происходитъ вокругъ. О молодомъ офицерѣ, назначенномъ начальникомъ столь важной миссіи, вліятельная газета говорила учтиво, но осторожно. Въ послѣднюю компанію онъ, несомнѣнно, очень выдвинулся, но все же трудно сказать, чтобы, въ общемъ, его прежнія заслуги давали ему право на такое важное повышеніе. Какъ бы то ни было, теперь ему представляется случай выказать свои способности въ полномъ блескѣ. Англійскіе солдаты умѣютъ пользоваться такими случаями. «Таймсъ» любезно выражалъ увѣренность, что молодой человѣкъ окажется на высотѣ положенія и оправдаетъ выборъ своего начальства.

Пока Жюли читала, герцогиня смотрѣла ей черезъ плечо.

— Хитрушка вы этакая!—сказала она, цѣлуя Жюли сзади въ шейку.—Надѣюсь, вы довольны! «Таймсъ» не знаетъ, какъ объяснить это назначеніе.

Жюли опустила газету на колѣни; щеки ея пылали.

— Скоро узнаетъ,—сказала она спокойно.

— Жюли, вы такъ вѣрите въ него?

— При чемъ тутъ мое мнѣніе? Вѣдь не я же назначала его.

Герцогиня засмѣялась.

— Какъ будто безъ васъ онъ добился бы своего! Какія у него были связи въ прошломъ ноябрѣ, когда вы взялись за его дѣло?

Жюли ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Ея вздрагивавшія губы и блескъ глазъ выдавали ея торжество.

— Что же я сдѣлала?—сказала она, смѣясь.—Развѣ только сдвинула нѣсколько камней съ его славной дороги?

— Ахъ, нѣкоторые изъ нихъ были очень тяжелы,—съ гримаской сказала герцогиня.—Неужели мнѣ придется приглашать леди Фрозвикъ?

Жюли обняла ее.

— Эвелина, какая вы были милочка! Я никогда больше не стану васъ такъ мучить.

— О, для нѣкоторыхъ я сдѣлала бы въ десять разъ больше! Ну, Жюли, я хотѣла бы знать, почему вы такого высокаго мнѣнія объ этомъ человѣкѣ? Я... я не всегда слышу о немъ хорошіе отзывы.

— Я увѣрена въ этомъ,—краснѣя, сказала Жюли.—Такъ легко возненавидѣть успѣхъ.

— Ну, полноте, мы не такъ уже низки! Даю вамъ слово, что всѣмъ видѣннымъ мною героямъ жилось превосходно. Жюли!—Она порывисто поцѣловала подругу.—Жюли, не любите вы его такъ! Онъ не стоитъ!...

— Не стоитъ? Чего?—съ горечью сказала Жюли.—Вы можете успокоиться относительно капитана Уорквoрта. Но, пожалуйста, поймите, Эвелина, для меня всякій хорошъ. Не ломайте вашу миленькую головку надъ моими дѣлами. Въ нихъ нѣтъ ничего серьезнаго

и ничего важнаго—кромѣ развѣ того, что иногда они немножко з бавляютъ меня.

— Жюли, что вы говорите! Какъ будто Джэкобъ...

Жюли нахмурилась и освободилась изъ объятій подруги, потоі засмѣялась.

— То, что говорится объ обыкновенныхъ смертныхъ, не может быть примѣнено къ мистеру Делафильду. Онъ, конечно, внѣ конкур

— Жюли!

— Это вы, Эвелина, дѣлаете меня злою. Я умѣю быть благода ною, по своему, и мы съ этимъ молодымъ человѣкомъ можемъ бы большими друзьями.

Герцогиня вздохнула и не безъ труда прикусила язычокъ.

Когда герой дня пріѣхалъ къ обѣду, онъ засталъ въ гостин только одну изъ дамъ.

Да неужто это Жюли Ле-Бретонъ? Это кроткое улыбающееся в дѣніе въ бѣломъ?

Уорквортъ ожидалъ найти мученицу, блѣдную, подавленную ра разившейся надъ ней катастрофой, и даже среди упоенія свои успѣхомъ онъ былъ нѣсколько смущенъ, не зная, какъ она отнесет къ его поведенію въ тотъ злополучный вечеръ. Но передъ нимъ бы совсѣмъ другая Жюли, радостная, оживленная, всепрощающая, каз лось, не касавшаяся земли, до такой степени легка была ея походк Почему? Потому что на долю ея друга выпала большая удача? Дал сердце Уоркворта растаяло при видѣ такого зрѣлища. Онъ никогд еще не видалъ ее такой трогательно-прелестной. Здѣсь, внѣ леденя шей ее атмосферы дома леди Генри и ея надзора, Жюли казала на много лѣтъ моложе. Совсѣмъ молодое бѣлое кисейное платье, слег тронутое артистическою рукой горничной герцогини, замѣнило знак мое ему черное атласное. Увидѣвъ ее, Уорквортъ невольно остан вился отъ удивленія.

Когда онъ подошелъ къ ней, все лицо его сіяло улыбкой, а голубы глаза такъ и прыгали отъ удовольствія.

— Получили сегодня утромъ мою записку?

— Да,—сказала она смиренно.—Вы слишкомъ добры и слишкомъ до нелѣпости пристрастны. Я ничего не сдѣлала.

— О, конечно, ничего! Вы что же, намѣрены меня заставить увѣ ровать въ эту фикцію? или мнѣ разрѣшена будетъ маленькая искрен ность? Вы сами знаете, что все это дѣло вашихъ рукъ. Ну, полн полно, дайте мнѣ ручку.

Она застѣнчиво протянула ему руку, и онъ горячо поцѣловалъ е

— Нѣтъ! какъ это все хорошо складывается!—воскликнулъ он съ восторгомъ школьника, выпустивъ ея руку.—Нынче утромъ видѣ я лорда М. (онъ назвалъ перваго министра), и онъ былъ очень ми со мной, право! Потомъ былъ у главнокомандующаго, а у Мо

резора сидѣлъ цѣлые полчаса. Все идетъ отлично. Они подобрали нѣ чудесный штабъ; отличные малые, всѣ до одного. О, вы увидите, я съумѣю это сдѣлать—вы увидите! Клянусь святымъ Георгіемъ, вотъ это называется удачей!

Весь сіяющій онъ весело потиралъ руки, грѣя ихъ надъ огнемъ.

Вошла герцогиня въ сопровожденіи пожилой родственницы герцога, старой дѣвы, сѣдой и въ черномъ платьѣ, миссъ Эмили Лауренсъ—одной изъ женщинъ одиночекъ, много видѣвшихъ на своемъ вѣку, образованныхъ и добрыхъ, какихъ въ изобиліи производитъ Англія.

— Итакъ, вы уѣзжете отъ насъ?—обратилась герцогиня къ Уоркворту.—И, кажется, васъ можно поздравить съ такимъ назначеніемъ?

— Можно и должно,—весело сказалъ онъ,—если только я привыкну къ климату. Тамъ свирѣпствуетъ гнилая горячка, убивающая человѣка въ двадцать четыре часа, но помимо этого...

— О, вы, навѣрное, останетесь живы и невредимы,—сказала герцогиня.—Позвольте васъ представить миссъ Лауренсъ. Эмили, это капитанъ Уорквортъ.

Старая дѣва слегка вздрогнула, но затѣмъ спокойно надѣла очки, умные, сѣрые глаза ея принялись внимательно изучать физіономію молодого офицера.

За обѣдомъ Уорквортъ былъ чрезвычайно милъ, съ этимъ должна была согласиться даже герцогиня. Онъ говорилъ интересно, но не слишкомъ распространяясь о предстоящей ему задачѣ, разсказывалъ забавныя исторіи о своихъ охотничьихъ похожденіяхъ въ той самой мѣстности, гдѣ ему теперь надлежало выполнять дипломатическія порученія; говорилъ о томъ, какіе сборы въ путь предстоятъ ему въ приморскомъ городѣ Денгѣ къ пятинедѣльному путешествію вглубь страны; отозвался не особенно похвально о туземномъ портерѣ и туземныхъ солдатахъ, роняя по пути не мало остроумныхъ и мѣткихъ замѣчаній относительно расовыхъ особенностей, рессурсовъ и будущаго этой огромной и таинственной Африки—этой бездны неизвѣданнаго, гдѣ теперь кипитъ неустанная борьба вторгнувшихся туда бѣлыхъ волнъ, подгоняющихъ другъ дружку, стремясь Богъ вѣсть къ какой невидимой цѣли.

Кромѣ нихъ, за обѣдомъ были еще гости и въ числѣ ихъ два офицера изъ штаба главнокомандующаго. Уорквортъ, будучи много моложе ихъ лѣтами и ниже чиномъ, относился къ нимъ съ хорошо выдержанною почтительностью, но въ разговорѣ настолько ярко выдвинулись его боевой опытъ и знаніе, что это замѣтили даже женщины. Правда, въ каждомъ его словѣ такъ и сквозило высокое мнѣніе о себѣ, но это не было пустымъ самохвальствомъ. Это было тщеславіе молодости, даровитости и красоты, подстрекаемое только что выпав-

шимъ на его долю высокимъ отличіемъ, и никто не рѣшился бы п ставить ему это въ укоръ.

Что касается Жюли, она лихорадочно наслаждалась каждою ми той, но къ этому наслажденію примѣшивалась по временамъ остр боль—боль за прошлое, боль за будущее. Тѣмъ не менѣе это бы чудныя золотыя минуты. Но она все время не переставала слѣди за собой, и герцогиня почти забыла о своихъ опасеніяхъ, смягчила къ Уорквoрту и благословляла Жюли за веселый обѣдъ.

Когда мужчины вернулись въ гостиную, Уорквортъ и Жюли еп разъ остались наединѣ, на этотъ разъ въ маленькомъ будуарѣ герц гини въ концѣ длинной анфилады парадныхъ покоевъ.

— Когда вы уѣзжаете?—отрывисто спросила она.

— Не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ.—Онъ объяснилъ причины.

— Такъ вы пріѣдете туда въ самое ужасное время, въ разга жаркаго сезона?—Въ ея голосѣ прозвучала нотка тревоги.

— О, мы всѣ люди привычные! И потомъ, черезъ нѣсколько дн мы двинемся дальше, въ горы.

— А что говорятъ по этому поводу ваши родные?—спросила о нѣсколько неувѣренно. По правдѣ говоря, ей было мало что извѣст о его родныхъ.

— Моя мать? О, она будетъ очень рада. Завтра я думаю съѣ дить, денька на два на островъ Уайтъ, повидаться съ ней. Но ч же мы говоримъ все обо мнѣ? Разскажите о себѣ. Вы будете жи здѣсь у герцогини?

Она разсказала ему о домикѣ въ Гериберть-стритѣ. Онъ слуша внимательно.

— Это отлично. Вы прелестно устроитесь; у васъ будетъ свой кр жокъ, а леди Генри мы предоставимъ каяться на досугѣ. Вы будете чувствовать себя одинокою?

— О, нѣтъ!—но ея улыбка сопровождалась вздохомъ.

Онъ подошелъ къ ней ближе.

— Если бы это зависѣло отъ меня, вы никогда не были бы од ноки,—выговорилъ онъ тихо.

— Человѣкъ безъ имени и родныхъ всегда будетъ одинокъ,—пр звучалъ въ отвѣтъ ея страстный шопотъ.

Онъ быстро вскинулъ на нее глаза. Она откинулась на спинк кресла; отблескъ камина мягко озарялъ ея прекрасный лобъ и глаз Уорквортъ вдругъ почувствовалъ, что обычная сдержанность пок даетъ его. Зачѣмъ, зачѣмъ отказываться отъ того, что такъ очевид въ его власти? У любви много способовъ выраженія, много входов и много выходовъ!

— Когда же вы разскажете мнѣ все, что мнѣ такъ хотѣлось бы знать о васъ?—сказалъ онъ, склоняясь къ ней съ нѣжною настойчи востью.—У меня столько накопилось вопросовъ!

— О, когда-нибудь,—сказала она, чувствуя, какъ у нея сильнѣе забилось сердце.—Моя исторія не такова, чтобы ее можно было разсказывать въ такой счастливый день.

Онъ помолчалъ съ минуту, но лицо его говорило краснорѣчивѣе словъ.

— Наша дружба была прекрасна, не правда ли?—выговорилъ онъ, наконецъ, взволнованнымъ голосомъ.—Смотрите!—онъ сунулъ руку во внутренній карманъ сюртука.—Вы видите, гдѣ я ношу ваши письма?

— Не надо—они этого не стоятъ.

— Какъ вы прелестны въ этомъ платьѣ, въ этомъ освѣщеніи! Вы всегда будете стоять у меня передъ глазами такою, какъ сегодня.

Наступило молчаніе. У обоихъ стучало сердце и кровь приливала къ вискамъ. Онъ вдругъ нагнулся, взялъ ея руки и началъ ихъ цѣловать. Они смотрѣли въ глаза другъ другу, и мгновенія тянулись, какъ часы.

Изъ сосѣдней гостиной, неожиданно донеслись приближающіеся голоса, они отодвинулись другъ отъ друга.

— Жюли, Эмили Лауренсъ уходитъ,—заглянувъ въ дверь, сказала герцогиня какимъ-то, какъ показалось Жюли, страннымъ высокомѣрнымъ тономъ.—Капитанъ Уорквортъ, миссъ Лауренсъ говоритъ, что у васъ съ ней есть общіе друзья—леди Бланшъ Моффатъ и ея дочь.

Капитанъ Уорквортъ пробормоталъ какую-то условную любезность и прошелъ въ сосѣднюю комнату, къ миссъ Лауренсъ.

Жюли тоже встала. Вся краска сбѣжала съ ея лица; ея горящіе глаза пытливо смотрѣли на герцогиню, которая стояла передъ подругой виноватая, блѣдная, готовая заплакать.

Глава XIV.

На слѣдующій день утромъ Уорквортъ уѣхалъ къ матери, на островъ Уайтъ. По дорогѣ онъ много думалъ о Жюли. Наканунѣ прощаніе ихъ вышло какое-то странное: они неловко пожали другъ другу руку и разошлись. Такъ много обѣщавшій вечеръ кончился, въ сущности, ничѣмъ. И что только нужно отъ него этой несносной миссъ Лауренсъ? Разговоръ шелъ скачками, но время отъ времени она бросала на него взгляды, казалось, говорившіе больше, чѣмъ слова.

Всѣ ея вопросы не выходили изъ области общихъ мѣстъ, но въ ея манерѣ было что-то особенное, и когда Уорквортъ поднялся уходить она простилась съ нимъ очень сухо и холодно.

Раза два она назвала себя большимъ другомъ леди Бланшъ Моффатъ. Неужели?..

Но если даже леди Бланшъ, отличавшаяся сентиментальною нескромностью, и проболталась этой госпожѣ, что же изъ того? Какое основаніе имѣетъ миссъ Лауренсъ или кто бы то ни было коситься на него?

Правда, въ Симлѣ тогда ходили какія-то гадкія сплетни, но онѣ скоро смолкли, а его теперешнее назначеніе—блистательный отвѣтъ на всѣ толки.

Его клеветники, включая и глупыхъ опекуновъ Эйлинъ, только сами себя поставятъ въ глупое положеніе, если будутъ продолжать такіе разговоры. Какая же тутъ «ловушка»? Въ чемъ mésalliance? Офицеръ съ блестящею карьерой впереди для всякой дѣвушки завидный женихъ. Мало ли примѣровъ!..

И герцогиня тоже! Почему это она встрѣтила его такъ любезно, а потомъ стала вдругъ такъ надменна? Съ ней никогда не знаешь, какъ быть!

Въ чемъ дѣло? Чѣмъ онъ ей такъ не угодилъ? Онъ долго думалъ объ этомъ и все время чувствовалъ занозу въ душѣ. Подобно многимъ людямъ, способнымъ на большой эгоизмъ и жестокость, онъ былъ чрезвычайно чувствителенъ къ собственнымъ обидамъ, и всегда близко принималъ къ сердцу дружеское или враждебное отношеніе къ себѣ другихъ людей.

Если герцогиня не терпитъ его, не можетъ быть, чтобы причиной этому была только исторія въ Симлѣ, хотя бы эта старая дѣва и наговорила ей какихъ-нибудь гадостей.

Герцогиня совсѣмъ не знаетъ Эйлинъ и, насколько онъ могъ замѣтить, не особенно заботится объ отвлеченной справедливости по отношенію къ людямъ, которыхъ она въ глаза не видала.

Нѣтъ, эта маленькая своенравная герцогиня, другъ Жюли, нахохлилась на него, какъ разсерженная голубка, только изъ-за Жюли.

Такимъ образомъ, мысли его опять вернулись къ Жюли, хотя ему казалось, что онъ и не переставалъ думать о ней. Разсѣянно глядя въ окно вагона на мелькавшіе мимо сельскіе ландшафты, онъ все время видѣлъ передъ собой образъ Жюли, словно волшебное солнце, обливавшій его тепломъ и свѣтомъ.

Какъ незамѣтно, странно измѣнились его чувства къ ней! Выдержка и хладнокровіе, которыя ему такъ долго удавалось сохранять, сразу вдругъ куда-то исчезли. Онъ понималъ опасность и спрашивалъ себя, куда это приведетъ его. Какая она симпатичная, какая обаятельная! и сколько она для него сдѣлала!

Эйлинъ! Эйлинъ—маленькій сильфъ, хорошенькій ангелочекъ съ бѣлыми крылышками, совершенно не знающій свѣта; она еще совсѣмъ дитя, пансіонерка и влюбилась въ него потому только, что онъ былъ первымъ мужчиной, заговорившимъ съ ней о любви. Но эта умная, энергичная женщина, въ полномъ расцвѣтѣ силъ, все понимавшая съ полуслова, женщина съ такимъ умѣніемъ вести дѣла, что ей могли бы позавидовать многіе высокопоставленные сановники, женщина, съ которой невозможно было соскучиться—эта изящная Жюли Ле-Бретонъ, всюду и вездѣ являвшаяся предметомъ общаго вниманія,—совсѣмъ

другое дѣло. При мысли о томъ, что онъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ поглощалъ всѣ ея мысли, что однимъ своимъ словомъ онъ могъ вызвать у нея улыбку или вздохъ, что онъ могъ заставить ее смотрѣть на себя такими нѣжными и смиренными глазами, какъ въ тотъ вечеръ въ Гросвеноръ-скверѣ, когда она подала ему обѣ руки,—эти тонкія прелестныя руки,—при одной этой мысли онъ ощущалъ наплывъ какой-то виноватой, но сладкой гордости.

Какъ къ ней идетъ свобода! Она сбросила съ себя зависимость, какъ старое изношеное платье, и рядомъ съ ея грустнымъ очарованіемъ, какъ тривіальна и ничтожна кажется маленькая герцогиня, это балованное дитя свѣта и моды, съ ея полудѣтскою граціей и капризами. Бѣдная Жюли! Безъ сомнѣнія, ей предстоитъ борьба. Леди Генри, въ концѣ концовъ, пользуется большимъ вліяніемъ въ лондонскомъ свѣтѣ, и люди, глупые и солидные, которые въ итогѣ всегда берутъ верхъ, врядъ ли станутъ на сторону бывшей компаньонки леди Генри, когда факты въ ихъ разрывѣ, безспорно, съ перваго взгляда говорятъ не въ пользу миссъ Ле-Бретонъ.

У Жюли, конечно, будутъ горькія, унизительныя минуты, и побѣдить она можетъ только смѣлостью и оригинальностью, устроивъ жизнь по своему. Она потеряетъ свѣтъ, но сбережетъ маленькій кружокъ друзей, она вѣдь этого и добивается или, по крайней мѣрѣ, ей слѣдовало бы искать только этого.

Врядъ ли она выйдетъ замужъ. Да и зачѣмъ ей это? Отъ какой-нибудь трагической ошибки женщина съ ея умомъ всегда съумѣетъ уберечь себя. Но въ извѣстныхъ предѣлахъ зачѣмъ ей отказывать себѣ въ счастьѣ, интимной близости, любви?

Сердце его сильно билось; мысли шли какъ-то въ разбродъ. Но поѣздъ уже приближался къ Портсмуту, и онъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, заставилъ себя думать о предстоящей встрѣчѣ съ матерью.

Онъ провелъ почти недѣлю на морскомъ берегу въ маленькомъ коттэджѣ, и бѣдной м-съ Уорквортъ этотъ пріѣздъ сына доставилъ несравненно больше удовольствія, чѣмъ предыдущіе его визиты. Она была худенькая женщина, простая, но не лишенная ума и характера. Жизнь обошлась съ ней сурово, и послѣ смерти мужа ея обычная сдержанность перешла въ меланхолію. Она всегда побаивалась своего единственнаго сына съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ въ школу и сдѣлался такимъ «аристократомъ» въ сравненіи со своими родителями. Она знала, что онъ считаетъ ее очень невѣжественной и тупой; въ его присутствіи она всегда чувствовала себя униженной въ своихъ глазахъ, хотя, какъ только онъ уѣзжалъ, она тотчасъ занимала первенствующее мѣсто въ своемъ маленькомъ кружкѣ.

Она любила сына и гордилась имъ, но въ глубинѣ души никогда не могла простить ему смерти отца. Еслибъ не его расточительность, еслибъ не долги и напасти, которые онъ навлекъ на нихъ, ея старикъ

жилъ бы и до сихъ поръ, грѣлся бы на солнышкѣ весною, срывал маргаритки въ саду и курилъ бы свою трубочку въ тѣни деревьев лѣтомъ. Подъ оболочкой спокойной грусти сердце ея безумно тосковал по мужу, котораго она любила съ ранней молодости, и сынъ не мог ей замѣнить его.

Однако, когда онъ пріѣхалъ къ ней, окруженный ореоломъ славы и съ папиросой въ зубахъ, шагая по дорожкамъ ихъ маленькаго са дика, разсказывалъ ей объ отличіяхъ и почестяхъ, сыпавшихся н него, передавалъ ей слово въ слово свои разговоры съ министромъ главнокомандующимъ, давалъ ей читать массу полученныхъ имъ позд равительныхъ писемъ, материнское сердце ликовало, и м-рсъ Уорк вортъ чувствовала такую нѣжность къ сыну, какой она давно не испы тывала. Она видѣла, что онъ по прежнему тщеславенъ и хвастлив она не забыла, какимъ эгоистомъ онъ выказывалъ себя прежде, н теперь, любуясь его энергичною головой, съ вьющимися бѣлокурым волосами, откинутыми назадъ съ красиваго лба, его фигурой, тако же юношески-стройной, какъ въ то время, когда онъ бралъ призы за игры въ училищѣ, она говорила себѣ, что если бы отецъ увидѣлъ его теперь, онъ бы все простилъ ему. Она всегда въ душѣ разговаривала сама съ собой о сынѣ и твердо вѣрила, что Богъ посылаетъ каждому существу, созданному имъ, радость или горе, счастье или несчастье чтобы «повліять» на его душу. Ей онъ послалъ скорбь и утрату сердце Генри онъ хочетъ, повидимому, смягчить удачей. Ему повезло и вотъ онъ уже сталъ во многомъ лучше.

Во всякомъ случаѣ, онъ относился къ ней съ бо̀льшимъ вниманіемъ и заботливостью, чѣмъ прежде, предлагалъ ей денегъ, которыхъ у него было теперь, повидимому, очень много, но она попросила оставить ихъ для себя. Съ нея достаточно и того немногаго, что ей удалось сберечь отъ ихъ краха. Тогда онъ съѣздилъ въ городъ и привезъ ей въ подарокъ клѣтчатый теплый платокъ и новую скатерть для гостиной. Она очень обрадовалась и расцѣловала его такъ горячо, какъ давно не цѣловала.

Онъ уѣхалъ въ ясное вѣтряное утро, когда на гребняхъ волнъ вздымалась бѣлая пѣна, и облака, погоняя другъ дружку, мчались къ западу. Возвращаясь домой по дѣламъ, старушка съ тревогой думала о знойномъ климатѣ Африки и лишеніяхъ, предстоящихъ ея сыну во время странствованій по пустынѣ. Она спрашивала себя также, что бы это значило, что сынъ ея за эту недѣлю два раза посылалъ письмо какой-то миссъ Ле-Бретонъ, а, между тѣмъ, въ разговорѣ ни разу не упоминалъ ея имени. Навѣрное, онъ скоро женится, и, конечно, женится выгодно, на дѣвушкѣ изъ такого круга, гдѣ она, мать его, никогда не бывала. Не умѣя отрѣшиться отъ обычныхъ предразсудковъ англичанъ средняго класса, она надѣялась, что если его суженая миссъ Ле-Бретонъ, она француженка только по имени, а не по крови.

Уорквортъ вернулся въ Лондонъ веселый и довольный—совѣсть его была чиста.

Онъ первымъ дѣломъ поѣхалъ въ клубъ, гдѣ его ждала груда писемъ, и поздравительныхъ и дѣловыхъ. Онъ съ наслажденіемъ читалъ и перечитывалъ первыя, ревниво отмѣчая въ умѣ, кто поздравилъ и кто не поздравилъ его; потомъ принялся за вторыя, относившіяся къ его назначенію. Умъ его работалъ энергично и быстро; онъ остался доволенъ своими отвѣтами. Затѣмъ, раскинувшись въ креслѣ съ сигарой въ зубахъ, принялся тщательно обдумывать приготовленія къ пятинедѣльному переходу черезъ пустыню и свой образъ дѣйствій послѣ того, какъ онъ вступитъ въ предѣлы Мокембэ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нынѣшнее правительство послало въ эту спорную область маленькую экспедицію, потерпѣвшую полное фіаско и съ дипломатической, и съ военной точки зрѣнія. Уорквортъ перебралъ на полкахъ «служебной библіотеки» всѣ книги и доклады, относившіеся къ этой экспедиціи, и цѣлый часъ рылся въ нихъ, потомъ съ презрѣніемъ бросилъ ихъ на столъ. Сколько промаховъ на каждомъ шагу! Какая близорукость! Недаромъ всѣ кричатъ о глупости англійскихъ офицеровъ. И какъ легко было избѣжать этихъ ошибокъ! Прямо противно! Въ себѣ самомъ онъ чувствовалъ такой умъ, энергію и проницательность, при которыхъ подобнаго рода ошибки казались непростительными.

Пока онъ ставилъ книги на полки, клубъ мало-по-малу наполнялся; къ завтраку сюда съѣзжалось много народу. Многіе поздравляли его; иные, прежде едва узнававшіе его при встрѣчѣ, теперь дружески здоровались съ нимъ. Ему пришлось пройти сквозь цѣлый рядъ коротенькихъ, но лестныхъ интервью, причемъ онъ держалъ себя очень корректно—не былъ ни слишкомъ скроменъ, ни слишкомъ многорѣчивъ.

— Положительно, повышеніе пошло ему на пользу,—шепнулъ своему сосѣду за столомъ одинъ изъ членовъ, котораго Уорквортъ еще на прошлой недѣлѣ по праву могъ считать своимъ врагомъ.—Надо полагать, онъ сильно выдвинется. Случай превосходный. Хотя почему назначили именно его—это мнѣ совсѣмъ непонятно. Я насчитаю вамъ съ дюжину молодцовъ, не хуже его отличившихся въ махсудскую кампанію. У кандидата генеральнаго штаба въ тысячу разъ больше правъ

Тѣмъ менѣе Уорквортъ чувствовалъ, что общественное мнѣніе настроено дружественно, что публика нѣсколько удивлена, но все же готова вѣрить въ человѣка, такъ неожиданно выдвинувшагося на первый планъ; кстати сказать, эта готовность вѣрить объясняется скорѣе великодушіемъ, чѣмъ расчетливостью англичанъ. И благодаря этой вѣрѣ, онъ незамѣтно выросталъ умственно и морально. Выходя изъ клуба, онъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ членовъ клуба, европейскою извѣстностью. Съ недѣлю тому назадъ Уорквортъ встрѣтилъ этого человѣка у главнокомандующаго. Великій человѣкъ говорилъ съ нимъ очень привѣтливо, и

Уорквортъ, возвращаясь домой, ногъ подъ собою не чуялъ отъ радости. Онъ былъ увѣренъ, что способенъ стать равнымъ великому человѣку и со временемъ добиться такой же славы. Двери жизни, казалось, открылись передъ нимъ настежь.

Вмѣстѣ съ удачей пришли и благородныя рѣшенія. Не нужно больше сомнительныхъ эпизодовъ, бросающихъ тѣнь на репутацію; долой низкія уловки, долой игру! Не нужно больше долговъ! Формуляръ маіора Уорквортa былъ чистъ и долженъ былъ остаться чистымъ. Человѣкъ съ его надеждами и перспективами долженъ идти прямою дорогой.

Онъ былъ настроенъ удивительно благодушно по отношенію ко всѣмъ людямъ. Кстати, теперь какъ разъ время завтрака у его сестры; на извозчикѣ онъ успѣетъ доѣхать. Его послѣдній разговоръ съ шуриномъ былъ не изъ пріятныхъ. Но теперь—онъ ощупалъ чековую книжку въ карманѣ,—теперь онъ въ состояніи возвратить, по крайней мѣрѣ, хоть половину послѣдняго долга Беллѣ. Надо отвезти ей эти деньги и передать поклонъ отъ матери. И если ея дѣвочки дома, можно было бы свести ихъ въ «Зоологію»—право! Кстати у него есть свободный часокъ,—надо же доставить имъ какое-нибудь удовольствіе, чтобы имъ было чѣмъ помянуть своего дядю.

Часа два спустя, въ зоологическомъ саду, возлѣ клѣтки львовъ, можно было видѣть красиваго молодого офицера, державшаго за руки двухъ пухленькихъ дѣвочекъ. Роза и Кэти Муллинсъ восхитительно провели время и прониклись горячимъ обожаніемъ къ дядѣ, который до тѣхъ поръ мало обращалъ на нихъ вниманія и представленіе о которомъ соединялось въ ихъ памяти скорѣе съ домашними бурями, чѣмъ съ удовольствіями внѣ дома. А теперь на нихъ сыпались градомъ пирожныя, бисквиты, катанья на осликахъ и слонахъ, и все это благодаря дядѣ, который сорилъ деньгами направо и налѣво; его доброта и обаятельность совершенно покорили эти два маленькихъ сердечка.

— Теперь домой! домой, ребятки!—объявилъ, наконецъ, блестящій дядя, усаживая дѣвочекъ на извозчика и подставляя свои пушистые усы влажнымъ поцѣлуямъ двухъ алыхъ ротиковъ. Разскажите мамѣ, какъ вы провели время, и не забывайте своего дядю Гарри. Вотъ вамъ каждой по шиллингу. Только не тратьте ихъ на сладости. Вы и такъ уже сегодня накушались, будетъ съ васъ. Прощайте!

— Фу, какъ это трудно возиться съ ребятишками!—сказалъ онъ себѣ со вздохомъ облегченія, когда экипажъ отъѣхалъ.—Давно у меня не было такого труднаго дня! Даже не будь у меня иного выбора, я не пошелъ бы въ няньки. А все-таки онѣ славныя дѣвчурки.

— Ну-съ, теперь къ Коксу, затѣмъ въ Сити,—онъ заглянулъ въ списокъ необходимыхъ визитовъ,—а въ пять часовъ къ моей красавицѣ. Застану ли я ее дома? Устроилась ли она? Гдѣ это Герибертъ-стритъ?

Въ пять съ небольшимъ онъ уже звонилъ у подъѣзда миссъ Ле-Бретонъ. Какой странный маленькій домикъ и какая странная горничная! Ему отворила болѣзненнаго вида дѣвочка, съ большими глазами, и какъ-то смущенно посмотрѣла на него, словно человѣкъ, дѣлающій еще непривычное для него дѣло.

— Да, сэръ, миссъ Ле-Бретонъ въ гостиной,—выговорила она медленно, нѣжнымъ голоскомъ съ иностраннымъ акцентомъ, и повела его въ гостиную.

Бѣдный ребенокъ! Спина словно вся вывихнутая, и какъ она хромаетъ! На видъ ей лѣтъ четырнадцать, но, навѣрное, она старше. Гдѣ ее откопала Жюли?

Уорквортъ осмотрѣлся вокругъ; отъ маленькихъ сѣней, съ реликвіями помѣщичьяго спорта и сельскихъ забавъ, глаза его перешли на такую же небольшую столовую, гдѣ въ открытую дверь виднѣлись на стѣнахъ портреты пастелью, работы Русселя, изображавшіе родителей леди Мэри. Типичность маленькаго домика сразу билась въ глаза. Уорквортъ съ улыбкой сказалъ себѣ, что обстановка удивительно подходитъ къ хозяйкѣ. Вотъ талантъ—упасть прямо на ноги!

Дѣвочка, шедшая впереди, отворила дверь налѣво.

— Пожалуйста, войдите, сэръ,—сказала она застѣнчиво и посторонилась, чтобы дать ему дорогу.

Когда она отворила дверь, до Уорквoрта донесся говоръ нѣсколькихъ голосовъ.

Такъ Жюли не одна? Онъ состроилъ подобающую физіономію. Войдя, онъ увидѣлъ забавную сценку.

Джэкобъ Делафильдъ, стоя на стулѣ, вѣшалъ картину; докторъ Мередитъ и Жюли съ двухъ сторонъ направляли и поправляли его.

Мередитъ держалъ наготовѣ шнурокъ и ножницы; Жюли молотокъ и гвозди. Мередитъ выражалъ полнѣйшее недовѣріе къ практическимъ способностямъ Джэкоба; тотъ горячо защищался; Жюли смѣялась надъ обоими.

На другомъ концѣ комнатѣ, между каминомъ и окномъ, стоялъ чайный столикъ и возлѣ него сидѣлъ лордъ Лэкинтонъ, посмѣиваясь про себя и лаская пушистаго котенка, лежавшаго у него на колѣняхъ. Въ открытое окно заглядывали косые лучи заходящаго солнца и полураспустившаяся сирень. Послѣ недавняго ливня особенно сильно пахло землей и травами. Даже здѣсь, въ Лондонѣ, все говорило о веснѣ,—благоуханной веснѣ, которая въ болѣе счастливыхъ краяхъ уже осыпала бѣлымъ снѣгомъ цвѣтовъ вишневыя и персиковыя деревья. Въ каминѣ весело трещалъ огонь. Хорошенькая старомодная комнатка благоухала гіацинтами и нарциссами; на столахъ были разложены книги Жюли; уже теперь во всемъ здѣсь чувствовалась ея рука и вкусъ. Лордъ Лэкинтонъ съ котенкомъ въ креслѣ у камина

*

представлялъ собою послѣдній штрихъ, довершавшій уютность этой семейной картинки.

— Я вижу, вы уже совсѣмъ устроились,—съ улыбкой обратился Уорквортъ къ хозяйкѣ дома. Делафильдъ кивнулъ ему головой, не сходя со стула; Мередитъ оборвалъ свою рѣчь на полусловѣ.

— Простите, у меня обѣ руки заняты,—сказала Жюли.—Ah! Léonie! Au vous en faire de nouveau, n'est ce pas, pour ce monsieur?

Въ комнату только что вошла, вѣрнѣе проскользнула маленькая женщина въ черномъ платьѣ и платкѣ, съ маленькимъ сморщеннымъ личикомъ и приплюснутымъ носомъ.

— Tout de suite, monsieur!—скороговоркой отозвалась она и скрылась вмѣстѣ съ чайникомъ. Уорквортъ догадался, что это молочная сестра Жюли Ле Бретонъ, очевидно хозяйничавшая въ этомъ домѣ.

— Не могу ли я быть полезнымъ?—сказалъ онъ Жюли, взглянувъ на Делафильда.

— Мы уже кончили,—отвѣтила она холодно, подавая Делафильду послѣдній гвоздь.—Чуточку правѣй. Ecco! Отлично!

— Какъ вы его балуете!—сказалъ Мередитъ.—И ни одного слова похвалы для меня!

— Что же вы сдѣлали такого, чтобы васъ хвалить?—засмѣялась Жюли.—Запутали шнурокъ—и только!

Уорквортъ отошелъ въ сторону; его лицо, такое сіяющее, когда онъ вошелъ, приняло теперь почти суровое выраженіе. Что значитъ этотъ тонъ, эта манера? Онъ вспомнилъ, что на свои три письма не получилъ ни слова въ отвѣтъ. Но до сихъ поръ онъ думалъ, что она, захлопотавшись съ устройствомъ, не нашла времени написать ему.

Когда онъ подошелъ къ чайному столу, лордъ Лэкинтонъ поднялъ глаза и поздоровался съ нимъ нѣсколько высокомѣрно, какъ онъ всегда это дѣлалъ, когда не представлялъ себѣ ясно, съ кѣмъ говоритъ.

— Такъ, васъ посылаютъ въ Д.? Тамъ скоро пойдетъ кутерьма. Желаю вамъ позабавится хорошенько!

— Нѣтъ, не въ Д.,—усмѣхнулся Уорквортъ.—Мое мѣсто назначенія не столь интересно. Меня посылаютъ въ Мокембэ.

— Ахъ, въ Мокембэ!—сказалъ лордъ Лекинтонъ, нѣсколько сконфуженный.—Это туда, гдѣ въ прошломъ году былъ убитъ Сесиль Рэй, второй сынъ лорда Р., охотясь за львами? Нѣтъ! что я говорю? вѣдь онъ умеръ отъ горячки. Кстати, тамъ прескверный климатъ!

— На равнинахъ—да,—сказалъ Уорквортъ, садясь.—Что касается возвышенныхъ мѣстностей, мнѣ говорили, чтоэто нѣчто въ родѣ африканской Швейцаріи.

Лордъ Лекинтонъ повидимому, не разслышалъ.

— Вы гомеопатъ?—спросилъ онъ неожиданно, подымаясь во весь свой огромный ростъ и съ интересомъ глядя сверху внизъ на молодого офицера.

— Нѣтъ! зачѣмъ?

— Затѣмъ, что это единственный шансъ уберечь себя въ тѣхъ краяхъ. Если бы Сесиль Рэй захватилъ съ собой гомеопатическую аптечку, онъ бы жилъ и до сихъ поръ. Послушайте, вы когда уѣзжаете?—Старикъ вынулъ изъ кармана записную книжку.

— Черезъ мѣсяцъ, даже меньше.

— Отлично. Я пришлю вамъ полный комплектъ лекарствъ. Если вы заболѣете, воспользуйтесь ими.

— Вы очень добры...

— Ничуть. Гомеопатія это мой конекъ,—теперь ужъ ихъ немного осталось.—По красивому старческому лицу расплылась широкая мальчишеская усмѣшка.—Взгляните на меня; мнѣ семьдесятъ пять, а въ верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ я могу перещеголять своихъ собственныхъ внуковъ. А все отъ того, что я всю жизнь, какъ чорта, боялся аллопатовъ. Но доктора ужасно гнусный народъ...

И пошелъ, и пошелъ. Уорквортъ волей-неволей принужденъ былъ выслушивать его тирады, время отъ времени украдкой косясь на дальнее окно, возлѣ котораго стояла группа изъ Жюли, доктора Мередита и Делафильда. Имъ было весело, они смѣялись, а онъ чувствовалъ себя обиженнымъ, исключеннымъ изъ ихъ кружка, и бѣсился на это.

Лордъ Лэкинтонъ внезапно оборвалъ панегирикъ гомеопатіи; его инстинктивное влеченіе къ декламаціи умѣрялось такимъ же инстинктивнымъ страхомъ наскучить другимъ.

— Что вы думаете о запискѣ Монтрезора?—круто перемѣнилъ онъ разговоръ, намекая на проектъ военныхъ реформъ, внесенный Монтрезоромъ на прошлой недѣлѣ въ скептическую палату общинъ.

— Очень дѣльная записка,—сказалъ Уорквортъ пожавъ плечами.

— Дѣльная! Намъ, англичанамъ, нужна армія и флотъ; мы не любимъ, когда на континентѣ передъ нами задираютъ носъ, а между тѣмъ мы не хотимъ давать денегъ ни на армію, ни на флотъ. Съ тѣхъ поръ, какъ отмѣнена продажа офицерскихъ патентовъ, я готовъ былъ избить ихъ на улицѣ за то, какъ они это сдѣлали!—съ тѣхъ поръ, какъ армію превратили въ какую-то школу, гдѣ васъ экзаменуютъ строго или спустя рукава, смотря по размѣру взятки, что бы мы ни дѣлали, все равно, мы всѣ пойдемъ къ чорту! Такъ ужъ заодно...

— Вы были противъ отмѣны?

— Да-съ, сударь мой. И Веллингтонъ былъ противъ, и Ргланъ, и всѣ чего-нибудь стоющіе люди. И какъ это было сдѣлано! какое гнусное насиліе!..

— Позвольте, позвольте! Это лорды вели себя гнусно. А реформа принесетъ отличные плоды.

Лордъ Лэкинтонъ сверкнулъ глазами.

— Изволите ли видѣть, сударь мой, я дольше васъ живу на свѣтѣ. Я началъ службу мичманомъ еще въ американскую войну 1814 года,

которой теперь никто не помнитъ. Затѣмъ я перевелся изъ флота въ армію; воевалъ въ разныхъ концахъ свѣта, командовалъ бригадой во время крымской кампаніи...

— Кто же этого не помнитъ?—улыбнулся Уорквортъ.

Старикъ слегка наклонилъ свою красивую сѣдую голову въ знакъ благодарности.

— И вы можете повѣрить мнѣ на слово: ваши нынѣшніе солдаты въ подметки не годятся тѣмъ, которые встарину пробивали себѣ дорогу, какъ вы говорите, подкупами и взятками. Нравится это вамъ или неправится, но это фактъ!

Уорквортъ началъ спорить. Онъ былъ большой политиканъ, самъ «новый человѣкъ» и потому на сторонѣ «новыхъ людей». Старикъ горячился; Уорквортъ, обиженный до глубины души поведеніемъ группы напротивъ, не уступалъ ему. Мало-по-малу разговорю принялъ оборотъ, удивившій его. Они начали съ салоннаго спора о вопросѣ, въ сущности уже рѣшенномъ и не волновавшимъ страстей, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а кончили настоящей схваткой. Лордъ Лэкинтонъ не выносилъ противорѣчій, возмущался ими до глубины души и всею тяжестью своей блестящей аргументаціи обрушивался на противника, съ намѣреніемъ сокрушить дерзновеннаго.

Молодой офицеръ удачно защищался, но съ каждою фразой все больше дивясь тону и манерамъ своего оппонента. Глаза старика метали искры изъ-подъ тонко очерченныхъ бровей; выраженіе лица его становилось все болѣе враждебнымъ, почти злобнымъ; онъ осыпалъ противника градомъ отравленныхъ стрѣлъ, не стѣсняясь переходить на обидную личную почву. Щеки Уорквортa пылали; онъ чувствовалъ, что теряетъ терпѣніе.

— О чемъ вы говорите?—спросила подошедшая Жюли Ле-Бретонъ.

Лордъ Лэкинтонъ сразу осѣкся и снова усѣлся въ кресло.

Уорквортъ поднялся съ мѣста.

— Лучше бы мы вколачивали гвозди,—сказалъ онъ,—но вы не хотѣли дать намъ работы.—Видя, что Мередитъ и Делафильдъ также подходятъ къ нимъ, онъ поспѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и спросилъ:

— Такъ я и не услышу отъ васъ ни слова?

Жюли повернулась къ нему спокойно, ясное лицо ея показалось Уорквортy очень блѣднымъ.

— Вы недавно вернулись съ острова Уайта!

— Нынче утромъ.—Онъ смотрѣлъ ей въ глаза.—Вы получили мои письма?

— Да, но мнѣ некогда было отвѣтить. Надѣюсь, вы застали вашу матушку здоровой?

— Благодарю васъ. Вамъ пришлось потрудиться надъ устройствомъ?

— Да, но герцогиня и м-ръ Делафильдъ много помогли мнѣ.

И такъ далѣе, и такъ далѣе—ничего не значущія фразы, вопросы и отвѣты.

— Мнѣ пора,—сказалъ Делафильдъ, подходя,—если только у васъ нѣтъ для меня еще работы. До свиданія. Майоръ, поздравляю васъ. Вамъ предстоитъ высокая задача.

Уорквортъ слегка поклонился—полунасмѣшливо. Чортъ бы побралъ этого молодца съ его серьезнымъ тономъ и аристократическими замашками. Очень ему нужны его поздравленія.

Онъ помедлилъ еще немного; ему было горько и обидно,—онъ бѣсился, но не зналъ, какъ уйти.

Глаза стараго лорда потухли, и котенокъ, набравшись храбрости, снова вскарабкался ему на колѣни. Мередитъ также поподвинулъ къ камину покойное кресло и, усѣвшись, началъ заигрывать съ котенкомъ, стараясь переманить его къ себѣ. Жюли сидѣла между ними, прямая и молчаливая, сложивъ на колѣняхъ тонкія блѣдныя руки, опустивъ голову и тщательно избѣгая встрѣтиться глазами съ Уорквортомъ. Тотъ стоялъ, прислонившись къ каминной рѣшеткѣ и не зная, какъ быть.

Мередитъ, очевидно, чувствовалъ себя, совсѣмъ какъ дома, въ этой маленькой гостиной. Вошла хромая дѣвечка и поставила около него столикъ. Онъ гладилъ её по головкѣ и говорилъ ей какой-то вздоръ, въ промежуткахъ указывая Жюли, какія исправленія сдѣлать въ принесенной имъ корректурѣ. Лордъ Лэкинтонъ, уже совсѣмъ успокоившись, снова мечтательно глядѣлъ въ пространство, не замѣчая, что докторъ похитилъ у него котенка. На заднемъ планѣ сидѣла маленькая женщина въ черномъ и проворно вязала. Вся картина носила удивительно интимный семейный характеръ; только Уорквarту не было въ ней мѣста.

— Прощайте, миссъ ле-Бретонъ,—выговорилъ онъ наконецъ, не узнавая собственнаго голоса.—Я обѣдаю въ гостяхъ.

Жюли встала и подала ему руку, но эта рука тотчасъ же выпала изъ его руки, холодная, словно мертвая. Онъ вышелъ, задыхаясь отъ гнѣва и горя, и чуть не бѣгомъ бѣжалъ по Кьюретонъ-стритъ, самъ не зная, куда, и все время видѣлъ передъ собою её, въ этой старомодной гостиной, пропитанной запахомъ гіацинтовъ, съ этой холодно-любезной улыбкой, съ этими гордыми, глубокими глазами.

Когда онъ вышелъ, Жюли подошла къ окну и долго глядѣла въ надвигающіяся сумерки. Ей казалось, что всѣ сидѣвшіе въ гостиной слышатъ, какъ бьется ея жалкое сердце.

Когда она вернулась къ гостямъ, докторъ Мередитъ уже набивалъ себѣ карманъ письмами и бумагами, собирась уходить.

— Вы уходите?—спросилъ лордъ Лэкинтонъ.—Я тоже прощусь съ вами, mademoiselle Жюли.

И онъ поднялся съ кресла. Но она, краснѣя, посмотрѣла на него съ грустной улыбкой.

— Вы не останетесь на нѣсколько минутъ? Вы обѣщали дать мнѣ совѣтъ относительно рисованія Терезы.

— Конечно, если вы желаете.

Лордъ Лэкинтонъ снова сѣлъ. Хромая дѣвочка, повидимому, обладала талантомъ къ живописи, который миссъ Ле-Бретонъ хотѣлось развить. Мередитъ быстро разыскалъ свое пальто и шляпу и, какъ-то странно посмотрѣвъ на Жюли, поспѣшилъ удалиться.

— Тереза, милочка, сказала Жюли, — сбѣгай наверхъ и принеси мнѣ изъ моей комнаты ту книжечку, — знаешь? — куда вложены твои рисунки.

Дѣвочка заковыляла къ двери. Несмотря на свою хромоту, она двигалась необычайно легко и быстро и скоро вернулась съ книжкой въ кожаномъ переплетѣ.

— Léonie! — тихо кинула Жюли въ сторону madame Борнье.

Маленькая женщина вздрогнула, посмотрѣла на нее, кивнула головой, мигомъ свернула вязанье и вышла.

— Подай книжку его сіятельству, Тереза, — сказала Жюли, но, вмѣсто того, чтобы подойти къ гостю вмѣстѣ съ дѣвочкой, отошла къ окну и снова, прислонившись головой къ оконной рамѣ, стала смотрѣть въ садъ.

— Что вы хотите показать мнѣ, душечка? — спрашивалъ, между тѣмъ, лордъ Лэкинтонъ, взявъ книгу и надѣвая очки.

Но дѣвочка не знала, что отвѣтить, и молча смотрѣла на него своими ласковыми, кроткими глазками.

— Бѣги, Тереза, къ мамѣ, — сказала Жюли, не отходя отъ окна.

Дѣвочка поспѣшно вышла и затворила за собой дверь.

Лордъ Лэкинтонъ поправилъ очки и раскрылъ книгу. Два-три листа съ рисунками выпали изъ нея на столъ. Вдругъ онъ вскрикнулъ. Жюли обернулась, вся ожиданіе.

Лордъ Лэкинтонъ подошелъ къ ней.

— Объясните мнѣ, что это значитъ. Какъ попала къ вамъ эта книга?

То былъ томикъ Жоржъ-Зандъ. Старикъ дрожащей рукой указалъ на имя и число на заглавномъ листкѣ: «Роза Деланей, 1842 г.».

— Она моя, — мягко выговорила Жюли, потупивъ глаза.

— Но какъ — Бога ради! — какъ она досталась вамъ?

— Отъ моей матери вмѣстѣ съ другими ея книгами и немногими вещами.

Наступило молчаніе. Лордъ Лэкинтонъ подошелъ ближе. Голосъ его сталъ хриплымъ.

— Кто была ваша мать?

Отвѣтъ прозвучалъ едва слышно. Жюли стояла передъ нимъ, какъ виноватая, смиренно опустивъ свою прекрасную голову.

Старикъ также понурилъ голову; онъ былъ страшно пораженъ.

— Дочь Розы? Дитя моей Розы?...

Онъ придвинулся къ ней еще ближе, положилъ руку ей на плечо.

— Дайте мнѣ посмотрѣть на васъ,—выговорилъ онъ властно.

Жюли подняла на него глаза и молча протянула ему миніатюру, которую она до тѣхъ поръ держала въ рукѣ. То былъ одинъ изъ портретовъ, хранившихся въ вѣчно запертомъ складнѣ.

Онъ взялъ портретъ, перевелъ глаза съ изображеннаго на немъ лица на живое, потомъ отвернулся и, со стономъ закрывъ лицо руками, упалъ въ кресло.

Жюли поспѣшила къ нему. У нея самой глаза были влажны отъ слезъ. Послѣ минутнаго колебанія она опустилась возлѣ него на колѣни.

— Я должна попросить у васъ прощенія за то, что не сказала вамъ раньше,—прошептала она.

Прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ лордъ Лэкинтонъ отнялъ руки отъ глазъ и взглянулъ на нее. Передъ нею было блѣдное старческое лицо.

— Такъ это вы,—почти шепотомъ выговорилъ онъ,—то дитя, о которомъ она писала мнѣ передъ смертью?

Жюли кивнула головой.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать девять.

— Ей было тридцать два, когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ.

Наступило молчаніе. Жюли взяла его руку и поцѣловала. Онъ не обратилъ вниманія.

— Вы знаете... что я собирался ѣхать къ ней... что я бы, вѣроятно еще засталъ ее,—онъ давился каждымъ словомъ—еслибъ самъ опасно не захворалъ?

— Знаю. Я все помню.

— Она говорила обо мнѣ?

— Не часто. Вы помните, она вообще была очень замкнутый человѣкъ. Но незадолго до ея смерти—я слышала, какъ она разъ—въ полузабытьи—выговорила: «Папа!—Бланшъ!»—и улыбнулась.

Лицо лорда Лэкинтонъ исказилось судорогой; въ глазахъ его стояли медлившія скатиться старческія слезы.

— Въ васъ есть сходство съ ней,—сказалъ онъ рѣзко, какъ-бы стараясь скрыть свое волненіе,—не очень большое.

— Она всегда находила, что я похожа на васъ.

Лицо старика омрачилось. Жюли поднялась съ колѣнъ и сѣла рядомъ съ нимъ. На нѣсколько минутъ онъ весь ушелъ въ свои горестныя воспоминанія, потомъ вдругъ обернулся къ ней.

— Вы, конечно, дивились, какъ я могъ быть такъ жестокъ, какъ я могъ цѣлыхъ семнадцать лѣтъ не видаться съ ней?

— Да, нерѣдко. Вы могли бы видаться съ нами такъ, что никто бы этого не зналъ. Мама очень любила васъ...

Голосъ ея былъ тихъ и печаленъ. Лордъ Лэкинтонъ всталъ, безцѣльно вертя въ рукахъ какую-то куколку съ камина, потомъ обернулся къ ней и тѣмъ же сдавленнымъ голосомъ выговорилъ:

— Она внесла безчестье, а въ нашемъ роду женщины были всегда безупречны. Но это я могъ бы простить. Съ теченіемъ времени я возобновилъ бы съ ней отношенія,—личныя отношенія. Но на дорогѣ у меня стоялъ вашъ отецъ. Я былъ тогда задоренъ и горячъ, да и теперь таковъ, вы видѣли, какъ я разговаривалъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ? Такой ужъ я уродился,—онъ задорно выпрямилъ станъ,—ничего не могу съ этимъ подѣлать. Я много тружусь, чтобъ овладѣть предметомъ, но зато потомъ ужъ крѣпко держусь своихъ мнѣній и въ спорѣ совершенно не владѣю собой. Вашъ отецъ также былъ вспыльчивъ. Разъ онъ пришелъ ко мнѣ, съ моего разрѣшенія, уже послѣ того, какъ ваша мать бросила мужа, чтобы попытаться какъ-нибудь сговориться. Тогда было время чартизма. Онъ былъ радикалъ съ самыми крайними взглядами. Разговоръ взволновалъ его; онъ вспыхнулъ, какъ порохъ, задѣлъ меня. Я взбѣсился и отвѣтилъ ему тѣмъ же. Мы страшно разсорились, наговорили другъ другу такихъ дерзостей, которыя не забываются, и разстались врагами на всю жизнь. Потомъ я уже не могъ заставить себя встрѣтиться съ нимъ или хотя бы даже рискнуть встрѣчей. Пока онъ былъ живъ, ваша мать держала его сторону и отстаивала его взгляды. Послѣ же его смерти—такъ я предполагаю,—она была слишкомъ горда и слишкомъ горевала о своей утратѣ, чтобы написать мнѣ. Я писалъ ей разъ, но не такъ, какъ бы слѣдовало. Она не отвѣчала, пока не почувствовала приближенія кончины. Вотъ объясненіе тому, что, безъ сомнѣнія, должно было казаться вамъ страннымъ.

Онъ почти съ мольбою поднялъ на нее глаза. Густая краска смѣнила на его щекахъ блѣдность, вызванную первымъ волненіемъ, словно передъ призраками былой любви и смерти и горя старая ссора изъ-за политическихъ убѣжденій показалась вдругъ такою пустою и ничтожною, и ему стало стыдно.

— Нѣтъ,—печально сказала она,—не очень страннымъ. Я понимала отца, моего дорогого отца.—Въ голосѣ ея звучала глубокая нѣжность.

Лордъ Лэкинтонъ съ минуту помолчалъ, затѣмъ устремилъ на нее острый, проницательный взглядъ.

— Вы въ Лондонѣ уже три года. Вамъ слѣдовало сказать мнѣ раньше.

Теперь Жюли покраснѣла въ свою очередь.

— Леди Генри взяла съ меня слово молчать.

— Леди Генри была неправа!—воскликнулъ онъ горячо и приба-

вилъ, съ оттѣнкомъ обычной своей раздражительности:—кто еще былъ посвященъ въ эту тайну?

— Всего четыре человѣка, прежде всего, конечно, герцогиня. Я не могла этого не сдѣлать,—жалобно оправдывалась она,—я была такъ несчастна у леди Генри!

— Вы должны были придти ко мнѣ. Это было мое право.

— Но,—она опустила голову,—вы поставили условіемъ, чтобы я не безпокоила васъ.

Онъ смолкъ и снова облокотился на каминную доску, спрятавъ лицо въ ладоняхъ. Затѣмъ, словно по тайному знаку, оба они обернулись. Жюли встала и подошла къ нему; онъ положилъ ей руки на плечи. Съ своимъ обычнымъ чутьемъ ко всему романическому и милому, онъ не могъ не замѣтить ея серьезной поэтической красоты. Волненіе смягчило все, что было рѣзкаго въ ея лицѣ, растроганное, это лицо было очаровательно. Съ какой-то странной гордостью онъ узнавалъ въ немъ черты своей дочери и своего рода.

— Дитя моей Розы!—выговорилъ онъ мягко и, наклонившись, поцѣловалъ ее въ лобъ. Она разрыдалась, припавъ головой къ его плечу; старикъ успокаивалъ и утѣшалъ ее *).

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) Романъ этотъ, печатающійся въ «Harper's Magazine», не законченъ въ текущемъ году, вслѣдствіе чего и намъ приходится перенести продолженіе его на будущій годъ. Всѣ новые подписчики получатъ начало по первому требованію безплатно. *Ред.*

У МОРЯ.

I.

Посмотри: надъ той горою
Звѣзды факелы зажгли,
И отъ скалъ сѣдыхъ туманы
Опустились до земли.

* * *

Тишина, и сонъ, и нѣга
И торжественный покой,
А вдали гремитъ и ропщетъ
Моря гнѣвнаго прибой.

* * *

Что жь онъ плачетъ, негодуя,—
Иль завидуетъ землѣ,
Иль цвѣты отнять онъ хочетъ
Задремавшіе во мглѣ?

II.

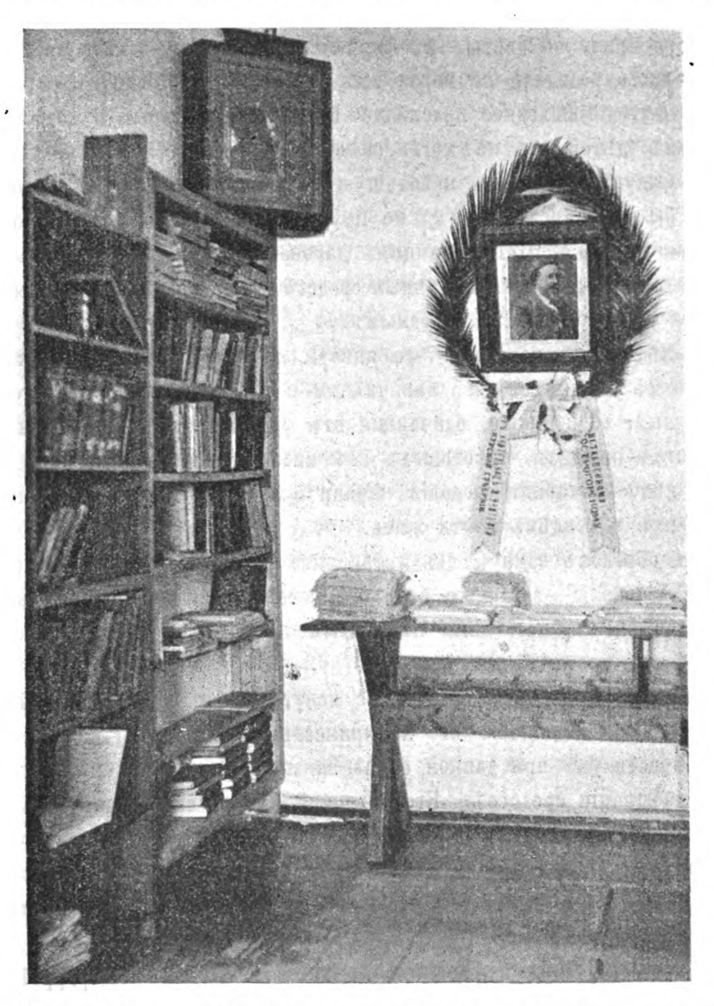
Море дремлетъ. Тишь нѣмая.
Серебристый лучъ луны
Отражается, играя,
На поверхности волны.
Море дремлетъ... А давно-ли—
Подъ грозой возмущено,
Съ ревомъ гнѣва, съ жаждой воли
Волновалося оно,
И валы его бѣжали,
Какъ полки на берега,
И угрюмо отражали
Скалы грознаго врага?
Вновь все тихо,—долъ и горы,
И умолкшіе лѣса,
Звѣздъ таинственные хоры
Говорятъ про чудеса;
И невольно звуки рая,
Грезой странною полны,
Волны слушаютъ, качая
Лучъ трепещущій луны.

Вл. Ладыженскій.

Школа В. П. Острогорскаго въ Волдаѣ.

Безплатная школа Виктора Петровича Острогорскаго въ г. Валдаѣ.

Покойнымъ редакторомъ нашего журнала В. П. Острогорскимъ была основана начальная школа для мальчиковъ и дѣвочекъ въ г. Валдаѣ, гдѣ про-



Уголъ безплатной библіотеки имени Пушкина, съ портретомъ В. П. Острогорскаго.

водилъ онъ обыкновенно лѣтніе мѣсяцы въ своемъ небольшомъ деревянномъ домѣ, купленномъ имъ 10 лѣтъ тому назадъ. Лѣтній отдыхъ покойнаго В. П. не былъ обычнымъ отдыхомъ занятыхъ людей, бросающихъ на мѣсяцъ—на два свои дѣла, занятія, уроки и посвящающихъ это короткое время дѣйствительному отдохновенію отъ зимней работы,—онъ и отдыхая работалъ. Проводя каникулы нѣсколько лѣтъ подрядъ въ маленькомъ глухомъ городкѣ Валдаѣ, отстоявшемъ тогда еще 40 верстъ отъ Николаевской желѣзной дороги, онъ видѣлъ, чего недостаетъ этому бѣдному уголку: недоставало ему просвѣщенія, и онъ старался со своею обычною любовью и горячностью сдѣлать все, что могъ.

Онъ видѣлъ, что бѣднѣйшее городское населеніе не въ состояніи давать даже самаго элементарнаго обученія своимъ дѣтямъ, десятки дѣтей школьнаго возраста проводили время на улицахъ, не имѣя возможности посѣщать школу, такъ какъ городскія школы, мужская и женская, хотя и берутъ самую ничтожную плату—2 р. въ годъ (женская даже и совсѣмъ безплатная), но дѣти должны быть прилично одѣты, въ форменныя платья, и имѣть свои учебныя пособія, а этого родители не могли имъ доставить по бѣдности.

Вотъ это-то безвыходное положеніе бѣдняковъ, которые и хотѣли бы поучить своихъ дѣтей, да не могли, и обратило на себя вниманіе покойнаго В. П. Онъ задумалъ открыть небольшую начальную школу, въ которой дѣти не только бы обучались даромъ, но получали бы и всѣ учебныя пособія — книги, бумагу, перья. Этотъ принципъ дарового обученія онъ провелъ въ своей школѣ и открылъ ее на свои личныя средства, въ своемъ небольшомъ домикѣ, который на зиму оставался свободнымъ.

Шесть лѣтъ тому назадъ, 7-го января 1896 г. безплатная школа была открыта съ 25 учащимися—15 мальчиками и 10 дѣвочками. Что это были за дѣти—грязныя, оборванныя, одичавшія отъ уличной жизни! Сразу же явилась новая забота—пріодѣть нѣкоторыхъ изъ нихъ, обстричь, обмыть, а у нѣкоторыхъ изъ нихъ домашнія условія жизни оказались настолько ужасны, что привелось ихъ и совсѣмъ взять жить.

Такимъ образомъ сама жизнь установила рамки, въ которыя уложилась и жизнь новой школы—всѣ дѣти безъ исключенія пользовались даровымъ обученіемъ и учебными пособіями, нѣкоторыя получали и кое-какую одежду, а нѣкоторыя еще кровъ и пищу.

Предстоящій расходъ на школу не испугалъ ея основателя: онъ видѣлъ, что иная постановка школы его не принесетъ той пользы, какую можетъ и должна принести она при данной самою жизнью программѣ, и энергично принялся за добываніе средствъ. Его обычный учительскій заработокъ былъ не такъ великъ, чтобъ онъ могъ много удѣлять изъ него на свое новое и любимое дѣтище, и онъ задумалъ прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій, сборъ съ которыхъ пошелъ бы на содержаніе школы. Въ 1897 году онъ прочелъ 8 лекцій объ искусствѣ въ Петербургѣ въ Соляномъ Городкѣ, въ 1898 г. въ январѣ 3 лекціи объ искусствѣ въ Москвѣ, въ томъ же году въ Петербургѣ въ мартѣ 2 лекціи о Бѣлинскомъ и въ 1899 г. лекцію «наканунѣ столѣтія» о Пушкинѣ въ Петербургѣ. Всѣ эти лекціи читалъ онъ пополамъ — въ Петербургѣ

въ пользу подвижного музея учебныхъ пособій просвѣтительнаго учрежденія, возникшаго также по частной инициативѣ, въ Москвѣ въ пользу московскаго общества грамотности. Лекціи дали В. П. около 2.000 рублей, которыя и пошли почти цѣликомъ на содержаніе школы.

Единичное начинаніе покойнаго В. П. встрѣтило горячую поддержку со стороны его друзей, бывшихъ учениковъ и вообще лицъ, сочувствующихъ его благому дѣлу. Явились пожертвованія деньгами, книгами, учебными пособіями, вещами, старыми платьями, которыя перешивались и передѣлывались для дѣтей.

Въ первые два года существованія, содержаніе школы обходилось въ 600 р. въ годъ, помѣщалась она въ томъ домѣ, гдѣ лѣтомъ жилъ самъ В. П., но со второго же года стала сказываться тѣснота помѣщенія — больше 25 человѣкъ помѣстить въ школѣ не было никакой возможности, и приходилось отвѣчать отказомъ на неотступныя просьбы родителей принять ихъ дѣтей. Отказы эти были очень тяжелы и больно было видѣть, какъ завистливо смотрѣли глазенки непринятаго въ школу ребенка на своего болѣе счастливаго товарища, съ гордостью возсѣдавшаго на школьной партѣ. Три года помѣщалась школа въ собственномъ домѣ В. П., и желаніе и необходимость расширить ее заставили его рѣшиться на пріобрѣтеніе дома спеціально для школы. Денегъ на постройку новаго зданія у него не было и онъ купилъ съ переводомъ долга въ тульскомъ поземельномъ банкѣ каменный домъ въ центрѣ города и въ 1899—1900 учебномъ году школа была переведена въ новое помѣщеніе. Новое помѣщеніе дало возможность принять большее количество учениковъ, которое сразу возросло до 60 человѣкъ, и В. П. радовался, глядя на ростъ своей школы, и надѣялся, конечно, что трудясь, какъ и раньше, не жалѣя силъ и средствъ, онъ въ состояніи будетъ поддерживать свою школу и постепенно выкупитъ и самый домъ.

Расходъ на расширившуюся школу значительно возросъ, надо было думать о добываніи лишнихъ средствъ, и тутъ-то В. П. окончательно убѣдился, что любимое имъ, затѣянное имъ однимъ дѣло встрѣтило полное сочувствіе въ обществѣ, и близкіе ему люди задумали оказать ему не единоличную и единовременную помощь, а организовать помощь постоянную, прочную, обезпечивающую и въ будущемъ положеніе его школѣ. 13-го октября 1899 г. исполнялось 35-ти-лѣтіе педагогической дѣятельности В. П. Этимъ обстоятельствомъ рѣшили воспользоваться его друзья—привести въ исполненіе давно задуманную мысль основать общество попеченія о безплатной школѣ въ Валдаѣ. 13-го октября кружокъ близкихъ В. П. лицъ собрался у него на квартирѣ и поднесъ ему адресъ слѣдующаго содержанія:

«Дорогой Викторъ Петровичъ! Исторія вашего учительства, которому исполняется сегодня 35 лѣтъ, полна свѣтлыхъ страницъ. Въ теченіе всей вашей жизни вы стремились послужить, насколько это въ силахъ одного человѣка, образованію родной страны, и не только среднему, но и начальному, распространяющему свѣтъ въ широкія народныя массы. Еще не вступивъ оффиціально на учительское поприще, вы съ увлеченіемъ работали въ василеостровской безплатной школѣ; теперь по прошествіи многихъ лѣтъ, вашимъ любимымъ дѣ-

*

тищемъ является также народная школа въ Валдаѣ, созданная и поддерживаемая исключительно вашими трудами. Позвольте же, дорогой Викторъ Петровичъ, и намъ принять участіе въ вашихъ заботахъ объ этой школѣ учрежденіемъ о ней Попечительства. Кружокъ вашихъ бывшихъ ученицъ, учениковъ вашихъ искреннихъ друзей очень желалъ бы помочь вамъ въ этомъ свѣтломъ и трудномъ дѣлѣ. Мы искренно желаемъ, чтобы оно росло и развивалось и надѣемся, что дальнѣйшее существованіе школы будетъ обезпечено, такъ какъ она близка намъ уже потому, что тѣсно связана съ именемъ Виктора Петровича Острогорскаго».

Больше 40 подписей близкихъ Виктору Петровичу лицъ было на этомъ адресѣ.

Эта мысль объ основаніи общества какъ нельзя болѣе отвѣчала задушевному желанію самого Виктора Петровича, которое мы и видимъ въ напечатанномъ послѣ его смерти письмѣ, написанномъ имъ еще въ первые годы существованія его школы. Въ немъ онъ обращается къ своимъ друзьямъ и бывшимъ ученикамъ, прося поддержать его школу, когда его уже не будетъ въ живыхъ. Тѣмъ болѣе для него дорого и пріятно это выраженное его друзьями желаніе упрочить его школу еще при его жизни; это неожиданное имъ выраженіе сочувствія до глубины души тронуло его; его задушевное желаніе, которое онъ повѣрилъ только бумагѣ и осуществленіе котораго могло совершиться только въ будущемъ, когда его самого уже не будетъ на свѣтѣ, принимало реальную форму.

Друзья Виктора Петровича дѣятельно принялись хлопотать объ утвержденіи устава новаго общества; былъ выработанъ проектъ его и, пройдя всѣ необходимыя инстанціи, наконецъ, черезъ 2 года послѣ возникновенія мысли о попечительствѣ, уставъ его былъ утвержденъ, и 20-го октября 1901 года было первое общее собраніе *«Общества попеченія о безплатной школѣ Виктора Петровича Острогорскаго въ г. Валдаѣ, Новгородской губерніи»*.

Какъ радовался Викторъ Петровичъ, какъ мечталъ онъ, работая совмѣстно съ обществомъ, прочно поставить свою школу и обезпечить ея будущность! Не думалъ онъ, что меньше чѣмъ черезъ ½ года неожиданная смерть прервегъ его труды и забота о его школѣ, его любимомъ дѣтищѣ послѣднихъ лѣтъ, ляжетъ всецѣло на только что возникшее общество.

Въ настоящее время школа Виктора Петровича переживаетъ очень важный моментъ своего существованія: послѣ смерти своего основателя, въ теченіе пяти слишкомъ лѣтъ содержавшаго школу исключительно на свои средства и бывшаго единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за нее, она переходитъ теперь въ вѣдѣніе общества попеченія о школѣ, на которое ложится и нравственная, и матеріальная отвѣтственность. Общество, конечно, хорошо знакомо съ намѣреніями и желаніями покойнаго основателя школы и будетъ держаться тѣхъ же принциповъ, которые проводилъ онъ въ своей школѣ, но многія лица, хотя и знавшія В. П., не сталкивались близко съ нимъ на этомъ любимомъ имъ дѣлѣ, и съ ними-то хотѣлось бы намъ подѣлиться тѣми свѣдѣніями, которыя имѣемъ сами объ интересующемъ насъ вопросѣ о школѣ Виктора Петровича. Онъ часто

оворилъ о ней, обдумывалъ и обсуждалъ разныя мѣры для улучшенія школы и дѣлился съ нами своими думами и мечтами.

Первое, что онъ ставилъ безусловно необходимымъ въ начальной школѣ— это *безплатное* совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ и снабженіе даромъ учениковъ книгами и учебными пособіями. Бѣдные, часто нищіе родители, отпускающіе своихъ дѣтей голодными въ школу, конечно, не могутъ снабжать ихъ учебными вещами, и это не должно задерживать поступленія ихъ въ училище. Этого принципа В. П. твердо держался за все время существованія его школы, хотя увеличившееся больше чѣмъ вдвое количество учениковъ потребовало и значительныхъ издержекъ.

Обдумывая программу, которую подавалъ онъ при просьбѣ о разрѣшеніи ему открыть начальную школу, онъ включилъ въ нее и обученія ремесламъ, придавая имъ двоякое значеніе: во-первыхъ, дѣти,обучаясь какому-либо доступному ихъ возрасту ремеслу, пріобрѣтають навыкъ обращаться съ инструментами, сосредоточивать свое вниманіе на работѣ, пріучаются къ аккуратности и чистотѣ и если даже не изучатъ мастерства основательно, этотъ навыкъ къ работѣ поможетъ имъ впослѣдствіи и при занятіи другимъ ремесломъ; во-вторыхъ, родители охотнѣе оставляютъ своихъ дѣтей въ школѣ на болѣе долгій срокъ, когда знаютъ, что ребенокъ ихъ учится чему-нибудь «полезному», кромѣ науки, которая, по мнѣнію большинства изъ нихъ, можетъ свободно считаться оконченной къ 11—12 годамъ, когда ребенокъ достаточно хорошо научился читать и писать и получилъ «льготу», а для дѣвочки требуется и того меньше: вѣдь ей въ солдаты не идти!

Это же соображеніе удержать дѣтей подольше въ школѣ и заставило покойнаго основателя просить о разрѣшеніи 2-хъ-классной школы съ пятилѣтнимъ курсомъ, по программѣ нѣсколько расширенной сравнительно съ обычнымъ курсомъ 2-хъ-классной сельской школы. Пятилѣтнее пребываніе дѣтей въ школѣ съ 8—9-ти-лѣтняго возраста и выполненіе разрѣшенной программы могло бы дать довольно законченный для первоначальнаго образованія кругъ познаній кончающему курсъ и выпустить его изъ школы не 11—12-ти-лѣтнимъ ребенкомъ, который только что становится способенъ и подготовленъ къ болѣе серьезнымъ занятіямъ, а 13—14 ти-лѣтнимъ подросткомъ, которому послѣдніе 2 года пребыванія въ школѣ дадутъ достаточный запасъ знаній, пріучатъ къ болѣе осмысленному чтенію и серьезному отношенію къ труду. Это пятилѣтнее пребываніе ученика въ школѣ поможетъ ему поддержать связь со школой, дастъ возможность обращаться въ школу и въ дальнѣйшей его жизни за книгами, за совѣтами и, такимъ образомъ, у него не явится впослѣдствіи отрицательнаго отношенія къ школѣ и ея наукѣ, какъ къ чему-то лишнему, тяжелому въ свѣтлые годы дѣтства, къ чему-то такому, что не нужно и не приложимо въ дальнѣйшей жизни. Напротивъ, въ дальнѣйшей жизни рабочаго человѣка пребываніе въ школѣ навсегда должно остаться лучшимъ воспоминаніемъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, большею частью суровыхъ по семейнымъ условіямъ нашего мѣщанскаго и крестьянскаго быта. Безобразія пьянаго отца, побои, колотушки и ворчанье измученной непосильнымъ трудомъ матери, скучное нянь-

ченье грудныхъ дѣтей, пища — зачастую одинъ черный хлѣбъ за весь день — вотъ обычныя условія за рѣдкими исключеніями, при которыхъ растетъ ребенокъ въ нашихъ городскихъ бѣдныхъ мѣщанскихъ семьяхъ, и среди этихъ условій школа, въ которую онъ бѣжитъ охотно, является свѣтлымъ лучомъ.

Необходимымъ пятилѣтній курсъ признавалъ В. П. еще и потому, что только въ двухъ послѣднихъ классахъ дѣти могутъ хорошо освоиться съ ремесломъ. 10—11-ти-лѣтній ребенокъ—возрастъ обычный для 3-го отдѣленія начальной школы—не можетъ исполнять тѣхъ работъ, которыя по силамъ 13—14-ти-лѣтнему подростку.

Но открыть 2-й классъ при жизни В. П. не удалось: на это нужны были лишнія средства, которыхъ не было. Въ будущемъ В. П. надѣялся непремѣнно открыть этотъ 2-й классъ, и поддержка со стороны общества попеченія о школѣ при личныхъ затратахъ В. П. давала ему основаніе думать и надѣяться привести въ исполненіе завѣтную мечту—приглашеніе второго учителя для старшаго отдѣленія, и мечту эту надѣялся онъ привести въ исполненіе съ наступившаго учебнаго года. Въ прошломъ году уже отчасти мысль его осуществлялась: въ теченіе года была помощница учителя, почему и было возможно открыть 4-е отдѣленіе, въ которомъ и было пока 5 человѣкъ.

Все же не оставляя мысли о полезности преподаванія ремесла, В. П. ввелъ съ 3-го года существованія школы ремесла, посильныя для учениковъ. Онъ остановился на *переплетномъ* мастерствѣ, которое представлялось возможнымъ и даже необходимымъ ввести по слѣдующимъ причинамъ: 1) книги—учебники, выдаваемые на руки дѣтямъ—трепались, рвались, а поправлять ихъ было некому, также точно какъ некому было переплетать и новые учебники и книги школьной библіотеки; 2) трудъ этотъ былъ по силамъ мальчикамъ 9—11 лѣтъ, и 3) переплетное мастерство не требовало большихъ расходовъ какъ по пріобрѣтенію инструментовъ, такъ и по платѣ учителю ремесла. Обучать переплетному мастерству былъ приглашенъ подмастерье, только что вышедшій изъ ученья отъ мастера и въ то же время желавшій продолжать свое ученье, оконченное только начальною сельскою школой. В. П. помѣстилъ его въ старшее отдѣленіе городского училища, а послѣ уроковъ онъ приходилъ на нѣсколько часовъ въ школу и, переплетая самъ, обучалъ мастерству и желающихъ учениковъ. Получалъ онъ за это 5 р. жалованья въ мѣсяцъ. Въ настоящее время онъ кончилъ курсъ городского училища, получилъ мѣсто сельскаго учителя и уѣхалъ изъ Валдая, а мѣсто его заступилъ уже ученикъ его по ремеслу, братъ его, кончившій курсъ въ безплатной школѣ и въ настоящее время тоже учащійся въ городскомъ училищѣ. Такимъ образомъ, опытъ введенія переплетнаго мастерства оказался удачнымъ и теперь нѣсколько старшихъ учениковъ школы уже самостоятельно могутъ сдѣлать простой переплетъ.

Опытъ съ сапожнымъ ремесломъ оказался менѣе удачнымъ: въ виду его несомнѣнной пользы въ будущемъ, гдѣ бы ни оказался знающій это мастерство, В. П. рѣшилъ пріобрѣсти необходимые инструменты и пригласить опытнаго мастера; но сапожное ремесло оказалось не по силамъ дѣтямъ, самостоятельно никто изъ нихъ не могъ довести работы до конца, а между тѣмъ, затратъ оно

требовало гораздо большихъ, чѣмъ переплетное, почему черезъ годъ и было оставлено.

Присматриваясь къ условіямъ окружающей жизни, думая, какъ бы улучшить будущій домашній бытъ своихъ учениковъ и учениць, В. П. остановился на мысли ввести въ своей школѣ преподаваніе садоводства и огородничества. Эта отрасль хозяйства въ Валдаѣ находится въ примитивномъ состояніи; несмотря на то, что почти при каждомъ самомъ бѣдномъ домишкѣ есть клочокъ земли, обрабатывается онъ плохо и обычныя овощи—капуста и картофель. Составляя главную, да почти единственную пищу бѣднѣйшаго населенія, эти овощи, конечно, являются и необходимыми, но еслибъ приложить побольше умѣнья къ уходу за ними, они приносили бы и большій доходъ. Такъ какъ при школьномъ домѣ имѣется огородъ да въ распоряженіе школы могъ быть предоставленъ и садъ при собственномъ домѣ В. П., то онъ рѣшилъ ввести въ программу школы и занятія садоводствомъ и огородничествомъ. Не имѣя возможности пригласить садовника на свои средства, онъ обратился въ министерство земледѣлія съ просьбой о пособіи, и въ сентябрѣ 1900 г. было получено единовременное пособіе въ количествѣ 250 р. на пріобрѣтеніе необходимыхъ инструментовъ, устройство хорошаго парника и наемъ садовника. Все это было сдѣлано и съ весны 1901 года начались занятія дѣтей въ саду и огородѣ. Всѣ старшіе ученики и ученицы въ числѣ 25 человѣкъ пожелали заниматься этимъ дѣломъ и очень усердно работали все лѣто и осень. Несомнѣнно, если эти занятія будутъ вестись правильно, если школа будетъ получать пособіе на наемъ опытнаго садовода, то эта отрасль труда привьется въ школѣ и принесетъ пользу, хотя и здѣсь привелось В. П. столкнуться съ то жею причиной, тормозящей успѣхъ дѣла—малымъ возрастомъ учениковъ—и еще разъ подтверждающей основательность желанія покойнаго В. П., чтобы курсъ былъ пятилѣтній.

Какъ видимъ, не мало передумалъ В. П. о судьбѣ школы и самихъ будущихъ учениковъ. Обычныя занятія дѣвочекъ рукодѣліемъ велись и ведутся въ школѣ съ перваго года ея существованія, но и эти занятія требуютъ отъ учениць болѣе старшаго возраста, чтобы сдѣлать изъ нихъ мастерицъ.

Со стороны учебныхъ пособій безплатная школа обставлена прекрасно: въ ней очень много всевозможныхъ наглядныхъ пособій: картины по Закону Божію, историческія, географическія, по зоологіи и ботаникѣ, атласы, географическія карты, большой глобусъ, гербарій, коллекціи по минералогіи, энтомологіи, спиртовые препараты безпозвоночныхъ животныхъ и рыбъ, микроскопъ, волшебный фонарь и картины къ нему, все это даетъ возможность придать большій интересъ при бесѣдахъ съ дѣтьми по священной исторіи и объяснительномъ чтеніи статей по исторіи, географіи и естествознанію. Есть при школѣ и дѣтская и учительская библіотеки, достаточно полныя для начальной школы: 540 книжекъ въ дѣтской и около 100 томовъ въ учительской библіотекѣ. Обѣ библіотеки по возможности пополнялись В. П. постоянно. Такъ полно и хорошо обставить свою школу со стороны наглядныхъ пособій и библіотекъ В. П. невозможно было исключительно на свои средства; здѣсь на помощь

пришли ему лица, сочувствующія его благому начинанію, и большая часть пособій пожертвована.

Невольно является вопросъ, во что же обошлось содержаніе школы за все время существованія ея основателю и есть ли какіе уже видимые результаты его трудовъ и денежныхъ затратъ?

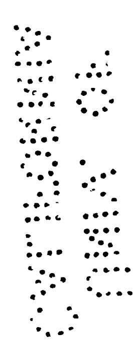
Открытая въ январѣ 1896 г. школа содержалась лично В. П. до октября 1901 г., когда открывшееся къ этому времени общество попеченія о школѣ стало оказывать ему ежемѣсячную денежную помощь. Денежная помощь со стороны сочувствующихъ школѣ лицъ составляетъ за это время 518 р. Лекціи прочтенныя В. П. за эти годы дали 1.795 р. и изъ своихъ личныхъ средствъ онъ тратилъ въ среднемъ по 50 р. въ мѣсяцъ, такъ что за всѣ эти пять слишкомъ лѣтъ истрачено на школу больше 5.500 р Цифра не малая, особенно если принять во вниманіе, что эти 5.500 р. пріобрѣтены однимъ человѣкомъ, составляютъ его личный заработокъ уроками, лекціями, литературнымъ трудомъ. Много потрудился покойный В. П. и никогда не жаловался, чтобы ему тяжело было трудиться для этой цѣли; онъ никогда не ограничивался одними словами, и то, что онъ говорилъ объ общественныхъ обязанностяхъ человѣка, онъ приводилъ въ исполненіе, насколько могъ. Единственное, что безпокоило его всегда, это—необезпеченность школы въ будущемъ, послѣ его смерти, такъ какъ у него не было капитала, который могъ бы онъ оставить для ея поддержанія.

Какой же осязаемый результатъ этихъ большихъ трудовъ и затратъ? Судить о немъ можно пока только по окончившимъ курсъ школы ученикамъ и ученицамъ и при настоящемъ положеніи. Въ теченіе этихъ лѣтъ было 4 выпуска учениковъ, получившихъ свидѣтельство на льготу 4-го разряда, и ученицъ, получившихъ свидѣтельсто объ окончаніи начальной школы. Всѣхъ окончившихъ курсъ 31, изъ нихъ 19 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ. В. П. заботился и о дальнѣйшей судьбѣ своихъ питомцевъ; одного мальчика онъ опредѣлилъ въ Григорьевскую земскую сельско-хозяйственную школу въ Новгородѣ на стипендію отъ валдайскаго уѣзднаго земства; другого помѣстилъ на свой счетъ въ студеницкую школу садоводства въ Москвѣ (послѣ его смерти мальчикъ переведенъ на казенную стипендію); шестеро поступили въ городское училище; двое отданы родителями въ ученье къ сапожнику, остальные занимаются ремесломъ своихъ отцовъ. Большинство изъ дѣвочекъ поступило въ ученье къ портнихамъ. Это послѣднее обстоятельство очень озабочивало В. П.; ему хотѣлось въ школѣ обучать дѣвочекъ кройкѣ и шитью, мастерству необходимому всегда и вездѣ для дѣвушки, какъ будущей матери и хозяйки, но на это тоже нужны были лишнія средства.

Тѣ изъ окончившихъ курсъ учениковъ и ученицъ, которые остались въ Валдаѣ, поддерживаютъ связь со школой, приходя на чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, устраиваемыя въ школѣ, на елку и беря книги изъ библіотеки. Большинство изъ нихъ любитъ читать.

Еще была у В. П. одна забота, связанная со школой, это тяжелое, часто невыносимое семейное положеніе дѣтей бѣдняковъ. Не говоря уже о вѣчной

Ученики и ученицы школы В. П. Острогорскаго съ о. законоучителемъ и учительницей.



брани, побояхъ, грязи, отсутствіи необходимой одежды, больнѣе всего видъ голодныхъ дѣтей. Многія изъ нихъ приходятъ въ школу съ кускомъ чернаго хлѣба, который и служитъ имъ пищей на весь день. Нѣсколько человѣкъ получали въ школѣ обѣдъ, а двое и жили въ школѣ, спасаясь отъ домашнихъ побоевъ. Конечно, лучше всего было бы для такихъ обездоленныхъ судьбою устроить общежитіе, но для этого не было мѣста и опять-таки средствъ.

Мы обрисовали, насколько могли полно, положеніе школы при жизни В. П. и напомнили о его желаніяхъ и планахъ. Въ настоящее время школа принадлежитъ попечительству, которое также не имѣетъ еще опредѣленныхъ средствъ для ея содержанія. Обычные источники доходовъ—членскіе взносы, устройство благотворительныхъ вечеровъ и концертовъ, а также посильныя пожертвованія, зависятъ отъ сочувствія общества, которое, надо надѣяться, отзовется на нужды школы, созданной трудами такой свѣтлой личности, какою былъ покойный редакторъ нашего журнала.

Въ нынѣшнемъ учебномъ году въ школѣ 47 учениковъ—30 мальчиковъ и 17 дѣвочекъ. Учительскій персоналъ состоитъ изъ законоучителя и учительницы; ежемѣсячный расходъ на школу 80 рублей.

Будемъ думать, что то обаяніе, которымъ вѣяло отъ всей личности покойнаго Виктора Петровича Острогорскаго, не скоро забудется, и любимое дитя его послѣднихъ годовъ, его валдайская школа, не будетъ забыто обществомъ, для котораго всю жизнь свою работалъ на литературномъ и педагогическомъ поприщѣ этотъ рѣдкій по своимъ душевнымъ качествамъ человѣкъ.

Въ пользу безплатной школы имени В. П. Острогорскаго въ г. Валдаѣ, съ 20-го октября по 20-е ноября черезъ редакцію «Міръ Божій» поступило:

Отъ членовъ Педагогическаго Отдѣленія Рижскаго Литературнаго кружка	20 р. —
Отъ группы почитателей покойнаго В. П. Острогорскаго черезъ учителя г. Подарина	20 р. —
Отъ Елены Давыдовой	2 р. —

Всего (съ прежде поступившими съ 1-го мая по 20-е октября)—668 р. 41 к.

Прим. Помѣщенные при настоящей статьѣ виды школы и ея учениковъ—сняты почтеннымъ Алексѣемъ Гавриловичемъ Тихомировымъ, мѣстнымъ любителемъ-фотографомъ, которому редакція приноситъ за его любезный трудъ искреннюю благодарность. *Ред.*

Въ поискахъ за міросозерцаніемъ.

(Paul Bourget: «L'étape».—Eugène Fournière: «L'âme de demain»).

«L'interrogation ne se taira jamais: le silence serait la mort même de la pensée...»

A. Fouillée: «L'avenir de la métaphysique».

Заглавіе новаго романа Поля Бурже—«Этапъ»—удачно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, оно какъ нельзя лучше выражаетъ основную идею романа—тотъ «этапъ», который переживаетъ въ наши дни Франція, специфическій моментъ ея настоящей духовно-нравственной эволюціи, и, во-вторыхъ, въ этомъ романѣ мы знакомимся, такъ сказать, съ *послѣднимъ этапомъ* самого автора, съ конечной стадіей его собственнаго духовнаго развитія *). Оригинальная особенность этого произведенія и состоитъ именно въ томъ, что авторъ его самъ пережилъ и переживаетъ ту умственную и нравственную смуту, которую онъ изображаетъ въ своемъ романѣ. Отсюда, правда, субъективный и тенденціозный характеръ, особенно ярко выразившійся въ этомъ произведеніи французскаго писателя: событія изображаются и характеры освѣщаются уже съ опредѣленной точки зрѣнія, перомъ художника руководитъ судья, глубоко вѣрующій въ правоту найденныхъ имъ, наконецъ, истинъ. Но надо быть слишкомъ ужъ наивнымъ, чтобы поддаться на субъективную удочку этого уже «форменнаго» художника нео-католицизма, какъ надо быть большимъ невѣжей въ философскомъ отношеніи, чтобы повѣрить метафизическимъ софизмамъ Брюнетьера, этого профессіональнаго философа того же направленія.

Поль Бурже и Фердинандъ Брюнетьеръ, художникъ и философъ, умѣло пользуются современной религіозной и моральной смутой въ интеллигентныхъ слояхъ Франціи для совращенія ищущихъ и недовольныхъ, алчущихъ и жаждущихъ новой правды въ свою нео-католическую, единственно-истинную и «совершенно согласную съ наукой» вѣру. Ихъ сила въ умѣніи опредѣленно отвѣчать на извѣстные тревожные вопросы, задаваемые человѣческой душой и не находящіе себѣ отвѣта въ многочисленной, но мало привлекательной и диссоли-

*) Авторъ самъ придалъ, ближайшимъ образомъ, иной смыслъ выбранному имъ заглавію: настаивая на особомъ значеніи семейныхъ традицій, онъ, также какъ и Барресъ въ своемъ романѣ объ «оторванныхъ отъ почвы» (les déracinés), стремится выяснить необходимость преемственной дѣятельности изъ поколѣнія въ поколѣніе даннаго рода. Однако,—и въ этомъ заключается конечная развязка романа Бурже,—переходы изъ одного класса общества въ другой возможны, когда семья, «оторванная отъ почвы», переживетъ нѣкоторый кризисъ, совершитъ необходимый *привалъ* въ пути (l'étape), и тогда, по мнѣнію автора, уже по праву сольется съ новымъ классомъ общества, въ который она пожелала вступить. Въ настоящемъ произведеніи авторъ и разсказываетъ исторію такого «привала» семьи крестьянина, во второмъ и третьемъ поколѣніяхъ, при переходѣ отъ земледѣльческаго сословія въ классъ буржуазіи. Теорія о «привалахъ» изложена авторомъ въ концѣ его романа и поражаетъ своей искусственностью и произвольнымъ примѣненіемъ. *Ред.*

дарной средѣ современныхъ французскихъ позитивистовъ и libre-penseur'овъ. Этимъ ограниченнымъ апостоламъ огюстъ-контовскаго закона трехъ «этаповъ» или трехъ стадій человѣческаго развитія не въ моготу оріентироваться въ самоновѣйшей стадіи умственной эволюціи европейскихъ обществъ, въ стадіи, получившей явно-метафизическій характеръ. Въ глазахъ однихъ изъ нихъ это новое духовное теченіе есть не болѣе, какъ послѣдствіе умственнаго атавизма, какъ явленіе реакціонное по самому своему существу; въ глазахъ другихъ метафизическія исканія современности—преходящее увлеченіе, дѣло моды, не заслуживающее серьезнаго вниманія. Этимъ господамъ трудно понять, что человѣческая душа не въ состояніи болѣе мириться съ тѣмъ узкимъ духовнымъ горизонтомъ, который предначертали ей философы буржуазіи, что ей нужны совершенно новыя нравственныя и общефилософскія перспективы.

На эти новые запросы времени откликнулся съ большимъ пониманіемъ—изъ той же среды—одинъ лишь Эмиль Золя, въ своей тріадѣ «Лурдъ»—«Римъ»—«Парижъ». Въ этихъ трехъ романахъ съ глубокой симпатіей изображается длин ный процессъ внутренней борьбы человѣка (аббата Пьера), усумнившагося не только во всемъ строѣ старыхъ религіозныхъ вѣрованій, но и въ правотѣ всей нашей традиціонной морали «любви къ ближнему», а также—что особенно знаменательно—въ правотѣ позитивистской доктрины «умственнаго воздержанія»... Передъ нами совершенно новый человѣкъ, радикально распростившійся съ традиціей, но и глубоко неудовлетворенный тѣмъ «пустымъ мѣстомъ», апостолами котораго были наиболѣе послѣдовательные позитивисты и «либръ-пансёры». «Его мучила,—читаемъ мы въ концѣ романа «Парижъ»,—проблема новой религіи, новой, для мира будущей демократіи необходимой, надежды»; но всѣ его мучительныя исканія не приводили къ положительнымъ результатамъ: онъ не находилъ синтеза, «примиряющаго великія истины науки съ неискоренимой потребностью человѣческой души въ Божественномъ».

Новый романъ Поля Бурже, «Этапъ», представляетъ собою крайній антиподъ по отношенію къ «Парижу» Золя. Несмотря на психологическое сходство главныхъ героевъ этихъ двухъ романовъ (оба они заняты религіозными исканіями), несмотря даже на сочувствіе автора «Парижа» къ этимъ исканіямъ своего героя, къ стремленіямъ его примирить религію и науку, во всемъ остальномъ каждая страница одного романа написана какъ бы съ спеціальной цѣлью опроверженія каждой страницы другого. Эмиль Золя зоветъ насъ къ будущему, окончательно распростившись съ авторитетомъ «Рима», считая недостаточными для полнаго обезпеченія общаго блага моральныя начала «милосердія» и «благотворительности», лежащія въ основѣ нравственной жизни современныхъ обществъ. «Римъ» одряхлѣлъ и не способенъ къ новой жизни, не смотря на всѣ его отчаянныя усилія и попытки къ ней приноровиться. Будущее принадлежитъ новой вѣрѣ, новому міросозерцанію и новой нравс твенности, въ основу которой будетъ положена строгая, но благотворная идея справедливости... Такъ думалъ, вѣрилъ и надѣялся авторъ «тріады» и новыхъ «четырехъ евангелій». Совсѣмъ иначе, въ противоположность Золя, вѣритъ и надѣется Поль Бурже. Устами одного изъ героевъ своего новаго романа,

Виктора Феррана, профессора философіи въ парижскомъ лицеѣ Генриха IV-го, онъ предаетъ анаѳемѣ все развитіе Франціи, начиная отъ конца восемнадцатаго вѣка. Викторъ Ферранъ—*традиціоналистъ* (любимое новое словечко автора), традиціоналистъ не только въ религіи, но и въ политикѣ. «Ложные принципы 89-го года» послужили, по его словамъ, причиною той соціальной и нравственной анархіи, которою болѣетъ и отъ которой грозитъ умереть Франція въ теченіе уже болѣе ста лѣтъ. Увлеченіе принципами свободы и равенства, «эгалитарная манія» есть не что иное, какъ l'erreur française, глубокое заблужденіе французской націи, питаемое антихристіанскимъ инстинктомъ гордости. «Всѣ эти законы, подъ сѣнью которыхъ мы живемъ вотъ уже сто лѣтъ,—говоритъ Ферранъ-Бурже,—законы, нивеллирующіе классовыя различія и облегчающіе индивиду непосредственное повышеніе, помимо семьи, эти законы не могутъ быть признаны здоровыми и благородными. Это законы гордости...» Заблужденіе современной эпохи есть также желаніе каждаго поколѣнія начать собою новое общество, horror traditiae, презрѣніе къ завѣтамъ прошлаго, нежеланіе жить «вмѣстѣ съ своими мертвыми». Отсюда безпочвенность современныхъ поколѣній, шаткость ихъ общественной и моральной жизни.

Вся проблема человѣческой жизни сводится, по мнѣнію Феррана-Бурже къ *проблемѣ семьи*. Но семья, для своего процвѣтанія, нуждается въ нравственномъ единствѣ рода, а слѣдовательно, въ майоратѣ, въ свободѣ завѣщательнаго права, въ безусловномъ авторитетѣ отцовской воли. «Семья, — говоритъ Бурже,—требуетъ признанія за мертвыми права на извѣстную долю активности у живущихъ. Это право прошедшаго должно имѣть своего наслѣдственнаго представителя: отсюда необходимость d'une famille royale и монархіи...»

Таковы завѣтныя идеи католическаго ученаго, Феррана, клерикала par excellence. Въ противоположность ему, Бурже выдвигаетъ типъ республиканца и libre-penseur'а, Жозефа Моннерона, тоже профессора, идеолога третьей республики, котораго авторъ изображаетъ намъ въ самыхъ лестныхъ чертахъ, но не въ благородныхъ цѣляхъ безпристрастія и объективности, а чтобы тѣмъ ярче изобразить практическую пагубность его идей и принциповъ. Жозефъ Моннеронъ, какъ личность, идеальный человѣкъ, le plus idéaliste des hommes, аскетическая натура, отказывающая себѣ во всемъ ради благополучія своей семьи и воспитанія дѣтей. Но при всей своей честности и самоотверженіи, ему не удалось основать счастливой семьи: за исключеніемъ одного лишь изъ своихъ сыновей, главнаго героя романа, Жана, всѣ остальныя его дѣти повыходили нравственными уродами и преступниками. И конечно, если ужъ даже у такого идеальнаго человѣка дѣти выросли морально свихнувшимися, то въ этомъ виноваты лишь его ложные принципы и неразумные методы воспитанія! Зловѣщее значеніе для него имѣло уже одно то обстоятельство, что, будучи сыномъ крестьянина одной отдаленной провинціи, Жозефъ, обладавшій съ дѣтства недюжинными способностями, порвалъ съ родной почвой, уклонился отъ родовой преемственности и сдѣлался интеллигентомъ. А по мнѣнію Поля Бурже, «личность не мѣняетъ безнаказанно своей традиціонной среды на другую, высшую», всякая оторванность отъ родной почвы, всякая *деклассиро-*

ванность влечетъ за собою глубокія нравственныя пертурбаціи», переходящія на второе и третье поколѣніе. Семья Моннерона, перенесенная на новую почву, при совершенно новыхъ условіяхъ жизни, не имѣла никакихъ прочныхъ корней, была «семьей импровизированной», безъ традиціи и «здоровой нравственной атмосферы». Вольнодумство профессора и неправильная педагогическая система довершили все остальное. Дѣтей своихъ онъ воспиталъ внѣ всякой религіи. «Я не признаю за собою права,—говорилъ онъ,—внушать существамъ, еще беззащитнымъ противъ первыхъ впечатлѣній, непровѣренныя гипотезы».

Жозефъ Моннеронъ—это чистый типъ современнаго французскаго «либръ-пансёра», завзятаго антиклерикала, страстно жаждущаго «écraser l'infâme». Посѣтивъ, напримѣръ, Пантеонъ, онъ передаетъ своему любимцу-сыну, Жану, слѣдующія свои размышленія, вызванныя въ немъ этимъ посѣщеніемъ:

— Мое убѣжденіе, все болѣе глубокое, что мы не разрушимъ церкви иначе, какъ лишь ее замѣщая. Надо, чтобы мы привыкли заимствовать у католиковъ ихъ празднества и стали праздновать ихъ въ тѣ же дни, но въ духѣ національномъ... Я хотѣлъ бы, чтобы республика также праздновала своихъ святыхъ, и именно 1-го ноября каждаго года, тѣхъ самыхъ, что лежатъ въ Пантеонѣ—Карно, Боденовъ, Гюго, Мишле...» Нравственному единству и благосостоянію націи препятствуетъ одинъ лишь клерикализмъ, вліяніе Рима. Тайны классовой и соціальной борьбы, раздирающей сердце Франціи, старому Моннерону недоступны. «Я не коллективистъ,—говоритъ онъ своему старшему сыну, Антоану, развратному скептику, подтрунивающему надъ идеализмомъ отца: я никогда не мѣнялъ своихъ убѣжденій относительно этого пункта. Моя хартія это—декларація правъ человѣка и гражданина, и подъ пунктомъ 17-мъ ея, гласящимъ: «Собственность есть право священное, ненарушимое», я всецѣло подписуюсь». Неимущимъ классамъ нечего-де, по существу, жаловаться на республику; послѣдняя предоставляетъ каждому одинаковое право голоса, возлагаетъ на каждаго одинаковыя обязанности. «Знатные или плебеи, милліонеры или бѣдняки, рабочіе или ученые, мы всѣ равны». На что, въ самомъ дѣлѣ, могутъ жаловаться неимущіе? Въ деньгахъ ли счастье? «Располагалъ ли я когда-либо экипажемъ, — поучаетъ онъ своего сына скептика, — и чувствовалъ ли я себя отъ этого хуже? Я ходилъ пѣшкомъ и не имѣю зато подагры, вмѣсто того, чтобы имѣть ее и всякія другія болѣзни людей богатыхъ, разъѣзжающихъ въ экипажахъ». Но кому непремѣнно нужны деньги, кто желаетъ обогатиться, пусть работаетъ: въ республикѣ все доступно каждому, какъ въ Америкѣ, гдѣ самые крупные милліонеры начали съ уличной продажи газетъ. Чѣмъ былъ Гамбетта? Сыномъ лавочника. Бюрдо? Сыномъ матроса. И что же? Не были ли они высшими сановниками государства? Не обитали ли они во дворцахъ, не сносились ли, именемъ Франціи, съ принцами и императорами на равной ногѣ? Не удостоились ли они національнаго погребенія?

— Я не велика птица, дѣти мои,— заключилъ Моннеронъ свою апологію республиканской Франціи въ присутствіи сыновей,—я много работалъ въ своей жизни, но есть чувство, которое постоянно поддерживало и ободряло меня

среди безпокойствъ, а именно, я чувствовалъ себя свободнымъ гражданиномъ свободной демократіи и не имѣлъ надъ собою никого, кого бы я не выбралъ свободно своимъ вотумомъ.

Эти и подобныя имъ слова, произносившіяся отцомъ тономъ глубокаго и искренняго убѣжденія, не находили въ себѣ, однако, отклика въ сердцахъ сыновей. Старшій изъ нихъ, Антуанъ, негодяй и шантажистъ, откровенно смѣялся надъ идеализмомъ отца. Второй сынъ, Жанъ, герой романа, давно уже задыхался въ тѣсныхъ рамкахъ того міросозерцанія, въ которомъ онъ былъ воспитанъ. Республиканизмъ отца его не удовлетворялъ; его антиклерикальныя увлеченія онъ считалъ односторонними. Со студенческой скамьи онъ сталъ интересоваться соціальными теоріями и мнилъ себя соціалистомъ. Къ тому времени во Франціи подоспѣло такъ называемое университетское движеніе, и онъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями, основалъ въ одномъ изъ рабочихъ предместьевъ Парижа «народный университетъ», названный имъ «l'Union Tolstoi». Но все это не могло заполнить пытливой души Жана. Его интересовалъ еще цѣлый рядъ вопросовъ общефилософскаго характера, на которые онъ тоже не находилъ отвѣта у своего отца. Къ послѣднему онъ даже не обращался со своими духовными запросами,—онъ боялся быть непонятымъ и къ тому же не хотѣлъ безъ нужды огорчать уважаемаго имъ и горячо любимаго старика. Въ молодой средѣ, гдѣ онъ вращался, онъ также не находилъ пониманія своихъ исканій. Единственный человѣкъ, внимательно прислушивавшійся къ его запросамъ, былъ Викторъ Ферранъ, въ дочь котораго, Брижитту, пламенную католичку, Жанъ былъ влюбленъ, встрѣтивъ у молодой дѣвушки взаимность своему чувству. Старикъ Ферранъ ничего не имѣлъ противъ ихъ брака, но категорически заявилъ жениху, что дочь свою отдастъ лишь вѣрующему и открыто исповѣдующему свою религію католику.

Въ такую атмосферу попалъ молодой юноша, съ сердцемъ, полнымъ смутныхъ метафизическихъ исканій, съ душой, заболѣвшей той трудною современною болѣзнью, той тоской по высшемъ пониманіи міра и дѣйствительности, которая обѣщаетъ въ будущемъ новое здоровье, новые нравственные и теоретическіе синтезы. Поль Бурже называетъ эту болѣзнь «nostalgie de Dieu», въ другомъ мѣстѣ менѣе удачно «les nostalgies chrétiennes», понимая подъ всѣмъ этимъ стремленіе къ прошлому, къ традиціи и ея основнымъ принципамъ. Формулы все болѣе или менѣе субъективныя, свидѣтельствующія, главнымъ образомъ, о тайныхъ желаніяхъ автора, о надеждахъ, питаемыхъ имъ, при видѣ вновь зарождающагося, смутнаго пока и неопредѣлившагося, философскаго броженія. Правда, страхъ передъ «пустымъ мѣстомъ», тяготѣніе къ новымъ философскимъ просвѣтамъ стали признакомъ времени не со вчерашняго дня. Еще недавно мы пережили эпоху усталаго мистицизма, собравшаго подъ свое знамя всѣхъ соскучившихся и разочарованныхъ, но неспособныхъ уже ни къ какому новому могущественному усилію идеологовъ буржуазіи. Новая историческая задача человѣческой мысли, творчество новой здоровой идеологіи, оказалась далеко не по силамъ духовнымъ представителямъ вырождающагося соціальнаго слоя. Слабый порывъ впередъ лишь отбросилъ ихъ, съ тѣмъ большей силой,

назадъ, въ міръ темныхъ предразсудковъ и фантастическихъ тѣней. Предъ нашими очами прошли жалкіе силуэты всякаго рода спиритовъ, маговъ, теософовъ необуддистовъ, озиристовъ и т. д.

Рядомъ съ ними мы видѣли людей болѣе степенныхъ, менѣе «увлекающихся» и тоже «возвращавшихся», если и не къ столоверченію, то къ «традиціи» со всѣми ея аксессуарами и послѣдствіями. Къ числу ихъ присталъ, какъ извѣстно, и Фердинандъ Брюнетьеръ, изобрѣвшій кощунственную формулу о «банкротствѣ науки». Но вербовать мистиковъ и декадентовъ этимъ академическимъ porte-parole «возрождающагося католицизма» не только не представляло большой трудности, но и представляло мало интереса. Опираясь съ изумительной ловкостью на явные промахи и дефекты позитивистской доктрины, эти патентованные апостолы нео—католицизма зароняютъ смуту въ малоинтеллигентныхъ или слишкомъ еще юныхъ головахъ новаго поколѣнія, рекомендуя себя передъ послѣднимъ въ качествѣ «истинныхъ представителей науки и философіи».

Большое преимущество этихъ господъ, что они чутко прислушиваются къ новымъ запросамъ и умѣло, съ большой эрудиціей спѣшатъ отвѣтить на нихъ, въ то самое время, какъ ихъ противники еще никакъ не могутъ опредѣлить своего отношенія къ этому новому «этапу» современной духовной жизни. На руку имъ также то обстоятельство, что нигдѣ такъ не тяжко пробивать новыя тропы, открывать новыя перспективы, какъ въ сферѣ нравственно-религіозной *). Отвлеченное мышленіе, синтетическія построенія и до сихъ поръ еще по плечу лишь очень немногимъ, и всякой попыткѣ создать новый положительный идеалъ грозитъ компромиссъ со старымъ или повтореніе, лишь на иной ладъ, все тѣхъ же отжившихъ и потускнѣвшихъ формулъ. «Возвращеніе вспять» къ какому-либо полупозабытому идолу или философскому «авторитету», истерическое увлеченіе какой-либо заплѣснѣвшей отвлеченной доктриной, какъ бы высоко ни было ея историческое значеніе, все это явленія обыкновенныя въ области нравственно-религіознаго творчества. Удивительно было бы, если бы всѣми этими моментами не воспользовалась могущественная духовная лейбъ-гвардія «Рима» и для достиженія своихъ интересовъ, для усиленія своего могущества...

Наглядной иллюстраціей къ только что сказанному является разсматриваемый нами романъ Бурже, въ особенности та часть его, гдѣ излагается исторія «обращенія» Жана въ католичество. Уже съ первыхъ страницъ романа Жанъ представляется намъ двуликимъ Янусомъ, съ душой, расколотой на двѣ части, изъ которыхъ одна преисполнена симпатіей «pour les utopies révolutionnaires», а другая завидуетъ «порядку и дисциплинѣ» католической церкви. Ему, непосредственно наблюдающему отвратительную междоусобную борьбу различныхъ

---

*) 24-го февраля 1902 г. обширный залъ народнаго университета въ С.-Антуанскомъ предмѣстьѣ Парижа былъ биткомъ набитъ самой разношерстной публикой среди которой преобладали все же рабочіе: говорилъ Фердинандъ Брюнетьеръ о «необходимости религіозной идеи». Несмотря на враждебное настроеніе большинства присутствовавшихъ по отношенію къ референту, рѣчь его и послѣдовавшіе горячіе дебаты были выслушаны съ поглощающимъ вниманіемъ.

партійныхъ фракцій, мелочную конкуренцію самолюбій и умственную анархію, царящую въ средѣ современной французской интеллигенціи, ему невольно импонировали цѣльность и желѣзная воля «Рима». Вокругъ себя онъ всюду открывалъ низменные мотивы, прикрывавшіеся громкими фразами, всюду натыкался на нескончаемыя пререканія и споры, не приводившіе ни къ чему иному, какъ лишь къ обострепію отношеній, къ дальнѣйшимъ расколамъ; а тамъ, въ средѣ «чернаго интернаціонала», наоборотъ—необыкновенныя единодушіе, дисциплинированность и солидарность. Всѣ эти моменты не могли бы, однако, сыграть никакой рѣшающей роли въ духовной эволюціи Жана, если бы къ нимъ не присоединились еще два, наиболѣе важныхъ: первый—субъективный, любовь Жана къ дочери Феррана, и второй, объективный,—кризисъ всего міросозерцанія. Въ такой рѣшающій моментъ своей жизни, мечтательный юноша очутился подъ почти исключительнымъ вліяніемъ тонкаго и ученаго іезуита, отца его возлюбленной. Между профессоромъ и ученикомъ велись частые разговоры, начинавшіеся—подобно рѣчи Брюнетьера въ С.-Антуанскомъ предмѣстьѣ—съ *непознаваемаго* и кончавшіеся вопросами злободневной политики. Не безъ сопротивленія и борьбы подчинялся молодой Моннеронъ вліянію умнаго іезуита. Былъ даже моментъ, когда онъ рѣшился отказаться отъ руки Брижитты, такъ какъ переходъ его въ католичество казался ему невозможнымъ. Противъ этого возставало все его прошлое, его воспитаніе, среда, да къ тому же Жанъ зналъ хорошо, что такой его шагъ былъ бы смертельнымъ ударомъ для старика отца, возлагавшаго на него всѣ свои лучшія надежды. Правда, онъ уже готовъ былъ согласиться съ Ферраномъ, что «наука не способна перешагнуть за предѣлы феноменовъ и что, всякій разъ, какъ она желаетъ отвѣтить на вопросы—не *какъ*, а *почему* и *зачѣмъ*, она наталкивается на непознаваемое». Онъ готовъ былъ признать, что «это непознаваемое реально, ибо оно корень всего реальнаго, и что ему присуще все то, что составляетъ реальное, а слѣдовательно: разумъ, любовь и воля». Онъ согласенъ, что «этотъ принципъ разума, любви и воли, скрытый въ непознаваемомъ, и есть то, что языкъ простыхъ людей зоветъ Богомъ; что этотъ принципъ проявляется въ человѣческой исторіи и что христіанизмъ наиболѣе удовлетворяетъ тѣмъ апріорнымъ требованіямъ, которыя присущи нашей природѣ». Онъ готовъ даже признать, что «среди формъ христіанства наиболѣе совершенной является та, которая по своимъ традиціямъ восходитъ вплоть до его основателя и апостоловъ, т.-е. католицизмъ». Жанъ «допускаетъ» все это, но лишь какъ отвлеченную концепцію, какъ «гипотезу», чуждую его душѣ, не переходящую въ глубокое убѣжденіе или увѣренность. Всего этого, однако, было еще недостаточно, чтобы стать «un catholique pratiquant». Для этого нуженъ былъ еще, кромѣ вѣры, еще отказъ—самый рѣшительный и недвусмысленный—отъ *всего своего прошлаго*, не исключая даже просвѣтительныхъ увлеченій университетскимъ движеніемъ. Поль Бурже и заставляетъ поэтому своего героя постепенно продѣлать цѣлый рядъ не то глубокихъ умственныхъ метаморфозъ, не то весьма неубѣдительно мотивированнаго отказа отъ своей прежней просвѣтительной дѣятельности, чтобы показать читателямъ, что, кромѣ Рима, нѣтъ иного пути спасенія, т.-е., что отъ совре-

менной идейной анархіи спасти Францію можетъ не движеніе впередъ, какъ бы мучительно оно ни было, а формальное возвращеніе къ «гармоніи» среднихъ вѣковъ, реставрація «стараго режима».

У автора выступаютъ на первый планъ политическія тенденціи французскаго клерикализма, стремящагося подчинить своему вліянію всѣ сферы жизни, и, соотвѣтственно, заглушающему непосредственно голосъ сердца. Соціальныя начинанія Жана носили характеръ благороднаго увлеченія. Основанный имъ, вмѣстѣ съ друзьями, народный университетъ, «l'Union Tolstoi», сгруппировалъ вокругъ себя изрядное число слушателей, почти все рабочихъ фобурга св. Жака. Лозунгомъ университета былъ эпиграфъ къ его проспектамъ, гласившій: «Nature, Science, Progrès, Justice». Рядомъ съ университетомъ былъ организованъ «Ресторанъ трезвости», девизъ котораго, красовавшійся на стѣнахъ столовой, гласилъ: «Во имя будущаго и сознательнаго человѣчества ты не долженъ пить». Но съ первыхъ же шаговъ своей просвѣтительной дѣятельности Жанъ сталъ сомнѣваться въ ея дѣйствительной пользѣ. Наблюдая физіономіи рабочихъ, посѣтителей ресторана, потребителей гигіеническихъ напитковъ, онъ все болѣе былъ докучаемъ мыслью: «къ чему это?» Вносили ли филантропическія начинанія его и его друзей миръ и удовлетворенность въ среду этихъ рабочихъ? Не замѣчалъ ли онъ, наоборотъ, что лица ихъ были болѣе угрюмы, взглядъ болѣе тревоженъ, чѣмъ у тѣхъ, которые оставались вдали отъ всѣхъ такихъ начинаній. Въ этихъ лицахъ, изможденныхъ рефлексіей, онъ не находилъ ни слѣдовъ счастья, ни примиренія. И онъ думалъ, что открылъ причину,—долгія бесѣды съ Ферраномъ уяснили ему ее. Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ рабочіе, въ своемъ стремленіи къ трезвости и совершенствованію, предохранялись отъ спиртныхъ напитковъ, ихъ отравляли ядомъ полу-знанія. Старый режимъ Франціи не былъ ли тѣмъ хорошъ и разуменъ, что народъ понималъ высшій смыслъ своей земной жизни, смыслъ своей нужды и страданій? Ферранъ съ особенной настойчивостью обращалъ вниманіе Жана на высокій смыслъ изреченія св. Августина относительно необходимости страданій: *Perdidistis utilitatem calamitatis et miserrimi facti estis*, т.-е. вы потеряли смыслъ вашихъ бѣдствій, забыли объ ихъ полезности, и стали, поэтому, дѣйствительно несчастными. Припоминая и повторяя эти слова, Жанъ невольно останавливался передъ вопросомъ: не въ католицизмѣ ли истина, не въ Римѣ ли все спасеніе? Послѣ долгой борьбы и мучительныхъ размышленій, онъ рѣшилъ, наконецъ, сжечь за собой корабли и сдаться Феррану на капитуляцію. Сдѣлать это ему было, разумѣется, не легко, но любовь къ Брижиттѣ довершила все остальное.

Въ общемъ, «Этапъ» Поля Бурже представляетъ апологію въ беллетристической формѣ современнаго французскаго клерикализма. Напрасно авторъ, въ защиту своей политической программы, призываетъ всуе такія святыя слова, какъ *традиція*, общеніе съ мертвыми и т. п. Есть традиція и традиція. Традиція новой Франціи есть терпимость, тогда какъ традиція Рима это—костры инквизиціи. И новая Франція имѣетъ своихъ мертвецовъ, съ которыми она долго еще будетъ жить въ тѣсномъ духовномъ общеніи:

Et le mort immortel
Marche avec les vivants...

Мы уже указывали, что преимуществомъ передъ публикой у авторовъ въ родѣ Бурже и Брюнетьера является умѣніе быстро откликнуться на запросы времени, отмѣчая кое-какіе дѣйствительные промахи и ошибки современной передовой мысли. Чѣмъ скорѣе послѣдняя исправитъ эти ошибки и наполнитъ эти пробѣлы, тѣмъ легче ей будетъ бороться съ ретроградными теченіями, представителями и porte-parole'ями которой являются въ настоящее время Ферраны-Бурже. «On ne détruit que ce qu'on remplace», говоритъ Огюстъ Контъ въ своемъ «катехизисѣ», — слова, къ сожалѣнію, забытыя или непонятыя его учениками. Старое міросозерцаніе изжито, говорятъ они. Но пустое мѣсто, образовавшееся послѣ него, не засыпать трухой «позитивной религіи», ни даже болѣе высокими соціальными идеалами, какъ бы сами по себѣ дороги намъ и необходимы они ни были. Человѣчеству не жить и не двигаться впередъ безъ «радостнаго діагноза (или «прогноза») дѣйствительности», и весь вопросъ состоитъ въ томъ: можно ли поставить такой діагнозъ, не впадая въ заблужденіе, не играя въ самообманъ? Правда, истина должна быть намъ дороже всего, даже въ томъ случаѣ, если бы необходимо было сказать: fiat veritas, pereat mundus. Но спрашивается: дѣйствительно ли истина на сторонѣ тѣхъ, которые сомнѣваются въ возможности такого «прогноза» и говорятъ, вмѣстѣ съ Гейне, что лишь «ein Narr wartet auf Antwort»? Дѣйствительно ли нравственная связь наша съ міромъ, съ «Космосомъ» порвана разъ навсегда и вмѣсто прежней «idolâtrie» намъ не остается ничего больше, какъ «socialâtrie», т.-е. возведеніе въ «абсолютъ» человѣка и человѣчества?

Такъ вопрошали себя лучшіе мыслители Запада, а за ними и всѣ, задыхавшіеся въ удушливой атмосферѣ интеллектуальнаго воздержанія и нравственнаго самодовольства. Отвѣты получались самые разнообразные, и двадцатому вѣку перешло въ наслѣдіе не мало болѣе или менѣе интересныхъ попытокъ заполненія пустого мѣста какимъ-либо спасительнымъ синтезомъ. Какъ бы ни были эти попытки сами по себѣ неудовлетворительны, въ массѣ онѣ представляютъ уже важный коллективный вкладъ въ сокровищницу человѣческой мысли, который дастъ двадцатому вѣку возможность скорѣе и обстоятельнѣе разрѣшить выпавшую ему нелегкую задачу. Мормонизмъ въ Америкѣ, контизмъ во Франціи—это ученія уже устарѣвшія. Къ болѣе новымъ принадлежатъ: *космизмъ* Fiske, Potter'a и Savage'a, опирающійся на эволюціонную философію Спенсера; *этическое движеніе*, созданное американскимъ равиномъ Феликсомъ Адлеромъ въ Нью-Іоркѣ, написавшимъ книгу о «религіи этики»; рабочая «*церковь труда*», основанная англійскимими пролетаріями въ Манчестерѣ *); «*Giordano-Bruno-Bund*» въ Берлинѣ, основанный Бруно Вилле

*) «Церковь труда», представляющая особенный интересъ, такъ какъ основана членами англійской рабочей партіи, Джономъ Треворомъ и Викстедомъ, имѣетъ свой «Labour Annual», выходящій съ 1895 года, свой «Hymn Book», и выпустила

и имѣющій въ виду выработку монистическаго міросозерцанія. Предъ западно-европейской мыслью, стосковавшейся по вѣрованіямъ, открываются уже кое-какія новыя религіозныя перспективы, исполняющія сердца надеждой. Умы находятся въ лихорадочномъ ожиданіи какъ бы новаго «откровенія», которое должно дать новому міру новую идеологію. Никогда еще отвлеченная философская мысль не работала съ такой интенсивностью, никогда не увлекала за собой такой массы людей и не внушала имъ столько свѣтлыхъ надеждъ, какъ въ послѣдніе годы. Наблюдая вблизи это движеніе, получаешь впечатлѣніе чего-то новаго и великаго. Эрнстъ Геккель пишетъ свои «міровыя загадки», которыя быстро распространяются въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ. Знаменитый естествоиспытатель, дарвинистъ и матеріалистъ, пишетъ на закатѣ своихъ дней философскій трактатъ, примиряющій религію и науку и выступающій съ «монизмомъ», какъ новымъ синтезомъ, способнымъ обновить человѣчество. Неокантизмъ, проникшій въ среду германской рабочей партіи, подчинилъ уже себѣ почти все правое крыло ея, такъ называемыхъ бернштейніанцевъ. Нѣчто подобное мы замѣчаемъ и въ интеллигентныхъ слояхъ Франціи. Борьба съ клерикализмомъ обостряется съ каждымъ днемъ, и въ то самое время какъ франмасоны и либръ-пансёры ограничиваются своей исключительно отрицательной пропагандой, болѣе передовая мысль ищетъ положительныхъ идеаловъ. То тамъ, то здѣсь появляются на книжномъ рынкѣ брошюры и книги, проникнутыя жаждой новаго универсальнаго синтеза, новой религіи. Извѣстный представитель праваго крыла французской рабочей партіи, талантливый публицистъ и ораторъ, Жанъ Жоресъ, выпускаетъ уже вторымъ изданіемъ свой философскій трактатъ «*О реальности чувственнаго міра*», носящій чисто религіозный характеръ *). Жоресъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ новомъ теченіи западно-европейской мысли, на стр. 37—38 своего труда:

«Въ данный моментъ,—говоритъ онъ, — замѣчается какъ бы пробужденіе религіозности; повсюду встрѣчаешь души, мучительно ищущія вѣры... Возникаетъ, повидимому, потребность вѣрить; люди устали созерцать пустоту міра, du néant brutal de la science и стремятся вѣрить... Во что? Во что-нибудь, неизвѣстно во что; и нѣтъ почти ни одной изъ этихъ страдающихъ душъ, которая бы имѣла мужество искать истину. Такимъ образомъ, повсюду видишь лишь порожнія души (les âmes vides), которыя прижимаются къ другимъ, столь же порожнимъ душамъ, подобно зеркаламъ безъ объекта, отражающимъ другъ друга. Человѣческая совѣсть имѣетъ потребность въ Богѣ и она найдетъ Его вопреки софистамъ, которые стремятся лишь утаить Его».

«Où aller maintenant?» Куда же именно идти теперь? Вотъ вопросъ, который ставятъ теперь предъ собою на Западѣ многіе, втянутые въ потокъ новыхъ исканій. Этотъ вопросъ мы находимъ въ самомъ вступленіи другого, отмѣчен-

---

уже цѣлый рядъ небольшихъ «трактатовъ», какъ, напр., «Our First Principle?», «Wat does the Labour Church stand for?» и другіе.

*) «De la réalité du monde sensible», par I. Jaurès (Paris, 1902).

*

наго въ заголовкѣ, романа (если такъ можно назвать исторію духовнаго выздоровленія одной «души»), принадлежащаго перу Евгенія Фурніера *). Этого писателя и въ то же время политическаго дѣятеля интересуетъ «душа завтрашняго дня» (l'âme de demain), и онъ стремится разгадать ее путемъ внимательнаго діагноза сложной «души сегодняшняго дня», которая изстрадалась въ поискахъ новаго міросозерцанія. Несмотря на всѣ шатанія и заблужденія этой души, авторъ усматриваетъ въ ней нѣчто такое, что можетъ принести не малую пользу современнымъ идейнымъ практикамъ, всецѣло поглощеннымъ злобой дня и не имѣющимъ времени одуматься и оглянуться. Надо лишь, чтобы между представителями одного и другого теченія установились болѣе тѣсныя отношенія и даже дружественныя связи. Изоляція и вражда, взаимное непониманіе ведутъ къ ущербу обѣихъ сторонъ. Камилль, больную душу котораго раскрываетъ намъ авторъ, съ дѣтства отличался необыкновенной чувствительностью. Уже юношей онъ избѣгалъ наклонныя улицы Парижа, чтобы не видѣть страданія тяжело нагруженныхъ лошадей и жестокость погонщиковъ; онъ откликался на всякое горе, кого бы оно ни постигло, помогалъ всякому, чѣмъ только могъ, и возмущался холоднымъ эгоизмомъ большинства окружающихъ. Крѣпшая съ годами, рефлексія вызвала въ его душѣ реакцію. Наука оттолкнула отъ себя это любвеобильное сердце своимъ индифферентизмомъ къ страданіямъ, своимъ олимпійскимъ безмолвіемъ по отношенію къ самымъ жгучимъ запросамъ человѣческаго ума; философія—своимъ безсиліемъ обосновать и оправдать добро. Наблюдая вокругъ себя неисчерпаемое море страданія, униженія, всякаго рода лишеній, онъ спрашивалъ: *зачѣмъ* все это? какая *конечная цѣль?* Вопросы личной жизни интересовали его мало. «Я готовъ примириться съ фактомъ смерти,—говоритъ онъ,—ибо таковъ ужъ законъ, но я хочу знать, какой въ этомъ смыслъ...» Вслѣдъ за разочарованіемъ въ наукѣ и философіи послѣдовало отвращеніе къ политикѣ: борьба низменныхъ самолюбій, лесть, обманъ, красивыя фразы, прикрывающія сомнительные поступки. Нравственный и политическій скептицизмъ, вмѣстѣ съ обострившимся до болѣзненности чувствомъ своей отчужденности, привели Камилля къ ницшеніанству. Презрѣніе къ толпѣ, къ «демократіи», культъ избранныхъ личностей, сверхчеловѣческое самомнѣніе, замкнутая и уединенная жизнь,—таковъ, казалось, былъ уже финалъ этой изболѣвшей души. Но въ глубинѣ души этого, казалось, уже умершаго человѣка тлился еще прирожденный здоровый соціальный инстинктъ, ожидавшій лишь случая, чтобы разсѣять удушливый туманъ человѣконенавистничества и пессимизма. Такой случай свелъ нашего ницшеніанца лицомъ къ лицу съ парижскимъ рабочимъ, пришедшимъ къ нему установить новыя полки въ его библіотекѣ. Рабочій попался неглупый, посѣщавшій народные университеты, читавшій кое-что и, поэтому, способный вести съ умными людьми умные разговоры. На Западѣ такой типъ рабочаго уже явленіе обыкновенное и присущія

*) См. утопическій романъ этого автора «У нашихъ правнуковъ», помѣщенный въ изложеніи въ «Мірѣ Б.», 1901 г., февр. *Ред.*

ему интеллигентность, сдержанность и скромность, но въ то же время и необыкновенно живое чувство собственнаго достоинства внушаютъ всякому, сталкивающемуся съ нимъ, невольное уваженіе. Нашему ницшеніанцу пришлось почувствовать это съ первыхъ же словъ, которыми онъ обмѣнялся съ рабочимъ. Заставъ его у себя въ первый разъ въ кабинетѣ работавшимъ въ день одной уличной манифестаціи, Камилль невольно воскликнулъ:

— Какъ! вы не принимаете участія въ манифестаціи, mon ami?

— Нѣтъ, mon ami,—отвѣчалъ рабочій, не поднимая глазъ.

Такая фамиліарность заставила задрожать Камилля: вотъ еще одинъ такой рабъ, мнящій себя свободнымъ, животное, приравнивающее себя къ человѣку.

— Какъ долженъ я называть васъ, чтобы васъ не шокировать?—спросилъ онъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ ироніи.

— «Mon ami» меня не шокируетъ. Вы дѣлаете меня своимъ другомъ; изъ вѣжливости я дѣлаю васъ своимъ.

— Вы предпочитали бы, чтобы я называлъ васъ citoyen?

— Да, если бы это убѣдило меня, что и вы также одинъ изъ согражданъ...—И затѣмъ, желая прервать разговоръ, мѣшавшій его работѣ, онъ замѣтилъ:

— Вотъ доска, которую слѣдовало бы замѣнить. Вы положили поверхъ слишкомъ тяжелыя книги.

— Хорошо. Замѣните ее,—отвѣтилъ Камилль съ разсѣяннымъ видомъ... Онъ думалъ о томъ, что полки его мозга были еще болѣе слабы, чѣмъ библіотечныя. Все, втиснутое туда, было черезчуръ громоздко. Почему нельзя отдат. въ починку свой черепъ такъ, какъ это дѣлаютъ съ мебелью... И чтобы изгнать всѣ эти тяжкія думы, онъ пригласилъ рабочаго къ завтраку. Его тянуло къ этому простому человѣку, въ которомъ не замѣчалось ни тѣни чванства своими знаніями, но, наоборотъ, много чисто-аристократической простоты. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ, Камилль рѣшилъ затронуть больные вопросы, надъ которыми такъ измучилась его душа.

— Вы считаете меня ученымъ,—заговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—ибо вы видите у меня много книгъ, которыя, безъ сомнѣнія, вы едва ли знаете по заглавіямъ?

Рабочій утвердительно кивнулъ головою.

— И вотъ,—продолжалъ Камилль,—изъ чтенія и перечитыванія этихъ книгъ я узналъ лишь то, что я ничего не знаю.

— Всѣ ученые говорятъ такъ...

— Скажите же мнѣ, что *вы* знаете... Простите мое любопытство и пожалуйста не думайте, что я иронизирую. Есть у васъ принципы относительно жизни, индивидуальной и коллективной?

— Да, у меня всегда были они, хотя размышленіе и жизненный опытъ внесли въ нихъ нѣкоторыя измѣненія...

Ученый ницшеніанецъ обратился въ ученика, съ поглощающимъ вниманіемъ слушающаго своего учителя. Передъ нимъ раскрывалась душа сурово

борющагося за свое существованіе человѣка, съ его завѣтными думами и желаніями, практическими попытками, успѣхами и пораженіями...

Оказалось, что рабочій былъ знакомъ съ Ницше по рефератамъ, читаннымъ въ народныхъ университетахъ. Ему не трудно было разсѣять искусственные софизмы, въ которыхъ надѣялась найти покой изм̃ученная âme d'aujourd'hui. Когда рабочій заговорилъ объ ассоціаціи, о профессіональныхъ синдикатахъ, солидарности, Камилль замѣтилъ:

— Путемъ ассоціаціи вы лишаетесь свободы. Правда, вы заявляете, что въ ассоціаціи вы дѣлаетесь болѣе свободными, чѣмъ въ произвольномъ состояніи, но вамъ надо это еще доказать...

Когда рабочій коснулся вскользъ демократическаго принципа большинства, Камилль возразилъ:

— Разумъ принадлежитъ не массамъ, а меньшинству, и въ послѣднемъ наиболѣе правы лишь одинокіе.

Но когда рабочій простодушно замѣчаетъ, что онъ «стыдился бы *брать* у людей, *не давая имъ ничего въ обмѣнъ*», формулируя, такимъ образомъ, въ наивный формулѣ основной законъ человѣческой нравственности, Камилль невольно *краснѣетъ*, чувствуя вдругъ всю постыдность своей многодосужной, но безполезной жизни. Эта краска была симптомомъ выздровленія... Вскорѣ послѣ этой знаменательной встрѣчи, Камилль, въ письмѣ къ другу, исповѣдуется слѣдующимъ образомъ:

«Я понялъ, наконецъ, мой дорогой другъ, что одно лишь *дѣйствіе* питаетъ мечту и даетъ ей возможность обновляться и расширять свои горизонты. Мой подержанный индивидуализмъ не устоялъ въ прикосновеніи съ дѣйствительностью. Одинъ рабочій, съ пламенной душой завтрашняго дня, довершилъ леченіе, начатое вами. Я знаю теперь, что нѣтъ самосовершенствованія безъ самоотверженія, и я хочу сдѣлаться полезнымъ по мѣрѣ, если не моихъ желаній, то моихъ силъ... Вы организовали на Монмартрѣ народныя чтенія для пробужденія нашихъ отсталыхъ братьевъ къ жизни художественной и интеллектуальной. Къ нимъ-то именно мнѣ и слѣдуетъ идти въ цѣляхъ самообновленія за все то обезсмысленное презрѣніе, которымъ я надѣлялъ ихъ въ теченіе столь долгаго промежутка времени. Считайте меня въ числѣ вашихъ лекторовъ»...

Вчерашній «метафизикъ» и ницшеніанецъ идетъ, такимъ образомъ, на служеніе ближнему, усматривая въ этомъ самый разумный исходъ своимъ сомнѣніямъ и исканіямъ истины. «Am Anfang war die That», думаетъ теперь Камилль, въ душѣ котораго вѣчно юный Гете побѣдилъ устарѣвшаго уже Ницше. Но спрашивается: къ какой дѣятельности пригодны люди съ бродящей мыслью, чреватой новыми откровеніями, ищущей новаго единства на развалинахъ старыхъ міросозерцаній? Что могутъ сказать они «отсталымъ братьямъ» парижскихъ и берлинскихъ предмѣстій, привыкшимъ уже къ смѣлымъ и яснымъ рѣчамъ своихъ политическихъ ораторовъ?

Мы уже сказали выше, что авторъ ожидаетъ отъ «людей мечты» громадной пользы для «людей дѣла» при условіи ихъ объединенія. Первые успѣютъ в

своихъ стремленіяхъ, лишь становясь на почву лучшихъ завоеваній человѣческаго ума и сливаясь съ благороднѣйшими соціальными теченіями современности; вторые обогатятъ свои идеалы, усилятъ свое вліяніе, расширивъ свои умственные горизонты новыми проблемами. Камиллю нашъ авторъ указываетъ путь въ «народные университеты», но не для повторенія чужихъ фразъ, не для отказа отъ его индивидуальности, а для болѣе разумнаго приложенія и развитія всего того, что имъ было пережито и продумано. Обмѣнъ *готовыхъ* мыслей менѣе полезенъ, чѣмъ обмѣнъ идей, едва лишь нарождающихся. Индивидуальному творчеству необходима асмосфера коллективнаго усилія. Другъ Камилля совѣтуетъ ему начать съ чтенія «дивнаго Гюйо», и въ этомъ совѣтѣ заключается цѣлая программа.

«L'interrogation ne se taira jamais: le silence serait la mort même de la pensée», сказалъ Альфредъ Фуллье—и онъ правъ: высшіе запросы человѣческой души не замолкнутъ никогда, молчаніе означало бы смерть самой мысли...

Евгеній Лозинскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Изъ исторіи русской интеллигенціи» П. Н. Милюкова.—Своевременность изданія этой книги и ея большой общественный интересъ.—Разложеніе славянофильства.—«Новыя вѣянія и настроенія» М. Гуковскаго.—«Современныя настроенія» г. Пекатороса.—Интересные вопросы, возбуждаемые авторами.—Психіатрическая критика «Записокъ врача» Вересаева проф. Сикорскаго.

Читатели нашего журнала достаточно хорошо знакомы съ работами нашего почтеннаго сотрудника П. Н. Милюкова, и не мнѣ, конечно, вдаваться въ подробный разборъ новой книги его «Изъ исторіи русской интеллигенціи». Мнѣ представляется болѣе интереснымъ и поучительнымъ, хотя бы въ бѣглыхъ выдержкахъ, познакомить ихъ съ чрезвычайно важнымъ и высоко-современнымъ содержаніемъ вошедшихъ въ эту книгу разнообразныхъ вопросовъ, получающихъ въ освѣщеніи такого ученаго и новое значеніе, и новую привлекательность. Умѣніе П. Н. Милюкова давать въ сжатомъ видѣ выпуклую характеристику любого общественнаго явленія доведено въ новой книгѣ, можно сказать, до артистическаго совершенства. Читая его характеристики «Верховниковъ и шляхетства», С. Т. Аксакова, Герцена, идеалистовъ сороковыхъ годовъ и, въ особенности, блестящую картину «Разложенія славянофильства», испытываешь своеобразное наслажденіе отъ превосходной группировки фактовъ, остроумныхъ и мѣткихъ замѣчаній, брошенныхъ вскользь указаній, иногда вскрывающихъ изумленному читателю новую для него область исторіи или новую сторону въ жизни общества. «Словамъ здѣсь тѣсно, а мысли просторно»,—вотъ лучшая характеристика этой интереснѣйшей книги, представляющей едва ли не самое выдающееся явленіе въ нашей научно-публицистической литературѣ послѣдняго времени.

Какъ образчикъ такого своеобразнаго умѣнія однимъ мѣткимъ словечкомъ пригвоздить къ столбу исторіи цѣлое сложное явленіе, не можемъ не привести, напр., заключительнаго «слова» о знаменитой попыткѣ верховниковъ, которой посвящена первая статья книги. Сравнивая эту попытку съ послѣдующею екатерининскою коммиссіей, авторъ заканчиваетъ: «За тридцать семь лѣтъ (раздѣляющихъ оба эпизода) русское дворянство успѣло окончательно забыть объ интересахъ «общенародія» и войти во вкусъ сословныхъ привилегій. Перенеся центръ тяжести своихъ желаній отъ политической реформы къ реформѣ сословной, оно получило возможность дѣйствовать въ направленіи

наименьшаго сопротивленія и въ духѣ усилившагося сословнаго эгоизма. Въ результатѣ—давленіе, такъ сказать, физіологическое оказалось гораздо дѣйствительнѣе давленія идейнаго, и русская исторія пошла далеко не тѣмъ путемъ, о которомъ мечтали руководители движенія 1730 г.».

Минуя превосходную по сжатости и выразительности характеристику старика Аксакова и рядъ представителей «идеалистовъ сороковыхъ годовъ», остановимся на замѣчательной во многихъ отношеніяхъ статьѣ о «разложеніи славянофильства». Еще недавно (см. августъ) мы отмѣтили странную,—съ полнымъ правомъ можемъ ее назвать мертворожденною,—попытку невѣдомыхъ намъ московскихъ славянофиловъ оживить славянофильство въ наши дни, казалось бы, меньше всего дающіе матеріала для подобной затѣи. Теперь въ упомянутой статьѣ П. Н. Милюкова мы нашли такое обоснованіе высказаннымъ нами тогда взглядамъ, что лучшаго трудно было бы и желать. Мы говорили, что въ настоящее время славянофильства и славянофиловъ нѣтъ, а есть неудачная поддѣлка той формы, которая со временъ 40-ыхъ годовъ получила это имя. Содержаніе этой формы, по словамъ г. Милюкова, вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ, когда она возникла, умерло и не можетъ воскреснуть, какъ нельзя теперь возстановить и всего того, что понимается подъ «сороковыми годами». П. Н. Милюковъ такъ резюмируетъ эту мысль, развиваемую въ его статьѣ: «Абсолютизмъ, метафизическій и религіозный, составлялъ и продолжаетъ составлять самую рѣзкую разграничительную черту между славянофильствомъ и современнымъ міровоззрѣніемъ. Въ старомъ славянофильствѣ абсолютизмъ этотъ былъ вполнѣ понятенъ: онъ естественно и необходимо вытекалъ какъ изъ условій воспитанія представителей славянофильства въ патріархальной семейной средѣ, такъ и изъ состоянія тогдашней европейской мысли. Поэтому, славянофильство было совершенно *органическимъ продуктомъ* (курсивъ автора) того поколѣнія, которое его создало; и поэтому то, въ сущности, оно *должно было* умереть съ этимъ поколѣніемъ». Послѣдующія попытки продлить его жизнь встрѣчали отпоръ, прежде всего, отъ стараго славянофильства, которое ихъ не признавало «и отказывалось отъ всякаго духовнаго родства». Почему же?—спрашиваетъ авторъ. «А потому,—отвѣчаетъ намъ И. С. Аксаковъ,—что все это «благородно», «красиво» (слова эти относятся къ славянофильской попыткѣ Вл. Соловьева. *А. Б.*), но... не куплено кровью сердца, не выношено въ душѣ, не вытекаетъ изъ сильной привязанности, а сочинено и выдумано «въ просторной пустотѣ» отвлеченной мысли. Старый славянофилъ могъ быть логически непослѣдователенъ, могъ основывать свое ученіе на идеяхъ, внутренне противорѣчивыхъ, но это ученіе выросло изъ современной ему дѣйствительности и *жило*, поэтому, своею особенною своеобразною жизнью. Эпигоны славянофильства послѣдовательнѣе, но «душа, смыслъ явленій выпали изъ ихъ діалектической схемы». А извѣстно, что гдѣ нѣтъ души, нѣтъ и жизни. Стало быть, старый славянофилъ былъ правъ. Истинное славянофильство, «кровное», не теорія только, а живой типъ общественной мысли,—это славянофильство прекратило свое существованіе. Теперь органическій про-

цессъ русской жизни и мысли давно уже даетъ другіе «кровные» результат А славянофильство *было* когда-то... Теперь оно умерло и не воскреснетъ».

Между тѣмъ, эпигоны его живутъ и даже силятся увѣрить насъ, что он имѣютъ творческую программу жизни, т.-е. хотятъ увѣрить, что они, будь их власть, могли бы устроить вполнѣ стройную, цѣлесообразную и отвѣчающу задачамъ современности жизнь. Каковы же ихъ принципы? Каковы задачи цѣли, которыми они желали бы соблазнить насъ? Лучшимъ отвѣтомъ служит разборъ ученій Данилевскаго и Леонтьева, этихъ столповъ славянофильства в его послѣдней эволюціи, выше и оригинальнѣе которыхъ эпигоны словян фильства не дали, продолжая и теперь пережевывать мысли и пожеланія этих оригинальныхъ мыслителей. Для насъ интереснѣе Леонтьевъ, который далъ уд вительно откровенную систему практической политики, доведя теоретическі положенія своего учителя и старшаго соратника до послѣднихъ выводовъ.

«Вотъ къ чему пришелъ ученикъ Данилевскаго, утверждавшаго самобыт ность и непередаваемость національнаго духа и его продукта, національно культуры,—говоритъ П. Н. Милюковъ.—Въ прошломъ наша культура соз дана *византизмомъ*, въ будущемъ ей грозитъ *европеизмъ*; сама по себѣ эт какая-то *бѣлая доска*, за исключеніемъ, «можетъ быть, нашего сельскаго по земельнаго міра». Данилевскій, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ ожидалъ, чт народная самодѣятельность покроетъ эту доску своими узорами; но Леонтьев и передъ этою надеждой останавливается въ сомнѣніи. Конечно, внутрення самодѣятельность... Но что такое эта внутренняя самодѣятельность? Въ смысл органическомъ, такъ сказать, физіологическомъ, организмъ всякаго государства и китайскаго, и персидскаго, самодѣятеленъ, ибо живетъ своими силами уставами; а въ смыслѣ сознательной общественной дѣятельности, какъ бы из этой самодѣятельности не вышелъ тотъ же, ненавистный Леонтьеву, либерально эгалитарный прогрессъ! Итакъ, пустое мѣсто въ прошедшемъ, настоящемъ и всего вѣроятнѣе, въ будущемъ; какой-то складочный амбаръ предметовъ византій ской археологіи, таковъ культурно-историческій типъ Россіи, подлежащій охра ненію, не столько во имя того, что изъ него будетъ, сколько во имя того, что онъ есть теперь. Къ этому, къ охранѣ загадочнаго пустого мѣста отъ всякаго чужого захвата, и сводится *весь смыслъ* политики Леонтьева, вся его государственная мудрость. Ни этотъ діагнозъ, ни эти пріемы лѣченія не могъ бы, конечно, никогда предложить человѣкъ, вѣрящій въ національный духъ или въ непреложность законовъ органическаго развитія; ни для того, ни для другого національная жизнь не могла бы представиться пустымъ мѣстомъ, знакомъ вопроса, и культурное вліяніе со стороны не могло бы казаться заразъ и основой національной жизни (въ случаѣ византизма) и ея безнадежнымъ искаженіемъ (въ случаѣ европеизма).

«Надо подморозить Россію, чтобы она не жила» и чтобы она застыла въ настоящемъ видѣ до лучшихъ временъ, которыя, впрочемъ, могутъ и не придти никогда,—таковъ общій смыслъ всѣхъ практическихъ совѣтовъ Леонтьева. *Всѣ средства хороши* для этой цѣли, потому что «политика—не этика». Государственная власть должна дѣйствовать въ смыслѣ спасительнаго страха.

ъ томъ же направленіи пусть дѣйствуетъ и религія—«это великое ученіе... оль практическое и вѣрное для сдерживанія людскихъ массъ желѣзною рувицей». Нечего сентиментальничать о христіанствѣ, какъ религіи любви, одной обви безъ страха: это христіанство на розовой водицѣ ничего не имѣетъ щаго съ христіанствомъ настоящимъ, «христіанствомъ монаховъ и мужиковъ, освирень и *прежнихъ* набожныхъ дворянъ». Реформы прошлаго (Александра II) рствованія законны и хороши, но «не столько по существу, сколько потому, о верховной власти было такъ угодно»; по существу же надо просить царя, объ впредь онъ «держалъ насъ грознѣе». Въ земствѣ замѣтенъ оппозиціонй духъ; новые суды «учатъ народъ тому, что и бунтовщики есть очень естные» и что «генералы и монахи бываютъ мошенники». Зло сословнаго роя замѣнено зломъ безсословности, равенства и либерализма. Для борьбы этимъ новымъ зломъ, съ «пагубой излишняго движенія», нужно поддерживать старые элементы и бороться противъ новаго теченія. Во имя этой орьбы Леонтьевъ готовъ даже желать, чтобы прекратилось обрусеніе нашихъ краинъ, нашихъ инородческихъ и иновѣрческихъ элементовъ: въ нихъ, напр., ъ Остзейскомъ краѣ, все-таки есть та сила сопротивленія духу времени, которую даетъ старая культура. Общимъ и злѣйшимъ врагомъ, противъ котораго олжны сплотиться всѣ охранительные элементы, надо считать либерализмъ. Даже соціализмъ менѣе вреденъ, такъ какъ въ немъ есть элементы дисциплины и организаціи; но съ либерализмомъ, какъ съ ученіемъ по самому принципу отрицательнымъ и разрушительнымъ, надо бороться всѣми мѣрами. Нетвердыхъ слѣдуетъ подкупать; на убѣжденныхъ, но умѣренныхъ, которые, благодаря своей осторожности, ускользаютъ отъ законнаго преслѣдованія, необходимо доносить: «пора перестать придавать слову доносъ унизительное значеніе». Прочтя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» извѣстіе, что въ Берлинѣ происходили опыты надъ освѣщеніемъ внутренностей живой щуки посредствамъ электричества, Леонтьевъ и тутъ находитъ поводъ къ выраженію любимыхъ мыслей: «Вотъ если бы придумать какой-нибудь приборъ для освѣщенія душъ умѣренно-либеральныхъ, ну, тогда полиціи и политическимъ судамъ прибавилось бы дѣла. А теперь что? Такъ отвѣчаетъ намъ скептическій разумъ, и нашъ восторгъ при видѣ прозрачной щуки холодѣетъ».

«Кажется, дальше идти некуда. Леонтьевъ не отступаетъ ни передъ чѣмъ. Съ тою же смѣлостью, съ какою онъ набрасываетъ программу, онъ даетъ и имя своему направленію. «Нашъ (русскій) консерваторъ,—замѣчаетъ онъ,—боится; боится не столько дѣйствій, сколько словъ. Какъ произнести слово—реакція? Какъ сознаться, что настало время реакціоннаго движенія?» «Пора учиться дѣлать реакцію». «Безъ насилія нельзя». Чтобы пріостановить быстрое «таяніе» Россіи, необходимы «ретроградныя реформы». И особенно необходимо всѣми силами бороться противъ *народнаго образованія.* Если Россія сопротивляется еще сколько-нибудь успѣшно духу времени, то этимъ мы обязаны до извѣстной степени безграмотности русскаго народа. Итакъ, чтобы сохранить «національное своеобразіе», необходимый залогъ самобытной культуры, надо *повременить съ грамотностью,* пока образованная часть общества сама не

станетъ зрячѣе. «Надо, чтобы намъ не испортили эту роскошную почву, прикасаясь съ которою мы сами всякій разъ чувствуемъ въ себѣ новыя силы». Не многимъ снисходительнѣе относится Леонтьевъ и къ высшему образованію. «Въ наше время,—говоритъ онъ,—основаніе сноснаго монастыря полезнѣе учрежденія двухъ университетовъ и цѣлой сотни реальныхъ училищъ».

Такова откровенная программа главы славянофильства въ его послѣдней фазѣ развитія. Ясность и простота ея не требуетъ никакихъ поясненій. Это—открытое признаніе въ неспособности создать «идеальную, творческую программу общественной дѣятельности на идеѣ національной самобытности». Леонтьевъ вполнѣ сходится въ этомъ отношеніи со своимъ учителемъ Данилевскимъ, который тоже заявляетъ, что «предупредить національное обезличеніе должна временная пріостановка жизни». Турки оказали, по его мнѣнію, великую услугу славянамъ, «наложивъ свою леденящую руку на народы Балканскаго полуострова, заморозивъ въ нихъ развитіе жизни». Выходитъ такимъ образомъ, что великое дѣло Россіи—освобожденіе балканскихъ славянъ, двадцатипятилѣтіе котораго мы только что праздновали, было злымъ дѣяніемъ, по мнѣнію учителей славянофильства: Россія «оттаяла» ихъ и тѣмъ способствовала «движенію». «Меттернихъ, по Данилевскому, геніальный политикъ, дѣятельность котораго смѣло можетъ выдержать сравненіе съ Цезарями, Карлами, Петрами, хотя она и была осуждена исторіей на неудачу и безплодіе».

Въ одномъ только вопросѣ и Данилевскій какъ будто продолжаетъ традицію стараго гуманитарнаго славянофильства, именно когда онъ касается свободы слова. Онъ и въ этомъ случаѣ сохраняетъ оригинальность, доказывая, что она—русское, а не чужеземное явленіе. «Свобода слова, говоритъ онъ,—не есть право или привилегія политическая, а *право естественное*. Слѣдовательно, въ освобожденіи отъ цензуры, по самой сущности дѣла, не можетъ уже быть никакого подражанія, ибо иначе и хожденіе на двухъ ногахъ, а не на четвереринькахъ, могло бы считаться подражаніемъ кому-нибудь». «Можно, сказать, остроумно замѣчаетъ П. Н. Милюковъ,—продолжая это сравненіе, что наши націоналисты слишкомъ часто заставляли насъ ходить на четвереринькахъ, чтобы мы не казались подражателями двуногихъ. Насъ дѣйствительно хотѣли противопоставить остальнымъ двуногимъ, какъ особый «планъ организаціи», чуть ли не какъ особый зоологическій типъ».

Какъ произошло, что отъ гуманныхъ и широкихъ ученій основателей славянофильства эпигоны его пришли къ «особому зоологическому типу» и къ прославленію его, это читатели найдутъ въ цитируемой превосходной статьѣ П. Н. Милюкова, въ которой блестяще изложена эта эволюція. Насъ интересуетъ другой вопросъ. Съ тѣхъ поръ, какъ написана эта статья, прошло больше десяти лѣтъ, но въ ней какъ бы данъ отвѣтъ на всѣ современныя попытки славянофиловъ нашихъ дней—возродить славянофильство къ новой жизни. Что же прибавили они или убавили изъ ученій своихъ столповъ, Данилевскаго и Леонтьева? Освѣжили они это ученіе, вдохнули въ него новую жизнь, или утвержденіе Милюкова, приведенное выше, что «славянофильство *было* когда-то», остается во всей силѣ и понынѣ? Отвѣтъ, намъ кажется, можетъ быть только

мимъ: новая попытка потерпѣла полный крахъ, ибо жизнь, какъ и во время Леонтьева и Данилевскаго, не даетъ для такого «освѣженія» никакого матеріала. Возникшіе за это время и возникающіе съ каждымъ днемъ новые «кровные» интересы ничего общаго не имѣютъ съ мертвящею теоріей «замораживанія». Мы глубоко убѣждены, что ни одинъ изъ современныхъ намъ націоналистовъ не вѣритъ и самъ во благо «безграмотности» и въ спасительность общины, разваливающейся по всѣмъ швамъ, не видитъ особаго преимущества въ нашей культурной отсталости и не станетъ доказывать, что мы «особый зоологическій типъ». А если такъ, то на чемъ строятъ они свое зданіе утопической теоріи объ особыхъ путяхъ и проч., предначертанныхъ для русскаго народа? Данилевскій и Леонтьевъ были послѣдовательны и строго логичны, когда, признавъ силу европеизма, создали теорію «замораживанія», какъ единственное средство бороться съ духомъ времени. Средство, безъ сомнѣнія, нелѣпое, но логически вытекающее изъ ихъ теоріи. Ихъ современные послѣдователи даже и этого утѣшенія не имѣютъ и, выражаясь по пословицѣ, занимаются толченіемъ воды въ ступѣ, пережевывая на всѣ лады старыя банальности объ особомъ духѣ, о своеобразіи русской души и прочихъ неуловимыхъ качествахъ, изъ которыхъ должно возникнуть что-то совсѣмъ небывалое.

Въ то же время они съ удивительною слѣпотой не замѣчаютъ, что на протяженіи XIX в. ни одна національность на Западѣ не погибла, а напротивъ— каждая выяснилась и опредѣлилась, благодаря именно создавшимся въ теченіе этого вѣка благопріятнымъ для свободнаго проявленія себя условіямъ общественнаго существованія. Нечего, стало быть, цѣпляться за остатки «старыхъ элементовъ», какъ за спасительные якоря для русской національности. Кто вѣритъ въ силу и въ оригинальность русскаго народа, тому не зачѣмъ думать о «замораживаніи» его ради спасенія его своеобразія: при всякихъ условіяхъ этотъ народъ не потеряетъ его, и чѣмъ удобнѣе и благопріятнѣе будутъ условія для его развитія, какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго, тѣмъ ярче проявится и его несомнѣнно своеобразная, богатая національность.

Главное, однако, въ томъ, что жизнь, «живую жизнь», ни въ какую формочку для замораживанія не уложить, и въ этомъ великое благо. Сколько бы ни мудрили надъ нею разные мудрецы, жизнь движется по своему, и ничѣмъ и никому ее не остановить. Она творитъ свое, не зная никакихъ теорій, и въ своемъ безконечномъ творчествѣ даетъ все новыя и новыя явленія. Наблюдать ихъ, вдумываться въ нихъ и слѣдить по нимъ за духомъ времени—высокопоучительная задача, въ особенности въ тѣ моменты, когда мы переживаемъ самый процессъ нарожденія новаго.

Съ этой точки зрѣнія небезынтересны двѣ небольшія брошюры, обѣ южнаго происхожденія,—«Новыя вѣянія и настроенія» М. Гуковскаго и «Современныя настроенія» г. Пекатороса. Первая принадлежитъ молодому, безвременно погибшему писателю, покончившему съ собой самоубійствомъ. Этотъ печальный фактъ, однако, стоитъ внѣ всякой зависимости съ содержаніемъ его книги,

проникнутой, напротивъ, самымъ радостнымъ и жизненнымъ настроеніемъ. Смерть его явилась, повидимому, завершеніемъ какой-то личной драмы, и мы можемъ только пожалѣть, что Гуковскій не далъ литературѣ всего того, что мы въ правѣ были бы ожидать отъ него, судя по его книгѣ, въ которой собраны и систематизированы его отдѣльныя статьи, разсѣянныя въ южныхъ газетахъ. Другая брошюра, г. Пекатороса, касается цѣлаго ряда вопросовъ о морали, о цѣли жизни, о индивидуализмѣ, о любви вообще и проч. Обѣ представляются намъ слабымъ отголоскомъ тѣхъ многочисленныхъ перекрещивающихся теченій мысли, которыя придаютъ нашему времени такой особенный отпечатокъ нервности, безпокойства и ожиданія.

Не чувствуетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ насъ, что старые принципы, старыя мѣрки добра и зла, прежнее пониманіе красоты и истины, все что казалось прежде и не такъ давно незыблемымъ, какъ-то изветшало, обезцвѣтилось, посѣрѣло и не вызываетъ въ душѣ былого порыва, богомольнаго благоговѣнія и желанія отдаться ему безъ размышленія, безъ «думы роковой»? Сколько былыхъ «властителей думъ» утратили былое обаяніе, и когда по привычкѣ мы произносимъ ихъ имена, они ничего не возбуждаютъ въ душѣ. Сколько завѣтныхъ словъ стали дѣйствительно «забытыми», какъ будто ихъ старый вѣковѣчный смыслъ утратился и остался только звукъ пустой. Одни сильнѣе, другіе слабѣе, но всѣ испытываютъ на себѣ это отсутствіе твердаго незыблемаго базиса подъ ногами. Нѣчто подобное должны переживать люди въ моментъ землетрясенія, когда старая «мать-земля», къ прочности которой мы такъ по-дѣтски довѣрчиво привыкли относиться, вдругъ дрогнетъ и заколеблется, и все воздвигнутое на ней летитъ, рушится и претворяется въ какой-то первозданный хаосъ. Разница лишь та, что эти колебанія земли кратки, моментальны, и старое довѣріе къ ея прочности возстановляется быстро опять. Не то въ мірѣ духовномъ, гдѣ эти землетрясенія длятся иногда цѣлыя эпохи, не оставляя камня на камнѣ отъ старыхъ взглядовъ и цѣлыхъ міровоззрѣній.

Для однихъ такое броженіе мысли и чувствъ представляется «сумерками», и мы еще недавно видѣли, въ какія дебри пессимизма забрелъ одинъ изъ такихъ критиковъ, оплакивающихъ доброе старое время, когда все казалось такъ просто и ясно. Теперь передъ нами другой, несравненно болѣе вдумчивый и понимающій наблюдатель жизни, для котораго новое настроеніе въ искусствѣ и литературѣ полно надеждъ и обѣщаній. Онъ, прежде всего, утверждаетъ, что теперь невозможно презрительное отношеніе къ новому вѣянію, и критики сдѣлали большую ошибку, встрѣтивъ проявленіе новыхъ стремленій сплошнымъ осужденіемъ. Они не остановили этимъ и не могли помѣшать развитію нарождающагося молодого искусства, но помѣшали своимъ читателямъ ознакомиться съ нимъ. Благодаря такому высокомѣрно-брезгливому отношенію старой критики, «русская публика совершенно не знакома съ произведеніями не только талантливыхъ, но даже выдающихся представителей молодого направленія. Отдѣльныя произведенія того или иного художника, впрочемъ, становились иногда извѣстными русскому читателю, но совершенно случайно, и поэтому многое въ нихъ оставалось неяснымъ, непонятнымъ». Между тѣмъ, новое на-

правленіе вовсе не продуктъ быстро переходящей моды или временнаго увлеченія. Оно не только не исчезло, но окрѣпло и развивается съ каждымъ днемъ, оказывая вліяніе на окружающую жизнь и даже на старыхъ представителей искусства. «И мы сами нѣсколько привыкли теперь къ новому искусству, и что раньше намъ казалось искусственнымъ и страннымъ, теперь уже не кажется такимъ. Новое искусство успѣло теперь настолько привиться, что его вліяніе отразилось даже въ промышленности, въ прикладныхъ искусствахъ, и съ его слѣдами мы встрѣчаемся теперь всюду, почти во всѣхъ украшеніяхъ, въ мебели и одеждѣ. Такой быстрый успѣхъ является просто поразительнымъ, и объяснить его можно только тѣмъ, что въ нашъ вѣкъ всякая эволюція вообще совершается съ большей быстротой, теперь все очень скоро переходитъ въ массу, становится достояніемъ толпы».

На Западѣ, да отчасти и у насъ, критика признала, что это новое направленіе разрушило многое въ старомъ искусствѣ. Нѣмецкій критикъ Баръ, сдѣлавъ опросъ различныхъ представителей прежняго искусства и знаменитостей литературы, приводитъ ихъ общій единогласный приговоръ: «Только одно положеніе можно признать неоспоримымъ, на немъ сошлись всѣ представители какъ стараго, такъ и молодого направленія. Всѣ согласны съ тѣмъ, что натурализмъ погибъ безвозвратно, и что молодые писатели работаютъ и мучаются, отыскивая нѣчто новое, чуждое и неизвѣстное, чего еще никому не удалось обрѣсти. Они пока еще колеблются и не знаютъ, будетъ ли оно новымъ идеализмомъ или синтезомъ идеализма и реализма, будетъ ли ему присущъ символическій или сензитивный характеръ». Отчасти то же самое говоритъ и русская критика. Такъ, г. Скабичевскій, котораго, во всякомъ случаѣ, нельзя упрекнуть въ особомъ расположеніи къ новизнѣ, заявилъ въ статьѣ, посвященной новымъ теченіямъ въ литературѣ: «Что такое представляетъ собою это новое, мы не въ состояніи еще отвѣтить категорически, такъ какъ оно не успѣло еще ни опредѣлиться, ни получить своей клички. Мы можемъ лишь формулировать его отрицательно: это не будетъ ни натурализмъ, ни декадентство. А что оно стучится въ наши двери, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія».

Въ чемъ же видитъ М. Гуковскій сущность новаго направленія, отличающую его отъ прежняго? Онъ видитъ ее въ слѣдующихъ основныхъ качествахъ новой литературы и искусства: «культъ правды, новая свобода, сильная личность, новая женщина и новое пониманіе любви». Свои мысли авторъ выводитъ изъ разбора выдающихся писателей, преимущественно скандинавскихъ и нѣмецкихъ. Мы не станемъ слѣдить за этимъ разборомъ Ибсена, Гауптмана, Шницлера и другихъ и приведемъ его общіе выводы, хотя въ нихъ читатели наши и не встрѣтятъ чего-либо нарочито особеннаго, чего уже не было бы сказано въ нашей литературѣ по поводу этихъ же писателей. Но въ изложеніи взглядовъ Гуковскаго мы встрѣтили хорошую формулировку, дающую сжатую характеристику новыхъ настроеній.

Культъ правды явился, какъ противовѣсъ условности и лжи, которыхъ такъ много въ современной культурной жизни. Явилось, безсознательное сна-

чала, стремленіе къ простотѣ и правдивости въ жизни, которое выразило потомъ въ страстное исканіе правды, какъ основы личной и общественн жизни. «Прежде правдивость считалась лишь однимъ изъ достоинствъ чел вѣка, при этомъ достоинствомъ даже не главнымъ, второстепеннымъ, теперь мы видимъ въ ней основу всего и чувствуемъ какое-то даже болѣзненн отвращеніе ко всему лживому, неискреннему». Въ искусствѣ это проявило въ стремленіи художниковъ выразить въ образахъ свое настроеніе, т.-е. да не простое воспроизведеніе реальной дѣйствительности, а образъ этой дѣйстві тельности, сложившійся въ душѣ художника. «Даже обыкновенные люди н когда не относятся къ окружающей дѣйствительности совершенно равнодуш что же касается художниковъ, то они отличаются болѣзненною чуткостью, почти всякое сколько-нибудь выдающееся или просто характерное, типичн явленіе вызываетъ въ нихъ любовь или ненависть. Въ душѣ художника в вызываетъ сложныя настроенія, все переходятъ въ цѣлый рядъ образовъ, к торые значительно отличаются отъ вызвавшихъ ихъ предметовъ, и именно эт образы, это настроеніе художникъ долженъ возсоздать въ своихъ произвед ніяхъ. Правдивость художника выражается не въ томъ, что онъ точн скопировалъ дѣйствительность, а въ томъ, что онъ искренно передал свое настроеніе, образы, сложившіеся въ его душѣ». Это несравненн труднѣе и сложнѣе, чѣмъ простое описаніе, и потому доступно лишь истин ному таланту, такъ какъ въ душѣ талантливаго художника эти возникающі образы достаточно ярки, опредѣленны и поддаются передачѣ. Натурализм грѣшилъ именно въ неумѣніи передавать это настроеніе художника, которы давалъ намъ подробное описаніе предметовъ, но не давалъ намъ образа ихъ какъ онъ слагался въ душѣ самого художника. Отсюда явилось однообразіе близкое къ фотографіи. Искренность и оригинальность художника исчезали з массою подробностей, умѣстныхъ въ научномъ изслѣдованіи, но неспособных дать цѣльное и яркое представленіе.

Конечно, наряду съ истинными художниками, которыхъ вообще нем ного, явилась масса манерныхъ и крикливыхъ бездарностей, которые довел это стремленіе къ правдѣ до уродства, каждое свое кривляніе выдавая з оригинальное проявленіе своей необыкновенной души. Это много мѣ шало вѣрному пониманію истинно новаго въ искусствѣ, вызывало вполнѣ справедливый отпоръ критики и, повидимому, отошло теперь окончательно на задворки новаго направленія, гдѣ всегда ютятся жалкіе неудачники, пытаю щіеся новыми словами и плохо усвоенными пріемами новаго искусства при крыть бѣдность содержанія собственной души. Въ этомъ отношеніи русская критика, сразу и безъ колебаній отмѣтившая пустоту и ничтожность первыхъ поборниковъ новаго искусства у насъ, сыграла благодарную роль, расчистивъ поле для истинныхъ талантовъ, которые только въ самое послѣднее время на чинаютъ проявляться. У насъ и не могло быть такого рѣзкаго разграниченія стараго и новаго искусства, какъ на Западѣ, потому что не было и натура лизма въ его чистомъ видѣ. Наши реалисты никогда не доходили до крайно стей золаизма, оставаясь вѣрными правдѣ въ искусствѣ, простотѣ и правди-

вости стиля, перенятыми у нихъ западно-европейскими художниками. Отъ нихъ, въ свою очередь, они получили теперь богатую технику, дающую имъ возможность углубить содержаніе своихъ образовъ и ярче выразить свое настроеніе.

Это стремленіе современнаго художника быть правдивымъ, т.-е. быть прежде всего самимъ собой, не подчиняя себя ни чуждому настроенію, ни чуждой ему идеѣ, идетъ рука объ руку съ другимъ стремленіемъ—къ свободѣ, къ выработкѣ типа сильной личности, въ которой всѣ ей присущія черты получили бы возможно полное развитіе. «Современный человѣкъ страдаетъ, не скажу, ненавистью къ людямъ, но какимъ-то страстнымъ, болѣзненнымъ желаніемъ освободиться отъ гнета, отъ требованій общества, освободиться даже отъ самого себя и уйти куда-нибудь далеко, слиться съ природой, зажить широкою свободною жизнью. Человѣкъ въ отдѣльности можетъ быть намъ и дорогъ, и милъ, и интересенъ, но люди въ цѣломъ, общество тяготятъ насъ, и у насъ является желаніе уйти отъ нихъ туда, гдѣ «пусто— море да небо, и никакихъ подлыхъ людей нѣтъ». Это, характерное для нашего времени, стремленіе къ свободѣ находится въ тѣсной, неразрывной связи съ любовью современнаго человѣка и къ правдѣ. Общество тяготитъ насъ главнымъ образомъ, хотя, конечно, не исключительно, именно своею лживостью, и мы стремимся къ свободѣ изъ желанія освободиться отъ этихъ давящихъ насъ сѣтей лжи. Въ то же время мы и къ правдѣ стремимся изъ желанія быть свободными, такъ какъ свободнымъ можетъ быть только правдивый человѣкъ. Безъ свободы не можетъ быть правды, и безъ правды нѣтъ свободы, свобода и правда неразрывно связаны между собою». Произведенія Ибсена, Гауптмана, Зудермана, Метерлинка, Рескина проникнуты этими двумя основными свойствами современнаго человѣка. У насъ ихъ отразилъ М. Горькій. «Такимъ настроеніемъ общества объясняется, въ нѣкоторой степени, успѣхъ Горькаго, поэта свободной жизни. Чувства, мысли, настроеніе и языкъ, однимъ словомъ, весь духовный обликъ Горькаго въ высшей степени своеобразенъ, если сравнивать его, конечно, не съ современнымъ ему живымъ человѣкомъ, а съ литературой, до него существовавшей. Случилось, однако, такъ, что настроеніе этого писателя гармонировало съ настроеніемъ общества. Быть можетъ, мы мечтали и думали не совсѣмъ о той свободѣ, о которой заговорилъ въ своихъ произведеніяхъ М. Горькій, но онъ до извѣстной степени утолилъ нашу тоску, заговорилъ о близкомъ и всѣмъ намъ дорогомъ настроеніи. Горькій пришелъ какъ разъ во-время, заговорилъ какъ разъ о томъ, чѣмъ всѣ мы интересовались. Онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему стихійному, часто даже безсознательному стремленію къ личной свободѣ».

Какъ результатъ этого двойного стремленія—къ правдѣ и свободѣ—явился культъ сильной личности, которая только и можетъ осуществить въ жизни это стремленіе вполнѣ. Самымъ яркимъ выразителемъ этого культа сильной личности явился Ницше, которому удалось создать образъ сильнаго, могучаго человѣка, сильнаго своею непосредственностью, сильнаго не потому, что онъ этого желаетъ, а потому, что онъ таковъ отъ природы. Въ сущности его «сверхчеловѣкъ» это естественный, сильный физически и мощный духовно человѣкъ, какимъ долженъ

бы быть каждый изъ насъ при правильномъ развитіи всѣхъ заложенныхъ въ насъ природой задатковъ. Условія современной общественной жизни, воспитаніе и мораль, выработанная вѣками рабства, исковеркали здоровое и мощное ядро человѣка, превративъ его въ существо подчиненное и слабое, только смутно сознающее, что оно создано съ лучшими задатками и для лучшей доли. Ницше выразилъ весь трагизмъ сознанія того, чѣмъ долженъ и можетъ быть человѣкъ, и того, что онъ есть теперь. Поражающая насъ аморальность «сверхчеловѣка» только отражаетъ глубину этого различія. Стать такимъ «сверхчеловѣкомъ» никто изъ насъ не можетъ, потому что «настоящая здоровая сила никогда не можетъ быть искусственной, она всегда естественна и заключается въ слѣдованіи природѣ, вѣрѣ въ нее». Поэтому нѣтъ ничего смѣшнѣе и отвратительнѣе тѣхъ исковерканныхъ послѣдователей Ницше, которые, не обладая никакими прирожденными задатками силы, пытаются проводить въ своей жизни идеи сверхчеловѣческой морали. Имъ то главнымъ образомъ обязанъ Ницше, что его благородныя идеи такъ плохо понимаются и получаютъ несвойственный имъ отталкивающій оттѣнокъ насилія и дикой разнузданности.

Стремленіе къ личной свободѣ сильнѣе всего проявилось въ современной женщинѣ, которая даже въ большей степени, чѣмъ мужчина, проникнута стремленіемъ къ самостоятельности и правдѣ. Здѣсь она сталкивается съ любовью, которая всегда деспотична, и эта коллизія свободы и любви остается нерѣшеннымъ вопросомъ, занимающимъ въ современной литературѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Ибсенъ далъ рядъ типовъ сильныхъ женщинъ, но не далъ никакого рѣшенія вопроса, ибо его совѣтъ положить въ основу отношеній между женщиной и мужчиной не любовь, а нѣчто другое—дружественное взаимное сотрудничество—неудовлетворяетъ могучаго естественнаго влеченія. Другіе пошли еще дальше и во имя свободы проповѣдывали отреченіе отъ любви и жизни, чуть не аскетическое подавленіе всѣхъ естественныхъ стремленій, какъ, напр., г. Минскій въ своей уродливой драмѣ «Альма». Новая женщина съ ея новыми запросами отъ жизни еще не нашла своего изобразителя въ литературѣ, въ которой намѣченъ рядъ характерныхъ чертъ этой женщины, но цѣльнаго образа ея нѣтъ еще, потому что его нѣтъ еще и въ жизни: мы присутствуемъ при его нарожденіи.

Итакъ, вотъ каковы отличительныя черты новаго настроенія: «стремленіе быть правдивымъ, свободнымъ и сильнымъ, желаніе стать самимъ собой». Это желаніе является безусловно характернымъ для нашего времени, причемъ въ немъ, какъ и во всякомъ молодомъ порывѣ, есть много наивнаго задора, подчасъ много смѣшного, крикливаго, уродливаго даже, неискренняго и прямо лживаго. Но само по себѣ «это желаніе человѣка быть самимъ собой безусловно здоровое, многообѣщающее стремленіе, въ немъ чувствуется живая человѣческая душа, способность бороться съ препятствіями, желаніе жить полною жизнью. Это стремленіе заставляетъ надѣяться, что скоро, быть можетъ, вымрутся люди, которые никогда ничего не желаютъ, ко всему относятся безразлично и равнодушно, которые не способны бороться, умѣютъ ко всему приспособляться, могутъ лишь плыть по теченію. Теперь несомнѣнно выходятъ

жизнь люди желающіе и смѣлые, люди съ яркою индивидуальностью, и каковы бы ни были ихъ желанія, стоятъ, конечно, несравненно выше ихъ слабыхъ, сѣрыхъ, вѣчно ноющихъ и не любящихъ жизни предшественниковъ. Будущее принадлежитъ людямъ правдивымъ, свободнымъ, сильнымъ духомъ, страстно любящимъ жизнь и не желающимъ напрасно убивать ни одного своего здороваго стремленія, ни одного живого чувства».

Какъ видимъ, тонъ и настроеніе молодого критика въ высшей степени по[д]ъемный и жизнерадостный, что привлекаетъ къ нему даже и тогда, когда онъ вызываетъ возраженіе, какъ, напр., въ своемъ преклоненіи передъ новою женщиной, въ которой по существу пока мы не видимъ чего-либо нарочито новаго, по крайней мѣрѣ въ русской литературѣ. Но въ общемъ его формулировка вѣрно выражаетъ сущность новыхъ вѣяній въ искусствѣ и литературѣ, о чемъ не разъ приходилось говорить и намъ по поводу различныхъ новыхъ произведеній.

Совершенную противоположность ему составляетъ г. Пекаторосъ, въ брошюрѣ котораго, въ формѣ діалога, затронуты тѣ же вопросы, но рѣшеніе его иное. Выразителемъ его взглядовъ выступаетъ лицо съ многознаменательною фамиліей *Зосимовъ*, напоминающей отца Зосиму въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Не только въ этомъ заключается совпаденіе. Въ двухъ діалогахъ высказываются представители разныхъ направленій: и ницшеанецъ, и эволюціонистъ, и эстетикъ, и просто обыватель, изумляющійся тому, что творится вокругъ,— всѣхъ ихъ пытается примирить Зосимовъ, объединяя всѣ волненія текущей минуты въ одномъ: мы утратили «кумиръ», которому могли бы всецѣло подчиниться. «Рядомъ съ этимъ стремленіемъ къ своеволію существуетъ въ человѣческой душѣ потребность совершенно противоположная, потребность страстная, мучительная; это—потребность подчиненія, потребность связать свою волю, подчинить ее какому-нибудь безусловному авторитету, какому-нибудь кумиру, потому что человѣкъ не можетъ жить безъ кумира». Выходъ изъ такого трагическаго положенія онъ видитъ одинъ—въ подчиненіи себя особой силѣ. «Что же это за сила? Что это за центръ, что это за источникъ свѣта, все просвѣтляющій, все объединяющій, дающій всему смыслъ и значеніе? Это — Богъ». Далѣе онъ развиваетъ пантеистическую идею Божества, нѣсколько туманную и неясную, въ которой любовь, сила и воля слиты воедино. Этотъ центръ его и долженъ, по мысли г. Пекатороса, заступить мѣсто утраченнаго кумира и объединить разрозненное человѣчество. Будучи далеки отъ всякихъ возраженій автору, замѣтимъ лишь, что его открытіе старо, какъ міръ, ибо съ первой минуты сознательнаго существованія человѣчество стремится къ Богу, въ разное время разно его понимая и представляя. Такъ что, указавъ на Бога, какъ на источникъ всего, что мы представляемъ себѣ высокаго и прекраснаго, г. Пекаторосъ въ сущности не сказалъ ничего, повторивъ азбучную истину, безсознательно впитанную нами еще въ дѣтствѣ. Его собесѣдники мало что могли почерпнуть изъ его поясненій, и ихъ тревоги остались безъ отвѣта. «Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ», говоритъ мудрая народная посло-

*

вица, и въ ней лучшій отвѣтъ г. Пекаторосу на его приглашеніе — отда
на волю Божью.

Обѣ брошюры, какъ видятъ читатели, имѣютъ несомнѣнный интересъ,
казывая, сколько новыхъ и тревожныхъ запросовъ волнуютъ умы. Мы вид
въ нихъ проявленіе дыханія жизни, бьющейся сильною волной, ищущей
хода и цѣли,—и въ этомъ, по нашему мнѣнію, и заключается интересъ п
живаемаго нами времени.

До сихъ поръ не проходитъ волненіе, вызванное во врачебномъ мірѣ
явленіемъ «Записокъ врача» г. Вересаева, и предъ нами новый отголос
этихъ волненій, — и преоригинальный. Это — критика «Записокъ», сдѣлан
проф. Сикорскимъ съ точки зрѣнія психіатра.

Свой разборъ г. Сикорскій начинаетъ съ указанія, что ни врачи, ни
блика не поняли книги. Объясняется это тѣмъ, что «произведенія этого п
теля не были предметомъ оцѣнки и разбора научной или художественной к
тики», чего нельзя никому ставить въ упрекъ, «потому что художественн
темы, за которыя взялся Вересаевъ, во всякомъ случаѣ новы, и для кри
ческой ихъ оцѣнки требуется художественная и психологическая а, быть
жетъ, даже психіатрическая подготовка».

Какъ психіатръ, проф. Сикорскій и примѣнилъ къ книгѣ Вересаева п
хіатрическую критику, и на основаніи данныхъ, собранныхъ въ безчисленны
психіатрическихъ изслѣдованіяхъ, объявляетъ, что изображенный въ книгѣ т
врача принадлежитъ къ типу «неполныхъ или недоразвившихся характеровъ
«Существенную черту этихъ характеровъ составляетъ слабое, не довольно пол
развитіе воли, при достаточномъ, иногда даже весьма тонкомъ развитіи ума
въ особенности чувства. Получается такимъ образомъ нѣкоторая психологи
ская односторонность у человѣка, нерѣдко одареннаго и талантливаго. Слабо
воли лишаетъ подобнаго индивидуума возможности сдерживать и подавлять св
душевныя волненія, вслѣдствіе чего субъекты со слабою волей крайне чувств
тельны и впечатлительны, легко и часто волнуются и, предаваясь волненія
страдаютъ и нравственно мучатся тамъ, гдѣ нормальные люди разумно и твер
сдерживаютъ свое волненіе. Наряду со слабою или недостаточно сильною во
у людей разбираемаго типа существуютъ сильныя чувства и нерѣдко тон
умственный анализъ, благодаря чему эти натуры часто отличаются особенн
проницательностью какъ въ отношеніи внѣшнихъ впечатлѣній, такъ и по от
шенію къ своему собственному внутреннему міру, который они изображаю
съ поразительною точностью. Хотя такое преобладаніе ума и чувства надъ в
лей во многихъ случахъ невыгодно для личности, но, съ другой стороны, о
имѣетъ и свою выгодную сторону: затрудняя дѣятельную жизнь, оно предра
полагаетъ къ воображенію и искусству и направляетъ человѣка къ идеальн
жизни».

Всѣ данныя этой характеристики проф. Сикорскій находитъ въ героѣ «За
писокъ», тщательно прослѣживая *всѣ* проявленія чувства и чувствительност
всѣ колебанія воли и нерѣшительность героя въ разныхъ случаяхъ. Начиная

ванія на чувственность, которую нормальный студентъ, по его словамъ, при видѣ обнаженной женщины или не испытываетъ, или рѣшительно подавляетъ волею, и указаній на неподготовленность молодого врача, все это проф. Сикорскій считаетъ правильнымъ, но для суъбектовъ съ недостаточно сильною волей. Увлекшись психіатрическимъ изслѣдованіемъ, критикъ забылъ, что по свидѣтельству цѣлаго ряда врачей, отмѣчаемые въ «Запискахъ» факты и наблюденія Вересаева потому и цѣнны, и важны, что являются вовсе не слабостями или особенностями, присущими герою «Записокъ», а присущи если не всѣмъ, то огромному большинству начинающихъ медиковъ. Въ откровенныхъ и искреннихъ разоблаченіяхъ стараго врача г. Жбанкова мы читали полное признаніе профессіональной *правды* именно всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые проф. Сикорскій приписываетъ ненормальности воли героя. То же самое заявляли и другіе врачи, идя въ этомъ отношеніи дальше автора «Записокъ». И мы, читатели профаны, охотнѣе вѣримъ ихъ показаніямъ, выстраданнымъ на личномъ опытѣ, чѣмъ высокомѣрному заявленію психіатра, разрѣшающаго всю сложность поднятыхъ «Записками» вопросовъ однимъ словечкомъ «типъ съ недоразвитою волей», какъ и раньше другой профессоръ рѣшилъ тѣ же вопросы еще проще, объявивъ автора «Записокъ» дегенерантомъ.

Правда, проф. Сикорскій дѣлаетъ свое изслѣдованіе героя «Записокъ» более умѣло, тщательно и съ признаніемъ достоинства его, какъ человѣка чувствительнаго, умнаго, наблюдательнаго, но тѣмъ не менѣе страдающаго «отсутствіемъ гармоніи между отдѣльными сторонами его души». Онъ отдаетъ должную дань чувству, проникающему «Записки», и даже называетъ книгу Вересаева «зеркаломъ профессіональной совѣсти»—«это жалоба души, которая несетъ одну изъ самыхъ тяжкихъ службъ въ обществѣ». Но все же это душа «ненормальная», раздвоенная, а нормальный, цѣльный врачъ, не знаетъ ни сомнѣній, ни колебаній, ни запросовъ, испытываемыхъ героемъ «Записокъ» на каждомъ шагу его карьеры. Такъ ли это? Думаемъ, что если бы проф. Сикорскій былъ правъ, то судьба медицины была бы очень печальна. Такіе «нормальные», ничѣмъ и никогда не смущающіеся врачи превратили бы ее въ мертвое ремесло, осужденное на деградацію, лишили бы ее важнѣйшаго элемента прогресса—сомнѣнія и недовольства, которыя такъ живо испытываютъ великіе учителя въ этой наукѣ, упоминаемые Вересаевымъ, Жбанковымъ и другими. Вѣдь муки героя «Записокъ» потому и важны, что это *общія* муки, какъ подтверждаетъ это свидѣтельство Бильротовъ, Пироговыхъ, Боткиныхъ. Неужели и эти двигатели медицины, какъ науки, тоже страдаютъ «отсутствіемъ гармоніи души?» Если такъ, то Богъ съ ней, съ пресловутою гармоніей, разъ она можетъ лишить медицину такихъ свѣтилъ. Посредственность, дѣйствительно, всегда гармонична, въ ней всего понемножку и въ равной дозѣ—и воли, и ума, и чувства, ровно столько, чтобы топтаться на мѣстѣ съ самодовольнымъ сознаніемъ, что все обстоитъ благополучно.

И только эти, по мнѣнію проф. Сикорскаго, неуравновѣшанные, слабосильные мученики сомнѣній двигаютъ науку и жизнь, замѣчая и чувствуя всѣмъ существомъ трагизмъ противорѣчій между наукой и жизнью. Для науки и ея

изученія необходимы изслѣдованія, оскорбляющія стыдливость, необходимы вскрытія, нарушающія извѣстное благочестивое отношеніе къ останкамъ намъ близкихъ, необходимы вивисекціи, попирающія чувство состраданія, необходимы «горы труповъ», по которымъ идетъ медицина къ успѣхамъ, и проч. И «неуровнавѣшенный» мыслитель задумывается надъ этими вопросами, а проф. Сикорскій объясняетъ его мучительныя сомнѣнія «слабою или недостаточно сильною волей», которая не позволяетъ ему побѣдить эти сомнѣнія. При первыхъ шагахъ на практикѣ молодой врачъ видитъ свою неподготовленность и вытекающія отсюда ошибки, роковыя для паціентовъ, а психіатръ-критикъ упрекаетъ его въ недостаточной рѣшительности, въ «неспособности произвольно управлять вниманіемъ», ни однимъ словомъ не обмолвившись, что недостатокъ школы и знаній не можетъ быть устраненъ самою рѣшительной волею. И такъ далѣе, въ цѣломъ рядѣ вопросовъ, волновавшихъ героя «Записокъ». На всѣ эти упреки лучшій отвѣтъ данъ самимъ г. Вересаевымъ, почему не станемъ дольше задерживать на нихъ вниманіе читателей.

Критика проф. Сикорскаго лишній разъ показываетъ, насколько вѣренъ комичный афоризмъ Кузьмы Пруткова: «спеціалистъ подобенъ флюсу, ибо полнота его одностороння». Увлекшись чисто психіатрическимъ діагнозомъ, профессоръ проглядѣлъ все, что не отвѣчало его рѣшенію, и въ заключеніе приходитъ къ безотрадному выводу, что «типъ, изображенный Вересаевымъ, это старый типъ, хорошо извѣстный въ русской литературѣ—типъ колеблющагося, сомнѣвающагося, ноющаго, безсильнаго человѣка... типъ жалкаго современнаго человѣка, который возмущаетъ насъ своими недочетами, своею однобокостью (употребляя терминологію автора «Записокъ») и своимъ нравственнымъ безсиліемъ. Современная психопатологія выяснила, что основною чертой такихъ характеровъ является недоразвитая воля. Авторъ «Записокъ» показалъ намъ на своемъ героѣ, что подобное недоразвитіе воли можетъ быть слѣдствіемъ недостаточнаго упражненія силъ».

Это заключеніе глубоко невѣрно. Герой «Записокъ» вовсе не безсильный и жалкій человѣкъ, такъ какъ на каждомъ шагу онъ борется и если не выходитъ побѣдителемъ, то вина не въ недостаткѣ силъ, а въ условіяхъ какъ медицины, такъ и жизни,—и на эту сторону «Записокъ» проф. Сикорскій совершенно не обратилъ вниманія. Въ русской литературѣ «типъ колеблющагося, сомнѣвающагося, ноющаго, безсильнаго человѣка» извѣстенъ, дѣйствительно, давно, подъ именемъ «лишнихъ людей», только бередящихъ раны, но неспособныхъ ихъ врачевать. Герой Вересаева, напротивъ, съ мужествомъ, достойнымъ удивленія, идетъ на все, чтобы исправить свои недостатки и восполнить недочеты школы, ни предъ чѣмъ не отступаетъ, и его безсиліе—это безсиліе науки, съ одной стороны, съ другой—его неудачи зависятъ отъ невозможныхъ условій современности. Рѣшительность въ тѣхъ положеніяхъ, въ какихъ мы его видимъ, была бы убійственна, что онъ и испыталъ на опытѣ въ одномъ случаѣ. Такая, ни съ чѣмъ не считающаяся рѣшительность, свойственна только невѣжественному, самоувѣренному и ограниченному человѣку, и, конечно, проф. Сикорскій не желалъ бы видѣть такими своихъ учениковъ.

Въ концѣ концовъ, мы приходимъ къ тому же старому выводу, что художественная, не медицинская, не врачебная критика вѣрнѣе и глубже оцѣнила и героя «Записокъ», и значеніе книги г. Вересаева. И это очень понятно: свободная отъ профессіональное точки зрѣнія, не ослѣпляемая профессіональными интересами, она могла безпристрастно взглянуть на ту картину душевной борьбы и современнаго состоянія медицины, которую далъ авторъ.

А .Б.

Театральныя замѣтки.

II. Объ исторической драмѣ.—«Монна Ванна» Метерлинка— Возобновленіе «Димитрія Самозванца» Островскаго, трагедія Хомякова на ту же тему и «подлинный» Димитрій г. Суворина.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ трудѣ по современному театру—«Отъ Скриба къ Ибсену» (1896 г.), увѣнчанномъ преміей парижской академіи, извѣстный французскій критикъ (въ «Revue des deux Mondes») Ренэ Думикъ довольно рѣзко высказывался противъ историческихъ драмъ, называя этотъ видъ литературы «самымъ фальшивымъ и самымъ несноснымъ, какой только можно себѣ представить».

Даже мелодрама, водевиль и оперетка представлялись ему болѣе живыми отраслями драматической литературы, но «кто же,—спрашивалъ Думикъ,— осмѣлится отстаивать права исторической драмы?» Положеніе зрителя, если онъ не принадлежитъ къ цеху ученыхъ, самое неблагопріятное, когда онъ смотритъ историческую драму: «Если не знаешь хронологіи по пальцамъ, то чувствуешь себя потеряннымъ. Если свободно не оріентируешься въ самыхъ мелкихъ частностяхъ великихъ событій и достопамятныхъ превратностей, то оказываешься словно въ темномъ погребѣ. Если не жилъ мысленно въ ближайшемъ общеніи съ королями и принцами, то рискуешь ничего не понять въ тѣхъ разговорахъ, которые они передъ вами ведутъ» и т. д.—слѣдуетъ забавная, хотя и нѣсколько парадоксальная «бутада» писателя, проникнутаго идеями «современности» и задачами «новой поэтики», котораго *потревожили*, заставивъ отвлечься отъ злобъ дня, припомнить вынесенные изъ школы уроки исторіи и смотрѣть на драматическую обработку «Заговора въ Амбуазѣ» (пьеса Луи Булье) изъ эпохи войнъ гугенотовъ въ XVI-мъ вѣкѣ. Но «историческая драма», хотя и предназначаемая, по мнѣнію Думика, преимущественно для ученыхъ, не способна и ихъ удовлетворить, такъ какъ по своей сущности представляетъ «смѣсь истины и вымысла», и это раздражаетъ настоящаго историка. Трудно разобраться, гдѣ кончается историческая правда и гдѣ начинается вымыселъ художника и, въ концѣ-концовъ, теряешь почву подъ ногами. Мало того, уже Скрибъ формулировалъ съ чрезвычайною ясностью основной законъ исторической драмы, который сводится къ тому, чтобы «подчинять главное побочному и на все смотрѣть съ мелочной точки зрѣнія (par le petit coté). «Нынѣ историческая драма больше не въ модѣ,—заключаетъ Думикъ.—

Она нравилась въ свое время. Она, вѣроятно, отвѣчала вкусамъ публики и возникла изъ умственныхъ потребностей даннаго времени», но теперь это уже не есть живая форма литературы.

Ополчались, какъ извѣстно, на историческую драму и съ другихъ сторонъ, съ точки зрѣнія принциповъ реалистическаго искусства. Положенія этой школы формулированы г-номъ Отто фонъ-деръ-Пфортенъ въ новомъ этюдѣ «О значеніи и сущности исторической драмы» (1901 г.) слѣдующимъ образомъ: «можно хорошо знать лишь свое время; историческая драма принадлежитъ къ идеалистическому, устарѣлому искусству и лишена жизнеспособности; авторъ, принимающійся за такую задачу, совсѣмъ не «современный» человѣкъ».

Однако, какъ это часто бываетъ съ положеніями, которымъ придается слишкомъ категорическій смыслъ, они не оправдываются на дѣлѣ: реализмъ слишкомъ поспѣшилъ «похоронить» историческій «идеализмъ», который снова раздвинулъ рамки съуженнаго кругозора будничной правды, и интересъ къ историческимъ темамъ за послѣднее время какъ будто пробуждается, но въ своеобразной формѣ, которую мы пока еще не рѣшимся точно опредѣлить.

Не слѣдуетъ смѣшивать, конечно, историческія темы полуфантастическаго характера съ тѣмъ, что называется историческою драмой въ тѣсномъ смыслѣ слова. Мы не назывемъ «исторической драмой», напримѣръ, изящную пьесу Метерлинка—«Монна Ванна», извѣстную нашимъ читателямъ по переводу Т. А. Богдановичъ и даваемую теперь въ вольномъ переложеніи бѣлыми стихами г-жи Щепкиной-Куперникъ (для чего или для кого нужно было это подслащиваніе хорошей, выразительной въ своей изящной простотѣ, прозаической рѣчи бельгійскаго поэта?) въ «Новомъ театрѣ» г-жи Яворской. Въ этой пьесѣ «исторія» почти не играетъ роли; поэтическій замыселъ автора, моральная проблема, выдвинутая имъ, заслоняютъ интересъ къ исторической эпохѣ, въ которую дѣйствіе перенесено. Самоотверженный героизмъ, служащій цѣломудренною охраной при самой рискованной ситуаціи, чистая любовь, побѣждающая грубыя поползновенія плоти, и «союзъ души съ душой родной», рождающійся при отсутствіи всякихъ физическихъ соблазновъ (повязка на лицѣ Гвидо и плащъ, скрывающій наготу монны Ванны), наконецъ, обычное людямъ недовѣріе къ побѣдѣ нравственнаго чувства въ человѣкѣ надъ физическимъ вожделѣніемъ, такъ что больше снисхожденія вызываетъ проступокъ, если бы онъ былъ совершенъ, чѣмъ духовная побѣда, въ угоду людямъ облеченная ложью,—все это мотивы, которые, конечно, не принадлежатъ спеціально опредѣленной исторической эпохѣ, несмотря на принадлежность сюжета къ эпохѣ итальянскаго возрожденія. Это темы—«внѣ пространства и времени» и даже скорѣе современныя, чѣмъ дѣйствительно заимствованныя изъ исторіи. Современенъ и возрожденный идеализмъ въ литературѣ, хотя, повидимому, г-жа Яворская другого мнѣнія: вмѣсто скромной, приносящей дѣйствительно тяжелую для себя жертву, цѣломудренной героини, которая подчиняется для спасенія родного города грубому требованію явиться нагою подъ плащемъ въ палатку предводителя вражескаго стана, она выступаетъ въ роли какой-то куртизанки-соблазнительницы, въ красномъ халатѣ, вмѣсто темнаго плаща, съ распущенными во-

позами, съ вызывающими жестами и т. п.—все это, можетъ быть, эффектно, но и весьма фальшиво, причемъ замыселъ поэта представляется совершенно искаженнымъ.

Но оставимъ въ сторонѣ исполненіе: «Монна Ванна» все же не есть въ строгомъ смыслѣ историческая драма, несмотря на присущій ей историческій колоритъ, намѣченный рукою мастера. Прошумѣвшія пьесы Ростана—«Сирано де-Бержеракъ» и «Орленокъ»—представляются по сущности возрожденіемъ романтизма; онъ обновленъ въ формѣ, въ стилѣ рѣчи, въ структурѣ стиха, но остается въ ядрѣ самаго замысла, и надо признать, что, дѣйствительно, именно романтизмъ создалъ историческую драму, каковы бы ни были особенности, достоинства и недостатки различныхъ пьесъ этого типа у разныхъ представителей, романтизмъ съ его стремленіемъ къ живописности, съ его вѣрой въ «духъ народовъ», съ его погоней за національными сюжетами различныхъ народностей. Настоящій расцвѣтъ исторической драмы и совпадаетъ съ періодомъ господства романтизма въ европейскихъ литературахъ. Реализмъ пошелъ наперекоръ этому увлеченію данною литературною формой, но, конечно, не убилъ ее, а преобразовалъ; вышеназванный нѣмецкій критикъ старается прояснить, какимъ образомъ запросы реализма примиряются съ задачами исторической драмы: ссылаясь на то, что, вообще, трудно установить границы между прошлымъ и настоящимъ, ибо сегодняшняя «актуальность» уже завтра можетъ стать «исторіей», онъ видитъ задачи исторической драмы въ томъ, чтобы драматурги, идя рука объ руку съ успѣхами историческихъ наукъ, воспроизводили на сценѣ историческую правду въ ея настоящемъ пониманіи. Это, при всемъ различіи въ опредѣленіи того, что есть «настоящее пониманіе» исторической правды, сводится къ возобновленію традицій историческихъ хроникъ въ сценической обработкѣ—другой и болѣе древній источникъ исторической драмы. Этого принципа придерживались и на самомъ дѣлѣ драматурги, «реалисты» по своимъ общимъ воззрѣніямъ на искусство и тѣмъ не менѣе обращавшіеся къ историческимъ темамъ для обработки ихъ примѣнительно къ сценѣ. У насъ самымъ яркимъ представителемъ такого направленія служитъ Островскій. Но, говорятъ, теперь и «реализмъ» въ его прежнемъ пониманіи «вышелъ изъ моды»: если онъ не сошелъ, да и конечно, не можетъ (въ смыслѣ требованія художественной правды), совсѣмъ сойти со сцены, то принялъ иное направленіе, преобразованъ, и насъ во многомъ уже не удовлетворяютъ пріемы композиціи даже великихъ мастеровъ старой школы.

Здѣсь неумѣстно было бы входить въ подробный анализъ нашихъ современныхъ требованій отъ художественнаго произведенія въ отличіе отъ пріемовъ, представляющихся намъ уже «архаичными»: нѣмецкій критикъ ихъ и не касается, но, намѣчая судьбы исторической драмы въ Германіи, послѣ Гёте и Шиллера до Ибсена включительно, указываетъ на два теченія: одни драматурги, дескать, являются въ большей или меньшей мѣрѣ подражателями Шиллера, другихъ онъ называетъ «тенденціозно-политическими писателями (politischen Tendenzpoeten)». Двумъ историческимъ драмамъ Ибсена («Претенденты на престолъ» и «Императоръ и галилеянинъ») онъ выдѣляетъ особое мѣсто, по ихъ историко-фило-

софскому содержанію; въ то же время онъ причисляетъ къ историческимъ или полу-историческимъ драмамъ такія произведенія, какъ «Ткачи» Гауптмана и «Іоаннъ» Зудермана. «Историческій» интересъ въ этихъ двухъ пьесахъ намъ представляется сомнительнымъ; онѣ проникнуты слишкомъ современными понятіями, запросами, надеждами и воззрѣніями и выборъ сюжета обусловленъ его «актуальностью», несмотря на археологически вѣрную обстановку дѣйствія, напримѣръ, въ пьесѣ Зудермана.

Теперь, если сопоставить вышеприведенныя откровенно-отрицательныя замѣчанія современнаго «зрителя» и критика, г. Ренэ Думика, по поводу чисто исторической драмы стараго типа, неинтересной и даже малопонятной для непосвященныхъ въ данную область историческихъ разысканій, съ тѣмъ отношеніемъ къ историческимъ темамъ, которое замѣчается у новѣйшихъ драматурговъ, мы можемъ приблизительно намѣтить такую форму живого и понынѣ литературнаго рода: въ пьесѣ должна быть общая идея, возможная въ разныя эпохи, но въ томъ или другомъ отношеніи связанная съ нашимъ міросозерцаніемъ, съ мучительными запросами и страстнымъ исканіемъ правды и настоящихъ устоевъ жизни, которыя такъ характерны для великаго броженія мысли, происходящаго въ настоящее время. Спокойно-объективное созерцаніе историческаго прошлаго не заставляетъ вибрировать нервы современнаго зрителя. Онъ сталъ требовательнѣе въ воспроизведеніи этого прошлаго, благодаря успѣхамъ исторіи и археологіи; но это касается преимущественно лишь обстановки дѣйствія. Онъ считается съ историческою правдой также въ изображеніи нравовъ и характеровъ и не можетъ уже мириться съ наивными, психологическим и иными анахронизмами старо-романтическихъ драмъ, но откровенно скучаетъ, когда ему подносятъ «историческую хронику», хотя бы и обновленную по новѣйшимъ изслѣдованіямъ современной науки. Выборъ историческаго момента, конечно, въ полной волѣ автора, но онъ долженъ представить сюжетъ въ такомъ видѣ, чтобы, во-1-хъ, все было ясно безъ справокъ въ спеціальныя монографіи по данному вопросу и, во-2-хъ, чтобы идейная и психологическая сторона художественнаго произведенія была намъ непосредственно близка. Такъ возникаетъ новый типъ «исторической драмы», археологически-реальной въ деталяхъ, исторически-правдивой въ общихъ очертаніяхъ и близкой намъ по своему этико-философскому содержанію.

Однако, каковы бы ни были наши требованія и ожиданія отъ новыхъ произведеній, которыя не вращались бы въ шаблонахъ прежняго искусства, а представлялись бы дѣйствительнымъ выраженіемъ нашего времени, мы, понятно относимся съ неизмѣннымъ уваженіемъ къ твореніямъ старыхъ мастеровъ и способные любоваться ихъ искусствомъ, стараясь проникнуть въ ихъ замыслы и вынести то впечатлѣніе, которое они имѣли въ виду произвести. Не всегда это удается въ равной мѣрѣ, но многое достигается иногда при помощи театральныхъ аксессуаровъ. Въ этомъ отношеніи положительно выдается новая постановка «Димитрія Самозванца» на сценѣ Александринскаго театра. Пьеса эта не изъ лучшихъ въ серіи историческихъ драмъ покойнаго писателя, хотя очень умно задумана и обладаетъ многими весьма несомнѣнными преиму-

ществами, о которыхъ намъ хотѣлось бы напомнить. Ея главный недостатокъ, отсутствіе драматической коллизіи, настоящаго драматическаго «узла», изобиліе разговоровъ и монологовъ, вслѣдствіе чего послѣ нѣсколькихъ картинъ начинаетъ повѣивать скукой: тутъ именно мастерство режиссеровъ (г. Санинъ) приходитъ на выручку и народныя сцены (особенно «улица въ Китай-городѣ» и послѣдняя картина мятежа), великолѣпно разыгранныя въ стилѣ московскаго Художественнаго театра, оживляютъ вниманіе и даютъ то, что называется въ тѣсномъ смыслѣ «зрѣлище»: живую и яркую картину народнаго движенія, быть можетъ подъ конецъ лишь черезчуръ уже шумную, но, что и говорить, «реалистично» до послѣдней степени. Изъ отдѣльныхъ исполнителей можно отмѣтить г-на Ленскаго въ роли кн. Василія Шуйскаго, г. Аполлонскаго въ роли Самозванца, интересно переданной въ нѣкоторыхъ деталяхъ, хотя къ концу пьесы талантливый артистъ усваиваетъ слишкомъ однотонную, какъ бы деревянную дикцію, причемъ отдѣльныя фразы лишены рельефа; наконецъ, весьма хорошъ въ небольшой эпизодической роли дьяка Осипова г. Ходотовъ. Г-ну Каширину въ роли калачника не мѣшало бы побольше подвижности, а г-жа Стравинская отнюдь не передаетъ обаянія и тонкаго кокетства польской красавицы—Марины Мнишекъ, полонившей сердце отважнаго юноши.

Вопросъ о нѣкоторой переоцѣнкѣ историческихъ сценъ Островскаго напрашивается въ виду параллельныхъ спектаклей въ театрѣ литер.-художеств. общества новой драмы г. Суворина на ту же тему. Но сперва мы отмѣтимъ нѣсколько точекъ сближенія «хроники» Островскаго со старинной, лишь недавно, впрочемъ, полностью изданной трагедіей Хомякова «Димитрій Самозванецъ» (1899) сыномъ поэта Н. А. Хомяковымъ, такъ какъ въ прежнемъ изданіи 1833 года сдѣланы были пропуски, по условіямъ тогдашней цензуры *). Трагедію Хомякова, кстати сказать, слушалъ въ чтеніи и Пушкинъ, незадолго передъ тѣмъ закончившій своего «Бориса Годунова», но, по замѣчаніи ея новаго издателя, «кажется», она не была представлена въ театрѣ. Къ сценической постановкѣ она и плохо подходитъ какъ по объему, такъ и по способу обработки сюжета: это, конечно, «книжная» драма, и авторъ ея всего менѣе былъ поэтомъ-драматургомъ. Но интересна концепція сюжета, и многія отдѣльныя мѣста имѣютъ, какъ увидимъ, не только историческое значеніе. Послѣ Пушкина Хомяковъ, конечно, не рѣшился дать новую обработку первоначальной исторіи Самозванца, до его восшествія на престолъ: въ его трагедіи Димитрій, или вѣрнѣе Лжедимитрій уже является московскимъ государемъ, и хотя, также какъ Пушкинъ, авторъ считаетъ его авантюристомъ, проведшимъ ранніе годы своей жизни «въ изгнаніи, скитаясь по вертепамъ. Дре-

*) Перечень всѣхъ драматическихъ обработокъ исторіи Самозванца, еще при жизни попавшаго на сцену (драма Лопе де-Вега), сдѣланъ пр-мъ Шмурло въ его вступительномъ этюдѣ къ «Димитрію» Шиллера, въ русскомъ изданіи Шиллера («Библіотека великихъ писателей», изд. Брокгауза и Ефрона, Спб. 1901). Останавливаемся только на трагедіи Хомякова, такъ какъ она имѣетъ больше всего точекъ соприкосновенія съ «историческою хроникой» Островскаго, обусловленнаго съ другой стороны работами Костомарова.

мучій лѣсъ, небесъ пустынныхъ кровъ—жилищемъ были мнѣ, а ножъ защитой», но относится къ нему съ нескрываемымъ сочувствіемъ; Хомяковъ придерживался народнаго взгляда, по которому «Самозванецъ казался избавителемъ отъ зла—прикрѣпленія къ землѣ», учиненнаго Годуновымъ, и видѣлъ у него «намеки на стремленіе привить къ Россіи европейское просвѣщеніе, мысль о войнѣ съ турками» и т. п. Хомяковъ выставляетъ его наполовину убѣжденнымъ въ своемъ царскомъ происхожденіи: «Я видѣлъ, какъ въ туманѣ, картины дѣтства, пышный дворъ. Едва я помнилъ, будто сонъ несвязный, странный, что кровь царей течетъ во мнѣ... Теперь все снова ясно стало». Но это, такъ сказать, лишь субъективное настроеніе Димитрія, который въ дальнѣйшемъ ходѣ пьесы возвращается къ своей роли безвѣстнаго юноши-бродяги, возведеннаго какими-то невѣдомыми ему путями въ санъ царевича, а потомъ и на московскій престолъ.

У Островскаго непроизвольность внезапнаго возвышенія Димитрія и историческій смыслъ всего движенія мастерски переданы въ монологѣ царевича, обращающагося къ тѣни Грознаго: «Я себя не знаю,—говоритъ Димитрій. Младенчества не помню. Царскимъ сыномъ я назвался не самъ; твои бояре давно меня царевичемъ назвали....» «Въ Польшѣ

Король меня царевичемъ назвалъ,
Благословилъ на царство папа,
Царевичемъ зовутъ меня бояре,
Царевичемъ зоветъ меня народъ,
Усыновленъ тебѣ я цѣлой Русью!
Не твой я сынъ,—а развѣ Годуновы
Наслѣдники тебѣ? А развѣ Ромулъ,
Пастушій сынъ, волчицею вздоенный
Царемъ рожденъ?...
Такъ кто же я?... Ну если не Дмитрій,
То сынъ любви иль прихоти царевой...
Я чувствую, что не простая кровь
Течетъ во мнѣ...
Мнѣ битвъ кровавыхъ нужно, нужно славы
И цѣлый свѣтъ въ свидѣтели геройства
И подвиговъ моихъ. Отецъ мой грозный,
Пусти меня!

Островскій присоединилъ одну существенную черту къ характеристикѣ Самозванца, чувствующаго себя, однако, волею судебъ, на своемъ мѣстѣ, по достиженіи власти—это гуманность: «Я не возьму тиранскихъ правъ твоихъ—губить и мучить. Я себѣ оставлю—одно святое право всѣхъ владыкъ—прощать и миловать». Это стремленіе обусловило, прежде всего, одно значительное видоизмѣненіе въ конструкціи пьесы Островскаго, по сравненію съ Хомяковымъ, причемъ Островскій достигъ одновременно и большей ясности въ опредѣленіи характера человѣка, который, какъ бы изъ благодарности къ своей счастливой звѣздѣ, даетъ обѣтъ, прежде всего, обратить свою удачу на благо людямъ, и большей сценичности въ обработкѣ сюжета. Дѣйствительно, у Хомякова вся сцена суда надъ Шуйскимъ извѣстна зрителямъ лишь по разсказамъ дѣйствующихъ лицъ. Вмѣсто живого дѣйствія мы имѣемъ повѣствованіе въ діалогической формѣ, а затѣмъ царевичъ не своею волею прощаетъ Шуйскаго: за него просятъ многіе и даже Басмановъ какъ бы вскользь замѣчаетъ: «Мнѣ жалокъ князь. Онъ милостивъ и ласковъ...» Убѣждаютъ Самозванца отмѣнить смертный приговоръ Бучинскій, Мстиславскій, въ полуиронической формѣ придворный шутъ, затѣмъ кн. Вишневецкій, патеръ Квицкій, наконецъ царица Марѳа, дающая обѣщаніе за жизнь Шуйскаго навсегда сохранить тайну о невѣдо-

момъ происхожденіи Димитрія. Только тогда онъ сдается и отмѣняетъ казнь. У Островскаго иниціатива въ помилованіи принадлежитъ Димитрію и вся сцена суда надъ Шуйскимъ выходитъ гораздо выразительнѣе, такъ какъ она изображена воочію передъ зрителями. Удачно развилъ Островскій и бѣгло намѣченный у Хомякова образъ фанатика-дьяка Осипова, видѣвшаго въ самозванномъ царѣ антихриста. У Островскаго царь не велитъ его казнить; Осиповъ настроенъ Шуйскимъ и умираетъ случайно въ схваткѣ, когда уже сочтены и часы Димитрія. Хомяковъ заставляетъ Самозванца предать безъ сожалѣнія пыткамъ и смерти безумнаго дьяка, чтобы выдвинуть, прежде всего, твердую рѣшимость мнящаго себя настоящимъ царемъ удержаться на престолѣ, изобразить пылкій темпераментъ «льва», какъ величаетъ его послѣ смерти Ляпуновъ; Димитрій Хомякова, пока идетъ борьба, не задумывается ни надъ какими средствами. Затѣмъ его подстрекаютъ патеръ Квицкій и Марина, которая, однако, передъ грозящей опасностью для Самозванца, когда онъ далъ слишкомъ видимый перевѣсъ латинскому духовенству, съ укоромъ говоритъ Квицкому: «Но кто же вырылъ бездну? Кто подданныхъ отторгнулъ отъ царя,—его уча безумному презрѣнью—къ обычаямъ россійской старины?» Дальше въ сценѣ съ Димитріемъ, она говоритъ ему, что онъ возстановилъ противъ себя чернь, нарушая принятые обычаи. Димитрій перебиваетъ ее: «Что-жъ? Быть слугою, у черни быть рабомъ,—носить ярмо преданій суевѣрныхъ—и жертвовать привычкой долгихъ лѣтъ?» Патеръ Квицкій возражаетъ: «О, государь, ты мыслишь благородно,—храня въ душѣ высокій плодъ наукъ,—но, оскорбивъ народа предразсудки,—въ немъ не ищи подпоры и любви... Повѣрія ему дороже вѣры!» Выходитъ такъ, что представители польской партіи открываютъ глаза Самозванцу на то, что его погубило.

Однако, разумѣется, это сказано не затѣмъ, чтобы Димитрій вернулся къ русскому народу съ цѣлью снискать его расположеніе: Квицкій и Марина хотятъ запугать Самозванца и представить ему, что единственный исходъ совершить кровавую расправу со всѣми мятежниками, не разбирая правыхъ и виновныхъ, и перейти окончательно на сторону Рима. Димитрій въ ужасѣ отъ предлагаемыхъ злодѣйствъ: «Но въ руки взять разбойничій кинжалъ,—но сыпать ядъ въ сосудъ жены безсильной.—О ужасъ!».. Раньше того онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства осадилъ польскихъ пословъ (III д., 3 сц.) и объявилъ войну Сигизмунду; только въ силу просьбъ Марины, онъ отказался отъ этой войны и рѣшилъ, взамѣнъ ея, идти походомъ противъ турокъ. Онъ гордъ, вспыльчивъ, порой стремителенъ въ рѣшеніяхъ, но не способенъ на злодѣйства: «Погибнетъ онъ, но я его люблю,—говоритъ Басмановъ. Незлобный духъ и смѣлый и достойный—прекраснаго россійскаго вѣнца».

Свои завѣтныя мечты Димитрій излагаетъ уже передъ самою смертью, въ послѣднемъ дѣйствіи, въ разговорѣ съ Басмановымъ, не зная, что заговоръ уже разроссся на всю Москву и что въ эту самую ночь ему назначена гибель. Мы не можемъ не привести нѣсколько строкъ изъ этого послѣдняго діалога. Димитрій смотритъ изъ окна на дремлющую Москву; тихо—«лентой голубою бѣжитъ рѣка»—порою «всходитъ гулъ, какъ соннаго чудовища дыханье—или

волны полночное роптанье—когда съ зарей усталый вѣтръ заснулъ». Димитрій говоритъ Басманову:

Помысли, другъ, какъ много сильныхъ душъ
Здѣсь грустно спятъ, какъ много думъ высокихъ,
Окованныхъ дремотой вѣковой!
Все пробудить, все вызвать къ полной жизни:
Вотъ подвигъ, да, вотъ подвигъ для царя!
. . . . Что скажешь ты?

Басмановъ

Что велика Россія,
Что много въ ней возвышенныхъ сердецъ,
И гласъ царя, зовущій ихъ ко благу,
Не пропадетъ, какъ звукъ въ степи глухой.

Димитрій:

Я разбужу всѣ дремлющія силы:
Я имъ открою путь сперва къ войнѣ
...Тогда, тогда я буду вновь свободенъ...
И новый трудъ начну я для вѣковъ.
Что Іоаннъ провидѣлъ,
Что началъ царь Борисъ, я довершу.
И вольный судъ, и строгіе законы,
И кроткая, но твердая рука
Дадутъ покой и стройное стремленье,
И жаръ, и жизнь проснувшейся землѣ;
Небесный свѣтъ, познанья и науки
Намъ дастъ чужбина.

Въ этихъ мечтахъ Самозванца Хомяковъ несомнѣнно вложилъ много личнаго, ему самому дорогого и завѣтнаго. Пусть все это не вполнѣ подходитъ къ характеристикѣ «историческаго» временщика на престолѣ—стихи поэта значительны сами по себѣ и раскрываютъ его собственный широкій кругозоръ чаяній и надеждъ. При этомъ мысль о цивилизаторскихъ стремленіяхъ Димитрія отчасти навѣяна Шиллеромъ, у котораго она рельефно выдвинута.

У Островскаго, придавшаго, какъ указано, съ самого начала лишь одну положительную черту характеру Димитрія—состраданье и любовь къ людямъ, нѣтъ ничего отвѣчающаго данной сценѣ у Хомякова: мятежъ застаетъ царя въ сонникахъ; онъ выбѣгаетъ изъ опочивальны полуодѣтый и только юношескій пылъ и отвага не покидаютъ его до конца. «Басмановъ, не робѣй!»—въ этомъ возгласѣ все сказано для характеристики послѣднихъ минутъ Самозванца. Его предсмертный бредъ, и мерещущійся «конь ретивый», и «щитъ Олеговъ», «ворота Цареграда»—все это, такъ сказать, дополнительные аксессуары для изображенія самого акта смерти забывшаго за пиршествами и веселіемъ о своемъ настоящемъ призваніи невѣдомаго юноши, который теперь смутно вспоминаетъ, что онъ хотѣлъ совершить какія-то важныя дѣла, подвиги, но все это заслонила послѣдняя его «побѣда надъ гордостью красавицы любимой!» Типъ у Островскаго получился все же цѣльный, интересно и правдиво очерченный, и отчетливо указана его роль въ силу общественныхъ условій того времени: «Царскимъ сыномъ я наз-

лся *не самъ*». Мы указали уже на нѣкоторыя преимущества техническаго войства у Островскаго передъ Хомяковымъ, которыя придаютъ бо́льшую живость драмѣ при исполненіи ея на сценѣ. Можно было бы умножить примѣры того, какъ разсказы у Хомякова обращаются именно въ дѣйствіе у Островскаго, пожертвовавшаго, съ другой стороны, интересною ролью «потѣшнаго князя», шута царевича, у Хомякова. Но не настаивая дальше на сличеніяхъ, ограничимся замѣчаніемъ, что, съ точки зрѣнія драматической техники, искусство у Островскаго, несомнѣнно, гораздо совершеннѣе. Ему принадлежитъ также выдвинутая на первый планъ фигура кн. Василія Шуйскаго и интересная характеристика его: наряду съ непомѣрнымъ честолюбіемъ,—«своеобразное» преклоненіе передъ стариной: «Начнется снова и благолѣпіе, и чинность и нарядъ. По старому мы царствовать начнемъ... По старому грозить полякамъ будемъ, пугать татаръ; по старому бояться измѣнниковъ!.. волжбы и чародѣйства! По старому... боярская крамола! О, Господи, измѣны да опалы!» Нельзя сказать, чтобы очень заманчивая старина мерещилась будущему узурпатору на московскомъ престолѣ и кн. Голицынъ произноситъ ему справедливое осужденіе въ концѣ пьесы. Обличительныя намѣренія автора очевидны и онъ отнюдь не сторонникъ такого «охранительства», о которомъ мечталъ Шуйскій, рельефно оттѣнивъ его отрицательное значеніе. Отсюда и симпатіи автора, какъ у Хомякова, какъ еще раньше у Шиллера, къ планамъ Самозванца.

Островскій отвелъ лишь очень второстепенное мѣсто женскимъ ролямъ въ своей хроникѣ: одна сцена съ царицей Мареой, одна цѣльная сцена для Марины Мнишекъ, которая потомъ лишь мелькомъ показывается на пиршествѣ, между тѣмъ какъ обѣ женщины играютъ у Хомякова весьма значительную роль. Отношеніе царицы Мареы къ Самозванцу у Хомякова обстоятельнѣе очерчено, но, какъ указано, многое въ ея роли должно было отпасть въ связи съ тѣмъ, что Островскій приписалъ не ея вліянію, а собственной иниціативѣ Самозванца—помилованіе Шуйскаго. Остался только одинъ мотивъ: затаенная ненависть Мареы къ роду Годуновыхъ и признаніе Самозванца за роднаго сына съ цѣлью имъ отомстить. Что касается Марины, то Хомяковъ придалъ ея облику много положительныхъ чертъ: она искренне любитъ Самозванца, отдавая себѣ отчетъ въ его случайномъ происхожденіи. Она горячо предана своей родинѣ, отговариваетъ Димитрія отъ войны съ ляхами, старается привлечь его мечтами о міровой славѣ, споритъ, какъ мы видѣли, съ патеромъ Квицкимъ, и хотя измышляетъ для спасенія Самозванца столь жестокій планъ, что онъ въ ужасѣ отъ него отворачивается, все же, въ общемъ, оказывается надѣленной и положительными и отрицательными свойствами, какъ живой человѣкъ. У Островскаго выдвинута по преимуществу черта кокетства, а также гордое сознаніе своего превосходства, въ силу принадлежности къ цивилизованному народу, у котораго женщина признана самостоятельною личностью, а не безгласною рабой.

Если перейти отъ этихъ двухъ авторовъ къ драмѣ г. Суворина, то прежде всего усматривается желаніе противопоставить новый типъ русской дѣвушки Ксеніи Годуновой, въ положительныхъ чертахъ, польской красавицѣ, Маринѣ, характеристика которой настолько шаржирована, что получается какой-то

совсѣмъ каррикатурный типъ. Образъ Ксеніи самостоятельное созданіе г. Суворина. У Островскаго только вскользь упомянуто объ увлеченіи царевича дочерью Годунова, но Ксенія не выведена на сцену. Повидимому, авторъ сознавалъ, что, оставаясь вѣрнымъ исторіи, онъ не можетъ создать изъ русской возлюбленной Самозванца живого образа, достаточно интереснаго для драматической обработки, и предпочелъ не «показывать» зрителямъ Ксеніи. Ея пассивность достаточно очерчена нѣсколькими замѣчаніями Масальскаго, когда Димитрій говоритъ ему о впечатлѣніи, произведенномъ на него Ксеніей, и о томъ, что «въ слезахъ она становится красивѣй». Дмитрій: «Какъ думаешь, Масальскій, вѣдь полюбитъ?» Масальскій: «Великій государь, ума не хватитъ о дѣвкахъ думать. Что-жъ объ дѣвкѣ думать полюбитъ ли? Да что-жъ ей больше дѣлать, какъ не любить?» И дальше: «Что покорять! Она не врагъ тебѣ; вели любить и разговоръ коротокъ». Этимъ «вели любить», дѣйствительно какъ бы исчерпывался весь романъ съ Ксеніей съ точки зрѣнія старинныхъ воззрѣній на чувство въ домостроевской Руси. На ту же пассивность и безотвѣтность русскихъ дѣвушекъ и женщинъ въ Московіи начала XVII вѣка указываетъ, въ пьесѣ Островскаго, и Марина Мнишекъ. Если передъ нами нѣтъ самостоятельной личности, чувствующей или сознающей свои права на независимость личнаго выбора, то мудрено ее сдѣлать героиней драмы. И у г. Суворина Ксенія, какъ говорится, «не вышла»: какія-то неопредѣленныя стремленія, неопредѣленныя чувства; не то она любитъ Самозванца, не то покоряется грубой силѣ; не то вѣритъ въ него, не то видитъ въ немъ обманщика, къ тому же загубившаго ея родъ; она куда-то стремится, все куда-то бѣжитъ, мечтаетъ успокоиться въ монастырѣ, неопредѣленно относится къ влюбленному въ нее князю Ряполовскому, возвращается подъ конецъ къ Самозванцу; все это очень смутно очерчено. Неудачный въ драматическомъ конфликтѣ характеръ Ксеніи не можетъ быть поставленъ вполнѣ въ укоръ автору, такъ какъ неопредѣленность образа зависитъ отъ положенія русской женщины въ данномъ историческомъ моментѣ: но въ такомъ случаѣ не поучительна ли воздержанность Островскаго, который предпочелъ совсѣмъ не выводить Ксенію на сцену?

Правда, и Шиллеръ намѣревался выставить въ своей драмѣ «Demetrius» Ксенію въ нѣкоторомъ противоположеніи съ Мариной. Но нѣмецкій поэтъ, какъ извѣстно, не особенно стѣснявшійся условіями историческаго быта, вѣроятно придалъ бы больше жизни данному образу и даже по уцѣлѣвшему конспекту ненаписанныхъ актовъ драмы мы можемъ до нѣкоторой степени судить о его замыслѣ: Ксенія Шиллера не подчинялась у него прихоти царевича. Скрывшись, послѣ погрома, подъ защиту царицы Мароы, у которой Димитрій и видитъ ее впервые, она, какъ сказано въ конспектѣ Шиллера, въ отвѣтъ на мгновенно вспыхнувшую въ немъ неодолимую страсть—«гнушается Димитріемъ». Позже, по приказанію Марины, ревнующей своего жениха къ соперницѣ, изъ-за обладанія которой онъ готовъ ей измѣнить, Ксеніи подносятъ кубокъ яда: «смерть отрадна для молодой царевны: она боялась, что Димитрій поведетъ ее къ алтарю». Итакъ, замыселъ у Шиллера былъ иной и, оставляя, конечно, за

авторомъ новой передѣлки сюжета полное право видоизмѣнять его по своему, мы сомнѣваемся лишь въ преимуществѣ новаго толкованія.

Г. Суворину уже пришлось отвѣтить на упрекъ, что онъ многое заимствовалъ у Шиллера при сложеніи своей драмы. Оправдываясь отъ обвиненія въ заимствованіи, онъ заявилъ, что писалъ по собственному плану, не повторяя своихъ предшественниковъ, что «пилъ изъ своего стакана. Можетъ быть онъ весьма маленькій, но онъ мой». Авторъ совершенно правъ: сравнивать его замыселъ съ замысломъ Шиллера, хотя и не окончившаго своего произведенія, было бы грубымъ заблужденіемъ. Шиллеръ вложилъ въ сюжетъ идеи міpового значенія. Онъ затрогивалъ массу вопросовъ, какъ справедливо указалъ еще проф. Шмурло: «Въ «Димитріи» (Шиллера) ставится вопросъ о законныхъ правахъ претендента на престолъ, противополагается право избирательное праву наслѣдственному, патріархально-деспотическій образъ правленія республикѣ». и т. д. Димитрій у Шиллера сперва убѣжденный въ своемъ царскомъ происхожденіи претендентъ на престолъ: онъ въ то же время идейный человѣкъ, который мечтаетъ водворить въ отчизнѣ «свободу сладкую» и насадить въ ней западную образованность; позже онъ узнаетъ, что его ввели въ заблужденіе и что онъ не настоящій царевичъ, но отъ этого открытія не измѣняются его идеи, независимыя отъ вопроса объ его «подлинности». Уже въ великолѣпной начальной сценѣ сейма нѣмецкій поэтъ съ достаточною ясностью указалъ то внутреннее содержаніе, которое онъ имѣлъ въ виду вложить въ свою драму. Для его цѣли дѣйствительный царевичъ или случайный самозванецъ становился во главѣ даннаго движенія—этотъ вопросъ не представлялся существеннымъ. Достаточно было намѣтить, что лицо, которому суждено было играть видную роль въ исторіи, обладало соотвѣтствующими качествами и именно на сеймѣ Димитрій, такъ сказать, выдержалъ испытаніе: онъ выказалъ свою смѣлость, умъ, находчивость и готовность совершить всякія дѣла.

Мы видѣли, что и у Хомякова, и у Островскаго сохранены нѣкоторыя черты характеристики Шиллера. Совершенно напрасно г. Бѣляевъ въ «Нов. Вр.» заявляетъ, что у Островскаго «Димитрій изображенъ личностью заурядною и ничтожною», и вслѣдъ затѣмъ ссылается на слова Шуйскаго: «Онъ—воръ, не царь... Вертлявъ и говорливъ и т. д.». Эта характеристика явная уловка хитраго кн. Василія, который только что передъ тѣмъ отозвался совсѣмъ иначе о царѣ: «Рѣчи быстры и дерзостны, и поступью проворенъ, войнолюбивъ и смѣлъ, очами зорокъ, орудуетъ доспѣхомъ чище ляховъ» и пр. Но онъ спохватился, что такая правдивая характеристика можетъ произвести слишкомъ благопріятное впечатлѣніе даже на Осипова и спѣшитъ замѣнить «быструю рѣчь» говорливостью, «проворную поступь» вертлявостью и т. п. Нѣтъ, и у Островскаго Димитрій совсѣмъ не зауряденъ и не ничтоженъ, но онъ оказался легкомысленъ и слишкомъ по-юношески влюбчивъ: и то и другое его сгубило.

Какъ бы то ни было, вся идейная сторона замысла Шиллера совершенно отстранена въ новой обработкѣ сюжета о Самозванцѣ и въ этомъ отношеніи г. Суворинъ вполнѣ правъ, сославшись на то, что онъ пьетъ изъ «своего

стакана». При этомъ авторъ выдвигаетъ свою основную мысль, что въ его пьесѣ «Димитрій дѣйствуетъ, какъ прирожденный царь, а не какъ самозванецъ, и это *совершенно новая попытка* (курсивъ подлинника)», т.-е. «новымъ» является лишь то, что онъ до конца вѣритъ въ свое царское происхожденіе, и даже это не вполнѣ: драматизмъ положенія Димитрія у г. Суворина именно въ томъ и заключается, что онъ считаетъ себя настоящимъ царевичемъ, но встрѣчаетъ неожиданное недовѣріе и мучается тѣмъ, что ему не безусловно вѣрятъ, переходитъ отъ Ксеніи къ Маринѣ, смотря по тому, которая изъ нихъ больше довѣряетъ ему, наконецъ, съ нимъ дѣлается настоящій болѣзненный припадокъ, до того ему больно, что онъ не встрѣчаетъ у всѣхъ надлежащаго сочувствія. За спиной его чувствуется авторъ, увлекшійся гипотезой о «подлинности» царя, слывущаго подъ эпитетомъ Самозванца, и этотъ авторъ, самъ не зная, вполнѣ ли ему довѣрять этой гипотезѣ, которая, какъ извѣстно, занимала послѣднее время небольшой кружокъ историковъ, или все-таки относиться къ ней, какъ къ гипотезѣ: свои сомнѣнія онъ сообщилъ дѣйствующему лицу и на этомъ построилъ драму. По сравненію съ Островскимъ, вопросъ дѣйствительно, оказался какъ бы перевернутымъ въ обратную сторону: тамъ сила Самозванца заключается въ томъ, что «не самъ себя царевичемъ онъ назвалъ», кѣмъ бы онъ ни былъ на самомъ дѣлѣ. Здѣсь народное движеніе отступаетъ на задній планъ; интересъ сосредоточенъ на психологическомъ моментѣ въ самой личности. Какая ситуація больше соотвѣтствуетъ духу исторіи и смыслу событій? Намъ кажется отвѣтъ очевиднымъ: вѣдь вопросъ о томъ, вѣрилъ ли Димитрій до конца въ то, что онъ былъ спасенъ чудеснымъ образомъ въ Угличѣ, что онъ подлинный сынъ Грознаго, этотъ вопросъ нисколько по существу не вліяетъ на ходъ дѣлъ. Справедливо было замѣчено, что исторія о самозванцахъ вообще на Руси играетъ важную роль и представляетъ любопытную страницу изъ нашей народной психологіи. Нѣсколько мастерскихъ очерковъ этого явленія были сдѣланы Вл. Г. Короленкомъ («Современная самозванщина», въ «Русскомъ Богатствѣ» 1896 г.), на почвѣ широкого этнографическаго и общественно-психологическаго изученія быта русскаго народа. Наблюденія надъ современными явленіями проясняютъ намъ многое и въ пониманіи прошлаго, при большей или меньшей устройчивости формъ быта, но хотя бы самозванцы разныхъ типовъ и толковъ являлись въ большинствѣ случаевъ людьми на половину сами убѣжденными въ томъ, за кого они себя выдаютъ, интересъ ихъ появленія заключается въ тѣхъ общественныхъ условіяхъ, которыя ихъ поддержали, а до извѣстной степени и создали. Г. Суворинъ, на нашъ взглядъ, очень съузилъ интересъ къ сюжету о самозванцѣ, сосредоточивъ все вниманіе на иллюстрацію научной гипотезы, въ которую, повидимому, онъ самъ не вполнѣ увѣровалъ. И удался ему лишь одинъ четвертый актъ, исчерпывающій интересъ драмы. Ни полета мысли, съ точки зрѣнія общечеловѣческихъ вопросовъ, выдвинутыхъ Шиллеромъ, ни широты воззрѣній на задачи преемника Годунова, съ такимъ рельефомъ намѣченныхъ Хомяковымъ, ни вѣрно схваченной характеристики общественныхъ условій, создавшихъ Самозванца

какъ у Островскаго, мы не находимъ въ новой обработкѣ сюжета. Остается только: драматизованная, такъ называемая «рабочая гипотеза», плодъ домысловъ любителей-эрудитовъ, очень подчеркнутая патріотическая окраска, съ мечтами о территоріальномъ ростѣ Россіи, за отстраненіемъ вопроса о культурѣ и западномъ просвѣщеніи, болѣзненный юноша, мучимый сомнѣніями «царь онъ или не царь», и рядъ декоративныхъ сценъ съ безконечною вереницей дѣйствующихъ лицъ, на фонѣ приниженія «враговъ» Россіи, при антихудожественномъ отсутствіи мѣры въ утрированномъ изображеніи гордой полячки, у которой даже чисто женская привлекательность совершенно отстранена, такъ что непонятно увлеченіе ею Димитрія, блѣдный, неудавшійся образъ Ксеніи; все это вмѣстѣ дѣлаетъ изъ пьесы г. Суворина типичный образецъ произведеній вышеназванныхъ «politischen Tendenzpoeten», по прежнему шаблону историческихъ драмъ, причемъ вопросъ исторической археологіи и нѣкоторая націоналистическая окраска темы явились замѣстителями широкаго пониманія историческаго явленія и того общаго, идейнаго содержанія, которое мы были бы въ правѣ ожидать и требовать отъ художественнаго произведенія.

Ѳ. Бат—овъ.

---

*

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Къ некрасовскимъ днямъ. Общество для содѣйствія народному образованію въ Ярославской губерніи рѣшило, по словамъ «Сѣвернаго Края», достойнымъ образомъ почтить память Н. А. Некрасова по случаю предстоящаго 27-го декабря 1902 г. 25-ти-лѣтія со дня его кончины. Выработанная уже программа чествованія памяти поэта заключается: въ устройствѣ какъ въ г. Ярославлѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ губерніи народныхъ чтеній, литературныхъ утръ и вечеровъ, спектаклей и проч.; въ изданіи юбилейнаго листка съ портретомъ Н. А. Некрасова и иллюстраціями къ его біографіи и произведеніямъ; въ иданіи юбилейнаго сборника, посвященнаго личности Н. А Некрасова и его литературной дѣятельности, съ воспоминаніями о немъ и проч.; наконецъ, предполагается устройство выставки всякаго рода предметовъ, относящихся къ жизни и дѣятельности поэта и его времени, съ тѣмъ, чтобы выставка эта, послуживъ поводомъ для собиранія такого рода данныхъ о Н. А. Некрасовѣ, могла лечь въ основаніе музея его имени въ г. Ярославлѣ.

Съ чествованіемъ памяти Н. А. Некрасова соединяется и такое предположеніе, осуществленіе котораго послужило бы лучшимъ памятникомъ поэту: еще въ 1899 г. общество основало въ г. Ярославлѣ безплатную народную библіотеку-читальню имени Н. А. Некрасова, и библіотека эта могла быть пополнена съ тѣхъ поръ въ извѣстной степени необходимыми книгами и періодическими изданіями; но за неимѣніемъ средствъ у общества, она находится до сихъ поръ въ помѣщеніи, уступаемомъ обществу для этой цѣли однимъ мѣстнымъ благотворителемъ. Помѣщеніе это является, однако, случайнымъ и спеціально для библіотеки, насчитывающей свыше четырехъ тысячъ подписчиковъ, неприспособленнымъ; въ то же время общество не располагаетъ вовсе какимъ-либо собственнымъ помѣщеніемъ для прочихъ своихъ учрежденій и для засѣданій совѣта общества, и состоящихъ при немъ коммиссій. Въ виду всего этого, и является настоятельная необходимость, ощущаемая въ особенности теперь, въ постройкѣ или пріобрѣтеніи особаго дома, въ которомъ могли бы помѣщаться некрасовская библіотека и прочія учрежденія общества, а также и предположенный къ устройству музей.

Въ распоряженіе юбилейной коммиссіи «некрасовскихъ дней» поступилъ, между прочимъ, цѣлый рядъ стихотвореній Н. А. Некрасова, не вошедшихъ въ собраніе его сочиненій. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній могутъ быть отнесены, съ большею или меньшею достовѣрностью, къ опредѣленному времени, на другихъ же—никакихъ датъ не означено. Чрезвычайно желательно, чтобы лица, имѣющія у себя отрывки изъ ненапечатанныхъ произведеній Некрасова или свѣдѣнія о времени написанія имъ стихотвореній, указанныхъ ниже, откликнулись на просьбу юбилейной коммиссіи и прислали ей имѣющійся у нихъ матеріалъ.

Въ настоящее время коммиссія имѣетъ слѣдующія пьесы Н. А. Некрасова:

«В. Г. Бѣлинскій»—большое стихотвореніе въ 194 строки (не однажды печатавшееся въ повременныхъ изданіяхъ, но съ неправильныхъ списковъ и съ крупными ошибками), относящееся къ 1855 году.

Ненапечатанные отрывки и эпилогъ изъ поэмы «Морозъ-красный носъ», всего 60 строкъ, съ помѣткой: «21-го августа 1864 г., на пароходѣ отъ Нижняго» (время окончанія поэмы).

Эпиграмма «Онъ у насъ осьмое чудо» съ помѣткой «24 октября 1845 г.», 18 строкъ.

«Сгибли честные, доблестно павшіе», 12 строкъ, 1876 г.

«Время-то есть, да писать нѣтъ возможности», 28 строкъ, апрѣль 1876 г.

Двѣ пѣсни изъ «Кому на Руси жить хорошо»: «Кушай тюрю, Яша», 32 строки, и «Бѣденъ, не чесанъ Калинушка», 14 строкъ, 1876 г.

Неизвѣстныхъ годовъ: «Было года мнѣ четыре», 20 строкъ, «Въ понедѣльникъ Савка-мельникъ», 12 строкъ. «Вчерашній день, часу въ шестомъ», 8 строкъ.

Чуткость, съ какою ярославское общество отозвалось къ предстоящему чествованію памяти Некрасова, достойна всякаго подражанія.

Л. Н. Толстой о еврействѣ. Авторъ «Воспоминаній о гр. Л. Н. Толстомъ», изданныхъ въ 1891 г., братъ графини Толстой, С. А. Берсъ сдѣлалъ «Сѣверо-Западному Слову» небезынтересное сообщеніе о взглядѣ гр. Л. Толстого на еврейскую религію и еврейскій вопросъ.

Г. Берсъ считаетъ полезнымъ передать взглядъ гр. Толстого по этому вопросу, который высказалъ ему Л. Н. лично въ разговорѣ о еврейской религіи вообще... Философъ Шопенгауэръ порицалъ еврейскую религію за то, что она ничего не обѣщаетъ умирающему человѣку. Но одинъ недостатокъ повергнулъ народъ, исповѣдующій эту религію, въ тяжелое и враждебное отношеніе ко всѣмъ прочимъ народамъ. Недостатокъ этотъ, высказанный еще Моисеемъ—что евреи есть народъ, избранный Богомъ, вѣчно отторгалъ ихъ отъ всего прочаго человѣчества. Измученные этимъ, они, несомнѣнно, давно уже отреклись бы отъ этого предразсудка, если бы имъ протянули руку примиренія, но, будучи лишены того, что имѣютъ другіе, т. е. правъ или любви къ нимъ ближняго, они сами не могутъ отречься отъ этого, потому что теперь имъ въ этомъ не повѣрятъ; поэтому, мы, христіане, какъ

побѣдители, т.-е. сильнѣе ихъ, и какъ христіане, первые должны показать при мѣръ любви къ ближнему,—протянуть имъ руку и тѣмъ окончательно уничто жить упомянутый мною предразсудокъ, такъ давно вторгнувшійся въ эту ре лигію».

Развивая далѣе въ бесѣдѣ мысль о томъ, какъ возвышаетъ каждаго чело вѣка оказываемое ему довѣріе, особенно, если это довѣріе оказывается сово купностью людей, т.-е. обществомъ, гр. Л. Н. привелъ примѣръ: «Недавн въ Германіи введены конки, на которыхъ нѣтъ кондукторовъ для взиманія платы съ пассажировъ за провозъ, а прибита кружка съ надписью надъ ней о суммѣ денегъ, которую пассажиръ самъ долженъ опустить въ кружку. Какъ это прекрасно и какъ это поднимаетъ и развиваетъ общественную совѣсть Самый плохой человѣкъ, и тотъ не рѣшится на глазахъ у всѣхъ не отдать свой долгъ. Довѣріе не только заставляетъ уважать и слѣдовать общественному мнѣнію, но оно еще и развиваетъ, и поднимаетъ его. Оказать довѣріе тому, кто вѣками былъ лишенъ его, непремѣнно вызоветъ въ немъ новыя, хорошія и благодарныя побужденія».

Въ заключеніе этой бесѣды, гр. Л. Н. разсказывалъ, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ написалъ письмо извѣстному Миклухѣ-Маклай, въ которомъ гр. Т. называетъ извѣстнаго путешественника знаменитымъ не за то, за что всѣ считаютъ его таковымъ, а за то, что онъ въ самомъ дикомъ на земномъ шарѣ человѣкѣ умѣлъ найти человѣка и пробудить въ немъ человѣческія проявленія. Что же послѣ этого сказать про отношенія къ равному по развитію человѣку?

Въ погонѣ за подписчикомъ. Какой-то предпріимчивый гешефтмахеръ изъ Варшавы не устаетъ публиковать въ самыхъ распространенныхъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ изданіяхъ о томъ, что за 5 р. 50 к. онъ даетъ своимъ покупателямъ «золотое, массивное, 56 пробы, кольцо съ *настоящимъ* парижскимъ бриллiантомъ», который «*ничѣмъ не отличается* отъ дорогихъ бриллiантовъ, стоющихъ 100 р.». Онъ увѣряетъ даже, что имѣетъ «громадное количество благодарственныхъ писемъ и отзывовъ отъ интеллигентной публики». Разумѣется, «интеллигентная публика», идущая на сторублевую приманку, получаетъ кольцо стоимостью не въ 100 р. и даже не въ 5 р. 50 к., а въ 5 р. 50 к. *минусъ* дорого оплачиваемая реклама и *минусъ* не малое во всякомъ случаѣ вознагражденіе за гешефтмахерскую изобрѣтательность.

Когда гешефтмахерство ограничивается областью драгоцѣнныхъ бездѣлушекъ— это, пожалуй, можетъ быть только смѣшно. Но совсѣмъ не до смѣха, когда тотъ же гешефтмахеръ вмѣсто кольца берется за книгу, журналъ или газету, когда онъ «настоящій парижскій бриллiантъ» замѣняетъ именемъ извѣстнаго профессора или академика, а вмѣсто любителя дорогихъ украшеній принимается дурачить неопытнаго читателя, алчущаго и жаждущаго просвѣщенія. А между тѣмъ, такіе именно гешефтмахеры появились на нашемъ издательскомъ рынкѣ, и недавно дѣятельность одного изъ нихъ разоблачилъ въ «С.-Петербугскихъ Вѣдомостяхъ» г. Николинъ. Такой гешефтмахеръ — докторъ-медицины В. И.

Раммъ. Онъ издавалъ въ прошломъ году два журнала: «Самообразованіе» и «Живописное Обозрѣніе» и успѣлъ собрать на нихъ десятки тысячъ подписчиковъ. Оба журнала совершенно не оправдали своихъ рекламныхъ анонсовъ, и вотъ въ Петербургѣ возникаетъ новый журналъ, «Саморазвитіе», подъ редакціей проф. І. П. Сенигова, но издаваемый тѣмъ же Раммомъ. «Саморазвитіе» обѣщаетъ за 5 р. 60 №№ журнала и 28 книгъ цѣною на 41 р. 55 к. Но не прекратилось и «Самообразованіе»; перемѣнивъ редактора (редакторомъ состоитъ теперь бывшій профессоръ военно-медицинской академіи г. Тархановъ), оно обѣщаетъ еще больше, чѣмъ «Саморазвитіе»: за 5 р. предлагается 60 №№ «богато иллюстрированнаго журнала», 60 приложеній и 24 книги, причемъ однѣ книги «въ отдѣльной продажѣ, безъ пересылки, стоятъ 63 р. 80 к.». «Самообразованіе» даетъ болѣе тяжелую (на вѣсъ), но менѣе солидную умственную пищу; «Саморазвитіе» прельщаетъ своею солидностью: 16 отдѣловъ журнала редактируются 16-ю профессорами, а вообще въ журналѣ участвуютъ 47 профессоровъ и академиковъ. Правда, въ петербургскихъ газетахъ чуть не каждый день появляются письма профессоровъ, заявляющихъ, что они не участвуютъ въ журналѣ г. Сенигова, но много «именъ» остаются еще въ полномъ распоряженіи г. Рамма. И г. Раммъ не унываетъ. Имъ издается, какъ оказывается, еще «Народное здравіе», на этотъ разъ уже за подписью его самого, какъ редактора-издателя. За 4 р. 50 к. обѣщается 50 №№ журнала и 177 приложеній (!). Далѣе, имъ же издается подъ редакціей д-ра Бубиса журналъ «Хозяйка» за 4 р.: 60 №№, 7 книгъ и 176 приложеній (!). Затѣмъ имѣется еще его же журналъ «Общедоступный юристъ»; издается онъ присяжнымъ повѣреннымъ Н. Б. Полыновымъ, редактируется присяжными повѣренными Н. П. Карабчевскимъ и Л. Д. Ляховецкимъ; журналъ обѣщаетъ 60 №№ и 12 книгъ приложеній. Не забыта и техника: издается журналъ «Популярный Техникъ», 60 №№, 28 приложеній и 14 книгъ; «техническимъ редакторомъ» его состоитъ инженеръ-технологъ И. О. Пловскій, но контора изданія опять у г. Рамма же. Наконецъ, не прекратилось, повидимому и «Живописное Обозрѣніе», а конкурентомъ ему является еще «Весь міръ» подъ редакціей г. Кириллова, но издателемъ котораго состоитъ все тотъ же всеобъемлющій г. Раммъ. По словамъ г. Николина (разоблачившаго въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» эту «издательскую паутину»), у г. Рамма есть разрѣшеніе еще на пять изданій, такъ что всего имъ издается покуда восемь, а возможно, что будетъ издаваться тринадцать изданій. Поистинѣ, колоссальная издательская предпріимчивость, особенно при нашихъ условіяхъ, когда съ такимъ трудомъ даются разрѣшенія не только на право новыхъ изданій, но даже на переходъ старыхъ изданій изъ однѣхъ рукъ въ другія.

Но Богъ съ нимъ, съ г. Раммомъ! Лично онъ интересуетъ насъ не больше его варшавскаго собрата по ремеслу. Насъ въ гораздо большей степени занималъ вопросъ, что побуждаетъ «гг. профессоровъ и академиковъ» отдавать свои имена на поруганіе г. Рамму теперь, когда выяснилось, какъ жестоко надругался онъ надъ подписчиками «Самообразованія», надѣливъ ихъ безграмотнымъ, негоднымъ хламомъ вмѣсто обѣщанныхъ приложеній «стоимостью въ

37 руб. 25 коп.?» «Русскія Вѣд.» дѣлаютъ ссылку на необезпеченное положеніе профессоровъ, для которыхъ «гонораръ—вовсе не такая вещь, которою можно было бы пренебрегать». Но должны же быть какіе-нибудь предѣлы и этой склонности къ гонорарамъ! Нельзя же продавать свое имя для того, чтобы оно въ качествѣ «настоящаго парижскаго бриллианта» украшало поддѣльное золото и помогало ничѣмъ не брезгующимъ предпринимателямъ эксплуатировать растущее въ русскомъ обществѣ стремленіе къ знанію и свѣту.

Между прочимъ въ «Волыни» напечатано чрезвычайно характерное объявленіе книжнаго магазина «Трудъ», открывшаго пріемъ подписки на журналы и газеты на 1903 годъ. Объявленіе это заключается слѣдующимъ знаменательнымъ заявленіемъ:

«*Не принимается вовсе подписка на періодическія изданія, издаваемыя В. И. Раммомъ*».

Если уже книготорговцы отказываются поддерживать походъ гешефтмахеровъ на читателя, то профессорамъ и подавно пора подумать о чистоплотности поощряемыхъ ими предпріятій.

Удачно затянутая г. Раммомъ паутина ввела въ соблазнъ и другихъ издателей, которые до сихъ поръ къ зазывательству не прибѣгали. Такъ, фирма «Брокгаузъ-Ефронъ», открывая подписку на журналъ «Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія», въ которомъ «*ближайшее* участіе» принимаетъ тоже десятка полтора профессоровъ, увѣряетъ, что за 6 руб. она дастъ подписчику не только журналъ, «стоимостью» въ 6 руб., но еще и «безплатныя» приложенія, «стоимостью» въ 37 руб. 75 коп. Высчитаны даже копѣйки, но, разумѣется, несмотря на все свое разорительное великодушіе, гг. Ефронъ-Брокгаузъ дадутъ своимъ подписчикамъ матеріала въ лучшемъ случаѣ никакъ не больше, чѣмъ на шесть рублей.

Экономическое положеніе томскаго студенчества. Въ началѣ 1901—1902 учебнаго года въ Томскѣ была произведена перепись студентовъ университета и технологическаго института съ цѣлью, главнымъ образомъ, выясненія ихъ экономическаго положенія. Всего заполненныхъ листовъ было получено 402 для университета (73,2% общаго числа студентовъ) и 206 для технологическаго института (74,4% общаго числа). Собранныя такимъ образомъ карточки были подвергнуты затѣмъ провѣркѣ и обработкѣ участниками семинарія подъ руководствомъ проф. Соболева. Итоги изслѣдованія опубликованы въ особой брошюрѣ («Экономическое положеніе томскихъ студентовъ»), подробное изложеніе которой мы находимъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

По составу студентовъ университетъ представляетъ сравнительно съ технологическимъ институтомъ большее однообразіе: по сословію универсанты—преимущественно лица духовнаго званія, а по образованію—воспитанники духовныхъ семинарій, тогда какъ у технологовъ больше всего мѣщанъ и дворянъ, а по образованію—реалистовъ и гимназистовъ.

Для выясненія общаго экономическаго благосостоянія студентовъ при переписи было обращено вниманіе на приведеніе въ извѣстность количества полу-

чаемыхъ ими доходовъ. Всего въ три мѣсяца 371 студентомъ университета было получено 59.305 р. 50 к., т.-е. 159 р. 85 к. на человѣка (въ мѣсяцъ, слѣдовательно, 53 р. $28^1/_2$ к.), а 183-мя технологами за это время было получено 36.302 р., т. е. 198 р. 37 к. на каждаго (въ мѣсяцъ, слѣдовательно, 66 р. $12^1/_3$ к.). При этомъ отмѣчено, что студенты старшихъ курсовъ пользуются лучшей матеріальной обезпеченностью. Объясненій этого факта надо искать, вѣроятно, въ томъ, что «студенты старшихъ курсовъ пріобрѣтаютъ болѣе знакомствъ, слѣдовательно легче достаютъ работу, имъ болѣе довѣряютъ при порученіи той или иной работы, имъ дается болѣе стипендій и пособій». Большее количество и изъ числа университантовъ, и изъ числа технологовъ получаютъ ежемѣсячнаго дохода отъ 101 до 150 р., но «высшія по состоятельности группы занимаютъ въ процентномъ отношеніи въ университетѣ болѣе скромное положеніе, чѣмъ въ технологическомъ институтѣ, другими словами, амплитуда отклоненій отъ средняго уровня достатка въ технологическомъ институтѣ значительно больше, чѣмъ въ университетѣ». Въ числѣ источниковъ студенческихъ доходовъ различаются пять категорій: присылка отъ родителей, заработокъ въ теченіе трехъ осеннихъ мѣсяцевъ, остатокъ отъ лѣтнихъ заработковъ, пособія и ссуды и, наконецъ, стипендіи. Первая изъ этихъ категорій болѣе значительную и видную роль играетъ у технологовъ, а не у университантовъ, гдѣ на первый планъ выдвигается личный заработокъ: студентамъ университета прислано родителями $^2/_5$ общей суммы денежныхъ полученій, а технологамъ—$^3/_5$, а заработано первыми $^2/_3$, а послѣдними $^1/_4$. Вообще матеріальная поддержка со стороны родителей наиболѣе интенсивна на первыхъ курсахъ, а затѣмъ она постепенно уменьшается соотвѣтственно переходу студента на старшіе курсы, гдѣ уже «усиливается роль личныхъ заработковъ и въ особенности доля стипендій; послѣдняя на послѣднихъ курсахъ медицинскаго и юридическаго факультетовъ составляетъ почти половину всѣхъ полученій студентовъ». Наиболѣе обезпеченными и въ университетѣ, и въ технологическомъ институтѣ являются сыновья купцовъ и промышленниковъ, а менѣе всего обезпеченными—дѣти чиновниковъ, лицъ либеральныхъ профессій и священнослужителей (въ университетѣ только); дѣти послѣднихъ, особенно низшихъ ранговъ, какъ, напримѣръ, псаломщиковъ, могутъ считаться прямо въ бѣдственномъ положеніи (99 р. 65 к. въ среднемъ, считая взносъ за ученіе и трехмѣсячное существованіе). Въ среднемъ каждому изъ 374 зарегистрированныхъ студентовъ университета присылалось родителями въ теченіе мѣсяца 20 р. $61^2/_3$ к., и каждому изъ 178 технологовъ—38 р. 90 к.; ежемѣсячный личный заработокъ университанта равняется 20 р. $61^2/_3$ к., а личный ежемѣсячный заработокъ технолога—13 р. $44^1/_3$ к. Количество воспользовавшихся денежными ссудами и пособіями въ университетѣ равняется 28,6% общаго числа, а въ технологическомъ институтѣ—26,2% общаго числа; стипендіи университантовъ составляютъ $^1/_6$ всѣхъ доходовъ, а у технологовъ—$^1/_{10}$.

Мы видѣли, что личный заработокъ является въ высшей степени важнымъ факторомъ, обусловливающимъ матеріальное благосостояніе томскаго студенчества, почему вопросу о заработкахъ необходимо удѣлить побольше вниманія.

Первое мѣсто въ ряду студенческихъ заработковъ занимаютъ уроки, затѣм у универсантовъ стоитъ пѣніе въ хорѣ, занятія въ управленіи Сибирск желѣзной дороги, канцелярская работа, а у технологовъ второе мѣсто пр надлежитъ чертежнымъ работамъ, третье—перепискѣ, четвертое—составлені лекцій. Вообще въ заработкахъ студентовъ замѣчается страшная пестрота разнообразіе: тутъ фигурируютъ и учителя танцевъ, и статисты въ театр и корректора, и псаломщики, и регенты, и проч., и проч. Изъ студентовъ уни верситета наличность зимняго заработка показала болѣе половины, а изъ чи сла студентовъ технологическаго института—нѣсколько болѣе $^2/_5$. Въ среднем студентъ, прибѣгающій къ заработку, тратитъ на него до 18-ти часовъ в недѣлю, т.-е. три часа въ день. Плата за студенческій трудъ не можетъ быт названа высокой: она равняется у универсантовъ 30,7 коп. за часъ, а у техн логовъ такъ и вовсе—24,8 коп., т.-е. почти на 6 коп. меньше оплаты труд студентовъ университета; однако, за уроки болѣе платятъ технологамъ, нежел студентамъ университета, а именно первые за часъ урока получаютъ 27,1 коп а послѣдніе—23,3 коп. «Высшее вознагражденіе получаютъ спеціальные вид труда, какъ уроки игры на скрипкѣ, уроки танцевъ и уроки рисованія. К выгоднымъ, со студенческой точки зрѣнія, должны быть отнесены занятія пса ломщика, пѣніе въ церковномъ хорѣ и уроки пѣнія. Занятія въ управлені Сибирской жел. дор. оплачиваются по среднему масштабу—по $30^1/_2$ коп. з часъ. Къ низшимъ категоріямъ должны быть отнесены уроки и канцелярскі работы, вознаграждаемыя крайне недостаточно. Въ казенныхъ учрежденіях часъ такого труда оплачивается всего 21-й коп., а въ неуказанныхъ студен тами мѣстахъ—даже 17,3 коп. Ниже этого не падаетъ плата ни по одно категоріи студентечскихъ заработковъ... Среди студентовъ университета преобла даютъ занятія, требующія отъ семи до двадцати четырехъ часовъ въ недѣлю таковыя охватываютъ почти $^2/_3$ всѣхъ случаевъ (63%); технологи же затра чиваютъ преимущественно отъ семи до восемнадцати часовъ· число этихъ слу чаевъ составляетъ около $^3/_5$ общаго ихъ числа (56,5%). У студентовъ универ ситета есть шесть случаевъ занятій по 42 часа въ недѣлю, три—по 48 час. одинъ—въ 52 часа и одинъ—въ 54 часа. У технологовъ отмѣченъ один случай занятій по 54 часа въ недѣлю».

Какъ извѣстно, многіе изъ студентовъ за лѣто стараются запастись фи нансами для зимнихъ мѣсяцевъ и потому прибѣгаютъ также къ самымъ разно образнымъ заработкамъ и въ каникулярное время: тутъ встрѣчаешься и с обмѣрщиками судовъ, и съ завѣдующимъ ботаническимъ садомъ, и съ помощ никомъ инструктора по борьбѣ съ кобылкой, и съ регистраторами на пересе ленческихъ пунктахъ, и съ помощниками машинистовъ, и со слесарями н желѣзныхъ дорогахъ, и съ управляющими солеваренными и крахмальнымъ за водами и проч., и проч. Всего лѣтомъ занято универсантовъ 42,5% и техно логовъ—43,2% «т.-е. въ обоихъ случаяхъ немного болѣе $^2/_5$ общаго числа Занятія технологовъ рѣзко отличаются отъ занятій студентовъ университета будучи связаны со спеціальными ихъ знаніями: сюда относятся спеціальны функціи по желѣзной дорогѣ, управленіе заводами, служба на пріискахъ и

проч. Среди студентовъ университета такимъ спеціальнымъ занятіемъ является служба фельдшеромъ. Что же даетъ молодежи этотъ лѣтній заработокъ? Отвѣтъ на это дали 153 студента университета и всѣ 89 технологовъ. Въ среднемъ первые заработали по 107 р. 6 к. за лѣто, а привезли въ Томскъ по 41 р. 41 к. (38,7°/₀ заработка); вторые заработали въ среднемъ по 128 р. 48 к., а привезли въ Томскъ по 63 р. 18 к. (49,2°/₀ заработка). Изъ этого видно, что лѣтніе заработки технологовъ значительно выгоднѣе, что и естественно, если принять во вниманіе спеціальныя работы, ими выполняемыя». Технологи въ общемъ расходуютъ въ мѣсяцъ больше универсантовъ. Такъ, студенты университета за комнату платятъ 6 р. 14 к., а технологи—6 р. 44 к.; за комнату «съ прикуской» первые платятъ 7 р. 75 к., а вторые—9 р. 11 к.; за комнату со столомъ первые платятъ 17 р. 64 к., а послѣдніе—18 р. 40 к., наконецъ, за квартиру съ полнымъ содержаніемъ универсанты платятъ по 19 р. 71 к. въ мѣсяцъ, а технологи—20 р. 56 к. «Средняя цѣна обѣда у 148-ми студентовъ университета равняется 5 р. 99 к., а средняя цѣна обѣда у 79-ти студентовъ технологическаго института равна 6 р. 32 к. Низшая обѣденная плата—4 р., а высшая—12 р. Безъ обѣда совсѣмъ былъ лишь одинъ студентъ университета, а четыре студента пользовались безплатными обѣдами и 15—за уроки». Расходы на развлеченія не играютъ замѣтной роли въ студенческомъ бюджетѣ: всего посѣтили разныя увеселительныя мѣста 385 студентовъ университета, изъ нихъ 349 посѣтили театръ, сдѣлавъ 1.599 посѣщеній, 357 посѣтили концерты и литературные вечера, сдѣлавъ 1.188 посѣщеній, 110 посѣтили танцовальные вечера, сдѣлавъ 423 посѣщенія; число всѣхъ технологовъ, посѣтившихъ разныя увеселительныя мѣста, составляетъ 189 человѣкъ, изъ нихъ въ театрѣ были 163 человѣка 862 раза, на концертахъ и литературныхъ вечерахъ—147 чел. 440 разъ, на танцовальныхъ вечерахъ—85 чел. 204 раза.

Что касается санитарныхъ условій существованія томскихъ студентовъ, то здѣсь, прежде всего, выдвигается вопросъ о кубическомъ содержаніи воздуха въ студенческихъ квартирахъ. Въ среднемъ студентъ университета пользуется 2,95 куб. саж. воздуха, а технологъ—3,31 куб. саж.; низшія по вмѣстимости квартиры содержатъ 1 куб. саж. воздуха, а высшія—больше даже десяти. Въ виду суровости томскихъ зимъ вопросъ о тепломъ верхнемъ платьѣ пріобрѣтаетъ особенную важность, но на практикѣ дѣло съ нимъ далеко не обстоитъ благополучно: «Наибольшая часть студентовъ обоихъ учебныхъ заведеній, именно нѣсколько болѣе $^2/_5$, обладаетъ только ватнымъ верхнимъ платьемъ; одно мѣховое платье показано у $^1/_6$ съ небольшимъ части студентовъ. Ватное и мѣховое платье показали $^1/_4$ студентовъ университета и $^1/_{10}$ технологовъ». Но что всего печальнѣе, такъ это наличность такихъ студентовъ, которые не имѣютъ совсѣмъ теплаго платья, и такихъ оказывается среди студентовъ университета 17 челов. т.-е. 4,3°/о общаго ихъ количества, а среди студентовъ технологическаго института—11 челов., или 5,6°/о. Процентъ заболѣвающихъ изъ числа, имѣющихъ ватное пальто, равенъ 23,5°/о а процентъ больныхъ изъ общаго количества не имѣющихъ теплой одежды достигаетъ уже 36,4°/о. Вообще

заболѣваемость студентовъ выразилась въ такихъ цифрахъ съ 1-го сентября по 1-е декабря 1901 г.: университетовъ болѣло 177 челов., или 44% общаго ихъ числа, технологовъ—83 челов., или 40,3% общаго ихъ числа. Наиболѣе распространенными болѣзнями являются инфлуэнца, желудочныя боли и хроническія головныя.

Въ заключеніе упомянемъ о задолженности томскаго студенчества, какъ фактѣ, характеризующемъ въ значительной степени его экономическое положеніе. Всего томскіе студенты разнымъ учрежденіямъ и лицамъ должны 121.252 р., изъ коихъ 10.9108 руб. приходится на долю университетовъ, т.-е. болѣе ³/₄ всего долга. Студенты университета больше всего должны духовному вѣдомству (49.038 р.), а технологи—частнымъ лицамъ—8.083 р.

Число женатыхъ студентовъ равняется тридцати пяти; изъ нихъ 16 человѣкъ имѣютъ по одному ребенку, а двое—по два. Каждый изъ женатыхъ студентовъ за три мѣсяца, съ 1-го сентября по 1-е декабря 1901 г., получилъ 264 р. 12 к., что въ мѣсяцъ составитъ 88 р. 4 к.

У духоборовъ въ Канадѣ. Какъ сообщаетъ въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» г. Ех., среди выселившихся изъ Россіи въ Канаду духоборовъ отмѣчается въ послѣднее время новое теченіе, возникшее на почвѣ религіозной экзальтаціи. Многіе духоборы пришли къ тому заключенію, что питаться молочными продуктами грѣшно, потому что нельзя отнимать у телятъ молоко. Поэтому, многіе духоборы перешли исключительно на растительную пищу. Нѣкоторые пошли еще дальше и рѣшили, что грѣшно пользоваться услугами домашнихъ животныхъ, и, поэтому, выпустили на свободу всѣхъ лошадей, коровъ и проч. Канадскія власти принуждены были заняться поимкою скота и продажею его съ публичнаго торга, вручивъ вырученныя деньги хозяевамъ скота. Затѣмъ, г. Ех. приводитъ слѣдующее прошеніе, отправленное духоборами турецкому султану и правителямъ нѣкоторыхъ другихъ державъ:

«Ваше величество! Прежде чѣмъ обратиться къ вашей добротѣ, мы должны сказать вамъ о себѣ нѣсколько словъ. Въ 1898—1899 гг. мы, въ числѣ 7.000 человѣкъ, переселились изъ Россіи въ Канаду. О Канадѣ мы слышали, что въ странѣ этой—свобода вѣры. Но вышло недоразумѣніе: оказалось, что хотя въ Канадѣ и свобода вѣры, но не такая, какой мы искали...

«Наши ожиданія, что въ Канадѣ намъ позволятъ жить по нашей вѣрѣ, не оправдались, и хотя насъ освободили отъ военной службы, но во всемъ остальномъ требуютъ, чтобы мы сдѣлались подданными великобританскими, а не Божьими. Намъ не хотятъ дать земли для поселенія, если мы не обѣщаемся подчиняться всѣмъ канадскимъ установленіямъ и законамъ.

«Но мы свидѣтельствуемъ передъ Господомъ, что это для насъ невозможно.

«И вотъ теперь мы обращаемся къ добротѣ вашего величества и просимъ васъ, не только какъ государя, но болѣе какъ человѣка, оказать намъ и семействамъ нашимъ милость. Мы, какъ Божьи странники въ этомъ мірѣ, просимъ васъ оказать намъ гостепріимство и пріютъ въ вашей обширной имперіи.

«Прибавимъ къ этому, что пищи мы не употребляемъ ни мясной, ни молочной, а только овощи и фрукты. А также предоставляя свободу всему живущему, мы не находимъ возможности насиловать не только людей, но и животныхъ, и совершенно не держимъ никакихъ домашнихъ животныхъ, производя всю работу своими собственными силами.

«Поэтому мы просимъ у вашего величества столько земли, сколько можемъ обработать безъ животныхъ, и такой земли, на которой мы могли бы воздѣлывать огороды и сады для своего пропитанія.

«Просимъ Бога, чтобы онъ вложилъ въ сердце ваше состраданіе къ намъ, а мы, съ своей стороны, свидѣтельствуемъ передъ Богомъ, что просьба наша къ вамъ не изъ корыстныхъ помысловъ исходитъ, а единственно изъ желанія быть вѣрными Богу».

Гамбургскіе черти въ Тулѣ. Въ № 17 «Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» отъ 1-го сентября 1902 г. по поводу фокусовъ Роберта Ленца и мистрисъ Элеоноры напечатано слѣдующее:

«Съ дозволенія нижегородскаоо преосвященнаго Назарія, пожелавшаго узнать степень вредности представленій фокусника Р. Ленца, я принялъ на себя трудъ присутствовать 12-го мая на представленіи его въ Николаевскомъ театрѣ. Я несомнѣнно убѣжденъ, что безъ содѣйствія нечистой силы (злыхъ духовъ) Робертъ Ленцъ не обходится. Это видно («нѣтъ ничего тайнаго, что бы не сдѣлалось явнымъ», очевиднымъ) изъ того, что на своихъ крикливыхъ афишахъ, уснащенныхъ самымъ безцеремоннымъ самохвальствомъ, Р. Ленцъ совершенно откровенно изобразилъ около себя чорта со всѣми его аксесуарами: ногтями, хвостомъ, рожками, во всей его чернотѣ. Бѣсъ на афишѣ изображенъ въ подобострастномъ положеніи, пресмыкающимся у ногъ Ленца и благоговѣйно взирающимъ на величественную фигуру Ленца. Вся фигура Ленца на афишѣ запечатлѣна «житейскою гордостью и надменностью, а на гордыхъ людей злые духи готовы смотрѣть, какъ на своихъ господъ, или, лучше сказать, показываютъ видъ (дьяволъ вѣдь «отецъ лжи» и всякаго притворства), что смотрятъ, какъ на господъ, ибо на самомъ дѣлѣ гордые люди—жалкіе рабы духовъ нечистыхъ. Самая, слѣдовательно, афиша Ленца и тонъ этой афиши (тонъ самохвальства и самовозвеличиванія) говоритъ ясно, что онъ фокусничаетъ съ помощью силы нечистой, съ помощью злыхъ духовъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ бы на афишѣ изображать чорта во всемъ его безобразіи, если бы Ленцъ не былъ съ нимъ въ интимнѣйшемъ общеніи?

«Какими средствами вступаетъ Ленцъ въ общеніе съ дьяволомъ и бѣсами, я не знаю, но утверждаю, что фокусы свои онъ производитъ съ помощью бѣсовъ».

По этому поводу сотрудникъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» счелъ своею обязанностью посѣтить жену г. Ленца и узнать отъ нея, въ какихъ именно отношеніяхъ къ чертовщинѣ находится ея супругъ.

Г-жа Ленцъ рѣшительно отвергаетъ обвиненіе, взведенное на ея мужа.

«— Вся «нечистая сила» заключается въ аппаратахъ, которые мы выпи-

сывали изъ Гамбурга. Это очень дорогіе аппараты. Тамъ существуетъ спеціальная фабрика, занимающаяся исключительно приготовленіемъ аппаратовъ для фокусниковъ всего міра.

«— Не объясните ли вы мнѣ нѣкоторыхъ наиболѣе сложныхъ фокусовъ?

«— Охотно. Вотъ, напримѣръ, одинъ эффектный фокусъ: изъ шкафа выхотятъ десять человѣкъ одинъ за другимъ Шкафъ — самый обыкновенный на видъ, но стоитъ онъ около 1.000 рублей въ Гамбургѣ. Шкафъ на высокихъ ножкахъ ставится по серединѣ сцены, чтобы публика видѣла, что люди не могутъ входить туда изъ трюма сцены. Шкафъ измѣряется экспертами изъ публики. Наконецъ, открывается дверь; для публики внутренность шкафа пустая, стѣны его обиты полосатымъ тикомъ, въ шкафу стоитъ человѣкъ. Онъ выходитъ, дверь шкафа закрывается, опять открывается — опять тамъ стоитъ человѣкъ. И такъ далѣе, до девяти. Публика въ недоумѣніи, а фокусъ очень простой: въ шкафу двѣ большихъ зеркальныхъ стѣны, которыя сходятся угломъ къ публикѣ, въ пространствѣ трехъугольника сзади и стоятъ всѣ девять лицъ. Когда дверь закрыта, каждый по очереди отодвигаетъ зеркало и выходитъ наружу; публикѣ же, вслѣдствіе системы зеркалъ, внутренность шкафа кажется все время четыреугольной и пустой. Коогда всѣ выйдутъ, туда входитъ послѣднимъ самъ Робертъ Ленцъ, сначала исчезаетъ, а потомъ отодвигаетъ особыми пружинами зеркала въ стѣну и показываетъ публикѣ уже настоящій шкафъ съ четырьмя стѣнами. Всѣ смотрятъ видятъ дѣйствительно стѣны, какъ стѣны, гдѣ же здѣсь спрятаться девяти лицамъ?»

Душевно-больные въ Забайкальѣ. Ординаторъ клиники душевныхъ болѣзней томскаго университета А. Молотковъ яркими красками рисуетъ въ «Восточномъ Обозрѣніи» ту ужасную обстановку, въ которой влачатъ свои дни душевно-больные въ Забайкальѣ. Въ селѣ Хилкатнѣ, напр., докторъ Молотковъ освободилъ нѣкоего Алимасова, который сидѣлъ на цѣпи 18 лѣтъ.

«Во дворѣ одной изъ улицъ,—пишетъ докторъ,—мнѣ показали маленькую, около 1$^1/_2$ куб. саж., «зимовьюшку», причемъ въ то время одно окно было безъ рамы, а другое затянуто пузыремъ. Подходя къ избушкѣ, совершенно изолированной отъ другихъ жилыхъ построекъ, я услышалъ громкій разговоръ, неразборчивый, но, въ общемъ, недовольнаго тона,—то былъ разговоръ Алимасова. Заглянувъ въ окно, я разглядѣлъ среди почти полнаго мрака припавшаго къ стѣнѣ человѣка, грязнаго и оборваннаго, съ мучительнымъ выраженіемъ лица, причемъ меня особенно поразилъ зловонный запахъ гніющихъ испражненій, настолько сильный, что я принужденъ былъ нѣсколько отойти отъ окна, чтобы набрать въ легкія свѣжаго воздуха. Прислушиваясь къ злобному крику больного, я могъ разобрать, что онъ ругаетъ какихъ-то мальчишекъ, которые дразнили его черезъ окно, и на всѣ просьбы не травить его, какъ собаку, а зайти къ нему въ дверь по-человѣчески, только смѣялись надъ нимъ. Очевидно, Алимасовъ былъ въ свѣтломъ промежуткѣ своей болѣзни. Тяжелая, мрачная обстановка, среди которой я увидѣлъ въ тотъ моментъ почти нормальнаго человѣка, и вполнѣ понятная и резонная злоба его привели меня въ

ужасъ. Но этотъ ужасъ еще больше усилился, когда я, спросивъ у Евгенія Михайлова позволенія войти къ нему, увидѣлъ этого страдальца лицомъ къ лицу. Подойдя къ больному и поздоровавшись съ нимъ за руку, я тутъ только разсмотрѣлъ короткую цѣпь, которою онъ былъ прикованъ съ одной стороны, къ желѣзному обручу, укрѣпленному на голомъ тѣлѣ, въ обласчи поясницы, а съ другой—къ стѣнѣ, около русской печи. Весь закопченный и грязный, въ оборванной рубахѣ, уже болѣе десятка лѣтъ лишенный возможности сдѣлать хотя бы одинъ шагъ, благодаря короткости цѣпи (1 арш. 2 верш.), а также естественно затрудняясь лечь около стѣны, со своими испражненіями рядомъ, Алимасовъ почти все время сидѣлъ на своей колодкѣ или стоялъ на ногахъ. Отъ такого многолѣтняго положенія въ однообразной позѣ у «недовольнаго умомъ» страшно отекли ноги, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрылись трещинами и незаживающими язвами. Услыхавъ, что я докторъ и пріѣхалъ за много верстъ, чтобы оказать ему помощь, онъ какъ-то особенно закрылъ глаза и полный невыразимой тоски въ лицѣ, сказалъ мнѣ: «Если ты докторъ, то вотъ откуй меня и поведи въ ту хату», причемъ пальцемъ показалъ въ окно, куда его нужно было повести. «Вѣдь тамъ мой домъ... тамъ семья моя... мои внучата...» продолжалъ онъ хриплымъ и прерывающимся голосомъ. Когда больной былъ выведенъ на дворъ, залитый яркими лучами солнца, сильный свѣтъ сразу ослѣпилъ его, и Алимасовъ, закрывъ лицо руками, упалъ съ крикомъ: «Ухъ, какъ боюсь солнца! Ужъ сколько лѣтъ, его я не видѣлъ!» Дома Алимасовъ, какъ-то судорожно грохнувшись со всего размаха на полъ, залился горючими слезами, всхлипывая и вздрагивая отъ плача всѣмъ своимъ крупнымъ тѣломъ. Отчасти, правда, это были слезы душевно-больного, но вѣяло отъ нихъ здравымъ умомъ, нормальнымъ чувствомъ, такъ какъ среди безсмысленнаго лепета, который и нельзя было разобрать, онъ нѣсколько разъ повторилъ вполнѣ понятныя слова: «Это моя хата... это мой домъ!..» Видно было, что Алимасовъ, несмотря на душевное разстройство, ясно сознавалъ свое глубокое несчастье. Успокоивъ больного, какъ могъ, я сфотографировалъ его даже въ нѣсколькихъ видахъ, причемъ онъ не оказалъ мнѣ ни малѣйшаго сопротивленія».

По словамъ автора, подобные случаи далеко не единичны. Авторъ лично освободилъ отъ цѣпей семерыхъ больныхъ, а о 20-ти другихъ ему разсказывали товарищи. Въ большинствѣ случаевъ больные приковываются посредствомъ желѣзнаго обруча, одѣтаго въ видѣ пояса и со временемъ врѣзывающагося въ тѣло несчастнаго больного. Иногда они приковываются къ полу за ногу, одинъ больной былъ прикованъ за всѣ четыре конечности, одному одѣта была на ноги двухпудовая колодка, которая лишила его возможности сдвинуться съ мѣста.

Причину такого звѣрскаго обращенія съ больными д-ръ Молотковъ видитъ не только въ невѣжественности населенія, но и въ малочисленности психіатрическихъ больницъ, а особенно въ дурной репутаціи, которою онѣ заслуженно пользуются.

Одна зажиточная старуха, на предложеніе д-ра Молоткова освободить ея

мужа отъ цѣпей и отправить его въ больницу, съ ужасомъ отшатнулась и сказала:

«Да что ты, батюшка! Вѣдь онъ намъ, поди, не чужой, а свой, родной, поди, онъ намъ не врагъ, не злодѣй какой-либо!»

За мѣсяцъ. Организованные особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности уѣздные комитеты частью уже закончили, частью заканчиваютъ свои работы. Нѣкоторые комитеты преждевременно прекратили свою дѣятельность по разнымъ причинамъ, въ числѣ которыхъ, напримѣръ, укажемъ роспускъ комитета за недосугомъ предсѣдателя. Эта причина привела къ закрытію бобровскаго комитета, который открылся 8-го сентября и неожиданно для всѣхъ членовъ прекратилъ свое существованіе 2-го октября, когда предсѣдатель заявилъ, что онъ, въ виду другихъ своихъ служебныхъ обязанностей, не имѣетъ времени для созыва комитета. Но это былъ лишь одинъ изъ возможныхъ во всякомъ большомъ дѣлѣ курьёзовъ, къ числу которыхъ нельзя не отнести, кстати, и доклада, сдѣланнаго въ чистопольскомъ комитетѣ дворяниномъ Рембелинскимъ, развивавшимъ по словамъ «Волжск. Вѣстника», мысль, что главная причина разоренія сельскаго крестьянскаго хозяйства лежитъ преждевременномъ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Г. Рембелинскій полагаетъ, что «нашъ крестьянинъ, лишенный отеческихъ попеченій помѣщика, въ силу своего вѣкового невѣжества, неспособенъ къ самостоятельной жизни, гдѣ отъ него требуются и агрономическія знанія и участіе въ общественной, даже земской жизни. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нашъ крестьянинъ не доросъ до такой гражданственности, ему необходимо нуженъ просвѣщенный руководитель. Таковымъ можетъ быть только помѣщикъ,—силъ одного земскаго начальника слишкомъ недостаточно для поднятія сельскохозяйственной культуры въ странѣ. Необходимо вернуть власть помѣщикамъ, наградивъ ихъ званіемъ почетныхъ земскихъ начальниковъ. Тогда помѣщикъ, движимый отеческимъ попеченіемъ о благѣ мужика, поведетъ его и его хозяйство по пути совершенствованія».

Такое мнѣніе не нашло, однако, поддержки въ комитетѣ, который призналъ, что «въ селахъ и деревняхъ власти достаточно». Вообще же, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ шероховатостей и курьёзовъ, дѣятельность уѣздныхъ комитетовъ характеризуется безупречною добросовѣстностью, съ какою члены комитетовъ отнеслись къ возложенной на нихъ задачѣ. И несмотря на то, что члены комитетовъ, частью назначенные особымъ совѣщаніемъ, частью приглашенные предсѣдателями, являлись въ комитетъ отнюдь не полномочными представителями интересовъ мѣстнаго населенія,—въ большинствѣ случаевъ они отнеслись къ дѣлу съ такимъ вниманіемъ, что выполненная ими работа встрѣчала дружную поддержку и сочувствіе всѣхъ сознательныхъ элементовъ мѣстнаго общества, до лучшихъ представителей крестьянскаго населенія включичительно.

— 4-го ноября въ Саратовѣ какъ сообщаютъ «Русскія Вѣдомости», въ особомъ присутствіи судебной палаты въ усиленномъ составѣ, съ участіемъ со-

ювныхъ представителей, началось слушаніе извѣстнаго дѣла о безпорядкахъ, роисходившихъ 5-го мая 1902 г. въ Саратовѣ. Предсѣдательствуетъ старшій редсѣдатель судебной палаты Арсеньевъ, обвиняетъ прокуроръ палаты Макаовъ, защищаютъ: Бочкарева—кандидатъ правъ Кальмановичъ и помощникъ рисяжнаго повѣреннаго Іолшинъ, Ефимова—казанскій присяжный повѣренный [. Л. Мандельштамъ, Коссовича и Рылову—присяжный повѣренный Никоновъ, юфанова—московскій присяжный повѣренный Сахаровъ, Ѳоминыхъ—петерургскій присяжный повѣренный Новиковъ, Воеводина, Штейнберга и Григорьеву—кандидатъ правъ Кальмановичъ, Чубаровскую—петербургскій помощикъ присяжнаго повѣреннаго Ф. Волькенштейнъ, Будорину—екатеринославскій рисяжный повѣренный Александровъ, Ашанину присяжный повѣренный Токаркій, Архангельскую—присяжный повѣренный Семеновъ, Дьякову—присяжный ювѣренный Чумаевскій. Разборъ дѣла происходитъ при закрытыхъ дверяхъ ъ утреннихъ и вечернихъ засѣданіяхъ судебной палаты, въ присутствіи лизкихъ родственниковъ подсудимыхъ.

9-го ноября, по сообщенію «Курьера», дѣло было закончено. Палата оправ(ала подсудимыхъ: Штейнберга, Григорьева, Рылову, Дьяконову и Ѳоминыхъ; іриговорила: къ тюремному заключенію: Бударину—на 3 мѣс., Сарапулову—на 6 мѣс. и Воеводина—на $2^1/_2$ года; къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь по ишеніи всѣхъ правъ состоянія: Ефимова, Бочкарева, Фофанова, Коссовича, Архангельскую, Чубаровскую и Ашанину.

За границей.

Школьный билль въ Англіи. Чествованіе Карнеджи. Центръ тяжести парламентскихъ дебатовъ въ Англіи составляетъ въ настоящее время школьный билль, къ которому внесено уже до 900 поправокъ. Билль вызываетъ самое ожесточенное сопротивленіе со стороны радикальныхъ баптистовъ, весленцевъ и квакеровъ и даже глава имперіалистовъ лордъ Розбери, къ величайшему изумленію своихъ друзій, принялъ сторону противниковъ билля и призывалъ къ «сопротивленію до послѣдней крайности». Впрочемъ лордъ Розбери уже давно, «съ фонаремъ въ рукахъ», розыскиваетъ себѣ политическихъ сторонниковъ и отъ времени до времени заглядываетъ въ лагерь весленнъ и квакеровъ и старается сказать имъ что нибудь пріятное.

Вызывающій такую ожесточенную агитацію и полемику школьный билль дѣйствительно представляетъ весьма хитро задуманный законопроектъ, который можно хвалить или бранить въ зависимости отъ точки зрѣнія. Сидней Веббъ, напр., демократъ, оказался въ ряду горячихъ защитниковъ билля. «Это смѣлая и ничѣмъ не связанная передача народнаго образованія въ руки общественной власти!» восклицаетъ онъ. Но другіе члены той же демократической партіи высказываютъ совершенно противоположное мнѣніе и объявляютъ, что это не только рѣзко клерикальный билль, но, кромѣ того, онъ долженъ нанести

ущербъ свободѣ Англіи, такъ какъ проникнутъ «антидемократическимъ и антиобщественнымъ духомъ».

Въ Англіи существуютъ два рода элементарныхъ школъ. Однѣ находятся въ вѣдѣніи школьныхъ комитетовъ, другія управляются церковными комитетами, духовными и частными лицами и ассоціаціями. Школьные комитеты— представительныя учрежденія, имѣющія право устанавливать и взимать школьные налоги въ своихъ округахъ, но кромѣ того они получали пособіе и отъ правительства. Но въ ихъ школахъ не было введено преподаванія догматической религіи и въ этихъ школахъ дѣти обучаются только главной молитвѣ да десяти заповѣдямъ. Преподаваніе догматической религіи происходитъ въ частныхъ школахъ, которыя хотя и получаютъ пособіе отъ правительства, но, считаясь частными, ничего не получаютъ изъ школьнаго налога. Эти школы въ дѣйствительности являются конфессіональными и принадлежатъ англиканскимъ римско католическимъ и еврейскимъ церковнымъ общинамъ, но обставлены онѣ (за исключеніемъ еврейскихъ) гораздо хуже первыхъ, комитетскихъ, и поэтому находятся въ упадкѣ. Новый билль долженъ сравнять ихъ съ комитетскими и, какъ утверждаетъ составитель этого билля Бальфуръ, упорядочить дѣло народнаго образованія, передавъ его въ вѣдѣніе мѣстныхъ представительныхъ учрежденій. Главное же то, что частныя школы будутъ сравнены въ средствахъ съ комитетскими, и это дастъ имъ возможность вступить съ ними въ соперничество.

Защитники билля выставляютъ, между прочимъ, на видъ то, что существованіе въ странѣ большого количества плохо обезпеченныхъ и плохо обставленныхъ школъ не можетъ удовлетворять запросамъ народнаго образованія. Необходимо слѣдовательно поставить эти школы въ лучшія условія, чтобы онѣ могли удовлетворять своему назначенію. Но клерикалы позаботились о томъ, чтобы обусловить въ новомъ школьномъ законопроектѣ независимость конфессіональныхъ школъ отъ мѣстныхъ представительныхъ учрежденій. Школы эти будутъ непосредственно зависѣть отъ особаго комитета, въ составъ котораго войдутъ представители мѣстнаго учрежденія и заинтересованной въ данной школѣ частной или церковной организаціи.

Открытіе осенней парламентской сессіи ознаменовалось бурнымъ столкновеніемъ съ ирландцами. Ирландцы требовали, чтобы былъ назначенъ спеціальный день для обсужденія ирландскихъ дѣлъ, но всѣ ихъ заявленія были отвергнуты первымъ министромъ. Затѣмъ спикеръ сообщилъ, что еще двое ирландскихъ депутатовъ приговорены къ тюремному заключенію, такъ что теперь уже десять человѣкъ ирландскихъ депутатовъ должны будутъ отбывать наказаніе. Между прочимъ Вильямъ Редмондъ приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію; многіе другіе ирландцы, занимающіе общественныя должности, уже сидятъ въ тюрьмѣ, а въ Дублинѣ дѣйствуютъ исключительные законы.

Статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ Виндгэмъ защищалъ мѣропріятія правительства въ Ирландіи. Агитація и бойкотированіе въ Ирландіи вынуждаютъ къ такимъ мѣрамъ, и правительство вынуждено бороться, пока эта

борьба не будетъ окончена какимъ-нибудь образомъ. Либеральная англійская печать возмущается такимъ отношеніемъ министерства къ справедливымъ заявленіямъ ирландскихъ депутатовъ и рѣзко осуждаетъ его. Даже въ консервативной печати раздаются голоса, что къ ирландскимъ патріотамъ нельзя относиться какъ къ обыкновеннымъ преступникамъ и нельзя рѣшать ирландскій вопросъ посредствомъ исключительныхъ мѣропріятій. Одна изъ консервативныхъ газетъ говоритъ: «Замалчиваніе жгучаго вопроса не ведетъ ни къ чему, и можетъ наступить день, когда правительство очутится лицомъ къ лицу съ такою проблемой, которая, пожалуй, будетъ для него неразрѣшима». Такія слова указываютъ, что и въ консервативномъ лагерѣ сознаютъ необходимость заняться участью ирландскаго народа и удѣлить ему больше вниманія, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Впрочемъ, ирландскій вопросъ, какъ грозный призракъ, постоянно стоитъ передъ англійскими депутатами и напоминаетъ о себѣ.

Старинный городъ Сентъ-Андрью въ Шотландіи, университетъ котораго будетъ праздновать въ 1911 году свой 500-лѣтній юбилей, чествовалъ недавно американскаго милліардера Карнеджи, избраннаго лордомъ-ректоромъ этого стариннѣйшаго шотландскаго университета. Студенты университета въ полномъ составѣ явились на вокзалъ, чтобы выразить благодарность человѣку, пожертвовавшему такія громадныя суммы на то, чтобы сдѣлать высшее образованіе въ Шотландіи доступнымъ для всѣхъ. Карнеджи отвѣчалъ на привѣтствіе рѣчью, въ которой сказалъ: «Я невольно спрашиваю себя: не брежу ли я? Не во снѣ ли я вижу всѣ эти почести, которыя вы мнѣ оказываете? Я ли тотъ самый Эндрью Карнеджи который росъ въ бѣдности здѣсь, въ этомъ городѣ? Я счастливъ, что дожилъ до этой минуты и что могу теперь сказать, что жилъ не даромъ!» Затѣмъ онъ распространился о промышленномъ господствѣ Америки. Америка опередила Европу не только въ промышленномъ отношеніи, но и въ торговомъ, и Европа, раздѣленная на враждебные лагери, не можетъ успѣшно состязаться съ нею. Только объединенная Европа, освобожденная отъ «самоубійственнаго» бремени милитаризма, въ состояніи была бы выдержать соперничество Америки.

Общество соціальной реформы въ Германіи. Санаторія для рабочихъ въ Берлинѣ. Германскій рейхстагъ. Въ Кёльнѣ состоялось первое генеральное собраніе общества соціальной реформы. Министръ Берлепшъ, открывая собраніе въ качествѣ председателя, сдѣлалъ краткій обзоръ дѣятельности общества за первые два года его существованія. Общество насчитываетъ теперь 1000 членовъ и 130 корпорацій всякаго рода; филіальныя отдѣленія устроены въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Дрезденѣ, Гамбургѣ, Кёльнѣ, Кёнигсбергѣ, Лейпцигѣ и Майнцѣ. Въ числѣ членовъ общества находится не мало депутатовъ рейхстага, принадлежащихъ къ партіи центра, національ-либераламъ и свободомыслящимъ, которые совмѣстно выработали цѣлый рядъ соціально-политическихъ мѣропріятій, предложенныхъ рейхстагу и касающихся области рабочаго вопроса. «Общество соціальной реформы,—сказалъ Берлепшъ,— стремится объединить

всѣхъ соціальныхъ политиковъ Германіи, безъ различій партій, соціальнаго положенія и вѣроисповѣданія. Оно приглашаетъ къ совмѣстной работѣ всѣхъ, кто желаетъ участвовать въ соціальной дѣятельности, и считаетъ необходимымъ условіемъ улучшенія народнаго быта въ нравственномъ и физическомъ отношеніи изданіе законовъ, покровительствующихъ рабочимъ и обезпечивающихъ имъ существованіе».

Первымъ на очереди былъ поставленъ вопросъ о сокращеніи рабочаго времени для женщинъ и повышеніи законнаго возраста для поступленія дѣтей на фабрику. По этому послѣднему вопросу должна была прочесть докладъ г-жа Елена Симонъ, но кёльнскія полицейскія власти воспротивились на томъ основаніи, что по закону женщины не имѣютъ право говорить въ политическихъ ферейнахъ. Такъ какъ дѣйствительно прусскіе законы о союзахъ и ассоціаціяхъ воспрещаютъ это, то послѣ нѣкотораго спора съ полиціей собраніе постановило, что докладъ г-жи Елены Симонъ прочтетъ одинъ изъ членовъ; она же будетъ находиться въ помѣщеніи отведенномъ для зрительницъ.

Профессоръ Франке предложилъ замѣнить ее и прочелъ ея докладъ, вызвавшій шумныя одобренія присутствующихъ. Предсѣдатель со своей стороны счелъ нужнымъ высказать благодарность Еленѣ Симонъ за ея трудъ по собиранію данныхъ, касающихся работы дѣтей. Собраніе постановило внести предложеніе въ рейхстагъ о допущеніи женщинъ въ соціально-политическіе ферейны. Большое вниманіе возбудила рѣчь одного изъ членовъ, Тромборна, который доказывалъ, что Германія находится позади Франціи, Англіи и Америки въ отношеніи свободы коалицій, а безъ такой свободы немыслимъ правильный ходъ прогресса.

Интересныя данныя были сообщены въ собраніи о дѣятельности берлинскаго бюро обязательнаго страхованія фабричныхъ рабочихъ, причемъ одна половина суммы выплачивается работодателями, а другая рабочими. Оказывается, что валовой капиталъ этого страхового общества достигаетъ $55^1/_2$ милліоновъ, годовой доходъ достигаетъ 7 милліоновъ, а годовые проценты $1^1/_2$ милліона. Бюро состоитъ изъ двухъ чиновниковъ, двухъ рабочихъ и двухъ работодателей. Въ началѣ своего существованія бюро имѣло цѣлью только обезпечить застрахованному рабочему средства къ жизни на случай временной или продолжительной неспособности къ работѣ, но послѣ того, какъ средства бюро возросли до такихъ размѣровъ, цѣль эта показалась недостаточною, и рѣшено было построить санаторіумъ для заболѣвшихъ рабочихъ. Сначала для пробы устроили въ 1894 г. небольшой санаторіумъ, но эта мысль оказалась настолько удачной, что общество рѣшило пріобрѣсти 500 моргеновъ земли въ часовомъ разстояніи отъ Берлина, въ лѣсу и устроить тамъ санаторіумъ, состоящій изъ четырехъ павильоновъ, отдѣльно для мужчинъ и женщинъ и для легочныхъ и другихъ больныхъ. На устройство санатаріума истрачены, какъ видно изъ отчета общества, громадныя суммы. Постройка обошлась въ 8 милліоновъ, а за землю уплочено 900.000 марокъ. Санатаріумъ разсчитанъ на 600 человѣкъ, причемъ въ отчетѣ особенно указывается на то, что расходы общества на содержаніе этого санатаріума не превышаютъ тѣхъ, которые ему прихо-

дилось уплачивать въ прежнее время различнымъ госпиталямъ за пребываніе въ нихъ заболѣвшихъ рабочихъ, между тѣмъ новый санаторіумъ обладаетъ огромными гигіеническимъ и другими преимуществами въ сравненіи съ этими госпиталями. Это подтвердили присутствовавшіе въ собраніи врачи и журналисты, осматривавшіе новый санатаріумъ, снабженный всѣми новѣйшими усовершенствованіями и приспособленіями. Отдѣльное зданіе, гдѣ устроены мастерскія, предназначено для тѣхъ изъ выздоравливающихъ рабочихъ, которые могутъ и желаютъ заниматься понемногу своимъ ремесломъ. Весь нужный для этого матеріалъ они находятъ въ санаторіумѣ. Маленькіе домики, гдѣ помѣщаются рабочіе, нуждающіеся въ подкрѣпленіи силъ, разбросаны среди сосноваго лѣса и указываютъ, что новый санатаріумъ имѣетъ въ виду нетолько лѣченіе заболѣвшихъ рабочихъ, но и профилактическія цѣли—предупрежденіе тяжелыхъ заболѣваній посредствомъ своевременнаго отдыха и пребыванія въ гигіенической обстановкѣ. Общество предвидитъ, что ему придется еще болѣе расширить свою дѣятельность въ этомъ отношеніи.

Въ германскомъ рейхстагѣ попрежнему пренія вращаются около хлѣбнаго вопроса. Реформа таможеннаго тарифа, предложенная правительствомъ, поглощаетъ вниманіе общества и печати. Агитація въ странѣ не прекращается Газеты указываютъ на странное положеніе, въ которомъ очутилось правительство въ рейхстагѣ. Большинство рехйстага пошло гораздо дальше желаній правительства—оно оказалось «plus royaliste que le roi», и аграрный законопроектъ—«ультрааграрнымъ»; повышены всѣ таможенныя пошлины, предложенныя правительствомъ, такъ что графъ Бюловъ вынужденъ былъ приводить противъ такой редакціи законопроекта доводы его противниковъ. Онъ категорически объявилъ, что правительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ согласиться на такое повышеніе таможенныхъ ставокъ, на что большинство отвѣтило, что оно не пойдетъ ни на какія уступки. Несмотря, однако, на такія категорическія заявленія съ обѣихъ сторонъ, второе чтеніе законопроекта идетъ своимъ чередомъ, и большинство принимаетъ ставки, противъ которыхъ протстуетъ правительство, очутившись теперь въ положеніи оппозиціи. Одинъ изъ радикальныхъ германскихъ органовъ печати, указывая на такое ненормальное положеніе вещей, говоритъ, что это «свѣтъ на изнанку». «Казалось бы,—продолжаетъ газета,—послѣ такого голосованія рейхстага, которое обнаружило вопіющее разногласіе между правительственнымъ большинствомъ и правительствомъ, должно было произойти одно изъ двухъ: либо отвѣтственный министръ долженъ былъ подать въ отставку, либо должно было распустить парламентъ. Въ 1887 году, когда обсуждался военный законопроектъ правительства, Рейхстагъ вотировалъ несогласно съ желаніями Бисмарка, предусмотрительный Бисмаркъ тотчасъ же поднялся со своего мѣста, вытащилъ изъ кармана заранѣе приготовленный императорскій приказъ о распущеніи рейхстага и закрылъ засѣданіе. По крайней мѣрѣ, Бисмаркъ зналъ, чего онъ хотѣлъ, а графъ Бюловъ не знаетъ!»

И вообще судьба правительственнаго таможеннаго законопроекта совершенно неопредѣленна.

Университетская реформа въ Италіи. Стачка булочниковъ въ Катаньи. Итальянское правительство обнародовало новый регламентъ, значительно измѣняющій университетскую организацію въ Италіи. Этотъ регламентъ до такой степени противорѣчитъ прежней идеѣ автономіи университетовъ, что естественнымъ образомъ долженъ былъ вызвать протесты въ либеральной печати, указывающей, что итальянское правительство заразилось, повидимому, автократическими тенденціями нѣкоторыхъ германскихъ государствъ, стремящихся ограничить прерогативы университетовъ, и стремится къ централизаціи, въ то время какъ всюду заявляется о вредѣ такой системы и о необходимости децентрализаціи. По новому итальянскому регламенту право выбора ректора среди профессоровъ какого-нибудь университета будетъ принадлежать только министру. Нынѣшній министръ просвѣщенія Нази заявляетъ впрочемъ, что «ничто не мѣшаетъ министру созывать академическій совѣтъ, который и укажетъ своихъ кандидатовъ», но такъ какъ въ уставѣ ничего не сказано о созывѣ этого совѣта, то это вполнѣ предоставляется министру. При этомъ новый регламентъ почти обязываетъ избраннаго правительствомъ ректора принять это назначеніе, такъ какъ онъ можетъ отъ него отказаться, только представивъ весьма уважительныя причины, и единственнымъ судьею въ данномъ случаѣ будетъ все-таки министръ. Точно также и относительно назначенія профессоровъ новый регламентъ увеличиваетъ прерогативы правительства. Прежде факультеты избирали коммиссіи экспертовъ, которымъ былъ порученъ выборъ среди кандидатовъ на вакантную каѳедру, теперь же эти коммиссіи будутъ назначаться министромъ. Правда, въ уставѣ говорится, что министръ, прежде чѣмъ назначить коммиссію, будетъ опрашивать всѣхъ профессоровъ и другихъ представителей науки и предложитъ имъ указать письменно кандидата, котораго они считаютъ наиболѣе достойнымъ. Но профессора будутъ имѣть только совѣщательный голосъ въ данномъ случаѣ, и назначеніе на каѳедру будетъ все-таки зависѣть отъ коммиссіи, составъ которой будетъ указанъ самимъ министромъ.

Противники новой реформы справедливо выставляютъ на видъ, что такъ какъ въ числѣ депутатовъ и сенаторовъ находятся и профессора, то, благодаря новому университетскому уставу, при назначеніи на каѳедры, правительство можетъ руководствоваться соображеніями болѣе политическаго, нежели научнаго характера, и такимъ образомъ новая реформа не только наноситъ ущербъ престижу университетовъ, ограничивая ихъ прерогативы, но можетъ причинить огромный вредъ высшему образованію въ странѣ, стѣсняя его свободу и примѣшивая политику къ наукѣ.

Много толковъ въ итальянской печати возбудила недавно происходившая стачка булочниковъ въ Катаньи. На этотъ разъ стачку устроили не рабочіе, а хозяева, не пожелавшіе подчиниться постановленіямъ городского муниципалитета въ Катаньи. Въ этомъ муниципалитетѣ большинство составляютъ представители народной партіи и во главѣ ихъ стоитъ знаменитый депутатъ Дефеличе. Обсуждая разныя мѣропріятія, имѣющія цѣлью улучшить соціальное положеніе, муниципалитетъ, между прочимъ, рѣшилъ удешевить хлѣбъ. Булочникамъ было объявлено, что они должны подчиниться слѣдующимъ постановле-

ніямъ муниципалитета: 1) цѣны на хлѣбъ устанавливаются городскимъ магистратомъ, и булочники не имѣютъ права нарушать установленный имъ тарифъ; 2) работа въ булочныхъ должна производиться смѣнами, причемъ воспрещается заставлять пекарей и подмастерьевъ работать дольше положеннаго срока; 3) уплата рабочимъ должна производиться черезъ особую коммиссію; 4) заработная плата должна быть повышена.

Булочники, послѣ нѣкотораго колебанія, согласились подчиниться первому требованію и принять тарифъ, установленный муниципалитетомъ, но отъ остальныхъ отказались наотрѣзъ, и когда муниципалитетъ началъ настаивать, они объявили стачку. Производство хлѣба прекратилось, но муниципалитетъ продолжалъ стоять на своемъ и, чтобы доказать булочникамъ, что онъ можетъ безъ нихъ обойтись, взялъ въ свои руки это дѣло и съ 18-го октября началъ снабжать городъ хлѣбомъ собственнаго изготовленія. Это оказалось не такъ легко, какъ думали члены муниципалитета; хлѣба не хватало и у хлѣбныхъ лавокъ постоянно толкался народъ, требующій хлѣба и не получающій его. Только и раздавались возгласы: «Нѣтъ больше хлѣба! Весь вышелъ. Приходите позднѣе». Булочники, видя затруднительное положеніе муниципалитета, потирали руки, увѣренные, что муниципалитетъ долго не выдержитъ и, въ концѣ концовъ, вынужденъ будетъ вступить съ ними въ переговоры. Такъ и вышло, и теперь заключенъ компромиссъ, благодаря которому жители Катаньи могутъ снова получать хлѣбъ изъ булочныхъ, но по цѣнѣ, установленной муниципалитетомъ.

Собраніе свободомыслящихъ женщинъ. Въ Вѣнѣ состоялось весьма многолюдное собраніе свободомыслящихъ женщинъ, на которое были приглашены представительницы всѣхъ классовъ и профессій, а также всѣхъ антиклерикальныхъ партій. Преобладающее большинство составляли женщины и дѣвушки бюргерскаго сословія—небывалое до сихъ поръ явленіе въ Австріи, такъ какъ женщины бюргерскихъ классовъ обыкновенно принимали мало участія въ политическихъ демонстраціяхъ. На этотъ разъ онѣ явились въ большомъ числѣ и выказали огромный интересъ къ политическимъ вопросамъ, разбиравшимся въ собраніи.

Предсѣдательница г-жа Дейзи Миноръ открыла собраніе слѣдующею рѣчью: «Мы призвали васъ, бюргерскія женщины, чтобы напомнить вамъ о вашихъ гражданскихъ обязанностяхъ. Слишкомъ часто приходится слышать отъ женщины слѣдующую фразу: «Я нисколько не интересуюсь политикой и ничего въ ней не понимаю». Къ сожалѣнію, это такъ и есть, но это стыдно. Мы хотимъ заставить бюргерскихъ женщинъ встряхнуться и выйти изъ безразличнаго состоянія. Эта сдержанность, которая считается въ женщинѣ признакомъ хорошаго воспитанія, въ сущности недостойна ея, такъ какъ основана на равнодушіи къ благу и страданіямъ цѣлаго народа. Бюргерскія женщины должны интересоваться политикой, такъ какъ онѣ на каждомъ шагу соприкасаются съ нею—въ школѣ, въ промышленности, въ области финансовъ, свободнаго изслѣдованія и науки и въ тысячѣ другихъ областей. Вы должны, какъ

добрый товарищъ, поддерживать своихъ мужей и братьевъ въ борьбѣ за идеальныя блага народа. Для управленія страной или городомъ должны быть призываемы самые благородные, лучшіе, умные и образованные люди, однимъ словомъ, настоящіе избранники. Между тѣмъ, мы видимъ, что во главѣ управленія находится партія, нравы и обычаи которой являются насмѣшкой надъ культурой. Эта партія стоитъ на очень низкомъ этическомъ уровнѣ и спекулируетъ на низменныхъ инстинктахъ народныхъ массъ, лишь бы обезпечить себѣ господство. Всѣ другія партіи должны единодушно бороться противъ нея, и женщины должны помогать имъ во имя культуры, нравственности и образованія».

Рѣчь вызвала громъ несмолкаемыхъ аплодисментовъ, затѣмъ г-жа Марія Лангъ прочла рефератъ «О значеніи для женщинъ выборовъ въ сеймы» и въ заключеніе сказала, обращаясь къ присутствующимъ: «Я счастлива видѣть васъ здѣсь. Для насъ имѣетъ огромное значеніе, что вы, бюргерскія женщины, откликнулись на нашъ призывъ, такъ какъ прежде вы не выходили за предѣлы своего узкаго домашняго круга. Правда, нѣкоторыя изъ васъ принимали иногда участіе въ соціальной работѣ, но большинство воздерживалось отъ этого, да и тѣ, которыя работали, одиноко прокладывали себѣ путь къ политической дѣятельности, потому что онѣ не могли разсчитывать на помощь мужчинъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ судьба посылаетъ намъ мужа, брата или сына, который можетъ помочь намъ разобраться въ интересующихъ насъ вопросахъ. Большинство изъ насъ должны были сами, собственными силами, добиваться рѣшенія этихъ вопросовъ, и если мы спрашивали: «Что означаетъ это или то?» то насъ ласково трепали по плечу и дружески говорили: «Дитя, это тебя не касается, ты этого не поймешь». Иногда же намъ замѣчали съ нахмуреннымъ лбомъ: «Оставь эти глупые вопросы. Посмотри лучше, чтобы супъ не былъ пересоленъ и чтобы онъ не переварился, а это мало принесетъ пользы человѣчеству». Многія изъ насъ такимъ образомъ прошли мимо жизни, сгорая жаждою знанія. Тѣ же, которыя собрались здѣсь, пришли сюда по собственной волѣ. Материнскія чувства заставили насъ выйти, наконецъ, изъ нашего домашняго круга и принять участіе въ политической жизни страны. Мы видимъ передъ собою три лагеря: демократовъ, клерикаловъ, фанатизированную массу, которая мечется во всѣ стороны, не зная, чего она хочетъ, и, наконецъ, великую, спокойную толпу интеллигентовъ Австріи, усталую, безпомощную и безнадежно опускающую руки. Но въ чемъ же дѣло? Какъ могли интеллигенты допустить, чтобы страна отдана была въ руки клерикальной партіи, попирающей культуру и не признающей ее? Эта партія отказываетъ въ правѣ существованія всѣмъ, не раздѣляющимъ ея взглядовъ. Развѣ мы можемъ довѣрять ей своихъ дѣтей? Мы, какъ матери, не должны допускать этого. Партія клерикаловъ отлично понимаетъ, какъ много значитъ помощь женщинъ, поэтому она цѣнитъ женщинъ, хотя презираетъ ихъ и боится въ то же время. Женщина накладываетъ свою печать на семью, а не мужчина, и поэтому мы составляемъ силу, оттого клерикалы и добиваются подчинить насъ своему игу. Повѣрьте, только черезъ насъ они могутъ завладѣть нашими мужьями. Развѣ они сдѣлали что-нибудь для женщинъ когда-нибудь? Они

боятся умственнаго пробужденія женщинъ, боятся интеллигентныхъ матерей, которыя могутъ превратиться въ опасную для нихъ силу. Вотъ почему я и призываю васъ, во имя материнства, соединиться вмѣстѣ въ борьбѣ за свободу будущихъ поколѣній».

Эта рѣчь вызвала шумныя одобренія. Въ собраніи присутствовали мужчины, депутаты и муниципальные совѣтники. Они также произносили рѣчи и поздравляли женщинъ со вступленіемъ на поприще политической дѣятельности.

Передъ закрытіемъ собранія докладчица г-жа Лангъ еще разъ вышла на трибуну и, поблагодаривъ всѣхъ ораторовъ, сказала: «Въ день выборовъ мы, женщины, будемъ на мѣстѣ, если бы даже намъ пришлось, какъ женщинамъ Вейнсберга, принести на плечахъ своихъ мужей къ избирательнымъ урнамъ».

Австрійская печать чрезвычайно заинтересована этимъ собраніемъ и видитъ въ немъ весьма знаменательный симптомъ.

Новый махди. Когда покойный Сесиль Родсъ высказалъ свои грандіозные планы соединенія непрерывнымъ рельсовымъ путемъ, пролегающимъ черезъ весь африканскій континентъ, берега Средиземнаго моря съ мысомъ Доброй Надежды, то въ Европѣ, хотя и были поражены смѣлостью его программы, но, тѣмъ не менѣе, никто не нашелъ ее неосуществимой. Казалось, достаточно провести красную черту по картѣ Африки отъ одного конца до другого, и всѣ затрудненія будутъ устранены. На дѣлѣ вышло иначе. Исламъ, которому угрожала британская программа, не выказалъ желанія покориться ей. Махдизмъ явился первымъ препятствіемъ на пути англичанъ, и только послѣ упорной борьбы Англіи удалось нанести ему рѣшительный ударъ взятіемъ Омдурмана. Но теперь возникаетъ новое препятствіе въ лицѣ сомалійскаго муллы Абдуллы Ашура, котораго англичане прозвали почему-то «сумасшедшимъ муллой».

Въ Европѣ давно уже было извѣстно, что въ Огаденѣ, лежащемъ къ югу отъ Абиссиніи и граничащемъ съ восточно-африканскими владѣніями Англіи, англичане наткнулись на весьма серьезныя препятствія своимъ планамъ. Въ теченіи трехъ лѣтъ усилія англичанъ проложить путь черезъ Огаденъ къ озеру Родольфа, оказывались безуспѣшными; защитникъ Сомали, «сумасшедшій мулла», оставался неумолимымъ. Телеграммы, полученныя въ послѣднее время изъ Каира, указываютъ, что Англія не совладала съ этимъ препятствіемъ и ни на шагъ не подвинулась впередъ. Новыя попытки завладѣть позиціей «сумасшедшаго муллы» были столь же мало успѣшны, какъ и прежнія. Не только въ Европѣ, но и въ Лондонѣ были удивлены телеграммой полковника Свайна, руководящаго уже два года военными операціями противъ муллы. «Нужно, по крайней мѣрѣ, 50.000 войска и много времени и терпѣнія, чтобы сломать сопротивленіе сомалійцевъ», сказано въ телеграммѣ, и это говоритъ человѣкъ, хорошо изучившій страну и силы врага. Очевидно, совладать съ нимъ будетъ не такъ-то легко и если случай—ножъ или ядъ, что бываетъ часто въ такихъ странахъ—не избавитъ Англію отъ непріятеля, преграждающаго ей путь, то въ лицѣ сомалійскаго муллы она можетъ найти новаго

махди, который явится воплощеніемъ того, который былъ побѣжденъ въ Омдурманѣ.

Французскій журналистъ Гюгъ Ле-Ру разсказываетъ въ «Revue de Paris», что во время своего пребыванія въ Аденѣ онъ собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія у своихъ друзей мусульманъ о новомъ махди. «Абдулла Ашуръ,—сказали ему, возвратившись въ четвертый разъ изъ Мекки, выказалъ было наклонность проповѣдывать, но мы просили его воздержаться, такъ какъ въ Аденѣ онъ причинилъ бы намъ лишнія затрудненія. Англійское правительство не преслѣдуетъ нашу религію, но воспрещаетъ пропаганду. Абдулла это понялъ и отправился въ Берберу».

Абдуллѣ въ настоящее время тридцать три года. Это настоящій сомаліецъ. Его исторія—это исторія всѣхъ «святыхъ» Ислама. Онъ низкаго происхожденія и выросъ среди стадъ, пасшихся въ долинахъ Огадена. Въ этой странѣ, какъ и повсюду, гдѣ европеецъ-завоеватель соприкасается съ послѣдователями ислама, постоянно появляются мусульманскіе миссіонеры, проповѣдующіе возвращеніе къ первобытнымъ временамъ Корана. Одинъ изъ такихъ миссіонеровъ обратилъ вниманіе на маленькаго пастуха, слушавшаго его съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, и увелъ его съ собой. Абдуллѣ было 20 лѣтъ, когда онъ въ первый разъ посѣтилъ Мекку и тамъ сдѣлался любимымъ ученикомъ шейха Магомета Сала, главы мистическаго братства «Tariga-Mahadia» и такимъ образомъ сталъ членомъ самой старинной мусульманской ассоціаціи «Кадріа» (Qadria). Эта ассоціація имѣетъ огромное вліяніе на африканскіе и азіатскіе народы и покрываетъ своими развѣтвленіями дальній востокъ, англійскую и голландскую Индію и даже въ китайскомъ Юннанѣ даетъ чувствовать свою власть. Въ Аравіи члены этой мусульманской ассоціаціи вездѣ занимаютъ первыя мѣста, въ Джеддѣ,越Мединѣ и Меккѣ. Въ Египтѣ они утвердились въ Каирѣ, въ долинѣ Нила и даже въ Нубійской пустынѣ. Они встрѣчаются въ большомъ числѣ въ округахъ Хартума, Кордофана, Дарфура, Вадаи, Борну и Сокото и на всѣхъ караванныхъ дорогахъ къ Фецу. Можетъ быть, и покойный Махди принадлежалъ къ этой могущественной ассоціаціи.

Англичане поняли теперь, что къ Абдуллѣ Ашуру нельзя относиться какъ къ случайному авантюристу въ этой странѣ мусульманской пропаганды. Исходною точкою сопротивленія Абдуллы явилась ненависть, которую всѣ остальные послѣдователи Корана должны чувствовать къ христіанамъ, и онъ началъ съ религіозной проповѣди, быстро собравшей около него сотни приверженцевъ. Вскорѣ его вліяніе настолько усилилось, и число его послѣдователей настолько возросло, что онъ могъ уже организовать вооруженное возстаніе въ Огаденѣ.

Тревожныя извѣстія, полученныя изъ восточной Африки побудила англичанъ организовать экспедицію противъ Абдуллы, которому дана была презрительная кличка «съумасшедшаго муллы». Но съ самаго начала англійскимъ войскамъ пришлось убѣдиться, что они имѣютъ дѣло съ сильнымъ непріятелемъ, хотя офиціальныя телеграммы и сообщили о томъ, что непріятель отступилъ съ большими потерями и что мулла, покинутый своими приверженцами, удалился въ неприступныя дебри, на склонахъ Огаденскаго плоскогорья. Но въ теле-

граммахъ не сообщалось, съ какими невыразимыми затрудненіями приходится бороться полковнику Свайну; умалчивалось и о томъ, что войско его дезорганизовано болѣзнями и лишеніями. Въ теченіе трехъ дней его отрядамъ пришлось странствовать въ пустынѣ безъ воды. Полковникъ Свайнъ донесъ обо всемъ этомъ, но напрасно онъ изображалъ свое трудное положеніе—въ Англіи были заняты другимъ, и, поэтому, на его донесенія не было обращено вниманія. Казалось невѣроятнымъ, чтобы онъ не могъ справиться съ какимъ-то съумасшедшимъ сомалійцемъ.

Весною этого года англичане измѣнили свой взглядъ на своего сомалійскаго противника. «Aden Gazette» заявила, что въ лицѣ его Англія встрѣчаетъ «другого Девета»: Абдулла, про котораго думали, что онъ находится гдѣ-нибудь около моря, вдругъ очутился подъ стѣнами Берберы. Пришлось впопыхахъ отправить въ Сомалиляндъ два отряда аденскаго гарнизона для защиты Берберы. Притомъ же мѣстное правительство оказалось совершенно безсильнымъ прекратить грабительскіе набѣги, которые совершалъ Абдулла. Ни одинъ караванъ не могъ попасть въ Берберу, и Аденъ пересталъ получать оттуда скотъ. Множество торговыхъ фирмъ въ Берберѣ обанкротилось. Одно англійское судно конфисковало большую контрабанду оружія для сомалійцевъ и при этомъ были найдены документы, несомнѣнно указывающіе, что Абдулла находится въ сношеніяхъ со своими единовѣрцами въ Индіи и что африди и вазирисы (воинственныя племена на индо-афганской границѣ) дѣйствуютъ заодно съ нимъ.

Въ англо-индійскихъ газетахъ лѣтомъ этого года начали появляться статьи, явно имѣющія цѣлью подготовить общественное мнѣніе къ новому пораженію англичанъ. О полковникѣ Свайнѣ долго не было извѣстій, и въ Англіи не знали съ достовѣрностью, гдѣ онъ находится. Только 11-го октября туземные солдаты, вернувшіеся въ Берберу, сообщили о критическомъ положеніи, въ которомъ находится полковникъ Свайнъ, со своими отрядами, а 21-го октября въ Бербери получена депеша объ ожесточенной битвѣ и большихъ потеряхъ, понесенныхъ англичанами.

Это было тяжелымъ ударомъ для Англіи. Нельзя не отдать справедливость англичанамъ, они приняли это грустное извѣстіе со свойственнымъ имъ достоинствомъ и спокойствіемъ. Англійская печать не старается умалить значенія этого факта и не скрываетъ затрудненій, которыя ожидаютъ Англію въ сомалійской кампаніи.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Увлеченіе романомъ въ Англіи и Америкѣ. Имѣетъ ли романъ будущность?— Воинская повинность женщинъ. — Театральная цензура въ разныхъ странахъ. — Японія въ роли школьнаго учителя азіатскихъ народовъ. — Развитіе книжной промышленности.

Въ Англіи и Америкѣ съ нѣкотораго времени чрезвычайно интересуются романомъ. Беллетристика пріобрѣла въ умственной жизни этихъ странъ гораздо болѣе выдающееся значеніе, чѣмъ въ другихъ странахъ, что и выражается

громаднымъ распространеніемъ любимыхъ романовъ, которые расходятся болѣе чѣмъ въ 500.000 экземпляровъ въ годъ. Между тѣмъ въ этихъ странахъ уже раздаются предостерегающіе голоса; романическая эпидемія грозитъ опасностью народной жизни, если только она охватитъ юношество. Въ печати серьезно обсуждаетъ вопросъ, имѣетъ ли романъ какую-нибудь будущность и не суждено ли исчезнуть этой отрасли литературы съ измѣненіемъ требованій современной жизни? Жюль Вернъ, въ разговорѣ съ однимъ англичаниномъ, посѣтившимъ его, высказалъ слѣдующее мнѣніе: «Я не думаю, чтобы черезъ 50 или 100 лѣтъ романы могли существовать; по крайней мѣрѣ не думаю, что они будутъ издаваться въ формѣ книгъ. Ихъ замѣнятъ ежедневныя газеты, которыя и теперь преобладаютъ въ жизни передовыхъ націй. Романъ, повѣсть, историческія, описательныя и психологическія новеллы все это исчезнетъ. Въ нихъ не будетъ потребности, да и теперь уже эта потребность уменьшается, и интересъ къ романической литературѣ пропадаетъ. Историческими документами будутъ служить газеты».

Эти слова Жюля Верна вызвали протестъ со стороны выдающихся американскихъ писателей беллетристовъ, которые возражаютъ въ «North American Review» Гоуэльсъ, напримѣръ, говоритъ: «Жюль Вернъ смѣшиваетъ исчезновеніе извѣстной беллетристической формы съ исчезновеніемъ самой беллетристики. Но не имѣя вполнѣ опредѣленнаго начала, она не будетъ имѣть и опредѣленнаго конца. Всегда и во всѣ времена существовалъ и будетъ существовать интересъ, кототорый чувствуетъ одинъ человѣкъ къ другому и въ особенности мужчина къ женщинѣ. Развѣ перестанутъ интересоваться любопытными процессами о разводѣ или будутъ предпочитать описаніе сраженія на Филиппинахъ описанію обрученія въ Ньюпортѣ? Что значитъ убійство въ сравненіи съ самимъ процессомъ объ убійствѣ? Въ катастрофахъ, сраженіяхъ и убійствахъ мы имѣемъ дѣло съ безличнымъ фактомъ, который можетъ служить матеріаломъ для сенсаціоннаго романа. Эта форма доживаетъ свои дни, хотя толпа и недалекіе люди еще могутъ увлекаться ею. Но Жюль Вернъ неправильно думаетъ, что психологическій романъ, лежащій въ основѣ этихъ фактовъ, можетъ исчезнуть. Это немыслимо. Психологическій романъ постоянно выдвигается впередъ во всѣхъ человѣческихъ разговорахъ и никогда не можетъ исчезнуть. Онъ составляетъ необходимую принадлежность жизни».

Гарляндъ думаетъ, что опаснымъ соперникомъ романа можетъ быть только драма. Пристрастіе къ драмѣ замѣтно возрастаетъ среди населенія, и мало-по малу драма вытѣсняетъ романъ. Во всякомъ случаѣ интересъ къ роману не можетъ изсякнуть, пока люди останутся людьми и ихъ будетъ интересовать окружающая жизнь во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ.

Профессоръ д-ръ Циммеръ доказываетъ въ «Blättern für Volksgesundheitspflege» огромную важность физическаго воспитанія женщины. Онъ находитъ, что женщины также могли бы нести воинскую повинность, но, разумѣется, не въ рядахъ арміи, а въ госпиталяхъ, въ качествѣ добровольныхъ сидѣлокъ, поступающихъ на годичный срокъ, какъ и вольноопредѣляющіеся въ войскахъ.

Онъ предлагаетъ, чтобы дѣвушки, по окончаніи курса среднихъ учебныхъ заведеній подвергались медицинскому освидѣтельствованію, совершенно также какъ это дѣлается съ молодыми людьми, которые должны отбывать воинскую повинность. Врачъ опредѣлитъ ихъ годность къ службѣ, и тѣ, которыя будутъ признаны годными, будутъ зачислены для отбыванія повинности въ большія городскія больницы, гдѣ онѣ будутъ обучаться практически и теоретически уходу за больными. Евангелическій ферейнъ діаконисъ уже восемь лѣтъ тому назадъ ввелъ такую повинность для образованныхъ дѣвушекъ и женщинъ, отъ 18 до 35 лѣтъ. Въ Элберфельдѣ, Цейцѣ, Эрфуртѣ, Магдебургѣ, Штеттинѣ и Данцигѣ учреждены курсы для добровольныхъ сидѣлокъ. Поступленіе на эти курсы и выходъ не стѣсняются никакими условіями, и только требуется предувѣдомить за четыре недѣли о своемъ уходѣ. Профессоръ Циммеръ очень одобряетъ эти курсы и находитъ, что введеніе такого рода обязательной повинности для женщинъ должно отразиться самымъ благопріятнымъ образомъ на ихъ физическомъ здоровьи. Женщинамъ высшихъ классовъ лишь рѣдко представляются случаи упражнять свои физическія силы и исполнять какія-нибудь грубыя работы. Поступая же сидѣлками въ госпитали, для отбыванія повинности, онѣ должны будутъ исполнять всякую работу и не считать ее унизительною, хотя, разумѣется, отъ такихъ «вольноопредѣляющихся» не станутъ требовать ничего чрезмѣрнаго. «Конечно, такая работа покажется имъ трудной въ первое время, — говоритъ проф. Циммеръ, — но зато результаты такого физическаго труда не замедлятъ отразиться на всемъ организмѣ, который долженъ окрѣпнуть подъ вліяніемъ мускульной работы, вызывающей благодѣтельное чувство усталости, за которымъ слѣдуетъ возстановляющій сонъ и хорошій аппетитъ. Но польза такой повинности заключается не только въ укрѣпленіи организма, разслабленнаго воспитаніемъ. Молодыя дѣвушки и женщины пріобрѣтаютъ такія познанія и опытъ въ уходѣ за больными, которые могутъ имъ очень пригодиться въ домашнемъ быту, когда онѣ сдѣлаются супругами и матерями».

Въ заключеніе проф. Циммеръ прибавляетъ, что наблюденія, сдѣланныя надъ такими добровольными сидѣлками евангелическаго ферейна, указываютъ, что онѣ не только не худѣютъ во время отбыванія своей повинности въ госпиталяхъ, но даже прибавляются въ вѣсѣ.

Въ «Revue Hébdomadaire» сообщаются любопытныя свѣдѣнія о театральной цензурѣ разныхъ странъ. Въ свободной Англіи театры съ давнихъ временъ должны, для своего открытія, имѣть королевскій патентъ. Лондонскіе театры Дрюриленъ и Ковентгарденъ имѣютъ патентъ отъ Карла II. Разрѣшеніе и запрещеніе театральныхъ пьесъ къ представленію зависѣло отъ оберъ-церемоніймейстера, при которомъ состоялъ секретарь, обязанный просматривать пьесы. Въ настоящее время обязанность театральнаго цензора исполняетъ мистеръ Редфордъ, къ которому ежегодно поступаетъ отъ театральныхъ директоровъ до 200 рукописей для просмотра. Цензоръ получаетъ въ годъ около 300 фунтовъ жалованья. Театральный антрепренеръ, поставившій пьесу, еще не про-

смотрѣнную цензоромъ или не разрѣшенную имъ, платитъ 50 ф. штрафа. Недавно англійская театральная цензура запретила къ представленію новую пьесу Метерлинка «Монна Ванна» и это вызвало большіе толки въ печати, но спрошенныя объ этомъ англійскія коммиссіи единогласно высказались въ пользу театральной цензуры и даже настаивали на расширеніи ея области.

Въ Бельгіи нѣтъ театральной цензуры и поэтому запрещенныя во Франціи пьесы переправляются за границу и даются въ какомъ-нибудь брюссельскомъ театрѣ. Присмотръ за театральными представленіями лежитъ на обязанности бургомистровъ и старшинъ и въ законахъ существуетъ только одна статья, по которой можетъ быть воспрещена къ представленію пьеса, нарушающая общественное спокойствіе. Преступленія же или проступки автора противъ государства, нравственности и личной чести подлежатъ обыкновенному суду, который и присуждаетъ его къ тому или другому наказанію.

Власть театральнаго цензора въ Даніи мѣняется, сообразно національности автора и языку, на которомъ написана пьеса. Датскіе писатели обязаны заручаться согласіемъ министра юстиціи на представленіе своихъ пьесъ въ Даніи. Иностранныя же труппы актеровъ должны представлять свои пьесы, оперы, балеты, драмы и т. д. на утвержденіе министра просвѣщенія; произведенія же норвежскихъ и шведскихъ писателей освобождаются отъ этого правила.

Въ Италіи власть театральной цензуры весьма обширна, такъ какъ она можетъ воспрещать къ представленію пьесы, руководствуясь не только общими правилами, но и чисто мѣстными условіями и причинами. Власть разрѣшать или воспрещать пьесы къ представленію принадлежитъ префекту каждой провинціи. Заинтересованный въ этомъ дѣлѣ театральный антрепренеръ, потерпѣвшій ущербъ, можетъ апеллировать къ министру внутреннихъ дѣлъ. Цензура въ Италіи распространяется не только на театральныя представленія, но и на публичныя лекціи.

Въ Португаліи театральная цензура носитъ факультативный характеръ Если антрепренеръ представитъ въ цензуру пьесу и получитъ отъ нея разрѣшеніе, то власти уже не имѣютъ болѣе права вмѣшиваться, запрещать или пріостанавливать представленіе пьесы, если только въ ней не сдѣлано никакихъ измѣненій послѣ цензурнаго разрѣшенія. Ставя же на сценѣ пьесу безъ предварительнаго разрѣшенія цензуры, театральный антрепренеръ дѣлаетъ это на свой рискъ и страхъ. Власти могутъ запретить представленіе, но антрепренеру предоставляется право апеллировать въ цензурный комитетъ изъ четырыхъ писателей подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, и этотъ комитетъ постановляетъ окончательное рѣшеніе.

Въ Соединенныхъ Штатахъ каждый штатъ имѣетъ свою собственную театральную цензуру, но предварительной цензуры не существуетъ, зато каждый можетъ явиться въ роли цензора и заявить жалобу общественной власти на ту или другую пьесу; тогда уже судъ постановляетъ свое рѣшеніе. Репрессивную цензуру выполняетъ въ каждомъ городѣ бургомистръ, который можетъ временно воспретить представленіе какой-нибудь пьесы въ видахъ общественнаго спокойствія. При такихъ условіяхъ, конечно, отдѣльныя личности могутъ

оказывать давленіе на цензуру. Когда знаменитая американская актриса Ольга Незсерсоль вздумала поставить «Сафо» Альфонса Додэ, то какой-то янки подалъ на нее жалобу въ судъ за безнравственность, и судъ не только обвинилъ актрису, но постановилъ закрыть театръ, хотя первѣйшіе американскіе критики возстали противъ такого судебнаго приговора.

«Review of Reviews» говоритъ о необыкновенныхъ успѣхахъ Японіи за послѣднее пятидесятилѣтіе. Японія выступаетъ теперь въ роли «школьнаго учителя» Азіи. Другими словами, Японія будетъ играть главную роль въ пробужденіи азіатскихъ государствъ. Она заставитъ Китай и Корею вступить на путь прогресса и поможетъ Сіаму въ этомъ отношеніи, и какъ это ни покажется страннымъ на первый взглядъ, но ея кооперація пособитъ Россіи сдѣлать восточную Сибирь обитаемою и процвѣтающею. Японскіе армейскіе офицеры, купцы, торговцы и вообще образованные люди обладаютъ, повидимому, особенными способностями дѣйствовать на своихъ азіатскихъ родичей и скорѣе подчиняютъ ихъ своему вліянію, нежели какая-либо другая національность. Обыкновенный японецъ гораздо лучше понимаетъ обыкновеннаго китайца, корейца, сіамца и вообще азіата, нежели европеецъ или американецъ, который дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ ощупью. Японскій народъ сродственъ другимъ азіатскимъ народамъ и между нимъ и южно-азіатскими народами существуютъ расовыя симпатіи. Письменный языкъ Японіи такой же, какъ Кореи и Китая въ своихъ высшихъ формахъ, и въ этомъ заключаются важныя условія для болѣе тѣснаго единенія, чего нѣтъ у кавказскихъ расъ, и поэтому-то японцы лучше нихъ понимаютъ азіатскую точку зрѣнія. Кромѣ того, тайна успѣха Японіи заключается еще въ слѣдующемъ: европейцы желаютъ все дѣлать для азіатовъ, но подъ условіемъ монополизировать сдѣланное, японцы же хотятъ научить азіатовъ дѣлать все самимъ, какъ они дѣлали сами. Въ Китаѣ при шли къ заключенію, что японскіе офицеры и инструкторы приносятъ гораздо больше пользы нежели иностранцы. Японскіе купцы, въ особенности мелкіе торговцы, поселяются въ разныхъ мѣстахъ внутри Китая, куда не придетъ въ голову, отправиться ни одному европейскому купцу. Въ Манчжуріи, находящейся подъ контролемъ Россіи, число японскихъ торговцевъ значительно превосходитъ число русскихъ. Но больше всего дѣятельность Японіи проявляется въ Кореѣ: у нея есть тамъ агенты, которыхъ не можетъ имѣть никакая другая страна—это ея эмигранты. Японскія поселенія распространены по всей странѣ, отъ манчжурской границы до южнаго мыса. Эти поселенія, также какъ и японскіе кварталы въ корейскихъ городахъ, всегда хорошо управляются, и населеніе ихъ, повидимому, процвѣтаетъ. Японскій рабочій, обыкновенный кули, скоро устраивается въ Кореѣ, покупаетъ себѣ кусочекъ земли или же арендуетъ какую-нибудь маленькую лавочку. У корейскаго рабочаго, при видѣ этого, конечно возникаетъ желаніе и съ своей стороны такъ же устроиться, и онъ старается подражать японскому эмигранту. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Японія можетъ мирнымъ образомъ завоевать Корею посредствомъ своихъ

поселеній и эмигрантовъ. Въ Кореѣ не было никакихъ школъ, кромѣ миссіонерскихъ, до тѣхъ поръ, пока японцы не открыли свои школы.

Японскій торговый флотъ возросъ до огромныхъ размѣровъ за послѣднее десятилѣтіе. Въ каждомъ азіатскомъ морѣ и рѣкѣ встрѣчаются теперь японскія суда, совершающіе также океанскіе рейсы въ Америку, Европу и Австралію. Число пассажировъ и фрахтъ на этихъ судахъ постоянно увеличивается, и въ этомъ отношеніи Японія играетъ роль школьнаго учителя азіатскихъ народовъ, такъ какъ она показываетъ имъ своимъ примѣромъ, чего можно достигнуть собственными усиліями и учитъ ихъ обходиться безъ Европы и Америки.

«Revue des Revues» сообщаетъ цифры, указывающія на громадное развитіе книжной промышленности. Согласно собраннымъ статистическимъ даннымъ въ Германіи ежегодно издаются 25.000 новыхъ книгъ, во Франціи—13.000, въ Италіи—10.000, въ Англіи—7.000 и т. д., число книгъ во всемъ свѣтѣ достигаетъ въ настоящее время болѣе трехъ миллiардовъ и распредѣляется слѣдующимъ образомъ: Соединенные Штаты—700.000.000; Западная Европа—1.800.000; Восточная Европа—460.000.000; другія части свѣта—240.000.000.

Журналистика особенно развита въ Америкѣ. Въ одномъ только Нью-Іоркѣ издается 80 газетъ на иностраннныхъ языкахъ: нѣмецкомъ, итальянскомъ, французскомъ, чешскомъ, арабскомъ, древне-еврейскомъ, испанскомъ, венгерскомъ, шведскомъ, греческомъ, армянскомъ, польскомъ, кроатскомъ, японскомъ, ирландскомъ, шотландскомъ, финскомъ и китайскомъ. Японская газета вырѣзывается отъ руки на литографскомъ камнѣ и такимъ образомъ печатается, такъ какъ перевозка и устройство японской типографіи обошлись бы слишкомъ дорого, и расходы не окупились бы, такъ какъ японскихъ читателей немного. Иностранная американская печать отличается необыкновеннымъ лойялизмомъ въ отношеніи правительства Соединенныхъ Штатовъ, и особенно это обнаружилось во время испано-американской войны: ни одна испанская газета, издающаяся въ Соединенныхъ Штатахъ, не позволила себѣ враждебной выходки противъ американскаго правительства и американцевъ вообще.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Свѣтъ и Электричество.

20-го ноября (н. с.) 1845 года былъ прочитанъ въ лондонскомъ королевскомъ обществѣ замѣчательный мемуаръ Михаила Фарадэя подъ весьма характернымъ и оригинальнымъ заглавіемъ: «О намагничиваніи свѣта и объ освѣщеніи магнитныхъ силовыхъ линій». Въ этомъ мемуарѣ заключалось описаніе опытовъ Фарадэя, указавшихъ на существованіе весьма тѣсной связи между двумя, до того времени считавшимися вполнѣ отличными другъ отъ друга, явленіями свѣта и магнетизма. Фарадэй помѣстилъ между двумя противоположными полюсами подковообразнаго электромагнита толстую пластинку изъ особаго сорта стекла и пропустилъ сквозь эту пластинку пучекъ лучей прямолинейно-поляризованнаго свѣта, т.-е. пучокъ лучей, въ которыхъ, согласно теоріи Френеля, колебанія эѳира приведены въ одну плоскость, или, иначе, колебанія происходятъ параллельно прямой, перпендикулярной къ направленію лучей. Фарадэй замѣтилъ, что, когда по обмоткѣ электромагнита проходилъ токъ, или, какъ говоримъ мы теперь, когда между концами электромагнита было возбуждено *магнитное поле*, колебанія эѳира въ лучахъ свѣта, прошедшихъ сквозь пластинку, имѣли иное направленіе. Эти колебанія, оставаясь попрежнему перпендикулярными лучамъ, составляли нѣкоторый вполнѣ опредѣленный уголъ съ колебаніями въ лучахъ въ мѣстѣ входа послѣднихъ въ пластинку. Такое измѣненіе въ направленіи колебаній эѳира, такое *магнитное вращеніе плоскости поляризаціи свѣта* оказалось, по опытамъ Фарадэя, для данной пластинки при одной и той же силѣ тока въ электромагнитѣ и для одного и того же оттѣнка свѣта всегда одинаковымъ. Но это магнитное вращеніе плоскости поляризаціи свѣта измѣнялось съ измѣненіемъ толщины пластинки, измѣнялось и съ измѣненіемъ силы тока, намагничивавшаго электромагнитъ. Оно возрастало пропорціонально толщинѣ пластинки и при одной и той же пластинкѣ оно увеличивалось пропорціонально напряженію магнитнаго поля, которое возбуждалось въ этой пластинкѣ. Фарадэй нашелъ, что дѣйствіе магнитныхъ силъ на направленіе свѣтовыхъ колебаній происходитъ не въ одномъ стеклѣ, оно происходитъ въ любомъ прозрачномъ твердомъ или жидкомъ тѣлѣ, но только такой поворотъ плоскости поляризаціи свѣта, при одина-

ковой толщинѣ различныхъ тѣлъ и при одинаковомъ напряженіи магнитнаго поля, совершается различными тѣлами на различные углы. Одни изъ этихъ тѣлъ повертываютъ плоскость поляризаціи больше, другія меньше. Впослѣдствіи оказалось, что уголъ вращенія плоскости поляризаціи зависитъ и отъ цвѣта лучей. Если пропускать чрезъ данное прозрачное тѣло, помѣщенное въ данное магнитное поле, различные лучи спектра, сначала красные, потомъ оранжевые, желтые, зеленые и т. д., то не трудно замѣтить, что углы поворота плоскости поляризаціи свѣта будутъ послѣдовательно увеличиваться. Болѣе точные опыты показали, что уголъ вращенія плоскости поляризаціи свѣта, при одной и той же толщинѣ прозрачнаго тѣла и при одномъ и томъ же напряженіи магнитнаго поля, весьма близко обратно-пропорціоналенъ квадрату длины волны этого свѣта.

Фарадэю не удалось подмѣтить магнитнаго вращенія плоскости поляризаціи свѣта въ газахъ или въ какихъ-либо парахъ. Это явленіе было впервые наблюдено лишь много лѣтъ спустя. Оно было открыто и обстоятельно изслѣдовано только въ 1879 г. А. Беккерелемъ.

Итакъ, при возбужденіи магнитнаго поля въ какомъ-либо прозрачномъ тѣлѣ (даже въ весьма тонкихъ слояхъ металловъ), это поле оказываетъ дѣйствіе на свѣтъ, проходящій чрезъ тѣло, оно измѣняетъ направленіе колебаній эѳира, колебаній, которыя, по теоріи Френеля, и составляютъ собою сущность свѣтовыхъ явленій. Магнитное поле не дѣйствуетъ на лучъ свѣта только тогда, когда направленіе этого луча перпендикулярно направленію магнитныхъ силъ поля. До настоящаго времени опыты еще не обнаружили вліянія магнитныхъ силъ на лучи свѣта, распространяющіеся въ совершенной пустотѣ. Дѣйствительно ли это такъ или быть можетъ, и въ пустотѣ происходитъ поворотъ плоскости поляризаціи свѣта дѣйствіемъ магнитнаго поля, но только поворотъ этотъ настолько малъ, что ускользаетъ отъ наблюденія, рѣшатъ дальнѣйшіе опыты.

Интересное и въ высшей степени важное открытіе Фарадэя не было случайнымъ, какъ, напримѣръ, было совершенно дѣломъ случая открытіе Рентгеновскихъ лучей, тѣхъ лучей, которые при всѣхъ своихъ замѣчательныхъ свойствахъ остаются загадочными по своей природѣ и по настоящее время. Опыты, произведенные Фарадэемъ, были предприняты имъ на основаніи заранѣе предвидѣннаго вліянія магнитныхъ силъ на свѣтовой лучъ. Фарадэй во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ электрическихъ и магнитныхъ явленій постоянно руководился идеею объ участіи среды въ передачѣ на разстояніе электрическихъ и магнитныхъ дѣйствій. Для него притяженіе или отталкиваніе между двумя наэлектризованными тѣлами или между двумя магнитами не представлялось непосредственнымъ дѣйствіемъ этихъ тѣлъ другъ на друга. Оно разсматривалось имъ, какъ результатъ дѣйствія на эти тѣла промежуточной среды, въ которой, подъ вліяніемъ электризаціи или намагниченія тѣлъ, возникаютъ особыя возмущенія, вслѣдствіе чего сама эта среда и оказываетъ дѣйствіе на помѣщенныя въ нее тѣла. Такимъ образомъ, по Фарадэю, электризація или намагниченіе какого-либо тѣла возбуждаетъ въ окружающей средѣ особыя измѣненія,

которыя передаются въ этой средѣ отъ слоя къ слою и при достиженіи до другого тѣла вызываютъ въ послѣднемъ соотвѣтствующія явленія. При такомъ воззрѣніи на природу электрическихъ и магнитныхъ дѣйствій направленіе электрической или магнитной силы, обнаруживаемое какимъ-либо способомъ въ данномъ мѣстѣ пространства, является указателемъ направленія деформаціи среды въ этомъ мѣстѣ. Но что же подвергается деформаціи? Само *вещество* среды или эѳиръ, который находится въ этой средѣ? Очевидно, что, прежде всего, эѳиръ, ибо электрическія и магнитныя дѣйствія передаются не только чрезъ пространство, заполненное какою-либо матеріею, но и чрезъ пространство, лишенное всякой матеріи, чрезъ наиболѣе совершенную пустоту. Въ веществѣ среды могутъ при этомъ также приходить нѣкоторыя измѣненія, но эти измѣненія, эти деформаціи въ матеріи являются уже слѣдствіемъ вліянія на послѣднюю возмущеній, производимыхъ въ эѳирѣ, который проникаетъ собою эту матерію. Обратно и вещество можетъ оказывать, въ свою очередь, вліяніе на эѳиръ, а потому деформаціи эѳира внутри различныхъ тѣлъ при одной и той же причинѣ, вызывающей эти деформаціи, могутъ быть далеко не одинаковы. Этимъ объясняется обнаруживаемая опытами разница въ различныхъ тѣлахъ не только скоростей, съ какими въ этихъ тѣлахъ распространяется свѣтъ, или прозрачности послѣднихъ, но и разница электрическихъ и магнитныхъ дѣйствій, происходящихъ чрезъ эти тѣла.

Итакъ, если въ магнитномъ полѣ, возбужденномъ внутри какого-либо тѣла, эѳиръ претерпѣваетъ измѣненія въ своемъ состояніи и если силовыя магнитныя линіи, характеризующія собою направленія магнитныхъ силъ въ этомъ полѣ, представляютъ собою оси происшедшихъ деформацій эѳира, то не трудно придти къ заключенію, что лучи свѣта, т.-е. распространяющіяся въ томъ же эѳирѣ особыя возмущенія періодическаго характера, не могутъ не подвергнуться вліянію деформацій, что свѣтовыя колебанія эѳира должны измѣнить свое направленіе, что магнитное поле должно такимъ образомъ оказать дѣйствіе на свѣтовое явленіе. Это дѣйствіе, однако, какъ вполнѣ понятно, можетъ быть неодинаково при различныхъ направленіяхъ свѣтовыхъ лучей относительно силовыхъ линій. Такова была идея, заставившая Фарадэя приступить къ его опытамъ. И опыты блистательнымъ образомъ подтвердили справедливость этой идеи.

Убѣдившись въ дѣйствительности вліянія магнитныхъ силъ на свѣтовыя колебанія эѳира, Фарадэй нѣсколько лѣтъ спустя, уже въ самомъ концѣ своей научной дѣятельности, въ 1862 г., пытался изслѣдовать дѣйствіе магнитнаго поля на самое качество свѣта, испускаемаго пламенемъ, окрашеннымъ при посредствѣ введенія въ него соли натрія, барія, стронція или литія. Для этой цѣли Фарадэй помѣстилъ пламя глазовой горѣлки съ введенною въ него солью металла между наконечниками сильнаго электромагнита и наблюдалъ спектръ этого пламени, когда электромагнитъ оставался ненамагниченнымъ и когда онъ намагничивался. Фарадэй наблюдалъ свѣтъ и по направленію силовыхъ линій поля, для чего въ наконечникахъ электромагнита были просверлены сквозныя отверстія, и по направленію, перпендикулярному къ этимъ линіямъ,

и въ обоихъ этихъ случаяхъ онъ не замѣтилъ ни малѣйшаго измѣненія въ характерѣ спектральныхъ линій, когда производилось намагниченіе электромагнита. Въ томъ и другомъ случаѣ спектръ пламени, т.-е. составъ испускаемаго имъ свѣта, оставался тожественно одинаковымъ, было ли возбуждено или не было возбуждено магнитное поле въ пламени. Только весьма недавно, всего пять лѣтъ тому назадъ, оказалось, что предполагавшееся Фарадэемъ вліяніе магнитнаго поля на качество свѣта, испускаемаго накаленными парами металла, въ дѣйствительности существуетъ и можетъ быть самымъ тщательнымъ образомъ изучено. Это въ высшей степени интересное и важное открытіе было произведено молодымъ датскимъ ученымъ Зееманомъ. Постановка опытовъ Зеемана была такая же, какъ и у Фарадэя, съ тою лишь разницею, что въ опытахъ Зеемана былъ употребленъ значительно болѣе сильный электромагнитъ, а кромѣ того, и это особенно важно, вмѣсто обыкновеннаго спектроскопа была примѣнена для полученія спектра диффракціонная вогнутая рѣшетка Роулэнда. Такая диффракціонная рѣшетка обладаетъ наивысшею способностью разсѣивать свѣтъ и даетъ возможность отдѣлять другъ отъ друга самые близкіе по числу колебаній свѣтовые лучи, т.-е. даетъ возможность производить анализъ состава свѣта съ такою чувствительностью, какую нельзя получить при посредствѣ какого бы то ни было спектроскопа. Наблюденія Зеемана показали, что при изслѣдованіи лучей свѣта по направленію, параллельному силовымъ линіямъ поля, т.-е. когда лучи, вышедшіе изъ окрашеннаго пламени, падаютъ на рѣшетку, пройдя сквозь отверстіе въ наконечникѣ электромагнита, возбужденіе магнитнаго поля производитъ *раздвоеніе* спектральныхъ линій металла, причемъ это раздвоеніе происходитъ такъ, что явившіяся на мѣсто одной линіи двѣ линіи располагаются вправо и влѣво отъ исчезнувшей на одинаковомъ разстояніи, т.-е. одна изъ этихъ линій соотвѣтствуетъ колебаніямъ болѣе короткаго періода, другая соотвѣтствуетъ колебаніямъ настолько же болѣе продолжительнаго періода, чѣмъ колебанія, дающія первоначальную линію. Итакъ, возбужденіе магнитнаго поля существенно мѣняетъ составъ свѣта, испускаемаго пламенемъ, и если бы нашъ глазъ обладалъ бо̀льшею способностью различать цвѣтовые оттѣнки, онъ замѣтилъ бы перемѣну въ окраскѣ пламени, когда это пламя было бы подвергнуто дѣйствію сильнаго магнитнаго поля.

Наблюдая свѣтъ въ направленіи, перпендикулярномъ къ силовымъ линіямъ, Зееманъ обнаружилъ еще болѣе любопытное явленіе. Въ этомъ случаѣ при возникновеніи магнитнаго поля изъ одной спектральной линіи образовывались три; изъ нихъ одна оставалась на прежнемъ мѣстѣ, она ослаблялась лишь по яркости, двѣ новыя получались по ту и по другую сторону отъ этой и опять таки на одинаковыхъ разстояніяхъ. Итакъ, и при изслѣдованіи пучка лучей свѣта, распространяющагося поперекъ магнитнаго поля, составъ этого пучка оказывается, подвергается значительному измѣненію отъ дѣйствія этого поля.

Весьма интересно, что въ обоихъ этихъ случаяхъ свѣтъ, соотвѣтствующій спектральнымъ линіямъ, появляющимся, когда магнитное полѣ возбуждено, представляется поляризованнымъ, т.-е. магнитное поле не только измѣняетъ періодъ колебаній эѳира, но и упорядочиваетъ ихъ. Когда свѣтъ изслѣдуется

по направленію, параллельному силовымъ линіямъ, обѣ спектральныя линіи, получающіяся отъ раздвоенія какой-либо одной линіи даннаго металла, обнаруживаютъ такъ называемую круговую поляризацію, причемъ въ одной изъ нихъ поляризація право-круговая, въ другой лѣво-круговая, т.-е. лучи, соотвѣтствующіе первой изъ этихъ линій, представляютъ собою распространеніе движеній эѳира, совершающихся по кругу въ направленіи вращенія часовой стрѣлки, лучи, соотвѣтствующіе второй линіи, представляютъ распространеніе движеній эѳира, совершающихся въ направленіи прямо-противоположномъ. Когда свѣтъ изслѣдуется по направленію, перпендикулярныму магнитнымъ линіямъ поля и въ спектрѣ вмѣсто какой-либо одной линіи получаются три, средняя линія обнаруживаетъ поляризацію прямолинейную, перпендикулярную силовымъ линіямъ, т.-е. въ лучахъ, испускаемыхъ этою линіею, колебанія эфира совершаются параллельно магнитнымъ силамъ поля, двѣ же боковыя линіи испускаютъ свѣтъ, также поляризованный, но въ этомъ свѣтѣ колебанія эѳира происходятъ перпендикулярно силовымъ линіямъ поля.

Резюмируя кратко результаты наблюденій Зеемана, мы можемъ высказать слѣдующее положеніе: *возникновеніе магнитныхъ силовыхъ линій внутри накаленнаго пара металла вызываетъ весьма существенное измѣненіе въ свѣтовыхъ колебаніяхъ эѳира, происходящихъ въ этомъ парѣ, и это измѣненіе находится въ самой тѣсной зависимости отъ направленія возбужденныхъ силовыхъ линій.*

Такимъ образомъ, открытія Фарадэя и Зеемана устанавливаютъ близкую связь между явленіями магнетизма и свѣта. Они указываютъ на что-то общее, что заключается въ природѣ того и другого явленія. Родство этихъ обоихъ классовъ явленій представится для насъ еще болѣе яснымъ, если мы примемъ во вниманіе, что непосредственные опыты даютъ право утверждать, что свѣтъ и магнетизмъ въ отдѣльности тѣсно примыкаютъ къ одному и тому же роду явленій, явленій электрическихъ. И свѣтъ, и магнетизмъ не составляютъ собою чего-либо отдѣльнаго; явленія свѣта и явленія магнетизма вызываются лишь особыми состояніями движенія того, что мы называемъ электричествомъ

Еще въ 1820 году непосредственно тотчасъ послѣ опубликованія сдѣланнаго Эрстедомъ открытія дѣйствія электрическаго тока на магнитную стрѣлку Амперъ, занявшійся изслѣдованіемъ этого дѣйствія и въ самое короткое время открывшій цѣлый рядъ новыхъ явленій притяженія и отталкиванія между проводниками, по которымъ проходятъ электрическіе токи, явленій, названныхъ имъ впослѣдствіи (въ 1822 г.) электродинамическими, пришелъ къ заключенію, что въ природѣ нѣтъ особаго агента, именуемаго магнетизмомъ, что магнитныя дѣйствія тожественны съ явленіями электрическими. По мнѣнію Ампера, для объясненія намагниченія тѣлъ совсѣмъ не требуется допущенія существованія одной или двухъ особыхъ субстанцій, магнитныхъ жидкостей, какъ это принималось въ теоріи Эпинуса и затѣмъ въ теоріи Кулона. Амперу магнитъ представлялся не какъ собраніе элементарныхъ магнитиковъ, игравшихъ самую существенную роль въ теоріи магнетизма, математически обработанной Пуассономъ, для него магнитъ являлся тѣломъ, въ которомъ около каждой молекулы

циркулируетъ электрическій токъ, причемъ всѣ эти замкнутые токи, окружающіе собою молекулы и весьма малые по своимъ размѣрамъ, приведены въ опредѣленныя правильныя положенія. Плоскости этихъ элементарныхъ круговыхъ токовъ перпендикулярны или, по крайней мѣрѣ, близко перпендикулярны къ направленію такъ называемой магнитной оси магнита. Амперъ путемъ опытовъ доказалъ, что при посредствѣ соотвѣтственно выбранныхъ по своей формѣ проводниковъ съ токами можно произвести всѣ тѣ явленія, какія наблюдаются при дѣйствіи на какой-либо магнитъ земного магнетизма, другого магнита или при дѣйствіи на него проводника съ токомъ. Онъ показалъ, что явленія магнитныя и явленія электродинамическія не только качественно, но и количественно могутъ не отличаться другъ отъ друга. Итакъ, по Амперу, магнитныя свойства тѣла обязаны существованію около частичекъ тѣла замкнутыхъ электрическихъ токовъ, т.-е. существованію около нихъ непрерывнаго движенія электричества, а самый процессъ намагниченія не что иное, какъ приведеніе въ порядокъ этихъ элементарныхъ токовъ, приведеніе плоскостей послѣднихъ въ положенія, наиболѣе близкія къ параллельности другъ другу и перпендикулярности къ оси магнита. При этомъ въ магнитѣ направленія токовъ около частичекъ должно быть таково, что для наблюдателя, смотрящаго на «сѣверный» конецъ магнита, оно должно представляться обратнымъ направленію вращенія часовой стрѣлки. Самый земной магнетизмъ Амперъ разсматривалъ, какъ слѣдствіе существованія въ земномъ шарѣ замкнутыхъ электрическихъ токовъ, т.-е. опять-таки движеній электричества, въ направленіи, обратномъ видимому движенію солнца на небесномъ сводѣ.

При такомъ взглядѣ на природу магнитныхъ явленій понятно, что исчезаетъ вполнѣ различіе по существу двухъ противоположныхъ магнетизмовъ. Сѣверный и южный полюсы магнита отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что они расположены діаметрально-противоположно по отношенію къ направленію движенія электричества въ элементарныхъ токахъ около молекулъ этого магнита.

Таковы главныя положенія ученія Ампера, ученія, сводящаго электрическія и магнитныя явленія къ одной и той же причинѣ, къ существованію въ природѣ особой субстанціи, электричества. Какъ ни изящно и просто было это ученіе, его основаніе, предположеніе *непрерывной* циркуляціи электричества около каждой частички намагничиваемаго тѣла, казалось весьма трудно допустимымъ. Вѣдь когда проходитъ по какому-нибудь проводнику электрическій токъ, этотъ токъ нагрѣваетъ проводникъ, а слѣдовательно, для поддержанія тока необходима постоянная затрата энергіи, на счетъ которой могло бы развиваться получающееся въ проводникѣ тепло. Какъ доказалъ это опытами нашъ покойный академикъ Э. Х. Ленцъ, выдѣленіе въ проводникѣ тепла, при данной силѣ тока, пропорціонально сопротивленію этого проводника току, а потому существованіе тока безъ возникновенія при этомъ теплоты возможно только тогда, когда этотъ токъ является въ проводникѣ, который не представляетъ ему абсолютно никакого сопротивленія. Итакъ, предположеніе Ампера о существованіи постоянныхъ токовъ около частичекъ способнаго намагничиваться тѣла или хотя бы даже возбужденіе ихъ только при намагниченіи требуетъ

допущенія отсутствія какого бы то ни было сопротивленія движенію электричества около этихъ частичекъ. Но намъ неизвѣстно ни одно вещество, которое было бы абсолютнымъ проводникомъ, а потому это, соотвѣтствующее гипотезѣ Ампера, допущеніе представляется какъ бы ни на чемъ не основаннымъ. Вотъ причина, почему теорія Ампера довольно скоро была оставлена, и явленія магнетизма въ тѣлахъ попрежнему были объясняемы дѣйствіемъ особыхъ фетишей въ видѣ двухъ магнитныхъ жидкостей, обладающихъ спеціальными свойствами, или же эти явленія старались свести къ особымъ измѣненіямъ эѳира въ тѣлахъ, къ возбужденію въ эѳирѣ вихревыхъ движеній (гипотеза Максвелла).

Такимъ образомъ, установленная Амперомъ связь между магнетизмомъ и электричествомъ была порвана и между магнитными и электрическими явленіями опять оказалась глубокая пропасть. Однако, въ послѣднее время снова сдѣлана попытка перекинуть мостъ чрезъ эту пропасть, попытка дать возможность идеѣ Ампера, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, явиться вновь въ основѣ ученія о намагниченіи тѣлъ. Но прежде чѣмъ изложить вкратцѣ сущность этой новой гипотезы, обратимся къ другому вопросу, къ вопросу о близкомъ родствѣ свѣтовыхъ и электрическихъ явленій, что, повидимому, представляется доказаннымъ вполнѣ неопровержимымъ образомъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго XIX-го столѣтія идея Фарадэя относительно непосредственнаго участія промежуточной среды въ передачѣ электрическихъ и магнитныхъ дѣйствій на разстояніе нашего талантливѣйшаго и остроумнѣйшаго послѣдователя въ лицѣ Клерка Максвелла. Максвеллъ явился истолкователемъ ученія Фарадэя, онъ развилъ и дополнилъ это ученіе, давъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ строго математическій характеръ. Самая интересная, самая существенная часть теоріи Максвелла—это принятіе во вниманіе времени, какое необходимо для передачи электрическаго или магнитнаго дѣйствія на данное разстояніе. До Максвелла элементъ времени не входилъ въ теорію внѣшнихъ дѣйствій статическаго электричества и магнетизма. Дѣлавшіяся Римaномъ и другими попытки ввести въ разсмотрѣніе скорость передачи такихъ дѣйствій не дали никакихъ положительныхъ результатовъ. Первый Максвеллъ показалъ необходимость допустить *конечную* скорость, съ какою совершается при посредствѣ промежуточной среды передача дѣйствій электрическаго тока или магнита. И эта скорость, какъ вывелъ Максвеллъ, должна равняться скорости распространенія въ данной средѣ лучей свѣта большой длины волны, а слѣдовательно, среда, принимающая участіе въ такой передачѣ, должна быть та же, какъ и у свѣта, т.-е. эѳиръ. Но этого мало. Изслѣдуя при помощи математическаго анализа явленіе распространенія электромагнитныхъ дѣйствій въ какой-либо средѣ, Максвеллъ пришелъ къ полному объединенію этихъ явленій съ явленія свѣта. *Лучъ свѣта*, по Максвеллу, это *рядъ послѣдовательно возбуждающихся въ средѣ электрическихъ возмущеній*, *рядъ послѣдовательно возникающихъ электрическихъ токовъ*, *премѣннаго направленія и перпендикулярныхъ къ направленію луча*. Самъ свѣтовой источникъ, само свѣтящееся тѣло представляетъ собою какъ бы собраніе огромнаго числа очень малыхъ проводниковъ, въ которыхъ быстро мѣняются по силѣ

и направленію токи. Такимъ образомъ, свѣтъ, по теоріи Максвелла, лишь од[но] изъ проявленій электричества. И обратно, возбужденіе въ какомъ-либо пр[о]водникѣ быстро мѣняющихся по направленію электрическихъ токовъ, т.-[е.] возбужденіе въ этомъ проводникѣ перемѣнныхъ токовъ очень большой частот[ы] должно вызвать въ окружающемъ пространствѣ явленія, подобныя явленія[мъ] свѣта. Но эти явленія только не въ состояніи произвести въ нашихъ глаза[хъ] впечатлѣнія свѣта, если частота перемѣнныхъ теченій электричества въ пр[о]водникѣ меньше частоты перемѣнныхъ элементарныхъ токовъ, какіе возникают[ъ] внутри свѣтящагося тѣла. Эти явленія будутъ соотвѣтствовать темнымъ лу[]чамъ, подобнымъ тепловымъ лучамъ. Для полученія свѣтового ощущенія нео[б]ходимо, какъ доказываютъ это опыты, не менѣе 392 билліоновъ перемѣнъ в[ъ] направленіи электрическихъ движеній въ теченіе одной секунды. Но для дост[и]женія такой частоты электрическихъ колебаній необходимы проводники, ра[з]мѣры которыхъ должны быть во много разъ меньше тѣхъ размѣровъ, как[іе] еще можно различать въ самомъ сильномъ микроскопѣ. Итакъ, для обнаружені[я] лучей, испускаемыхъ какимъ-либо проводникомъ, въ которомъ возбуждаютс[я] электрическія колебанія, нужны особые пріемы, нуженъ особый искусственны[й], по меткому выраженію Лорда Кельвина, «электрическій» глазъ. Такой «элек[]трическій» глазъ и былъ устроенъ талантливымъ, слишкомъ рано скончавшимся, Гертцемъ.

Представимъ себѣ, что въ нѣкоторомъ разстояніи отъ того проводника, въ которомъ тѣмъ или другимъ способомъ поддерживаются электрическія колебанія и который назовемъ *вибраторомъ*, находится другой проводникъ. Очевидно. что возмущенія, производимыя въ окружающемъ эѳирѣ вибраторомъ, отразятся на состояніи и этого проводника. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ проводникъ будетъ подверженъ послѣдовательному ряду импульсовъ, стремящихся возбудить въ немъ колебательное движеніе электричества. Но импульсы, послѣдовательно чередующіеся, только тогда въ состояніи способствовать другъ другу, когда они вполнѣ ритмичны съ вызываемыми ими электрическими колебаніями въ проводникѣ. Только при этомъ условіи слабые въ отдѣльности импульсы суммируются въ своемъ дѣйствіи и являются способными произвести замѣтный эффектъ. Итакъ, если проводникъ по своей формѣ и размѣрамъ будетъ таковъ, что возникающія въ немъ электрическія колебанія имѣютъ тотъ же періодъ, или, по крайней мѣрѣ, находятся въ гармоничномъ отношеніи къ колебаніямъ въ вибраторѣ, этотъ проводникъ обнаружитъ дѣйствіе на него возмущеній въ окружающей средѣ. Онъ явится какъ бы электрическимъ резонаторомъ вибратора, и электрическія колебанія, возбужденныя въ этомъ резонаторѣ, проявятся въ томъ или другомъ видѣ. Гертцъ устраивалъ электрическіе резонаторы изъ проволоки. Онъ сгибалъ эту проволоку въ кругъ или прямоугольникъ и оставлялъ лишь малый просвѣтъ между двумя концами проволоки. При возникновеніи электрическихъ колебаній въ такомъ резонаторѣ въ этомъ просвѣтѣ получались искорки. Впослѣдствіи воспользовались для той же цѣли, т.-е. для обнаруженія электрическихъ колебаній, свѣченіемъ разряженныхъ газовъ въ трубкахъ, подвергнутыхъ вліянію резонатора, а также и нагрѣваніемъ послѣд-

няго, нагрѣваніемъ, производимымъ электрическими колебаніями въ немъ. При помощи подобныхъ резонаторовъ явилась возможность детально изслѣдовать то, что получается отъ вибратора въ окружающемъ этотъ вибраторъ пространствѣ. Такія изслѣдованія и привели къ заключенію о полномъ подобіи свойствъ обыкновенныхъ лучей свѣта и тѣхъ лучей, которые испускаются любымъ вибраторомъ, любымъ проводникомъ, въ которомъ возбуждены электрическія колебанія. Лучи, исходящіе изъ вибратора, лучи электрическіе или, точнѣе, электромагнитные отличаются отъ лучей свѣтовыхъ только числомъ перемѣнъ въ одну секунду направленія возмущеній эѳира. Эти лучи относятся къ свѣтовымъ такъ, какъ относятся къ послѣднимъ лучи тепловые и такъ называемые химическіе или ультрафіолетовые. Лучи электромагнитные, тепловые, видимые свѣтовые и ультрафіолетовые составляютъ такую же послѣдовательность, какъ музыкальные тона, начиная съ самыхъ низкихъ и кончая самыми высокими. Длина волны, т.-е. то разстояніе, на которое успѣваетъ передаться возмущеніе въ средѣ въ теченіе одного полнаго періода такихъ возмущеній, и представляетъ собою лишь относительную особенность различныхъ лучей. Въ лучахъ, видимыхъ глазомъ, длины волнъ измѣряются десятитысячными долями миллиметра, лучи тепловые уже наблюдались съ длинами волнъ достигающими нѣсколькихъ сотыхъ миллиметра, лучи электромагнитные получаются съ длинами волнъ значительно бо̀льшими. При разрядѣ обыкновенной лейденской банки возникаютъ электрическія колебанія, дающія начало лучамъ, длины волнъ которыхъ мѣряются сотнями метровъ, при употребленіи весьма малыхъ по размѣрамъ особыхъ вибраторовъ, устроенныхъ проф. П. Н. Лебедевымъ (въ 1895 г.), а затѣмъ Бозе (въ 1896 г.) и Лампа (въ 1897 г.), получаются лучи съ длинами волнъ въ небольшое число миллиметровъ (отъ 6 до 3 мм.).

Итакъ, выводъ, къ которому теоретически пришелъ Максвеллъ, его заключеніе о полномъ единствѣ свѣтовыхъ явленій и явленій быстро перемѣнныхъ электрическихъ токовъ получило наиболѣе строгое подтвержденіе на опытѣ. *Распространеніе свѣта въ какой-либо средѣ представляетъ собою распространеніе электрическихъ возмущеній въ этой средѣ.* Таковъ результатъ теоріи и опытныхъ изысканій, результатъ, сомнѣваться въ вѣрности котораго едва ли представляется возможность въ настоящее время.

Явленія свѣтовыя суть лишь частные случаи явленій электрическихъ.

Но что же по своему существу представляютъ собою тѣ электрическія возмущенія, какія, по этому взгляду на природу свѣта, возбуждаются внутри свѣтового источника? Что же, наконецъ, представляетъ собою само электричество?

Весьма оригинально, что на послѣдній вопросъ приходится въ настоящее время отвѣчать опять почти такъ, какъ отвѣчали на этотъ вопросъ еще въ XVII столѣтіи, приходится допускать существованіе особой субстанціи, не подчиняющейся силѣ тяготѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя явленія, открытыя и довольно обстоятельно изслѣдованныя въ послѣдніе годы, даютъ, повидимому, возможность утверждать, что электричество можетъ отдѣляться отъ обыкновенной матеріи, что оно, какъ и всякое вещество, составляется изъ мельчай-

шихъ атомовъ, но что эти атомы лишены массы, они не имѣютъ вѣса, не подчиняются силѣ притяженія земли. Такіе атомы *отрицательнаго* электричества, или, какъ называютъ ихъ нынѣ, *«электроны»* отдѣляются отъ катода въ Круксовой трубкѣ при пропусканіи чрезъ эту трубку разрядовъ электрической машины или Румкорфовой катушки; они движутся съ громадною скоростью, почти одинаковою со скоростью свѣта, и этотъ потокъ электроновъ и образуетъ собою то, что мы наблюдаемъ внутри Круксовой трубки въ видѣ пучка *катодныхъ лучей.* Удары этихъ электроновъ о стѣнку трубки или платиновую пластинку, помѣщенную въ трубкѣ на пути ихъ, вызываетъ кромѣ тепла, еще возникновеніе Рентгеновскихъ лучей. Эти же электроны выдѣляются изъ радіоактивныхъ веществъ, солей урана, торія, радія, полонія и актинія, и составляютъ своею совокупностью то, что носитъ названіе лучей Беккереля.

Согласно, все болѣе и болѣе находящей себѣ послѣдователей гипотезѣ, атомъ любого тѣла долженъ быть разсматриваемъ по крайней мѣрѣ какъ пара, состоящая изъ матеріальнаго ядра, обладающаго свойствами *положительно* наэлектризованнаго тѣльца, и электрона, т.-е. атома отрицательнаго электричества, причемъ электронъ движется около ядра на подобіе того, какъ спутникъ земли луна вращается около своей планеты. По теоріи Г. Лорентца колебательное движеніе электроновъ вблизи ихъ ядеръ и есть коренная причина возбужденія излученія тѣломъ тепла и свѣта.

При такомъ взглядѣ на причину свѣтовыхъ явленій становится вполнѣ понятнымъ вліяніе магнитнаго поля на самое качества свѣта, который испускается окрашеннымъ пламенемъ, помѣщеннымъ въ это поле. Вѣдь движущіеся электроны, т.-е. движущіеся атомы электричества—это не что иное, какъ электрическіе токи, а электрическіе токи, какъ извѣстно еще съ 1820 г., на основаніи работъ Ампера, подвержены дѣйствію магнитныхъ силъ.

Допущеніе движенія электрона около матеріальнаго ядра въ парѣ, образующей собою атомъ вещества, вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ Ампера относительно элементарныхъ замкнутыхъ токовъ около частичекъ тѣла. Непрерывное вращательное движеніе электрона эквивалентно по своимъ внѣшнимъ дѣйствіямъ обыкновенному замкнутому току, поддерживаемому въ проводникѣ, совпадающемъ съ орбитою электрона. Но вращеніе электрона около его матеріальнаго ядра (если эѳиръ тому не препятствуетъ) не встрѣчаетъ противодѣйствія, не совершаетъ работы, а потому и не сопровождается выдѣленіемъ тепла, а потому можетъ оставаться неизмѣннымъ, подобно тому какъ неизмѣнно вращеніе планетъ около солнца, какъ неизмѣнно вращеніе спутниковъ около планетъ (опять-таки если абсолютно нѣтъ сопротивленія движенію этихъ тѣлъ со стороны эѳира). Такимъ образомъ отпадаетъ то весьма существенное возраженіе, какое дѣлалось по поводу гипотезы Ампера, и для объясненія явленій намагниченія не приходится прибѣгать къ предположенію о существованіи особаго агента магнетизма. *Процессъ намагниченія сводится лишь къ упорядоченію расположенія орбитъ вращающихся электроновъ.*

Быть можетъ, однако, вращеніе электроновъ встрѣчаетъ нѣкоторое сопротивленіе эѳира, а потому скорость этого вращенія должна мало-по-малу умень-

шаться. Быть можетъ, на это указываютъ нѣкоторыя наблюденія, изъ которыхъ вытекаетъ, что самые лучшіе магниты хотя и очень мало, но все-таки со временемъ ослабѣваютъ въ степени своего намагниченія.

Движеніе электроновъ—вотъ основная причина возникновенія свѣта, электрическаго тока и магнетизма. Отъ рода этого движенія зависитъ, получается ли первое, второе или третье явленіе. Но представляетъ ли электронъ въ дѣйствительности атомъ электричества, т.-е. атомъ субстанціи, вполнѣ отличной отъ обыкновенной матеріи и отъ вездѣсущаго эѳира? Не можетъ ли электронъ быть сведенъ къ тому, что намъ уже извѣстно? На этотъ вопросъ еще нѣтъ возможности въ настоящее время дать вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Можно сдѣлать лишь предположеніе, имѣющее нѣкоторые шансы на вѣроятность. Въ виду несомнѣннаго вліянія электричества на эѳиръ, а именно въ виду существованія дѣйствія между наэлектризованными тѣлами на разстояніи, въ виду проникновенія чрезъ пустое пространство магнитныхъ силъ и лучей свѣта, представляется возможнымъ само электричество принимать какъ эѳиръ въ особомъ состояніи. Въ этомъ случаѣ электронъ будетъ не что иное, какъ элементъ объема, заключающаго въ себѣ эѳиръ въ особомъ состояніи, т.-е. какъ центръ особой деформаціи эѳира, изъ котораго въ этомъ эѳирѣ расходятся во всѣ стороны соотвѣтствующія возмущенія. Подобнымъ же образомъ можно и положительное электричество разсматривать также какъ особое состояніе того же эѳира. Такъ ли это или нѣтъ, покажутъ дальнѣйшія изслѣдованія. Пока же въ настоящее время мы можемъ, кажется, утверждать, что явленія свѣта, магнетизма и электричества представляютъ собою лишь разновидности одного и того же, что допущеніе существованія матеріи, эѳира, и, быть можетъ, еще особой субстанціи электричества вполнѣ достаточно для объясненія всѣхъ этихъ разнообразныхъ явленій.

Проф. **И. Боргманъ.**

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Международные конгрессы: физіологовъ, сейсмологовъ и аэронавтовъ.

Намъ не разъ приходилось отмѣчать характерную черту науки второй половины XIX-го вѣка: все усиливающееся общеніе ученыхъ разныхъ странъ, все болѣе и болѣе яркую связь науки и жизни и все болѣе и болѣе ясное сознаніе необходимости общаго плана научной работы. Каждый новый международный конгрессъ ученыхъ является только дальнѣйшимъ подтвержденіемъ этого вывода.

Съ этой точки зрѣнія большой интересъ представляютъ послѣдніе конгрессы физіологовъ, сейсмологовъ и аэронавтовъ.

Пятый международный конгрессъ физіологовъ. Недавно опубликованы труды этого конгресса, происходившаго въ Туринѣ. Мы остановимся здѣсь

только на общеинтересныхъ докладахъ англичанина Валлера, румына Витцу, итальянцевъ Тревеса и Агацготи и швейцарца Гауле.

Валлеръ сдѣлалъ сообщеніе: 1) объ электрическихъ явленіяхъ въ растеніяхъ и 2) о таковыхъ же явленіяхъ въ животномъ организмѣ. Изслѣдованія Waller'а показали, что механическое раздраженіе виноградной почки или корешка листа вызываетъ появленіе электрическаго тока электро-положительнаго по отношенію къ той части, которая не раздражается. Токъ, появляющійся вслѣдствіе раздраженія, можетъ достигать 0,02 вольта. При дѣйствіи свѣта на листья нѣкоторыхъ растеній, освѣщенная часть листа становится электро-положительной по отношенію къ неосвѣщенной; и въ этомъ случаѣ токъ можетъ достигнуть 0,02 вольта. Лепестки цвѣтка не отвѣчаютъ на раздраженіе появленіемъ въ нихъ электрическаго тока. При раздраженіи тканей растенія электричествомъ въ раздражаемой части появляется токъ, имѣющій то же направленіе, что и токъ, вызвавшій его, причемъ онъ можетъ достигнуть 0,05 вольта. При высокихъ и низкихъ температурахъ, при дѣйствіи анестезирующихъ паровъ или же при сильномъ электрическомъ раздраженіи, токи, которыми реагируетъ растеніе, претерпѣваютъ значительныя и различныя измѣненія. Изъ своихъ многочисленныхъ опытовъ англійскій ученый дѣлаетъ выводъ, что чѣмъ сильнѣе и жизнедѣятельнѣе растеніе или тотъ или другой органъ его, тѣмъ отвѣтный токъ будетъ бо́льшей силы.

Такъ, напр., сѣмена Phaesolus различныхъ годовъ даютъ токъ различной силы при раздраженіи тѣмъ или инымъ способомъ:

Сѣмена	1899	даютъ	токъ	въ	0,0170	вольта
»	1898	»	»	»	0,0052	»
»	1897	»	»	»	0,0043	»
»	1896	»	»	»	0,0036	»
»	1895	»	»	»	0,0014	»

Результаты произрастанія подтверждаютъ этотъ выводъ. Ткани растеній, подвергаемыя равномѣрному раздраженію, повторяющемуся въ правильные промежутки, даютъ возможность наблюдать характерныя измѣненія, извѣстныя въ физіологіи животныхъ подъ именемъ «усталости».

Существуетъ тѣсная связь между температурой окружающаго воздуха и появленіемъ электрическаго тока, отвѣчающимъ на раздраженіе. Температура, при которой появляется отвѣтный токъ, лежитъ между $+40^0$ и $+50^0$ и между -4^0 и -6^0. Отвѣтнаго тока не наблюдается при температурахъ, лежащихъ выше или ниже указанныхъ. Если постепенно охлаждать нѣкоторыя ткани, то при извѣстной температурѣ получается отвѣтный токъ ниже 0,1 вольта.

Электрическая проводимость растительныхъ тканей значительно усиливается отъ дѣйствія одного или нѣсколькихъ сильныхъ индуктивныхъ токовъ. Отвѣтный токъ при электрическомъ раздраженіи идетъ съ поверхности вглубь органа.

Во второй части своего доклада Валлеръ разсматриваетъ электрическія явленія въ животномъ организмѣ. Нормальный токъ съ кожи лягушки идетъ [illegible] усиливаясь; нормальный токъ съ зрачка лягушки идетъ наружи,

ослабѣвая. Кожа кошки на концахъ лапъ совсѣмъ не проявляетъ электрическаго тока или же очень слабый, идущій внутрь, если раздражать ее. Здоровая кожа человѣка, при раздраженіи ея двумя электрическими токами реагируетъ на нихъ токомъ, идущимъ кнаружи. Электрическая проводимость свѣжей человѣческой кожи сильно увеличивается при дѣйствіи на нее одного или многихъ сильныхъ индуктивныхъ токовъ.

Такимъ образомъ Воллеръ нашелъ новое сходство между растительными и животными тканями. Профессоръ Дибуа изъ Ліона добавилъ, что факты, наблюдаемые Воллеромъ подтверждаются и его наблюденіями, сообщенныя парижскому біологическому обществу.

Витцу (Vitzou) на основаніи своихъ опытовъ дѣлаетъ выводъ, что сѣрое вещество спинного мозга такъ же чувствительно къ раздраженію механическому и электрическому, какъ и сѣрое вещество коры головнаго мозга. До сихъ поръ большинство физіологовъ признавали мнѣніе Шифа и Броунъ-Секара о нечувствительности сѣраго вещества спинного мозга, основаннаго на наблюденіяхъ надъ птицами. Въ 1882 году Birge призналъ чувствительность сѣраго вещества спинного мозга лягушки. Теперь же Витцу доказалъ то же и для сѣраго вещества спинного мозга птицъ (утокъ, гусей). Если и другими изслѣдователями подтвердятся опыты Витцу, мы будемъ имѣть дѣло съ большимъ открытіемъ въ физіологіи.

Тревесъ (Treves) и Агаццоти (Agazzoti) сообщили о своихъ попыткахъ воспитанія голубя, лишеннаго полушарій головного мозга. Они приходятъ къ выводу, что такой голубь поддается воспитанію. Черезъ двѣ недѣли голубь, лишенный полушарій, благодаря многочисленнымъ пробамъ и побуждаемый авторами доклада, старался полетѣть. Черезъ 5 мѣсяцевъ пространство, пролетаемое голубемъ, равнялось 8 метрамъ. Перенесенный на 20 дней въ Модену, гдѣ его подвергали новымъ упражненіямъ, голубь, по возвращеніи въ Туринъ, показалъ, что имъ не забыты эти упражненія: подброшенный въ комнатѣ въ воздухъ, онъ полетѣлъ на каминъ и затѣмъ вскочилъ на жердочку. Черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ операціи голубь этотъ все же погибъ.

Работы *Гауле* касаются вопроса о періодичности жизненныхъ явленій въ животномъ организмѣ. Автору удалось установить большой годовой періодъ въ ростѣ клѣточекъ лягушки и рядомъ — малый дневной періодъ, наблюдающійся, напримѣръ, въ томъ, что количество жира въ половыхъ органахъ лягушекъ уменьшается ночью и увеличивается днемъ. Кромѣ того, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Гауле указывалъ на существованіе пятнадцатидневнаго періода; именно: мышцы зайца увеличиваются въ теченіе 15 дней, а затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ 15 уменьшаются. Первые два періода, по мнѣнію автора, зависятъ отъ внѣшнихъ вліяній, періодъ же пятнадцатидневный только отъ внутреннихъ жизненныхъ процессовъ организма. Этой послѣдней періодичности и посвящены новѣйшія изслѣдованія г. Гауле. Авторъ нашелъ, что число кровяныхъ шариковъ у лягушки подвержено громаднымъ колебаніямъ: отъ одного милліона до 35 милліоновъ на 1 граммъ тѣла; при этомъ

для самцовъ эта періодичность зимой мѣсячная, лѣтомъ же пятнадцатидневная; у самки такое измѣненіе періода начинается раньше.

Изъ общихъ постановленій конгресса отмѣтимъ мотивированное пожеланіе физіологовъ, чтобы экспериментальная психологія получила бы полныя права гражданства въ университетскомъ преподаваніи: отдѣльную каѳедру и лабораторію.

Первая международная сейсмологическая конференція. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Страсбургѣ въ помѣщеніи центральной станціи, изучающей землетрясенія, собралась первая сейсмологическая конференція; труды ея только что опубликованы.

Сейсмическія явленія дѣлятся обыкновенно на *макросейсмическія* и *микросейсмическія*. Первыя, проявляющіяся или въ землетрясеніяхъ, или, во всякомъ случаѣ, въ подземныхъ толчкахъ, ощущаемыхъ человѣкомъ непосредственно, изучались, главнымъ образомъ, геологами. Вторыя, наиболѣе частыя, явленія обнаруживаются только при посредствѣ особыхъ приборовъ— *сейсмографовъ*; основы для изученія ихъ заложены физиками. Грандіозныя землетрясенія, къ нашему счастью, происходятъ относительно рѣдко и проявляютъ всю свою силу относительно на небольшихъ участкахъ земли; но нельзя сказать того же про незначительныя колебанія земной коры: можно утверждать, что такія колебанія повсемѣстны и часто распространяются на громадныя разстоянія, охватывая иногда всю землю.

Чтобы подмѣтить законности въ столь многочисленныхъ и разнообразныхъ явленіяхъ, чтобы связать эти незамѣтные, неощутимые толчки съ такими ужасными катастрофами, какъ, напр., лиссабонское землетрясеніе, мало единичныхъ наблюденій, необходима планомѣрная и постоянная работа многихъ сотенъ и даже тысячъ наблюдателей и столь же планомѣрная и постоянная обработка этихъ наблюденій. Важность такой организаціи выяснилась относительно недавно. Въ 1843 г. Общество естествоиспытателей въ Батавіи начало издавать ежегодные каталоги сейсмическихъ явленій, зарегистрированныхъ голландскими чиновниками и военными на всемъ пространствѣ индо-малайскаго архипелага. Затѣмъ іезуитская обсерваторія въ Маниллѣ организовала въ 1866 г. подобныя же наблюденія въ многочисленныхъ пунктахъ Филлипинскихъ острововъ и на Минданао и начала выпускать ежемѣсячные отчеты; за ними въ 1868 г. послѣдовалъ ново-зеландскій институтъ Веллингтона. Европа выступила еще позже. Въ 1873 г. итальянецъ *Стефани де-Росси* основалъ сейсмологическую обсерваторію въ Рокка-ди-Папа, привлекъ къ участію въ сейсмологическихъ наблюденіяхъ много другихъ итальянскихъ ученыхъ и основалъ знаменитый «Bullettino del vulcanismo italiano». Въ 1895 г. было основано спеціальное «итальянское сейсмологическое общество», которое и взяло въ свои руки систематическія наблюденія. Это общество субсидируется правительствомъ, имѣетъ многочисленныя спеціальныя обсерваторіи на всемъ полуостровѣ, а также и въ Сициліи, и благодаря этому прекрасно поставило дѣло сейсмологическаго изслѣдованія. Соперничать съ Италіей и даже съ успѣхомъ можетъ только одна Японія, въ которой съ 1880 г.

также было основано спеціальное сейсмологическое общество; въ трудахъ его принимали участіе какъ иностранные ученые, такъ и японцы. Работы этого общества касались самыхъ разнообразныхъ вопросовъ сейсмологіи и имѣли большое научное значеніе, но широко поставленная задача была не подъ силу частному обществу и съ 1893 г. оно закрывается, организація наблюденій переходитъ въ руки правительственнаго учрежденія — университета въ Токіо. Благодаря широкой поддержкѣ государства, Японія владѣетъ, кромѣ центральной обсерваторіи (въ Хирикіоку), еще 118 мѣстными станціями. Особое центральное бюро издаетъ многочисленныя работы и ежегодный каталогъ наблюденій, производимыхъ 1.000 наблюдателей, разсѣянныхъ по всей японской территоріи. Интересна маленькая подробность. Всюду въ Японіи—въ меріяхъ, на почтѣ, въ школахъ, имѣются особые почтовые бланки, на которыхъ всякій можетъ записать свои наблюденія и отправлять даромъ въ центральное сейсмологическое бюро.

Въ остальной Европѣ и въ Америкѣ, сейсмологическія наблюденія получили болѣе или менѣе значительное распространеніе только въ 80-ые годы (Баварія, Венгрія, Норвегія, Америка), а въ большинствѣ случаевъ, даже въ 90-ые годы XIX-го столѣтія (Англія, Румынія, Швеція, Австрія, Мексика, Греція, Саксонія, Россія). Изъ большихъ государствъ только Франція не организовала еще у себя подобныхъ наблюденій. Уже на 7-мъ (въ 1899 году) географическомъ конгрессѣ былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи международной организаціи сейсмологическихъ наблюденій и выбрана «международная коммиссія для изученія землетрясеній».

Въ 1900 году эта коммиссія была пополнена многими членами; въ нее вошли представители всѣхъ важнѣйшихъ государствъ. Было рѣшено созвать первую международную сейсмологическую конференцію въ апрѣлѣ 1901 года въ Страсбургѣ, гдѣ только что была основана правительственная центральная нѣмецкая станція для сейсмологическихъ изслѣдованій. Были приглашены многочисленные ученые и въ томъ числѣ представители различныхъ государствъ. Главною цѣлью съѣзда поставлено учрежденіе международнаго общества для изученія землетрясеній.

Иниціаторами былъ приготовленъ проектъ *частнаго* общества, которое по одному плану собирало бы свѣдѣнія о макросейсмическихъ явленіяхъ, по одному плану устраивало бы станціи для наблюденія микросейсмическихъ явленій и печатало бы работы своихъ сочленовъ. Противъ такой централизаціи возстали делегаты тѣхъ странъ, гдѣ сейсмологическія изслѣдованія поставлены уже широко и гдѣ выработаны свои собственныя программы и методы. Представители этихъ государствъ (Италія, Японія) справедливо желали сохранить свою организацію и войти въ международный союзъ самостоятельною частью. Къ итальянскимъ и японскимъ ученымъ присоединились русскіе и англичане, и первоначальный уставъ подвергся совершенной переработкѣ.

Послѣ продолжительныхъ дебатовъ и упорной работы въ особыхъ комиссіяхъ былъ выработанъ проектъ устава международной сейсмологической *ассо-*

ціаціи. Мы приведемъ нѣкоторые пункты этого устава, переданнаго на разсмотрѣніе государствъ, участвовавшихъ въ конференціи.

«Ассоціація имѣетъ цѣлью изслѣдованія, стремящіяся къ разрѣшенію всѣхъ проблемъ сейсмологіи, возможному только при участіи многочисленныхъ сейсмологическихъ станцій. § I) Для достиженія этой цѣли служатъ слѣдующія главныя средства: 1. наблюденія, основанныя на общихъ принципахъ (одобренныхъ ассоціаціей); 2) опыты по вопросамъ особой важности; 3) основаніе и содержаніе сейсмологическихъ обсерваторій во всѣхъ странахъ, которыя потребуютъ поддержки Ассоціаціи; 4) организація центральнаго бюро для централизаціи, изученія, группировки и публикаціи отчетовъ, присланныхъ различными странами. § II. Членами ассоціаціи считаются всѣ государства, которыя заявятъ о томъ, что присоединяются къ ассоціаціи. § III. Органы ассоціаціи суть: 1) общія собранія; 2) постоянная комиссія; 3) центральное бюро».

Такой уставъ, вѣроятно, не встрѣтитъ большихъ возраженій, такъ какъ національныя самолюбія наиболѣе «сейсмологическихъ» государствъ здѣсь достаточно ограждены; можно надѣяться, что вскорѣ мы увидимъ еще новый международный союзъ для борьбы съ общимъ всѣмъ національностямъ врагомъ—грозными явленіями природы.

Международный конгрессъ по вопросамъ воздухоплаванія. Этотъ конгрессъ состоялся въ маѣ этого года и былъ очень многолюденъ. Международный комитетъ былъ представленъ: отъ Германіи—Гергесселемъ, Ассманомъ и Берсономъ, отъ Франціи—Кайльте и Тейсеранъ-де-Боромъ, отъ Россіи—Рыкачевымъ и Кованько, отъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ—Рётшемъ (Rötsch). Сообщенія, сдѣланныя на засѣданіяхъ конгресса, касались самыхъ разнообразныхъ вопросовъ аэронавтики; центральнымъ является вопросъ объ изслѣдованіи высокихъ слоевъ нашей атмосферы при помощи воздушныхъ змѣевъ и баллоновъ, снабженныхъ соотвѣтственными самопишущими приборами. Уже и теперь, несмотря на новизну дѣла, результаты, полученные этимъ путемъ, весьма интересны. Такъ, напр., директоръ нашей главной физической обсерваторіи акад. М. Рыкачевъ сообщилъ, что, благодаря пятилѣтнимъ опытамъ, произведеннымъ въ Павловскѣ, главнымъ образомъ, съ воздушными змѣями, можно установить, что паденіе температуры съ высотой (до 3 километровъ) сильнѣе днемъ и лѣтомъ, чѣмъ вечеромъ и зимою; Тейсеранъ-де-Боръ и Ассманъ, изслѣдовавшіе, независимо другъ отъ друга, при помощи баллоновъ-зондовъ, слои атмосферы на высотѣ отъ 10 до 15 километровъ отъ земной поверхности, нашли, что здѣсь не только не наблюдается пониженія температуры съ высотою, но находится слой воздуха отъ 8 до 10 километровъ толщиной, гдѣ температура скорѣе имѣетъ тенденцію повышаться *). Представитель Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Рётшъ представилъ разработанный проектъ изслѣдованія слоевъ воздуха надъ тропическими морями при помощи воздушныхъ змѣевъ, пускаемыхъ со снаряженнаго для этой цѣли парохода.

---

*) Объ этихъ работахъ Тейсеранъ-де-Борома и Ассмана мы уже говорили въ одной изъ «Научныхъ хроникъ».

Бецольдъ выяснилъ всю важность подобныхъ изслѣдованій, такъ какъ нужно ожидать, что распредѣленіе температуры въ вертикальномъ направленіи надъ океанами рѣзко отличается отъ распредѣленія ея надъ материками, такъ какъ надъ океаномъ равновѣсіе атмосферы нарушается, благодаря охлаждающему дѣйствію верхнихъ слоевъ воздуха, надъ материкомъ же—благодаря нагрѣвающему дѣйствію нижнихъ слоевъ; въ морѣ и на берегахъ бури чаще зимою и ночью, на сушѣ же наоборотъ. Бецольдъ уже давно предлагалъ производить подобныя изслѣдованія. Конгрессъ съ большимъ одушевленіемъ принялъ проектъ Рётша, который, вѣроятно, и осуществится при денежной поддержкѣ института Кернеджи, а можетъ быть, и нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ. Выяснилось, что въ менѣе широкихъ размѣрахъ изслѣдованія атмосферы океановъ вскорѣ будутъ уже предприняты въ сѣверныхъ моряхъ экспедиціей, организованною скандинавскимъ конгрессомъ гидрографіи.

Затѣмъ цѣлое засѣданіе было посвящено высокимъ поднятіямъ на воздушныхъ шарахъ, и особое вниманіе членовъ конгресса было обращено на вопросъ о замѣнѣ мѣшковъ съ газообразнымъ кислородомъ жидкимъ кислородомъ, занимающимъ, конечно, несравненно меньшій объемъ. Жидкій кислородъ, по мѣрѣ надобности, выпускается изъ сосуда, испаряется и смѣшивается съ окружающимъ разрѣженнымъ воздухомъ. Дышать такою газовою смѣсью можно только въ особой, защищающей лицо, маскѣ; образчики подобныхъ масокъ были также представлены конгрессу. На послѣднемъ засѣданіи обсуждался вопросъ объ измѣреніи атмосфернаго электричества и земного магнитизма въ высокихъ слояхъ атмосферы. Г. Эбертъ ознакомилъ членовъ конгресса съ своею работой, дающей ему возможность точно опредѣлять количество свободнаго электричества въ данномъ объемѣ воздуха, а г. Линке—съ измѣреніями, сдѣланными имъ на воздушномъ шарѣ. Эти измѣренія показали, что электрическій потенціалъ атмосферы всегда положительный (что было извѣстно и раньше), но электропроводимость воздуха измѣняется въ зависимости отъ атмосферныхъ условій. Конгрессу было представлено много новыхъ интересныхъ приборовъ. Отмѣтимъ, напр., приборъ г. Эберта, позволяющій опредѣлять на воздушномъ шарѣ горизонтальное магнитное напряженіе, что можетъ быть очень полезно воздухоплавателю для оріентированія ночью, среди облаковъ или надъ моремъ. Г. Маркузе также представилъ приборъ для опредѣленія астрономическаго мѣста воздушнаго шара; было представлено также нѣсколько чувствительныхъ термометровъ и термографовъ, статоскопъ—приборъ, опредѣляющій поднятіе и опусканіе баллона и два анемометра *); изъ нихъ анемометръ нашего соотечественника М. Кузнецова изобрѣтенъ спеціально для прикрѣпленія къ воздушнымъ змѣямъ.

Изъ общихъ постановленій конгресса отмѣтимъ предложеніе конгресса, чтобы поднятія баллоновъ и воздушныхъ змѣевъ совершались за часъ до восхода солнца; благодаря этому можно избѣжать инзоляціи приборовъ и можно наблюдать, гдѣ упадетъ баллонъ или воздушный змѣй. *В. А.*

---

*) Приборъ, опредѣляющій силу вѣтра.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Декабрь 1902 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія литературы и искусствъ.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1902 г.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

«Библіотеки великихъ писателей. Шекспиръ I».—«Шекспиръ въ переводѣ А. А. Соколовскаго».—*В. Подкольскій.* «Вечеромъ». Разсказы.

Библіотека великихъ писателей подъ ред. С. А. Венгерова. Шекспиръ, т. I-ый изд. Брокгаузъ-Ефрона Спб. 1902 г.

Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго удостоено Императорскою Академіей науки въ 1901 г. полной пушкинской преміи) 8 томовъ изд. А. Ф. Маркса, Спб. 1894—98 г. Новыя изданія писателей, которыхъ произведенія сильно отразились въ нашемъ сознаніи, писателей которыхъ часто перечитываютъ и изучаютъ, всегда вызываютъ большой интересъ среди читающей публики. Любимаго писателя естественно хочется видѣть тщательно изданнымъ. И это не только ради его удобочитаемости. Далеко нельзя сказать, что все равно, какъ бы ни былъ изданъ писатель, лишь бы изданіе было хорошее. Нужно, чтобы и характеръ изданія былъ подходящимъ. Если-бы, напримѣръ, кому нибудь вздумалось выпустить въ свѣтъ Глѣба Успенскаго, подражая французскимъ изданіямъ Guillaume'а, то это было бы, несомнѣнно, уродствомъ. Мало этого, каждая читательская среда требуетъ особаго типа изданія. Своеобразно согласовать требованія текста съ внѣшностью книги, а эту внѣшность съ запросами читателей, такова задача издателя. Въ этомъ согласованіи сказывается его замыселъ. Издательство также требуетъ таланта. Книгоиздательство не надо смѣшивать просто съ типографскимъ дѣломъ. Книга, этотъ неизмѣнный спутникъ современнаго человѣка во всѣхъ его духовныхъ странствованіяхъ, составляетъ предметъ особаго искусства.

Къ иллюстрированному переводу Шекспира съ предисловіями къ каждой пьесѣ читающая публика въ правѣ предъявить большія требованія. Редактирующему такое изданіе для фирмы Брокгаузъ-Ефронъ С. А. Венгерову предстояла не-легкая задача отвѣтить на нихъ. Въ вышедшемъ до сихъ поръ первомъ томѣ чувствуется уже много труда, потраченнаго на выборъ переводовъ, на приглашеніе сотрудниковъ, на собираніе иллюстрацій.

Что касается переводовъ то тутъ издателемъ внесено мало новаго. Напротивъ. Послѣ недавно вышедшаго единоличнаго перевода А. Л. Соколовскаго русская читающая публика найдетъ въ изданіи Брокгаузъ-Ефрона своихъ старыхъ любимцевъ, переводчиковъ, знакомыхъ ей по изданію Гербеля. Десять пьесъ будутъ, правда, переведены заново: «Зимняя сказка» (переведетъ П. П. Гнѣдичъ), «Генрихъ V.» (пер. А. В. Ганзенъ), обѣ части «Генриха IV». (пер.

Н. М. Минскій), «Ричардъ II» (пер. Н. А. Холодковскій), три части «Генриха VI» (пер. О. Н. Чюмина). Въ новыхъ переводахъ появятся также сонеты и поэмы. За нихъ взялись: К. Д. Бальмонтъ, П. И. Вейнбергъ, Н. М. Минскій, К. К. Случевскій, К. М. Фофановъ, О. Н. Чюмина, Т. Л. Щепкина-Куперникъ и мн. др. Покамѣстъ вышли только старые переводы, давно оцѣненные и хорошо извѣстные. Таковы поражающіе своею близостью къ подлиннику переводы П. И. Вейнберга, таковы и переводы Вс. Миллера, Аполлона Григорьева, А. В. Дружинина и др. Отъ гербелевскаго изданія изданіе С. А. Венгерова отличается однако распорядкомъ пьесъ. Если А. Л. Соколовскій все еще находитъ нужнымъ разбивать созданія Шекспира на трагедіи, драмы, трагедіи изъ античнаго міра, драматическія хроники, и наконецъ комедіи, то С. А. Венгеровъ предпочелъ порядокъ хронологическій. Въ первый томъ вошли такимъ образомъ произведенія великаго драматурга, принадлежащія къ такъ называемому періоду ученичества и лишь къ первымъ годамъ періода расцвѣта. Они слѣдуютъ другъ за другомъ въ той же послѣдовательности, какъ и въ знаменитомъ «Leopold Shakspere» Furnivall'a. При этомъ только отсутствуютъ «Титъ Андроникъ» и всѣ три части «Генриха VI». И объ этомъ пропускѣ нельзя не пожалѣть. Если принадлежность Шекспиру «Тита Андроника» не доказана, то не доказана его принадлежность и Киду, къ манерѣ котораго подходитъ эта драма. Отступать отъ традиціи, приписывающей эту «кровавую трагедію» творцу Лира и Гамлета, не представлялось вовсе надобности. Что же касается Генриха VI, то эти первыя хроники уже, несомнѣнно, носятъ на себѣ печать шекспировскаго генія. Вѣдь именно на нихъ то и намекалъ злобный Гринъ, когда обозвалъ Шекспира «потрясателемъ сцены». И это замѣчаніе Грина свидѣтельствуетъ о томъ, что эти пьесы сослужили немаловажную службу въ созданіи театральной репутаціи Шекспира. С. А. Венгеровъ говоритъ въ предисловіи, что при хронологическомъ распорядкѣ «передъ читателемъ проходитъ вся внутренняя жизнь великаго писателя», но вѣдь не менѣе важно, чтобы читатель могъ судить о ростѣ его художественнаго генія, а съ этой точки зрѣнія въ высшей степени важно показать ему первые шаги на драматическомъ творчествѣ великаго писателя.

Какими соображеніями руководствовался С. А. Венгеровъ въ подборѣ иллюстрацій, онъ самъ объясняетъ въ предисловіи. «Основной недостатокъ единоличнаго иллюстрированія,—гововоритъ онъ,—однообразіе», поэтому издатели отказались отъ мысли ограничиться однимъ какимъ-нибудь иллюстраторомъ и воспроизводятъ все, что «появлялось наиболѣе замѣчательнаго на темы той или другой пьесы». Отсюда естественно получилось множество рисунковъ и самое полное ихъ разнообразіе. Сцена у балкона въ «Ромео и Юліи «представлена, напр., въ изображеніи шести различныхъ мастеровъ, къ сценѣ пробужденія Юліи въ склепѣ относятся двѣ картины» и т. д. Этимъ изданіе, конечно, отвѣчаетъ цѣли дать «Шекспира въ иллюстраціяхъ лучшихъ художниковъ». Но не слишкомъ-ли много разнообразія въ изданіи, гдѣ иллюстраціи Крэна, Гольмона Гента, Медокса Брауна и Байамъ Шоу чередуются съ иллюстраціями Делароша, Каульбаха, Макарта и даже Константина Маковскаго? Кстати, одинъ рисунокъ ко «Сну въ лѣтнюю ночь» Байама Шоу охарактеризованъ словами «декадентскаго пошиба», несмотря на то, что терминъ этотъ совершенно не примѣнимъ къ современному англійскому искусству. Вообще, иллюстраціи носятъ характеръ какого-то свода матеріала; художественная мысль, которая объединила бы ихъ или руководила ихъ подборомъ, совершенно отсутствуетъ. Но, можетъ быть, этого и нельзя поставить въ вину издателямъ. Общество наше, для котораго предназначается изданіе, слишкомъ неразвито въ художественномъ отношеніи. Ему все еще гораздо интереснѣе перелистать побольше картинокъ на Шекспирскіе сюжеты, безразлично чьи бы они не были, чѣмъ имѣть у себя единообразно задуманное и исполненное изданіе Шекспира. Широкую публику къ искус-

ству у насъ притягиваетъ скорѣе интересъ, чѣмъ строго воспитанная эстетическая потребность. Издательскій замыселъ въ изданіи С. А. Венгерова сказывается, однако, въ тѣхъ добавочныхъ посторонних рисункахъ, которыми пестритъ книга. Они дѣйствительно представляютъ собою уже чисто художественный интересъ. Въ этихъ добавочныхъ постороннихъ иллюстраціяхъ, часто замѣняющихъ заставки, изображены виды городовъ, костюмы, внутренности зданій той эпохи и той страны, гдѣ происходитъ дѣйствіе каждой пьесы. И эти иллюстраціи въ большинствѣ случаевъ взяты со старинныхъ гравюръ и картинъ соотвѣтствующей эпохи. Все это составляетъ дѣйствительно цѣнный вкладъ въ изданіе. Жаль только одно: они какъ-бы совершенно заслоняютъ ту старую веселую Англію елизаветинской поры, которая такъ чувствуется у Шекспира сквозь воображаемыя Верону, Венецію, Аѳины и проч. мѣста дѣйствія. «Сонъ въ лѣтнюю ночь» украшаютъ даже нѣсколько снимковъ съ помпеевскихъ фресокъ. Между тѣмъ Ѳ. Д. Батюшковъ въ предисловіи къ этой пьесѣ справедливо охарактеризовалъ ее «псевдо-классической», хотя этотъ терминъ употребляется обыкновенно въ примѣненіи къ совершенно другой эпохѣ. Въ «Снѣ въ лѣтнюю въ ночь» только особенно отчетливо проявляется своеобразный псевдо-классицизмъ Ренессанса, и онъ чувствуется и въ «Комедіи Ошибокъ», и даже въ «Коріоланѣ». Недаромъ извѣстный шекспирологъ Охельхаузеръ совѣтовалъ даже костюмировать актеровъ «Сна въ лѣтнюю ночь», комически модернизируя древнія туники. Въ этой пьесѣ особенно охватываетъ также чарующимъ ландшафтомъ Зеленаго острова. Въ этомъ ея особая прелесть; отъ нея вѣетъ старой сельско-хозяйственною Англіей, которую оплакивали и Шелли, и Китсъ, и Рескинъ, и Вилльямъ Моррисъ. На лонѣ ея только и мыслится вся эта фантасмогорія маскараднаго классицизма средневѣковыхъ романовъ, сценическія затѣи цеховыхъ мастеровъ, причудливая миѳологія въ стилѣ золотого вѣка съ Оберономъ и Титаніей и, наконецъ, балладные разсказы о продѣлкахъ Пука и эльфовъ.

Нѣкоторая случайность и отсутствіе строго проведеннаго плана сказывается и въ предисловіяхъ вышедшихъ до сихъ поръ пьесъ. Эти предисловія будутъ, конечно, съ большою пользой и интересомъ прочитаны каждымъ вдумчивымъ читателемъ Шекспира. Они несомнѣнно составляютъ очень ощутительный и цѣнный вкладъ въ нашу бѣдную литературу по западно-европейской поэзіи, но всѣ они вовсе не гармонируютъ другъ съ другомъ. Прекрасный очеркъ пр. Зѣлинскаго о «Комедіи ошибокъ», напр., слишкомъ уже пространенъ. Авторъ его также обратилъ слишкомъ большое вниманіе на самыя «Менехмы» Плавта. Разработкѣ въ драмѣ возрожденія этого сюжета отведена всего одна только страничка. Не говоря уже объ испанскомъ переводѣ 1555 г. изданномъ въ Антверпенѣ, о «Comedia de los Menecmos» Хуана де Тимонеда 1559 г., объ итальянскихъ переводахъ Фалуджи, Пенціо да Лекко, о «Calandria» Биббіены, о «Ge'Sngannati» и «Les Abuser» Шарля Эстіона и пр., даже объ «The Historie of Error», игранной въ 1577 году въ Гэмптонъ Кортѣ, не упоминается вовсе. Между тѣмъ, именно эта не дошедшая до насъ пьеса и считается непосредственнымъ источникомъ Шекспира. Въ заключеніе я остановлюсь только на статьѣ пр. Н. П. Дашкевича о «Ромео и Юліи». Источники этой трагедіи указаны въ самыхъ общихъ чертахъ, и только для интересующихся въ примѣчаніи сведена литература по этому вопросу. Автора манило иное. Ему хотѣлось дать самостоятельный разборъ знаменитой поэмы о гибели влюбленныхъ. Поэтому, проведя насъ сквозь дебри такъ наз. теоріи «поэтической справедливости» со всѣми ея натяжками, Н. П. Дашкевичъ выходитъ на путь своихъ собственныхъ критическихъ соображеній. Трагизмъ «Ромео и Юліи», о которомъ столько написано и велось столько споровъ, имъ разносторонне выясненъ и продуманъ. Остальныя предисловія принадлежатъ проф. Всеволоду Миллеру, П. О. Морозову, З. А. Венгеровой и проф. Л. Ю. Шепелевичу. *Евг. Ан—въ.*

В. В. Подкольскiй. «Вечеромъ». Разсказы. Спб. 1903 г. Изд. т-ва «Трудъ». Сѣренькie, незамѣтные люди, глушь и сумерки захолустныхъ городишекъ, скудное прозябанiе богадѣлокъ, дѣвочекъ въ модныхъ мастерскихъ, почтовыхъ чиновниковъ, просвиренъ — вотъ маленькая сфера наблюденiй г. Подкольскаго, въ которой дѣйствуютъ его скромные герои. Къ недочетамъ произведенiй г. Подкольскаго отнесенъ анекдотичность, придуманность нѣкоторыхъ разсказовъ, а также шаблонную и манерную трогательность ихъ окончанiй. Но эти недостатки выкупаются положительными достоинствами, изъ которыхъ, прежде всего, отмѣтимъ: столь рѣдкiй у теперешнихъ писателей тихiй, незлобный юморъ и не менѣе рѣдкое умѣнье писать о дѣтяхъ безъ фальшивой слащавости,—занятно, коротко и талантливо. Лучшiе разсказы, по нашему мнѣнiю, «Лишнie», «Письмо до востребованiя» «Пожаръ», «Не нужна», «Анютка-Пружинка», «По гостямъ», «Любительница искусствъ». Скудный мiрокъ, надъ которымъ г. Подкольскiй подымаетъ уголокъ занавѣси,—бѣденъ, ограниченъ, жалокъ, но авторъ описываетъ его съ такою тонкою наблюдательностью и освѣщаетъ его такимъ теплымъ, человѣческимъ участiемъ, что книга его и читается съ интересомъ, и производитъ именно то впечатлѣнiе, какого хотѣлъ авторъ. Цѣна сборника 1 р. Въ немъ 20 печ. листовъ, заключающихъ въ себѣ 13 разсказовъ. *А. К.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

Моргулисъ. «Вопросы еврейской жизни». *М. Мюре.* «Еврейскiй умъ».

М. Г. Моргулисъ. Вопросы еврейской жизни. Собранiе статей. 2-е удешевленное изданiе. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1903 г. Стр. V+594. Въ этомъ второмъ изданiи не сдѣлано никакихъ перемѣнъ, кромѣ удешевленiя цѣны, по сравненiю съ первымъ, вышедшимъ въ 1889 г. Первое, въ свою очередь, было только перепечаткой различныхъ статей, появлявшихся въ русско-еврейскихъ перiодическихъ изданiяхъ въ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ. Многое, такимъ образомъ, устарѣло въ этой книгѣ. Но въ русской литературѣ такъ мало хорошихъ книгъ по еврейскому вопросу, что статьи г. Моргулиса имѣютъ несомнѣнную цѣнность и для настоящаго времени, тѣмъ болѣе, что онѣ своимъ особо серьезнымъ и строгимъ отношенiемъ къ предмету выгодно отличаются отъ многихъ другихъ писанiй, посвященныхъ тѣмъ же вопросамъ.

Подъ серьезностью и строгостью мы подразумѣваемъ не научность и даже не объективность. Авторъ—не ученый, а публицистъ, и самъ сознается въ некоторой субъективности (стр. V). Но преимущество его передъ многими другими заключается, по нашему мнѣнiю, въ томъ, что онъ заставляетъ своихъ читателей видѣть евреевъ и еврейскую жизнь тамъ, гдѣ другiе видятъ только законы объ евреяхъ, и самъ въ еврейскомъ вопросѣ видитъ нѣчто большее, чѣмъ вопросъ о законодательныхъ ограниченiяхъ евреевъ. Про евреевъ пишутъ, пожалуй, не меньше, чѣмъ противная сторона—пишетъ про воображаемые и дѣйствительные грѣхи евреевъ. Но очень мало приходится слышать о томъ, что же такое представляютъ сами евреи. И друзья ихъ, и враги говорятъ, главнымъ образомъ, объ отрицательныхъ сторонахъ еврейской жизни. Поэтому, и рѣшенiе еврейскаго вопроса многiе видятъ въ простомъ отрицанiи существующаго зла.

Однако, какъ бы ни были тяжелы ограниченiя евреевъ, все-таки нельзя видѣть въ нихъ весь смыслъ вопроса. Чрезмѣрное же увлеченiе спорами и полемикой вредитъ евреямъ и русскимъ. Въ евреяхъ оно должно ослабить вѣру въ самихъ себя и накоплять раздраженiе и злобу, которыя никакъ нельзя считать полезными орудiями въ борьбѣ за существованiе. Русское же общество

пріучается не признавать за собой никакихъ обязанностей по отношенію къ евреямъ. А главное, видя въ евреяхъ только жертву, только какое-то историческое недоразумѣніе, русское общество не можетъ проникнуться къ нимъ тѣми чувствами уваженія и симпатіи, безъ которыхъ немыслима совмѣстная работа людей, принадлежащихъ къ разнымъ національностямъ, разнымъ исповѣданіямъ или разнымъ культурамъ, надъ одними и тѣми же общечеловѣческими задачами. Если особенности, которыя сохранила въ теченіе вѣковъ еврейская жизнь, существуютъ только вслѣдствіе нетерпимости христіанъ, то какое можетъ быть уваженіе къ этимъ особенностямъ? Пока христіане не убѣдятся, что вѣковыя традиціи еврейства содержатъ много истиннаго и служатъ однимъ изъ путей къ общечеловѣческимъ идеаламъ, пока они не почувствуютъ симпатіи къ тому, чѣмъ живетъ, во что вѣритъ и что любитъ еврейская масса, пока они не согласятся, что еврейская интеллигенція имѣетъ свои особыя задачи, свои особыя обязанности передъ еврейской массой, до тѣхъ поръ христіане не будутъ по настоящему, отъ души желать счастья евреямъ и радоваться ихъ успѣхамъ и до тѣхъ поръ свое собственное дѣло имъ нельзя будетъ дѣлать съ вполнѣ спокойною чистою совѣстью. Поэтому, нужно особенно цѣнить тѣхъ еврейскихъ писателей, которые, не ограничиваясь опроверженіемъ враговъ еврейства, призываютъ къ дѣлу свободную общественную инициіативу и доказываютъ возможность плодотворной положительной работы на пользу еврейскихъ массъ уже и при теперешнихъ условіяхъ. Къ такимъ писателямъ принадлежитъ г. Моргулисъ.

Правда, и у него полемикѣ отведено много мѣста. Не говоря уже о слишкомъ рѣзкихъ, огульныхъ и несправедливыхъ нападкахъ на русскихъ публицистовъ (напр., стр. 294) и въ частности на русскихъ либераловъ (статья: «Еврейскій вопросъ въ его основаніяхъ и частностяхъ»), часто приходится жалѣть, что какой-нибудь большой вопросъ изслѣдуется не самъ по себѣ, а лишь постольку, поскольку онъ затронутъ кѣмъ-нибудь изъ враждебнаго лагеря. Значеніе кагала, напримѣръ, выясняется въ связи съ опроверженіемъ прогремѣвшей въ свое время книги Брафмана. И чѣмъ болѣе нелѣпы измышленія Брафмана, тѣмъ отрывочнѣе и случайнѣе свѣдѣнія, сообщаемыя г. Маргулисомъ, который, можетъ быть, говоритъ слишкомъ много для изобличенія своего противника, но слишкомъ мало для удовлетворенія законной любознательности читателя. Точно также весьма интересныя вещи про талмудъ мы узнаемъ въ полемической статьѣ, гдѣ авторъ вооружается противъ мало интересныхъ для насъ гг. Дубнова и Португалова («Самоосвобожденіе и самоотреченіе»). Такъ же слегка затронутъ и оставленъ безъ сколько-нибудь внимательнаго обсужденія вопросъ объ эмиграціи (стр. 574 сл.). По всѣмъ этимъ вопросамъ хотѣлось бы имѣть что-нибудь положительнѣе, помимо опроверженія разныхъ ложныхъ взглядовъ.

Зато по другимъ вопросамъ—о народномъ образованіи, о ремесленномъ и земледѣльческомъ трудѣ у евреевъ—авторъ руководится, главнымъ образомъ, желаніемъ указать самимъ евреямъ возможную для нихъ и нравственно-обязательную работу на пользу родного народа. Не только для просвѣщенія и образованія, но и для улучшенія экономическихъ условій жизни русскаго еврейства г. Моргулисъ ждетъ очень многаго отъ свободной общественной инициіативы. Онъ предлагаетъ своимъ единоплеменникамъ серьезно взяться за устройство земледѣльческихъ колоній въ Россіи (301), за помощь тѣмъ евреямъ ремесленникамъ, которые имѣютъ юридическую возможность искать себѣ выгодныхъ занятій по всей Россіи, но по недостатку средствъ вынуждены оставаться на своихъ мѣстахъ безъ сколько-нибудь достаточнаго заработка (318, 320), за устройство земледѣльческихъ и ремесленныхъ школъ (320, 332, 337 сл.). Онъ горько упрекаетъ евреевъ за равнодушіе къ собственному дѣлу и открываетъ широкія перспективы всѣмъ тѣмъ, которые путемъ свободной добровольной организаціи

возьмутся за матеріально-нравственное улучшеніе быта русскихъ евреевъ. «Нужно у себя дома,—говоритъ г. Моргулисъ,—по собственной иниціативѣ, работать на свою же пользу, а не во всякомъ данномъ случаѣ быть въ положеніи безпомощныхъ дѣтей, нуждающихся въ чужой опекѣ и вѣчно ожидающихъ спасенія отъ силъ далекихъ и сверхъестественныхъ» (335). «Что же сдѣлали мы, русскіе евреи, для нашихъ младшихъ братій? Задумывались ли мы надъ этимъ вопросомъ и приняли ли мы по собственному почину какія-либо мѣры для удовлетворительнаго его разрѣшенія? По совѣсти мы должны сказать, что ничего не сдѣлали» (318). Чтобы говорить такія вещи по адресу людей, страдающихъ и осыпаемыхъ незаслуженными оскорбленіями со стороны невѣжественнаго общества и безпринципной печати, нужно имѣть и мужество, и возвышенное пониманіе писательскаго долга.

Подобныя рѣчи не проходятъ даромъ. Рано или поздно они дождутся награды, и писавшій ихъ, въ концѣ концовъ, получитъ удовлетвореніе и утѣшеніе. Только что приведенныя слова написаны въ 1879 г. Теперь, въ 1902 г., г. Моргулисъ, по всѣмъ вѣроятіямъ счелъ бы себя въ правѣ дать иной отвѣтъ: «По совѣсти мы должны сказать, что кое-что мы сдѣлали». Въ особенности въ этомъ отношеніи поучительна для русскаго читателя новѣйшая исторія народнаго образованія у евреевъ. Въ разбираемой книгѣ народному образованію посвящена большая и интересная статья, ясно показывающая, что школьное дѣло у евреевъ всегда стояло и стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ прочими сторонами народной жизни. Г. Моргулисъ подробно разсказываетъ про неудачную попытку правительства взять въ свои руки народное образованіе евреевъ. Рисуя безотрадную, прямо-таки ужасающую картину начальныхъ еврейскихъ школъ, свободныхъ (хедеровъ) и общественныхъ (талмудъ-торъ), авторъ видитъ исходъ въ учрежденіи новыхъ, улучшенныхъ школъ по общественной иниціативѣ (204 и др.). Ни спеціально-еврейскія правительственныя школы, ни общая русская школа не могутъ, по мнѣнію автора, удовлетворительно выполнить задачу просвѣщенія еврейскаго народа. Послѣдующая исторія подтвердила это мнѣніе. То, къ чему г. Моргулисъ призывалъ своихъ единоплеменниковъ въ 1880 г., стало понемногу осуществляться и уже принесло хорошіе результаты. Изъ статьи г. Брамсона, помѣщенной въ «Сборникѣ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ» (Спб. 1896), видно, что еврейская интеллигенція уже работаетъ надъ постепенною замѣной первобытныхъ хедеровъ организованными еврейскими школами («Сборникъ», 353). Талмудъ-торы, продолжая оставаться въ рукахъ еврейскихъ обществъ, хотя и подъ усиленнымъ контролемъ учебнаго начальства, расширили и улучшили свою программу и получили болѣе интеллигентныхъ преподавателей (тамъ же, 342). Число частныхъ училищъ въ теченіе 80-хъ и 90-хъ годовъ увеличилось съ 40 до 110, причемъ большинство учредителей и учредительницъ «посвящало себя школѣ не случайно, а исходя изъ искренняго желанія послужить образованію родной еврейской массы» (тамъ же, 346). Усиліями возникшаго въ 1880 г. особаго общества (въ работахъ котораго дѣятельное участіе принималъ и г. Моргулисъ) въ теченіе 15 лѣтъ учреждено 3 ремесленныхъ училища, 1 учебная мастерская, около 15 ремесленныхъ отдѣленій при существующихъ мужскихъ училищахъ, около 20 рукодѣльныхъ классовъ при женскихъ училищахъ, нѣсколько школьныхъ садовъ и земледѣльческая ферма (тамъ же, 349). Въ послѣдніе годы, благодаря сіонизму, организованная просвѣтительная дѣятельность еврейской интеллигенціи пріобрѣла особенно широкій размахъ. «Сіонисты»,—писалъ недавно г. Шуликовскій въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»,—рѣшили утилизировать хедеръ и поставить школьное дѣло у евреевъ болѣе или менѣе правильно. Закипѣла работа и въ теченіе 3—4-хъ послѣднихъ лѣтъ область осѣдлости покрылась цѣлой сѣтью хорошихъ общеобразовательныхъ и профессіональныхъ школъ, библіотекъ,

вечернихъ классовъ для взрослыхъ и правильно организованныхъ талмудъ-торъ и образцовыхъ хедеровъ. Особою заботой сіонистовъ пользуются талмудъ-торы и хедеры въ виду того, что въ нихъ воспитывается большинство еврейскихъ дѣтей, что со школами этого типа народъ сросся и что для такихъ школъ у евреевъ всѣхъ классовъ легче получить средства. Въ талмудъ-торахъ, устроенныхъ сіонистами, преподаются русскій языкъ и общеобразовательные предметы. Да и еврейскіе предметы преподаются на русскомъ языкѣ по самымъ усовершенствованнымъ методамъ. Новые же хедеры (такъ называемые образцовые) ни въ чемъ не уступаютъ любой европейской школѣ... Въ то время, какъ въ дореформенныхъ хедерахъ меламедомъ могъ быть всякій еврей неудачникъ (разорившійся мелкій торговецъ, больной ремесленникъ и т. п.) нерѣдко безграмотный даже по-еврейски; въ то время, какъ званіе меламеда (учителя) считалось у народа позорнымъ, и заработокъ этого несчастнаго труженика давалъ ему лишь средства не умирать съ голоду, учителями образцовыхъ хедеровъ состоятъ люди образованные и опытные въ педагогическомъ дѣлѣ, и средній заработокъ такого учителя не ниже 600 руб. въ годъ при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи. Оклады этихъ учителей нерѣдко доходятъ до 1.000 р. въ годъ и болѣе. *Теперь нѣтъ города и мѣстечка, гдѣ бы не было образцоваго хедера.* Подъ вліяніемъ этихъ школъ учебное дѣло постепенно улучшается и въ остальныхъ хедерахъ города». («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 265). Вотъ чего можно достигнуть путемъ общественной самодѣятельности при самыхъ тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ! Глядя на евреевъ, намъ, русскимъ людямъ, слѣдовало бы, собственно, совершенно вычеркнуть изъ своего лексикона любимыя наши словечки—«внѣшнія условія», «тяжелая атмосфера», «независящія обстоятельства».

Читатель проститъ намъ, что мы вышли изъ обычныхъ рамокъ библіографической замѣтки. Мы думаемъ, что слѣдовало бы почаще дѣлать своего рода «повѣрочный экзаменъ» старымъ статьямъ и книгамъ, задавая имъ нехитрый вопросъ: а что вы сдѣлали для жизни? гдѣ то добро, которое вы внесли? гдѣ жатва, вами посѣянная? Для многихъ книгъ жизнь—лучшій критикъ, и этого критика намъ, рецензентамъ, не мѣшаетъ иногда послушать. *А. Р—евъ.*

Морисъ Мюре. Еврейскій умъ. Переводъ съ французскаго Е. Отоцкой. С.-Петербургъ. 1902 г. Стр. 307+XIX. Цѣна 1 руб. Въ самое недавнее время среди извѣстной части ученыхъ существовало, не исчезло еще и теперь стремленіе связать непрерывною цѣпью проблемы соціальныя съ проблемами антропологическими, больше того,—объявить ихъ идентичными. Стремленіе это имѣло своихъ адептовъ, которые не на жизнь, а на смерть боролись за свою идею—объяснить все сложное строеніе современной общественности—отъ предрасположеній національныхъ до моральныхъ концептовъ включительно—фатальнымъ вліяніемъ того или иного анатомическаго устройства, унаслѣдованнаго отъ предковъ. «Геній расы» предопредѣлялъ всю исторію человѣчества, всю эволюцію человѣческихъ сообществъ, называемыхъ націями; отношеніе между длиной и шириной человѣческаго черепа являлось рѣшающимъ признакомъ въ опредѣленіи моральныхъ и соціальныхъ качествъ его обладателя; форма носа, цвѣтъ глазъ и волосъ служили хорошимъ матеріаломъ, на основаніи котораго можно было дѣлать различнаго рода психическіе если не выводы, то, по крайней мѣрѣ, закономѣрныя сближенія. Къ настоящему времени этотъ союзъ антропологіи и соціологіи рушился, и совершилось это отнюдь не противъ воли обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Соціологія перестала нуждаться въ излишнемъ руководительствѣ антропологіи и перенесла центръ своего вниманія на сравнительное изученіе культурно-экономическихъ отношеній; антропологія отказалась отъ своего верховенства, сначала нерѣшительно, устами Топинара, который говоритъ: «Общества пріобрѣли свои соб-

ственные коллективные характеры, зависящіе гораздо болѣе отъ обстоятельствъ и отъ того влеченія впередъ, которое называется прогрессомъ, чѣмъ отъ природы антропологическихъ элементовъ, входящихъ въ ихъ составъ»; потомъ устами Манувріе, заявившаго: «Если раса предполагаетъ, то среда располагаетъ»,—и наконецъ, категорически: «Понятіе расы безусловно чуждо понятію націи. Антропологіи нечего дѣлать съ вопросами національности». «Въ этотъ-то моментъ,—замѣчаетъ Дарлю,—когда идея расы изгнана изъ кабинета ученыхъ, она сходитъ на улицу, эксплуатируемая невѣжественными журналистами» *). На парижскихъ улицахъ «идею расы», прежде всего, подобралъ небезызвѣстный Дрюмонъ, за Дрюмономъ за нее ухватились всѣ французскія націоналистическія газеты, обошла эта идея и всѣ другія европейскія изданія, не чуждыя духу пресловутой «Libre Parole»; русскому читателю примелькалась она на страницахъ «Новаго Времени». Сойдя на улицу, идея расы стала прислужницей темныхъ инстинктовъ и недобрыхъ цѣлей; портативность этой идеи, кажущаяся ея простота и ясность обезпечили за ней широкое распространеніе, и отработавшее научное орудіе, мирное въ рукахъ кабинетныхъ ученыхъ, стало грознымъ и боевымъ въ рукахъ ловкихъ бойцовъ мятущейся жизни.

Этимъ орудіемъ сражается и Морисъ Мюрэ въ своей книгѣ «Еврейскій умъ», которая имѣла извѣстный успѣхъ во Франціи и переведена теперь по-русски. Правда, Мюрэ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги старательно открещивается отъ антисемитизма и его присныхъ, но это не мѣшаетъ ему сражаться съ ними рука объ руку, пользоваться тѣми же аргументами, преслѣдовать тѣ же задачи. Какъ и Дрюмонъ, Мюрэ объявляетъ себя ученикомъ и послѣдователемъ Ипполита Тэна. «Я намѣренъ искать психологію народа», писалъ Тэнъ, приступая къ «Исторіи англійской литературы». «Такой же опытъ какъ бы въ области моральной химіи я хочу продѣлать надъ современною израильскою душой», пишетъ Морисъ Мюрэ; орудіемъ, при помощи котораго онъ хочетъ продѣлать свой «опытъ», служитъ ему тэновская теорія расы, какъ самаго могущественнаго фактора, образующаго душу человѣческую. Если Тэну его теорія сослужила добрую службу, давъ поводъ написать рядъ блестящихъ страницъ и произвести превосходныя наблюденія по психологіи народа, то Мюрэ теорія эта не только ничего не дала, но и завела его въ непроходимыя дебри противорѣчій и явныхъ заблужденій. Не имѣя возможности разбирать эти противорѣчія и заблужденія подробно, укажемъ лишь самыя главныя. Книга Мюрэ состоитъ изъ длиннаго введенія, въ которомъ онъ выясняетъ свой методъ, и изъ отдѣльныхъ этюдовъ о Спинозѣ, Гейне, Биконсфильдѣ, Марксѣ, Брандесѣ и Нордау, разсмотрѣніе «души» которыхъ должно дать автору матеріалъ и аргументы въ пользу его положеній, высказанныхъ во введеніи. Положенія эти слѣдующія: «У арійца умъ объективный, тонкое чутье, пантеизмъ и политеизмъ; въ литературѣ—эпопея, драма; въ искусствахъ—архитектура, живопись, скульптура. У семита и особенно у еврея умъ субъективный, сознаніе единства силъ природы, монотеизмъ; въ литературѣ—лирическая поэзія. Наконецъ, въ дѣлѣ цивилизаціи, какъ она проявляется въ Европѣ, все, что называется метафизикой, наукой, искусствомъ, политикой—это арійскаго происхожденія. Отъ израиля же мы позаимствовали бо́льшую часть религіозныхъ и моральныхъ идей». Уже одно сопоставленіе имени Спинозы съ отрицаніемъ у евреевъ объективнаго ума и способности къ метафизикѣ, имени Биконсфильда съ отрицаніемъ способности къ политикѣ, можетъ вызвать улыбку сожалѣнія по адресу Мюрэ.

---

*) Цитируемъ по Бугле: «Философія антисемитизма» («идея расы»). См. также Фулье: «Психологія французскаго народа», русскій переводъ Б. Никитина. Москва. 1900 г.

Русскому переводу «Еврейскаго ума» анонимный издатель предпослалъ свое введеніе, въ которомъ говорится о томъ, что «семитъ побѣдилъ арійца, по крайней мѣрѣ, такъ называемаго «интеллигентнаго», что для спасенія арійца надо читать Мориса Мюрэ, книга котораго «можетъ разбудить пытливость мысли и критическое чутье у читателей, еще не превратившихся въ «окаменѣлости» по рецептамъ «передовыхъ» умовъ»—конечно, евреевъ, которые нынѣ проповѣдуютъ «духъ разрушенія въ области самыхъ завѣтныхъ формъ общественнаго и семейнаго уклада европейскихъ народовъ». Въ заключеніе издатель преподноситъ читателю совѣтъ: «снять прилипшія къ переносью очки» и «провѣрить катехизисъ современной культуры». Есть въ издательскомъ введеніи еще и много другихъ точекъ надъ *і*, которыхъ не хотѣлъ или совѣстился поставить самъ Мюрэ, но мы ихъ приводить не будемъ: они достаточно всѣмъ примелькались. *М. Славинскій.*

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

А. Веселовскій. «Байронъ».—*А. Бенуа.* «Исторія русской живописи».

Алексѣй Веселовскій. «Байронъ». Біографическій очеркъ. Москва. 1902 г. Обстоятельная работа проф. Веселовскаго, основанная на изученіи обширной литературы и всѣхъ доступныхъ въ настоящее время біографическихъ матеріаловъ, а также на живыхъ впечатлѣніяхъ отъ мѣстъ, увѣковѣченныхъ «Чайльдъ-Гарольдомъ», «Манфредомъ» и «Донъ-Жуаномъ», навѣрное, найдетъ многочисленныхъ читателей даже среди лицъ, не интересующихся спеціально историко-литературными сюжетами. Ничего не утрачивая въ смыслѣ научной солидности, книга эта читается, какъ романъ: богатѣйшій интересными событіями предметъ нашелъ здѣсь достойное литературное изложеніе. Байронъ принадлежитъ къ числу счастливыхъ или несчастныхъ людей, личность которыхъ и среди отдаленныхъ потомковъ не перестаетъ вызывать страстное отношеніе — за и противъ. До сихъ поръ въ изобиліи появляются все новые матеріалы, въ видѣ писемъ и мемуаровъ современниковъ, которые до того времени держались подъ спудомъ по разнымъ, обыкновенно личнымъ соображеніямъ. Матеріалы эти, хотя и не даютъ никакого неожиданно новаго освѣщенія существенныхъ фактовъ, часто разрѣшаютъ окончательно нѣкоторые спорные пункты, запутанные и затемненные многочисленными легендами, а нерѣдко и клеветами, на которыя не скупились личные и литературные враги поэта. Біографъ тщательно отмѣчаетъ все, что разсѣиваетъ туманъ вокругъ необычайной фигуры поэта, хотя надо сказать, что во многомъ и теперь приходится полагаться на психологическія гипотезы. Сравнительно-историческое изслѣдованіе самой поэзіи Байрова не входило въ задачу настоящей работы проф. Веселовскаго, также какъ «разноплеменный байронизмъ сознательно оставленъ имъ незатронутымъ». Къ послѣдней темѣ авторъ обѣщаетъ, впрочемъ, со временемъ вернуться. Для исторіи литературы обѣ темы имѣютъ еще неоспоримое значеніе, такъ какъ нельзя сказать, чтобы вопросъ о «вкладѣ» Байрона въ міровую поэзію былъ окончательно исчерпанъ; несмотря на богатую литературу, взгляды на этотъ предметъ все еще время отъ времени подвергаются колебаніямъ. Что касается «байронизма», т.-е. вліянія Байрона на литературу и психологію послѣдующихъ поколѣній, то ни одинъ изслѣдователь не охватилъ еще этого почти неисчерпаемаго сюжета, да и самый «байронизмъ» еще далеко нельзя назвать отжившимъ явленіемъ: въ самыхъ новомодныхъ литературныхъ движеніяхъ то и дѣло случается наталкиваться на отголоски психологіи властителя думъ нашихъ дѣдовъ. *Е. Дегенъ.*

Александръ Бенуа. Исторія русской живописи. Изданіе товарищества «Знаніе». Спб., часть I-я. 1901 г., часть II-я. 1902 г. Въ краткомъ введеніи авторъ задается вопросомъ: «откуда все то, что является причиной неутѣшительнаго положенія нашего искусства», не только сравнительно съ литературой, но даже сравнительно съ музыкой? Вопросъ, конечно, любопытный, но и трудный. «Не оттуда ли,—отвѣчаетъ авторъ новымъ вопросомъ,—откуда вообще идетъ вся наша сумятица (!), а за ней, какъ слѣдствіе ея, лѣнь и апатія «Обломовки»: отъ нашей, боюсь сказать столь избитое, но все же вѣрное слово—оторванности отъ почвы?..» Эти, дѣйствительно, избитыя, не заключающія въ себѣ никакого опредѣленнаго содержанія фразы, какъ «вся наша сумятица», «наша оторванность отъ почвы», сразу предупреждаютъ читателя, что онъ напрасно ожидаетъ отъ автора «Исторіи русской живописи» яснаго представленія объ исторической жизни русскаго общества. Но почему же, спрашиваетъ уже читатель, литература и музыка не подвергались пагубному вліянію нашей сумятицы и нашей оторванности отъ почвы? А вотъ почему: сумятица и оторванность вызываютъ въ насъ утомленіе, отъ котораго мы отдыхаемъ «только въ безконечныхъ, чисто русскихъ бесѣдахъ, въ чтеніи тѣхъ же бесѣдъ, такъ дивно, полно и глубоко переданныхъ нашими писателями, или въ слушаніи тѣхъ пѣсенъ, которыя являются отдаленнымъ, но вѣрнымъ отраженіемъ того, что слушаетъ народъ испоконъ вѣку. Что же касается нашей живописи, скульптуры, архитектуры, художественной промышленности, то онѣ остаются для насъ такими же чужими и ненавистными, какъ наши гимназіи, департаменты или мертвыя улицы Петербурга». Если бы читатель допустилъ даже явную несуразность, будто все значеніе нашей литературы заключается въ воспроизведеніи «чисто русскихъ бесѣдъ», если онъ согласится даже, что вся наша музыка отражаетъ «чисто русскую» пѣсню, то все же онъ въ правѣ недоумѣвать, почему же и пластическія искусства не съумѣли отразить что-нибудь «чисто-русское». Впрочемъ, и самъ авторъ неудовлетворенъ своимъ поясненіемъ и снова начинаетъ вопрошать оттуда, откуда и началъ: «Кто же виноватъ въ томъ? Художества ли въ томъ виноваты, или мы сами, общество, для котораго они существуютъ?» Оказывается, что нѣтъ, «ни художества, ни силы, ушедшія на нихъ, да и не мы сами по себѣ (читатель уже радуется, что вотъ-вотъ ему сейчасъ укажутъ виновнаго), а всѣ наши взаимныя отношенія, отношенія не выдуманныя (когда же отношенія бываютъ выдуманными?), не случайныя, но коренящіяся въ самой исторіи». И читатель остается со своимъ недоумѣніемъ, gros Jean comme devant. Ясно только, что авторъ взялся за непосильную задачу—установить связь между исторіей русскаго пластическаго искусства и исторіей русскаго общества.

Но, быть можетъ, къ художнику, пишущему объ искуствѣ, несправедливо и предъявлять черезчуръ большихъ требованій относительно ясности исторической мысли. И то хорошо, если онъ съумѣетъ изобразить развитіе чисто артистическихъ сторонъ русскаго искусства. Г. Бенуа, какъ извѣстно, принадлежитъ къ самому молодому поколѣнію русскихъ художниковъ, которые рѣзко порвали съ передвижничествомъ и вообще со всякою «школой» и стремятся какъ можно ярче развить каждый свою артистическую индивидуальность. Естественно было ожидать поэтому, что авторъ внесетъ какой-нибудь существенно новый взглядъ въ свою исторію; въ дѣйствительности онъ почти во всѣхъ коренныхъ пунктахъ слѣдуетъ, хотя и съ очевидной неохотой, своимъ предшественникамъ. Онъ настолько испытываетъ на себѣ вліяніе своихъ пособій, что не можетъ удержаться, чтобы для характеристики старыхъ и даже новыхъ художниковъ по обычаю добраго стараго времени не называть отвѣчающихъ будто бы имъ иностранныхъ художниковъ. Такъ, Левицкому указывается мѣсто между Антономъ Графомъ и Генсборо, Боровиковскому между Ресселемъ и Генсборо; Венеціанова

современники называли «русскимъ Теніеромъ», г. Бенуа замѣняетъ эту кличку болѣе громкою—«нашъ Милле», наконецъ, г. Малявинъ является «русскимъ Бенаромъ». Какъ только авторъ приближается къ эпохѣ Брюллова, котораго онъ называетъ «русскимъ Деларошемъ», такъ онъ начинаетъ съ яростью поносить и Брюллова и академію вообще, ступая въ данномъ случаѣ своими модными ботинками въ слѣды могучихъ калошъ г. Стасова, хотя онъ считаетъ себя антиподомъ г. Стасова, хотя академизмъ вотъ уже скоро сорокъ лѣтъ, какъ пересталъ быть опаснымъ для русскаго искусства, хотя болѣе спокойное отношеніе къ Брюллову давно уже и справедливо смѣнило вражду къ нему перваго «передвижническаго» поколѣнія и установило за нимъ солидное мѣсто въ исторіи русской живописи. Въ преклоненіи передъ А. Ивановымъ и особенно передъ его евангельскими эскизами г. Бенуа также повторяетъ давно установленныя (М. Боткинымъ, В. В. Стасовымъ, А. И. Новицкимъ, Н. П. Собко) мнѣнія. Если же по отношенію къ «передвижничеству» онъ держится рѣзко отрицательнаго тона, то и здѣсь онъ слѣдуетъ выработаннымъ извѣстною частью критики точкамъ зрѣнія, а нерѣдко даже сбивается съ тона и вдругъ начинаетъ какъ бы вполголоса повторять приговоры все того же г. Стасова. Но «индивидуальнымъ» ему хочется быть во что бы то ни стало. Для этого онъ нѣкоторыхъ почтенныхъ художниковъ возвеличиваетъ до небесъ, а другихъ не менѣе почтенныхъ отдѣлываетъ съ страстною ненавистью. Такъ, напр., совершенно отрицая общепризнанное значеніе Воробьева въ исторіи русскаго пейзажа, авторъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ для прославленія Венеціанова, впрочемъ совершенно игнорируя его связь съ «передвижническими» жанристами. Желаніе быть оригинальнымъ доводитъ иногда г. Бенуа до прямыхъ курьезовъ: чтобы выразить свое одобреніе гр. Ѳ. П. Толстому, онъ называетъ его «отчасти венеціановцемъ», хотя, конечно, ничего нѣтъ общаго между этимъ колоритнымъ жанристомъ, сдѣлавшимъ первый шагъ отъ академизма къ реализму, и убѣжденнымъ эллиномъ, влюбленнымъ въ красоту чистой линіи, какимъ былъ гр. Толстой. Съ такимъ же правомъ можно было бы сближать Григорьева или Рѣшетникова съ Майковымъ или Щербиною. Что Перовъ не пользуется расположеніемъ автора, это, пожалуй, можно было предвидѣть, такъ какъ никто больше Перова не является выразителемъ ненавистнаго автору взгляда объ общественномъ значеніи искусства, какъ «русскій Курбе». Крамской, какъ главный знаменосецъ «передвижничества», конечно также не заслуживаетъ его одобренія. Но только ради оригинальности г. Бенуа отказываетъ во всякомъ художественномъ значеніи Васильеву, одному изъ весьма немногихъ, не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, поэтовъ пейзажа, несомнѣннаго предшественника Левитана. Съ г. Рѣпинымъ авторъ, какъ онъ, впрочемъ самъ сознается, никакъ не умѣетъ справиться и попеременно то старается его унизить не только за «направленство» (давно оставленное г. Рѣпинымъ, какъ грѣхъ молодости), но даже за живописную технику, то поетъ ему гимны опять же за его техническое дарованіе. Но настоящее славословіе начинается, когда авторъ принимается за г. Сурикова («русскій Менцель»). Много восторговъ слышалъ на своемъ вѣку этотъ художникъ изъ устъ профановъ; похвалы людей компетентныхъ большею частью сводились къ слѣдующему: если бы г. Суриковъ умѣлъ рисовать и писать, то его картины, навѣрное, были бы очень хороши. Но г. Бенуа непремѣнно хочется сказать что-нибудь оригинальное: онъ не отрицаетъ подмѣченныхъ раньше него недостатковъ, но находитъ, что они «скорѣе даже достоинства», техника г. Сурикова безобразна, но поэтому-то и геніальна. «Правда, между фигурами «Сибири» не протискаться. Въ особенности дикари скомканы въ совершенно компактную массу. Но это-то и *хорошо*». Въ «Морозовой» нѣтъ никакой перспективной глубины, но это тоже прекрасно. «Также можно *похвалить* (курсивъ автора) Сурикова и за тѣсноту въ фи-

гурахъ «Казни стрѣльцовъ» и за несоразмѣрный ростъ Меньшикова». Но этого мало: г. Бенуа дѣлаетъ открытіе, что г. Суриковъ — «ein grosser Gelehrter» (г. Бенуа не находитъ равносильнаго русскаго выраженія и волей-неволей долженъ прибѣгнуть къ иностранному языку). «Для того, чтобы изобразить давнопрошедшія событія съ такою ясностью, нужно было перечитать и пересмотрѣть цѣлыя библіотеки». Подобныхъ похвалъ г. Суриковъ еще никогда не слыхалъ. Ему, напротивъ, указывали самыя грубыя погрѣшности противъ исторической правды, о его первобытной нетронутости книжною премудростью ходятъ презабавные анекдоты, и вдругъ по щедрости г. Бенуа—цѣлыя библіотеки! Но и этого еще недостаточно: «Суриковъ не только великій реалистъ-ученый, но по существу своему поэтъ, и, быть можетъ, самъ того не сознавая, этотъ художникъ обладаетъ огромнымъ мистическимъ дарованіемъ». Мистицизмъ, идеализмъ и т. п. articles de Paris, о которыхъ тамъ кричали нѣсколько сезоновъ (лѣтъ десять назадъ), это коньки г. Бенуа. Какъ во время оно всякій «порядочный» человѣкъ долженъ былъ носить перчатки, такъ всякое «порядочное» искусство, по его мнѣнію, должно быть мистично. По этому поводу онъ опять—и опять весьма неудачно—пускается въ область исторіи общества. Когда-то процвѣталъ матеріализмъ. Начиная съ 80-хъ годовъ, разсказываетъ авторъ, «пресловутая трезвость его оказалась самымъ настоящимъ опьяненіемъ, въ дурманѣ котораго люди на время совершенно было бросили разгадыванье загадки своего существованія, опредѣленія своихъ отношеній къ вѣчнымъ истинамъ, къ сверхчувственнымъ и сверхъестественнымъ явленіямъ, всякую мысль о Верховномъ Началѣ—о Богѣ...» Но къ концу вѣка «вытекающее изъ матеріализма стремленіе устроить удобную жизнь, ограниченную чисто земными интересами, все соціальное ученіе утратило свое обаяніе и мистическій духъ поэзіи, вѣчное стремленіе вырваться изъ оковъ обыденной прозы возродились съ новою силой... Все, что было молодого и свѣжаго, ринулось въ объятія мистики...» Можно подумать, что авторъ живетъ за тысячу верстъ отъ современной дѣйствительности, и русской и общеевропейской, но на самомъ дѣлѣ онъ прекрасно знаетъ цѣну всему этому «молодому и свѣжему» (гг. Волынскій, Минскій, Мережковскій?) Своими тирадами о возрожденіи мистицизма онъ можетъ мистифицировать только того читателя, который вмѣстѣ съ нимъ забылъ его же собственныя слова: «Успѣху Васнецова способствовало впрочемъ еще одно обстоятельство, не особенно вѣское по существу, но имѣвшее временно большую силу, а именно: *модное* (курсивъ автора) увлеченіе въ началѣ 90-хъ годовъ мистицизмомъ, которое такъ кстати совпало у насъ съ возрожденіемъ оффиціальной религіозности». Послѣдовательность очевидно не принадлежитъ къ добродѣтелямъ г. Бенуа... Конечно, необходится и безъ спеціально «русскаго духа». «Гоголь, славянофилы и Достоевскій раскрыли такую глубину религіознаго сознанія въ русскомъ человѣкѣ, которая совершенно неизвѣстна современному европейцу. Если что внесла и еще должна внести Россія въ общее духовное достояніе человѣчества, такъ это своего Бога—не узкорусскаго, а общечеловѣческаго...» «Миссія русскаго искусства, какъ отраженія русской духовной жизни, заключается въ томъ, чтобы выразить въ образахъ свое русское отношеніе къ Тайнѣ, свое пониманіе Тайны. Миссія эта огромна и священна». Очень можетъ быть, но непріятное положеніе г. Бенуа заключается въ томъ, что русское искусство вовсе не выполняетъ этой миссіи. Кромѣ гг. Васнецова и Нестерова нѣтъ ни одного значительнаго русскаго художника изъ нынѣ живущихъ, который бы имѣлъ какое-нибудь стремленіе къ мистикѣ, поэтому г. Бенуа принужденъ прибѣгать къ голословнымъ утвержденіямъ и невѣроятнымъ натяжкамъ, чтобы сохранить русскому искусству репутацію «порядочности». Укажемъ только одинъ примѣръ. Къ мистикамъ авторъ причисляетъ между прочимъ молодого художника г. Сергѣя Коровина. «Этотъ крайне неплодовитый художникъ извѣстенъ по своей

несимпатичной картинѣ деревенскихъ нравовъ: «Мірская сходка» (на самомъ дѣлѣ очень интересная по экспрессіи вещь, хотя и непріятная по колориту), тогда какъ гораздо большаго вниманія заслуживаютъ его картины религіозно-бытового характера, въ которыхъ онъ имѣетъ нѣчто общее съ Нестеровымъ. Но въ сущности С. Коровинъ написалъ всего только одну такую картину—акварель». Это признаніе дѣлаетъ самъ г. Бенуа, а тѣ, которые помнятъ эту картину, «акварель», знаютъ, что въ ней, нѣтъ ровно никакой религіозности или мистики. Почему бы, однако мистицизмъ и идеализмъ мѣшали удобно устраивать жизнь, «ограниченную чисто земными интересами»? Это былъ бы излишній педантизмъ. Такъ, г. Бенуа, говоря о г. Бразѣ, съ сожалѣніемъ вспоминаетъ «о заброшенной, почему-то глубоко презираемой въ наше время «свѣтской» или «великосвѣтской» живописи.. . Трудно найти что-либо болѣе подходящее для «украшенія» стѣнъ изящныхъ, со вкусомъ меблированныхъ комнатъ,—нежели бразовскія картины и портреты. Каждое изъ его произведеній является отличнымъ кускомъ живописи, приготовленнымъ съ изумительнымъ знаніемъ художественной гастрономіи». И такимъ образомъ, отъ мистики къ гастрономіи, исторія русскаго искусства переходитъ въ гостинодворское зазывательство. Кулинарные эпитеты, впрочемъ, являются любимыми въ репертуарѣ г. Бенуа: «вкусныя» и даже «вкусненькія» краски, «аппетитный» мазокъ, «жирная» кисть. Кромѣ этого закусочнаго лексикона онъ любитъ щеголять также ходкими въ парижскихъ мастерскихъ словечками: трюки, эпатировать и эпатантный, je m'en fiche'измъ, причемъ иногда сквозь французскій шикъ прорывается нетвердость во французской грамотѣ, какъ напр., въ фатальныхъ «спесиментахъ» (specimen).

Этотъ жаргонъ впрочемъ вполнѣ соотвѣтствуетъ развязному содержанію. Много ли нужно, чтобы написать исторію русской живописи?.. Общая историческая подготовка, научное отношеніе къ предмету (мы даже боимся употребить страшное слово—научный методъ), серьезная выработанность своихъ художественныхъ взглядовъ, послѣдовательное ихъ проведеніе—все это лишній балластъ. Поѣздить по европейскимъ галлереямъ, потереться въ парижскихъ и лондонскихъ мастерскихъ, набраться тамъ развязности и сезонныхъ взглядовъ, взять чужую схему, кое—что въ ней измѣнить, наклеить ярлыковъ и кличекъ, однихъ «раздѣлать подъ орѣхъ», другихъ возвеличить,—и готово. Неоднократно можно слышать отъ художниковъ жалобы, что художественная критика находится въ рукахъ литераторовъ; много ли они выиграли теперь отъ того, что ею занялся художникъ? Литераторъ ли, художникъ ли,—важно не это, а то, чтобы тотъ, кто пишетъ объ искусствѣ, не только воспиталъ свой глазъ, но и развилъ свой умъ. *Е. Дегенъ.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Минаевъ. «Путешествіе Марко Поло».—*И. Забѣлинъ.* «Исторія города Москвы».—*Е. Булгакова.* «Изъ жизни средневѣковаго ремесленника».—*М. Ковалевскій.* «Очеркъ всеобщей русской исторіи».

И. П. Минаевъ. Путешествіе Марко Поло. Переводъ старо-французскаго текста. Издано Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ, подъ редакціей дѣйствительнаго члена В. В. Бартольда Спб. 1902. Стр. XXIX + 335 in 8°. Имя Марко Поло пользуется самою широкою извѣстностью, но врядъ ли многіе русскіе читатели знакомы съ его знаменитымъ путешествіемъ; вина, впрочемъ, лежитъ не на нихъ: имѣвшіеся до сихъ поръ переводы, малоудовлетворительные и сдѣланные не съ подлинника, давно уже вышли изъ обращенія и малодоступны. Нельзя, поэтому, не привѣтство-

вать новое изданіе географическаго общества, которое даетъ мастерскую передачу древне-французской записи разсказа славнаго венеціанца. Оно принадлежитъ перу покойнаго профессора Ивана Павловича *Минаева* и образцово издано по оконченной почти рукописи покойнаго съ краткими пояснительными примѣчаніями нашимъ извѣстнымъ знатокомъ Средней Азіи, Василіемъ Владиміровичемъ *Бартольдомъ*. Конечно, значеніе Марко Поло во многихъ отношеніяхъ болѣе въ прошломъ, чѣмъ въ настоящемъ, но и современному путешественнику чрезвычайно полезно ознакомиться съ тою широтою взгляда и разносторонностью интересовъ, которыя являются столь характерными для великаго путешественника XIII вѣка. Для образованнаго современнаго читателя путешествіе Марко Поло является однимъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ средневѣковой свѣтской образованности и какъ таковой обязательно должно войти въ списокъ книгъ, которыя «надо прочесть». Мѣсто его въ первомъ ряду источниковъ для исторической географіи давно уже признано наукой.

Въ предисловіи издатель замѣчаетъ: «Простота и безискусственность первоначальной версіи переданы переводчикомъ, какъ увидятъ читатели, съ неподражаемымъ мастерствомъ» (стр. XI). Вполнѣ присоединяясь къ этой оцѣнкѣ труда покойнаго Ивана Павловича Минаева, мы позволяемъ себѣ въ подтвержденіе привести выдержку изъ перевода главы CLXXXVIII, въ которой Марко Поло, говоря о Цейлонѣ, гдѣ, по слышанному имъ преданію, сохранился «памятникъ Сергамона Боркама» (Сакьямуна бурханы, т.-е. Будды), разсказываетъ легенду Будды (стр. 276—278).

«Былъ онъ сыномъ богатаго и сильнаго царя, жизнь велъ прекрасную; ни о чемъ мірскомъ слышать не хотѣлъ и царствовать не желалъ. Узналъ отецъ, что сынъ царствовать не желаетъ и ни о чемъ мірскомъ слышать не хочетъ; стало ему досадно, и чего только онъ ни предлагалъ сыну; говорилъ, что вѣнчаетъ его на царство и полновластнымъ государемъ сдѣлаетъ; отдавалъ ему царскій вѣнецъ и одно только требовалъ, чтобы сынъ сталъ царемъ. А сынъ въ отвѣтъ говорилъ, что ничего не желаетъ. Увидѣлъ царь, что не хочетъ сынъ царствовать, разгнѣвался и съ горя чуть не померъ; да и не диво, другого сына у него не было, и некому было оставить царство. Задумалъ тогда царь такое: рѣшилъ онъ про себя, что заставитъ сына полюбить все мірское, и возьметъ царевичъ и вѣнецъ, и царство. Поселилъ онъ его въ прекрасномъ дворцѣ, а въ услуженіе приставилъ тридцать тысячъ красивыхъ да милыхъ дѣвицъ; мужчинъ тамъ не было, однѣ дѣвы; онѣ укладывали его въ постель, служили ему за столомъ, по цѣлымъ днямъ были съ нимъ, пѣли ему, плясали передъ нимъ и, какъ умѣли, потѣшали его по царскому приказу; но и онѣ не могли сдѣлать царевича сластолюбцемъ; остался онъ цѣломудреннымъ и жилъ строже прежняго. Жилъ онъ по ихнему свято; былъ юноша строгій; изъ дворца никогда не выходилъ, мертвыхъ не вызывалъ и никого, кромѣ здоровыхъ; не пускалъ къ нему отецъ людей старыхъ и разслабленныхъ Случилось разъ, что ѣхалъ этотъ юноша по дорогѣ и увидѣлъ мертвеца; ничего такого онъ не видывалъ, а потому и испугался. «Что это такое?» спросилъ онъ тѣхъ, кто былъ съ нимъ. «Мертвецъ» отвѣчали ему тѣ. «Какъ,— сказалъ царевичъ,—развѣ люди умираютъ?»

— «Да, воистину умираютъ», отвѣчали ему. Ничего не сказалъ юноша, задумался и поѣхалъ впередъ. Проѣхалъ онъ немного и повстрѣчалъ старика; еле онъ двигался, ни единаго зуба не было у него во рту, растерялъ онъ ихъ отъ старости. «Что это такое?—спросилъ опять царевичъ, отчего не можетъ онъ ходить?» Отвѣчали ему тѣ, кто былъ съ нимъ: отъ старости не можетъ онъ ходить, отъ старости и зубы растерялъ. Услышалъ царевичъ это о старости и смерти и поѣхалъ назадъ во дворецъ. Рѣшилъ онъ про себя, что не будетъ жить въ этомъ зломъ мірѣ, а пойдетъ искать того, кто не умираетъ

и кто его сотворилъ. Ушелъ онъ изъ дворца и отъ отца въ высокія и пустынныя горы и прожилъ тамъ всю жизнь честно и цѣломудренно, въ великомъ воздержаніи; будь онъ христіанинъ, то сталъ бы великимъ святымъ у Господа нашего Іисуса Христа. Какъ умеръ царевичъ, принесли его къ отцу, и, нечего спрашивать, увидѣлъ тотъ сына, котораго онъ любилъ больше самого себя, мертвымъ и сильно огорчился. Много онъ его оплакивалъ, а потомъ приказалъ сдѣлать образъ и подобіе сына изъ золота съ драгоцѣнными камнями и велѣлъ онъ всѣмъ въ своей странѣ почитать его за бога и молиться ему».

Сергѣй Ольденбургъ.

Исторія города Москвы. Сочиненіе Ивана Забѣлина, написанное по порученію московской городской думы. Часть I. Изданіе московской городской думы. Москва. 1902 г. Въ 1881 г. извѣстному историку и знатоку московскихъ древностей И. Е. Забѣлину было предложено московскою думой составить подробное историческое описаніе Москвы отъ ея начала и до нашего времени. Результатомъ предварительныхъ работъ маститаго историка явилась въ 1884 г. первая часть его обширнаго изслѣдованія «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики Москвы», за которой черезъ 7 лѣтъ послѣдовала вторая. Наконецъ, въ нынѣшнемъ году вышла въ свѣтъ первая часть самой исторіи Москвы, содержащая въ себѣ подробное историческое, бытовое и статистическое описаніе Кремля, со всѣми его монастырями, церквами, подворьями, дворами и улицами. Описанію этому, разбитому на два обзора: общій—хронологическій и мѣстный—топографическій, И. Е. Забѣлинъ предпослалъ двѣ главы, въ которыхъ читатель найдетъ всѣ сколько-нибудь извѣстныя сказанія и «печатныя домышленія» о началѣ Москвы-города, и строго научный анализъ ихъ. Между прочимъ, И. Е. Забѣлинъ останавливается и на очень распространенномъ легендарномъ сказаніи объ основаніи Москвы Мосохомъ, шестымъ сыномъ Іафета. «И созда же тогда,—повѣствуетъ дьяконъ Каменевичъ-Рвовскій,—Мосохъ князь и градецъ себѣ малый надъ предвысоцѣй горѣ той, надъ устіи Яузы рѣки, на мѣстѣ ономъ первоприбытномъ своемъ имено Московскомъ, идѣ же и днесь стоитъ на горѣ оной церковь каменная...» (стр. 27). «Передъ такой ученостью, замѣчаетъ по этому поводу И. Е. Забѣлинъ, о чемъ возможно было помышлять московскимъ простымъ книжнымъ людямъ, начитанность которыхъ ограничивалась церковными только книгами и боязнью коснуться къ писаніямъ внѣшнихъ для церкви мудрецовъ». Въ той же главѣ И. Е. Забѣлинъ мимоходомъ опровергаетъ извѣстный взглядъ Иловайскаго объ основаніи Москвы-города на каменистомъ порогѣ Москвы-рѣки, относя его «къ числу новѣйшихъ сказаній», такъ же мало заслуживающихъ вниманія исторической науки, какъ и «баснословія» и «невѣрныя повѣсти» о Мосохѣ, сынѣ Іафета. По справедливому же мнѣнію самого автора, «достовѣрныя лѣтописи не сообщаютъ намъ никакихъ точныхъ извѣстій ни объ основаніи Москвы, ни о времени ея начала» (стр. 48), и изъ всѣхъ рукописныхъ преданій и печатныхъ догадокъ, только народный пересказъ убійства кучковичами кн. Андрея Боголюбскаго имѣетъ нѣкоторую, хотя и незначительную, цѣнность. Съ гораздо бо̀льшимъ уваженіемъ относится почтенный историкъ къ другому циклу сказаній—къ хорошо извѣстной легендѣ о третьемъ Римѣ, о Москвѣ Седмихолмной. «Идея о третьемъ Римѣ,—пишетъ И. Е. Забѣлинъ,—въ Москвѣ не была праздною мыслью какихъ-либо досужихъ книжниковъ, но представляла крѣпкое убѣжденіе всего духовнаго чина русской церкви» (стр. 52). Къ тому же идея эта зародилась не въ Москвѣ, а возникла тотчасъ послѣ флорентинскаго собора, «когда папскій Римъ узналъ, что православная крѣпкая сила еще существуетъ, именно въ далекой и дотолѣ почти совсѣмъ незнаемой Москвѣ, непоколебимо отринувшей недостойную флорентинскую сдѣлку» (стр. 49). Что же до «Седмихолмной», по утвержденію Фишера фонъ-Вальдгеймъ, Москвы, то И. Е.

Забѣлинъ безъ труда опровергаетъ эту легенду, утверждая, вопреки мнѣнію И. М. Снегирева, что въ общемъ очертаніи Москва занимаетъ ровную мѣстность, хотя, дѣйствительно, и лежитъ «на горахъ и долинахъ», образовавшихся отъ потоковъ ея рѣкъ и рѣчекъ, а въ томъ числѣ и рѣки Смородины—нынѣшней Москвы-рѣки.

Общій и мѣстный обзоры Кремля, которымъ посвящена бо̀льшая часть замѣчательнаго изслѣдованія И. Е. Забѣлина, также содержатъ въ себѣ множество цѣнныхъ подробностей. Подробности эти касаются дробныхъ историческихъ описаній отдѣльныхъ мѣстъ и урочищъ, стѣнъ, воротъ и башенъ, храмовъ, дворовъ, домовъ и жизни ихъ владѣльцевъ, бояръ и князей Бѣльскихъ, Стрѣшневыхъ, Голицыныхъ Трубецкихъ, Плещеевыхъ, Лыковыхъ, Ховриныхъ, Головиныхъ и др. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается авторъ на описаніи патріаршаго двора, домашней обстановки патріарховъ, ихъ пріемовъ, ихъ выходовъ, ихъ столоваго и спальнаго обихода, ихъ похоронъ, даже ихъ одежды и экипажей. Нужно замѣтить, однако, что мелочныя, на первый взглядъ, подробности, которыми изобилуетъ изслѣдованіе И. Е. Забѣлина, подобраны авторомъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, такимъ образомъ, что благодаря имъ, съ особенною рельефностью вырисовывается картина бытовой жизни Москвы, а принятый И. Е. Забѣлинымъ методъ изложенія даетъ возможность разобраться во всѣхъ этихъ деталяхъ, которыя лишь оттѣняютъ основную историческую фабулу, не загромождая и не затемняя ее. Какъ на примѣръ подробностей, наполняющихъ книгу И. Е. Забѣлина, приведемъ довольно извѣстный, на первый взглядъ незначительный, но въ сущности имѣющій глубокій смыслъ разсказъ о «большихъ спорахъ и прекаоніяхъ», возникшихъ между великимъ княземъ и митрополитомъ тотчасъ послѣ окончанія постройки Успенскаго собора (1479 г.). «Нѣкіе прелестники,—пишетъ И. Е. Забѣлинъ,—наклеветали великому князю на митрополита (Геронтія), что не по солнечному всходу, не посолонь, какъ солнце ходитъ, митрополитъ ходилъ со крестами около церкви. Великій князь очень разгнѣвался на святителя «воздвиже на него гнѣвъ великій». Оттого,—говорилъ великій князь,—гнѣвъ Божій приходитъ!» (стр. 125). Всѣ иноки и міряне, священники и книжники стояли на сторонѣ митрополита. Послѣ «многихъ спорныхъ рѣчей», не приведшихъ ни къ какому результату, митрополитъ «оставилъ посохъ свой въ соборѣ и съѣхалъ на Симоново въ келью», рѣшивъ, что, если «князь великій, пріѣхавъ къ нему, не добьетъ челомъ и роптанія своего, что посолонь ходити, не оставитъ», то онъ сложитъ съ себя санъ митрополита и будетъ жить простымъ монахомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что великій князь «во всемъ виноватъ сотворися»; «роптаніе» свое онъ оставилъ и митрополиту въ хожденіи волю далъ, какъ велитъ, какъ было въ старину». Споръ этотъ о томъ, посолонь или не посолонь ходити, интересенъ уже тѣмъ, что въ немъ, по выраженію И. Е. Забѣлина, «ярко выразилась та сторона московскаго благочестія и московскихъ общественныхъ интересовъ, которая впослѣдствіи мало-по-малу стала развиваться въ невѣжественное суевѣріе, послужившее къ расколу вѣрующихъ на множество толковъ и суемудрій» (стр. 129).

Такими чрезвычайно характерными и всегда изложенными сильнымъ и красивымъ языкомъ, пестрящимъ архаизмами, подробностями полна книга И. Е. Забѣлина. Несущественное же и незначительное указывается имъ только вскользь, и, такимъ образомъ, безъ ущерба для научной цѣнности изслѣдованія, достигается живость и простота разсказа, необходимыя, если имѣть въ виду не только спеціалистовъ-историковъ, но и широкіе слои читающей публики.

Б. Савинковъ.

Е. Булгакова. Изъ жизни средневѣковаго ремесленника. Цѣна 50 коп. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чаршуникова. Г-жа Булгакова поставила себѣ

трудную задачу; она хотѣла «дать болѣе или менѣе цѣльное представленіе объ исторіи ремесленнаго сословія въ средніе вѣка, начиная съ момента возникновенія цеховъ и кончая ихъ распаденіемъ, въ трехъ странахъ: Англіи, Франціи и Германіи». Это обѣщано читателю въ предисловіи, но книжка даетъ больше. Г-жа Булгакова начинаетъ изложеніе исторіи ремесленниковъ задолго до момента возникновенія цеховъ, съ первыхъ зачатковъ ремесла въ племенной организаціи германцевъ, а оканчиваетъ ее чуть не XIX-мъ вѣкомъ, не только похоронивъ цехи, но и набросавъ очеркъ промышленнаго переворота. Все изложеніе поставлено въ широкую общеисторическую рамку, такъ что исторія ремесла получаетъ вполнѣ соотвѣтствующее научнымъ требованіямъ освѣщеніе.

Планъ книги, такимъ образомъ не вызываетъ ни малѣйшихъ возраженій; и если бы онъ былъ выполненъ такъ же хорошо, какъ составленъ, то наша популярно-научная литература обогатилась бы очень цѣнною работой. Къ сожалѣнію, въ книгѣ имѣются промахи; крупныхъ недостатковъ, которые лишали бы книгу ея значенія, правда, нѣтъ; а тѣ, которые есть, тѣмъ болѣе досадны, что по большей части вызваны желаніемъ автора пороскошничать и дать читателю матеріалъ, для его темы необязательный. Особенно много мелкихъ ошибокъ, неточностей, недосмотровъ въ первой главѣ, гдѣ авторъ даетъ краткій очеркъ соціально-экономической исторіи среднихъ вѣковъ примѣрно до XI-го вѣка. Отведено на это около 25 страницъ (безъ рисунковъ), небольшихъ и разгонистаго шрифта. Нѣтъ ничего удивительнаго, что много напутано и много осталось неяснаго. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ. Про германцевъ разсказывается, что для избранія князей (?), герцоговъ, королей, а также для рѣшенія вопросовъ войны и мира собирались всѣ воины, а для рѣшенія особо важныхъ дѣлъ—только вожди. «Князья», конечно, изобрѣтены тѣмъ плохимъ источникомъ, которымъ пользовался авторъ, а что касается обсужденія дѣлъ, то простая фраза Тацита дала бы болѣе ясное представленіе, чѣмъ-то, что говорится у г-жи Булгаковой. «О менѣе важныхъ дѣлахъ совѣщаются вожди, о болѣе важнѣхъ — вѣче»—вотъ что говоритъ римскій историкъ, и что нужно было принять во вниманіе. На страницѣ 10 процессъ происхожденія крупныхъ бароній излагается односторонне; на слѣдующей страницѣ неясно изложено происхожденіе вассальной зависимости (тутъ же и недосмотръ: «богатые землевладѣльцы по отношенію къ вассаламъ назывались феодалами»; конечно, не феодалами, а сюзеренами). Путано изложено и происхожденіе вилланства; тутъ авторъ смѣшиваетъ различныя вещи: рабовъ, полусвободныхъ, вольноотпущенниковъ, крѣпостныхъ, разница между которыми часто очень мала, но юридически вполнѣ опредѣленна; зачатки торговли на стр. 26—27 изображены невѣрно («первыми купцами были фризы» и проч.). Повторяемъ, всѣ эти промахи тѣмъ досаднѣе, что вся первая глава безъ большого ущерба могла бы быть пропущена; оттуда нужно было бы взять 5—6 страницъ; все остальное роскошь. Въ дальнѣйшемъ изложеніи также попадаются неточности и недосмотры, но едва ли во всей остальной книгѣ наберется ихъ столько, сколько въ одной первой главѣ. Есть много спорныхъ пунктовъ, объясняемыхъ тѣмъ, очевидно, что авторъ растерялся въ массѣ разнорѣчивыхъ фактовъ и теорій. Вѣдь даже въ наукѣ исторія цеховъ въ средніе вѣка разработана не очень блестяще: на многіе важные вопросы до сихъ поръ еще не установлены окончательные взгляды.

Въ общемъ, однако, какъ ужъ и было указано, всѣ перечисленныя погрѣшности не лишаютъ книжку интереса. Въ нашей литературѣ нѣтъ доступнаго для широкихъ круговъ изложенія исторіи средневѣковаго ремесла, и книжка г-жи Булгаковой съ успѣхомъ заполнитъ этотъ пробѣлъ. Очеркъ вполнѣ доступенъ; авторъ вводитъ въ сухое изложеніе юридическаго и экономическаго быта ремесленниковъ въ средніе вѣка много прагматическихъ эпизодовъ, ожи-

вляющихъ разсказъ, постоянно дѣлаетъ экскурсы въ область общей исторіи, а на важныхъ моментахъ, какъ, напр., на дѣятельности Симона Монфора въ Англіи, останавливается очень подробно. Вообще, читатель, ознакомившійся съ книжкою, получитъ правильное представленіе о томъ, какъ жилось ремесленнику въ средніе вѣка. Зачатки ремесла, появленіе корпорацій, внутренній бытъ цеха, способъ производства, положеніе мастера, подмастерья, ученика, борьба ремесленниковъ съ городскимъ патриціатомъ, союзы подмастерьевъ, послѣ борьбы рабочихъ съ предпринимателями въ цехахъ, обветшаніе принципа цеховой промышленности и упадокъ цеховъ—все это разсказано у г-жи Булгаковой вполнѣ добросовѣстно. Не мѣшало бы только ей обратить вниманіе при слѣдующемъ изданіи, если оно понадобится, на крупныя шероховатости стилистическаго свойства; ихъ не мало, и часто они портятъ живое изложеніе. Къ книгѣ приложено 23 рисунка, подобранныхъ и исполненныхъ хорошо.

А. Дживелеговъ.

Очеркъ всеобщей и русской исторіи. Составилъ Михаилъ Коваленскій, преподаватель московской IV женской гимназіи. Москва 1902. Цѣна 75 коп. 234 стр. Книга эта представляетъ собою конспектъ, предназначенный, по словамъ автора, для повторенія курса исторіи въ старшихъ классахъ. Какъ таковой—она вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію и является—уже не первымъ за послѣднее время—противовѣсомъ въ нашей учебной литературѣ тому сборнику смѣшныхъ пошлостей, который такъ долго царилъ у насъ безраздѣльно и который называется учебникомъ г-на Иловайскаго. Факты разсказаны очень сжато, но и очень толково, такъ что изложеніе г. Коваленскаго, дѣйствительно, можетъ помочь труду учащихся, принужденныхъ предъ экзаменомъ или репетиціей повторять иногда цѣлый курсъ: пропущенное въ этомъ конспектѣ невольно возстаетъ въ памяти по связи съ тѣмъ, что тамъ есть.

Признавая, въ общемъ, книгу г. Коваленскаго составленною добросовѣстно и умѣло, считаемъ необходимымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣтить кое-какіе промахи. На стр. 6 читаемъ: «Города (финикіянъ) управлялись самыми важными и богатыми купцами». Это совершенно неточно: если не подлежитъ сомнѣнію преобладаніе торговаго элемента въ сенатѣ бывшей финикійской колоніи Карѳагена, то относительно городовъ собственно Финикіи (Тира, Сидона, Арада) извѣстно лишь, что тамъ были цари съ властью, повидимому, сильно ограниченной (напр., въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ) совѣтомъ старѣйшинъ; есть извѣстія о томъ, что этотъ совѣтъ кое-гдѣ выдѣлялъ изъ себя окружавшій царя правительствующій совѣтъ, состоявшій изъ знатнѣйшихъ родоначальниковъ. Вообще же, по признанію оріенталистовъ (напр., проф. Б. Тураева), «государственное устройство Финикіи извѣстно весьма недостаточно. Карѳагенская конституція едва ли много можетъ выяснить, такъ какъ она выработана самостоятельно, при другихъ культурныхъ и историческихъ условіяхъ». Вотъ почему г. Коваленскому не слѣдовало столь категорически писать объ управленіи финикійскихъ городовъ. Далѣе. На стр. 12 довольно неопредѣленно характеризуется натуральное хозяйство древней Греціи: «Эвпатриды владѣли большими и лучшими землями, что очень важно при натуральномъ хозяйствѣ» и т. д. Развѣ это только при натуральномъ хозяйствѣ важно, а не при всякомъ? На стр. 18 читаемъ чрезвычайно произвольную характеристику древне-греческой трагедіи, которая какъ будто построена была на мнѣніи о невозможности счастья при «неспокойной» совѣсти. Смѣемъ напомнить автору, что рокъ, «мойра» относится въ греческой трагедіи къ «эвменидамъ» (которыхъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду г. Коваленскій), какъ общее къ частному, и, разъяснивъ хоть вкратцѣ понятіе рока у древнихъ грековъ, понятіе мойры (о которой онъ и не упомянулъ) можно гораздо больше ввести въ пониманіе трагедіи, нежели словами о неспокойной совѣсти и пр. На стр. 20 совсѣмъ ничего не разъяс-

нено о плебеяхъ, они, просто, названы «остальнымъ народомъ», въ отличіе отъ патриціевъ, о которыхъ тоже ничего не сказано уясняющаго характеръ сословія. На стр. 27 не указаны не то, что всѣ, а даже главнѣйшія причины преслѣдованія въ Римѣ христіанства (кромѣ одной). На стр. 36—37 пересчитываются германскія племена, расчленившія западную имперію, и, въ заключеніе, говорится: «Однако, въ дѣлахъ вѣры всѣ германцы равно подчинились римскому вліянію и приняли христіанство изъ Рима... Вестготы сперва приняли христіанское ученіе, не принятое церковью,—ересь Арія, отвергавшаго божественность Христа, но и они потомъ подчинились церкви». Это невѣрно; вовсе не «всѣ германцы» приняли римское ученіе: кромѣ вестготовъ, аріанами стали лангобарды, остготы, вандалы, бургунды, руги, герулы, чтобы упомянуть лишь значительнѣйшія племена. И упомянуть объ нихъ необходимо, ибо, аріанство играетъ далеко не послѣднюю роль при разрѣшеніи вопроса, почему одни варварскія державы (напр., франкская) были при своихъ католическихъ подданныхъ такъ прочны, а другія (напр., остготская) такъ хрупки. На стр. 48, рѣшительно во вреду исторической перспективы, объ инквизиціи трактуется въ связи съ такими ранними явленіями средневѣковой жизни, какъ, напр., монашество, ереси. Инквизиція именно и стала играть замѣтную роль *только* наканунѣ реформаціи, въ вѣкъ возрожденія наукъ и искусствъ, въ вѣкъ великихъ изобрѣтеній и открытій! До второй половины XV-го вѣка, до расцвѣта ея при Фердинандѣ и Изабеллѣ, невозможно и говорить о ней, какъ о маломальски важномъ историческомъ явленіи: ея функціи тогда отправлялись самыми разнообразными духовными властями и судами, изъ которыхъ она ничуть и ничѣмъ тогда еще не выдавалась. На стр. 83 совершенно необоснована палата лордовъ называется «слабою», а палата общинъ «сильною». Даже и теперь этого нельзя сказать безъ существенныхъ оговорокъ о нынѣшней палатѣ лордовъ, а о первыхъ вѣкахъ парламента и говорить нечего. На стр. 92 необходимо было бы иначе редактировать непонятную фразу (дѣло идетъ о ренессансѣ): «Богословіе и схоластика уступили мѣсто наукамъ человѣческимъ». На 97 стр. читаемъ: «Елизавета (англійская) окончательно ввела лютеранство» и т. д. Никакого лютеранства она не вводила, и до нея его въ Англіи не распространялось. Нельзя епископализмъ смѣшивать съ лютеранствомъ: это почти все равно, что штундистовъ смѣшивать со старообрядцами, только на основаніи ихъ несогласія съ православіемъ. На стр. 129 сказано нижеслѣдующее о Жанъ-Жакѣ Руссо: «Не имѣя достаточно умственнаго образованія, онъ не могъ быть раціоналистомъ; зато былъ въ своихъ сочиненіяхъ филантропомъ». Это «*зато*» весьма курьезно; да и все мѣсто очень, очень наивно. Думаемъ, что въ умную книжку г. Коваленскаго оно попало нечаянно, и что во второмъ изданіи мы его уже не встрѣтимъ. XIX вѣкъ изложенъ умѣло и дѣльно. Слѣдовало бы только, по требованіямъ хронологіи, сначала излагать объединеніе Италіи, а ужъ потомъ Германіи. (По общепринятой у насъ ошибкѣ, г. Коваленскій вмѣсто Маццини пишетъ «Мадзини»).

Русская исторія изложена столь же сжато, какъ и всеобщая, причемъ петербургской имперіи посвящено болѣе мѣста, нежели московскому царству. Кромѣ не совсѣмъ точной характеристики бюрократіи (стр. 196: «дѣло... рѣшалось, въ концѣ концовъ, простыми канцеляристами») и еще 2—3 неточностей, мы не могли бы указать промаховъ въ изложеніи политической исторіи русскаго народа, въ этомъ изложеніи чисто конспективномъ, гдѣ цѣлые вѣка должны быть сжаты на 2—3 страничкахъ. Но въ отдѣлѣ о литературѣ 40—60 гг. можно отмѣтить нежелательныя неправильности. На стр 212 при характеристикѣ Достоевскаго читаемъ: «Эти люди (герои Достоевскаго) дѣйствуютъ во имя справедливости и любви къ людямъ, и подъ вліяніемъ этихъ чувствъ и идей доходятъ до преступленія; таковъ въ «Преступленіи и наказаніи» сту-

дентъ Раскольниковъ, убивающій старуху-ростовщицу изъ состраданія къ ея жертвамъ». Откуда взялъ г. Коваленскій этотъ мотивъ? Ничего подобнаго нѣтъ въ мотивахъ къ убійству (не говоримъ уже о «состраданіи къ жертвамъ», какъ о *единственной* причинѣ). Мотивы Раскольникова гораздо менѣе альтруистичны и несравненно болѣе сложны, такъ что, дѣйствительно, «проконспектировать ихъ въ учебникѣ, начинающемся Египтомъ и Финикіей, чрезвычайно трудно. Но тогда не лучше ли воздержаться и отъ попытокъ анализа романовъ Достоевскаго? Точно также невѣрна фраза о Л. Толстомъ: «подъ вліяніемъ Руссо сдѣлавшись народникомъ» и т. д. Вообще художественное творчество, какъ и философскія идеи, слишкомъ трудно, почти невозможно, безъ ошибокъ и неточностей излагать въ такомъ бѣгломъ, сокращенномъ разсказѣ. «Ce n'est pas une cotelette à cinq minutes», какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ французы.

Превосходно удалось г. Коваленскому изображеніе соціальной и хозяйственной эволюціи Европы; лучшаго конспекта этой сложной стороны исторіи мы не читали (укажемъ хотя бы на характеристику денежнаго хозяйства). Здравыя, реальныя представленія о задачѣ историческаго обученія сквозятъ въ этой книгѣ и, повторяемъ, дѣлаютъ ее очень желательнымъ явленіемъ въ учебной литературѣ. Отмѣченные (и нѣкоторые неотмѣченные) недосмотры на эту общую оцѣнку повліять не могутъ, хотя, конечно, лучше было бы, если бъ они отсутствовали. *Е. Т.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Ив. Озеровъ. «Итоги экономическаго развитія XIX-го в.».—*Б. Брандтъ.* «Торгово-промышленный кризисъ въ Западной Европѣ».—«Промышленность и здоровье». Журналъ подъ ред. *А. В. Погожева.*

Проф. Ив. Озеровъ. Итоги экономическаго развитія XIX-го вѣка. Спб., 1902 г. Стр. 83. Авторъ двухъ лекцій, изданныхъ подъ выписаннымъ нами заглавіемъ, имѣлъ, очевидно, въ виду аудиторію довѣрчивую, мало знающую, но чуткую къ горячему слову, легко способную увлечься внѣшними эффектами, но также и заразиться хорошимъ чувствомъ и возвышенной идеей. И лекторъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы подѣйствовать на воображеніе слушателей. Рѣзкими, порой небрежными, но тѣмъ болѣе эффектными штрихами набрасываетъ онъ картину грандіозныхъ переворотовъ, ознаменовавшихъ экономическую исторію истекшаго столѣтія. Но странно: картина, которая какъ будто изображаетъ величайшіе тріумфы человѣческаго ума, вызываетъ въ зрителяхъ не гордость за человѣка, не вѣру въ будущее, не благодарность и довѣріе къ наукѣ, а страхъ и уныніе. Въ первой лекціи доказывается, что человѣкъ сталъ безконечно богаче, а слушателю отъ этого богатства становится какъ-то не по себѣ и чего-то страшно. Во второй лекціи говорится спеціально про колоссальный ростъ богатства въ Соединенныхъ Штатахъ, но тутъ уже самъ лекторъ громко говоритъ своей аудиторіи: страшно! А вѣдь богатство—радость, побѣда, счастье или, во всякомъ случаѣ, путь и средство къ счастью. Отчего же намъ страшно нашего богатства? Отчего профессоръ испугался богатства американцевъ? Оттого, что за богатствомъ онъ забылъ про человѣка.

Сначала авторъ тѣшитъ насъ блестящею, пожалуй, слишкомъ пестрою панорамой, которая въ немъ самомъ, повидимому, не вызываетъ безпокойства. Передъ нами проходитъ рядъ удивительныхъ успѣховъ въ области путей сообщенія, машиннаго производства, торговли, народнаго потребленія. И тутъ же перечисляются различные способы, благодаря которымъ прочнѣе укрѣплена че-

ловѣческая солидарность, тѣснѣе связаны всѣ интересы и жизнь народныхъ массъ сдѣлана сытѣе, теплѣе и обезпеченнѣе. Но вся эта картина лишена оживляющаго начала. Какъ отразились всѣ удивительныя перемѣны на человѣческомъ сознаніи? Что выстрадалъ и чѣмъ вдохновлялся человѣкъ XIX-го вѣка, пока шла ломка внѣшнихъ условій его существованія? Какъ измѣнялись чувства людей другъ къ другу, пока объединялись ихъ карманы? На эти вопросы въ указанной книжкѣ нѣтъ отвѣта. Они тамъ отсутствуютъ. А между тѣмъ, пока мы не отвѣтимъ себѣ на эти именно вопросы, мы, въ сущности, именно не знаемъ про «итоги экономическаго развитія XIX-го вѣка». Ибо самое важное въ «экономическомъ развитіи» это власть человѣка надъ природой. Человѣку открылись новые пути къ тайнамъ природы, онъ сталъ къ ней ближе: значитъ ли это, что онъ ею лучше овладѣлъ, или что она тѣснѣе охватила его своими объятіями или своими оковами? На земномъ шарѣ стало больше хлѣба, мяса и машинъ: значитъ ли это, что человѣкъ сталъ свободнѣе по отношенію къ хлѣбу и мясу, или, наоборотъ, что хлѣбъ и мясо увеличили власть надъ человѣкомъ, и къ ихъ власти присоединилась еще власть машина? Наше внутреннее сознаніе, нашъ гордый человѣческій духъ говоритъ намъ, что бояться нечего, что не страшны намъ никакія тайны природы, не страшны ни машины, ни желѣзныя дороги, ни динамитъ. Но страшно становится, когда показываютъ картину. въ которой устранена сила этого гордаго человѣческаго духа. Въ картинѣ проф. Озерова все вниманіе, все удивленіе, весь восторгъ отдается внѣшнимъ успѣхамъ XIX-го вѣка. И чѣмъ больше восторгъ, тѣмъ болѣе таинственны, стихійны и страшны кажутся эти внѣшніе успѣхи и внѣшнія силы. Паръ, электричество, уголь, золото—вотъ властители того царства диковинокъ, въ которое вводитъ насъ авторъ. Правда, онъ обмолвился парой словъ объ исканіи человѣчествомъ новыхъ формъ жизни; но для него такія мечтанія только болѣзненные грезы, въ которыхъ люди искали отдыха отъ непосильной борьбы со страшнымъ натискомъ все новыхъ и новыхъ машинъ и открытій. Правда, авторъ не мало говоритъ и о ростѣ солидарности, и о стремленіяхъ къ болѣе равномѣрному распредѣленію богатства, но подобныя явленія представляются ему лишь косвеннымъ результатомъ стихійныхъ экономическихъ процессовъ. У Маркса мы тоже все время имѣемъ дѣло со стихійными экономическими процессами, но тамъ каждая строка дышитъ негодованіемъ на людей за эту стихійность. Марксъ признаетъ рабство современнаго человѣка, но въ этомъ рабствѣ онъ обвиняетъ современный строй. Проф. Озеровъ никого не обвиняетъ: у него какой-то рокъ, какой-то фатумъ управляетъ людьми и то губитъ ихъ, то снова утѣшаетъ... «Каждое новое изобрѣтеніе,—говоритъ профессоръ,—каждый даръ небесъ требуетъ, по велѣнію неба, тяжелыхъ искупительныхъ жертвъ отъ человѣчества». (38). Велѣніе неба!

Во второй лекціи «велѣніе неба» воплощается въ милліардахъ американскихъ королей промышленности. Вся лекція — сплошной трепетъ предъ властью этихъ американскихъ милліардовъ. Авторъ говоритъ, что Европѣ, только что вздохнувшей послѣ тяжелыхъ потрясеній, только что увидѣвшей зарю болѣе свѣтлой и свободной жизни, грозитъ новая бѣда, новое рабство, и идетъ эта гроза изъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Тамъ власть богачей приняла небывалые размѣры, подчинила себѣ все народное хозяйство, науку, профессоровъ, судей, законодателей. Вся Америка трепещетъ передъ своими богачами. А Европа трепещетъ передъ Америкой, потому что у Америки больше угля, нефти, желѣза и пшеницы и больше техническихъ знаній. Въ силу такихъ своихъ преимуществъ, Америка будетъ диктовать европейцамъ всю свою волю, навяжетъ имъ свои общественныя формы, и весь міръ превратится въ послушныхъ рабовъ новыхъ деспотовъ-милліардеровъ. «Тамъ за океаномъ ребенокъ-гигантъ растетъ. Онъ въ

мячикъ играетъ—шаловливою рукой перебрасываетъ онъ его за океанъ, въ Европу и куда его мячикъ упадетъ, тамъ фабрики рушатся, нивы пустѣютъ—на нихъ ничего не растетъ, но этотъ мячикъ не изъ резины, а мячикомъ служатъ ему тюки желѣза, стали, хлѣба, обуви, велосипеды, и куда эти тюки упадутъ, вездѣ запустѣніе, крики и вопли людей... То малютка пробуетъ свои силы, члены свои расправляетъ, а когда подрастетъ?.. и теперь ужъ дрожитъ Европа отъ богатырскаго размаха ребенка-гиганта, дрожитъ Европа-мать, дрожитъ: чуетъ ея сердце, что ей придется склониться своею сѣдою головой предъ своимъ непокорнымъ сынкомъ...» (57). «Только что человѣчество думало, что оно можетъ вздохнуть свободно, вырвавшись на свободу изъ тюрьмы... какъ оно опять попадаетъ въ новую; ее ужъ тамъ строятъ за океаномъ, строятъ не по днямъ, а по часамъ, и она уже на половину готова... Пожалуйте... Только что спали одни оковы раба, какъ на глазахъ человѣчества для него уже куются новыя оковы, куются поспѣшно, и мы, несчастное человѣчество, видимъ это, видимъ, какъ готовятъ новыя цѣпи, видимъ, какъ заковываютъ насъ въ нихъ...» (52). Однако, какія страшныя вещи автору грезятся! и какъ жутко ему должно становиться при мысли, что это не грезы, не фантазіи, а выводъ изъ точнаго опыта, указаніе точной науки. Бѣдный профессоръ! Онъ воображаетъ, что его устами говоритъ сама великая наука, что онъ свободенъ отъ власти суевѣрныхъ фантазій, отъ увлеченіи слѣпой вѣры. Онъ не видитъ, что страшныя картины внушены ему новой вѣрой — его собственною фантастическою вѣрой въ новыя силы, — вѣрой въ деньги, уголь, нефть и желѣзо. Онъ думаетъ, что достаточно обнаружилъ свое безпристрастіе и объективность, сказавъ слушателямъ: мы стоимъ на распутьи—можетъ быть, обратимся въ жалкихъ рабовъ, а можетъ быть, чаша сія пройдетъ мимо. Но не замѣчаетъ, что и страхъ передъ рабствомъ есть уже начало рабства или еще остатокъ рабства, что для того, чтобы бояться новыхъ владыкъ, нужно увѣровать въ силу ихъ власти. Ослѣпленный чудесами финансовыхъ операцій и грозными фигурами будущихъ рабовладѣльцевъ, онъ даже не спросилъ себя: да кто же ихъ будущіе рабы, легко ли будетъ надѣть на нихъ ярмо, чѣмъ доказали они свою покорность?

«Европа дрожитъ», говоритъ проф. Озеровъ. Докажите это, профессоръ! Дайте факты! Изучали ли вы душу современнаго человѣка? Измѣрили ли вы силу его воли, горячность его чувствъ, богатство его разума? Нѣтъ, вы только измѣряли залежи угля да склады товаровъ да считали тюки и велосипеды. Но вѣдь нужно повѣрить въ какую-то магическую силу всѣхъ этихъ тюковъ, чтобы по одному ихъ полету гадать о будущихъ судьбахъ человѣчества. Европа дрожитъ... Вездѣ крики и вопли... Да, англійскіе и германскіе капиталисты дрожатъ и бредятъ американскою опасностью. Они кричатъ и взываютъ къ правительствамъ о помощи. Но развѣ европейскіе капиталисты — Европа? И развѣ европейскіе капиталисты не дрожали въ теченіе всего XIX-го вѣка другъ передъ другомъ? Такова ужъ судьба этихъ людей—вѣчно дрожать и страдать отъ маніи взаимнаго преслѣдованія. И теперь англійскіе капиталисты кричатъ о «германской опасности» не меньше, чѣмъ объ опасности американской. И развѣ въ Америкѣ милліонеры не дрожатъ точно также въ судорожной борьбѣ другъ съ другомъ и развѣ такъ ужъ они равнодушны къ мужественнымъ голосамъ, которые и тамъ, за океаномъ, громко и властно раздаются противъ тираніи трёстовъ? Не только дрожатъ американскіе милліонеры, хуже — они гніютъ. Самъ проф. Озеровъ приводитъ факты, говорящіе о вырожденіи этихъ мнимыхъ владыкъ человѣчества. Онъ, между прочимъ цитируетъ слова одного милліардера: «Наши отцы были львами (?), мы стали волками, а дѣти у насъ будутъ собаками...» И передъ этимъ-то волками и собаками способна задрожать Европа, страна Вирховыхъ, Золя, Ренановъ, родина Толстого, Рёскина?

На это, во всякомъ случаѣ, очень мало шансовъ. Большая часть людей еще не вѣритъ въ магическую силу угольныхъ пластовъ и товарныхъ тюковъ и не думаетъ, что человѣческое сознаніе должно замереть подъ властью стихійныхъ экономическихъ процессовъ. Большая часть ученыхъ еще не видитъ назначенія науки въ томъ, чтобы лишать человѣка его гордой вѣры въ себя и въ свои силы. Кромѣ науки проф. Озерова, у насъ, слава Богу, есть и другая наука. «Наука,—говоритъ проф. Озеровъ,—показала намъ, что мы жалкое, слѣпое человѣчество, мы увидали свою слѣпоту, но въ то же время видимъ, что мы навсегда останемся ими... Лучше бы не сознавать этого... Отъ больныхъ скрываютъ, что они больны» (стр. 79). И дальше профессоръ назначаетъ наукѣ «скромную, но великую» роль — «роль сестры милосердія у постели страждущаго человѣчества».

Слѣпое, больное человѣчество... да, такое человѣчество нужно жалѣть и оплакивать. Но лучше его не выдумывать пока его еще нѣтъ. Есть у человѣчества больные, страждущіе, раздавленные жизнью. Но для сокращенія этихъ страданій ученые будутъ работать не въ качествѣ сестеръ милосердія, а въ качествѣ мужественныхъ борцовъ, указывающихъ причины зла и виновниковъ страданій.

Намъ думается, что не такъ страшны американскіе профессора, продающіе себя американскимъ милліардерамъ, какъ европейскіе профессора, малодушно склоняющіе знамя науки предъ ими же созданнымъ фантастическимъ призракомъ «золотой» опасности, въ тысячу разъ болѣе фантастическимъ, чѣмъ пресловутая желтая опасность Дальняго Востока. Впрочемъ, еще разъ: кромѣ науки проф. Озерова есть и будетъ другая наука. А можетъ быть, и проф. Озеровъ не всегда будетъ говорить языкомъ этихъ двухъ удивительныхъ лекцій?..

А. Рыкачевъ.

Б. Ф. Брандтъ. Торгово-промышленный кризисъ въ З. Европѣ и въ Россіи (1900—1901). Ч. 1. Торгово-промышленный кризисъ въ З. Европѣ. Спб. 1902 г. Вѣрнымъ спутникомъ современнаго частно-капитал. хозяйства являются промышленные кризисы, описанію и выясненію причинъ которыхъ экономисты посвятили много труда. Спорадически являясь по мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства и вытѣсненія имъ натуральнаго, кризисы начинаютъ періодически повторяться въ XIX-мъ ст., давъ этимъ поводъ одному изъ англ. экономистовъ (Джевансу) пріурочить ихъ къ 10-лѣтнимъ цикламъ maximum'а и minimum'а солнечныхъ пятенъ. Такой характеръ ихъ появленія заставляетъ искать причинъ въ органическихъ недостаткахъ современной экономики, а не въ случайныхъ хозяйственныхъ затрудненіяхъ, какъ это думалъ, напр., Рикардо.

Данному вопросу посвящена только что появившаяся книга г. Брандта. Она состоитъ изъ 2 отдѣловъ: 1-ый представляетъ краткій теоретич. и историческій очеркъ; сущность 2-го видна изъ названія. Для характеристики теорет. взглядовъ автора достаточно будетъ привести слѣдующую выдержку: «Если отречься отъ партійныхъ взглядовъ и присущаго многимъ писателямъ стремленія подвести все подъ опредѣленный уголъ зрѣнія, сообразно исповѣдуемой ими экономической вѣрѣ, то всего правильнѣе будетъ признать современные экономич. кризисы результатомъ цѣлаго ряда причинъ, столь же разнообразныхъ и сложныхъ, какъ сложны и разнообразны тѣ факторы, при совокупности которыхъ слагается современная экономич. жизнь» (3). Причины эти заключаются въ невозможности соразмѣрить производство съ потребленіемъ вслѣдствіе чрезвычайной спеціализаціи занятій и соперничества производителей, въ силу измѣненія потребленія (моды), въ чрезмѣрномъ накопленіи капиталовъ, въ меньшемъ возрастаніи доли рабочаго сравнительно съ доходами другихъ классовъ (Родбертусъ), въ злоупотребленіи кредитомъ, биржевыхъ спекуляціяхъ и проч. Словомъ, мы имѣемъ передъ собою образецъ эклектической теоріи.

Несмотря на дѣйствительное многообразіе причинъ, вызывающихъ кризисы, слѣдовало бы все-таки попытаться отыскать для нихъ общую почву, какъ это дѣлали нѣкоторые экономисты, заслужившіе отъ автора упрекъ въ односторонности.

Переходимъ теперь по 2-му отдѣлу книги, представляющему гораздо большій интересъ въ смыслѣ содержательности и оригинальности. Современный кризисъ съ особенною силою разразился въ Германіи, которая, какъ извѣстно, по росту своей промышленной жизни, заняла въ концѣ 19 ст. первое мѣсто въ ряду другихъ европ. странъ. Авторъ начинаетъ изложеніе съ этого государства и удачно групируетъ данныя, показывающія громадный подъемъ экономической жизни Германіи и моменты реакціи. «Въ теченіе 4 лѣтъ—съ 1897—1900 г. въ Германіи было вновь допущено къ обращенію акцій и облигацій, госуд. и общественныхъ займовъ на сумму около 16 милліардовъ марокъ (стр. 83), причемъ около $^4/_5$ этого капитала было употреблено на производительныя цѣли. Съ 1875 по 1894 г. было учреждено 2.480 акц. обществъ съ капиталомъ въ 2.300 м. м., въ теченіе же 1895—1900 г.—1.551 г. съ капит. въ $2^1/_4$ милліардамъ м. Масса накопившихся въ странѣ капиталовъ мощно подвигала ея производство. Ввозъ и вывозъ неуклонно росли. Причины такого мощнаго расцвѣта хозяйственной жизни Германіи г. Брандтъ видитъ въ открытіи новыхъ рынковъ для ея промышленности въ Россіи, гдѣ постройка желѣз. дорогъ и ростъ индустріи потребовалъ массы продуктовъ желѣзодѣлательнаго и машиностроительнаго производства, въ развитіи ея колоніальной политики, въ удобной конъюктурѣ вслѣдствіе англо-трансв. войны (усиленіе требованій на транспортъ). По мѣрѣ удовлетворенія реальныхъ промышленныхъ интересовъ стали развиваться спекуляціонные моменты. Банки идутъ навстрѣчу грюндерству, сыгравшему не малую роль въ настоящемъ кризисѣ. Сколь сильна была спекуляція, можно видѣть по слѣдующимъ даннымъ Эберштадта относительно горнозаводской промышленности: въ 1900 г. номинальная цѣна акцій была 330 м. м., а курсовая 611 т. т. е. 281 м. м. пошло на питаніе спекуляціи.

Поворотъ отъ блестящаго состоянія къ упадку сталъ замѣчаться въ Германіи въ іюлѣ 1900 г., одновременно съ извѣстіями о китайскихъ событіяхъ. Авторъ склоненъ придавать большое значеніе политич. фактамъ, отмѣчая все-таки «извѣстіе о переполненіи металлургическаго рынка въ Америкѣ и опасенія скораго наводненія Европы амер. желѣзомъ». Неорганизованность промышленной жизни стала сказываться—и вотъ идутъ крахи за крахами. Достаточно было одного толчка, чтобы все заколебалось. Крушеніе такъ наз. шпильгагенскихъ банковъ (прусскаго ипотечнаго и др.) «послужило началомъ цѣлой эры краховъ, которые въ послѣдующее время съ такою стремительностью слѣдовали одинъ за другимъ и произвели такія сильныя потрясенія въ общественной и экономической жизни Германіи» (114). Первою погибла упомянутая шпильгагенская группа, состоящая изъ прусскаго ипотечнаго банка, deutsche Grundschuldbank и 5 другихъ предпріятій; затѣмъ палъ конгломератъ Паммерскаго ипотечнаго банка, а послѣ нихъ пошатнулись солидные dresdener Kreditanstalt и Leipziger Bank. «Впечатлѣніе, произведенное крахомъ лейпцигскаго банка, не поддается описанію. Что въ Лейпцигѣ въ день катастрофы вокругъ закрывшагося банка разыгрывались ужасныя сцены среди публики, имѣвшей тамъ свои сбереженія, само собою разумѣется, но паника охватила также и другіе города...» т.-е повторилась обычная картина разгара промышленнаго кризиса. Были жертвы и человѣч. жизнями. Курсъ даже солидныхъ бумагъ быстро падалъ: такъ, 16-го окт. 1899; акціи allgem. electr Cses.—$245,^{25}$, а въ 1901 г. 19 окт.—171. Въ общемъ, пониженіе стоимости бумагъ достигло 34 %. Учредительская дѣятельность быстро сокращается, домостроительство останав-

ливается; желѣзодѣлательная и другія промышленности терпятъ тяжкія стѣсненія и стараются усилить сбытъ своихъ продуктовъ заграницу. Число рабочихъ оставшихся въ 1901 г. безъ работы, простиралось до 500.000 чел., тв. 4 8% всего рабочаго населенія въ Германіи. Дивиденды Dresdener Bank упали почти на половину. Характерны мѣры, принятыя прусскимъ правительствомъ противъ безработицы: были сдѣланы новые заказы шпалъ, рельсовъ и пр., началась ранѣе назначеннаго времени постройка кораблей, союзныя правительства опрашивались насчетъ размѣровъ кризиса. Вообще, правительство постаралось выполнить свою соціальную миссію. Въ Баваріи обратились къ окружнымъ властямъ съ циркулярами о доставленіи рабочимъ занятій.

По мнѣнію Штейнманъ-Бухера, «отличительною чертой современнаго кризиса является постепенность расцвѣта и паденія», и это отчасти приписывается существованію картелей и синдикатовъ. Возраженіе г. Брандта противъ этой мысли недостаточно вѣско. Заключительное мнѣніе автора о кризисѣ таково: «Въ дѣйствительности, кризисъ явился результатомъ не этихъ (банковыхъ) злоупотребленій, а той спекуляціи въ области кредита и производства, которая является» обыкновенною спутницей всякаго промышленнаго подъема (160). Благодѣтельное воздѣйствіе кризиса г. Брандтъ видитъ въ оздоровленіи промышленности, въ уничтоженіе нежизнеспособныхъ предпріятій; надежды на будущее у автора свѣтлыя.

Въ короткой журнальной рецензіи мы не можемъ подробно разсматривать воззрѣній автора на франц., англійскій и бельгійскій кризисы, о которыхъ дальше идетъ у него рѣчь.

Книга написана слишкомъ бѣгло, чтобы обладать всѣми достоинствами серьезнаго научнаго изслѣдованія, но авторъ хорошо разбирается въ матеріалѣ, искусно его группируетъ, такъ что получается удачно скомбинированная картина экономическаго состоянія изслѣдуемыхъ странъ. Почти всѣ онѣ пережили въ теченіе послѣдняго десятилѣтія ту же эволюцію—«сначала промышленнаго застоя до 1896 г., промышленнаго подъема до 1900 г., послѣ чего наступила реакція, продолжающаяся и понынѣ» (198); подъемъ коснулся главнымъ образомъ каменноугольной и металлургической промышленности. Характерна именно эта связь между экономиками отдѣльныхъ странъ,—черты міроваго хозяйства. Въ концѣ книги авторъ помѣщаетъ заключеніе, въ которомъ резюмируетъ вкратцѣ всѣ свои выводы, или, лучше сказать, соединяетъ въ одно кусочки различныхъ главъ. Для примѣра можно рекомендовать читателю сравнить стр. 165 и 241, гдѣ буквально повторяется одно и то же о денежномъ кризисѣ. При такомъ характерѣ заключенія врядъ ли оно является необходимымъ, разъ вліяетъ на цѣну изданія. Въ оцѣнкѣ причинъ кризиса авторъ подходитъ весьма близко къ истинѣ, говоря, что «промышленники, серьезно занимаясь производствомъ и пролагая для промышленности новые пути, забываютъ соблюденіе должной мѣры и строгое сообразованіе предложенія со спросомъ...» Но—«нѣтъ той власти, которая могла бы предупредить эти явленія...» (стр. 242—243). Какъ достигнуть того, чтобы помѣщеніе быстро накопляющихся капиталовъ, экономическій ростъ не сопровождался періодическими потрясеніями, гдѣ найти необходимую ordnende Macht,—великая проблема будущаго! *М. Бер—ій.*

«Промышленность и здоровье». Вѣстникъ профессіональной гигіены, фабричнаго и санитарнаго Законодательства. Подъ редакціей А. В. Погожева. Годъ первый. Книга 1-я (октябрь 1902г.) и 2 я (ноябрь 1902 г.). Передъ нами двѣ первыя книжки новаго экономическаго журнала «Промышленность и здоровье». О задачахъ журнала мы узнаемъ изъ редакціоннаго предисловія въ первомъ номерѣ. Редакція указываетъ на троякую цѣль органа: «1) знакомить съ экономическою дѣйствительностью, помѣщая очерки, посвященные изслѣдо-

ванію современной промышленной жизни; 2) указывать на необходимость мѣропріятій, способствующихъ оздоровленію промышленности въ широкомъ смыслѣ слова; 3) давать практическія указанія тѣмъ, кто желаетъ, но почему-либо затрудняется приводить такія мѣропріятія» (стр. VII). Въ этой программѣ возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія терминъ: «оздоровленіе промышленности въ широкомъ смыслѣ слова»; остается неяснымъ, понимается ли здѣсь «оздоровленіе» въ буквальномъ, т.-е. медицинскомъ смыслѣ, или же въ смыслѣ метафорическомъ, и въ связи съ названіемъ самого журнала возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ онъ посвященъ темамъ медицинскимъ, связаннымъ съ промышленною жизнью, и въ какой мѣрѣ онъ есть общеэкономическій журналъ. Изъ другого мѣста предисловія мы узнаемъ, что подъ «оздоровленіемъ» промышленности редакція понимаетъ всю область «соціальной политики и соціальнаго законодательства, составляющихъ основу государственныхъ и общественныхъ заботъ объ улучшеніи благосостоянія населенія (Wohflahrtspflege)». Журналъ беретъ своимъ образцомъ программу, легшую въ основу отдѣла «соціальной экономіи» на парижской выставкѣ 1900 г.; въ эту программу входятъ: охрана малолѣтнихъ, размѣръ и порядокъ выдачи вознагражденія за трудъ, статистическія данныя о крупной и мелкой промышленности, крупная и мелкая сельскохозяйственная промышленность, безопасность мастерскихъ и упорядоченіе труда, жилище трудящагося населенія, потребительныя товарищества, учрежденія, имѣющія цѣлью умственное и нравственное развитіе рабочихъ, учрежденія, имѣющія цѣлью улучшеніе экономическихъ условій жизни, и, наконецъ, частный и общественный починъ по улучшенію быта рабочихъ. Отсюда видно, что дѣйствительною задачей журнала является пропаганда вопросовъ промышленной экономіи и соціальнаго законодательства, и что вопросы промышленной гигіены и санитаріи образуютъ лишь небольшую часть той совокупности явленій, изслѣдованію которыхъ посвящаетъ себя журналъ. Такимъ образомъ, «здоровье» и «оздоровленіе» понимаются не только въ буквальномъ, но и по преимуществу въ метафорическомъ смыслѣ, и названіе журнала, которое соотвѣтствовало бы его содержанію, должно было бы гласить не «промышленность и здоровье», а «промышленность и благосостояніе трудящихся классовъ». Мы отмѣчаемъ это не потому, что придаемъ какое-либо значеніе соотвѣтствію между названіемъ журнала и его содержаніемъ, а потому, что слишкомъ спеціальное и не вполнѣ удачное названіе способно отпугнуть многихъ читателей, живо интересующихся вопросами соціальнаго законодательства, но не питающимъ особаго пристрастія къ медицинской сторонѣ послѣдняго, и тѣмъ повредить успѣху симпатичныхъ цѣлей журнала.

Новый журналъ пріобрѣтетъ очень крупное общественное значеніе, если сконцентрируетъ свое вниманіе на этой главной сторонѣ своей программы. Нѣкоторыя любопытныя и заслуживающія полнаго вниманія начинанія въ этомъ направленіи содержатся уже въ первыхъ его книжкахъ. Въ отдѣлѣ «Хроники и смѣси» журналъ собираетъ всѣ факты и сообщенія о положеніи труда, появившіяся въ газетахъ и журналахъ, и уже одна эта сводка представляетъ большія выгоды для уясненія соціальныхъ отношеній въ Россіи. Въ первомъ номерѣ журнала мы находимъ, кромѣ того, превосходную статью д-ра В. А. Левицкаго о «Санитарныхъ условіяхъ шляпнаго промысла» (въ Подольскомъ уѣздѣ, Московской губ.). Авторъ, послѣ подробнаго изложенія техническихъ и санитарныхъ условій промысла, разсматриваетъ вліяніе послѣднихъ на здоровье занятыхъ въ промыслѣ рабочихъ. Всего въ указанномъ промыслѣ въ Подольскомъ уѣздѣ занято около 1.000 человѣкъ, но такъ какъ работа производится по большей части на дому, то условія труда и вредность ихъ для здоровья отражаются не только на рабочихъ, но и на всѣхъ членахъ ихъ семей. Зимою, описываетъ авторъ, когда окна не открываются, «когда воздухъ избы

безъ того испорченъ до предѣловъ, которые мы съ гигіенической точки зрѣнія считаемъ недопустимыми, въ ея атмосферу начинаютъ поступать ядовитые пары (азотной кислоты и ртути, съ помощью которыхъ совершается превращеніе заячьихъ шкурокъ въ пухъ, какъ матеріалъ для шляпъ) и тонкая, обильная пуховая пыль» (стр. 17—18). Въ результатѣ, на основаніи статистическихъ вычисленія автора, обнаруживается, что почти *четвертая* часть всѣхъ шляпниковъ (23,43%) страдаетъ туберкулезомъ или подозрительна на бугорчатку. Ненормальныя явленія со стороны нервной системы имѣются у 71,7% шляпниковъ, ртутное отравленіе — *почти поголовно у всѣхъ*. А результаты этого ртутнаго отравленія таковы, что «естественное физіологическое увяданіе шляпника начинается на 10 лѣтъ раньше, чѣмъ у фабричнаго рабочаго; другими словами, чѣмъ дольше шляпникъ живетъ и работаетъ въ атмосферѣ, насыщенной ядовитой пылью и парами, тѣмъ больше и больше нарушается правильный ростъ и развитіе его организма, тѣмъ ближе и ближе онъ къ роковому концу ртутной кахексіи съ ея послѣдствіями» (стр. 30). Такимъ образомъ, «крупная группа населенія подвергается медленному, но вѣрному отравленію, обречена на постепенное вымираніе и физическое вырожденіе» (стр. 31—32). Авторъ справедливо замѣчаетъ, что описанныя имъ условія работы шляпниковъ «ужасны» и что приведенныя имъ цифры и факты «такъ вопіюще краснорѣчивы, что длинные коментаріи къ нимъ излишни». Для прекращенія этого положенія авторъ считаетъ безусловно необходимымъ устраненіе изъ производства ртути и обѣщаетъ дать въ ближайшемъ будущемъ выясненіе вопроса о безвредныхъ способахъ производства шляпъ, практикуемыхъ на Западѣ и примѣнимыхъ у насъ.

Изъ другихъ статей журнала отмѣтимъ въ первой книжкѣ небольшую сводку теоретическихъ данныхъ «о вліяніи формъ промышленности на положеніе труда» въ статьѣ г. Бужанскаго подъ указаннымъ заглавіемъ и сообщеніе г. Апостола: «Пятый международный конгрессъ по страхованію рабочихъ и предупрежденію несчастныхъ случаевъ при работѣ». Болѣе спеціальный характеръ носитъ статья проф. Конрада Гартмана «Развитіе санитарной техники въ Германіи». Во второй книжкѣ мы также находимъ двѣ интересныя статьи, посвященныя русскимъ промышленнымъ условіямъ: статья г. *Никольскаго*: «Къ характеристикѣ горно-заводскаго дѣла на Уралѣ въ санитарномъ отношеніи» и статью г. *Новицкаго*: «Къ вопросу о несчастныхъ случаяхъ съ рабочими при постройкахъ въ Петербургѣ». Въ этой послѣдней статьѣ авторъ, опираясь на данныя отчетовъ общества пособія рабочимъ, пострадавшимъ при постройкахъ, приходитъ къ выводу, что «частота смертныхъ случаевъ при строительныхъ работахъ приблизительно разъ въ 7—8 выше, чѣмъ въ фабрично-заводской промышленности» (стр. 39). 3/4 убитыхъ рабочихъ умираетъ въ рабочемъ возрастѣ и около 1/2 въ цвѣтущей молодости; 3/4 убитыхъ—семейные люди. Авторъ справедливо указываетъ, что опасность строительнаго промысла можетъ быть значительно сокращена путемъ соотвѣтственныхъ законодательныхъ постановленій и введенія отвѣтственности предпринимателей. Соціальному вопросу на Западѣ посвящены статьи: *Ф. Гольдштейна* «Дѣтскій трудъ въ Швейцаріи» и д-ра *Zacher'а* «Страхованіе рабочихъ въ Европѣ». Кромѣ статей, журналъ даетъ сообщенія изъ области профессіональной гигіены и общественной экономіи, обзоръ иностраннаго и русскаго фабричнаго соціальнаго законодательства, хронику, библіографію и т. п.

Надо надѣяться, что редакція журнала и впредь будетъ держаться своей широкой программы изученія всѣхъ сторонъ русскихъ соціально-экономическихъ условій и что, такимъ образомъ, ей удастся заполнить серьезный пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ объ общественныхъ отношеніяхъ въ Россіи. Искренне желаемъ новому предпріятію полнаго успѣха. *С. Франкъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

В. Вагнеръ. «Психологія животныхъ».—*К. Крепелинъ.* «Въ зеленомъ саду».—*И. Акинфіевъ.* «Опредѣлители семействъ цвѣтковыхъ растеній въ Европейской Россіи».

Владиміръ Вагнеръ (д-ръ зоологіи, прив.-доц. московскаго университета). Психологія животныхъ (популярныя лекціи). Изд. 2 ое. Москва. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к. 209 стр. Авторъ, большой спеціалистъ въ области зоопсихологіи, задался цѣлью дать въ разбираемой нами книгѣ популярное изложеніе своихъ взглядовъ на психику животныхъ. Поставленная цѣль выполнена авторомъ прекрасно и книга читается съ начала до конца съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Основной мотивъ книги—борьба съ антропоморфизмомъ, съ примѣненіемъ въ зоопсихологіи метода аналогіи.

Для доказательства непримѣнимости и вообще ложности этого метода г. Вагнеръ приводитъ какъ наблюденія и опыты различныхъ ученыхъ, такъ и цѣлый рядъ разсужденій и своихъ противниковъ, и своихъ собственныхъ. Благодаря такому пріему, книжка носитъ полемическій характеръ. Авторъ въ своихъ выводахъ стоитъ довольно одиноко. Такъ, онъ утверждаетъ, что «наличность памяти, соображенія и другихъ высшихъ способностей сознательной дѣятельности у насѣкомыхъ *ничѣмъ не доказана*; напротивъ, предположеніе о таковыхъ способностяхъ стоитъ въ коренномъ и неисправимомъ противорѣчіи съ безчисленными фактами, удостовѣряющими *полную безсознательность инстинктивной дѣятельности* насѣкомыхъ и ихъ, выражаясь языкомъ Фабра, поразительную «глупость» (стр. 132). Между тѣмъ, тотъ же знаменитый Фабръ, изслѣдованія котораго, главнымъ образомъ, и послужили автору основаніемъ для вышеприведеннаго вывода, равно какъ и Лёббокъ, и Форель, и Морганъ признаютъ у общественныхъ насѣкомыхъ наличность и памяти, и индивидуальнаго опыта, и ума, и воли, и чувствъ (радость, печаль, гнѣвъ). Наши читателя помнятъ, вѣроятно прекрасную статью А. Фореля *) «О психикѣ насѣкомыхъ», въ которой онъ къ заключенію, высказанному имъ еще въ 1877 г., что «всѣ свойства человѣческаго интеллекта могутъ быть выведены изъ свойствъ интеллекта высшихъ животныхъ», присоединяетъ еще новое, что «всѣ свойства высшихъ животныхъ могутъ быть выведены изъ свойствъ интеллекта низшихъ животныхъ».

Нашъ же почтенный ученый не только всю «психику» насѣкомыхъ сводитъ къ инстинкту, но даже между высшими млекопитающими и человѣкомъ проводитъ рѣзкую грань, намъ кажется, слишкомъ рѣзкую для эволюціониста.

Г. Вагнеръ, напримѣръ, отрицаетъ «участіе наблюденія, перениманія и ума при постройкѣ гнѣзда птицами» (стр. 196) и признаетъ роль индивидуальнаго опыта въ этомъ актѣ «крайне скромною» (стр. 198). Онъ согласенъ, что у обезьянъ имѣются «разумныя способности», но «вполнѣ убѣжденъ какъ въ томъ, что обезьяны представляютъ крайній предѣлъ доступнаго для животныхъ умственнаго развитія, такъ и въ томъ, что уровень этого развитія все же очень элементаренъ». Мы согласны съ авторомъ въ его нападкахъ на грубый антроморфизмъ; странно искать сознанія у инфузорій, когда и человѣкъ имъ владѣетъ далеко не въ теченіе всей своей жизни; но, по нашему мнѣнію, также странно отрицать методъ аналогіи: изъ него выросло все наше знаніе. Совершенно вѣрно, что «въ мірѣ организмовъ нѣтъ бо́льшихъ антиподовъ, чѣмъ корненожка и человѣкъ» (стр. 96), но невѣрно, что, въ силу этого, и аналогія между ними невозможна. Эта аналогія давно сдѣлана, и всѣ

*) «М. Б.» 1902 г. Апрѣль. «Научный Обзоръ».

съ нею согласны: и корненожка и человѣкъ—животные организмы. Всякая аналогія, всякая символизація ряда явленій, всякій законъ есть упрощеніе дѣйствительности, но они необходимы и неизбѣжны. При аналогіи человѣка и инфузоріи, отпадаетъ не только сознаніе, но и болѣе простыя «психическія» и «физіологическія» явленія, но въ упрощенный символъ, «животный организмъ» входятъ, напр., какъ правильно замѣчаетъ Бючли, движенія, обусловленныя внутренними импульсами организма. Способность производить такія движенія есть то общее, что можно было бы назвать элементарною психикой животнаго организма, если бы слово психика не вызывало антропоморфическихъ идей.

Также страннымъ кажется намъ, когда г. Вагнеръ всю психическую дѣятельность общественныхъ насѣкомыхъ сводитъ къ инстинкту. Авторъ опредѣляетъ сознаніе, какъ способность, дающую «возможность животному управлять своими дѣйствіями, пользуясь предыдущимъ индивидуальнымъ опытомъ» (стр. 17) и утверждаетъ, что такого сознанія нѣтъ и *слѣда* въ дѣйствіяхъ насѣкомыхъ, что «ихъ выборъ сплошь инстинктивенъ. Инстинктъ есть нѣчто строго опредѣленное, ибо онъ всегда таковъ, какимъ его создалъ подборъ, поддержавшій однажды случившееся полезное уклоненіе. Развитіе этого уклоненія до послѣднихъ предѣловъ совершенства и составляло его задачу». Да проститъ намъ авторъ, но такое скидываніе со счетовъ индивидуума и замѣна его дѣятельности самодовлѣющимъ подборомъ съ опредѣленными, кѣмъ-то поставленными задачами, напоминаетъ намъ въ соціологіи подобное же игнорированіе личности нѣкоторыми сторонниками школы марксистовъ.

Что же такое, въ концѣ концовъ, инстинктъ?! Почему муравей, ищущій (въ опытахъ Лебокка) при посредствѣ обонянія дорогу къ гнѣзду, дѣйствуетъ только инстинктомъ, а заблудившійся человѣкъ только сознательно? Почему нѣтъ того, что авторъ понимаетъ подъ словомъ «инстинктъ», въ дѣйствіяхъ доисторическаго человѣка, строившаго свайныя постройки даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не были необходимы, и почему бобръ, устроившій въ парижскомъ ботаническомъ саду для защиты отъ снѣга, проникавшаго къ нему въ клѣтку, стѣну изъ овощей и древесныхъ вѣтвей, дѣйствовалъ не сознательно, а инстинктивно?! Вспомнивъ опыты Фореля съ искуственными цвѣтами и положеннымъ въ нихъ медомъ, опыты, которые нельзя объяснить иначе, какъ индивидуальною памятью пчелъ и способностью ихъ ассоціировать вкусовыя воспоминанія съ зрительными, мы можемъ телько вмѣстѣ съ знаменитымъ швейцарскимъ ученымъ сказать: «Нужно имѣть предвзятое мнѣніе, чтобы во всемъ этомъ не видѣть существованія индивидуальныхъ рѣшеній и приведенія ихъ въ исполненіе».

И намъ кажется, что такое предвзятое мнѣніе о полномъ отсутствіи «сознательности» въ сложной жизни общественныхъ насѣкомыхъ могло сложиться у нашего извѣстнаго ученаго только на почвѣ увлеченія его вполнѣ правильною борьбой съ грубымъ антропоморфизмомъ въ области зоопсихологіи.

Книга написана очень популярно, простымъ, яснымъ языкомъ, наблюденіе и опыты, приводимые авторомъ, крайне интересны и многіе (напр., собственныя наблюденія г. Вагнера) мало извѣстны; разборъ явленій всегда остроуменъ и тонокъ.

Все сочиненіе разбито на 7 главъ *): первыя двѣ посвящены историческому обзору предмета, третья — методамъ изученія психологіи животныхъ, четвертая—психологіи простѣйшихъ животныхъ, пятая и шестая—психологіи насѣкомыхъ и седьмая—психикѣ высшихъ животныхъ. *В. Агафоновъ.*

---

*) Отмѣтимъ здѣсь маленькій редакціонный недосмотръ: нѣкоторыя главы носятъ названіе главъ и имѣютъ подробный заголовокъ, другія же просто помѣчены *лекція* такая-то.

Проф. Карлъ Крепелинъ. Въ зеленомъ саду. Бесѣды о жизни растеній и животныхъ сада. Съ нѣмецкаго перевелъ съ измѣненіями и дополненіями для русскаго изданія С. А. Порѣцкій (Библіотека для дѣтей и юношества подъ редакціей И. Горбунова-Посадова). Москва. 1902 г. Цѣна 1 р. Одна изъ самыхъ интересныхъ популярныхъ книжекъ по естествознанію, которыя попадали въ наши руки.

Не задаваясь никакими непосильными задачами, авторъ, не безъизвѣстный нѣмецкій ученый, въ цѣломъ рядѣ бесѣдъ—въ живой формѣ разговоровъ отца со своими дѣтьми, знакомитъ юныхъ читателей своихъ со всѣми важнѣйшими проявленіями растительной и животной жизни. Бесѣды трактуютъ о самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ—о біологическихъ и физіологическихъ особенностяхъ самыхъ обычныхъ растеній сада, о садовыхъ птицахъ, насѣкомыхъ, червяхъ, но такъ какъ все это связано извѣстною общею точкой зрѣнія—авторъ все время имѣетъ въ виду, прежде всего, то, что окружаетъ насъ въ саду, то, благодаря этому, «бесѣды» не носятъ характера калейдоскопа.

Нѣсколько замѣчаній по адресу переводчика. Кое-что надо было бы измѣнить, имѣя въ виду русскаго читателя и русскую природу. Укажемъ въ особенности на первую главу, въ которой описываются весеннія растенія, и гдѣ не мѣшало бы подробнѣе описать наши русскія весеннія растенія. Странно также читать, что «крестовникъ также, какъ и маргаритка, цвѣтетъ почти круглый годъ». Конечно, въ Германіи оно такъ и бываетъ, но для русскаго читателя нужно было бы сдѣлать оговорку. Изъ грубыхъ ошибокъ можно указать одну: яблоню никоимъ образомъ нельзя привить къ грушѣ, какъ утверждаетъ авторъ.

Издана книжка очень изящно, и цѣну нельзя назвать высокою.

Б. Федченко.

И. Я. Акинфіевъ. Опредѣлитель семействъ цвѣтковыхъ растеній Европейской Россіи. Систематика растеній Россіи. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Екатеринославъ. 1902 г. Цѣна 40 к. Въ русской ботанической популярной литературѣ имѣется еще такъ мало руководствъ и пособій, что всегда приходится привѣтствовать появленіе всякаго новаго труда, мало-мальски удовлетворяющаго своему назначенію. «Опредѣлитель» г. Акинфіева выходитъ *третьимъ изданіемъ*—значитъ книга имѣла успѣхъ.

Это обстоятельство заставляетъ, однако, насъ отнестись къ ней нѣсколько строже, чѣмъ мы отнеслись бы къ первому изданію.

Прежде всего—нѣсколько словъ о заглавіи книжки. При чемъ тутъ систематика растеній Россіи? Оказывается, что бо́льшая половина книжки занята именно этой «систематикой», представляющей въ сущности лишь списокъ классовъ и наиболѣе распространенныхъ семействъ, родовъ и видовъ. Списку этому предпослана небольшая сводная табличка и передъ ней—родъ предисловія, гдѣ, между прочимъ, говорится, что «порядокъ распредѣленія родовъ и видовъ по семействамъ принято дѣлать (?) по системѣ Декандоля». Смѣемъ увѣрить автора книжки, что система Декандоля вовсе уже не такъ принята, какъ ему кажется: въ Англіи принята система Бентама и Гукера, въ Германіи—система Энглера.

Но это еще не такъ важно. Гораздо хуже то, что мы видимъ на той же страницѣ, въ сводной таблицѣ, о которой я уже говорилъ: здѣсь авторъ старается увѣрить своихъ читателей, будто скрытосѣменныя растенія дѣлятся на *односѣмяноводныя* и *двусѣмяноводныя*. Я отказываюсь думать, чтобы авторъ сознательно могъ употребить столь безсмысленныя выраженія.

Еще хуже, быть можетъ, то, что мы встрѣчаемъ на стр. 65, гдѣ въ классѣ «Мохообразныхъ» мы видимъ какой-то сплошной хаосъ, вплоть до при-

численія лишайниковъ (оленій мохъ—Cladonia, исландскій мохъ—Cetraria) къ тому же классу мохообразныхъ...

Мы не касались до сихъ поръ самого «опредѣлителя». Онъ составленъ основательно и со знаніемъ дѣла—авторъ извѣстный ботаникъ-флористъ, энергичный изслѣдователь и организаторъ экскурсій. Всѣ тѣ недостатки, о которыхъ мы выше упомянули, легко могутъ быть устранены въ новомъ, 4-мъ изданіи книжки, которое, надѣемся, не замедлитъ появиться.

Въ заключеніе нѣсколько словъ по адресу издателя (книжный магазинъ В. Е. Алексѣева). Цѣну книжки необходимо уменьшить—вѣдь она же идетъ, главнымъ образомъ, для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Наконецъ, на послѣднихъ страницахъ мы видимъ цѣлый рядъ объявленій о книгахъ, имѣющихся въ продажѣ въ магазинѣ г. Алексѣева; и здѣсь, рядомъ съ прекрасными изданіями Гофмана, Бородина, Варлиха, Кона и пр., мы встрѣчаемъ рекламныя объявленія о такомъ «товарѣ» московскаго Никольскаго рынка, рекламировать который врядъ ли пристойно уважающей себя книготорговлѣ.

Б. Федченко.

Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1902 г.

Беллетристика.

Анненскій, Ин. «Меланиппа-философъ». *А. Б.* Янв. **Библіотека великихъ писателей. Шекспиръ, т. I.** *Ев. Ан—въ.* Дек. **Шекспиръ въ переводѣ А. Соколовскаго.** *Ев. Ан—въ.* Дек. **Д. Брагинскій.** «Указатель переводной беллетристики въ журналахъ» *Д. П. С.* Окт. **Брусянинъ, В.** «Разсказы». *А. Б.* Мартъ. **Ив. Бунинъ.** «Новыя стихотворенія». *А. Б.* Іюль. **Ив. Бунинъ.** «Разсказы». *А. Б.* Май. **Венгеровъ, С.** «Русская поэзія». *С. Ашевскій.* Янв. **Викъ.** «Сборникъ украинскихъ поэтовъ». *М Славинскій.* Ноябрь. **Вольтеръ.** «Философскіе романы». *Ев. Дегенъ.* Янв. **Генрихъ Гейне.** «Собраніе сочиненій». *Д. П. С.* Ноябрь. **Гиппіусъ.** «Третья книга разсказовъ». *А. Б.* Іюль. «Книга разсказовъ и стихотвореній». *А. Б.* Окт. **А. Луговой.** «Умеръ талантъ!». *Ѳ. Бат—овъ.* Сентябрь. **Мережковскій, Д.** «Итальянскія новеллы». *А. Б.* Мартъ. **Морисъ Метерлинкъ.** «Жизнь пчелъ». *Ѳ. Бат—овъ.* Октябрь. **Подкольскій, В.** «Вечеромъ». Разсказы. *А. К.* Дек. **Фонъ-Поленцъ.** «Крестьянинъ». *А. Б.* Апрѣль. **«Разсвѣтъ».** Сборникъ русскихъ писателей и писательницъ. *А. Б.* Сент. **Рудичъ, В.** «Стихотворенія». *В. О—скій.* Мартъ. **Скиталецъ.** «Разсказы и повѣсти». *А. Б* Май. **Танъ.** «Очерки и разсказы», т. II-й *А. Б.* Апр. **Фильдингъ.** «Душа одного народа». *А. Б.* Іюль. **Франко, Ив.** «Въ потѣ лица». *Ев. Дегенъ.* Янв. **Антонъ Чеховъ.** «Островъ Сахалинъ». *А. Б.* Сент. **Шиллеръ.** «Полное собраніе сочиненій». *А. Б.* Янв. **Яблоновскій, А.** «Очерки и разсказы». *А. Б.* Мартъ.

Критика и исторія литературы и искусствъ.

Бенуа, Ал. «Исторія русской живописи». *Ев. Дегенъ.* Дек. **Карлъ Боринскій.** «Театръ», лекціи. *И. А.* Сент. **Брюнгесъ.** «Рёскинъ и Библія». *Е. Т.* Окт. **Н. Н. Буличъ.** «Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX-го в.». *С. Ашевскій.* Апр. **И. С. Бѣляевъ.** «Крестьянинъ писатель начала XVIII-го в. И. Т. Посошковъ». *С. А.* Іюль. **М. Ватсонъ.** «Алессандро Манцони». *Е. Дегенъ.* Сент. **В. Величко.** «Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и творенія». *Ѳ. Бат—овъ.* Сент. **Веселовскій, Алексѣй.** «Байронъ».

Ев. Дегенъ. Дек. «Гоголевскій сборникъ». *С. Ашевскій.* Іюнь. В. Н. Майковъ. «Сочиненія», 2 т. *С. Ашевскій.* Іюль. Никольскій, Б. «Послѣдняя дуэль Пушкина». *С. Ашевскій.* Янв. Новиковъ. «Трутень». «Живописецъ». Кошелекъ». *С. Ашевскій.* Августъ. Д. Овсянико-Куликовскій. «Вопросы психологіи творчества». *М. Славинскій.* Ноябрь. Пелисье. Жоржъ. «Критическіе этюды современной литературы». *Ев. Дегенъ.* Февр. «Подъ знаменемъ науки. Юбилейный сборникъ въ честь Н. И. Стороженко». *В. Богучарскій.* Мартъ. В. В. Розановъ. «Легенда о великомъ инквизиторѣ Достоевскаго». *С. Ашевскій.* Апр. «Русская словесность съ XI-го по XIX-й в.», состав. Мезіеръ. *Д. П. С.* Іюль. «Сборникъ Кирши Данилова». *С. Ашевскій.* Янв. В. Сиповскій. «Пушкинская юбилейная литература». *С. Ашевскій.* Май. «Сказки» съ иллюстраціями Билибина. *Е. Дегенъ.* Май. Стороженко, Н. «Опытъ изученія Шекспира». *Ев. Дегенъ.* Мартъ. Стороженко, Н. «Изъ области литературы». *Ев. Дегенъ.* Мартъ. Н. П. Степановъ. «В А. Жуковскій, какъ наставникъ Царя-Освободителя». *С. Ашевскій.* Іюль. Н. Страховъ. «Критическія статьи». *С. Ашевскій.* Ноябрь. Тарасенковъ. «Послѣдніе дни жизни Гоголя». *С. Ашевскій.* Іюль. М. Чайковскій. «Жизнь П. И. Чайковскаго». *Викторъ Вальтеръ.* Авг. Шенрокъ, В. «Письма Н. В. Гоголя». *С. Ашевскій.* Февр. Н. Энгельгардтъ. «Исторія русской литературы XIX-го в.» *С. Ашевскій.* Іюль.

Исторія всеобщая и русская. Исторія культуры.

Н. Н. Ардашевъ. «Абсолютная монархія на Западѣ». *А. Дживелеговъ.* Сент. Г. Афанасьевъ. «Мирабо». *А. Дживелеговъ.* Окт. Бильбасовъ, В. «Историческія монографіи». *В. Николаевъ.* Февр. В. Б. «На рубежѣ XIX в.». *Дживелеговъ.* Ноябрь. П. Буцинскій. «Отзывы о Павлѣ Первомъ его современниковъ». *В. Николаевъ.* Май. Булгакова, Ел. «Изъ жизни средневѣковаго ремесленника». *А. Дживелеговъ.* Дек. А. Быкова. «Разсказы изъ исторіи Ирландіи». *Евг. Тарле.* Апр. В. Глѣбовскій. «Императрица Екатерина II». *Т.* Ноябрь. Э. Гриммъ. «Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти». *М. Ростовцевъ.* Апр. В. Э. Денъ. «Населеніе Россіи по пятой ревизіи». *Н. Рожковъ.* Іюль. К. Елпатьевскій. «Разсказы и стихотворенія изъ русской исторіи». *В. Николаевъ.* Окт. А. Ермоловъ. «Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ». *П. Берлинъ.* Апр. Забѣлинъ, Ив. «Исторія города Москвы». *В. Савинковъ.* Дек. Н. Карѣевъ. «Политическая исторія Франціи въ XIX в.». *Х. Инсаровъ.* Окт. Ковалевскій, Мих. «Очеркъ всеобщей русской исторіи» *Евг. Тарле.* Дек. Д. Кудрявскій. «Какъ жили люди въ старину». *П. Шмидтъ.* Окт. П. Кудринъ. «Очерки современной Франціи». *Х. Инсаровъ.* Май. Лависсъ и Рамбо. «Исторія французской революціи». *Ев. Тарле.* Мартъ. Минаевъ, И. «Путешествіе Марк-Поло». *Сергѣй Ольденбургъ.* Дек. В. Модестовъ. «Введеніе въ римскую исторію». *М. Ростовцевъ.* Ноябрь. «Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива комитета министровъ». *Н. Рожковъ.* Іюль. Г. Нибуръ. «Рабство, какъ система хозяйства». *Евг. Тарле.* Авг. Н. Оглоблинъ. «Къ характеристикѣ русскаго общества въ 1812 г.». *В. Сторожевъ.* Окт. Оларъ, А. «Политическая исторія французской революціи». *А. Дживелеговъ.* Мартъ. Н. М. Павловъ. «Русская исторія до новѣйшихъ временъ». *В. Николаевъ.* Авг. Пирлингъ, П. «Изъ смутнаго времени». *В Сторожевъ.* Февр. Д. Петрушевскій. «Возстаніе Іота Тайлера». *Евг. Тарле.* Май. «Разсказы изъ русской исторіи». *В. Николаевъ.* Ноябрь. Феликсъ Рокэнъ. «Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII в.». *Евг. Тарле.* Сент. В. И. Семевскій. «Крестьяне въ царствованіе Имп. Екатерины II». *В. Сторожевъ.* Апр.

Ш. Сеньобосъ. «Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ». *N.N.* Окт. **С. М. Середонинъ.** «Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ». *Н. Рожковъ.* Іюль. **Стасюлевичъ, М.** «Философія исторіи». *Евг. Тарле.* Янв. **Сумароковъ, П.** «Черты изъ жизни Екатерины II» *Евг. Тарле.* Янв. **Тарле, Ев.** «Исторія Италіи въ новое время». *А. Дживелеговъ.* Янв. **Ев. Трифильевъ.** «Къ біографіи Василія Назаровича Каразина» *Е. Т.* Апр. **Огюстенъ Тьерри.** «Городскія коммуны во Франціи въ средніе вѣка». *А. Дживелеговъ.* Іюнь. **Фюстель-де-Куланжъ.** «Исторія общественн. строя древней Франціи». *А. Дживелеговъ.* Іюнь. **Николай Харузинъ.** «Этнографія». *Д. Кудрявскій.* Апр. **Генрихъ Шурцъ.** «Краткое народовѣдѣніе». *Д. Кудрявскій.* Іюль. **Е. д'Эйхталь.** «Алексисъ Токвиль и либеральная демократія». *А. Дживелеговъ.* Февр.

Политическая экономія и соціологія.

Эд. Бернштейнъ. «Современное движеніе доходовъ и задача народнаго хозяйства». *Р. Ольгинъ.* Ноябрь. **Брандтъ, Б.** «Торгово-промышленные кризисы въ Западной Европѣ». *Бер—кій.* Дек. **Л. Брентано.** «Этика и народное хозяйство въ исторіи». *Р. Ольгинъ.* Май. **В. Желѣзновъ.** «Очерки политической экономіи». *С. Франкъ.* Ноябрь. «Землевладѣніе и сельское хозяйство». *П. Берлинъ* Февр. **В. Зомбартъ.** «Соціализмъ и соціальное движеніе въ XIX в. *А. Д.* Іюнь. **А. Зотовъ.** «Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими». *А. Рыкачевъ.* Ноябрь. **Ковалько, П.** «Главнѣйшія реформы, приведенныя Н. Х. Бунге». *П. Берлинъ.* Янв. **В. Левицкій.** «Къ вопросу о физическомъ состояніи населенія Подольскаго уѣзда». *Врачъ З. Френкель.* Май. **Наркевичъ, Л.** «Опытъ санитарнаго изслѣдованія валяльнаго промысла Нижегородской губ.». *Зах. Френкель.* Мартъ. **Альфредъ Носсигъ.** «Современный аграрный вопросъ». *Р. Ольгинъ.* Іюнь. **Озеровъ, Ив.** «Итоги экономическаго развитія XIX в.». *А. Рыкачевъ.* Дек. **Парвусъ.** «Торгово-промышленный кризисъ и профессіональные союзы». *Р. Ольгинъ.* Авг. **Пеллутье, Ф.** «Жизнь рабочихъ во Франціи». *П. Берлинъ.* Февр. **Погожевъ, А.** «Промышленность и здоровье». Журн. *С. Франкъ.* Дек. **Веббъ Сидней.** «Универсальныя учрежденія для рабочихъ въ Лондонѣ». *К. Диксонъ.* Янв. **А. Скибневскій.** «Жилища фабрично-заводскихъ рабочихъ». *Врачъ З. Френкель.* Май. **А. Скворцовъ.** «Основы экономики земледѣлія». *П. Б—инъ.* Май. **Соболевъ, М.** «Коммерческая географія Россіи». *П. Берлинъ.* Мартъ. **Шарлотта Стетсонъ.** «Женщины и экономическое отношеніе». *Е. Т.* Май. **Г. Тардъ.** «Общественное мнѣніе и толпа». *А. Рыкачевъ.* Окт. **Г. Тардъ.** «Соціальные этюды». *Д. Кудрявскій.* Авг. **В. Тотоміанцъ.** «Муниципализація промышленныхъ предпріятій». *П. Берлинъ.* Авг. **В. Тотоміанцъ.** «Потребительныя общества на Западѣ». *В. Б.* Іюнь. **Филипповичъ, Ев.** «Основанія политической экономіи». *П. Берлинъ.* Янв. **Г. Шрейдеръ.** «Наше городское общественное управленіе». *П. Берлинъ.* Май. **Шиппель.** «Современная бѣдность и современное перенаселеніе». *П. Б—инъ.* Май. **Рихардъ Эренбергъ.** «Большія состоянія. Ихъ возникновеніе и значеніе». *Р. Ольгинъ.* Авг.

Философія и психологія.

Рихардъ Авенаріусъ. «Человѣческое понятіе о мірѣ». *А. Шиманскій.* Ноябрь. **Битнеръ, В.** «Мозгъ, какъ органъ мышленія». *Г. Челпановъ.* Мартъ. **Вундтъ.** «Введеніе въ философію». «Система философіи». *Г. Ч.* Ноябрь. **Гюйо, М.** «Искусство съ соціологической точки зрѣнія». *Ев. Тарле.* Февр. **Іерузалемъ.** «Введеніе въ философію». *Проф. Г. Челпановъ.* Іюнь. **Карлейль.**

«Sartor Resartus. Жизнь и мысли герръ Тейфельсдрека». *Евг. Тарле.* Авг. Кенигъ. «Вундтъ. Его философія и психологія». *Г. Челпановъ.* Мартъ. **Бенедето Кроче.** «Историческій матеріализмъ и марксистская экономія». *N. N.* Сент. **Фр. Паульсенъ.** «Шопенгауэръ. Гамлетъ. Мефистофель». *А. Р—въ.* Окт. **В. Саводникъ.** «Ницшеанецъ 40-хъ годовъ. Максъ Штирнеръ и его философія эгоизма». *Т.* Іюль. **Куно Фишеръ.** «Исторія новой философіи. Кантъ». *Г. Челпановъ.* Мартъ. **Шопенгауэръ.** «Афоризмы житейской мудрости». *Г. Ч.* Іюль.

Естествознаніе. Географія. Этнографія.

Акинфіевъ, Ив. «Опредѣлитель семействъ цвѣтковыхъ Европейской Россіи». *Б. Федченко.* Дек. **«Африка».** Географическій сборникъ. *Б. Федченко.* Іюль. **Бельшъ, В.** «Отъ бациллы до обезьяны». *В. Агафоновъ.* Янв. **К. И. Богдановичъ.** «Очерки Чукотскаго полуострова». *Г. Грумъ-Гржимайло.* Сент. **Вагнеръ, Вл.** «Психологія животныхъ». *В. Агафоновъ.* Дек. **Вагнеръ, Н.** «Картины изъ жизни животныхъ». *Б. Федченко.* Февр. **Вольногорскій, Ф.** «Растенія—друзья человѣка». *А. Д.* Февр. **Т. Гёксли.** «Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ». *П. Ю. Шмидтъ.* Ноябрь. **П. Головачевъ.** «Сибирь—природа, люди, жизнь». *А. Кауфманъ.* Іюль. **Ю. Головкина.** «На Памирахъ». *Б. Федченко.* Апр. **Грантъ-Алленъ.** «Въ тайникахъ природы». *П. Шмидтъ.* Сент. **Ѳ. Б. Друммондъ.** «Дитя, его природа и воспитаніе». *В. Агафоновъ.* Сент. **«Европа».** Иллюстрированный географическій сборникъ. *Б. Федченко.* Апр. **Кобельтъ** «Географическое распредѣленіе животныхъ». *Г. Грумъ-Гржимайло.* Іюнь. **Крепелинъ, К.** «Въ зеленомъ саду». *Б. Федченко.* Дек. **П. Крыловъ.** «Флора Алтая и Томской губерніи». *Б. Федченко.* Апр. **Н. Линдеманъ.** «Общія основы энтомологіи». *П. Шмидтъ.* Сент. **М. Лялина.** «Путешествіе братьевъ Грумъ-Гржимайло по Западному Китаю». *В. Аг.* Сент. **В. Львовъ.** «Первое знакомство съ географіей Россіи». *Г. Грумъ-Гржимайло.* Сент. **В. Львовъ.** «Начальный учебникъ зоологіи». *Б. Федченко.* Іюль. **П. Маевскій.** «Флора средней Россіи». *Г. Ш.* Ноябрь. **Д. Моргаузъ.** «Хаосъ міровъ». *В. Агафоновъ.* Окт. **«Народный Университетъ»**, сборникъ статей. *Г. Грумъ-Гржимайло.* Сент. **К. Покровскій.** «Успѣхи астрономіи въ XIX-мъ в.». *В. Агафоновъ.* Окт. **А. А. Прозоровъ.** «Экономическій обзоръ Охотско-Камчатскаго края». *Г. Грумъ-Гржимайло.* Іюль. **А. М. Роговинъ.** «Воздѣлыванье главнѣйшихъ кормовыхъ травъ». *Б. Федченко.* Апр. **Томпсонъ, Э.** «Разсказы изъ жизни животныхъ». *В Агафоновъ.* Янв. **«Что такое жизнь»**, изъ сборника проф. Доделя. *С. Ч.* Іюль. **М. Фостеръ и Л. Шоръ.** «Физіологія для начинающихъ». *Проф. А. Догель.* Іюнь. **А. Флеровъ.** «Флора Владимірской губерніи». *Б. Федченко.* Апр. **Ал. Харузинъ.** «Боснія-Герцеговина». *Д. К.* Сент. **В. Шимкевичъ.** «Біологическія основы зоологіи». *Проф. А. Догель.* Іюнь. **С. Щербаковъ.** «Курсъ космографіи для среднихъ учебныхъ заведеній». *К. Покровскій.* Іюнь. **Якобсонъ и Біанки.** «Прямокрылыя и ложносѣтчатокрылыя Россійской имперіи». *Б. Федченко.* Февр. **Юнгъ.** «Уроки астрономіи». *К. Покровскій.* Апр.

Медицина и гигіена.

Ахшарумовъ, Д. «Оспопрививаніе, какъ санитарная мѣра». *В. Бинштокъ.* Янв. **Ф. М. Блюменталь.** «Общественная борьба съ туберкулезомъ». *В. И. Б—къ.* Іюль. **Видгорчикъ, Н.** «Чахотка, отчего она происходитъ и какъ съ нею бороться». *В. Бин—къ.* Янв. **Герценъ, А.** «Физіологическія бе-

сѣды». *В. Бин—къ.* Янв. **Ф. А. Гетье.** «Современное состояніе вопроса о народныхъ санаторіяхъ для чахоточныхъ». *В. И. Б—къ.* Іюль. **М. Ю. Лахтинъ.** «Краткій біографическій словарь знаменитыхъ врачей». *Врачъ В. Б—къ.* Іюль. **П. Лесгафтъ.** «Руководство по физическому образованію дѣтей». *В. Агафоновъ.* Іюль. **В. Лунцъ.** «Пища и болѣзни желудка». *Врачъ В. И. Б—ъ.* Авг. **А. Никитинъ.** «Пассажирскіе пароходы на Волгѣ въ санитарномъ отношеніи». *Врачъ В. И. Б—къ.* Авг. **Покровская, М.** «Вопросы воспитанія». *В. Бин—къ.* Янв. **Г. Хлопинъ.** «Загрязненіе проточныхъ водъ». *В. И. Б—ъ.* Авг. **Г. Хлопинъ.** «Общедоступное руководство къ предупрежденію болѣзней и сохраненію здоровья». *Врачъ В. И. Б—къ.* Авг. **А. Филипповъ.** «Гигіена дѣтей». *Врачъ С.* Авг. **Фомиліантъ, В.** «Приморскія санаторіи». *А. Б.* Янв. **Хижняковъ, В.** «О болѣзни глазъ, называемой трахомой». *В. Бин—къ.* Янв.

Народное образованіе.

Бучинскій. «Шестилѣтняя дѣятельность лекціоннаго комитета при новороссійскомъ обществѣ естествоиспытателей». *К. Диксонъ.* Февр. **Гротъ.** «По поводу школьной реформы». *К. Диксонъ.* Февр. **Кизеветтеръ, А.** «Первый общедоступный театръ въ Россіи». *В. Сторожевъ* Янв. **Ю. Лавриновичъ.** «Образованіе рабочихъ въ Россіи». *Конст. Диксонъ.* Іюнь. «Литературная хрестоматія». *К. Диксонъ.* Янв. **Мальчевскій и Якобсонъ.** «Рядъ простѣйшихъ опытовъ для начальнаго обученія». *В. Яковлевъ.* Февр. **Мижуевъ, П.** «Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи». *К. Диксонъ.* Февр. **Я. Мижуевъ.** «Школа и общество въ Америкѣ». *Конст. Диксонъ* Іюнь. «Начальное народное образованіе въ Россіи», т. IV. *К. Диксонъ.* Апр. «Отчетъ о дѣятельности лекціоннаго комитета при одесской городской аудиторіи за 1897—1900 гг.». *К. Диксонъ.* Февраль. «Пятирублевыя общественныя библіотеки». *Конст. Диксонъ.* Іюнь. **Романовичъ - Словатинскій, А.** «Голосъ стараго профессора по поводу университетскихъ вопросовъ». *К. Диксонъ.* Янв. **Скворцовъ, Ир.** «О народномъ просвѣщеніи въ Россіи». *К. Диксонъ.* Янв. «Текущая школьная статистика курскаго губ. земства». *К. Диксонъ.* Апр.

Публицистика.

Макай, Джонъ. «Общественныя теченія конца XIX-го в.». *В. Богучарскій.* Мартъ. **Моргулисъ, М.** «Вопросы еврейской жизни». *А. Р—въ.* Дек. **Мюре, М.** «Еврейскій умъ». *М. Славинскій.* Дек. «Сборникъ статей по вопросамъ городской жизни въ Россіи и за границей. *Зах. Френкель.* Мартъ. **Смирновъ, С.** «Ученическіе журналы». *В. Сторожевъ.* Мартъ. **Н. Софистъ.** «Проектъ мѣръ». *А. Б.* Май. **П. Струве.** «На разныя темы». *П. Берлинъ.* Октябрь.

Спрарочныя изданія

Аріянъ. «Первый женскій календарь». *А. Б.* Мартъ. **Безчинскій.** «Путеводитель по Крыму». *А. Б.* Мартъ. **Риманъ, Г.** «Музыкальный словарь». *В. Вольтеръ.* Февр. «Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ». *П. Б.* Февр.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го ноября до 15-го декабря.

Н. Плавтовъ. Очерки русскаго желѣзнодорожнаго права. Изд. Н. В. Пктрова. Ц. 1 р. 20 к.

И. Сикорскій. О книгѣ В. Вересаева «Записки врача». Кіевъ. 1902 г. Ц. 40 к.

М. Косичъ. Литвины-бѣлоруссы Черниг. губ. Спб. 1902 г.

Теодоръ Липсъ. Самосознаніе. Изд. журн. «Образованіе». Спб. 1903 г. Ц. 30 к.

В. Бажаевъ. Какъ завести полевое травосѣяніе. Изд. Спб. собранія сельскихъ хозяевъ. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Ив. Поповъ. О ковкѣ лошадей и объ уходѣ за копытомъ. Изд. то же.

П. Бородаевскій. Какъ сохранять цѣнность лиственныхъ лѣсовъ. Изд. Н. Петрова. Спб. 1902 г. Ц. 20 к.

Т. Цигенъ. Отношеніе мозга къ душевной дѣятельности. Изд. Ц. Крайзъ. Ц. 40 к.

П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Бюхнеръ. Психологическая жизнь животныхъ. Изд. Павленкова. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Зайцевъ. Озеро Шира и его окрестности. Томскъ. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Г. Дитрихъ. Леченіе свѣтомъ. Мск. 1902 г. Ц. 50 к.

Э. Саляринъ. О мірской надѣльной землѣ. Мск. 1902 г. Ц. 60 к.

Лависсъ. Всеобщая исторія. Мск. 1902 г. Ц. 35 к.

Д. Нелюбовъ. Природа растеній. Изд. Павленкова. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Д. Котляръ. Срединное царство. Изд. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 80 к.

О. Литинскій. Гигіена возрастовъ. Изд. «Народная Польза». Спб. 1902 г.

К. Пажитновъ. Законъ убывающаго плодородія почвы. Мск. Спб. 1903 г. Ц. 75 к.

Пр. Минето. Индуктивная и дедуктивная логика. Прилож. къ журн. «Самообразованіе». 1902 г.

Лунцъ. Какъ слѣдуетъ жить и питаться при болѣзни кишекъ. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.

Серебряновъ. На южный берегъ. Вильна. 1902 г.

Бѣловъ. Что такое философія? Харьк. 1902 г. Ц. 40 к.

Н. Катаевъ. Сельскій кредитъ и крестьянское хозяйство въ Россіи. Изд. Доровастовскаго и Чарушникова. Мск. Ц. 25 к.

М. Ганчъ. Краткое руководство по стереохиміи. Б—ка для самообразованія. Мск. Ц. 1 р.

Г. К. Дорофеевъ. О литерат. бесѣдахъ въ средне-учебн. заведеніяхъ. Одс. 1903 г. Ц. 50 к.

Л. Марьянчикъ. Къ вопросу о постановкѣ еврейскаго уч. дѣла. Кіевъ. 1902 г.

Г. Уэльсъ. Предвидѣнія. Мск. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ландсбергъ. Долой Гауптмана. Мск. «Скорпіонъ». 1902 г. Ц. 70 к.

Джонъ Рескинъ. Радость навѣки. Мск. Ц. 60 к.

В. Маракуевъ. Страна звѣздъ. Одс. «Народная библіотека». 1903 г. Ц. 20 к.

В. Маракуевъ. Несгораем. крестьянск. постройки. «Народная Библіотека». Одс. Ц. 10 к.

З. Рагозина. Исторія Ассиріи. Спб. Марксъ. Ц. 2 р. 50 к.

Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX в. Т. III. Спб. «Знаніе».

А. Скребицкій. Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на Западѣ. Спб. 1903 г. Ц. 6 р.

Георгъ-Брандесъ. Реакція во Франціи. Т. III. Кіевъ. «Фуксъ». Ц. за 12 т. по подп. 6 р.

Его-же. Натурализмъ въ Англіи. Т. V. Тоже.

Его-же. Романтическая школа во Франціи. Т. VIII. Тоже.

Медвѣдевъ. Врачъ-художникъ. Спб. 1903. Ц. 30 к.

А. Бѣляевъ. Что есть истина? Уральскъ.

Кожевниковъ. Материнство и умственная работа. Мск. Ц. 25 к.

С. Дедюлинъ. Крестьянское самоуправленіе въ связи съ дворянскимъ вопросомъ.

Н. Курловъ. Опытъ всенароднаго пѣнія въ селахъ и арміи. Спб. 1902 г. Ц. 25 к.

М. Каривинъ. Разсказы о пѣсняхъ и пѣвцахъ. Сарат. 1902 г. Ц. 15 к.

Якубовичъ. Причина всем. тяготѣнія. Гипотеза о приближеніи земли къ солнцу. Брестъ-Лит. 1902 г. Ц. 30 к.

С. Бехтѣевъ. Хозяйствен. итоги истекшаго сорокапятилѣтія и мѣры къ хоз. подъему.

Э. Роттердамскій. Похвала глупости. Юрьевъ. 1902 г. Ц. 1 р.

Лугановскій. Русскіе писатели въ польской литературѣ. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

Фелонинъ. Д. Веневитиновъ. Біогр. оч. Спб. 1902 г. Ц. 30 к.

Лили Браунъ. Женскій вопросъ. Изд. «Образованія». Спб. Ц. 2 р.

С. Прокоповичъ. Кооперативное движеніе. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Ф. Фарраръ. Жизнь и труды св. отцовъ. Спб.

Г. Ивановъ. Начальный курсъ географіи. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.

А. Богдановъ. Краткій курсъ экономическихъ наукъ. Мск. Дороватовскій и Чарушниковъ. Изд. трет. Ц. 1 р. 20 к.
Р. Випперъ. Учебникъ древней исторіи. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.
А. Реформатскій. Неорганическая химія. Мск. 1903 г. Ц. 2 р.
П. Дьяконова. Краткая русская грамматика. Кзн. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
Лохтинъ. Къ вопросу о реформѣ сельскаго быта крестьянъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.
Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Вып. III. Мск. Юргенсонъ.
М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. III. Мск. Юргенсонъ.
Россія. Полное географич. описаніе нашего от—ства. Сост. подъ рук. П. П. Семенова. Спб. Девріенъ. Т. II. Ц. 3 р. 25 к.
Э. Ожешко. Звенья. Спб. о—во распрастр. просвѣщенія между евреями. 1902 г. Ц. 7 к.
Гай Сагайдачная. Иродъ. Харьковъ. Ц. 30 к.
Кирпищиковъ. Повѣсти и разсказы. Мск. Дороватовскій и Чарушниковъ. Ц. 70 к.
И. Россіевъ. «Сѣверная Русь». Мск. Ц. 20 к.
Емельяновъ-Коханскій. Московская Нана. Мск. Ц. 1 р.
Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Спб. «Русское Богатство». 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
М. Цейнеръ. Стихотворенія. Томскъ. 1902 г. Ц. 65 к.
П. Я. Стихотворенія. Т. I и II. Спб. «Русское Богатство». Ц. 1 р. за каждый томъ.
Н. Позняковъ. Ничего. Разск. Т-во «Общественная Польза». Спб. Ц. 1 р.
Т. Шевченко. Мотивы поэзіи. Вып. I. Изд. Дремцова. Вятка. Ц. 45 к.
А. Туркинъ. Уральскія миніатюры. Ект. «Уральская Жизнь». Ц. 80 к.
В. Яновичъ. Итоги шестилѣтія. Пермь. Ц. 50 к.
Иветтъ Гильберъ. Герои шансонетки. Т-во Книговѣдъ. Спб. Ц. 1 р.
М. Арканъ. (драмат). сочиненія. Кіевъ. 1902 г. Ц. 1 р.
А. Можаровскій. Звѣріада. Тамб. 1902 г. Ц. 60 к.
Бр. Гриммъ. Сказки и легенды. Спб. О. Н. Поповой. 1903 г. Ц. за 2 т. 2 р. 20 к.
К. Баранцевичъ. Пусть живетъ. Мск. Сытина. 1903 г. Ц. 20 к.
Его-же. «Други». Тоже.
Его-же. М. На волю. Тоже.
Могилянскій. Миражъ. (Драма. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.
Буддійскій катехизисъ. Перев. съ монг. Спб. Митюрникова. 1902 г. Ц. 30 к.
Ф. Монгомери. Его не поняли. Тоже Ц. 45 к.
Бахтіаровъ. Босяки. Тоже. Ц. 1 р.
Кап. Марріэтъ. Приключенія Якова Вѣрнаго. Тоже. Ц. 60 к.
Бернштейнъ. Химическія силы и электрохимія. То же. Ц. 60 к.
Н. Новичъ. Подросткамъ. (Пѣсни и баллады). Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

П. МИЛЮКОВЪ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть третья. Національзмъ и общественное мнѣніе. Выпускъ второй. Цѣна 1 руб. Складъ изданія въ конторѣ журнала «Міръ Божій».

М. ТУГАНЪ-БАРАНОВСКІЙ. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи. (Смитъ, Мальтусъ, Рикардо, Сисмонди, историческая школа, катедеръ-соціалисты, австрійская школа, Оуэнъ, Сенъ-Симонъ, Фурье, Прудонъ, Родбертусъ, Марксъ). Съ приложеніемъ 10-ти портретовъ наиболѣе выдающихся экономистовъ. Цѣна 2 рубля. Складъ изданія въ конторѣ Н. Карбасникова и въ журн. «Міръ Божій».

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Le Merveilleux au dix-huitième siècle» par Ernest d'Hauterive (F. Juven) 3 fr. 50 (Чудесное въ XVIII-мъ вѣкѣ). Восемнадцатый вѣкъ, наслѣдовавшій XVII-му вѣку, конецъ котораго ознаменовался религіозной борьбой, принявшей особенно рѣзкій характеръ, начался также среди столкновенія религіозныхъ идей, но завершился страшнымъ разгаромъ политическихъ страстей. Однако несмотря на то, что въ XVIII-мъ вѣкѣ громко взывали къ разсудку и наукѣ и даже почти было провозглашено открытіе всемірной науки, эта эпоха изобиловала всякаго рода предразсудками и ложными вѣрованіями и, казалось, религіозная вѣра была замѣнена суевѣріемъ. Авторъ изучаетъ эту вѣру въ чудесное съ самаго начала XVIII-го вѣка до революціи, указывая, что въ тогдашнемъ обществѣ существовало особенное увлеченіе всѣмъ, что выходило за предѣлы законовъ природы. Воображеніе современниковъ, разумѣется, преувеличивало всѣ факты, даже порою очень ничтожные, и придавало имъ сверхестественный характеръ. Авторъ описываетъ борьбу янсенистовъ и іезуитовъ, чудеса конвульсіонеровъ, колдовство и магію по знаменитымъ процессамъ, теософовъ, такихъ, какъ Сведенборгъ, иллюзіонистовъ, пророчицъ, месмеризмъ и магнетизмъ и наконецъ знаменитыхъ обманщиковъ и шарлатановъ вродѣ Калліостро. Получается пестрая и въ высшей степени интересная картина XVIII-го вѣка — царства суевѣрія и торжества великихъ идей.

(Journal des Débats)

«L'Art et la Médecine» par le docteur Paul Richer de l'Académie de Médecine; illustrée de 345 reproductions d'oeuvres d'art. 30 fr. (Gaultier, Magnier et C°). Искусство и медицина). Авторъ, знаменитый анатомъ и художникъ, собралъ въ этой книгѣ результаты своего продолжительнаго и тщательнаго изученія многоразличныхъ отношеній, существующихъ между искусствомъ и медициной. Онъ излагаетъ въ сущности исторію искусства, отъ древнихъ грековъ до нашихъ дней, и въ тоже время развертываетъ передъ читателемъ цѣлую картинную галлерею художественныхъ произведеній, которыя опередили науку въ своемъ необыкновенно точномъ воспроизведеніи различныхъ патологическихъ состояній.

(Journal des Débats).

«Die Polarforschung». Geschichte der Entdeckungsreisen zum Nord und Südpol von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Von prof. K. Hassert (Leipzig. B. G. Teubner). (Полярныя изслѣдованія). Тотъ, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ исторіей изслѣдованія арктической и антарктической областей, долженъ проглядѣть не малое число спеціальныхъ описаній путешествій къ сѣверному и южному полюсамъ. Авторъ названной книги задался цѣлью облегчить этотъ трудъ читателю и представить ему въ сжатомъ изложеніи всѣ важнѣйшія полярныя путешествія и ихъ результаты. Авторъ заканчиваетъ свою книгу на главнѣйшихъ путешествіяхъ конца 1901 года.

(Berliner Tageblatt).

«Urchristentum und Sozialdemokratie» von Ferdinand Goldstein (Zürich. Schmidt). (Первобытное христіанство и соціалъ-демократія. Чрезвычайно интересная книга, полная смѣлыхъ взглядовъ и обсуждающая роль первобытнаго христіанства въ древнемъ мірѣ. Взгляды, высказываемые авторомъ, конечно должны вызвать много возраженій; ихъ можно и должно оспаривать во многихъ отношеніяхъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что авторъ производитъ впечатлѣніе силою своей аргументаціи и оригинальностью своихъ воззрѣній.

(Berliner Tageblatt).

«Through the Heart of Patagonia» by Hesketh Prichard (Heineman). 221 (Въ нѣдрахъ Патагоніи). Въ этой книгѣ заключается очень любопытное и подробное описаніе ежедневной жизни, обычаевъ и нравовъ патагонскихъ индѣйцевъ, самой гигантской расы на свѣтѣ, которую долго считали расою великановъ. Къ описанію приложены фотографическіе снимки.

(Athaeneum).

«Two on their Travels» by Ethel Colquhoun (Heineman). (Двое въ путешествіи). Авторъ описываетъ наикрасивѣйшія мѣста земного шара, какъ художникъ и туристъ. Описаніе охватываетъ часть голландской Индіи, Филиппинъ, Японіи и включаетъ путешествіе по Манчжуріи и Сибири. Книга иллюстрирована.

(Athaeneum).

The Strength of the People» by M-rs Bosanquet (Macmillan and C°). (Сила народа). Авторъ принадлежитъ къ числу со-

временныхъ писателей, заслужившихъ репутацію свѣдущихъ людей въ соціальныхъ вопросахъ. Въ своей книгѣ мистриссъ Босанке пытается дать наивозможно болѣе точную схему соціальной экономики. Сила народа, по ея мнѣнію, заключается въ его характерѣ, который создается и мѣняется подъ тираническимъ вліяніемъ экономическихъ интересовъ. «Всѣ экономическія проблемы, въ концѣ концовъ, становятся этическими», говоритъ авторъ. Взгляды, высказываемые авторомъ на промышленную проблему, въ высшей степени своеобразны. Авторъ возстаетъ противъ приписыванія слишкомъ большого значенія окружающей средѣ и говоритъ о необходимости усовершенствованія индивидуальнаго характера. Сила характера заключается въ ея независимости, экономическая же независимость индивидуальной семьи, представляющей единицу, къ сохраненію которой должны быть направлены всѣ усилія, въ свою очередь должна быть цѣлью всѣхъ соціальныхъ реформаторовъ.

(Athaeneum).

«Les Amants de Venise (George Sand et Musset) par Charles Maurros (Fontemoing éditeur) (Венеціанскіе любовники). Исторія Жоржъ Зандъ и Альфреда Мюссе давно уже сдѣлалась достояніемъ печати. Но до сихъ поръ все, что писалось объ этомъ, носило характеръ въ высшей степени пристрастный, и читатель составлялъ себѣ то или иное мнѣніе о героях этой исторіи, смотря потому, чье повѣствованіе попалось ему въ руки. Новая книга объ этомъ написана, дѣйствительно, безпристрастнымъ человѣкомъ, попытавшимся на основаніи имѣющихся документовъ, представить психологическій и нравственный анализъ двухъ знаменитыхъ писателей и ихъ взаимныхъ отношеній. Книга читается съ большимъ интересомъ.

(Temps).

«Aventuriers de Génie» par M. G. Macé (E. Fasquelle) 3 fr. 50. (Геніальные авантюристы). Авторъ, бывшій судья, на основаніи документовъ и воспоминаній разсказываетъ исторію разныхъ замѣчательныхъ авантюристовъ, которымъ удавалось въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени морочить окружающихъ и вести на чужой счетъ роскошный и блестящій образъ жизни. Онъ описываетъ міръ растакуэровъ, космополитическихъ мошенниковъ, которыхъ хорошо изучилъ въ бытность свою начальникомъ полиціи. Среди его героевъ попадаются, дѣйствительно такіе, которые вполнѣ заслуживаютъ названія геніальныхъ мошенниковъ и подвиги ихъ способны вызвать удивленіе. Дѣятельность и жизнь этихъ людей представляетъ также интересъ съ психологической точки зрѣнія, такъ какъ характеризуетъ не только самихъ злодѣевъ, но также обстановку и среду, въ которой они жили и дѣйствовали.

(Journal des Débats).

«History in Biography» (Edward II to Richard III) Edited by A. D. Greenwood (Black) (Исторія въ біографіяхъ). Эти два тома, входящіе въ составъ библіотеки «Black's Historical Series» очень хорошо иллюстрированы и заключаютъ въ себѣ біографіи наиболѣе знаменитыхъ и типичныхъ представителей данной исторической эпохи.

(Bookseller).

«La Population» par M. des Cilleuls, membre du comité des travaux historiques et scientifiques (Victor Lecoffre) (Населеніе). Авторъ поставилъ себѣ задачей изслѣдовать условія, отъ которыхъ зависитъ движеніе на родонаселенія, приростъ, усиленіе и уменьшеніе смертности, производительность и т. д. Авторъ изслѣдуетъ также вліяніе, которое оказываетъ на движеніе народонаселенія правительственная система, законы о наслѣдствѣ, система налоговъ и нравственныя и религіозныя вѣрованія.

(Polybiblion).

«Le Féminisme français: 1) L'Emancipation individuelle et sociale de la femme; 2) L'Emancipation politique et familiale de la femme, par Charles Turgeon. (Французскій феминизмъ. Авторъ различаетъ два направленія въ женскомъ движеніи: одно добивается индивидуальной и соціальной эманcипаціи женщины (право образованія и труда), другое—политической и семейной эмансипаціи (избирательное право и право жены и матери). Обсуждая проблемы женскаго вопроса, авторъ исходитъ изъ того принципа, что «женщинѣ должны быть дарованы всѣ права, но она не должна быть освобождена ни отъ одной изъ своихъ обязанностей». Онъ возстаетъ противъ устарѣвшихъ воззрѣній, что существуютъ мужскія и женскія профессіи. Что касается избирательнаго права, то онъ говоритъ, что если считать всеобщую подачу голосовъ великимъ и благодѣтельнымъ принципомъ, то необъяснимо почему женщинамъ, даже наиболѣе выдающимся и достойнымъ закрывается доступъ къ избирательнымъ урнамъ.

(Polybiblion).

«L'Empire libéral». Etudes récits, souvenirs, par Emille Ollivier. Paris (Garnier) 3 fr. 50. (Либеральная имперія). Въ разсказѣ автора внутренняя исторія Франціи при Наполеонѣ III-мъ пріобрѣтаетъ особенный интересъ, такъ какъ онъ зналъ всѣхъ главныхъ актеровъ великой комедіи. Очень хорошо разсказаны выборы 1863 года, представленіе кандидатуръ, соперничество «либераловъ», ихъ надежды и разочарованія. Авторъ описываетъ также

мексиканскую авантюру, гдѣ онъ всецѣло становится на сторону Хуареца и является его горячимъ приверженцемъ.

(Journal des Débats).

«The Mind of Man» by G. Spiller (Swan Sonnenschein). 7 s. 6 d. (Душа человѣка). Книга представляетъ опытъ примѣненія научнаго метода къ психологіи и въ сущности есть нечто иное, какъ популярный трактатъ по психологіи. Авторъ избѣгаетъ математическихъ доказательствъ въ стилѣ Гербарига, метафизическихъ объясненій гипотезъ и теорій, не основывающихся на данныхъ экспериментальной науки. Вообще книга написана такъ, что ее можетъ читать даже не подготовленный читатель. (Daily News).

«Among Swamps and Giants in Equatorial Africa» by Majos H. H. Austin. (Pearson). 15 s. (Среди болотъ и исполиновъ экваторіальной Африки). Очень занимательный разсказъ о жизни и приключеніяхъ въ малоизвѣстныхъ областяхъ экваторіальной Африки. Книга прекрасно иллюстрирована и снабжена двумя картами. (Times).

«Die Kunst im Leben des Kindes». Ein Handbuch für Eltern und Erzieher. Herausgegeben ein Austrage der Vereinigung». Die Kunst ein Leben des Kimdes» von Lilly Dröscher, Otto Feld, Max Osborn, Wilhelm Spohr, Fritz Stahl. Berlin (Georg Reimer). (Искусство въ жизни ребенка). Эта книга представляетъ руководство для родителей и воспитателей и научаетъ ихъ незамѣтнымъ образомъ развивать у дѣтей художестенный вкусъ и наклонности. Прежде всего ребенка надо выучить смотрѣть и наблюдать окружающіе предметы, такъ какъ это составляетъ первый шагъ къ пониманію природы, что необходимо для художественнаго воспитанія. Художникъ Отто Фельдъ говоритъ въ своей статьѣ, какъ надо развивать въ ребенкѣ любовь къ природѣ и умѣнье наблюдать ее. Фрицъ Штоль говоритъ о значеніи украшенія стѣнъ въ школѣ и дома и о развитіи воображенія у дѣтей. Художественнымъ иллюстрированнымъ изданіямъ отводится довольно видное мѣсто въ воспитаніи дѣтей. Другія статьи, помѣщенныя въ книгѣ, также посвящены обсужденію лучшихъ способовъ развитія художественнаго вкуса у дѣтей.

(Berliner Tageblatt).

«Opinions Sociales» par Anatole France (Соціальные взгляды). Авторъ высказываетъ свои взгляды на разнообразныя соціальныя проблемы, волнующія современное общество, но въ тоже время его книга представляетъ тонкую критику и анализъ этого общества, его главныхъ теченій и заблужденій.

(Revue internationale).

«Amerika, ein Triumph der Demokratie» von Carnegie (Leipzig O. Wiegand). (Америка—тріумфъ демократіи). Авторъ этой книги, знаменитый американскій миллиардеръ и то, что называютъ въ Америкѣ «self made Man», высказываетъ свои взгляды на тѣ условія, которыя прежде всего и больше всего помогли торжеству американской демократіи. На первый планъ онъ выдвигаетъ систему народнаго образованія, которое равномѣрно распространяется на всѣхъ гражданъ, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ. Америка достигла въ этой области того, чего не могла достигнуть ни одна изъ монархій за все продолжительное время своего существованія. Авторъ съ гордостью говоритъ объ американскихъ университетахъ, открытыхъ на частныя средства, и школахъ, большею частью свободныхъ отъ какихъ-либо конфессіональныхъ стѣсненій.

(Berliner Tageblatt).

«The political Reorganisation of the People» by William Saunders (Sonnenschein and (C°) 7 s. 6 d. (Политическая реорганизація народа). Въ этой маленькой книжкѣ обсуждается политическое положеніе современной Англіи и доказывается необходимость образованія новой политической партіи, въ виду той дезорганизаціи, которой подверглась либеральная партія, ставшая совершенно безполезною. Глава о трэдъ-юніонахъ и ихъ значеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія читателей.

(Manchestes Guardian).

«Crime et anomalies Mentales Constitutionelles». La ploie sociale des Déséquilibrés à resрousabilité diminaée. Par le prof. D-r Aug. Forel et le prof. D-r Albert Mahaein. Genéve (Henry Kündig). (Преступленія и умственныя аномаліи конституціональнаго характера). Хорошо извѣстные въ области психіатріи авторы изучаютъ въ этомъ трудѣ причинную связь, существующую между преступленіемъ и извѣстными дефектами ума, зависящими обыкновенно отъ врожденной аномаліи мозговой дѣятельности. Эти аномаліи составляютъ промежуточную ступень между здоровою душой и уже рѣзко выраженными формами умопомѣшательства. Отдѣльныя главы книги посвящены изслѣдованію вліянія хроническаго и остраго алкоголизма и вызываемаго имъ нарушенія психическихъ функцій, а также вліянія морфинизма и др. отравленій и наслѣдственной передачи вызванныхъ такимъ образомъ разстройствъ нервной системы. Въ заключеніе авторы указываютъ на то, что уголовный кодексъ не обращаетъ должнаго вниманія на результаты уголовноантропологическаго изслѣдованія, такъ какъ между полною отвѣтственностью преступника и полнымъ состояніемъ невмѣняемости существуетъ еще много степеней ограниченной отвѣтственности.

(Journal des Débats).

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Г., г. Редакторъ!

Въ іюльской книжкѣ «Міра Божія» въ статьѣ моей «О врачахъ» напечатано, между прочимъ, слѣдующее: «Судебныхъ дѣлъ у насъ очень много о бабкахъ, а о врачѣ мы встрѣтили только одно: юрьевскій д-ръ А. Крамеръ осужденъ за преступный выкидышъ». Это взято изъ слѣдующаго сообщенія газеты «Врачъ» (1898 г., № 48, стр. 1430): «Въ приложеніи къ «Nordlivländische Zeitung» (13-го ноября) сказано, что дѣло юрьевскаго врача А. Крамера, Оскара Лёхмуса и Мины Козгеръ о преступномъ выкидышѣ разбиралось въ окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ. Судъ призналъ всѣхъ 3 обвиняемыхъ виновными».

Затѣмъ въ «Хроникѣ» «Врача» за 1898—1900 гг. я не встрѣтилъ никакихъ дальнѣйшихъ сообщеній по этому дѣлу, почему и воспользовался упомянутой замѣткой.

Въ настоящее время д-ръ Крамеръ въ письмѣ ко мнѣ увѣдомляетъ, что «его дѣло окончилось *полнымъ оправданіемъ* въ с.-петербургской судебной палатѣ» (28-го апрѣля 1899 г.), и проситъ напечатать объ этомъ въ ближайшемъ № журнала «Міръ Божій».

Съ удовольствіемъ исполняя эту просьбу, извиняюсь передъ д-ромъ Крамеромъ за невольную ошибку.

Врачъ *Д Жбанковъ.*

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

жающей среды и имѣетъ своей функціей воспринимать изъ воздуха выгодныя для организма и устранять вредныя вліянія,—это экзодермическая ткань; второй родъ тканей вбираетъ опредѣленныя вещества для ассимиляціи и перерабатываетъ ихъ,—это эндодермическая ткань; между этими двумя находится третья ткань, служащая для распредѣленія жизненныхъ соковъ между ними обоими,—мезодермическая ткань, состоящая изъ кровеносныхъ сосудовъ. Въ соціальномъ организмѣ экзодермическая ткань находитъ свою полнѣйшую аналогію въ классѣ воиновъ и судей, которые защищаютъ; эндодермическая—въ сельскохозяйственно-промышленномъ классѣ, который питаетъ; мезодермическая—въ торговомъ классѣ, который распредѣляетъ. Подобно тому, какъ въ животномъ организмѣ изъ экзодермической системы образуется въ теченіе развитія нервная система, такъ и въ соціальномъ организмѣ изъ класса воиновъ образуется классъ правителей. И какъ въ органическомъ развитіи экзодермическая ткань теряетъ постепенно свое значеніе сравнительно съ другими двумя, такъ и въ соціальномъ развитіи звѣзда класса воиновъ постепенно блѣднѣетъ въ сравненіи съ производительными и ведущими торговлю классами. Ибо человѣческое общество развивается отъ военнаго къ промышленному состоянію; и удаляясь отъ средъ, занимавшихся исключительно войной, оно стремится къ соціальной формѣ, лежащей, къ сожалѣнію, еще очень далеко, въ которой дѣятельность отдѣльныхъ лицъ можетъ развиваться совершенно свободно и, конечно, подъ охраной всеобщаго мира. Соотвѣтственно такому развитію, соціальные органы подвержены извѣстному ритмическому измѣненію; и если господство военнаго состоянія подобно церебро-спинальной нервной системѣ, то владычество мирнаго класса можетъ быть сравнено съ торгово-промышленнымъ значеніемъ большой симпатической системы.

Но необходимо признать, что эта послѣдняя аналогія Спенсера далеко отстала отъ новѣйшихъ успѣховъ біологіи: они совершенно лишили симпатическую систему гегемоніи, какая приписывалась ей впродолженіи долгаго періода времени, и свели ее къ скромнымъ размѣрамъ нерва или любого органа.

Но такая во многихъ отношеніяхъ замѣчательная аналогія между индивидуальнымъ и соціальнымъ организмами не должна скрывать отъ насъ и значительныхъ различій. И дѣйствительно, во-первыхъ, животный организмъ состоитъ изъ нераздѣльно соединенныхъ между собою частей, въ то время какъ соціальный изъ различныхъ другъ отъ друга раздѣльно существующихъ частей. Одна клѣтка не можетъ отдѣлиться отъ другой, съ которой она соединена; но соціальная клѣтка, человѣкъ, можетъ удалиться отъ своихъ согражданъ; онъ можетъ переселиться, можетъ быть сосланъ въ далекія страны, можетъ уничтожить самого себя посредствомъ самоубійства; во-вторыхъ, въ животномъ организмѣ существуютъ части, воспринимающія ощу-

щенія и невоспринимающія, тогда какъ въ соціальномъ организмѣ чувствительность вовсе не составляетъ монополіи нѣкоторыхъ индивидуумовъ или нѣкоторыхъ группъ, но равномѣрно распространена между всѣми. Поэтому, въ то время, какъ въ живстномъ организмѣ сознаніе концентрируется въ болѣе или менѣе ограниченной части организма, въ соціальномъ организмѣ оно распространено по всему аггрегату. Невозможно поэтому, найти, въ человѣческомъ сообществѣ соціальный, отличный отъ индивидуальнаго чувственный аппаратъ, какъ онъ существуетъ у животныхъ организмовъ, т.-е. занимая извѣстную ограниченную часть его.

Изъ этого различія вытекаетъ другое, въ высшей степени значительное: въ то время, какъ органы индивидуума живутъ и функціонируютъ въ интересахъ благополучія организма, вовсе не индивидуумы живутъ и функціонируютъ для выгоды общества или привилегированныхъ его органовъ, но наоборотъ—общество живетъ и развивается ради преимуществъ индивидуумовъ, изъ которыхъ оно состоитъ. Старое воззрѣніе Аристотеля и другихъ философовъ, въ силу котораго человѣкъ сотворенъ для государства, а не государство для человѣка, является, поэтому, неосновательнымъ; такъ выясняется правильность противоположнаго, болѣе естестественнаго и истиннаго утвержденія, выставленнаго сначала Гоббесомъ, что государство есть средство, а индивидуумъ—цѣль, и что только тѣ мѣропріятія и законы позволительны, которые преслѣдуютъ благополучіе человѣческаго рода.

Но все же эти очень важныя различія, существующія между обществомъ и организмомъ, не въ состояніи устранить указанную аналогію; и на ея основѣ Спенсеръ не страшится заключить, что хотя общество и является организмомъ своеобразнаго рода (sui generis), но все же *организмомъ.* Аналогія между обществомъ и организмомъ является для Спенсера драгоцѣннымъ вспомогательнымъ средствомъ въ процессѣ его изслѣдованій, посвященныхъ анализу состоянія человѣческаго общества и его развивающихся формъ. Точно также какъ животный организмъ, говоритъ онъ, человѣческое общество подчинено непреложному закону развитія, въ силу котораго оно переходитъ отъ первоначальной однородности къ разнородности, причина органическаго и соціальнаго развитія одна и та же. Какъ животный организмъ развивается, благодаря борьбѣ за существованіе, оканчивающейся побѣдой приспособленнѣйшихъ и сильнѣйшихъ и гибелью слабѣйшихъ, такъ же развивается и соціальный организмъ въ борьбѣ за существованіе, въ которой побѣждаютъ наилучше одаренные, сильнѣйшіе, болѣе умные индивидуумы, въ то время какъ слабѣйшіе, вырождающіеся элементы присуждены къ гибели. Естественный отборъ лучшихъ образуетъ самый энергичный факторъ соціальнаго развитія; самый энергичный, но не единственный. Какъ къ естественному отбору въ органической природѣ присоединяется вліяніе окружающей обстановки и на-

слѣдованіе пріобрѣтенныхъ свойствъ, такъ же происходитъ и въ соціальной средѣ. Безъ сомнѣнія, передача моральныхъ идей, новыхъ открытій и новыхъ теорій въ теченіе одно за другимъ слѣдующихъ поколѣній является далеко не незначительнымъ факторомъ развитія, дѣйствующимъ внѣ правововой борьбы за существованіе и способствующимъ возвышенію человѣческаго рода на высоту безконечнаго прогресса.

Такова въ краткихъ чертахъ соціологическая теорія Герберта Спенсера, которая, какъ каждый видитъ, представляетъ симметрическое и умно координированное цѣлое и которая вызываетъ непосредственное удивленіе и вниманіе всѣхъ, занимающихся ею. Около этой доктрины образовалась цѣлая школа остроумныхъ, пылающихъ энтузіазмомъ молодыхъ ученыхъ (Вормсъ, Лиліенфельдъ, Дюркгеймъ, Новиковъ, Маллонъ), которые комментировали теорію своего учителя, доказывали ее и разъясняли и часто преувеличивали. Эти энтузіасты-ученые, называющіеся *органистами*, усвоили указанную Спенсеромъ аналогію между организмомъ и обществомъ и вплели туда множество научныхъ арабесокъ, которые часто непозволительны и причудливы. Хотя Спенсеръ съ такимъ жаромъ и проводилъ аналогію между соціальнымъ и животнымъ тѣломъ, но на дѣлѣ онъ тотчасъ же спѣшилъ добавить, что за этой аналогіей необходимо признавать лишь цѣнность извѣстнаго рода метафоры, которая способна въ пластической формѣ выразить законы общественной жизни. Но эта умная оговорка была, къ сожалѣнію, забыта его учениками. Они не только до мельчайшихъ подробностей провели обозначенную ихъ главою аналогію, но и использовали ее какъ демонстративный аргументъ, какъ субстратъ многихъ соціальныхъ законовъ. Нѣмецкій ученый Шефле дошелъ до комизма въ перечисленіи соціальныхъ пластовъ, органовъ, сегментовъ, сосудовъ, двигательныхъ центровъ, нервовъ и гангліи; но и другіе представители этой школы не болѣе умѣренны. Они описываютъ на самомъ дѣлѣ соціальное бедро, большую соціальную симпатическую систему, соціальныя легкія; они указываютъ на систему общественныхъ сосудовъ, представляемую сберегательными кассами. Одинъ профессоръ Сорбонны опредѣляетъ клиръ, какъ ожирѣвшую нервную ткань,—фраза, кажущаяся смѣшной для всякаго, кто могъ наблюдать исхудалыя фигуры нашихъ сельскихъ священниковъ. Другой соціологъ сравниваетъ нервныя волокна съ телеграфными проволоками и человѣческій мозгъ съ центральнымъ телеграфнымъ бюро. Чего желать больше? Одинъ дошелъ до того, что различалъ мужскія государства отъ женскихъ. По его мнѣнію, завоевывающіе (erobernde) государства суть мужскія, они становятся господами покоренныхъ народовъ; завоеванныя, подчинившіяся первымъ,—женскія.

Эти странныя преувеличенія продѣланы именно для того, кажется, чтобы дать опредѣленный видъ доктринѣ, къ которой они должны быть лишь комментаріемъ; и они, конечно, нисколько не виноваты въ

*

томъ, что современная соціологія не пользуется уваженіемъ со стороны людей, которыхъ нельзя причислять къ реакціонно настроеннымъ и враждебнымъ всякимъ нововведеніямъ. Но если даже отвлечься отъ передержекъ и добавленій учениковъ и обратиться вновь къ болѣе умѣреннымъ сочиненіямъ учителя, то необходимо признать, что ему удалось не что иное, какъ лишь замѣна глубокаго анализа соціальнаго состоянія тяжелымъ балластомъ безплодныхъ аналогій. Ибо мы также можемъ съ своей стороны увеличить пункты соприкосновенія между соціальнымъ и индивидуальнымъ организмомъ и найти въ обществѣ сухія жилы, бедра, листы, сосуды и желудокъ, а также опухоли и наросты, закупорку сосудовъ и воспаленіе сердечныхъ сумокъ; но все это ни на шагъ не подвинетъ насъ въ изслѣдованіи законовъ общества. Мы построимъ болѣе или менѣе пластическія и раскрашенныя изображенія, но все же не будемъ въ состояніи такимъ образомъ дать ни одного рѣшающаго научнаго анализа изслѣдуемыхъ явленій. Такова именно выпавшая на долю Спенсера судьба Его систематическія аналогіи дозволяютъ ему легко представлять явленія соціальной жизни въ ясной картинной формѣ, что можетъ нравиться тому или другому съ художественной или литературной точки зрѣнія, а иному казаться просто манернымъ и декадентскимъ способомъ изображенія, но, во всякомъ случаѣ, это ничего не объясняетъ и не доказываетъ. Поэтому, соціологія Спенсера чисто описательнаго характера; она представляетъ, такимъ образомъ, болѣе раннюю фазу научнаго изслѣдованія и можетъ служить подготовленіемъ или введеніемъ къ болѣе высшимъ сферамъ научнаго изысканія.

Кромѣ того, система Спенсера или ея основное положеніе заслуживаетъ порицанія, главнымъ образомъ, потому, что хочетъ построить соціологію на біологіи. Достаточно самаго бѣглаго испытанія ея, чтобы убѣдиться, что она страдаетъ страшнымъ противорѣчіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, соціологія, въ качествѣ автономной науки, имѣетъ претензію сама рѣшить, насколько жизнь соціальнаго аггрегата подчинена законамъ, которые отличны отъ законовъ, управляющихъ жизнью индивидуумовъ. Если же затѣмъ утверждается, что законы, опредѣляющіе жизнь индивидуума, регулируютъ также и соціальную жизнь, то необходимо сдѣлать отсюда тотъ логическій выводъ, что одной біологіи совершенно достаточно для объясненія совокупности соціальныхъ явленій, и потому соціологія не имѣетъ никакого права на существованіе. Такимъ образомъ, біологическая школа держитъ соціологію въ пеленкахъ, а не обосновываетъ ее. Но даже отвлекаясь отъ этого, каждый видитъ, что общій всѣмъ органическимъ существамъ біологическій моментъ не можетъ дать никакого раціональнаго метода изслѣдованія соціальныхъ явленій, которыя, по крайней мѣрѣ, въ ихъ наболѣе сложныхъ и наизвѣстнѣйшихъ проявленіяхъ, свойственны исключительно человѣческому роду. И въ самомъ дѣлѣ, только человѣкъ

опредѣляетъ жизнь воспитательными, юридическими и дисциплинарными моментами, только человѣкъ устанавливаетъ политическія, національныя и интернаціональныя отношенія, слѣды которыхъ напрасно ищутъ у болѣе низшихъ существъ; наконецъ, что важнѣе всего—только человѣкъ живетъ въ обществѣ. Я, конечно знаю, что соціологи школы Спенсера разсуждаютъ по другому и при всякомъ обстоятельствѣ указываютъ на общества бобровъ, пчелъ и муравьевъ. Но несмотря на все это, ихъ доброй волѣ и систематически употребляемому увеличительному стеклу удалось найти у животныхъ родовъ лишь матеріальныя скопленія, возникшія благодаря общей опасности, во всѣхъ отношеніяхъ безсознательныя и механическія и не представляющія рѣшительно ничего аналогическаго съ расчлененной и сложной человѣческой общественной жизнью. Если біологическій моментъ общъ всѣмъ родамъ, въ то время какъ соціальный и относящіяся къ нему отношенія свойственны только человѣческому роду, то попытка изучать соціальный моментъ, какъ производное біологическаго, представляетъ логическій абсурдъ. Ясно что біологическій моментъ, общій всѣмъ животнымъ родамъ, не въ состояніи породить соціальныя явленія, которыя обнаруживаются только въ нѣдрахъ человѣческаго аггрегата; и здѣсь, поэтому, появляется другой моментъ, болѣе высшій, свойственный исключительно человѣческимъ существамъ.

Это первоначальное заблужденіе сопровождало всѣхъ учителей доктрины Спенсера и является первой причиной ихъ многочисленныхъ пробѣловъ и жалкихъ ошибокъ, изъ которыхъ незнаніе историческаго фактора соціальныхъ состояній не является наименьшимъ. И понятно, школа, разсматривающая соціологію, какъ продолженіе біологіи, можетъ дать отчетъ только о тѣхъ факторахъ, которые общи человѣку со всѣми животными. Но такъ какъ исторія представляетъ явленіе совершенно особенное и исключительно свойственное человѣку, то вполнѣ естественно, что біологіи не удалось заключить ее въ свое собственное зданіе. Это является причиной, почему Спенсеръ и его послѣдователи легко пускаются въ странствія по необозримымъ полямъ доисторическихъ временъ; почему они такъ много важничаютъ претенціозной ученостью относительно первобытныхъ народовъ Америки, Африки или Австраліи, но не устанавливаютъ никакого отношенія и остаются въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно историческихъ эпохъ человѣческаго рода. Почему? Потому что біологическій методъ имѣетъ мѣсто только при изученіи животной жизни первобытныхъ лѣсовъ, но не въ состояніи дать руководство къ оріентированію въ сложныхъ явленіяхъ культуры, или народовъ, живущихъ исторической жизнью. Съ этой точки зрѣнія, я безъ малѣйшихъ колебаній могу заявить, что система Спенсера должна въ сущности разсматриваться, какъ шагъ назадъ. Теорія Огюста Конта предлагала, по крайней мѣрѣ, хотя, конечно, иногда и обманчивую, Аріаднину нить, которая помогала изслѣдователю

двигаться въ лабиринтѣ исторіи, давала ему возможность различать слѣдующія одна за другой соціальныя фазы и побуждала его къ тому, чтобы извѣстнымъ образомъ охватить ихъ специфическія черты однимъ одухотворяющимъ принципомъ. Ученіе Спенсера, напротивъ, признаетъ себя совершенно неспособнымъ къ этой существенной задачѣ; оно вынуждено остановиться какъ разъ на порогѣ историческихъ временъ, и не въ состояніи изслѣдовать болѣе дифференцированныя и болѣе сложныя явленія соціальной жизни, которыя разыгрываются внутри этихъ послѣднихъ; она можетъ дать болѣе чѣмъ достаточную философію дикихъ обществъ, или первобытной исторіи, но не философію цивилизаціи, или хотя бы философію варварскихъ временъ; вообще, оно не можетъ быть философіей исторіи. И тогда какъ соціологія Конта бросала яркій свѣтъ на классическую древность, на средніе вѣка и даже на современную ей жизнь, соціологія Спенсера оставляла всѣ эти человѣческія эпохи въ совершенной темнотѣ, или же освѣщала ихъ такимъ тусклымъ и блѣднымъ свѣтомъ, что они едва лишь могли обнаружить ихъ внѣшнія, недифференцированныя очертанія.

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этого является то, что біологическая теорія соціологіи оказывается неспособной узнать специфическій характеръ соціальнаго развитія или его измѣненій въ рядѣ совершенно различныхъ и прогрессивныхъ формъ. Я осмѣливаюсь утверждать, хотя это и можетъ показаться парадоксальнымъ, что теорія соціальнаго развитія Спенсера антиэволюціонна. Ибо она изображаетъ человѣческое общество въ его многовѣковомъ развитіи, какъ военное общество, которое стремится промышленной организаціи, не будучи въ состояніи когда-либо ее достигнуть. Человѣческое общество, какъ обозначаетъ его Спенсеръ, совершенствуется въ величественномъ ходѣ своего развитія, оно дифференцируется, перестраивается, умножаетъ средства своего существованія и емкости, но, несмотря на это, оно остается тѣмъ же самымъ въ своихъ существенныхъ чертахъ, въ своихъ опредѣляющихъ законахъ; оно остается тѣмъ же военнымъ обществомъ, которое стремится къ къ промышленному. Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ, потому что въ процессѣ своего развитія человѣческое общество проходитъ рядъ историческихъ ступеней, проявляетъ на каждой изъ нихъ радикально различныя формы, характерныя черты и законы; оно является вначалѣ коммунистическимъ, затѣмъ рабскимъ, потомъ феодальнымъ, основывается позднѣе на системѣ платы (Lohnsistem); эти фазы являются настолько же различными другъ отъ друга историческими мірами, настолько же различными организмами, какъ мухи и гориллы, пчелы и слоны. И эти-то многообразные, такъ существенно отличныя одна отъ другой формы Спенсеръ охватываетъ одной и той же рубрикой, ставитъ ихъ подъ одно и то же знамя. И почему? Въ силу чрезвычайно поверхностнаго признака, что всѣ они вмѣстѣ являются военными об-

ществами! Но настолько же законно было бы поставить вмѣстѣ лягушку, орла и человѣка на томъ основаніи, что всѣ эти живыя существа дышатъ.

Наконецъ, и то положеніе Спенсера, что въ человѣческомъ обществѣ господствуетъ также универсальный законъ переживанія приспособленныхъ, совершенно отвергается однимъ уже элементарнѣйшимъ разсмотрѣніемъ дѣйствительности; она показываетъ, что въ человѣческой борьбѣ за существованіе побѣждаютъ не лучшіе, а большею частью наиболѣе хитрые, продажные и богатые, и что побѣжденные не вымираютъ, но наоборотъ—принуждаются жить, чтобы кормить побѣдителей, услуживать и поддерживать ихъ; поэтому, въ общественной борьбѣ отсутствуютъ всѣ элементы, которые присущи біологической борьбѣ и которые изъ него одного образуютъ могущественнѣйшій факторъ совершенствованія и прогресса.

Однако, сильно ошибался бы тотъ, кто истолковалъ эти наши разсужденія, какъ обсолютное осужденіе того научнаго направленія, которое дало соціологическимъ изслѣдованіямъ такой значительный толчокъ и которое навсегда—это заслуженное признаніе—имѣетъ сильную основу истины. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что человѣческое общество, поскольку оно одарено собственной жизнью, независимою отъ жизни индивидуумовъ, изъ которыхъ оно состоитъ, все же состоитъ изъ индивидуумовъ, т.-е. изъ органическихъ существъ, способъ которыхъ жить и находиться вмѣстѣ въ обществахъ строго упорядоченъ біологическими условіями, или законами ихъ организмовъ. Поэтому, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что познаніе законовъ животнаго организма для познанія законовъ соціальнаго организма необходимо, и въ этомъ смыслѣ и теперь, и всегда будетъ неоспоримо, что біологія образуетъ фундаментальную предпосылку соціологіи. Въ этомъ заключается, такимъ образомъ, первый элементъ истины, который никто не станетъ оспаривать у системы Спенсера. Сверхъ того, аналогія между обществомъ и организмомъ, если она даже и не можетъ повести къ плодотворнымъ открытіямъ, способна, по крайней мѣрѣ, вызвать убѣжденіе, что общество является не искусственнымъ твореніемъ человѣка, не машиною, которую онъ сконструировалъ и можетъ по произволу измѣнять или разлагать, но что оно есть естественное произведеніе, которое подчинено строгому закону развитія и прогресса и которое человѣкъ не можетъ разрушить или существенно измѣнить. Въ этомъ заключается большой шагъ впередъ сравнительно съ теоріей Конта. Въ то время какъ этотъ послѣдній своимъ представленіемъ соціальныхъ явленій, какъ продуктовъ развитія человѣческаго ума, вызываетъ идею, что во власти человѣка лежитъ измѣнить положеніе общества, и такимъ образомъ какъ бы оправдываетъ реформаторовъ, прожектеровъ и соціальныхъ мечтателей, система Спенсера очень кстати обливаетъ эти безсмысленныя мечтанія холодною водою,

указывая, что общество есть органическое цѣлое, строго управляемое неизмѣнными естественными законами, и что мысль произвольно измѣнить положеніе всей общественной совокупности посредствомъ какого либо правительственнаго акта или посредствомъ административной или политической реформы такъ же абсурдна, какъ идея тѣхъ, которые утверждали бы, что возможно выпрямить ноги у собакъ или что слоновъ можно превратить въ мухъ. Самое большее, къ чему можетъ привести соціальная реформа, это достигнуть того скромнаго результата, котораго добивается скотоводъ разумнымъ и цѣлесообразнымъ скрещиваніемъ, какъ этому послѣднему удается голову, роги или ноги быка сдѣлать меньше или красивѣе, такъ могутъ терпѣливыя и прилежныя старанія реформаторовъ устранить нѣкоторыя соціальныя несообразности и уродства. Но не болѣе. Если, поэтому, Контъ заключаетъ свой трудъ болѣе или менѣе богатыми проектами реформъ, Спенсеръ заканчиваетъ квіэтизмомъ, который Спенсеръ доводитъ до крайности, борясь съ соціальнымъ реформаторствомъ, ремесленными союзами, со всякой формой государственнаго вмѣшательства, не замѣчая, что эти явленія сами являются частью необходимаго развитія общества, противъ котораго бороться напрасно; но квіэтизмъ Спенсера, во всякомъ случаѣ, ближе къ истинѣ, чѣмъ безсильныя пожеланія его предшественника.

Если бы я задался цѣлью формулировать синтетическое сужденіе о соціологіи Спенсера и въ то же время сравнить ее и теорію Конта, я сказалъ бы, что предметъ изученія Конта есть высшій идеализмъ, а Спенсера—глубокая животная жизнь. Контъ говоритъ во имя идей и привѣтствуетъ ихъ, какъ высшихъ руководителей человѣческаго общества; Спенсеръ—во имя клѣтокъ, нервовъ и ихъ безсознательныхъ вибрацій. Контъ паритъ въ облакахъ, Спенсеръ роется въ подземныхъ дебряхъ. Контъ—ангелъ, Спенсеръ—фавнъ. Но ни одинъ изъ обоихъ мыслителей не стоитъ съ людьми на землѣ, ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ дѣйствительно положительнаго и человѣческаго воззрѣнія на соціальную жизнь. Соціологія, обрѣвшая въ лицѣ Конта ангела и въ лицѣ Спенсера фавна, была вынуждена, подобно Діогену, отправиться въ поиски за человѣкомъ. Нашла ли она его? Это еще необходимо будетъ изслѣдовать. Но достовѣрно, что отъ результатовъ этихъ поисковъ зависитъ будущность молодой науки и ея преисполненная надеждъ судьба.

IV.

Послѣдняя фаза біологической соціологіи.

Теорія органическаго развитія, которая одна только въ состояніи, по мнѣнію послѣдователей біологической соціологіи, разъяснить загадку соціальной эволюціи, сама претерпѣла нѣкоторое развитіе или интересную параболу, съ которой всякій желающій понимать трудные спорные вопросы непремѣнно долженъ ознакомиться. Для перваго теоретика трансформизма, Ламарка, развитіе родовъ является простымъ результатомъ продѣлываемыхъ индивидуумомъ напряженій ради приспособленія къ окружающей обстановкѣ; гдѣ эти напряженія повторяются въ теченіе довольно значительнаго промежутка времени, они видоизмѣняютъ и совершенствуютъ соотвѣтствующій органъ, а затѣмъ и весь организмъ. Это постепенное совершенствованіе организма, продуктъ непрерывной борьбы за существованіе съ условіями, въ которыхъ онъ находится, укрѣпленное и болѣе или менѣе ясно выраженное, переносится на потомковъ. Укрѣпляясь, благодаря наслѣдственности и непрерывному упражненію въ теченіе поколѣній, имъ удается, наконецъ, достигнуть радикальнаго видоизмѣненія рода или даже образованія новаго вида. Такова въ краткихъ чертахъ теорія Ламарка. Но она, принятая при своемъ возникновеніи съ недовѣріемъ, была совершенно вытѣснена болѣе глубокой и широкой теоріей Дарвина. Эта послѣдняя не отрицаетъ, что окружающія условія, приспособленіе, наслѣдованіе пріобрѣтенныхъ свойствъ являются важными факторами органическаго развитія, но она твердо настаиваетъ на томъ, что они служатъ гораздо менѣе значительными факторами по сравненію съ естественнымъ отборомъ, впервые выдвинутымъ Дарвиномъ на первый планъ. Такъ какъ средства существованія, говоритъ онъ, всегда недостаточны, чтобы прокормить совокупность живыхъ существъ, то между ними свирѣпствуетъ ужасная борьба за существованіе, въ которой побѣждаютъ наиболѣе лучшіе, наиболѣе сильные, въ то время какъ наиболѣе слабые неизбѣжно вымираютъ. Переживаніе же сильныхъ, снабженныхъ болѣе совершенными и превосходными органами, оказываетъ очень сильное вліяніе на улучшеніе и совершенствованіе видовъ; передавая и еще

болѣе рѣзко выражая выгодныя свойства въ ряду поколѣній, оно можетъ вызвать, наконецъ, образованіе новыхъ высшихъ видовъ. Такимъ образомъ имѣется уже не единственный факторъ развитія, какъ это думалъ Ламаркъ въ своей метафизической односторонности, но многіе факторы должны соединяться, чтобы достигнуть великаго результата.

Это широкое ученіе было необыкновенно искусно воспринято и защищаемо Спенсеромъ, который разсматриваетъ органическое развитіе, какъ продуктъ дѣйствія трехъ факторовъ: окружающихъ условій, отбора и наслѣдованія пріобрѣтенныхъ свойствъ. Вліяніе окружающихъ условій производитъ индивидуальныя варіаціи или вызываетъ примитивную дифференціацію въ единствѣ протоплазмы; естественный отборъ сохраняетъ и дѣлаетъ болѣе явственными положительныя измѣненія; наслѣдованіе пріобрѣтенныхъ свойствъ, наконецъ, совершенствуетъ индивидуумы и виды дальше. И этотъ послѣдній факторъ является въ особенности дѣятельнымъ, онъ представляетъ, пожалуй, чрезвычайную важность у высшихъ видовъ и больше всего у человѣческаго рода, у котораго дѣйствіе естественнаго отбора очень часто парализуется могущественнымъ противоположнымъ вліяніемъ. Новое ученіе, возникшее подъ покровомъ двухъ такихъ великихъ именъ, какъ Дарвинъ и Спенсеръ, казалось, должно было безспорно установить свое господство въ біологическихъ дисциплинахъ, а слѣдовательно, также въ соціальныхъ наукахъ. Но приблизительно 30 лѣтъ тому назадъ возникло другое, отличное во многомъ отъ этого, научное направленіе и пріобрѣло постепенно все большее и большее значеніе. Оно ударяется въ противоположную Ламарку односторонность: оно разсматриваетъ естественный отборъ, какъ единственный факторъ органическаго развитія; другіе упомянутые выше факторы оно исключаетъ, или же разсматриваетъ ихъ, какъ лицъ безъ рѣчей, какъ случайныхъ статистовъ.

Новѣйшее развитіе теоріи эволюціи обязано своимъ происхожденіемъ нѣмецкому естествоиспытателю Августу Вейсману; онъ прославился, прежде всего, тѣмъ, что категорически отрицалъ наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ, являющуюся, по Ламарку, исключительнымъ факторомъ животнаго развитія. По Вейсману, съ рожденіемъ переносятся только прирожденныя свойства, но не тѣ, которыя являются результатомъ дѣятельности и упражненія. Такъ, напр., цвѣтной человѣкъ будетъ имѣть дѣтей, которые станутъ тоже цвѣтными людьми, потому что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о прирожденныхъ свойствахъ, а таковыя только и переносятся на потомковъ. Но дѣти танцовщика или танцовщицы, которые, благодаря продолжительнымъ упражненіямъ въ танцахъ, пріобрѣли прекрасныя ноги, вовсе не необходимо должны имѣть ноги исключительной красоты; сапожникъ, который, вслѣдствіе особеннаго сидѣнія впродолженіи цѣлаго дня, имѣетъ сгорбленную спину, будетъ имѣть сына не необходимо съ сгорбленной

спиной; сынъ скрипача не необходимо наслѣдуетъ подвижные пальцы, являющіеся у отца результатомъ безконечныхъ упражненій и т. д., ибо все это суть пріобрѣтенныя свойства, именно поэтому не переносимыя на потомковъ.

Чтобы изложить свою теорію, Вейсманъ начинаетъ съ утвержденія, что всѣ органическія существа состоятъ изъ двухъ различныхъ частей: зародышевой плазмы и соматозныхъ клѣтокъ. Все, что у индивидуума не зародышевая плазма—соматозныя клѣтки, и между обоими частями нѣтъ никакого обмѣна или взаимнаго воздѣйствія. Органическое существо передаетъ новорожденному опредѣленную часть зародышевой плазмы, но рѣшительно ничего изъ соматозныхъ клѣтокъ, и поэтому-то вмѣстѣ съ индивидуумомъ исчезаютъ всѣ тѣ измѣненія, которыя возникаютъ въ соматозныхъ клѣткахъ и не переносятся на потомство. Измѣненія, получаемыя органами посредствомъ упражненія или бездѣятельности, или, другими словами, пріобрѣтенныя свойства и недостатки касаются исключительно соматозныхъ клѣтокъ, не имѣя никакого отношенія къ зародышевой плазмѣ; эта послѣдняя совершенно не подлежитъ воздѣйствію этихъ вліяній, потому что она заключена въ глубочайшихъ слояхъ организма. Поэтому, пріобрѣтенныя свойства не переносимы черезъ унаслѣдованіе. Вотъ вполнѣ подходящій примѣръ, который пояснитъ дѣло. Большая «цѣпь золотого руна», усыпанная благородными камнями, должна была по смерти ея владѣльца возвращаться королю Испаніи, который надѣлялъ ею кого-нибудь другого. Но футляръ, въ которомъ заключалась цѣпь, могъ быть сохраняемъ и семьею ея перваго владѣльца. Изъ этого слѣдуетъ, что если лицо, получившее въ знакъ отличія «цѣпь золотого руна», украшаетъ футляръ рисунками и драгоцѣнными камнями, то всѣ эти украшенія не переносятся на его наслѣдника по знаку отличія, который получаетъ цѣпь, а не футляръ. Зародышевая плазма Вейсмана какъ разъ соотствуетъ цѣпи золотого руна, а соматозныя клѣтки футляру. Органическія усовершенствованія, обязанныя упражненію, воспитанію и т. д. суть тѣ же украшенія, которыми надѣленъ футляръ зародышевой плазмы, а такъ какъ затѣмъ футляръ не переносится на наслѣдниковъ, то украшенія и улучшенія также не переносятся въ рядѣ потомковъ; они остаются индивидуальными эпизодами, а не соціальными состояніями.

Теперь понятно, что по исключеніи наслѣдованія пріобрѣтенныхъ свойствъ развитіе видовъ нельзя приписать перенесенію этихъ свойствъ; оно остается, поэтому, подъ исключительнымъ вліяніемъ естественнаго отбора. Но недостаточно, чтобы естественный отборъ принимался такимъ образомъ въ качествѣ единственнаго и исключительнаго фактора органическаго развитія, ибо Вейсманъ утверждаетъ, что, кромѣ того, онъ является conditio sine qua non для сохраненія видовъ, или для того, чтобы они не регрессировали и не опускались бы

къ низшимъ формамъ животнаго царства. Если бы въ самомъ дѣлѣ процессъ естественнаго отбора не происходилъ, было бы возможно то ужасное явленіе, которое Вейсманъ называетъ панмиксисомъ (Panmixis) и которое, по его мнѣнію, составляетъ причину органической дезинтеграціи и равнозначно ужасной дегенераціи. Если бы при этомъ не было борьбы за существованіе, если бы при этомъ отсутствовало переживаніе лучше вооруженныхъ индивидуумовъ и уничтоженіе слабыхъ, то эти послѣдніе стали бы жить; а если бы они выживали, они могли бы приходить въ сношенія съ болѣе высшими существами другого пола, и лучше приспособленные органы этихъ послѣднихъ вмѣсто того, чтобы въ теченіе поколѣній сохраняться и совершенствоваться, что было бы необходимымъ явленіемъ, если бы высшія существа соединялись бы только между собою, постепенно ухудшались бы и возвращались бы къ примитивнымъ, низшимъ формамъ. Такимъ образомъ, органы, вмѣсто того, чтобы совершенствоваться съ теченіемъ времени, постепенно ухудшались бы, пока видъ не возвратился бы навсегда къ болѣе раннимъ деградированнымъ формамъ.

Нѣкоторыя проявленія этого процесса панмиксиса и его разрушительнаго вліянія мы можемъ узнать въ обыкновеннѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ явленіяхъ. Такъ, напримѣръ, дикіе, питающіеся сырымъ или плохо свареннымъ мясомъ и не имѣющіе подъ рукой дантистовъ, которые могли бы имъ вставлять искусственные зубы, нуждаются въ безупречныхъ зубахъ, чтобы жить. Поэтому среди дикихъ по необходимости вымираютъ тѣ, кто имѣютъ испорченные зубы, въ то время какъ пережившіе, снабженные прекрасными зубами, вступаютъ между собою въ бракъ и имѣютъ дѣтей, у которыхъ точно такіе же или даже еще болѣе крѣпкіе зубы. Такимъ образомъ все болѣе совершенствуются и укрѣпляются зубы вида. Но цивилизованный человѣкъ опять же можетъ жить хорошо, если даже у него скверные или совершенно отсутствуютъ естественные зубы: современная кухня можетъ приготовлять изъ мяса такіе паштеты, которые почти совершенно не требуютъ пережовыванія; кромѣ того, теперь на каждомъ шагу можно найти изготовителя искусственныхъ зубовъ; новѣйшая статистика показала, что въ одной только Англіи изготовляется ежегодно до $1^1/_2$ милліоновъ фальшивыхъ зубовъ. Поэтому, въ нашемъ обществѣ наряду съ лицами съ хорошими имѣются лица съ плохими зубами, и браки между тѣми и другими возможны и часто бываютъ. Если вступаютъ въ бракъ два лица, одно съ хорошими, другое съ плохими зубами, то обыкновенно ихъ потомки уже не получаютъ хорошихъ зубовъ; такимъ образомъ зубы все болѣе и болѣе портятся, что, къ сожалѣнію, и наблюдается во всѣхъ цивилизованныхъ обществахъ, тогда какъ у дикихъ народовъ они совершенствуются въ рядѣ поколѣній. Если этотъ фактъ, наблюдаемый въ данномъ случаѣ на одномъ изъ второстепенныхъ органовъ

распространяется на всѣ жизненные органы индивидуума, то можно заключить, что выживаніе менѣе способныхъ, по мѣрѣ увеличиванія возможности брачнаго соединенія ихъ съ болѣе способными, вызываетъ ужасную дегенерацію и необходимый регрессъ вида. Понятно, поэтому необыкновенно громадное значеніе, приписываемое этимъ ученіемъ естественному отбору, такъ какъ этотъ послѣдній — не только единственный факторъ органическаго развитія, но и единственное спасительное средство противъ регресса вида, единственное условіе, благодаря которому антропоиды не дѣлаются монерами, а люди—обезьянами.

Такимъ образомъ теорія органическаго развитія претерпѣла замѣчательную параболу. Сперва развитіе изображается, какъ продуктъ наслѣдованія пріобрѣтенныхъ способностей; потомъ какъ совмѣстный результатъ этого фактора и естественнаго отбора, затѣмъ—только естественнаго отбора одного, и наконецъ, естественный отборъ начинаетъ обѣрегать не только причину развитія, но вообще условіе существованія вида. Новѣйшая форма, принятая такимъ образомъ теоріей органическаго развитія, оказала значительное вліяніе въ области соціологіи. Новѣйшіе представители соціологіи на біологическомъ основаніи спѣшатъ воспринять теорію Вейсмана и сдѣлать изъ нея боевое оружіе противъ наиболѣе значительныхъ и до сихъ поръ наиболѣе сильныхъ теорій. Если дѣйствительно наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ—говорятъ они—могла бы быть призванной, возможность человѣческаго прогресса могла бы быть понятной только при тѣхъ условіяхъ, которыя исключаютъ борьбу за существованіе, но если въ этомъ случаѣ наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ исключена, если всѣ факторы развитія сводятся на *одинъ* факторъ естественнаго отбора, если этотъ послѣдній, сверхъ того, является существеннымъ условіемъ сохраненія вида отъ вырожденія и дегенераціи, тогда, очевидно, борьба между живыми существами, кровавая и ужасная борьба и обусловленное ею уничтоженіе менѣе приспособленныхъ, составляетъ неизмѣнное условіе соціальнаго развитія, цѣною котораго покупаются успѣхи человѣчества и само равновѣсіе человѣческаго общества. Поэтому, абсолютно необходимо способствовать такъ или иначе соціальной борьбѣ, не стремясь установить покой и усмирить борьбу между живыми существами, такъ какъ отъ нея одной зависитъ развитіе и жизнь совокупности.

Среди писателей, которые если даже они и отступаютъ въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ другъ отъ друга, согласны между собою въ этомъ апофеозѣ естественнаго отбора, можно назвать Марселли (Marselli), Новикова, Гумпловича, Ваккаро и т. д., но лишь двое должны быть здѣсь особенно отмѣчены, такъ какъ они сдѣлали изъ данныхъ посылокъ наиболѣе послѣдовательные выводы, это—Аммонъ и Киддъ.

Аммонъ въ своемъ сочиненіи «Общественный порядокъ и его есте-

ственныя основы» («Die Gesellschftssordnung und ihre natürliche Grundlagen»), слѣдуя Вейсману, устанавливаетъ всемогущество естественнаго отбора и пытается доказать, что онъ функціонируетъ среди людей такъ же, какъ и среди низшихъ родовъ животныхъ. Какъ въ животной борьбѣ за существованіе, говоритъ онъ, торжествуютъ наиболѣе сильные и лучшіе, а наихудшіе погибаютъ или вымираютъ, то же самое происходитъ и въ человѣческомъ обществѣ. А такъ какъ побѣдителями въ соціальной борьбѣ являются богатые, капиталисты, собственники, въ то время какъ побѣжденными—бѣдные и рабочіе, то Аммонъ не стыдится доказывать изумительное положеніе, что сильный и богатый-слабый и бѣдный суть синонимы, или другими словами, что всѣ богатые — люди ума или таланта, а бѣдные — все безтолочь. Руководясь этой мыслью, онъ начинаетъ затѣмъ классифицировать людей по ихъ талантамъ и находитъ, что они располагаются соотвѣтственно биноминальной кривой или параболѣ. Очень незначительно число людей съ великими талантами, затѣмъ число людей со все меньшими талантами постепенно увеличивается, пока недостигаетъ степени средняго таланта, которымъ обладаетъ самое большое количество людей. За этимъ пунктомъ число людей съ интеллигенціей ниже средней начинаетъ постепенно уменьшаться, пока не дойдетъ до мельчайшихъ талантиковъ, до дураковъ, число которыхъ приблизительно такое же, какъ и геніевъ. Кривая доходовъ показываетъ какъ разъ подобное же расположеніе. Очень немного чрезвычайно богатыхъ людей, милліардеровъ; вмѣстѣ съ постепенно уменьшающимся доходомъ увеличивается и число ихъ владѣльцевъ, пока цифра не дойдетъ до средняго дохода, которымъ пользуется наибольшее число людей. Затѣмъ опять начинается уменьшеніе числа людей соотвѣтственно уменьшенію размѣра дохода, и число лицъ, получающихъ самые капельные доходы, приблизительно такъ же незначительно, какъ число милліардеровъ. Стало быть, торжествующе заключаетъ Аммонъ, кривая доходовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ согласуется съ кривой талантовъ, такъ что богатство является необходимымъ дополненіемъ интеллигентности, такъ что владѣніе богатствомъ составляетъ вѣнецъ таланта, такъ что чѣмъ богаче чевѣкъ, тѣмъ больше его интеллигентность.

Между тѣмъ самыя элементарныя разсужденія тотчасъ же вызываютъ безконечное множество возраженій противъ подобныхъ заключеній. Оставимъ въ сторонѣ все, что мы могли бы сказать противъ установленнаго параллелизма кривой доходовъ и кривой талантовъ,—въ дѣйствительности не существуетъ такого параллелизма, ибо въ то время, какъ число людей, одаренныхъ талантами ниже средняго, уменьшается, число людей, получающихъ все болѣе низкій доходъ, чѣмъ средній, увеличивается, поэтому число бѣднѣйшихъ не равно числу богатѣйшихъ, а далеко превосходитъ его. Но если мы, несмотря на все, оставимъ

это въ сторонѣ, то обѣ кривыя только тогда пріобрѣли бы нѣкоторую доказательность, если бы было установлено, что индивидуумы, находящіеся на опредѣленныхъ пунктахъ кривой доходовъ, тѣ же самые, которые занимаютъ соотвѣтствующіе пункты на кривой талантовъ, другими словами, если бы было доказано, что слѣдующіе другъ за другомъ классы владѣльцевъ доходовъ состоятъ изъ тѣхъ же самыхъ индивидуумовъ, которые образуютъ послѣдовательные ряды талантовъ. Но такого доказательства—едва ли нужно указывать на это—Аммонъ не приводитъ, да и привести не можетъ, а безъ него обѣ его кривыя не говорятъ рѣшительно ничего и не даютъ права на тѣ заключенія, около которыхъ вращается споръ. Впрочемъ, должно быть упомянуто, что авторъ чувствуетъ и самъ все несовершенство своего метода, потому что онъ мучится надъ тѣмъ, чтобы собрать различныя другія доказательства. Онъ увѣряетъ, на основаніи цифръ, собранныхъ Кандолемъ, что богатыя фамиліи доставили гораздо большее число ученыхъ и художниковъ, чѣмъ бѣдныя. Онъ разсказываетъ, что измѣреніе сотенъ череповъ богатыхъ и бѣдныхъ показало большую умственную способность первыхъ. Черепа банкировъ обнаруживаютъ прежде всего большую емкость, что явно доказываетъ, что они превосходятъ въ интеллигентности всѣхъ другихъ смертныхъ. Нужны ли еще другія доказательства? Аммонъ очень много измѣрялъ шляпъ богатыхъ и бѣдныхъ; онъ разспрашивалъ объ этомъ большое количество шапочниковъ и эти послѣднія увѣряли его, что шляпы богатыхъ всегда больше шляпъ бѣдныхъ. Нужно ли требовать еще чего-нибудь, чтобы имѣть возможность всѣмъ рабочимъ земного шара видѣть свидѣтельство ихъ умственной несостоятельности, а буржуазіи—ея интеллигентности? Стало быть, заключаетъ Аммонъ, всѣ богатые люди—талантливы, всѣ бѣдные—болваны. Слѣдовательно, человѣческое общество въ своей структурѣ и въ своемъ собственномъ развитіи строго подчиняется великому біологическому закону естественнаго отбора, ибо въ немъ (обществѣ) торжествуютъ лучшіе, наиболѣе сильные, и ихъ торжество составляетъ исключительный факторъ и существенное условіе прогресса.

Но достаточно самаго поверхностнаго наблюденія, чтобы опровергнуть это мнимое интеллектуальное превосходство обезпеченныхъ классовъ, которое Аммонъ съ такимъ непомѣрнымъ усердіемъ награждаетъ значеніемъ универсальнаго антропологическаго закона. Не принимая даже противоположнаго утвержденія, защищаемаго Адамомъ Смитомъ и недавно Бюхеромъ, что богатые не потому богаты, что они интеллигентны, но потому интеллигентны, что они богаты, необходимо признать, что въ этомъ послѣднемъ утвержденіи содержится гораздо больше правды, чѣмъ у Аммона. Чтобы доказать это, достаточно взять тотъ фактъ, около котораго Аммонъ съ такимъ великимъ удовольствіемъ топчется, что знатныя и богатыя фамиліи дали абсолютно и относи-

тельно большее число ученыхъ и художниковъ. Ибо основаніемъ этого факта является попросту то, что только зажиточныя фамиліи могутъ дать своимъ дѣтямъ требуемое для занятія искусствомъ воспитаніе, т.-е., что талантъ можетъ расцвѣсти только въ теплыхъ оранжереяхъ богатства или что если не талантъ, то все же возможность его развитія есть дѣйствіе, а не причина владѣнія богатствомъ.

А какъ много видныхъ ученыхъ обязаны своими открытіями единственно лишь ихъ туго набитому кошельку. Леверрье систематически присвоивалъ себѣ всѣ открытія астероидовъ, дѣлаемыя его ассистентами, и на запросъ относительно этого онъ цинически отвѣтилъ, что они составляютъ его благопріобрѣтенную собственность, такъ какъ онъ за каждый открытый астероидъ платилъ 1.000 франковъ. Съ другой стороны, достаточно самого незначительнаго знакомства съ исторіей частной собственности, чтобы безжалостно осудить положеніе, будто богатство является результатомъ и вознагражденіемъ высокой интеллигентности. Я приведу для этого только одинъ примѣръ. Одинъ индійскій рабъ, назначенный сторожемъ храма Сивы, выломалъ однажды ночью колоссальные алмазы, составлявшіе глаза бога, бѣжалъ съ драгоцѣнными камнями черезъ Азію, перешелъ русскую границу и достигъ Петербурга, гдѣ ему удалось продатъ алмазы императрицѣ Екатеринѣ за нѣсколько милліоновъ рублей. Этотъ человѣкъ является основателемъ извѣстнаго рода. И вотъ я спрашиваю, гдѣ же талантъ, который создалъ богатство? Кто осмѣлится отрицать, что не талантъ, а воровство есть въ этомъ случаѣ творецъ богатства? И какъ легко было бы увеличить примѣры и обобщить выводы!

Но, продолжаетъ Аммонъ, если естественный порядокъ общества самъ собою опредѣляетъ побѣду наиболѣе лучшихъ и приспособленныхъ элементовъ, то этимъ еще не сказано, что такой результатъ не можетъ быть вызванъ разумными стараніями человѣка и не долженъ быть преслѣдуемъ. Напротивъ.. Если развитіе и равновѣсіе общества находится въ зависимости отъ торжества наиболѣе сильныхъ, т.-е. богатыхъ, то организація государства должна быть, прежде всего, такъ устроена, чтобы увеличить число этихъ послѣднихъ (тѣмъ болѣе, что этому содѣйствуютъ нѣкоторыя біологическія вліянія), способствовать ихъ торжеству и такимъ образомъ содѣйствовать уничтоженію деградированныхъ и бѣдныхъ классовъ. И Аммонъ ничуть не стыдится предлагать рядъ направленныхъ къ этой цѣли мѣропріятій.

Первое средство достигнуть этого, говоритъ онъ, заключается во введеніи значительныхъ косвенныхъ налоговъ на необходимые предметы потребленія, которые охраняютъ высшіе и богатые классы, позволяя имъ взвалить всю тяжесть налоговъ на бѣдныя народныя массы. Одновременно должны быть увеличены выпуски государственныхъ

бумагъ, потому что такимъ образомъ увеличивается толпа тѣхъ привилегированныхъ существъ, которыя употребляютъ свое существованіе на стрижку купоновъ и возвышенное обдумываніе истинъ. Государство должно исключить пролетаріевъ отъ административнаго и политическаго голосованія, потому что они представляютъ наиболѣе деградированные и нечистые элементы буржуазнаго общества. Необходимо поощрять браки между индивидуумами одного и того же слоя, что, способствуя отбору лучшихъ и распространенію наиболѣе отмѣнныхъ свойствъ, даетъ возможность избѣжать несчастій панмиксиса! Но это еще недостаточно! Необходимо поддерживать преслѣдованія расъ, потому что они всегда и безошибочно направлены противъ низшихъ расъ и вызываютъ ихъ исчезновеніе. Нужно прославлять войну, потому что она во всякомъ случаѣ оканчивается уничтоженіемъ слабыхъ. Въ дѣйствительности падаютъ на поляхъ битвы, по Аммону, только менѣе способные или неспособные, въ то время какъ благороднымъ и ловкимъ, конечно, удается спастись. Какъ будто гранаты, скашивающія цѣлые ряды борющихся, могутъ избирать свои жертвы! Развѣ не является ужаснымъ богохульствомъ—прекрасный цвѣтокъ Италіи, Готфрида Мамели (Mameli), который варварски былъ умерщвленъ на полѣ битвы, считать за неспособнаго и дегенерированнаго, а нашихъ храбрыхъ генераловъ, которымъ удалось при Абба Гарима (Abba Garima) бѣгствомъ спасти себѣ жизнь, признавать какими-то сверхчеловѣками или избранными умами? Очевидно, достаточно лишь упомянуть о такихъ утвержденіяхъ, чтобы ихъ опровергнуть.

Еще болѣе грандіозные выводы изъ доктрины Вейсмана сдѣлалъ Киддъ въ своей извѣстной книгѣ о соціальномъ развитіи. Такъ какъ развитіе или даже просто сохраненіе соціальнаго аггрегата, говоритъ этотъ авторъ, не можетъ быть достигнуто иначе, какъ цѣною естественнаго отбора или борьбы за существованіе, то ясно, что между интересами индивидуума и интересами общества существуетъ непримиримое противорѣчіе, такъ какъ прогрессъ можетъ быть упроченъ, а регрессъ устраненъ только цѣною ужасной борьбы между единицами, которая ведетъ къ бѣдности и уничтоженію громаднаго большинства живущихъ. Въ то время какъ человѣческое общество достигаетъ, поэтому, высочайшаго развитія и даже состоянія равновѣсія при господствѣ свободной конкуренціи, составляющей сильнѣйшій мотивъ къ борьбѣ за существованіе, индивидуумы или по крайней мѣрѣ большее ихъ число было бы заинтересованы въ принятіи такого строя, которымъ всякая борьба за существованіе a priori исключается. Поэтому, подавляющее большинство людей, въ силу естественныхъ указаній своего разума, пыталось бы ввести общественный строй, который несоединимъ съ предпосылками существованія человѣческаго рода. Съ другой стороны побѣдители въ соціальной борьбѣ, руководимые собственнымъ эгоизмомъ, стали бы

злоупотреблять своей побѣдой или черезчуръ насиловать своихъ подчиненныхъ, что, конечно, кончилось бы возстаніемъ этихъ послѣднихъ и разложеніемъ общества. Стало быть и съ этой точки зрѣнія разумъ ведетъ людей къ антисоціальнымъ дѣйствіямъ. Если, стало быть, разумъ самъ по себѣ побуждаетъ людей къ вреднымъ для общества поступкамъ, то, очевидно, не существуетъ иного средства достигнуть этого, какъ апеллируя къ мотиву, лежащему фактически надъ разумомъ, или возвращаясь къ ультраpаціональной санкціи. А такая ультрараціональная санкція несравнимой силы дается религіей. Угрожая людямъ за вредныя, противообщественныя дѣйствія сверхъестественнымъ наказаніемъ, она удерживаетъ ихъ отъ выполненія этихъ дѣйствій, и такимъ образомъ упрочиваетъ ту норму жизни, которая лучше всего соотвѣтствуетъ имманентнымъ законамъ соціальнаго развитія. Религія является, поэтому, существеннѣйшимъ цементомъ человѣческаго аггрегата, провиденціальною силою, вызывающею его прогрессивный ростъ и охраняющею его отъ вырожденія и вымиранія. И, поэтому, нельзя удивляться, что религіозное чувство укрѣпляется съ каждымъ днемъ, и что именно тѣ общества являются наиболѣе цвѣтущими и благословенными, гдѣ религія въ высшей степени цѣнится. Такимъ образомъ Киддъ приходитъ къ абсолютно противоположному заключенію, чѣмъ Бокль; въ то время какъ послѣдній разсматриваетъ мораль какъ нѣчто стаціонарное и видитъ рычагъ человѣческаго развитія въ умственномъ развитіи, Киддъ видитъ въ умѣ препятствіе развитія общества и утверждаетъ, что оно зависитъ исключительно отъ благодѣтельныхъ вліяній морали и религіи.

Какъ видно, біологическая теорія общества получаетъ въ сочиненіи Кидда необыкновенно громадное значеніе и исчерпывается разрѣшеніемъ на скорую руку двухъ чрезвычайно трудныхъ проблемъ или—сказалъ бы я лучше—двухъ самыхъ труднѣйшихъ проблемъ, обременяющихъ нашу эпоху,—соціальнаго мира и религіи. Ничуть не помогаетъ, говоритъ резонно Киддъ, борьба противъ идей общественнаго мира именемъ моральныхъ или экономическихъ идей, потому что въ этомъ случаѣ мы всегда будемъ побиты. Безполезно дѣлать себѣ изъ этого иллюзіи; соціальный миръ далъ бы человѣческому роду такую моральную, хозяйственную и политическую организацію, которая далеко превосходитъ все то, что ему можетъ дать капиталистическій режимъ. Но намъ не требуется хвататься за моральныя и экономическія доказательства, чтобы опровергнуть соціальный миръ, уже безвозвратно осужденный біологіей. Эта послѣдняя отвергаетъ его, такъ какъ онъ уничтожилъ бы борьбу за существоаніе, подавилъ бы естественный отборъ, это высшее условіе сохраненія и равновѣсія рода, такъ какъ онъ съ необходимостью вызвалъ бы разложеніе буржуазнаго общества и возвратилъ бы людей къ примитивнымъ и варварскимъ формамъ совмѣстной жизни. Не менѣе безполезнымъ является защита религіи во имя откровенія или догмы, что можетъ вызывать со дня на день

различнѣйшія толкованія; религія находитъ неопровержимое оправданіе въ біологическихъ изслѣдованіяхъ, которыя доказываютъ, что она является необходимымъ учрежденіемъ, чтобы подчинять жизнь индивидуумовъ требованіямъ соціальнаго аггрегата. Поэтому, біологія торжественно уничтожаетъ сокрушительныя теоріи и укрѣпляетъ вѣру. Какой, право, удивительный результатъ полученъ сухими и холодными изысканіями естествознанія!

Но и эта, на первый взглядъ такая соблазнительная біо-соціологическая конструкція Кидда состоитъ въ дѣйствительности изъ ряда положеній, изъ которыхъ одно обманчивѣе другого. Невѣрно утвержденіе, что соціальный миръ исключаетъ борьбу за существованіе. На самомъ дѣлѣ борьба за существованіе, далекая отъ того, чтобы исчезнуть, лишь въ общественномъ хозяйствѣ впервые пріобрѣла бы свободное и полное проявленіе, ибо только благодаря ему индивидуумы могли бы вступить въ борьбу въ полномъ цвѣтѣ своихъ силъ, не натыкаясь подобно тому, какъ это происходитъ нынѣ, на различныя препятствія. Затѣмъ, разъ доказано, что общественное хозяйство не подавляетъ борьбы за существованіе, является, конечно, невѣрнымъ, что оно несоединимо съ условіями равновѣсія общества, и что, поэтому, интересы индивидуумовъ или ихъ огромнѣйшаго большинства въ установленіи общественнаго хозяйства находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ коллективнымъ цѣлымъ. А если существованіе настоящаго противорѣчія между интересами индивидуумовъ и интересами общества исключено, то невѣрно, что требуется санкція внѣ разума для принужденія людей дѣйствовать въ согласіи съ требованіями совмѣстной жизни. Теорія, которая указываетъ религіознымъ санкціямъ задачу постоянно принуждать человѣка дѣйствовать противъ его собственныхъ интересовъ, приходитъ къ тѣмъ заключеніямъ, которыя были бы для всякаго, какъ и для самого Кидда, отъ всего сердца желающаго существованія вѣры, всего менѣе успокоительными. Ибо невозможно, чтобы люди такое продолжительное время были жертвами иллюзіи, или чтобы они до конца временъ соблазнялись бы обольщеніями религіозныхъ предписаній всегда совершать такіе поступки, которые они фактически чувствуютъ, какъ враждебные ихъ собственной пользѣ. Если, поэтому, религія, по воззрѣнію Кидда, есть не что иное, какъ наложенный на человѣка обманъ, съ цѣлью заставить его дѣйствовать наперекоръ своимъ собственнымъ выгодамъ, то необходимо заключить, что она можетъ имѣть только очень временное значеніе или чтоона можетъ существовать только во времена невѣжества и варварства, но что она по необходимости исчезнетъ, какъ скоро развивающійся разумъ человѣка выяснитъ ему его собственныя выгоды и зависимыя отъ этого нормы его жизнедѣятельности.

Но болѣе фальшивыми и обманчивыми чѣмъ всѣ другія, являются біологическія посылки, которыя собраны Киддомъ подобно Аммону и всѣмъ другимъ писателямъ этой и школы безъ всякаго стѣсненія приняты за

основу его изслѣдованій. Уже извѣстно, что теорія Вейсмана о ненаслѣдованіи пріобрѣтенныхъ свойствъ опровергнута теперь посредствомъ многихъ важныхъ наблюденій и экспериментовъ, и что ея главный виновникъ принужденъ былъ въ послѣднее время къ цѣлому ряду смягченій и ограниченій, подъ которыми его догма въ большей своей части, уже погребена. Здѣсь не мѣсто указывать на эти опроверженія въ отдѣльности, но очень важно замѣтить, что наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ въ средѣ человѣческаго рода доказывается многими чрезвычайно убѣдительными фактами. Такъ, напр., извѣстно, что монголы, рождающіеся съ кривыми ногами и нѣсколько согнутымъ корпусомъ, обязаны этимъ ежедневной ѣздѣ верхомъ, которая продолжается у этого племени номадовъ уже въ теченіе многихъ столѣтій. Даже законодательство различныхъ народовъ молча признаетъ переносимость пріобрѣтенныхъ способностей. Такъ—и это необходимо хорошенько отмѣтить, индійскій институтъ или средневѣковое учрежденіе, цехъ, которые предписывали сыну выполнять работу его отца, молча исходили изъ той мысли, что выгодныя органическія измѣненія, пріобрѣтенныя отцомъ вслѣдствіе безпрестанно повторяющейся одной и той же работы, переносятся на его сына при рожденіи этого послѣдняго и дѣлаютъ для него эту работу особенно пригодной. И въ настоящее время англійское адмиралтейство при наборѣ на морскую службу предпочитаетъ сыновей моряковъ, потому что опытомъ установлено, что ихъ физическія особенности, пріобрѣтенныя при рожденіи, особенно приспособлены къ ней. Все это находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ догмой о ненаслѣдованіи пріобрѣтенныхъ способностей. Конечно, намъ нѣтъ никакой надобности доводить свои заключенія до преувеличенія, будто пріобрѣтенныя способности всегда и въ каждомъ случаѣ наслѣдуются; если бы это было вѣрно, человѣческій родъ окаменѣлъ бы во множествѣ строго другъ отъ друга отграниченныхъ кастъ. Нѣтъ, сынъ вовсе не проклятъ неумолимымъ естественнымъ закономъ непремѣнно слѣдовать по жизненнымъ стопамъ своего отца. Нерѣдко ему, благодаря его собственнымъ талантамъ и прилежанію, удается прорвать границы, въ которыхъ вращалась дѣятельность его отца, и возвыситься до болѣе высшаго положенія. Лютеръ, сынъ рудокопа, Контъ, сынъ сѣдельнаго мастера, Джіотто (Giotto), сынъ пастуха, протестуютъ противъ этой безнадежной теоріи судьбы опредѣленныхъ унаслѣдованій. Но даже если и признать все это, то все же остается вѣрнымъ, что во многихъ случаяхъ пріобрѣтенныя свойства переносятся людьми на ихъ потомство и что, поэтому, главное положеніе Вейсмана совершенно неприменимо къ человѣческому роду.

Не менѣе обманчиво и химерично и мрачное изображеніе результатовъ панмиксиса, которымъ Вейсманъ испугалъ на нѣкоторое время человѣчество. Чтобы вполнѣ убѣдиться въ его заблужденіи, достаточно

указать, что борьба за существованіе подавляетъ только очень незначительную часть живущихъ и что, поэтому, у всѣхъ видовъ животныхъ и въ особенности у человѣка переживаютъ также и многіе менѣе сильныя и болѣе слабыя существа. Отсюда слѣдуетъ, что панмиксисъ, не будучи особенно важнымъ явленіемъ, осуществляющимся всегда и у всѣхъ видовъ живыхъ существъ, является феноменомъ, который обнаруживается только при паталогическихъ и ненормальныхъ условіяхъ. Если, поэтому, панмиксисъ въ самомъ дѣлѣ вызывалъ бы тѣ несчастливыя вліянія, которыя приписываетъ ему Вейсманъ, всѣ виды животныхъ должны были бы представлять зрѣлище въ высшей степени безнадежнаго отчаянія и регрессъ былъ бы универсальнымъ закономъ природы. Наперекоръ этому происходитъ какъ разъ противоположное, что Вейсманъ и самъ признаетъ, потому что во всей природѣ господствуетъ благодѣтельный законъ прогрессивнаго развитія. Поэтому всѣ біологическія теоріи, на которыхъ современные соціологи строятъ основы своихъ утвержденій, какъ каждый видитъ, чрезвычайно важныхъ и очень претенціозныхъ утвержденій, не могутъ быть болѣе безошибочными и надежными. Послѣ того, какъ разрушены основныя стѣны, разбивается въ дребезги и все съ такимъ мастерствомъ возведенное біо-соціологами зданіе.

Примѣръ двухъ писателей, которыхъ я избралъ, какъ особенно извѣстныхъ изъ всѣхъ, кого я могъ бы упомянуть, долженъ служить для читателя нѣкоторымъ поученіемъ и напоминать о предусмотрительности; онъ предостерегаетъ отъ создаванія собственными руками біологическихъ божковъ, являющихся своего рода фетишами. Каждая наука обязана извлекать пользу изъ результатовъ, къ которымъ пришли другія науки, но только тогда, когда они строго доказаны, а не тогда, когда дѣло идетъ о совершенно необоснованныхъ гипотезахъ. Не забудемъ, что даже дарвиновская теорія еще очень далека отъ несокрушимости истины. Вспомнимъ, что вырѣзанныя на египетскихъ барельефахъ приблизительно за 4.000 лѣтъ тому назадъ человѣческія лица, которыя указываютъ на совершенное сходство съ лицами людей, живущихъ въ настоящее время, кажется, коварно смѣются надъ всѣми стараніями современныхъ біологовъ распространить законъ животнаго развитія на человѣческій родъ. Вспомнимъ предостереженія мужественныхъ соціологовъ, Колойяни, Тарда и многихъ другихъ, возстающихъ противъ соціологическихъ дедукцій изъ незрѣлыхъ біологическихъ предпосылокъ.

Напомнимъ въ заключеніе слова двухъ знаменитыхъ представителей физики и біологіи, которыхъ, конечно, нельзя заподозрить въ желаніи уменьшить результаты, добытые этими науками. Персонъ (Pearson), профессоръ прикладной математики въ лондонскомъ университетѣ и членъ королевскаго общества, увѣрялъ недавно, что теорія органическаго развитія еще не достигла того строгаго выраженія, которое могло бы возвысить ее до положенія научной истины, и что соціологи, стре-

мящіеся установить свои доктрины на основѣ біологіи, строятъ ихъ на пескѣ. Почти въ то же время Грасси (Grassi), профессоръ сравнительной анатоміи въ римскомъ университетѣ, знаменитый своими открытіями явленій маляріи, предостерегалъ соціологовъ отъ дурной привычки пользоваться физіологическими и біологическими теоріями, которыя могутъ быть разсматриваемы лишь какъ опыты, гипотезы и сомнѣнія, но которымъ совершенно недостаетъ достовѣрности и доказательности, какъ безспорными основами для соціологическихъ и философскихъ системъ.

Мы можемъ только пожелать соціологамъ—не забывать этихъ предостереженій, работая на такой шаткой почвѣ, гдѣ имъ постоянно грозитъ опасность потерпѣть полный разгромъ ихъ надеждъ и обѣщаній.

V.

Соціологія на экономической основѣ.

Природа любого явленія, которую, собственно, можно было бы обнаружить еще въ эмбріональномъ или несовершенномъ состояніи, фактически открывается лишь послѣ того, какъ явленіе достигло полнаго развитія и величественныхъ размѣровъ, уже съ перваго взгляда бросающихся въ глаза. Замѣчательнымъ примѣромъ можетъ служить великій законъ органическаго развитія, который, конечно, могъ бы быть открытымъ и въ нашей европейской полосѣ земного шара, такъ какъ и здѣсь мы ежедневно видимъ его проявленіе, но въ дѣйствительности Дарвинъ и Уоллесъ открыли его въ странахъ Новаго Свѣта, гдѣ фауна богаче и многообразнѣе. Необходима извѣстная степень яркости и величины явленія, чтобы оно могло произвести впечатлѣніе на наши чувства, возбудило наше вниманіе и заставило бы насъ сдѣлать его предметомъ нашего изученія. Если теорія какихъ-либо явленій можетъ найти доказательства даже тамъ, гдѣ они встрѣчаются въ строго ограниченныхъ, скромныхъ предѣлахъ, то все же первое побужденіе къ наблюденію проявляется только тамъ, гдѣ они имѣютъ большіе и развитые размѣры.

Блестящимъ примѣромъ этой мысли можетъ служить исторія самой соціологіи, или новѣйшій эпизодъ этой послѣдней,—открытіе экономическаго основанія соціальныхъ явленій. Абстрактно разсуждая, такое открытіе могло бы быть произведено въ каждую историческую эпоху: для этого нужны лишь просто логика и элементарнѣйшія наблюденія. И, однако, въ теченіе многихъ вѣковъ, когда экономическія отношенія были какъ бы скрыты и не выступали явно передъ глазами наблюдателя; когда тихо и незамѣтно прозябали рахитическая промышленность и разрушающееся понемногу натуральное хозяйство,—въ это время не знали экономической основы соціальнаго состоянія и не оставалось поэтому ничего другого, какъ объяснять это послѣднее исключительнымъ дѣйствіемъ интеллектуальнаго или біологическаго фактора. Конечно, и въ прошедшемъ не было недостатка въ мыслителяхъ, которые подозрѣвали истину. Таковы изъ старыхъ Аристотель, изъ немногихъ мыслителей такого рода новыхъ вѣковъ Гаррингтонъ, а изъ современныхъ

Романьози (Romagnosi); эти ученые съ большимъ или меньшимъ блескомъ провозгласили зависимость состоянія общества отъ фактовъ политической экономіи. Но все же это только отдѣльныя утвержденія, не подкрѣпленныя всеобщимъ признаніемъ или строгими научными доказательствами; утвержденія, при самомъ своемъ возникновеніи совершенно задушенныя различнымъ и противоположнымъ направленіемъ сдѣлавшагося господиномъ положенія *философскаго* мышленія. Только при первыхъ проблескахъ утренней зари современной эпохи, когда неожиданно громадное расширеніе промышленности и капитализма, цвѣтущія предпріятія и расширеніе кредита чрезвычайно увеличили значеніе частной собственности и сотни разъ явственно показали ея могущество надъ судьбой націй,—только тогда поняли значеніе экономическихъ отношеній.

Какъ и нужно было ожидать, это было впервые признано и ясно высказано въ странѣ, гдѣ современныя экономическія отношенія впервые приняли такое импозантное и величественное развитіе, т.-е. въ Англіи. Марксъ и Энгельсъ—два изгнанника, которые, благодаря своему долгому пребыванію въ Великобританіи, вполнѣ вникли во всемогущество и таинственнѣйшіе законы современнаго имъ капитализма, первые въ блестящей и строгой формѣ высказали новую истину. Марксъ далъ ей классическую формулировку въ «Zur Kritik der politischen Oekonomie» *), которая была опубликована въ 1858 году. «Въ общественномъ производствѣ своей жизни,—сказалъ онъ,—люди входятъ другъ съ другомъ въ опредѣленныя, отъ ихъ воли независимыя отношенія, производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ данной ступени развитія ихъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, надъ которымъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ вообще соціальный, политическій и духовный процессы жизни». Это повторяется также Энгельсомъ въ нѣсколькихъ интересныхъ сочиненіяхъ. Однако, если и необходимо признать за этими обоими учеными славу перваго провозглашенія новаго соціологическаго направленія, то справедливо было бы добавить, что они установили его, какъ догму, прежде чѣмъ дали солидныя, положительныя доказательства его истинности. Они скорѣе какъ бы совершенно пренебрегали логическимъ оправданіемъ своей тезы и упорно предпочитали окапываться неприступнымъ валомъ аксіомъ. Въ этомъ заключается—пусть будетъ сказано это напередъ—различіе или существенно болѣе низкое научное положеніе главарей новой соціологической школы по сравненію

*) Рус. переводъ вышелъ въ 1896 г. См. о немъ ст. П. Струве въ «М. Бож.» 1896 г. дек. 105 стр.

съ обоснователями разсмотрѣнныхъ нами раньше направленій. И въ самомъ дѣлѣ, Контъ и Спенсеръ не ограничиваются только тѣмъ, что *утверждаютъ* интеллектуальный или біологическій базисъ соціологіи, но со всѣмъ усердіемъ стараются доказать это. Напротивъ, ничего подобнаго Марксъ и Энгельсъ не пытаются дѣлать, утверждая, что экономическое состояніе составляетъ основу соціальнаго строя, и ежеминутно повторяютъ, что экономика составляетъ анатомію человѣческаго общества. Но если мы потребуемъ отъ нихъ логическаго доказательства, какъ достаточнаго основанія этихъ короткихъ и важныхъ утвержденій, они смотрятъ на насъ свысока или же отвѣчаютъ: изучайте исторію и вы найдете подтвержденіе нашему тезису. Отвѣтъ во всѣхъ отношеніяхъ недостаточный, ибо исторія очень гибкая матерія, которой каждый можетъ вертѣть по своему усмотрѣнію, и которая предлагаетъ матеріалистамъ такое же сильное оружіе, какъ и идеалистамъ, или борцамъ какого-либо другого интеллектуальнаго направленія. Поэтому аппеляція къ исторіи никогда не можетъ окончательнымъ образомъ рѣшить вопросъ объ истинности данной соціальной теоріи, которая должна быть строго доказана логически неопровержимыми аргументами.

Существуютъ ли аргументы такого рода въ настоящемъ случаѣ? Существуютъ ли дѣйствительно научныя основанія, которыя *были* бы въ состояніи доказать экономическую причинность соціальныхъ явленій? Это составляетъ фундаментальную проблему, которая *остается еще нерѣшенной*.

Какъ скоро мы обратимъ наше вниманіе на экономическіе факты, мы замѣтимъ, что они надѣлены такими свойствами, которыя доставляютъ имъ явно преимущественное значеніе въ общественной жизни. Но прежде всего экономическіе факты въ отличіе отъ біологическихъ, общихъ всѣмъ органическимъ существамъ, по своей природѣ свойственны исключительно человѣческой жизни. Конечно, какой-либо мелочной учености было бы не трудно найти и среди животныхъ факты, которые видимо представляютъ нѣкоторое отдаленное сродство съ экономическими отношеніями. Такъ, напр., когда обезьяна отламываетъ отъ дерева сукъ, чтобы сбить кокосовые орѣхи, то мы съ нѣкоторымъ подобіемъ правды можемъ сказать, что эта обезьяна есть капиталистъ, или что она предпринимаетъ актъ накопленія. Но эти якобы ученыя упражненія не могутъ опровергнуть того, что животнымъ недостаетъ истинныхъ, настоящихъ экономическихъ отношеній. У нихъ совершенно нѣтъ даже основы экономическихъ фактовъ—производства; они владѣютъ лишь простой способностью присвоенія свободныхъ продуктовъ земли, изъ чего ни въ какомъ случаѣ нельзя построить экономическихъ отношеній. Сверхъ того у животныхъ аггломератовъ не существуетъ даже отдаленнѣйшаго намека на явленія обмѣна, прибыли, ренты, заработной платы. Поэтому мы вправѣ утверждать, что эко-

номическія факты въ своихъ существенныхъ проявленіяхъ свойственны исключительно человѣческому роду, и это положеніе можетъ быть безъ противорѣчія принятымъ въ качествѣ фундамента соціальныхъ явленій, существенно и исключительно свойственныхъ человѣку.

Это не все. Экономическіе факты проще, чѣмъ всѣ другія соціальныя явленія. И дѣйствительно, безъ всякаго труда можно замѣтить, что матеріальный фактъ производства средствъ существованія, ихъ распредѣленія и потребленія гораздо проще, чѣмъ всѣ другія проявленія соціальной жизни, каковы, напр., мораль, право, политика и т. д. Чтобы жить, необходимо производить, произведенные продукты дѣлить между производителями и т. д. все это такія вещи, которыя практикуются и могутъ быть непосредственно наблюдаемы даже у самыхъ дикихъ и грубыхъ человѣческихъ племенъ. Но почему, далѣе, необходимо соблюдать извѣстныя нормы жизни, почему обожаются сверхъестественныя существа, почему издаются и выполняются законы,— это гораздо болѣе сложныя явленія, которыя, чтобы быть проведенными или даже только стать проектированными, требуютъ болѣе тонкихъ воззрѣній и болѣе развитой культуры.

Экономическіе факты хронологически предшествуютъ всѣмъ другимъ соціальнымъ фактамъ. Уже классическій девизъ указываетъ на это: primum vivere, deinde philosophari *). Человѣкъ долженъ прежде всего добыть себѣ необходимыя средства существованія, и только когда онъ получаетъ возможность болѣе или менѣе прочно стоять на ногахъ, онъ можетъ думать и объ изданіи законовъ, и о созданіи моральныхъ санкцій и т. д. Другими словами, экономическіе факты обнаруживаются раньше, чѣмъ всѣ другія явленія совмѣстной жизни людей.

Конечно—и это необходимо нужно признать—одинъ фактъ можетъ быть проще другого, не будучи въ то же время его причиной. Точно также справедливо и то, что предшествованіе одного факта другому по времени вовсе еще не доказываетъ, что первый есть причина второго. Такъ, напр., тотъ фактъ, что въ слѣдующемъ послѣ смерти Цезаря году солнце (какъ говорятъ) показывалось на горизонтѣ блѣднымъ и безъ блеска, вовсе не позволяетъ намъ заключать, что смерть диктатора была причиной этого астрономическаго явленія. И однако, несмотря на это, совокупность свойствъ, наблюдаемыхъ въ экономическихъ фактахъ,—а именно, что они исключительно человѣческой природы, проще, чѣмъ всѣ другія соціальныя явленія, и хронологически слѣдуютъ раньше всѣхъ остальныхъ,—даетъ сильное подкрѣпленіе мысли, что экономическіе факты составляютъ основу соціальнаго состоянія.

Но эта мысль получаетъ еще бо̀льшую вѣроятность, какъ скоро

---

*) Сначала жить, потомъ философствовать.

мы переходимъ къ изслѣдованію экономическихъ фактовъ въ ихъ существенныхъ чертахъ. Дѣйствительно, зерномъ всѣхъ экономическихъ отношеній, какъ это обнаружилось во всѣ историческія эпохи человѣчества, является абсолютное и постоянное раздробленіе общества на двѣ части—на хозяевъ и работниковъ. Но даже для тѣхъ, кто не хочетъ изслѣдовать причинъ этого раздвоенія человѣческаго рода, по крайней мѣрѣ одно ясно, а именно, что оно не есть дѣло природы. Природа, дѣйствительно, не создала ab origine людей съ капиталистическими и пролетарскими чертами. Ясно, что это могло быть лишь результатомъ общаго экономическаго процесса. И позитивное изслѣдованіе, дѣйствительно, обнаруживаетъ этотъ процессъ, какимъ онъ былъ раньше и какимъ является сейчасъ. Во всякомъ случаѣ существованіе соціальныхъ различій составляетъ результатъ человѣческихъ отношеній, а не свободнаго дѣйствія силъ природы...

Возникаетъ рядъ соціальныхъ явленій, охватывающихъ совокупность моральныхъ фактовъ и средствъ принужденія, которыя находятся въ тѣснѣйшей связи съ экономическимъ положеніемъ и объяснимы только въ свѣтѣ этого послѣдняго. Но моральное принужденіе само по себѣ безсильно удержать людей отъ антисоціальныхъ поступковъ, потому что прежде всего существуетъ большее или меньшее число людей, которые смѣются надъ моральнымъ наказаніемъ, все равно проявляется оно въ угрозѣ наказанія въ будущей жизни или въ нехорошей репутаціи передъ общественнымъ мнѣніемъ. И вотъ, чтобы держать этихъ упорныхъ индивидуумовъ въ порядкѣ, появляется энергически и строго принудительный институтъ,—право. Оно удерживаетъ людей отъ антисоціальныхъ поступковъ тѣмъ, что налагаетъ на нихъ уже не сверхчувственное, а осязательное, матеріальное наказаніе. Если мораль угрожаетъ нравственнымъ наказаніемъ, нематеріальнымъ, то право угрожаетъ тюрьмой; одновременно грозитъ оно и собственнику, который присвоитъ себѣ имущество другого собственника, или позволяетъ себѣ безчинства противъ своихъ рабочихъ. Право регулируетъ отношенія семьи, собственности, наслѣдованія, договора и т. д. всѣ отношенія, которыя выходятъ изъ того или другого состоянія экономики. Право во всѣхъ своихъ частяхъ пропитано экономическими отношеніями и во всѣхъ своихъ опредѣленіяхъ соотвѣтствуетъ интересамъ владѣющихъ собственностью классовъ.

Поэтому, право каждой эпохи соотвѣтствуетъ прежде всего тому роду собственности, какой въ немъ господствуетъ; тамъ, гдѣ господствуетъ земельная собственность, право тѣснѣе всего примыкаетъ къ интересамъ земли; тамъ же, гдѣ господствуетъ капиталъ, оно склоняется болѣе на сторону движимой собственности. Гдѣ развиваются, такимъ образомъ, опредѣленныя отношенія, тамъ появляется и соотвѣтствующее имъ право. Достойнымъ упоминанія примѣромъ является

введеніе римскаго права въ Германіи въ концѣ XV-го столѣтія; оно было просто результатомъ новыхъ хозяйственныхъ отношеній, которыя появились здѣсь на зарѣ новой эпохи и которыя имѣли большое сходство съ отношеніями, господствовавшими въ языческомъ Римѣ. Вообще, это истина, вытекающая изъ глубокаго изученія правовой жизни всѣхъ извѣстныхъ народовъ; по Гайму, господствующихъ юридическихъ отношеній каждой эпохи нужно искать не столько въ абстрактныхъ принципахъ, которыми питалась старая философія права, а скорѣе въ прозаической и матеріальной структурѣ хозяйственныхъ отношеній.

Владѣніе бываетъ различнаго рода, смотря потому, изъ какого источника дохода оно происходитъ. А такъ какъ владѣльцы различныхъ доходовъ часто имѣютъ разные интересы, то владѣющіе классы дѣлятся въ свою очередь на двѣ или нѣсколько партій, которыя, вслѣдствіе антогонизма между извлекаемыми ими доходами, бываютъ до извѣстной степени враждебны другъ къ другу. Наиболѣе важная и существенная противоположность въ этомъ отношеніи господствуетъ между земельною и движимою собственностью, изъ которыхъ первая довольствуется status quo, тогда какъ вторая заинтересована въ дальнѣйшемъ развитіи; въ качествѣ выраженія этой экономической противоположности выростаетъ политическая противоположность между собственниками земли, образующими въ большей своей части консервативную партію,—аграріи въ Германіи, напр.,—и собственниками капитала, составляющими прогрессивную или либеральную партію. И вотъ этотъ-то политическій конфликтъ между обоими партіями собственниковъ въ высшей степени важенъ, потому что каждая изъ этихъ партій, чтобы побѣдить своего соперника должна быть щедра на уступки, что ведетъ къ исключительной выгодѣ бѣдныхъ. Этимъ объясняется принятіе мѣропріятій къ выгодѣ бѣдныхъ классовъ; этимъ получается соотвѣтственное объясненіе и сводится къ ихъ обозначенному уже значенію цѣлый рядъ учрежденій и законовъ, имѣющихъ въ виду благо трудящагося народа; они начались старѣйшими аграрными законами и постепенно перешли къ образованію свободныхъ общинъ и современнаго соціальнаго законодательства. Потокъ демократическихъ реформъ, въ теченіе столѣтій пролагающій себѣ путь сквозь окоченѣвшій лѣсъ убивающихъ свободу законовъ, имѣетъ свое происхожденіе въ историческомъ расколѣ между двумя враждующими партіями собственниковъ и вытекающей отсюда необходимости посредствомъ благодѣтельныхъ законовъ пріобрѣсти союзъ и помощь народа.

Въ главнѣйшихъ своихъ пунктахъ таково новое направленіе соціологіи, которое вообще обозначается какъ «историческій матеріализмъ».

Это обозначеніе, правда, не совсѣмъ точно, такъ какъ съ одной стороны были восприняты постепенно совершенно несогласующіяся съ нимъ идеи, а съ другой—и соціологія Спенсера на біологической основѣ

можетъ быть съ полнымъ правомъ обозначена такимъ же названіемъ, поэтому было бы по нашему мнѣнію, гораздо цѣлесообразнѣе обозначить современную соціологическую школу именемъ «историческаго экономизма». Но если мы вопросъ о номенклатурѣ, имѣющій всегда подчиненное значеніе, оставимъ въ сторонѣ, то остается несомнѣннымъ, что новое направленіе заключаетъ въ себѣ много истиннаго и доказаннаго. Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ подорвать довѣріе къ новой школѣ, указывая и повторяя преувеличенія нѣкоторыхъ ея послѣдователей, которые какъ будто имѣли намѣреніе создать на нее каррикатуру. Конечно нѣкоторыя разъясненія и примѣры, которыми пытались доказать экономическое основаніе соціальной жизни, обнаруживаютъ лишь легкомысліе писателей, осмѣлившихся ихъ высказать. Такъ, напр., де-Молинари (De-Molinari), ультралиберальный и болѣе всякаго другого ортодоксальный писатель, утверждаетъ, что примитивный фетишизмъ исчезъ потому только, что нашли жертвы слишкомъ дорогими, и что пришли къ мысли, что лучше было бы принять такую религію, которая ихъ изгнала бы. Еще больше. Тотъ же писатель утверждаетъ, что переходъ отъ политеизма къ монотеизму является исключительно лишь результатомъ разсчета. Но этимъ, исходящимъ отъ крайней правой экономической соціологіи преувеличеніямъ соотвѣтствуютъ не болѣе разумныя преувеличенія изъ рядовъ крайней лѣвой. Такъ, напр., Энгельсъ не страшится утверждать, что германцы практиковали сожженіе труповъ только потому, что они владѣли неизмѣримыми лѣсами, доставлявшими имъ дешевый горючій матеріалъ, и что позднѣйшую форму погребеніе мертвыхъ необходимо объяснить большею рѣдкостью дровъ вслѣдствіе сильной вырубки лѣсовъ. Конечно, тѣ, кто борется съ этимъ вздоромъ, правы; но они неправы, думая, что тѣмъ самымъ они уничтожаютъ историческій матеріализмъ, тогда какъ въ дѣйствительности они опровергали безвкусную и смѣшную каррикатуру.

Другіе извлекаютъ на Божій свѣтъ многоразличныя вліянія, которыя оказываютъ на соціальное положеніе моральныя чувствованія и правовые и политическіе факты. Никто не станетъ, конечно, отрицать, реальность и силу подобныхъ вліяній. Величественные соборы, которые и нынѣ еще удивляютъ своею смѣлою архитектурой, и другіе храмы—неумирающія творенія аскетическаго искусства,—стоятъ цѣлыя столѣтія, какъ памятники могущественнаго вліянія религіознаго чувства. Оно было единственнымъ, которое внушило художнику его планъ, которое водило кистью живописца, которое одушевляло поэта въ его пѣніи; и единственно изъ религіознаго чувства цѣлыя поколѣнія черпали нужную силу, чтобы бороться съ такимъ множествомъ препятствій, чтобы восторжествовать надъ такимъ множествомъ непріятныхъ случайностей, чтобы черезъ помѣхи всякаго рода довести возвышенное дѣло вѣры до конца. Все это можно было бы противопоставить тому,

кто возымѣлъ бы намѣреніе утверждать, что экономическій факторъ непосредственно создалъ средневѣковое искусство, или былъ его непосредственною причиной. Но ни одинъ человѣкъ со здравымъ разсудкомъ не осмѣлился бы на подобное утвержденіе. Конечно, нѣтъ, религіозное чувство и только оно одно внушало разнообразнѣйшія проявленія искусства въ теченіе среднихъ вѣковъ; но то же самое религіозное чувство, которому мы обязаны удивительными твореніями этой эпохи, въ свою очередь находилось въ зависимости отъ современныхъ ему экономическихъ отношеній. Поэтому, нѣтъ никакой ошибки утверждать, что даже въ высшихъ и эфирныхъ продуктахъ ума, между причудливыми зубцами и фантастическими пирамидами готическихъ соборовъ, даже въ серафическихъ картинахъ святыхъ и аскетовъ зоркій взглядъ соціолога откроетъ каббалистическіе знаки экономическаго фактора.

Совершенно справедливо, что человѣческая душа имѣетъ разнообразныя и различныя черты,—которыя нельзя и не нужно сводить на одну только черту—стремленіе и пріобрѣтеніе; но точно также справедливо, что даже очень возвышенныя и разнообразныя проявленія человѣческой души строго опредѣляются и ограничиваются экономическими условіями, въ которыхъ она развивается. Такъ, напр., поэтъ, настоящій поэтъ, сочиняетъ стихи не за тѣмъ, чтобы заработать деньги, не потому, что сочинять есть способъ его существованія: стихи—свободное и непреодолимое выраженіе его мышленія. И однако, поэзія каждой эпохи является вѣрнымъ рефлексомъ ея соціальныхъ и экономическихъ отношеній, и даже самая необузданная фантазія поэта никоимъ образомъ не въ состояніи ихъ перепрыгнуть. Даже свободнѣйшій поэтъ не могъ бы нынѣ воспѣвать въ эпическихъ стихахъ рыцарей, ихъ подвиги и ухаживаніе за дамами, равно какъ средневѣковые поэты не могли пробить рамки аскетическихъ и рыцарскихъ отношеній. Мы хотимъ сказать, что человѣкъ даже въ самыхъ, видимо, необузданныхъ выраженіяхъ всегда является продуктомъ данной исторической почвы, на которой онъ стоитъ, или экономическихъ отношеній, въ кругу которыхъ протекаетъ его жизнь.

Впрочемъ, развитіе искусства всегда послушно слѣдуетъ за развитіемъ экономическихъ отношеній. Такъ, когда XIII-е столѣтіе приноситъ въ Европу вліяніе Востока и когда появляется свобода общинъ слава готическихъ соборовъ начинаетъ блѣднѣть. Соотвѣтственно этому за рафинированными и восторженными рисунками средневѣковья слѣдуютъ картины съ блестящими красками, и уже въ XIV-мъ столѣтіи желтый и красный цвѣта начинаютъ замѣнять голубой цвѣтъ, пониманіе гармоніи еще болѣе понижается и скульптура и живопись принимаютъ все болѣе матеріалистическій и реалистическій характеръ. Когда затѣмъ новое время вызываетъ необычайную концентрацію имуще-

ства, архитектура также становится прихотливѣе, а преувеличенная и причудливая орнаментика замѣняетъ чистоту прежнихъ линій; въ то же время въ живописи выдвигается раньше неизвѣстный жанръ, портретъ, какъ симптомъ и одновременно продуктъ увеличивающагося богатства, которое стремится удивлять и торжественно драпироваться передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Далѣе, говорятъ, что научная система, которая разсматриваетъ соціальное развитіе, какъ необходимый продуктъ хозяйственныхъ отношеній и отрицаетъ всякое замѣтное вліяніе за поступками и волевыми движеніями человѣка, необходимо приводитъ къ соціальному фатализму, квіетизму и буддизму. Но если бы этотъ упрекъ былъ даже совершенно вѣрнымъ, то онъ все же не въ состояніи былъ бы опровергнуть эту теорію. Но совершенно невѣрно, будто историческій матеріализмъ необходимо приводитъ къ фатализму. Конечно, эта теорія категорически исключаетъ возможность произвольныхъ реформъ, конечно, она безвозвратно уничтожаетъ остроумныя иллюзіи тѣхъ утопистовъ, которые вѣрили въ возможность въ одинъ моментъ до основанія измѣнить положеніе общества, разъ только они оповѣстятъ извѣстныя моральныя идеи или издадутъ законодательныя опредѣленія. Въ этомъ отношеніи новая школа находится въ полнѣйшемъ согласіи съ теоріей развитія, которая самымъ рѣзкимъ образомъ отрицаетъ возможность произвольныхъ революцій. Между тѣмъ она учитъ, что реформа общества достижима только путемъ реформы экономическихъ отношеній, т.-е. что дѣйствительное обновленіе общества можетъ исходить не изъ высшихъ проявленій морали и права, можетъ быть достигнуто не проповѣдью новыхъ догмъ или новыхъ формъ управленія, но только посредствомъ измѣненія отношеній владѣнія, а это дѣло рукъ человѣческихъ...

Конечно, новая доктрина еще очень далека отъ той остроты и строгой точности, которыя являются необманчивымъ знакомъ зрѣлой и глубокой научной системы. Но среди преувеличеній можно уже видѣть проблески полной истины. Уже теперь можно смѣло утверждать, что только новому ученію удастся придать соціологіи характеръ настоящей науки, который ни психологическая, ни біологическая школа не были въ состояніи упрочить за ней, и что подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ обновленной соціологіи всѣ отдѣльныя соціальныя дисциплины возстанутъ къ новой и славной жизни.

Новая школа не пригнетаетъ также и тѣ направленія, которыя предшествовали ей въ благородномъ соревнованіи, но напротивъ, она старается собрать и упорядочить открытыя ими частичныя истины. Она извлекаетъ пользу изъ изслѣдованій Конта относительно вліянія интеллектуальнаго фактора на развитіе общества, но одновременно указываетъ, какъ этотъ очень сильный факторъ въ свою очередь обу-

словливается рѣшающимъ воздѣйствіемъ экономическаго фактора. И біологическій факторъ не оставляетъ она безъ вниманія, но въ то же время она указываетъ на то, какъ онъ видоизмѣняется и уничтожается подъ могущественнымъ вліяніемъ экономическихъ отношеній. Далекая отъ того, чтобы уничтожать результаты другихъ школъ, она соединяетъ свое ученіе съ ихъ собственными изысканіями въ одно симметрическое и упорядоченное цѣлое. И я, не скрываясь, заявляю напередъ: вооруженная результатами, къ которымъ пришли прежнія школы, свободная отъ всякой партійной односторонности, прочно доказанная счетомъ и наблюденіями, соціологія на экономической основѣ покажетъ себя, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ способной разрѣшить загадку общественной жизни и подготовить для нашего измученнаго общества болѣе свѣтлое и болѣе радостное будущее.

VI.

Сравнительная соціологія.

Если вѣрно, что различнѣйшія отрасли знанія пользуются по существу одинаковыми методами изслѣдованія (дедукція и индукція, наблюденіе и опытъ), то не менѣе вѣрно и то, что различныя дисциплины, вслѣдствіе различнаго характера разсматриваемыхъ ими явленій, отдаютъ большее предпочтеніе тому или иному методу изслѣдованія. Можно, пожалуй, добавить, что каждая наука имѣетъ свой собственный, внѣшній, такъ сказать, знакъ, тотъ спеціальный методъ, которымъ она постоянно или предпочтительно пользуется, и что въ особеннестяхъ ея метода, гораздо больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ ея чертахъ, чрезвычайно ярко обнаруживается особый родъ ея объекта, физіономія ея духовной области. Достаточно даже самаго поверхностнаго разсмотрѣнія, чтобы показать, что господствующимъ методомъ въ соціологіи или тѣмъ, которому она обязана своими важнѣйшими завоеваніями, является *сравнительный* методъ, и что, поэтому, если даже наша наука имѣетъ одинъ общій предметъ изученія съ моральными, юридическими и политическими науками, все же, поскольку дѣло идетъ о методѣ изслѣдованія, она гораздо ближе къ антропологическимъ и біологическимъ наукамъ.

Но сравнительный методъ принимаетъ въ соціологіи три совершенно различныя формы смотря по тому, какъ варіируютъ соціальные организмы, которыхъ онъ касается. Соотвѣтственно этому, сравненіе можетъ быть *лингвистическимъ*, *этнографическимъ* и *колоніальнымъ* (kolonial).

Языковѣдѣніе представляетъ для соціальной науки неожиданное и могущественное вспомогательное средство, благодаря методу, подобно всѣмъ геніальнымъ изобрѣтеніямъ, необыкновенно простому. И на самомъ дѣлѣ глубокое родство, открытое языковѣдѣніемъ между нарѣчіями индо-европейскихъ народовъ, само уже по себѣ показываетъ, что всѣ эти народы произошли изъ одного общаго корня, отъ котораго они въ первобытныя времена отдѣлились посредствомъ переселенія изъ первоначальныхъ мѣстъ обитанія. Если опредѣленный предметъ или данное учрежденіе обозначается въ различныхъ

индо-европейскихъ языкахъ словами, имѣющими одинаковые корни, то отсюда слѣдуетъ, что этотъ предметъ или данное учрежденіе извѣстно было племени общихъ предковъ еще до начала выселенія; если, напротивъ, различные европейскіе языки пользуются для обозначенія одинаковыхъ предметовъ различными корнями, то отсюда слѣдуетъ, что они не были извѣстны первобытному племени общихъ праотцевъ передъ ихъ разселеніемъ. Такъ, благодаря такому пріему удается съ замѣчательною приблизительною вѣрностью опредѣлить степень культуры, на которой находилось первоначальное племя передъ разселеніемъ, его учрежденія, основныя черты его соціальнаго устройства, т.-е. область нашего знанія распространяется въ зависимости отъ скудости и обилія историческихъ и палеонтологическихъ документовъ.

Безъ сомнѣнія, въ строгости этого метода возникаютъ въ первый же моментъ очень значительныя сомнѣнія. Необходимо, прежде всего, признать, что различіе фонетическихъ корней, употребляемыхъ разными націями для обозначенія одного и того же предмета, не всегда уже само по себѣ служитъ указаніемъ на позднѣйшее появленіе обозначаемой вещи. И дѣйствительно, кто обратилъ вниманіе на тотъ теперь уже неопровержимый фактъ, что въ первыя фазы своего существованія колоніи представляютъ удивительно вѣрное отраженіе первоначальнаго состоянія своей родной страны, долженъ признать, что многіе предметы, имѣвшіе значеніе для родоначальнаго племени въ моментъ разсѣянія, могли совершенно не сохраниться уже въ первыя времена переселенія, благодаря образованію новыхъ формъ сообществъ. Поэтому уже въ началѣ образованія новыхъ агломерацій должны были необходимо забыться многія привычныя для первоначальнаго племени слова. Стало быть, если новые агломераты принимали позднѣе какіе-либо старые институты, они по необходимости употребляли для ихъ обозначенія новыя слова. Поэтому различное обозначеніе однихъ и тѣхъ же предметовъ у индо-европейскихъ народовъ вовсе еще не можетъ быть приведено какъ рѣшительное и недвусмысленное доказательство, что данный предметъ былъ незнакомъ первоначальному племени передъ его разсѣяніемъ. Далѣе, люди, выдѣлившіеся изъ этого племени и отправившіеся въ поиски за новыми мѣстами, должны были по необходимости проходить чрезъ дикія и нехозяйственныя мѣстности и даже долго оставаться тамъ среди ордъ, лишенныхъ всякой культуры. Очень естественно, что многія изъ учрежденій ихъ отечества должны были при такихъ обстоятельствахъ находиться внѣ всякаго употребленія и связанныя съ ними для ихъ обозначенія слова постепенно исчезнуть. Поэтому, если эти, отдѣлившіяся отъ первоначальнаго племени группы позднѣе вновь восприняли нѣкоторые прежніе институты и предметы, они должны были создать для ихъ обозначенія новыя слова. Такимъ образомъ объясняютъ филологи различіе корней для обозначенія соли различными націями Европы. И на самомъ дѣлѣ это различіе не мо-

жетъ считаться какъ результатъ или показатель того, что будто бы первоначальное племя не было знакомо съ существованіемъ или употребленіемъ соли; оно должно быть сведено къ тому, что различныя народности послѣ своего отдѣленія отъ материнскаго племени, должны были, прежде чѣмъ достигнуть назначеннаго мѣста, въ теченіе многихъ столѣтій пребывать въ мѣстностяхъ, гдѣ соль была неизвѣстна. съ другой стороны тожество корней, обозначающихъ у различныхъ европейскихъ народовъ одинаковые предметы, еще не доказываютъ, рѣшительнымъ образомъ, что эти предметы были извѣстны материнскому племени передъ его разсѣяніемъ; ибо очень легко могло быть, что данный предметъ или данное учрежденіе былъ впервые открытъ и введенъ однимъ изъ отдѣлившихся народовъ и затѣмъ благодаря торговымъ и интернаціональнымъ отношеніямъ воспринятъ былъ и остальными націями. Такимъ образомъ можно было бы объяснить, напр., тожество обозначенія различными европейскими народами плуга, который, кажется, во всякомъ случаѣ, былъ неизвѣстенъ ихъ родоначальникамъ.

Эти возраженія (недавно особенно подчеркнутыя Кавалевскимъ въ его превосходномъ сочиненіи), несомнѣнно, имѣютъ большой вѣсъ. Но если они въ состояніи ограничить цѣнность лингвистическаго метода, если они также принуждаютъ того, кто пытается имъ пользоваться, къ мучительной осторожности, они все же не могутъ его исключить и ослабить высокую цѣнность этого метода или драгоцѣнныя услуги, которыя онъ оказываетъ соціологіи. Ибо онъ способствуетъ тому чтобы одолѣть, наконецъ, тайну, окутывающую начало европейскихъ народовъ, и обозначить основныя черты первобытнаго варварства, изъ котораго вышла наша культура. И изображеніе, какое даетъ намъ лингвистическій методъ о нашихъ старѣйшихъ предкахъ, не можетъ быть названо такимъ ужаснымъ, чтобы мы должны были краснѣть за него. И въ самомъ дѣлѣ, на основѣ новѣйшихъ и виднѣйшихъ изслѣдованій, общія основныя черты индо-германскихъ первобытныхъ народовъ, легшія въ основу быта различныхъ индо-европейскихъ націй, могли быть такими. Индо-германцы не знали почти совсѣмъ употребленія металла и употребляли орудія изъ камня. Они владѣли нѣкоторыми домашними животными, напр., лошадью, которою они пользовались, впрочемъ, въ качествѣ пищи такъ какъ верховая ѣзда имъ была неизвѣстна. Земледѣліе и связанная съ нимъ индивидуальная собственность, точно также какъ и вино, были имъ незнакомы; но они умѣли прясть и ткать. Индо-германцы никогда не видали моря и не знали рыболовства; они были знакомы съ обмѣномъ, и скотъ былъ мѣриломъ цѣнности. Они употребляли нѣкоторыя мѣры тяжести и длины, въ общемъ на десятичной системѣ построенныя, и умѣли считать до 100. Они различали цвѣта съ длинными волнами (красный, желтый), но не могли различать цвѣта

съ короткими волнами (зеленый, голубой); это, вѣроятно, связано съ тѣмъ фактомъ, что первые цвѣта ежедневно воспринимались дикимъ человѣкомъ отъ покрововъ наиболѣе распространенныхъ животныхъ. Они отличали лѣто отъ зимы и считали мѣсяцы по круговращенію луны, но у нихъ вовсе не было понятія о годѣ. Какъ разъ потому, что ихъ мѣрило времени находилось въ зависимости отъ вращенія луны, они считали время не днями, а ночами. Они отличали день отъ вечера, но не знали дальнѣйшаго подраздѣленія дня, что, впрочемъ, должно было быть въ то время совершенно излишнимъ, если обратить вниманіе на условія до-исторической промышленной жизни. Они жили въ подземныхъ жилищахъ или деревянныхъ хижинахъ. Хотя они и были знакомы съ оружіемъ, приспособленнымъ для нападенія, но не знали орудій защиты. Это совершенно естественно, такъ какъ защита всегда слѣдуетъ за нападеніемъ, а слѣдовательно, и орудія защиты должны хронологически слѣдовать за орудіями нападенія, и это служитъ къ опроверженію Аммона, утверждающаго, что въ человѣкѣ существуетъ прирожденный инстинктъ защиты, который и привелъ нашихъ предковъ къ образованію соціальныхъ сожитій. Въ дѣйствительности, мнѣніе, что людямъ свойственъ этотъ инстинктъ защиты, очень далеко отъ истины, такъ какъ въ началѣ образованія человѣческаго общества не были даже извѣстны орудія защиты. Древнѣйшіе индо-германцы не знали никакой формы постоянной политической организаціи и ограничивались тѣмъ, что образовывали принудительную политическую организацію лишь въ моменты общей опасности. Первобытный народъ былъ религіозенъ, но его религія ограничивалась поклоненіемъ силамъ природы, которымъ онъ приписывалъ демоническое могущество; они не придерживались никакихъ моральныхъ нормъ и не знали принудительныхъ мѣръ. У нихъ, во всякомъ случаѣ, не было мысли о загробной будущей жизни. Богамъ поклонялись не внутри святилищъ, а подъ деревьями первобытныхъ лѣсовъ, освящавшихъ благочестіе народа.

Такова въ основныхъ чертахъ жизнь и соціальное состояніе нашихъ до-историческихъ предковъ, которые такъ хорошо могли возстановить новыя сравнительныя изысканія лингвистики. Это—та таинственная Атлантика, которую уже много столѣтій тому назадъ поглотилъ океанъ и которую новая наука силою своихъ волшебныхъ средствъ заставила всплыть изъ глубины на поверхность. Это новые горизонты, открываемые наукой словъ наукѣ вещей. Это новый міръ, открывающій широкія поля изслѣдованіямъ соціологіи, которыя она должна обрабатывать и пожинать на нихъ постоянную и благородную жатву.

Благодаря сейчасъ показанному методу, стало, наконецъ, возможнымъ, установить непрерывный рядъ формъ человѣческаго общества, приводя ихъ въ систему по степени ихъ культуры. Рядъ начинается первобытнымъ народомъ, наиболѣе характерные признаки котораго

сравнительное языковѣдѣніе сейчасъ указаннымъ образомъ обозначило; далѣе идутъ народы, пользующіеся все большею степенью культуры; рядъ заключается тѣми націями, которыя представляютъ вершину современной цивилизаціи. Стало быть, сравненіе такимъ образомъ классифицированныхъ народовъ является драгоцѣннымъ вспомогательнымъ средствомъ для изслѣдованія соціальныхъ институтовъ, ихъ возникновенія, ихъ выдающихся свойствъ. Но если сравненіе формъ языка изслѣдуетъ, главнымъ образомъ, черты сходства и живетъ преимущественно ими, то сравненіе соціальныхъ формъ должно, напротивъ, прежде всего, изслѣдовать различія. Конечно, всегда возможно сравнить аналогичныя проявленія опредѣленнаго соціальнаго явленія у различныхъ народовъ міра; но такое сравненіе приноситъ мало пользы и не позволяетъ дѣлать никакихъ важныхъ выводовъ. Если находятъ, что данное явленіе или данное учрежденіе представляетъ абсолютно одинаковыя формы у двухъ различныхъ народовъ, то изъ этого факта на самомъ дѣлѣ рѣшительно ничего нельзя вывести, еще менѣе—сродство расъ или общее происхожденіе обоихъ народовъ, ибо извѣстно, что всѣ народы земли, какъ бы различны они ни были, показываютъ на извѣстной стадіи своего развитія одинаковыя или мало отступающія другъ отъ друга учрежденія. Напротивъ, пріобрѣтеніе, извлекаемое нами изъ изученія соціальныхъ различій, дѣйствительно огромное. Мы уже знаемъ, что раннія обнаруженія даннаго явленія или даннаго учрежденія, относительно которыхъ у цивилизованныхъ народовъ даже и слѣдовъ не осталось, познаются посредствомъ изученія менѣе цивилизованныхъ народовъ, среди которыхъ эти учрежденія еще существуютъ или же оставили явственно видный слѣдъ. Точно также изученіе соціальныхъ пережитковъ, или тѣхъ соціальныхъ явленій, которыя представляютъ какъ бы остатки болѣе раннихъ фазъ развитія, удивительно даетъ много, чтобы возстановить первобытную стадію въ ея основныхъ чертахъ. Но совершенно другой и гораздо болѣе высокой цѣли служитъ сравненіе различныхъ формъ между собою и въ особенности наиболѣе противоположныхъ соціальныхъ формъ или стоящихъ на лѣстницѣ развитія дальше всего другъ отъ друга народовъ.

Если мы сравнимъ въ самомъ дѣлѣ народы, стоящіе на самой нижней ступени соціальнаго развитія, съ тѣми, которые относятся ко все болѣе высшимъ степенямъ цивилизаціи, то мы можемъ видѣть, какъ много учрежденій, имѣющихъ значеніе теперь, не существовало среди первыхъ человѣческихъ соединеній, и мы вполнѣ можемъ присутствовать при возникновеніи этихъ учрежденій и перенесенныхъ ими метаморфозахъ, прежде нежели они приняли свою современную форму. И вотъ такое изученіе уже само по себѣ показываетъ, какъ много важныхъ соціальныхъ учрежденій вовсе не особаго высокаго происхожденія и составляютъ результатъ преходящихъ и случайныхъ причинъ. А это лишаетъ соціальныя

отношенія вѣнца безсмертія, которымъ украсила ихъ наука или невѣжество прошлыхъ столѣтій, и сводитъ ихъ къ скромному положенію преходящихъ твореній, подчиненныхъ вѣчному процессу возникновенія и исчезновенія. И доказательства постепеннаго установленія соціальныхъ отношеній идетъ не исключительно по пути абстрактныхъ спекуляцій; оно открываетъ рядъ переходовъ, и изученіе уже a priori исключаетъ допустимость неизмѣнности соціальныхъ состояній

Это сравненіе, которое мы хотимъ назвать эволюціоннымъ, поскольку сравниваются народы, стоящіе на различныхъ стадіяхъ развитія, склонно установить историческій характеръ человѣческихъ учрежденій, но оно, напротивъ, совершенно не способно въ предназначенныхъ для нея формахъ и границахъ объяснить причины изслѣдуемыхъ явленій. Дѣйствительно, при сравненіи народовъ, отличныхъ другъ отъ друга, какъ небо отъ земли, по своимъ психилогическимъ и соціальнымъ факторамъ (культура, языкъ, техническое развитіе, мораль, право и т. д.) и по внѣшнимъ или естественнымъ факторамъ, (климатъ, условія занятія страны, плодородіе почвы и т. д.), совершенно невозможно вполнѣ установить, сводится ли различіе,замѣчаемое въ соціальномъ устройствѣ этихъ народовъ, на различіе всѣхъ этихъ факторовъ или только одного изъ нихъ, а слѣдовательно, невозможно утверждать, что соціальный организмъ является продуктомъ или психологическихъ, или внѣшнихъ, или какихъ-либо другихъ факторовъ. Такимъ образомъ рѣшеніе вопроса о соціальной причинности остается, къ сожалѣнію, открытымъ.

Чтобы получить до нѣкоторой степени строгое рѣшеніе этого вопроса, было бы цѣлесообразнымъ привлечь къ сравненію такія страны, которыя различались бы между собою не всѣми, а какимъ-либо однимъ факторомъ. Было бы, напр., цѣлесообразнѣе собрать на одной сторонѣ всѣ психологическіе, на другой—всѣ внѣшніе факторы, какіе только могли тѣмъ или инымъ способомъ оказывать вліяніе на соціальную жизнь, и затѣмъ сравнивать страны, отличающіяся другъ отъ друга факторами или перваго, или второго рода. Если бы, напр., сравнивая два народа, отличающіеся другъ отъ друга только территоріальными условіями, мы нашли, что ихъ соціальный строй существенно различенъ, то мы могли бы отсюда вывести, что условія оккупаціи и продуктивность почвы составляютъ существенный факторъ соціальнаго устройства. Но это не дало бы права отрицать наличность другихъ факторовъ,—психологическихъ,—соціальной структуры, и поэтому наши выводы оставались бы еще очень далекими отъ желаемой степени общности или строгости. Чтобы получить на это полный отвѣтъ, умѣстно теперь сравнить двѣ страны, которыя отличаются другъ отъ друга единственно лишь психологическимъ факторомъ. Если эти страны показываютъ совершенно тожественное соціальное устройство, мы вынуждены заключить, что только условія владѣнія и производительность почвы, или, короче, территоріальныя условія, воздѣйствовали на образованіе соціальнаго устройства, и что внутреннія условія людей играли

при этомъ лишь нѣмую роль или выступали лишь въ качествѣ статистовъ въ кровавой драмѣ исторіи. Совершенно другое заключеніе было бы, если бы народы, отличные другъ отъ друга только психологическими условіями, показывали бы различныя соціальныя устройства, а народы, различные по своимъ территоріальнымъ условіямъ, обнаруживали бы полнѣйшее тожество въ своей соціальной структурѣ.

Подобнаго рода сравненіе, сопровождаемое обильными и блестящими результатами, можетъ быть проведено теперь благодаря существованію колоній. Въ самомъ дѣлѣ, если мы какую-нибудь колонію въ какой-либо опредѣленный моментъ времени сравнимъ съ ея отечествомъ въ тотъ же самый моментъ, то мы, дѣйствительно, сравнимъ двѣ страны, представляющія полное тожество во всемъ, что относится къ расѣ, религіи, культурѣ, умственному развитію, мускульной силѣ, словомъ во всемъ, что составляетъ психологическіе, или, общѣе, человѣческіе элементы, но въ то же время обнаруживающіе и различіе или даже полную противоположность въ отношеніи условій производительности или владѣнія землею. Въ отечествѣ вся земля уже занята и большею частью обработана, въ колоніи же обширныя пространства остаются еще необработанными и даже неприсвоенными. Если, затѣмъ, соціальный строй колоніи существенно отличается отъ отечества, то мы не можемъ приписать это дѣйствію психологическихъ факторовъ, одинаковыхъ въ обѣихъ странахъ, но должны разсматривать это, какъ продуктъ различія въ условіяхъ производительности и владѣнія землею. Мы въ правѣ, стало быть, утверждать, что территоріальныя условія являются необходимымъ факторомъ соціальнаго строя. Все это, конечно еще не исключаетъ психологическихъ или человѣческихъ факторовъ въ качествѣ элементовъ, одновременно съ первымъ опредѣлящихъ соціальную структуру общества. Но сравнимъ колонію въ данный періодъ времени съ состояніемъ ея отечества въ болѣе раннюю эпоху, когда плотность населенія, а потому и условія владѣнія землею были тожественны съ условіями, существующими въ данный моментъ въ колоніи. Ясно, что такимъ образомъ мы сравниваемъ, дѣйствительно, двѣ такихъ страны, которыя отличаются одна отъ другой исключительно лишь психологическими или человѣческими элементами. И въ самомъ дѣлѣ, территоріальные элементы, или условія владѣнія и производительности почвы въ обѣихъ странахъ совершенно одинаковы; но въ колоніи процвѣтаетъ утонченная цивилизація, въ то время какъ въ первобытную эпоху въ ея отечествѣ свирѣпствовало грубое варварство раса, религія, наука, техническое развитіе, мораль въ обѣихъ странахъ совершенно различны; вообще, «человѣческій» элементъ въ обоихъ странахъ проявляется совершено различнымъ, даже противоположнымъ образомъ. Если же, несмотря на это, соціальный строй колоніи показываетъ полное тожество съ таковымъ отечества въ болѣе ранній періодъ, когда территоріальныя его условія были тожественны съ тѣми которыя констатированы въ данный моментъ въ колоніи, то мы должны

заключить, что человѣческій элементъ не оказываетъ никакого вліянія на строй общества, что онъ не является соціологическимъ факторомъ, что исключительнымъ творцомъ хозяйственнаго и соціальнаго строя является степень эксплуатаціи земли.

И какъ разъ сравнительный анализъ соціальнаго развитія американскихъ колоній и Европы показываетъ, что новыя общества имѣютъ такія экономическія, юридическія, политическія и т. д. условія, которыя существенно различны съ анологичными условіями въ отечествѣ въ этотъ же періодъ времени, но существенно тожественны съ таковыми въ періодъ болѣе ранній, когда его территоріальныя условія были тѣ же, что въ колоніи въ данный моментъ. Эти послѣднія, дѣйствительно, начинаютъ съ учрежденія непрочной индивидуальной собственности, которое замѣняется скоро коллективною собственностью, и воспроизводятъ первоначальныя фазы развитія европейскаго общества. Они переходятъ затѣмъ къ установленію рабства, принимающаго тожественныя формы съ тѣми, которыя были въ силѣ въ античныя времена Европы, а вслѣдствіе рабства въ колоніяхъ оживаютъ съ удивительнымъ сходствомъ юридическія понятія, моральныя воззрѣнія и политическія учрежденія греко-римской древности. Затѣмъ колоніи вводятъ крѣпостную зависимость, цехи и всю совокупность феодальныхъ и средневѣковыхъ порядковъ, господствовавшихъ въ Европѣ въ теченіе такого длиннаго періода; и только въ концѣ этого развитія, когда уже вся страна занята, точно также какъ и въ остальной Европѣ, колоніи воспринимаютъ систему заработной платы и всю сложную совокупность соціальныхъ отношеній, покоющуюся на ней. Какъ человѣкъ проходитъ въ материнскомъ тѣлѣ всѣ фазы органическаго развитія, точно также проходитъ и человѣчество въ своей колоніальной жизни всѣ фазы надъ-органическаго развитія.

Этотъ результатъ, къ которому приводитъ колоніальное сравненіе, является для соціологіи чрезвычайной важности, такъ какъ окончательно разрушаетъ всѣ тѣ системы, которыя находятъ причины соціальнаго развитія въ интеллектѣ или его различныхъ проявленіяхъ. Какъ же можно цѣнить теоріи Конта и Бокля, что соціальное развитіе составляетъ результатъ умственнаго развитія, или мысль Гегеля, что исторія представляетъ раскрытіе идеи, или афоризмъ Лассаля, что человѣческій духъ образуетъ сущность исторіи; какъ можно согласиться съ мыслью Маркса, что развитіе производительныхъ силъ само по себѣ производитъ прогрессирующій рядъ соціальныхъ формъ, или съ идеей Кидда, который въ религіозныхъ представленіяхъ видитъ рычагъ прогресса,—если доказано, что люди, сильные своимъ интеллектуальнымъ, техническимъ, религіознымъ наслѣдствомъ, накопленнымъ сотнями предъидущихъ поколѣній, видятъ себя принужденными принять экономическія и соціальныя отношенія прошлыхъ вѣковъ, благодаря тому единственному факту, что они поселились въ свободной странѣ, какъ нѣкогда люди первыхъ вѣковъ? Цивилизація колоній, вы-

растающая на почвѣ физическихъ условій природы независимо отъ психологическихъ свойствъ человѣка, представляетъ категорическое отрицаніе мнимой зависимости человѣческой цивилизаціи отъ интеллектуальнаго и моральнаго развитія общества, и подкрѣпляетъ идею о строгой зависимости соціальной исторіи отъ природы, идею величественнаго механическаго *синтеза* человѣка и внѣшняго міра.

Въ этомъ отношеніи колоніальное сравненіе счастливо достигаетъ разрѣшенія проблемы о первой причинѣ соціальныхъ явленій, которую предшествующія изслѣдованія оставили совершенно неразрѣшенной. И въ самомъ дѣлѣ, матеріалистическое пониманіе исторіи объясняетъ всѣ соціальныя явленія, какъ представляющія производное экономическихъ отношеній, но не показываетъ, *что* составляетъ причину этого всемогущаго экономическаго состоянія, которое производитъ и формируетъ все состояніе человѣческаго общества. Но колоніальное сравненіе можетъ до извѣстной степени заполнить всѣ пробѣлы, показывая, какъ экономическія отношенія въ свою очередь составляютъ необходимый продуктъ степени завладѣнія землею; оно, такимъ образомъ, все богатое множество соціальныхъ явленій объединяетъ одною и простѣйшей причиною.

Таковы достойныя упоминанія примѣненія этого метода, бывшія до сихъ поръ, таковы принципіальныя формы, какія до сихъ поръ принималъ сравнительный методъ въ соціологіи. Но все это пока еще —и это понятно—начало изслѣдованія, которое найдетъ дальнѣйшее примѣненіе и принесетъ чрезвычайно значительные результаты. Во всякомъ случаѣ возможно уже изъ добытыхъ теперь результатовъ предвидѣть тѣ, какіе будутъ достигнуты. И не преувеличивая можно утверждать, что такой методъ броситъ лучи живого свѣта въ глубины человѣческихъ обществъ, заставивъ исчезнуть господствующій до сихъ поръ силлогистическій методъ. Я знаю, конечно, что извѣстная французская поговорка говоритъ: comparaison n'est posraison *). Но также и поговорки подвержены текучей тлѣнности, свойственной всѣмъ человѣческимъ учрежденіямъ и твореніямъ, и новыя примѣненія сравнительнаго метода въ состояніи, вопреки распространеннѣйшимъ поговоркамъ, доказать, что тайныя причины вещей проявляются изъ сопоставленія фактовъ, а не изъ одинокого разсмотрѣнія логическихъ мудрствованій. Къ современной наукѣ такъ примѣнима прекрасная индійская легенда о происхожденіи огня; она разсказываетъ, что въ то время, какъ горячія молитвы священника бога свѣта Агни не въ состояніи были вызвать хотя бы единую искру огня, живительное пламя при радостныхъ крикахъ торжествующаго народа вспыхнуло изъ двухъ кусковъ дерева, которыя терли другъ о друга при церемоніи жертвоприношенія.

---

*) Сравненіе не доказательство.

VII.

Соціологическія изслѣдованія о семьѣ.

Цѣнность какой-либо научной дисциплины измѣряется не столько значеніемъ ея общихъ и систематическихъ положеній, сколько ея способностью рѣшить ту или другую опредѣленную проблему или анализировать отдѣльныя явленія, образующія предметъ ея изученія. Чтобы понять значеніе и производительность соціологіи, самое лучшее—изслѣдовать данное ею рѣшеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ проблемъ, находящихся въ области ея изысканій. Среди этихъ проблемъ существуетъ одна, на рѣшеніи которой лучше, чѣмъ всякой другой, проявляется истинность наиболѣе сильной теоріи современной соціологіи—экономическаго матеріализма, и господствующаго въ ней логическаго процесса изслѣдованія, связаннаго со сравнительнымъ методомъ. Это проблема о происхожденіи семьи, ея послѣдовательныхъ метаморфозъ, ея вѣроятной дальнѣйшей судьбы. Поэтому, въ данномъ пунктѣ нашего изслѣдованія болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, своевременно обратить наше вниманіе на этотъ въ высшей степени интересный вопросъ.

Дѣйствительно, нѣтъ ничего проще, яснѣе, элементарнѣе господствовавшихъ относительно этой деликатной матеріи мнѣній до середины XIX-го вѣка. До этой эпохи всеобщей признанной догмой было фактически убѣжденіе, что современная форма семьи господствовала безъ существенныхъ измѣненій во всѣ времена человѣческой исторіи. Всегда,—гласило общее мнѣніе,—съ самыхъ раннихъ временъ и вплоть до настоящаго времени господствовала моногамическая патріархальная семья, въ которой мужъ и отецъ составлялъ центръ и высшаго судью въ домѣ и подчинялъ своей волѣ жену и дѣтей. Родство, или его хозяйственный коррелатъ, наслѣдство распространялось во всѣ извѣстныя эпохи по отцовской линіи, т.-е. имущество отца всегда переходило на сыновей или, если эти послѣдніе уже умерли, на племянниковъ. Съ большей охотой допускали, что въ первобытныя времена существованія человѣчестаго рода, когда онъ жилъ еще въ томъ дикомъ состояніи, которое Вико изобразилъ такими черными красками, господствовало ужасное половое смѣшеніе; но едва только человѣкъ покинулъ

ужасы первыхъ дней животной жизни, какъ возникла и впродолженіи столѣтій существовала въ непремѣнной формѣ патріархальная моногамная семья, которая воплощаетъ мысль Бога въ домашней и половой жизни.

Но сравнительный методъ, слава современной соціологіи, сразу разрушилъ въ послѣднее время иллюзіи ученыхъ и вызвалъ рѣшительную революцію въ различнѣйшихъ областяхъ изысканія. Уже политическая экономія, распространяя свои изслѣдованія до зари историческихъ временъ, разрушила старыя иллюзіи относительно вѣчнаго и естественнаго характера частной собственности, и открыла тѣ довольно длинные періоды времени, когда среди людей господствовала коллективная собственность. И этотъ открытый такимъ образомъ первобытный міръ вовсе не проявлялъ свойствъ варварства и дикости, какъ это кстати утверждаютъ тѣ, кто видитъ въ частной собственности существенное условіе цивилизаціи. Нѣтъ, это первобытное человѣчество, введшее у себя общественную собственность, во многихъ отношеніяхъ по тонкости и мягкости своихъ нравовъ превосходило наше общество, которое называетъ себя цивилизованнымъ. Въ этомъ заключается, какъ всякій видитъ, чрезвычайно глубокая революція въ привычномъ способѣ разсматривать человѣческія вещи и учрежденія. Но исторія должна была разрушить множество феодальныхъ устоевъ предубѣжденія и суевѣрія, чтобы на ихъ развалинахъ возвести блестящій храмъ истины. Расширяя границы, удерживающія сравнительное изученіе у начала историческихъ временъ и смѣло распространяя его на мистическія области предъ-исторіи, соціологіи удалось разрушить укрѣпленія старой легенды о вѣчности моногамической патріархальной семьи. Она открываетъ изумленному наблюдателю существованіе въ первобытныя времена семьи, установленной не на *отцовской*, а на *материнской* власти; старый міръ, показывавшій не признаки варварства и регресса, но свѣтлыя и счастливыя очертанія равенства и мира.

Это было въ 1861 году, когда Бахофенъ, осуществляя геніальную интуицію Гоббеса, при изученіи греческихъ и латинскихъ миѳовъ обнаружилъ существованіе безконечно далеко лежащаго въ прошломъ періода, въ которомъ главою семьи была *мать*, а не отецъ.

И дѣйствительно даже литература и первыя легенды греко-латинскаго міра переполнены воспоминаніями о до-историческомъ наслѣдованіи по женской линіи. Слѣды этого находятъ у ликійцевъ и этрусковъ, у либійцевъ и либерійцевъ; у народовъ семитической расы оно было, вѣроятно, извѣстно и принято у арабовъ; даже британцы жили, по разсказу Цезаря, на основѣ материнскаго права. Тацитъ вновь находитъ у германцевъ право дяди, по которому дядя со стороны матери считался ближайшимъ родственникомъ, и такое учрежденіе составляетъ, безъ сомнѣнія, пережитокъ цѣлой системы наслѣдованія по матери. Точно также сразу обнаруживается предпочтеніе материнскаго родства и при заключеніи

браковъ на сѣверѣ. Самые первые законы о наслѣдованіи передаютъ намъ свѣдѣнія о семьѣ на материнской основѣ; у нубійцевъ, напр., наслѣдство переходитъ къ дѣтямъ сестры или дочери умершей, но никогда на ея дѣтей. Чего же желать больше? Наконецъ, божества первоначальныхъ народовъ сохранили не двусмысленный слѣдъ господства женщинъ въ первыя времена. Такъ, германцы *Норну*, богиню судьбу, ставятъ выше *Одина*, и обоготворяютъ въ *матеряхъ* (Müttern) первыя причины вещей; египтяне почитали Изиду больше всѣхъ остальныхъ боговъ; эти *до-адамовскіе формы*, на которыя намекаетъ Байронъ въ «Каинѣ», подъ таинственнымъ видомъ представляютъ женское божество первобытнаго времени. Но болѣе явственные слѣды доисторической семьи съ материнскимъ правомъ накоплены въ легендахъ и памятникахъ Греціи и Рима. Такъ, Орестъ въ «Эвменидахъ» Эсхила, убившій свою мать Клитемнестру, чтобы отмстить за отца котораго она умертвила, напрасно пытается умиротворить фурій, которымъ онъ напоминаетъ о ея собственномъ преступленіи и убійствѣ его отца. Сынъ,—отвѣчаютъ непримиримыя фуріи,—есть сынъ своей матери, и всякая другая связь или чувство исчезаютъ передъ этимъ высшимъ. У латинянъ даже слово matrimonium (свадьба) явно напоминаетъ о материнской основѣ первоначальной семьи, потому что, если бы главою семьи былъ отецъ, свадьбу называли бы patrimonium. Нѣкоторые документы указываютъ, кажется, на то, что въ семьяхъ римскихъ плебеевъ родство опредѣлялось исключительно по материнской линіи.

И реликвіи семьи, основанной на материнскомъ правѣ, не исчезаютъ съ паденіемъ античнаго міра. Они существовали въ средніе вѣка, правда, въ жизни не аристократическихъ и буржуазныхъ классовъ, а въ жизни тѣхъ низкихъ и лишенныхъ закона соціальныхъ слоевъ, которые, благодаря своего рода атавизму, воспроизводили очертанія первоначальнаго человѣчества. Такъ, извѣстно, что въ средневѣковой Германіи сыновья крѣпостныхъ наслѣдовали по матери. Но больше всего замѣчательно, что всѣ легенды и «страшныя» исторіи о вѣдьмахъ сохраняютъ отпечатокъ матріархальной семьи, что въ собраніяхъ вѣдьмъ дѣлается предметомъ поклоненія и призывается вѣдьма-мать, и что всѣ ихъ магическія изреченія указываютъ на матріархальныя отношенія.

Сверхъ того, всѣ эти пережитки пріобрѣтаютъ особенно важное значеніе, благодаря новѣйшимъ открытіямъ относительно семейнаго устройства еще и теперь живущихъ дикихъ племенъ. Таковы, прежде всего, открытія Моргана о родственныхъ отношеніяхъ на основѣ материнскаго права у американскихъ ирокезовъ; они позволяютъ соціологіи возвыситься до синтетическихъ и позитивныхъ заключеній относительно первыхъ формъ человѣческой семьи.

Общею типическою, характерною чертой этихъ первоначальныхъ формъ является то, что центръ семьи составляетъ мать и что къ ней

одной примыкають всѣ отношенія родства и потомства. Мужъ живетъ въ домѣ жены и подчиненъ ей. Сыновья наслѣдують не по отцу, а по матери. Если умираетъ кто-либо, его наслѣдство переходитъ не на его сыновей, а на братьевъ или сестеръ, или дѣтей этой послѣдней. Какъ видно, эта форма семьи является прямою противоположностью, антиподомъ современной намъ. Но эта семейная организація представляетъ нѣсколько слѣдующихъ одна за другою и прогрессивно дифференцирующихъ формъ. Старѣйшею и грубѣйшею формой является групповой бракъ, въ которомъ господствуетъ абсолютное кровосмѣшеніе, такъ какъ всѣ мужчины являются мужьями всѣхъ женщинъ. Свободныя половыя отношенія получаютъ первое ограниченіе въ видѣ исключенія браковъ между родителями и дѣтьми, и дальнѣйшее посредствомъ запрещенія браковъ между братьями и сестрами, такъ что нѣсколько индивидуумовъ, живущихъ съ нѣсколькими женщинами, которыя не ихъ сестры, являются «товарищами по браку» (*пюналуа* на языкѣ прокезовъ, почему эта форма брака названа пюналуальнымъ бракомъ).

Шагъ дальше дѣлается затѣмъ съ установленіемъ извѣстнаго института *экзогаміи*, т.-е. запрещеніемъ браковъ между индивидуумами, принадлежащими одному и тому же роду (gens) или между потомствомъ одного женскаго ствола. И если подумать, что различные семейные роды занимали обыкновенно различныя территоріи и принадлежали различнымъ обществамъ, то нужно придти къ заключенію, что также и этотъ институтъ представляетъ абсолютную антитезу нашему образу мышленія. Наконецъ, дѣлаютъ послѣдній шагъ запрещеніемъ браковъ между уже состоящими въ супружествѣ лицами, и такъ достигаютъ до института моногаміи. Но даже и такимъ образомъ организованная моногамная семья является все еще материнской и получаетъ только отъ материнскаго права нормы родственныхъ отношеній. Особенное значеніе, занимаемое женщиной въ семьѣ такого устройства, снабжаетъ женщинъ преобладающимъ значеніемъ и въ домашней, и въ соціальной жизни въ полной противоположности къ тому, что мы видимъ у цивилизованныхъ народовъ. У этихъ послѣднихъ мужчина является защитникомъ и господиномъ какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ; напротивъ, тамъ, гдѣ господствуетъ материнское право, высочайшій авторитетъ принадлежитъ женщинѣ; она одна управляетъ домомъ, выполняетъ религіозныя функціи и господствуютъ внѣ стѣнъ дома на совѣщаніяхъ общины. Еще въ 1873 году Red. Wright, миссіонеръ при одномъ племени прокезовъ, писалъ: «Здѣсь домомъ управляетъ женщина. Средства жизни принадлежатъ всѣмъ, но горе неумному мужу или любовнику, который осмѣлился бы самъ что-либо взять изъ нихъ. Сколько бы у него ни было дѣтей и имущества, въ каждый моментъ можетъ онъ получить приказаніе сложить свои вещи и убираться вонъ; и для него было бы чрезвычайно неудобно не слушаться. Если

за него не заступится какая-либо бабушка или мать, или тетка, онъ долженъ уходить въ другой *кланъ* и искать себѣ другую жену. Женщины составляютъ какъ въ *кланѣ*, такъ и повсюду силу. Они избираютъ главу племени; они не страшатся при извѣстныхъ обстоятельствахъ сорвать съ головы начальника племени рога (знакъ власти) и вновь поставить его въ ряды простыхъ солдатъ». Таково господство женщинъ; это—поставленный вверхъ ногами современный міръ; это—такое положеніе вещей, которое мы, благодаря нашимъ близорукимъ и одностороннимъ воззрѣніямъ, основаннымъ на ограниченномъ опытѣ историческихъ и цивилизованныхъ періодовъ, лишь съ трудомъ понимаемъ. Чтобы до нѣкоторой степени понять этотъ примитивный матріархальный строй, мы должны перенестись въ царство пчелъ; оно также управляется королевой, являющейся матерью всей группы; вокругъ нея стоятъ трутни, не имѣющіе никакой иной задачи, кромѣ размноженія потомства и выгоняемые изъ улья по исполненіи своего назначенія. Но если мы во что бы то ни стало захотимъ найти въ нашей жизни хотя бы блѣдное воспроизведеніе старой формы человѣческой совмѣстной жизни, вспомнимъ, что произошло на нашихъ дняхъ въ одномъ изъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ,—Мичиганѣ, гдѣ женщины, составлявшія большинство общиннаго совѣта, монополизировали всѣ общественныя должности, за исключеніемъ, впрочемъ, единственной,—общественной чистки улицъ, которую онѣ въ своемъ великодушіи пожелали предоставить болѣе сильному полу.

Несмотря на многіе особенности и курьезы, этотъ матріархальный институтъ, который возвышеннѣйшее и избраннѣйшее существо творенія, беззавѣтное и чистѣйшее осуществленіе самоотреченія и любви, поставилъ опредѣляющимъ факторомъ домашней и гражданской жизни, заслуживаетъ удивленія. Но если соціологъ отъ безусловнаго удивленія передъ примитивной формой семьи перейдетъ къ изслѣдованію вызвавшихъ ее причинъ, онъ тотчасъ же замѣтитъ, что созданію такой духовной организаціи содѣйствовали обыкновеннѣйшіе и физическіе факторы матеріальной жизни. По мнѣнію нѣкоторыхъ, матріархальная семья составляетъ лишь слѣдствіе первоначальнаго полового смѣшенія или поліандріи. Но это объясненіе недостаточно, такъ какъ материнское право переживаетъ разрушеніе полового смѣшенія и существуетъ наряду съ моногамической семьей. Истинныя причины материнскаго права явственно обнаруживаются передъ тѣмъ, кто обращается къ изученію органической структуры первоначальной экономіи. И дѣйствительно, при самомъ началѣ хозяйственной жизни производство, состоящее только въ земледѣліи, остается исключительно въ рукахъ женщинъ, въ то время какъ мужчины посвящаютъ себя, прежде всего, войнѣ и другимъ непродуктивнымъ занятіямъ. Именно въ силу того, что зерно первой формы производства было положено женщинами, имъ и могла быть ввѣрена задача организовать и упо-

рядочить силы отдѣльныхъ членовъ семьи подъ однимъ общимъ руководствомъ. Ибо центромъ, вокругъ котораго должны были группироваться члены первоначальной семьи, могла быть только мать, и на нее должны были по необходимости опираться всѣ отношенія родства и наслѣдованія. Такимъ образомъ, матріархальная организація первоначальной семьи строится на существенно экономической основѣ.

Хозяйственную же основу имѣетъ также и соотвѣтствующій материнскому праву институтъ экзогаміи. Надъ объясненіемъ причинъ этого института старались многіе видные соціологи, придумавшіе множество толкованій, одно неудовлетворительнѣе другого. Такъ, Макъ Леннакъ думаетъ, что экзогамія была продуктомъ систематическаго у первобытныхъ народовъ умерщвленія дѣвочекъ, что заставляло мужчинъ выбирать себѣ женъ изъ чужихъ племенъ. Совершенно непозволительное объясненіе, такъ какъ если дѣйствительно умерщвленіе новорожденныхъ дѣвочекъ было универсальнымъ установленіемъ первыхъ временъ, то оно должно было производиться и у чужихъ племенъ, потому мужчина, который натыкался на трудность выбрать себѣ жену въ собственномъ племени, долженъ былъ находить ту же самую трудность и вездѣ. Если затѣмъ умерщленіе новорожденныхъ дѣвочекъ уменьшило количество женщинъ въ племени, то войны опустошали ряды мужчинъ и такъ возстановлялось вновь равновѣсіе. По Леббоку, экзогамія была для до-историческаго человѣка единственной возможностью пріобрѣсти себѣ жену, которая принадлежала бы исключительно ему, ибо родившіяся въ племени женщины были на основаніи права женами всѣхъ мужчинъ племени. Но и это объясненіе не можетъ быть принято, такъ какъ у многихъ племенъ, напр., у обитателей острова Палоса, похищеніе чужихъ женщинъ служитъ какъ разъ тому, чтобы ввести групповой бракъ. Морганъ утверждаетъ, съ своей стороны, что экзогамія явилась результатомъ сознанія тѣхъ вредныхъ послѣдствій, къ которымъ велъ бракъ между близкими родственниками. Но такое объясненіе предполагаетъ у дикарей знаніе медицинскихъ и біологичискихъ законовъ, съ чѣмъ невозможно согласиться. Съ другой же стороны совсѣмъ невѣрно, что экзогамія совершенно исключаетъ браки между родственниками, такъ какъ она не запрещаетъ, чтобы индивидуумы, происходящіе отъ одного отца, но отъ матерей, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ племенамъ, вступали въ бракъ. Старке придерживается мнѣнія, что въ первыя времена, когда женщина считалась собственностью мужчины, считался нехорошимъ бракъ матери съ сыномъ, такъ какъ она сдѣлалась бы его собственностью. Но если мы даже совершенно не примемъ во вниманіе, что въ первобытныя времена женщина вовсе не составляетъ собственности мужчины, надъ которымъ, напротивъ, она сама господствуетъ,—то разсужденіе Старке, быть можетъ, и въ состояніи объяснить запрещеніе браковъ между матерью и сыномъ но совсѣмъ не

состояніи объяснить самый фактъ экзогаміи. Спенсеръ, наконецъ, объясняетъ экзогамію, какъ результатъ особеннаго почтенія, внушаемаго человѣкомъ, похитившимъ себѣ жену изъ чужого племени, и мнѣнія объ особенномъ почтеніи и отличіи, связанномъ съ бракомъ съ чужою женщиной. Но подобнаго рода объясненіе не замѣчаетъ, что бракъ посредствомъ похищенія существуетъ нѣсколькими столѣтіями позднѣе, чѣмъ матріархальная семья, а стало быть и первыя проявленія экзогаміи, и что совершенно невозможно, поэтому, чтобы онъ былъ причиной или побужденіемъ къ образованію подобнаго института.

Напротивъ, основаніе экзогаміи сразу же становится яснымъ, если обратить вниманіе на неизбѣжнѣйшія потребности производства въ первобытныя времена. Ибо экзогамія наилучшимъ образомъ достигаетъ того, чтобы отграничить первыя семейныя группы, которыя становятся строго обособленными, благодаря наложенному на ея членовъ запрещенію вступать въ бракъ между собою; достигнутое же такимъ образомъ, обособленіе облегчаетъ организацію внутри отдѣльныхъ группъ производительнаго раздѣленія труда. Но экзогамія кромѣ того способствуетъ выгодному для нихъ расширенію созданныхъ такимъ образомъ семейныхъ группъ. Если, въ самомъ дѣлѣ, мужчины принадлежатъ чужому племени, покидаютъ его, чтобы имѣть возможность жить вмѣстѣ съ женщинами, то бракъ, по крайней мѣрѣ сейчасъ же непосредственно за собою, приноситъ численный приростъ семейной группѣ, къ которой принадлежитъ жена; очень полезный приростъ, дѣлающій возможнымъ тѣмъ большее раздѣленіе и соединеніе труда, чѣмъ больше растетъ благодаря этому ея проиводительность. Въ этомъ заключается истинная причина экзогаміи, она является, стало быть, лишь цѣлесообразнымъ средствомъ, чтобы хорошенько отграничить первобытныя семейныя группы, увеличить ихъ и вслѣдствіе этого повысить ихъ производительную силу.

Зависимость матріархальной семьи отъ экономическихъ факторовъ покажется въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ, если мы разсмотримъ процессъ ея разложенія и замѣну патріархальною семьей, потому что и она также составляетъ въ дѣйствительности продуктъ экономическихъ причинъ, а именно самой важнѣйшей изъ нихъ—образованія частной собственности. И на самомъ дѣлѣ накопленіе значительныхъ богатствъ, произведенное дѣятельностью мужчинъ, вызываетъ у нихъ совершенно естественное желаніе передавать ихъ своимъ дѣтямъ, а потому возбуждаетъ у нихъ горячую непріязнь къ матріархальной системѣ, призывающей къ полученію наслѣдства сестеръ или ихъ дѣтей. Въ тотъ же самый моментъ, когда образованіе частной собственности возбуждаетъ въ мужчинахъ непріязнь къ матріархальному порядку, оно доставляетъ имъ также и средства къ уничтоженію этого послѣдняго, поскольку дѣлаетъ возможнымъ завоеваніе или покупку жены. Съ самаго начала мужчины пользовались накопленнымъ богатствомъ, чтобы

производить нападенія на чужія племена и овладѣвать ихъ женщинами. Классическій примѣръ этого передаетъ исторія въ разсказѣ о похищеніи сабинянокъ. На основѣ такого первобытнаго пріобрѣтенія женщинъ, которое должно было вызывать между мужемъ и родителями его жены постоянную борьбу, покоится, вѣроятно, первое появленіе того молчаливаго нерасположенія зятя къ родителямъ его жены, какое существуетъ и до нашихъ дней не только во французскомъ романѣ, но, къ сожалѣнію, также и въ жизни. Очень распространенный раньше въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Франціи обычай, чтобы жена, тотчасъ же по прибытіи въ домъ своего мужа, начинала испускать вздохи и крики, былъ вѣроятно точно также остаткомъ первобытнаго брака посредствомъ похищенія; точно также и такія распространенныя у латинскихъ и германскихъ народовъ многочисленныя удивительныя свадебныя церемоніи сохраняютъ недвусмысленный слѣдъ похищенія женъ. Часто случалось въ самомъ дѣлѣ, что родители и братья похищенной женщины клялись отомстить похитителю и убивали его; въ такомъ случаѣ бракъ, не увеличивая народонасенія, кончался въ концѣ концовъ тѣмъ, что уменьшалъ его. Поэтому органическія потребности развитія человѣчества, нуждавшагося въ рѣшительномъ постепенномъ ростѣ народонаселенія, вызывали рано или поздно исчезновеніе этой формы брака, уменьшавшей народонаселеніе и переходъ къ браку посредствомъ уравненія, причемъ похититель смягчалъ родителей своей жены подарками или деньгами, а затѣмъ къ браку посредствомъ покупки, при которомъ мужчина пріобрѣталъ жену тѣмъ, что платилъ ея родителямъ опредѣленную цѣну.

Удивительно интересно видѣть, какъ, въ зависимости отъ величины накопленнаго мужчиной богатства, новый семейный строй складывается въ болѣе или менѣе ясно выраженную и окончательную форму. Если имущество мужчины довольно ограниченно, онъ живетъ въ домѣ жены и семья сохраняетъ все еще ясно выраженный матріархальный характеръ. Если, однако, супруги поселяются даже отдѣльно, то все же семья жены сохраняетъ за собою право деспотическаго вмѣшательства въ новую семью и диктуетъ ей свои законы. Если кто-либо не владѣетъ достаточными средствами для покупки жены, тогда соединяются нѣсколько мужчинъ и покупаютъ ее, и такимъ образомъ устанавливается Поліандрія, какъ необходимый результатъ недостаточнаго накопленія имущества на сторонѣ мужчинъ. Чаще бываетъ такъ, что мужчина, не имѣющій достаточныхъ средствъ, чтобы дать *полную* цѣну за жену, имѣетъ право лишь на ограниченную, неполную, вѣрность женщины. сообразно той части цѣны, которую онъ былъ въ состояніи заплатить Такъ обстоитъ, напр., у ассанитовъ-арабовъ, живущихъ по Бѣлому Нилу; у нихъ мужчина пріобрѣтаетъ на опредѣленное число дней недѣли право на супружескую вѣрность въ прямомъ отношеніи въ цѣнѣ,

заплоченной имъ за жену ея семьѣ. Только когда богатство мужчины достигаетъ значительныхъ размѣровъ, позволяющихъ ему вполнѣ оплатить стоимость жены, тогда только организуется патріархальная семья въ той ея выразительнѣйшей формѣ, гдѣ мужъ является собственникомъ своей жены, которую онъ купилъ, и рожденныхъ отъ нея дѣтей, надъ которыми онъ имѣетъ право жизни и смерти, владѣетъ безусловною отцовскою властью. Соотвѣтственно измѣненію въ состояніи семьи, измѣняется съ верху до низу вся система наслѣдованія, которое ведется теперь не по материнской, а по отцовской линіи. Еще болѣе многостороннія и часто путанныя родственныя отношенія у старой матріархальной семьи, въ силу которыхъ къ наслѣдованію имущества привлекались даже отдаленнѣйшіе родственники, въ высшей степени сильно натыкаются здѣсь на непроизвольное желаніе всякаго человѣка сохранять свое имущество въ кругу близкихъ родственниковъ. Такое противорѣчіе, пріобрѣтающее тѣмъ большее значеніе, чѣмъ болѣе растетъ индивидуальное имущество мужчины, вызываетъ то, что на мѣсто свойственнаго матріархальной семьѣ многочисленнаго родства выступаетъ рано или поздно система гораздо болѣе узкаго и ограниченнаго родства по крови.

Какъ видно, и изъ области семейныхъ отношеній исчезаетъ такъ обожаемая ортодоксами вѣчная неизмѣнность, уступивъ мѣсто безпрерывной измѣняемости формъ и учрежденій. Патріархальная семья, это учрежденіе, которое длится уже многія столѣтія почти безъ всякихъ или лишь съ самыми незначительными измѣненіями, существовала не всегда, ей предшествовала совершенно противоположная организація семьи, на основѣ которой возвышался соціальный строй и цивилизація, совершенно не похожіе на тѣ, въ которыхъ живемъ мы. Историческій характеръ какого-либо учрежденія, доказанный опытомъ прошедшаго, переносится и на будущее. Тотъ безспорный фактъ, что современному состоянію семьи предшествовали совершенно различныя и противоположныя организаціи, даетъ намъ право заключить, что и современное состояніе семьи, какъ ни было оно вѣчнымъ для прошедшаго, не будетъ вѣчнымъ и въ будущемъ; что современная форма семьи не безсмертна по своей природѣ, и что придетъ день, когда современный семейный порядокъ замѣнится совершенно инымъ и болѣе высшимъ.

Этимъ мы ничуть не намѣрены расписываться подъ утвержденіями тѣхъ утопистовъ, которые выводятъ изъ открытія матріархальной семьи доказательства возможности пророчить предстоящую въ недалекомъ времени революцію семейныхъ отношеній и возрожденіе до-историческаго суверинитета женщины. Они обманываются, нераскаянные мечтатели. Человѣчество *не повторяется*, и исторія—никогда не возстановляетъ погребенныя формы, она ихъ обновляетъ и возстановляетъ лишь въ болѣе развитомъ и высшемъ состояніи. Поэтому, даже не

будучи пророкомъ, можно уже теперь съ полною достовѣрностью предсказать, что времена материнскаго права *никогда* болѣе не возобновятся, и эта форма семьи вовсе не предопредѣлена къ воскресенію. Въ то же время можно, однако, предсказать, что современная форма семьи, въ такой неразумной мѣрѣ освящающая мужской деспотизмъ, должна будетъ уступить мѣсто лучшей и болѣе человѣчной формѣ совмѣстной жизни половъ. Въ видѣ полнѣйшей реакціи противъ матріархальной семьи, въ которой господствовали привелегіи женщинъ, патріархальная семья осудила женщину на вѣчное подчиненіе мужчинѣ. Въ иныя времена это подчиненіе принимало грубыя формы настоящаго рабства, но и въ настоящее время рабство женщины еще длится, хотя, конечно, въ болѣе или менѣе скрытой формѣ и оскверняетъ самымъ низменнымъ образомъ весь строй брака и семьи. Женщина является въ настоящее время все еще несовершеннолѣтней, фактически она стоитъ по закону наряду съ опекаемыми и дураками; она не можетъ предпринять безъ санкціи мужчины ни одного значительнаго акта; ей отказано во владѣніи ея заработкомъ *), у ней отнято всякое вліяніе на судьбу ея дѣтей, ихъ воспитаніе и ихъ имущество. Напрасно пытаются защитники мужского пола оправдать эти исключенія, сводя ихъ на мнимое физическое, моральное и интеллектуальное болѣе низкое состояніе женщины. Такое состояніе вовсе еще не доказано неопровержимо, и даже убѣдительно опровергается примѣромъ матріархальной семьи, которая показываетъ, что женщина, прежде чѣмъ она была испорчена фривольнымъ воспитаніемъ и обезсилена ненормальностями безполезнаго существованія, была въ высшей степени способна руководить судьбой семьи и общества. Свирѣпые борцы за господство мужчинъ могутъ, стало быть, перестать защищать софистическими аргументами состояніе семьи, вызванное уже погребенною формой и осужденное тоже на исчезновеніе. Разумнѣе, цѣлесообразнѣе, болѣе логически признать недостаточность по самому существу своему исковерканнаго учрежденія и поддерживать работу исторіи, тенденція которой—разрушать старое и создавать новое.

Къ этой цѣли какъ разъ и стремится женское движеніе, которое торжествуетъ теперь въ большей части цивилизованныхъ націй, которое, конечно, подобно всякому молодому движенію, испорчено преувеличеніями, но которое все же—и это совершенно безполезно отрицать—имѣетъ широчайшую основу правды въ исторической смѣнѣ формы семьи и недостаточности существующей теперь. Безъ сомнѣнія, феминизмъ былъ бы достойнымъ проклятія, если бы онъ стремился превратить нашихъ женщинъ въ повелителей (матріарховъ) и возстановить первобытную форму семейнаго существованія. Но если онъ держится далеко

*) Только не по русскимъ законамъ. *Ред.*

отъ такихъ притязаній и ограничивается требованіемъ, чтобы женщина какъ въ предѣлахъ семьи, такъ и внѣ ея была вполнѣ равноправна мужчинѣ, то мы отъ всего сердца сочувствуемъ новому движенію и съ одушевленіемъ становимся въ ряды его защитниковъ.

Впрочемъ, законодательство прогрессивныхъ народовъ съ возростающею силой приближается къ новому болѣе цивилизованному праву. Норвежскій законъ отъ 29 іюня 1888 г., законъ женевскаго кантона Швейцаріи отъ 11 ноября 1894 г., датскій законъ отъ 1-го августа 1899, новозеландскій законъ и новое нѣмецкое гражданское законоположеніе устраняютъ признаваемую до сихъ поръ законодателями гражданскую неспособность женщины, признавая за замужнею женщиной право на собственность и на пользованіе плодами своей работы. Между тѣмъ и во Франціи начинается сильное движеніе въ цѣляхъ установленія аналогичнаго закона. Въ то же время позволяется во многихъ цивилизованныхъ странахъ брачный разводъ не только вслѣдствіе вины жены, но также и мужа, и такимъ образомъ въ одномъ очень важномъ пунктѣ устанавливается равенство супруговъ. Съ другой стороны, организуется и распространяется агитація противъ закона, воспрещающаго изслѣдованіе отношеній, въ которыхъ отецъ стоитъ къ своимъ дѣтямъ (Vaterschaft). И многія другія законодательныя постановленія предлагаютъ измѣнить, по крайней мѣрѣ частями, въ направленіи уравненія правового положенія мужчины и женщины.

Однако, полное равноправіе мужчины и женщины будетъ невозможно вполнѣ, пока существуетъ свойственная капитализму экономическая дифференціація. Пока, въ самомъ дѣлѣ, экономическія отношенія дозволяютъ и легализируютъ систематическую эксплуатацію одного класса другимъ, до тѣхъ поръ необходима и неизбѣжна также и эксплуатація одного пола другимъ. Эксплуатація продолжается у трудящихся классовъ, гдѣ мужъ гонитъ жену на поле или фабрику, чтобы и она своею работой внесла что-нибудь на поддержку семьи, причемъ, разумѣется, сильно терпятъ ея обязанности матери. И это является— мнѣ больно сказать это—преступною послѣдовательностью современной эксплуатаціи женщины, потому что нѣтъ ничего болѣе печальнаго съ соціологической точки зрѣнія, какъ ремесленныя занятія замужнихъ женщинъ, и прежде всего матерей, силы которыхъ должны были бы быть поглощены высокою и огромною обязанностью воспитанія и образованія дѣтей. И не случайно, по моему мнѣнію, употребляется въ англійскомъ языкѣ, даже въ вульгарнѣйшихъ своихъ выраженіяхъ такомъ философскомъ, одно и то же слово (spinster) для обозначенія какъ дѣвушки, такъ и пряхи, какъ бы съ цѣлью указать, что, вѣроятно, встрѣчалось на самомъ дѣлѣ въ тѣ времена, когда образовалось это слово, и что, во всякомъ случаѣ, соотвѣтствуетъ непогрѣшимо велѣніямъ природы: только совершеннолѣтняя женщина можетъ посвящать

свой трудъ производству. Однако, эксплуатація женщинъ продолжается, хотя уже въ другой формѣ, и у богатыхъ классовъ, гдѣ мужъ слишкомъ часто устраиваетъ себѣ почетное бездѣлье на счетъ приданаго своей жены. Всякая реформаторская попытка въ такихъ щекотливыхъ матеріяхъ всегда наткнулась бы на непреодолимое сопротивленіе мужчинъ всѣхъ классовъ и всякаго происхожденія, которые всѣ, хотя въ различномъ размѣрѣ и въ различныхъ направленіяхъ, потерпѣли бы убытки благодаря уравненію женщинъ съ ними. Безполезно скрывать это. Какъ привилегія женщины была естественнымъ результатомъ общей собственности, такъ привилегія мужчины составляетъ естественный продуктъ капиталистической собственности, и это обстоятельство не можетъ быть устранено безъ перехода, если не къ коллективной собственности, невозможной для настоящаго времени, то такой формѣ собственности, которая рѣшительнѣйшимъ образомъ исключила бы всякую капиталистическую эксплуатацію. Другими словами, чтобы устранить монополію сильнаго пола, необходимо уничтожить, прежде всего, капиталистическую монополію собственности. Семейная и экономическая реформа тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою; еще новое доказательство — если бы таковое требовалось — неразрывной связи каждой стороны соціальнаго многогранника съ условіями существованія господствующаго экономическаго фактора.

Этими короткими штрихами предмета, требующаго иного, болѣе глубокаго, изслѣдованія, оканчиваю я свои лекціи. Я хотѣлъ бы, чтобы онѣ были въ состояніи дать хотя блѣдную и недостаточную идею о томъ, что такое представляетъ новая наука, которую мы пытались разъяснить, что̀ она преслѣдуетъ, чему учитъ. Конечно, я не питаю никакихъ иллюзій. Впечатлѣніе, которое получаетъ каждый, кто посвящаетъ себя новой наукѣ, если бы онъ даже имѣлъ счастье изучать ее подъ руководствомъ другого, болѣе пригоднаго къ выполненію этой высокой задачи, учителя, чѣмъ я, говоритъ, что соціологія обнаруживаетъ еще значительные пробѣлы и существенныя несовершенства. Можно приписать эти пробѣлы скорѣе существу самой науки, чѣмъ ея значеніе и интеллектуальная цѣнность чрезвычайно были бы ослаблены. Но такіе выводы я долженъ всѣми силами оспаривать. Я думаю, что даже и на величайшихъ планетахъ, когда они разсматриваются при помощи орудій, находящихся въ распоряженіи современной науки, находятся темныя мѣста, пятна, или то, что, по крайней мѣрѣ, обозначаютъ астрономы этимъ именемъ. И однако, быть можетъ, если бы возможно было приблизиться къ этимъ таинственнымъ свѣтиламъ, мы нашли бы, что эти пятна въ дѣйствительности романтическія долины или смѣющіяся, усѣянные золотыми цвѣтами, луга, окруженные живописными горами и зеленѣющими лѣсами. Кто же поручится, что пятна современной соціологіи точно также объ-

ясняются лишь тѣмъ, что мы разсматривали до сихъ поръ эту науку слишкомъ издалека, по необходимости недостаточно сильнымъ умственнымъ телескопомъ, не будучи въ силахъ пока проникнуть въ глубь ея священныхъ тайнъ? Но какъ скоро мы проникнемъ туда, мы увидимъ, какъ постепенно исчезнутъ пятна и очистятъ мѣсто блестящей панорамѣ плодотворныхъ и гармонически упорядоченныхъ истинъ. Не будемъ же трусливо бояться трудностей настоящаго короткаго момента! Впередъ, впередъ съ двойнымъ одушевленіемъ по крутой дорогѣ изслѣдованія къ завоеванію великихъ законовъ, окутанныхъ еще тайной и неизвѣстностью! Всегда впередъ, впередъ, если даже нашъ путь будетъ идти нѣкоторое время по пустынѣ, или его почва покроется пятнами нашей крови; придетъ день, когда мы увидимъ, какъ разсѣивается темнота, какъ освѣщаются скалы, какъ со всѣхъ сторонъ распространяется зелень и свѣтъ; и въ этотъ день мы получимъ заслуженное вознагражденіе за наши страданія и лишенія, тогда мы достигнемъ славной области истины!

Конецъ.

Содержаніе журнала за 1902 г.

ТЕКУЩІЕ ОТДѢЛЫ.

Критическія замѣтки.

«Москва» славянофильскіе сборники.—«Мирный трудъ», журн. проф. Вязигина.—Что провозглашаютъ новоявленные пророки «возрожденія».—Образчики славянофильской экономики.—Что такое истинный націонализмъ.—Почему проповѣдь современнаго славянофильства мертва.

Сентябрь. Двѣ знаменательныя годовщины: столѣтіе смерти Радищева и пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Льва Толстого.—Значеніе Радищева «На зарѣ русской общественности» (изъ сборника г. Мякотина «Изъ исторіи русскаго общества»).—Міровое значеніе Толстого.—Общій взглядъ на его литературную дѣятельность.

Октябрь. «Вопросы жизни въ современной литературѣ», г. Николаева.—Непонятная увѣренность автора въ побѣдѣ стараго надъ новымъ.—«Въ сумеркахъ литературы и жизни», г. Новополина.—Пессимизмъ автора.—Невѣрное освѣщеніе литературной дѣятельности Гаршина, Надсона, Короленко, Чехова.—Смерть Эмиля Золя.

Ноябрь. «Наши дѣла и бездѣлье» С. Гусева.—Характеристика провинціальной печати.—«Очерки и разсказы» В. Вересаева.—Два типа рабочихъ.—«Конецъ Андрея Ивановича».

Декабрь. «Изъ исторіи русской интеллигенціи» П. Н. Милюкова.—Своевременное изданіе этой книги и ея большой общественный интересъ.—Разложеніе славянофильства.—«Новыя вѣянія и настроенія» М. Гуковскаго.—«Современныя настроенія» г. Пекатороса.—Интересныя вопросы, возбуждаемые авторами. — Психіатрическая критика «Записокъ врача» Вересаева проф. Сикорскаго. *А. Б.*

Театральныя замѣтки.

Ноябрь. Драма Зудермина: «Да здравствуетъ Жизнь» и постановка трагедіи Эврипида: «Ипполитъ» на сценѣ Александринскаго театра. *Ѳ. Бат—ова.*

Декабрь. II. Объ исторической драмѣ.—«Монна Ванна» Метерлинка.—Возобновленіе «Димитрія Самозванца» Островскаго, трагедія Хомякова на ту же тему и «подлинный» Димитрій г. Суворина. *Ѳ. Бат-ова.*

На родинѣ.

Январь. Дѣтскіе мечты и запросы. — Взаимодѣйствіе деревни и города. — Нѣмецкія колоніи въ Новороссіи. — Изъ прошлаго. — Земскій адресъ Б. Н. Чичерину. — Отголоски монополіи. — За мѣсяцъ. — Н. И. Наумовъ (некрологъ).

Февраль. Грамотность Петербурга.—Дворяне о дворянской идеѣ.—Одиссея тифлисскаго самоуправленія. — У гроба нечиновнаго труженика. — Изъ жизни Н. В. Гоголя. — За мѣсяцъ. — Юбилеи.

Мартъ. Убійство стариковъ въ Россіи. — Нищенскій промыселъ въ Костромской губерніи. — Котлочисты. — Какъ собираются пожертвованія. — Землетрясеніе въ Шемахѣ. — За мѣсяцъ. — Некрологъ.

Апрѣль. Подъ бременемъ визитной карточки. — Производительность труда на русскихъ и англійскихъ фабрикахъ.—Изъ прошлаго.—Ирбейское дѣло. — Изъ жизни сибирскаго духовенства. — Въ Финляндіи. — За мѣсяцъ.

Май. Изъ провинціальныхъ мотивовъ. — Изъ старыхъ провинціальныхъ мотивовъ. — Обывательская цензура. — Женщина въ дальней тайгѣ. — Въ Финляндіи. — За мѣсяцъ.

Іюнь. Къ біографіи Н. А. Добролюбова. — На окраинахъ Москвы. — Коновалы и ихъ промыселъ. — Столкновеніе г. Сухотина съ г. Карповымъ и рѣшеніе сената. — Граммофонъ въ деревнѣ. — За мѣсяцъ.

Іюль. Харьковскіе кобзари. — Предѣлы крестьянскаго самоуправленія. — «Тавричане». — Изъ школьныхъ воспоминаній. — Изверженія грязнаго вулкана на Кавказѣ.—Русскіе рабочіе въ Пруссіи.—За мѣсяцъ.

Августъ. Выставка по народному образованію въ Курскѣ. — Духовные запросы народнаго земскаго учителя. — Прототипы героевъ «Войны и Мира» — Гимназическій журналъ. — На могилѣ Г. А. Мачтета. — Человѣкъ-звѣрь. — Изъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ. — За мѣсяцъ. — Некрологи.

Сентябрь. Въ усадьбѣ Некрасова.—Къ вопросу о грамотности среди рабочихъ. — Въ житницѣ Сибири. — «Запрещенная книга». — Къ тихорѣцкой исторіи. — За мѣсяцъ. — Некрологъ.

Октябрь. У Л. Н. Толстого. — «На днѣ». — Голоса подписчиковъ. — Безъ званія. — Не свое дѣло. — Наше книжное дѣло. — За мѣсяцъ.

Ноябрь. Наканунѣ юбилея печати.—Культурное пробужденіе деревни.—Новая секта.—Житейскія гиперболы.—Арендная община.—Гончарный промыселъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ.—Уралъ въ Петербургѣ.—За мѣсяцъ.

Декабрь. Къ некрасовскимъ днямъ.—Л. Н. Толстой о еврействѣ.—Въ погонѣ за подписчикомъ.—Экономическое положеніе томскаго студенчества.—У духоборовъ въ Канадѣ.—Гамбургскіе черти въ Тулѣ.—Душевно-больные въ Забайкальѣ.—За мѣсяцъ.

Изъ русскихъ журналовъ.

Январь. У казаковъ. — Воспоминанія Д. Ахшарумова. — Новыя теченія въ современной литературѣ.

Февраль. «Вѣстникъ Европы» — январь; «Журналъ для всѣхъ» — январь; «Русская Старина» — январь; «Русское Богатство» — декабрь.

Мартъ. «Русская Мысль» — январь; «Вѣстникъ Воспитанія» — декабрь; «Русское Богатство» — январь.

Апрѣль. «Вѣстникъ Всемірной Исторіи»—январь, февраль; «Русская Старина» — мартъ; «Историческій Вѣстникъ» — мартъ; «Вѣстникъ Европы» — мартъ; «Образованіе» — февраль.

Май. «Русская Старина» — апрѣль; «Образованіе» — мартъ.

Іюнь. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» — май. «Русская Старина» — май; «Историческій Вѣстникъ» — май; «Русская Мысль» — мартъ, апрѣль; «Вѣстникъ Европы» — май; «Русское Богатство» — мартъ.

Іюль. «Русская мысль» — май; «Историческій Вѣстникъ» — май; «Новое Дѣло» — май.

Августъ. «Русское Богатство» — мартъ, май; «Русская Мысль» — май, іюнь; «Русская Старина» — іюнь; «Вѣстникъ Европы» — іюль.

Октябрь. «Русская Старина» — іюль; «Историческій Вѣстникъ» — августъ, «Русская Мысль»—іюль; «Русское Богатство»—іюль, августъ «Образованіе»—іюль, августъ.

Ноябрь. «Историческій Вѣстникъ»—октябрь.—«Русская Мысль»—сент.—«Вѣстникъ Европы» — октябрь. — «Научное Обозрѣніе» — сентябрь.—«Русское Богатство»—сентябрь.

Корреспонденціи: «Общество вспомоществованія окончившимъ высшіе женскіе курсы», Т. Богдановичъ (янв.); «Сельскохозяйственные симптомы современной деревни», И. Красноперова (апр.); «Сестрорѣцкія перчаточницы», И. Соколова (авг.).

За границей.

Январь. Присужденіе премій Нобеля. — Общественные вопросы въ Германіи. — Народный домъ въ Гамбургѣ.—Первый итальянскій крестьянскій конгрессъ.—Въ Скандинавскихъ странахъ.—Современная Аркадія.

Февраль. Общественная жизнь въ Германіи.—Новый процессъ гунновъ.—Печальные итоги статистики населенія во Франціи.—Новыя лиги.—Результаты двухлѣтней войны.—Ирландскій вопросъ.—Новыя англійскія общества.—Воспоминанія французскаго журналиста о Гейне.—Библія, какъ руководство къ военному искусству.

Мартъ. Германская общественная жизнь.—Американская фабрика клубъ.—Конференціи, клубы и митинги въ Англіи.—Исторія одного американскаго репортера.—Изъ области женскаго движенія.

Апрѣль. Германская таможенная политика и женскій вопросъ.—Германскій канцлеръ и женская депутація.—Ирландскій призракъ; обезлюденіе Лондона; двухсотлѣтній юбилей.—Американскій лицей и свобода программъ. — Выборная агитація. — Общественная жизнь во Франціи.—Французскія дѣла.—Новыя экспедиціи въ Гренландію.

Май. Настроеніе въ Англіи.—Германскіе общественные вопросы.—Бельгійскій общественный дѣятель.—Величайшее въ мірѣ акціонерное общество.—Театръ для дѣтей въ Америкѣ.—Китайскія темныя общества.

Іюнь. Американскіе тресты; Пирпонтъ Морганъ. — Пропаганда трезвости.—Картины французскихъ выборовъ.—Англійская жизнь.—Ранніе браки въ Англіи.—Итальянскій бандитъ XX-го вѣка.—Общественные вопросы въ Германіи.

Іюль. Миръ и домашнія дѣла въ Англіи.—Музей мира и войны.—Изъ дебрей Испаніи.—Общественная жизнь въ Германіи.—Изъ области женскаго движенія во Франціи. Китайская періодическая печать.

Августъ. Внутреннія дѣла въ Германіи.—Религіозныя теченія въ Англіи.—Колоссальное мошенничество.—Сѣверный женскій конгрессъ.—Причины войны.

Сентябрь. Происхожденіе и развитіе народныхъ университетовъ во Франціи.—Борьба съ алкоголизмомъ.—Демонстрація дѣтей въ Миланѣ.—Общественныя владѣнія и дома для рабочихъ.—Американское исправительное заведеніе.—Выставка дѣтей въ Лондонѣ.

Октябрь. Англійская общественная жизнь.—Дѣла въ Японіи.—Въ Австріи. Новая французская школа.—Школа тропической медицины.—Туземный вопросъ въ Южной Африкѣ.—Изъ американской жизни.

Ноябрь. Общественная жизнь въ Германіи. — Новая британская академія. Юбилей въ Оксфордѣ.—Секта Сенусси и мусульманское движеніе.—Газеты исчезнувшаго города.—Негры въ Кимберлеѣ.

Декабрь. Школьный билль въ Англіи. Чествованіе Карнеджи.—Общество соціальной реформы въ Германіи. Санаторія для рабочихъ въ Берлинѣ. Германскій рейхстагъ. — Университетская реформа въ Италіи. Стачка булочниковъ въ Катаньи.—Собраніе свободомыслящихъ женщинъ.—Новый махди.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Январь. Женское движеніе за послѣднее время въ Европѣ и на Востокѣ.—Альфредъ Нобель и его взгляды.—Республика будущаго.—Николя Тесла.

Февраль. «Потерянныя силы».—Докторъ Тулузы и его изслѣдованія геніальности.—Мнѣніе нѣмецкаго писателя о коллегіи Рёскина въ Оксфордѣ.

Мартъ. Устраненіе преступниковъ и реформа уголовныхъ законовъ.—Женскій трудъ во Франціи.—Неточность свидѣтельскихъ показаній и опытъ Лишта.—Британская академія.

Апрѣль. Американскія библіотеки и читальни для дѣтей.—Аргентинская газета.—Роль соціальной гигіены въ XX-мъ вѣкѣ. Отсталость Соединенныхъ Штатовъ въ научномъ отношеніи и ея причины.

Май. Дѣтскій трудъ и дѣтская преступность.—Болѣзни въ литературныхъ произведеніяхъ.—Очерки вашингтонскаго общества.—Больная Англія.

Іюнь. Больная Англія.—Женщины писательницы въ Германіи.—Императоръ Вильгельмъ и Сесиль Родсъ.—Культура турецкихъ женщинъ.

Іюль. Л. Н. Толстой о воспитаніи и обученіи.—Женское движеніе въ европейскихъ государствахъ.—Образованіе негровъ и роль ихъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—Эпизоды изъ бурской войны

Августъ. Статья Д. Роша о Рѣпинѣ.—Жестокости американцевъ.—Положеніе въ Испаніи.—Трёстъ обезоруженія.

Сентябрь. «Около Толстого».—Къ психологіи великихъ людей.—Послѣдствія трансваальской войны.

Октябрь. Психологія будущихъ сраженій.—Воззрѣнія на смерть у различныхъ народовъ.—Современные поэты Индіи: Бетрами Малабари.—Вопросы воспитанія въ Соединенныхъ Штатахъ.

Ноябрь. Дѣти-журналисты.—Театральный пролетаріатъ во Франціи.—Экономическая зависимость женщинъ. — Успѣхи и распространеніе буддизма.

Декабрь. Увлеченіе романомъ въ Англіи и Америкѣ. Имѣетъ ли романъ будущность?—Воинская повинность женщинъ.—Театральная цензура въ разныхъ странахъ.—Японія въ роли школьнаго учителя азіатскихъ народовъ.—Развитіе книжной промышленности.

Корреспонденціи. «Фабричныя инспектрисы въ Германіи» (письмо изъ Гейдельберга), *М. Б.* (апрѣль); «Берлинская рабочая школа» (письмо изъ Берлина), *S.* (іюнь); «Борьба за національность» (письмо изъ Берлина), *S.* (августъ); «Сословная честь» (письмо изъ Берлина), *П. Ш—въ* (май); «О шарлатанствѣ врачевателей въ Германіи» (письмо изъ Берлина), *П. Ш—въ* (ноябрь).

Научный обзоръ.

Январь. Марселэнъ Бертело. (По поводу пятидесятилѣтія его научной и общественной дѣятельности). *В. Яковлева.*

Февраль. Чистая и прикладная наука. *В. Як.* —† И. В. Мушкетовъ. *В. Агафонова.*

Мартъ. Новыя данныя о третьей форменной составной части крови. Проф. *А. С. Догеля.*

Апрѣль. О психикѣ насѣкомыхъ. (Перев. съ нѣм.) Проф. *А. Фореля.*

Май. Электрохимическія производства. *В. А.*

Іюнь. Металлическіе сплавы. *В. Яковлева.*

Іюль. За мамонтомъ. *П. Ю. Шмидта.*

Августъ. Работы экспедиціи по градуснымъ измѣреніямъ на Шпицбергенѣ въ 1901 году. Акад. *Ѳ. Чернышева.*—† А. Н. Бекетовъ (некрологъ).

Сентябрь. О вулканической катастрофѣ на о. Мартиникѣ Проф. *Ф. Левинсонъ-Лессинга.*

Октябрь. Психо-физіологія червей. *Владиміра Вагнера.*

Ноябрь. Оплодотвореніе въ животномъ мірѣ. *П. Ю. Шмидта.*

Декабрь. Свѣтъ и Электричество. Проф. *И. Боргмана.*

Научная хроника.

Январь. Періодичность солнечныхъ пятенъ и связь съ нею атмосферныхъ явленій.—Что говоритъ опытъ о появленіи разновидностей.—

Механическая теорія зрѣнія.—Сѣрнистый газъ, какъ дезинфицирующее и противопожарное средство *В. Аг.*

Февраль. О химическомъ составѣ звѣздъ и земного шара.—О зараженіи животныхъ туберкулезомъ человѣка.—Серотерапія брюшного тифа.—Желтая лихорадка и комары.—О посѣдѣніи волосъ.—Нѣкоторыя научныя сообщенія, сдѣланныя на XI-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей.

Мартъ. Стереоскопъ въ астрономіи. К. Покровскаго.—О взаимодѣйствіи твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ.—Новая теорія происхожденія конечностей.—Значеніе извести и магнезіи для растеній.—Къ вопросу о рефлекторныхъ движеніяхъ. *В. Аг.*

Апрѣль. Инфракрасная часть солнечнаго спектра.—Успѣхи цвѣтной фотографіи.—Форма кристалловъ снѣга.—Низкая температура и развитіе организмовъ. Соли натрія, калія и кальція и сокращеніе сердца.—Леченіе оспы дрожжами.

Май. О вѣковыхъ колебаніяхъ земного магнетизма.—Микроскопическія наблюденія надъ ростомъ кристалловъ.—Электричество въ растеніяхъ. *В. А.*

Іюнь. Опыты г. Бахметьева надъ насѣкомыми.—Физіологическое дѣйствіе магнита.—Лучи Радія для слѣпыхъ.—Пушки противъ града.—Средняя продолжительность жизни и пониженіе рождаемости во Франціи.

Іюль. Отклоненіе маятника въ Индіи.—Сейсмографъ, какъ барометръ.—Жидкіе кристалы.—Еще о цвѣтной фотографіи.—Клещи на корняхъ винограда.—Глазъ крота.—Чума у птицъ.—Движеніе кишекъ, видимое благодаря лучамъ Рентгена.—Общество для изученія психологіи животныхъ.—Отравленіе пивомъ.

Августъ. Нѣкоторыя условія химическаго взаимодѣйствія.—«Красное море».—Многолѣтнее голоданіе нѣкоторыхъ змѣй.—† Фай. *В. Аг.*

Сентябрь. Изслѣдованіе атмосферы на высотѣ отъ 10 до 15 километровъ.—Выдѣленіе подчелюстной железы.—Дѣйствіе синильной кислоты на сѣмена.

Октябрь. Кометы 1902 года. *К. Покровскаго.*—Оживленіе сердца. *П. Ю. Шмидта.*—† Вирховъ. *В. А.*

Ноябрь. Новыя свѣдѣнія о майской катастрофѣ на о. Мартиникѣ. *Ф. Л. Л.*—Сыворотка, убивающая сердце. *П. Ю. Ш.*—Сывороточное леченіе скарлатины.—О способахъ распространенія чумы.—Оспопрививаніе и коклюшъ.—Полученіе азотной кислоты изъ воздуха. *В. Аг.*

Декабрь. Международные конгрессы: физіологовъ, сейсмологовъ и аэронавтовъ. *В. А.*

стр

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

При этомъ № разсылаются объявленія: 1) Журнала „Вѣстникъ Воспитанія“ 2) Журнала „Дѣтское Чтеніе“.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ редакціи: Разъѣзжая, 7 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. В Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія лині и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, сна жены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, каку авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ плат назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по повод ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, не принятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ тольк по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученi отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адре самъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобам на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благово лятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваг Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученi слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и пр высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходим прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 25 числа каждаг мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачиваетс 80 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адрес на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссі и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

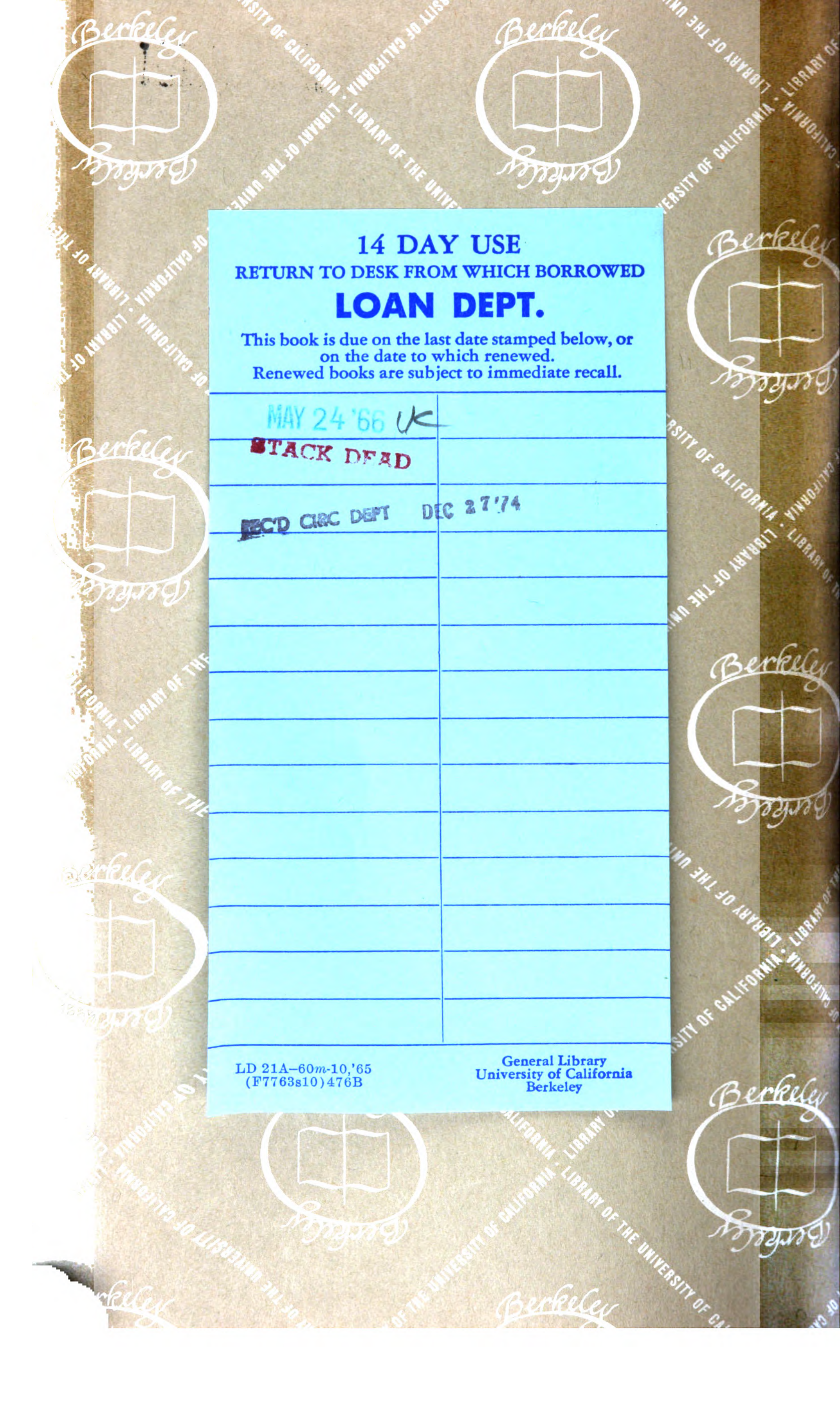
Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час. *кромѣ праздничныхъ дней*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ



U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042637042